

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ПАТРІАРХЪ

И ЕГО ВЛАСТЬ

НАДЪ

РУССКОЮ ЦЕРКОВІЮ.

М. Барсова,

Экстраординарнаго профессора Слб. Духовнои Академіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. А. Ремезова, Средняя Мѣщанская, № 20.

1878.

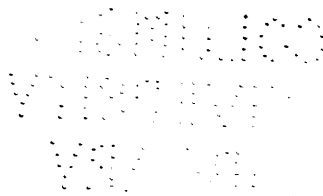
947.03

В 286

2328С

Печатать дозволяется, по опредѣленію Совета С.-Петербургской Духов-
ной Академіи, 22 марта 1878 г.

Ректоръ академіи, Протоірей Іоаннъ Яншинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНИЕ. Предметъ и задача изслѣдованія.

ГЛАВА I. Учрежденіе константинопольскаго патріаршества. Происхожденіе и употребленіе имени „патріархъ“ въ христіанской церкви. Происхожденіе правъ и преимуществъ патріаршаго сана. Смысль 6 канона никейскаго, I вселенскаго собора и его опредѣленіе. Смысль 2 канона константинопольскаго, II вселенскаго собора и его опредѣленіе. Различіе между званіемъ еписархъ и патріархъ въ христіанской церкви. Возвышеніе константинопольской каеодры. 3 канонъ константинопольскаго, II вселенскаго собора. Преимущества, предоставленныя этимъ канономъ константинопольскому іерарху. Причины возвышенія константинопольской каеодры. Противодѣйствіе Рима и Александріи этому возвышенію. Проблески неудовольствія на это возвышеніе на халкидонскомъ соборѣ. 28 халкидонскій канонъ. Опредѣленіе этого канона. Преимущества, предоставленныя этимъ канономъ константинопольской каеодрѣ. 9 и 17 халкидонскіе каноны и предоставленныя ими преимущества константинопольской каеодрѣ. Протестъ папскихъ легатовъ на халкидонскомъ соборѣ противъ 28 канона. Безуспѣшность этого протеста . . . . . Стр. 1—69.

ГЛАВА II. Утвержденіе и расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и его каеодры. Посланія халкидонскихъ отцовъ, Анатолія константинопольскаго и императора Маркіана къ папѣ Льву великому о принятіи халкидонскихъ опредѣленій. Отвѣты папы на эти посланія. Возраженія папы противъ преимуществъ константинопольскаго іерарха и его каеодры. Послѣдствія этихъ возраженій. Законъ императора Зенона въ пользу преимуществъ константинопольской каеодры. Дѣйствія константинопольскаго патріарха Авакія въ пользу возвышенія его каеодры. Участіе его въ дѣлахъ антиохійской и александрійской каеодрѣ. Противодѣйствіе преемниковъ Льва великаго, папъ—Феликса и Геласія расширенію преимуществъ константинопольской каеодры. Возраженія папы Геласія. Сужденіе объ этихъ возраженіяхъ и безуспѣшность ихъ. Утвержде-

ніе преимуществъ константинопольской каеодры законами Юстиніана. 36 канонъ трульскаго собора и его опредѣленіе. Опредѣленіе константинопольскаго собора 879 г. о преимуществахъ константинопольской каеодры. Проектъ восточнаго приматства. Посольство грековъ въ Римъ съ просьбою о признаніи равноправности и равночестности константинопольскаго іерарха съ римскимъ. Безуспѣшность этого посольства. Возраженія папы Льва IX противъ преимуществъ константинопольской каеодры. Безуспѣшность этихъ возраженій. Вліяніе споровъ о преимуществахъ каеодръ римской и константинопольской на раздѣленіе церквей. Послѣдствія этого раздѣленія въ отношеніи къ вопросу о преимуществахъ римскаго и константинопольскаго іерарховъ. Запѣчаніе о современномъ положеніи константинопольскаго патріарха на востокѣ. Слѣды претензій римскаго абсолютизма на подчиненіе своей власти христіанскаго востока и въ частности константинопольской каеодры. Существованіе константинопольскихъ патріарховъ при пауской каеодрѣ. Сужденіе о возвышеніи константинопольской каеодры сравнительно съ римскою. Значеніе этого возвышенія. . . . Стр. 70—142.

ГЛАВА III. Усвоеніе константинопольскому патріарху титла „все-ленскій“. Усвоеніе этого титла, какъ почетнаго наименованія, римскому и константинопольскому іерархамъ. Утвержденіе этого титла за константинопольскими іерархами. Протестъ папы Пелагія II и Григорія великаго противъ употребленія этого титла константинопольскими патріархами. Споры изъ за этого титла между Григоріємъ великимъ и Іоанномъ Постникомъ. Безуспѣшность возраженій папы противъ этого титла. Переписка папы Григорія съ преемникомъ Постника—Кириакомъ. Непреклонность Кириака и продолженіе тѣхъ же споровъ при императорѣ Фокѣ. Законъ императора Фоки въ пользу преимуществъ римской каеодры. Смыслъ этого закона. Безуспѣшность вліянія этого закона на сравненіе преимуществъ константинопольской каеодры съ римскою. Присвоеніе себѣ римскими папами титла „вселенскій“ и осужденіе ими употребленія этого титла константинопольскими патріархами. Пониманіе титла вселенскій римскими папами. Пониманіе того же титла греческими писателями. Значеніе усвоеннаго константинопольскому патріарху титла вселенскій . . . . Стр. 143—183.

ГЛАВА IV. Права и преимущества константинопольскаго патріарха. Общій взглядъ на права и преимущества константинопольскаго патріарха сравнительно съ прочими. Постановленіе элоги Льва Исавра и Константина Копронима объ этомъ предметѣ. Права константинопольскаго патріарха, какъ высшаго предстоятеля на востокѣ. Право высшаго церковнаго управленія. Право высшаго суда по всему востоку. Законъ императора Юстиніана объ этомъ правѣ. Различныя пониманія этого закона и его смыслъ.

Право ставропигии. Попытки къ ограниченію этого права. Дѣйствіе его. Права константинопольскаго патріарха, какъ правителя отдѣльнаго, церковнаго округа. Право высшаго надзора въ подчиненномъ ему округѣ. Обнаруженія этого права. Право утвержденія и поставленія митрополитовъ и архіепископовъ округа. Послѣдствія обнаруженія этого права. Право высшаго и окончательнаго суда по всему округу. Примушества, предоставленныя государственною властію константинопольскому патріарху, какъ іерарху столицы, вообще въ церковныхъ дѣлахъ и въ частности въ отношеніи къ инопархіальнымъ клирикамъ. Признаки покорности патріарху какъ всего духовенства округа, такъ и старѣйшихъ его предстоятелей. Избраніе и поставленіе константинопольскаго патріарха. Сужденіе на основаніи принадлежавшихъ константинопольскому патріарху правъ и преимуществъ объ его положеніи въ церкви . . . . . Стр. 184—234.

ГЛАВА V. Патріаршій синодъ и ближайшіе помощники патріарха по управленію. Общая соборная форма областнаго и окружнаго управленія. Образованіе „*σύνδος ἐνδημοῦσα*“ при константинопольскомъ патріархѣ. Значеніе этого синода и отношеніе его къ патріарху. Составъ присутствія патріаршаго синода. Присутствіе въ патріаршемъ синодѣ патріаршихъ сановниковъ и сужденіе объ этомъ. Присутствіе государственныхъ сановниковъ. Присутствіе самихъ императоровъ. Назначеніе патріаршаго синода, его дѣятельность и права. Созваніе синода и порядокъ обсужденія въ немъ дѣлъ. Акты и протоколы синодскіе. Канцелярія патріаршаго синода. Потребность единоличныхъ органовъ управленія при каедрѣ константинопольскаго патріарха. Сановники патріарха и высшіе изъ нихъ—эксокатакилы. Назначеніе ихъ и преимущества. Составъ эксокатакиловъ. Великій эконоомъ. Происхожденіе должности эконома въ христіанской церкви и появленіе ея при константинопольской каедрѣ. Права и обязанности великаго эконома. Великій сакелларій. Занятія его должности и кругъ обязанностей. Великій скевофилаксъ, его обязанности. Великій хартофилаксъ. Особенное значеніе этой должности при константинопольскомъ патріархѣ. Права и обязанности лицъ этой должности. Сакеллій, его занятія. Протекдикъ. Происхожденіе должности экдиковъ въ христіанской церкви. Существованіе ея при константинопольской каедрѣ. Права и занятія протекдика. Секреты эксокатакиловъ. Малый и большой секретъ патріарха. Дѣлопроизводители патріаршаго секрета. Протонотарій, его обязанности. Логоееть, его занятія. Канстризій, его права. Референдарій, его назначеніе. Ипомниатографъ, его должность. Общее замѣчаніе о значеніи этихъ чиновъ при патріархѣ. Общее замѣчаніе о значеніи патріаршаго синода и ближайшихъ помощниковъ патріарха по управленію. Экзархи, назначеніе этой должности и ея занятія . . . . . Стр. 235—295.

ГЛАВА VI. Утвержденіе христіанской церкви въ русскомъ государствѣ и ея зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Первые начатки христіанской вѣры въ русскомъ государствѣ при кievскихъ князьяхъ—Аскольдѣ и Дирѣ. Размноженіе христіанъ въ Россіи въ княженіе Игоря. Сужденіе объ іерархіи русскихъ въ это княженіе. Княженіе св. Ольги. Отношеніе этого княженія къ вопросу объ утвержденіи христіанской церкви въ русскомъ государствѣ. Принципъ вѣротерпимости, дѣйствовавшій въ княженіе Святослава. Расположенность къ христіанамъ Ярополка. Первые года княженія Владимира. Безуспѣшность попытки Владимира подавить христіанство. Общее сужденіе о положеніи христіанъ въ русскомъ государствѣ до принятія Владимиромъ христіанской вѣры. Составные моменты принятія Владимиромъ христіанской вѣры. Походъ на Корсунь, какъ прологъ къ акту окончательнаго утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ. Побужденія, заставившія Владимира идти войною на Корсунь, чтобы принять тамъ крещеніе. Принадлежности христіанской церкви, вывезенныя Владимиромъ изъ Корсуни, и первые начатки ея въ Россіи. Начало собственной іерархіи въ русской церкви. Источное начало и каноническое достоинство этой іерархіи. Происхожденіе іерархіи русской церкви отъ—греческой. Полное и окончательное устройство іерархіи русской церкви. Первая русская іерархія была прибывшій въ Россію, Корсунскій клиръ съ митрополитомъ во главѣ. Недостаточность этой іерархіи для полнаго насажденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ, и посольство Владимира въ Царьградъ съ просьбою объ іерархіи. Замѣчаніе о названіи первой русской іерархіи—фотіевскою. Основанія для зависимости русской церкви отъ конст. патріарха. Стр. 296—366.

ГЛАВА VII. Русская церковь, какъ митрополія константинопольскаго патріархата, и ея наеэдра. Свидѣтельства греческихъ и русскихъ источниковъ о началѣ русской митрополіи. Русская митрополія не была правъ митрополіи—экзархіи. Каноническій принципъ раздѣльности русской церкви въ смыслѣ епархіи константинопольскаго патріархата. Нарушенія этого принципа. Попытка Андрея Боголюбскаго къ раздѣленію русской церкви и основанію отдѣльной митрополіи во Владимірѣ. Попытка волынскаго князя основать митрополію въ Галичѣ. Открытіе и закрытіе галицкой митрополіи. Учрежденіе галицкой митрополіи. Послѣдующая ея судьба. Учрежденіе литовской митрополіи. Дальнѣйшая судьба этой митрополіи. Соединеніе литовской и русской митрополій подъ властію одного митрополита. Поставленіе западно-русскими епископами особаго для себя митрополита. Возсоединеніе русской церкви подъ властію одного митрополита. Раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи. Причины этого раздѣленія. Предѣлы восточно-русской и западно-русской митрополій. Первое мѣстопробываніе

русскихъ митрополитовъ и ихъ каѳедра—Кіевъ. Переселеніе русскихъ митрополитовъ во Владиміръ и Москву. Притязанія на Кіевъ, какъ каѳедру русской митрополіи, со стороны литовскихъ митрополитовъ. Положеніе Кіева, какъ каѳедры русской митрополіи, послѣ ея раздѣленія. Мѣстопробываніе западно-русскихъ митрополитовъ. Возстановленіе значенія Кіева, какъ древней каѳедры русской митрополіи. Сужденіе объ этихъ перевѣнахъ. стр. 367—442.

ГЛАВА VIII Русскіе митрополиты и ихъ зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Право поставленія константинопольскимъ патріархомъ русскаго митрополита. Основанія этого права и сужденіе о нихъ. Практика патріаршаго права поставленія русскихъ митрополитовъ. Опыты поставленія русскихъ митрополитовъ соборомъ русскихъ іерарховъ и сужденіе о нихъ. Измѣненія практики патріаршаго права поставленія русскихъ митрополитовъ. Русскіе митрополиты, избранные въ Россіи, но поставленные въ Константинополѣ. Сужденіе объ этомъ явленіи. Отношенія константинопольскаго патріарха и князей въ дѣлѣ поставленія и принятія митрополитовъ. Сужденіе о митрополитахъ, приславшихся въ Россію изъ Константинополя. Поставленіе Іоны митрополитомъ соборомъ русскихъ іерарховъ и сужденіе объ этомъ событіи. Приобрѣтеніе русскою церковію права поставлять митрополитовъ соборомъ мѣстныхъ епископовъ. Поставленіе западно-русскихъ митрополитовъ по отдѣленіи западно-русской митрополіи отъ восточной и до подчиненія ихъ московскому патріарху. Права судебной власти константинопольскаго патріарха надъ русскими митрополитами. Опыты обнаруженія этой власти въ случаяхъ обвиненій на митрополитовъ; споровъ и несогласій ихъ между собою; жалобъ и обвиненій на нихъ со стороны князей; неудовольствій на нихъ подчиненныхъ епископовъ и собственной паствы и споровъ митрополита съ подчиненными епископами о предѣлахъ управленія. Зависимость русскихъ митрополитовъ отъ константинопольскаго патріарха вообще относительно управленія ихъ своими предѣломъ. Подчиненное отношеніе русскихъ митрополитовъ къ константинопольскому патріарху. Огражденіе патріаршихъ правъ подчиненныхъ имъ митрополитовъ. Общее сужденіе о зависимости русскихъ митрополитовъ отъ константинопольскаго патріарха. . . . . Стр. 443—543.

ГЛАВА IX. Участіе константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви. Общій взглядъ на это участіе. Участіе патріарха въ поставленія русскихъ епископовъ и предоставленіи имъ извѣстныхъ преимуществъ. Участіе константинопольскаго патріарха въ насажденія и утвержденія дисциплины и порядковъ церковнаго управленія. Споры о постѣ въ среду и пятокъ и участіе въ нихъ патріарха. Посланіе патріарха Германа къ русскому митрополиту и епископамъ о непоставленіи рабовъ. Уча-

стіє патріарха въ обращеніи стригольниковъ отъ заблужденія и прекращеніи ихъ ереси. Участіє патріарха въ устройствѣ дѣль галицкой митрополіи. Участіє патріарха въ устройствѣ западно-русской митрополіи. Мѣры и распоряженія, предпріятыя для этой цѣли. . . . Стр. 544—567.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. Общее сужденіе о зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Освобожденіе восточно-русской митрополіи отъ зависимости константинопольскаго патріарха. Обстоятельства, при которыхъ совершилось это освобожденіе и послѣдствія его. Освобожденіе западно-русской митрополіи отъ зависимости константинопольскаго и подчиненіе ея московскому патріарху . . . . Стр. 568—578.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ „о константинопольскомъ патріархѣ и его власти надъ русскою церковію“ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ предметовъ науки православнаго Церковнаго права вообще и русскаго—въ особенности. Въ первой половинѣ этого вопроса заключается сущность развитія системы церковнаго управленія на востокѣ христіанской церкви; въ послѣдней—содержатся первичныя основанія управленія русской отечественной церкви. Между тѣмъ наша отечественная и вообще православная каноническая литература, бѣдная изслѣдованіями по вопросамъ своей спеціальности, не представляетъ и сочиненія, посвященнаго настоящему предмету.

Въ западной, особенно католической литературѣ существуютъ изслѣдованія, въ которыхъ въ связи съ разсужденіемъ о власти и правахъ римскаго іерарха затрогиваются и стороны вопроса о константинопольскомъ патріархѣ, какъ старѣйшемъ предстоятелѣ православнаго востока; но эти изслѣдованія, будучи написаны по масштабу католическихъ возрѣній на власть римскаго первосвященника и съ мыслию оправдать главенство папы надъ всею церковію и превосходство римскаго іерарха предъ константинопольскимъ, содержатъ неправильныя и даже превратныя сужденія о власти константинопольскаго іерарха и правахъ его кафедръ. Это обстоятельство, дѣлая названныя изслѣдованія бесполезными для восполненія указаннаго пробѣла православной канонической литера-

туры и не пригодными для православнаго читателя ¹⁾), естественно располагаетъ къ мысли разсмотрѣть вопросъ о константинопольскомъ патріархѣ съ православно-канонической точки зрѣнія и въ духѣ православнаго церковнаго права. Этотъ трудъ мы и принимаемъ на себя съ мыслию освѣтить православно-каноническимъ пониманіемъ административныя стороны избраннаго предмета и ознакомить православнаго читателя съ истинными основаніями и дѣйствительнымъ развитіемъ власти, правъ и преимуществъ константинопольскаго патріарха, какъ старѣйшаго предстоятеля православнаго востока.

Остановливаясь по этимъ побужденіямъ и съ этими мыслями на первой половинѣ нашего вопроса—«о константинопольскомъ патріархѣ», мы связываемъ съ нею и другую—«о власти того же патріарха надъ русскою церковію». Эта половина, дополняя первую, содержитъ стороны уже дѣйствительнаго примѣненія власти, правъ и преимуществъ константинопольскаго патріарха и притомъ въ отношеніи къ церкви нашего отечества, которая нѣкоторое время принадлежала къ управленію константинопольскаго патріархата. Въ трудахъ по исторіи русской церкви затрогивается эта сторона вопроса ²⁾; но мы поставляемъ задачею прослѣдить церковно-правительственныя отношенія и разъяснить церковно-юридическія основанія и обнаруженія власти константинопольскаго

¹⁾ Въ такомъ духѣ, между прочимъ, написано сочиненіе: *De praerogativa oecumenicae nomenclationis, et potestatis Romani pontificis a Constantinopolitanis praesulibus usurpata historica dissertatio*, auctore Antonio Vaira Veneto, in Archigymnasio Patavino Primario Sacrorum Canonum Antecessore. Patavii. 1704 г. Въ немъ авторъ относительно константинопольскаго патріарха касается усвоенія ему „тита вселенскій“ и объясняетъ это усвоеніе въ смыслѣ посягательства (*usurpatio*) константинопольскихъ патріарховъ на главенство и власть надъ всею церковію, которыя по праву принадлежатъ римскому первосвященнику и которыми папы всегда пользовались въ христіанской церкви. Раскрытіе этихъ мыслей и составляетъ предметъ исторической диссертациі Вайры, которая отличается крайностію проводимыхъ въ ней воззрѣній и отсутствіемъ каноническаго матеріала для нашего предмета.

²⁾ Кромѣ трудовъ преосвящ. Макарія и Филарета по исторіи русской церкви,

патріарха, какъ высшаго правителя русской церкви.

Такимъ образомъ, научное значеніе нашего труда въ той и другой половинѣ его предмета опредѣляется тѣмъ, что мы имѣемъ въ виду, для восполненія пробѣла православной науки церковнаго права вообще и русскаго — въ особенности, на основаніи православно-каноническаго пониманія данныхъ исторіи, законодательства, практики, представить образъ константинопольскаго патріарха, какъ старѣйшаго предстоятеля и главнаго правительственнаго органа на востокѣ христіанской церкви, и разъяснить обнаруженія его власти въ отношеніи къ русской отечественной церкви въ періодъ ея зависимости отъ него. Рѣшая нашу задачу, по отношенію къ первой половинѣ вопроса, мы постараемся раскрыть возникнове-кіе патріаршей власти въ христіанской церкви и, въ частности, основанія учрежденія константинопольскаго патріаршества и другія входящія въ составъ этого учрежденія стороны, какъ то: расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и возвеличеніе его каѳедры, особыя отличія этого іерарха въ ряду другихъ патріарховъ и возвеличеніе его каѳедры среди прочихъ, положеніе того же іерарха и его каѳедры на востокѣ христіанской церкви, составъ управленія константинопольскаго патріарха. Эти стороны, бывъ раскрыты и сведены вмѣстѣ, дадутъ желательное представленіе о положеніи, правахъ и власти константинопольскаго патріарха, какъ старѣйшаго предстоятеля православной церкви. Раскрывая нашъ предметъ во второй его половинѣ, мы покажемъ утвержденіе христіанской церкви въ русскомъ государствѣ и образованіе полной іерархіи, какъ главнаго

въ которыхъ затрогиваются и стороны отношеній константинопольскаго патріарха къ русской церкви, въ русской литературѣ существуетъ разсужденіе А. Зернина: „Объ отношеніи константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи“ (С. П. Б. 1846 г.); но эта брошюра, по многимъ причинамъ, не можетъ быть названа научнымъ изслѣдованіемъ разсматриваемаго ею предмета.

признака насажденія Христовой церкви. Раскрытіе этихъ предметовъ объяснить причины, по которымъ возникла, и основанія, на которыхъ утвердилась власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію. Дальнѣйшее изслѣдованіе будетъ посвящено разсмотрѣнію тѣхъ обнаруженій, въ которыхъ проявлялась власть константинопольскаго патріарха, какъ высшаго правителя русской церкви, бывшей одною изъ епархій константинопольскаго патріархата. Разсматривая эти обнаруженія, мы будемъ касаться по преимуществу тѣхъ фактовъ изъ жизни отечественной церкви, которыя отпечатывали на себѣ присутствіе правъ константинопольскаго патріарха, какъ высшаго ея правителя, и которыя ближайшимъ образомъ относились къ области высшаго церковнаго управленія.

Предполагая изслѣдовать обѣ половины нашего вопроса въ ихъ взаимномъ соотношеніи, мы естественно тѣмъ самымъ обязываемся окончить наше изслѣдованіе на томъ моментѣ, когда сформировались всѣ нормы отношеній константинопольскаго патріарха и его власти на почвѣ православнаго византійскаго законодательства, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось освобожденіе русской церкви отъ его зависимости. Исторически этотъ моментъ упадетъ на завоеваніе Константинополя турками (1453); но мы не прервали нашего изслѣдованія на этомъ моментѣ по отношенію къ западно-русской митрополіи, только потому, что она слишкомъ два столѣтія продолжала состоять въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, послѣ того, какъ восточно-русская митрополія, или церковь русскаго государства освободилась отъ его власти.

ГЛАВА I.

Учрежденіе константинопольскаго патриаршества.

Патріархъ отъ греческаго *πατριάρχης*, по различію словопроизводства, означаетъ или главу и начальника отцовъ (отъ *πατέρες ἄρχων*) ¹⁾, или главу и начальника поколѣнія (отъ *πατρίης ἄρχων*) ²⁾. Въ ветхомъ завѣтѣ, именно въ переводѣ LXX этимъ именемъ переведено еврейское *Rosché-Aboth*, означающее князя племени, или начальника отечества ³⁾. Въ новомъ завѣтѣ имя патріархъ приложено ко всѣмъ сыновьямъ Іакова ⁴⁾, къ царю-пророку Давиду ⁵⁾ и наконецъ Апостоль Павелъ Авраама называетъ патріархомъ ⁶⁾. Въ исторіи этимъ именемъ назывались іудейскіе начальники, которые, явившись послѣ разрушенія Іерусалима и по разсѣяніи іудеевъ, имѣли свое пребываніе въ знаменитѣйшихъ городахъ: въ Тиверіадѣ и Вавилонѣ и служили центрами объединенія іудеевъ. На имя одного изъ такихъ патріарховъ императоръ Адріанъ писалъ письмо, въ которомъ называлъ его патріархомъ александрійскимъ ⁷⁾. Это названіе безъ всякаго другаго основанія подало Салмазію поводъ утверждать, что здѣсь разумѣтся патріархъ александрійскій ⁸⁾. Объ этихъ іудейскихъ патріархахъ упоминаютъ

¹⁾ Gabriel Severus apud Schelstratum, Acta Orientalis ecclesiae. t. I, pag. 320.

²⁾ Suiceri, Thesaurus ecclesiasticus. Amstelaedam. t. II, pag. 638.

³⁾ 1 Парал., 9 гл., 9 ст., 24 гл., 31 ст., гдѣ еврейское переведено: ἄρχοντες πατρῶν, а въ 2 Парал., 13 гл., 3 ст., 26 гл., 12 ст.: τῶν πατριάρχων.

⁴⁾ Дѣян. гл. VII, ст. 8 и 9. ⁵⁾ Дѣян. гл. II, ст. 29. ⁶⁾ Евр. гл. VII, ст. 4.

⁷⁾ Bingam, Origines aut Antiquit. ecclesiast. t, II, pag. 234.

⁸⁾ Salmasius, De primatu Papae. cap. IV, pag. 43. сн. Bingam. ibid. pag. 234.

отцы и писатели церкви ¹⁾. По существу этих упоминаний и других свѣдѣній слѣдуетъ заключить, что іудейскіе патріархи, имѣя подъ своею властію другихъ правителей, были начальниками іудеевъ, разсѣянныхъ въ предѣлахъ римскаго и персидскаго государствъ, и считались отдаленными потомками Іуды и Давида. Къ этому необходимо прибавить, что сообщаемыя свѣдѣнія относятся преимущественно къ начальнику палестинскихъ іудеевъ, который имѣлъ пребываніе въ Тиверіадѣ и носилъ еврейское наименованіе „Nassi“, въ переводѣ грековъ и римлянъ „патріархъ“, означавшее религіознаго главу всего еврейскаго народа ²⁾. Императоръ Гонорій закономъ отъ 11 апрѣля 399 г. запретилъ было, но закономъ отъ 25 іюля 404 г. снова дозволилъ подданнымъ западной половины имперіи изъ еврейскаго народа собирать подати въ пользу Тиверіадскаго патріарха. Императоръ Аркадій въ свою очередь закономъ отъ 3 февраля 404 г. подтвердилъ іудейскому патріарху его привилегіи ³⁾; между тѣмъ преемникъ его императоръ Θεодосій младшій постановилъ, чтобы вмѣсто патріарха въ каждой провинціи была учреждена должность примата, повелѣлъ, чтобы и тѣ подати, которыя іудеи собирали въ пользу патріарха, вносились въ государственную казну ⁴⁾. Іудейскіе патріархи прекратились въ 425 г. ⁵⁾.

Отъ іудейскихъ патріарховъ ⁶⁾, а равно и будучи заимствовано изъ Св. писанія ⁷⁾, имя патріархъ перешло къ христіанамъ, но оно первоначально явилось въ средѣ ерети-

¹⁾ Cyrillus Hierosolym. Opera, pag. 156—157. Catechum. XII n VII. Eriphanus, Opera. Adversus Haereses t. II, lib. 1. Haeres XXX. n. VI pag. 127—128. Origines, Περὶ ἀρχῶν lib. IV, cap. 1.

²⁾ Cod. Theod. lib. 16 tit. 8, 1. 28, tit. 9, 1. 3.

³⁾ Ibid. lib. 16, tit. 8, 1. 15—18, 21, 22. 25—27, 29.

⁴⁾ Ibid. lib. 16, tit. 9. 1. 45.

⁵⁾ Novel. Théod. 3, Pichler, Geschichte d. Kirchl. Trennung zwischen d. Orient u. Occid, t. 11, pag. 612.

⁶⁾ Beveregius. Synodicon, sive Pandectae canonum. t. 11. Anotationes in canon. concil. nicaen. pag. 52, n 1.

⁷⁾ Малиновскій, Истор. разсуд. о чинахъ Грекор. церкви, стр. 25.

ковъ монтанистовъ, или фриговъ ¹⁾, которые этимъ именемъ называли старѣйшихъ своихъ руководителей. „У насъ, замѣчаетъ блаж. Иеронимъ, мѣсто апостоловъ занимають епископы, у нихъ же, монтанистовъ, епископъ есть третій, такъ какъ первыми они считаютъ патріарховъ изъ Пелузы фригійской, вторыми — ценоновъ, а епископамъ отводятъ третье, т. е. почти послѣднее мѣсто“ ²⁾.

Въ христіанской церкви имя патріархъ начинаетъ встрѣчаться съ IV вѣка. Первоначально св. Григорій Богословъ въ своей рѣчи къ отцамъ константинопольскаго собора называлъ патріархами епископовъ, подвизавшихся за вѣру и исповѣданіе Никейскаго символа при императорѣ Констанціи; равнымъ образомъ онъ и своего отца, бывшаго епископомъ незначительнаго мѣстечка Назіанзы, называлъ тѣмъ же именемъ ³⁾. Подобно св. Григорію Богослову, св. Григорій Нисскій въ похвальномъ словѣ Мелетію антиохійскому, говоренномъ предъ отцами того же константинопольскаго собора, также называлъ патріархами подобныхъ Мелетію епископовъ ⁴⁾. Около половины V в., именно у церковнаго историка Сократа, который писалъ свою исторію около 440 г., на одиннадцать лѣтъ ранѣе халкидонскаго собора имя патріархъ въ первый разъ употреблено для обозначенія начальствующихъ лицъ церковной администраціи. Этимъ именемъ Сократъ называлъ старѣйшихъ митрополитовъ, между которыми, по его словамъ, были раздѣлены и которымъ были ввѣрены особые церковные округа для управленія ⁵⁾. Спустя восемь лѣтъ послѣ Сократа, императоръ Θεодосій младшій въ отвѣтномъ письмѣ отъ 449 г. къ императору Валентиніану, своему соправителю на западѣ, по вопросу о созваніи вселенскаго собора, называлъ папу Льва благочести-

¹⁾ Bingam. t. 11, pag. 237, § V.

²⁾ Hieronim, Epist. 64 ad Marcellum сн. Le Quien, Oriens christ. t. 1. pag. 3. n 3.

³⁾ Gregor. Nazianz orat. 19. 42.

⁴⁾ Le Quien, Oriens christianus, t. I, pag. 3—4 и IV.

⁵⁾ Socrat. H. E. lib. V, cap. 8, см. по русск. перев. стр. 396.

вѣйшимъ патріархомъ ¹⁾). На халкидонскомъ соборѣ присутствовавшіе на немъ императорскіе сановники называли духовныхъ представителей діоцезовъ „святѣйшими патріархами округа ²⁾“. Равнымъ образомъ сами отцы собора именовали папу Льва „патріархомъ“ ³⁾ и „архіепископомъ“ ⁴⁾). Послѣ халкидонскаго собора имя патріархъ становится отличительнымъ названіемъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви, а именно іерарховъ Рима, Константинополя, Александріи, Антиохіи и Іерусалима.

Изъ этихъ, правда, не многихъ примѣровъ видно, что имя патріархъ, извѣстное еще въ Св. Писаніи, вошло въ христіанскую церковь, и первоначально употреблялось въ послѣдней въ смыслѣ почетнаго наименованія для выраженія уваженія къ извѣстному лицу епископскаго сана ⁵⁾, впослѣдствіи это имя вмѣстѣ съ выраженіемъ уваженія стало употребляться и для обозначенія извѣстныхъ преимуществъ власти старѣйшихъ митрополитовъ христіанской церкви и въ особенности римскаго іерарха. Послѣднее значеніе слово „патріархъ“ начало получать

¹⁾ Mansi, Sacrorum Conciliorum collectio t. VI, pag. 68: Παρὰ Λέοντος τοῦ εὐλαβεστάτου πατριάρχου.

²⁾ Въ началѣ второго засѣданія халкидонскаго собора, когда предстояло изслѣдовать вопросъ о вѣрѣ, славнѣйшіе сановники и высшій сенатъ предложили: εἰ δοκεῖ τῇ βουλῆσιν εὐλαβεῖσθαι, οἱ ὁσώτατοι Πατριάρχαι διοικήσεως ἐκάστης ἐπιτελέσμενοι ἕνα, ἢ δεύτερον и т. д., т. е. если угодно вашему благочестію, пусть святѣйшіе патріархи каждаго округа изберутъ по одному или по два изъ округа съ тѣмъ, чтобы они вышли на средину и соборно разсудили о вѣрѣ (Mansi, t. VI, pag. 953, см. дѣян. всел. собор. въ русск. пер., т. IV, стр. 510—511).

³⁾ Осуждая Диоскора и возхваляя вѣру Льва отцы возглашали: Λέοντος πολλὰ τὰ ἔτη πατριάρχου πολλὰ τὰ ἔτη (Mansi, t. VI, pag. 909, см. дѣян. всел. собор. по русск. пер. кв. III, стр. 465).

⁴⁾ Въ своемъ посланіи къ папѣ отцы именовали Льва: «τῷ ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ τῆς Ῥωμαίων ἀρχιεπισκόπῳ Λέοντι». (Mansi, t. VII, pag. 473, см. дѣян. всел. собор. въ русск. пер. т. IV, стр. 398).

⁵⁾ Herzog. Real-Encyclopädie, t. XI, pag. 200. И впослѣдствіи времени въ знакъ почета и уваженія какъ областныхъ митрополитовъ, такъ и экзарховъ округовъ иногда называли патріархами. Такъ соборъ тирскій (518 г.) митрополита этого города Епифанія называлъ «патріархомъ» (Mansi, t. VIII, pag. 1082—1092). Теодоръ Чиець павскаго Викарія, Фессалоникскаго архіепископа, именуетъ „патріархомъ“. (Hergeng. t. I, pag. 144. not. 240).

около времени халкидонского собора, а послѣ этого собора сдѣлалось отличительнымъ наименованіемъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви, представлявшихъ собою главныхъ ея правителей или начальниковъ, какъ то: іерарховъ Рима, Константинополя, Александріи, Антиохіи и Іерусалима ¹⁾). Такимъ образомъ: патріархами въ христіанской церкви именуются старѣйшіе іерархи, сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ высшую церковную власть.

Происхожденіе правъ и преимуществъ власти, связанныхъ съ саномъ патріарха, а равно и учрежденіе патріаршества, какъ особой системы церковнаго управленія, опредѣляютъ различно.

Одни думаютъ отнести начало патріаршества къ временамъ апостоловъ, которые будто бы сами раздѣлили предѣлы церковнаго управленія, и въ частности связать это учрежденіе съ именемъ апостола Петра, который, основавъ антио-

---

¹⁾ О наименованіи каждаго изъ этихъ іерарховъ Вальсамонъ пишетъ: каждому изъ нихъ усвоено особое названіе; римскій епископъ издревле по отеческому преданію именуется папою, равно какъ и александрійскій; но константинопольскій и іерусалимскій называются архіепископами, только антиохійскій именуется патріархомъ. Различіе этихъ наименованій, поясняетъ тотъ же Вальсамонъ, произошло отъ различія языка, изъ котораго они заимствованы, а не отъ различія достоинствъ, такъ что всѣ они называются общимъ именемъ патріархи. (Σύνταξ. τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κατὰ τὴν ἰβ. pag. 550—552). Относительно пятеричнаго числа патріарховъ, тотъ же Вальсамонъ говоритъ: „какъ при единой главѣ считаются и не раздѣляются пять чувствъ, такъ точно пятернца патріарховъ, признаваемыхъ христіанскимъ народомъ пользуется равною честью... Какъ Богъ благоволилъ, чтобы жизнь человѣческая была управляема пятью чувствами, изъ коихъ каждое хотя ограничено особою сферою дѣятельности, но не отдѣляется отъ другихъ... такъ точно мудро, правильно и нерушимо устроена и пятерница патріарховъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ особо назначенной для него области“ и т. д. Вообще по ученію Вальсамона пятеричное число патріарховъ установлено въ видахъ уподобленія и соответствія тѣла церкви организму человѣческому. Нужно прибавить, что мысль объ управленіи церкви только и необходимо пятью патріархами, какъ бы пятью чувствами является основною какъ у Вальсамона, такъ и у другихъ писателей (ibid. pag. 408—409, 548 — 540, 543 — 554. Leo Allat, de ecclesiae occident. atque orient. perpetua consens. lib. 1, cap. 16 pag. 228—240, cap. 17 pag. 255. Hergenr. Photius, Patriarch von Constantinopel. t. 11 pag. 132 — 138).

хійскую церковь, учредилъ въ ней и патріаршую кафедру, равно положилъ основаніе и патріаршимъ кафедрамъ Рима и Александріи.¹⁾ Другіе, опровергавшіе это мнѣніе и основывавшіеся не на какомъ либо общемъ памятникѣ христіанской церкви, а на подложныхъ посланіяхъ первыхъ папъ, полагаютъ, что патріаршество явилось въ христіанской церкви послѣ вѣка апостольскаго, но не много ранѣе никейскаго собора, такъ какъ къ изложенію этимъ соборомъ 6 пр. подали поводъ не другія какія либо причины, какъ высокоуміе патріарховъ и ихъ пререканія и несогласія относительно первенства²⁾. Нѣкоторые ученые окончательное учрежденіе патріаршества, какъ извѣстной системы церковнаго управленія, относятъ ко времени II вселенскаго, константинопольскаго собора, концы были раздѣлены церковные округа³⁾. Вальсамонъ, объясняя 6 пр. никейскаго, вселенскаго собора, выразилъ мысль, что патріаршество установлено на этомъ соборѣ, когда именно указаны предѣлы управленія высшихъ іерарховъ,⁴⁾ между тѣмъ какъ тотъ же Вальсамонъ въ разсужденіи „о патріаршескихъ правахъ“ учрежденіе патріаршества возводитъ ко времени апостоловъ и какъ бы связываетъ его съ именемъ апостола Петра, когда говоритъ: „прежде всѣхъ патріарховъ св. апостоломъ Петромъ былъ рукоположенъ Еводій антиохійскій, за тѣмъ не много спустя, св. Маркъ для Александріи, св. Іаковъ для Іерусалима и св. Андрей для Фракіи“.⁵⁾ Константинопольскій патріархъ Нилъ въ своей граматѣ (1382) Фессалоникскому митрополиту категорически выражаетъ мысль, что апостольскіе каноны т. е. первыя церковныя постановленія не говорятъ о

¹⁾ Baronius, Annales, t. 1, an. 39 n. 16. Petri de Marca, De Concordia Sacerdotii et imperii lib. I. cap. III, n. 2. ср. Du-Pin. De antiquae ecclesiae disciplina dissertationes historicae, pag. 9—15.

²⁾ Bingam, t. II, pag. 238—239.

³⁾ Beveregius, t. II. Annotat. in can. 7 nicaeni et 2 constantinop. pag. 93—95. Bingam, t. II pag. 241.

⁴⁾ Πάλλη και Πότλη, Σύσταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων t. II. 129—130.

⁵⁾ Σύσταγμα. t. IV. pag. 542.

правахъ патріарховъ, такъ какъ патріаршество не существовало во времена апостоловъ, но оно установлено вполнѣдствіи св. отцами ¹⁾).

Не изслѣдуя въ отдѣльности каждаго изъ этихъ мнѣній, необходимо въ согласіи со всѣми принять, что патріаршество, какъ извѣстная система церковнаго управленія, явилось въ христіанской церкви вполнѣдствіи времени, по мѣрѣ сосредоточенія въ рукахъ іерарховъ знаменитѣйшихъ каедръ церковнаго управленія, и что мысль объ этомъ сосредоточеніи возникла сама собою и очень рано получила свое примѣненіе на практикѣ и развивалась съ рѣдкою послѣдовательностію, находя одобреніе и подтвержденіе себѣ въ канонахъ соборовъ. Несомнѣнные и замѣтные слѣды этого сосредоточенія обнаружались при разрѣшеніи первыхъ, занимавшихъ христіанскую церковь, вопросовъ, каковы напр. вопросы о празднованіи пасхи и крещеніи еретиковъ, когда іерархи знаменитѣйшихъ каедръ явились главными дѣйствующими лицами при разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Представляя собою какъ бы церковные центры, они призывали къ себѣ на соборы сосѣднихъ епископовъ, председательствовали въ средѣ ихъ и вообще были первыми и главными между другими ²⁾. Мало по малу утвердившійся на практикѣ обычай, по которому занимавшій важнѣйшую каедру епископъ пользовался въ средѣ другихъ особымъ значеніемъ и

¹⁾ Miklosich und Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani. t. II, pag. 39—40. Не лишне прибавить, что рядомъ съ этимъ есть и другое мнѣніе, по которому патріаршество есть благодатное, божественное установленіе въ христіанской церкви для лучшаго устройства и управленія ея дѣлами. Подобныя мысли были высказаны на соборѣ Константинопольскомъ 879 г., бывшемъ по дѣлу о возстановленіи Фотія. (Mansi, t. XVI, pag. 544—545).

²⁾ Церковный историкъ Евсеій рассказываетъ, что Теофилъ въ Кесаріи палестинской, Наркисъ—въ Іерусалимѣ, Палма (амастріійскій въ Понтѣ, Иринеи (ліонскій)—въ Галліи, Поликрать (ефесскій)— въ Малой Азіи зывали къ себѣ сосѣднихъ епископовъ и совѣщались о спорномъ предметѣ. Подобнымъ образомъ поступали Викторъ въ Римѣ, Вахилъ въ Коринѣ (Hist. Eccles. lib. V, cap. 23, по русск. пер. стр. 306—307). Дѣйствуя такимъ образомъ и пользуясь правами председательства между епископами, названныя іерархи естественно подготавливали возвышеніе самыхъ своихъ каедръ въ ряду другихъ.

преимуществомъ, нашель себѣ одобреніе и въ законодательствѣ. Постановленія ельвирскаго собора уже выдѣляютъ первую каедрѣ епископата (*prima cathedra constituta est episcopatus*) и подписываютъ, чтобы въ особенности при этой каедрѣ были испытываемы относительно своего образа мыслей о предметахъ вѣры тѣ, которые являются съ общительными или рекомендательными грамотами (*communicatorias litteras*) ¹⁾. Правила апостольскія прямо повелѣваютъ, чтобы *„епископы каждого народа признавали первую въ средѣ нихъ главою и безъ вѣдома его не дѣлали ничего, превышающаго предѣлы ихъ власти“* ²⁾. Соборъ никейскій (325 г.) еще точнѣе обозначилъ и опредѣлилъ ихъ значеніе и права. Называя ихъ „митрополитами области,“ соборъ призналъ за ними право утверждать избраніе епископовъ и рукополагать ихъ, производить во всей области судъ при участіи областнаго собора, который для сей цѣли долженъ былъ быть созываемъ два раза въ годъ ³⁾. Тотъ же Никейскій соборъ въ 6 своемъ правилѣ утвердилъ преимущества и старѣйшихъ іерарховъ во всей христіанской церкви, признавъ такими: іерарховъ Александріи, Антіохіи и другихъ областей.

„Да хранятся, говоритъ соборъ, древніе обычаи, принятые въ Египтъ и Ливіи, и въ Пентаполь, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всеми ими. Понезже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ новыхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей“.

¹⁾ Правда Гэмсъ (Gams) подъ словами: *prima cathedra episcopatus* разумѣетъ первую, т. е. каедральную церковь епископін и находитъ въ 58 пр. ельвирскаго собора тотъ смыслъ, что путешествующіе христіане, которые приносятъ рекомендательныя грамоты, должны быть повсюду тщательно испытываемы пресвитерами и въ особенности при каедрѣ епископа (Gams, Kirchengeschichte von Spanien t. 1, pag. 117). Гефеле, отождествляя *prima cathedra* съ названіемъ *prima sedes*, разумѣетъ подъ нею старѣйшую между каедрами діоцеза и предполагаетъ, что и въ Испаніи, прежде чѣмъ Константинъ великій раздѣлилъ эту область на 7 провинцій, имѣлъ силу принятый въ Африкѣ обычай, по которому первымъ между епископами считался старѣйшій по хиротоніи (Hefele, Concilengeschicht. t. 1, pag. 183).

²⁾ Апост. пр. 34.

³⁾ 1 всел. пр. 4 и 5. Hefele, Conciliengesch. t. 1, pag. 382—388).

Подлинный смысл настоящаго правила ясенъ. Оно на основаніи древнихъ и принятыхъ обычаевъ усволяетъ александрійскому епископу особую власть надъ Египтомъ, Ливією и Пентаполемъ вслѣдствіе того, что подобнымъ значеніемъ пользовался римскій епископъ, а равно предоставляетъ такую же власть какъ антиохійскому епископу, такъ и епископамъ другихъ областей, въ видахъ сохраненія преимуществъ (привилегій) ихъ церквей. Тѣмъ не менѣе ученые и канонисты расходятся въ пониманіи этого правила и содержащагося въ немъ опредѣленія. Между западными канонистами одни весь смыслъ настоящаго правила изъясняютъ въ томъ значеніи, что этимъ правиломъ утверждено первенство папы въ латинскомъ его пониманіи и находятъ въ немъ распространеніе папской власти на весь земной шаръ, другіе наоборотъ пользуются рассматриваемымъ правиломъ, какъ доказательствомъ противъ означеннаго первенства, и видятъ въ немъ ограниченіе папской власти опредѣленными провинціями¹⁾. Не объясняя этого правила примѣнительно къ власти папы, одни ученые видятъ въ немъ постановленіе только о власти обыкновенныхъ областныхъ митрополитовъ и между прочимъ говорятъ, что рассматриваемый канонъ утвердилъ различныя преимущества митрополитовъ разныхъ мѣстностей²⁾, другіе наоборотъ находятъ здѣсь постановленіе о патриаршихъ правахъ епископовъ: александрійскаго, антиохійскаго, одного въ Египтѣ, другаго на востокѣ, сообразно положенію римскаго епископа на западѣ³⁾. Несогласно съ мнѣніемъ тѣхъ и другихъ объясняютъ этотъ канонъ Ванъ-Еспенъ, который пони-

¹⁾ Phillips, Kirchenrecht, t. II, pag. 35—36.

²⁾ Salmasius, De primatu papae, pag. 101. Beverigius, Synodicon. t. II. Annotat. ad con. 6 nicaeni pag. 52—55. Pichler, t. II, pag. 618—619.

³⁾ Valesius, Observationes ecclesiast. in Socratnm et Sozomenum lib. III, cap. I—XIV, pag. 394—399 см. Minge, t. LXVII, pag. 1650.—Опровергая мнѣніе Launnoi, Валезій доказываетъ, что вавелійскій канонъ содержитъ постановленіе о патриархахъ и ихъ правахъ. Краткій разборъ выводовъ Валезія можно читать apud. Beverigium t. II. Annot. pag. 55 и 56 п. VII—VIII. Shelstratus, Antiquitas ecclesiae t. II. Dissert. 6 de jure Patriarchatus Roman. pag. 409. Petri d' Marca, de Concordia Sacerdotii et imperii. lib. 1. cap. 3. pag. 9.

масть его въ томъ смыслѣ, что никейскій соборъ, не дѣлая постановленія о преимуществахъ патріаршаго сана, утвердилъ только привилегированное положеніе епископа Александріи, какъ митрополита нѣсколькихъ гражданскихъ провинцій относительно не только поставленія епископовъ, но и управленія другими церковными дѣлами, примѣнительно къ положенію римскаго іерарха ¹⁾). Рядомъ съ этимъ существуетъ особое мнѣніе ²⁾, которое раздѣляется новѣйшими учеными историками ³⁾ и канонистами ⁴⁾, и которое слѣдуетъ признать господствующимъ въ настоящее время въ наукѣ ⁵⁾). По этому мнѣнію никейскій соборъ въ 6 своемъ канонѣ говоритъ о высшихъ, чѣмъ областные митрополиты, митрополитахъ и, перечисляя ихъ, предоставляетъ имъ особую и высшую власть надъ обыкновенными митрополитами, такъ что послѣдніе находились въ извѣстномъ подчиненномъ отношеніи къ первымъ, какъ высшимъ органамъ церковнаго управленія для нѣсколькихъ церковныхъ областей. Подобное разномысліе въ пониманіи разсматриваемаго канона имѣетъ мѣсто и между восточными толкователями церковныхъ правилъ. Зонара объясняетъ это правило примѣнительно къ значенію митрополитовъ и ихъ вліянію, которымъ они пользовались въ важнѣйшихъ дѣлахъ области и въ особенности въ дѣлѣ избранія и поставленія епископовъ ⁶⁾). Вальсамонъ наоборотъ понимаетъ какъ это, такъ и слѣдующій 7 канонъ никейскаго собора въ томъ смыслѣ, что въ этихъ канонахъ никейскій соборъ учредилъ

¹⁾ Van-Espeu, Jus ecclesiasticum univcrsum. Neapoli. 1776, t. VI scholia in canon. nicaeu, pag. 420—422.

²⁾ Ziegler, Versuch einer pragmatischen Geschichte d. kirchl. Verfassungsformen in d. ersten. sechs Jahrhundert. d. Kirche. Leipzig, 1798, pag. 166 и дал.

³⁾ Hefele, Conciliengeschichte t. 1, pag. 390—408 zweite Aufg. Hergentröther, Photius Patriarch von Constantinopel. t. 1. pag. 27.

⁴⁾ Maassen, Der Primat d. Bischofs von Rom, pag. 16. Phillips, Kirchenrecht. t. II, pag. 37—48.

⁵⁾ Hiuschius, System d. Katholischen Kirchenrechts. t. 1. Berlin, 1869. pag. 538—539.

⁶⁾ Σουτζιμ. t. II, pag. 128—129. 131.

четырёхъ патріарховъ: римскаго, александрійскаго, антїохійскаго и іерусалимскаго и назначилъ для нихъ опредѣленные округи. Примѣнительно къ преимуществамъ патріарховъ настоящее правило понимаютъ: Аристинъ, Славянская Кормчая и составители греческаго Пидаліона ¹⁾). Авторъ „опыта курса церковнаго законовѣденія“ объясняетъ разсматриваемое правило примѣнительно къ значенію и правамъ областныхъ митрополитовъ. ²⁾

Намъ нѣтъ надобности разбирать каждое изъ приведенныхъ мнѣній; достаточно только разъяснить, что никейскій соборъ въ 6 своемъ правилѣ имѣлъ въ виду не обыкновенныхъ областныхъ митрополитовъ, которыми назывались іерархи главныхъ городовъ области или провинціи, и не дѣйствительныхъ патріарховъ, которыми были іерархи главныхъ городовъ цѣлыхъ округовъ, или діоцезовъ, обнимавшихъ собою нѣсколько митрополичьихъ областей, или гражданскихъ провинцій, но имѣлъ въ виду тѣхъ іерарховъ, которые, не пользуясь еще во времена никейскаго собора званіемъ патріарха, тѣмъ не менѣе возвышались своимъ положеніемъ надъ обыкновенными митрополитами и приближались по своимъ преимуществамъ къ патріархамъ. Чтò дѣйствительно никейскій соборъ въ 6 своемъ правилѣ говоритъ не объ обыкновенныхъ областныхъ митрополитахъ — это прямо явствуетъ изъ того, что онъ перечисляетъ этихъ митрополитовъ по имени и признаетъ за ними церковное начальствованіе не надъ одною, а надъ многими гражданскими провинціями, или церковными областями. Александрійскому епископу соборъ усволяетъ власть надъ Египтомъ, Ливіею и Пентаполемъ, подъ которыми по согласному толкованію канонистовъ и историковъ разумѣется: Египетъ въ собственномъ смыслѣ и соединенныя съ нимъ, лежавшія къ западу двѣ провинціи: Ливія (*Lybua sicca* или *inferior*) и Пента-

¹⁾ Σύσταγμ. pag. 129—131. Πηδάλιον, pag. 72—87.

²⁾ Опытъ курса церк. Закон. т. 1, стр. 296—298.

поль, или Киренаика, лежавшая къ западу отъ Ливіи и отдаленная отъ собственнаго Египта. Къ этимъ тремъ провинціямъ необходимо присоединить четвертую — Оивы, или верхній Египеть, который во времена никейскаго собора несомнѣнно находился подъ властію александрійскаго епископа, но въ никейскомъ канонѣ не поименованъ отдѣльно, а подразумѣвается въ выраженіи Египеть, который обыкновенно понимался частію въ распространительномъ, частію въ собственномъ смыслѣ ¹⁾). Никейскій канонъ только говоритъ, что александрійскій епископъ долженъ имѣть власть надъ перечисленными въ немъ провинціями по установившемуся обыкновению, но не опредѣляетъ въ чемъ должна состоять и обнаруживаться эта власть. Исслѣдователи настоящаго предмета прибавляютъ, что эта власть состояла не только въ правѣ поставленія митрополитовъ египетскаго діоцеза, но и въ высшемъ управленіи вообще дѣлами округа ²⁾). Какъ бы то ни было, только никейскій канонъ ставитъ александрійскаго епископа въ параллель съ римскимъ и тѣмъ даетъ понять, что онъ разумѣетъ не права областнаго, а права старѣйшаго — въ ряду областныхъ — митрополита, какимъ былъ римскій митро-

¹⁾ Поименованныя провинціи, по увѣренію однихъ повѣвшихъ изслѣдователей: Маассена (*Der Primat des Bischofs von Rom*, стр. 32—39) и Гефеле (*Conciliengesch.*, t. 1, стр. 273) еще во времена никейскаго собора составляли особый политическій діоцезъ Египта, или Египеть въ обширномъ смыслѣ, раздѣлявшійся впоследствии на шесть провинцій: Пентаполь, Верхняя и Нижняя Ливія, Оивы, Египеть, Августаника, т. е. западная часть Египта и Аркадія или Гептаномъ, средній Египеть; по извѣстію же другихъ: Моммзена (*Aus den Abhandlungen d. kön. Academie der Wissenschaften*, Berlin, 1863 г., стр. 491—496) во времена никейскаго собора еще не существовало никакого отдѣльнаго діоцеза Египта, напротивъ онъ принадлежалъ еще тогда къ діоцезу восточному; образованіе самостоятельнаго діоцеза Египта относится къ періоду времени между 365—386 гг. Съ мнѣніемъ Моммзена соглашается и Hinschius (*System d. kathol. Kirchenrechts* t. 1, pag. 529) прибавляя, что если въ 325 г. не существовало еще никакого діоцеза Египта, тѣмъ не менѣе Египеть, въ объемѣ позднѣйшаго діоцеза, пользовался въ то время извѣстнымъ самостоятельнымъ значеніемъ. Впоследствии египетскій діоцезъ заключалъ девять провинцій съ подраздѣленіемъ вышеизчисленныхъ (*Wiltsch*, pag. 51—52).

²⁾ Valesius, *Observationum*, lib. III, cap. 5—5. Van-Espen, t. VI, pag. 420.

полить—папа на западѣ ²⁾). Несомнѣнное существованіе областныхъ митрополитовъ въ каждой изъ перечисленныхъ въ никейскомъ канонѣ провинцій окончательно рѣшаетъ вопросъ въ пользу послѣдняго толкованія ³⁾).

Какое положеніе утвердилъ никейскій канонъ за александрійскимъ епископомъ, такое же предоставилъ онъ и епископу Антиохіи. Церковный округъ Антиохіи въ прежнее время состоялъ вообще изъ Сиріи съ сопредѣльными

¹⁾ См. Maassen. Der Primat d. Bischofs von Rom, pag. 64.

²⁾ Эти провинціи были: Palaestina, Foenice, Syria, Cilicia, Cyprus, Arabia, Isauria, Palaestina salutaris, Palestina secunda, Foenice Libani, Euphratensis, Syria salutaris, Osrhoena, Mesopotamia, Cilicia secunda (Panciroli, notitia dignitatum, pag. 3. Maassen, pag. 41, not. 4. Hefele, t. 1, pag. 393. Wiltsch, Handbuch der kirchlichen Geographie und Statistik, pag. 57—58.

³⁾ И дѣйствительно о существованіи митрополитовъ въ египетской области Египта можетъ служить свидѣтельство св. Епифанія (Haer. 69 pag. 729 c. 3), который Мелетія, произведшаго расколъ въ египетскихъ церквахъ, называетъ архіепископомъ египетской области и говоритъ, что онъ занималъ первое мѣсто послѣ александрійскаго епископа между всѣми епископами Египта въ обширномъ смыслѣ (ibid. pag. 717). Если титулъ архіепископа еще не былъ въ употребленіи во времена Мелетія, то св. Епифаній, употребляя его, согласно языку своего времени, признаетъ поэтому Мелетія архіепископомъ Египта. О существованіи митрополитовъ въ Пентаполѣ мы находимъ свидѣтельство у Сивезія, въ его письмѣ къ Теофілу, архіепископу александрійскому, въ которомъ онъ говоритъ, что св. Аванасій поставилъ Сидерія прежде епископомъ Палаэиска, потомъ перемѣстилъ его въ Птолемаиду (въ Пентаполѣ), чтобы управлять митрополитскою церковію (Epist. 68). Свидѣтельство Сивезія, хотя онъ жилъ въ началѣ V вѣка, имѣетъ полную важность потому, что онъ самъ былъ епископомъ Птолемаиды и, на правахъ, представленныхъ 4 викарійск. канонамъ митрополиту, собиралъ къ себѣ прочіе епископы области для избранія новаго епископа. Доказательствомъ существованія и подчиненности александрійскому епископу митрополитовъ другихъ областей служитъ указъ императора Θεодосія II, данный отъ 30-го марта 449 г. на имя Діоскура, епископа александрійскаго, въ этомъ указѣ императоръ предписываетъ Діоскуру явиться на соборъ въ Ефесъ съ десятию митрополитами, принадлежащими къ его діоцезу (Mansi, t. VI, pag. 585). Приведенные вами факты и вообще мысль о существованіи въ подчиненныхъ никейскимъ канонамъ александрійскому епископу областяхъ митрополитовъ подробно разобраны и раскрыты: Thomassinus, vetus et nova ecclesiae disciplina, t. 1, lib. 1, cap. 3, pag. 17—18, edit. Magontiani, 1787 г. Ziegler, pag. 280—286. Maassen, pag. 20—28. Hefele, t. 1, pag. 391—393. Hergentröther, t. 1, pag. 27—28.

съ нею странами; впоследствии вся эта часть имперіи была переименована въ восточный діоцезъ, обнимавшій пятнадцать провинцій, которыя всѣ съ существовавшими въ нихъ областными митрополитами поставлены подъ власть Антиохіи и ея епископа. Власть эта состояла въ томъ, что антиохійскій епископъ, въ качествѣ церковнаго екзарха діоцеза, поставлялъ областныхъ митрополитовъ, избранныхъ соборомъ епископовъ, и утверждалъ избраніе епископовъ, поставляемыхъ подлежащими областными митрополитами. На это и намекаетъ соборъ прибавкою: *„вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ будетъ епископомъ: о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ“*. Т. е. настоящею прибавкою соборъ даетъ понять, что и при расширеніи преимуществъ перечисленныхъ въ его канонѣ высшихъ митрополитовъ ненарушимо должны соблюдаться права обыкновенныхъ областныхъ митрополитовъ. Подобная прибавка какъ и все 6 пр. никейскаго собора должны быть признаны совершенно излишними, если толковать ихъ въ примѣненіи къ областнымъ митрополитамъ, такъ какъ объ этихъ митрополитахъ соборъ сдѣлалъ опредѣленные постановленія въ 4 и 5 правилахъ. Какъ въ этихъ правилахъ соборъ опредѣлилъ значеніе и права областныхъ митрополитовъ въ отношеніи къ находящимся въ ихъ провинціяхъ епископамъ, такъ въ 6 пр. тотъ же никейскій соборъ разсуждаетъ о послѣдующихъ и высшихъ органахъ церковнаго управленія, которымъ ввѣряетъ не одну, а нѣсколько гражданскихъ провинцій, или церковныхъ областей, сохраняя однакожъ права областныхъ митрополитовъ. Что подъ этими органами нельзя разумѣть дѣйствительныхъ патріарховъ, въ этомъ убѣждаетъ то, что епископамъ Рима, Александріи и Антиохіи, никейскій соборъ въ томъ же 6 пр. приравнялъ и іерарховъ другихъ областей. *„Подобно“* (ὁμοίως δὲ) говоритъ соборъ *„и въ иныхъ областяхъ да соблюдаются преимущества церквей“*. Салмазій и другіе полагаютъ, что подъ выраженіемъ: *„и въ иныхъ областяхъ“* (ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις) разумѣются обыкновенныя митрополичьи области, на-

противъ Валевій, Дюпенъ, Маассенъ и другіе относятъ это выраженіе къ тремъ областямъ: понтійской, азійской и еракійской, и понимаютъ приведенное выраженіе въ томъ смыслѣ, что какія права никейскій соборъ въ 6 пр. призналъ за епископами Рима, Александріи и Антиохіи, тѣже самыя онъ утвердилъ и за епископами означенныхъ округовъ, т. е. въ понтійскомъ за епископомъ Кесаріи каппадокійской, въ азійскомъ за епископомъ Ефеса и въ еракійскомъ за епископомъ Иракліи. Перечисленные епископы дѣйствительно имѣли преимущественное значеніе предъ прочими находившимися въ упомянутыхъ округахъ областными митрополитами и носили отличный титулъ экзарховъ, который сохранили даже и впоследствии, когда ихъ округи и сами они были подчинены патріарху константинопольскому.¹⁾ Въ частности о томъ, что Ефесъ принадлежалъ къ апостольскимъ церквамъ, и епископъ этого города съ давняго времени пользовался преимущественнымъ значеніемъ въ средѣ другихъ епископовъ, мы имѣемъ нѣсколько весьма важныхъ и вмѣстѣ раннихъ свидѣтельствъ. Не говоря о Тимоееѣ, котораго св. Златоустъ называетъ епископомъ всей Малой Азій, о Поликратѣ ефесскомъ епископѣ въ концѣ II вѣка церковный историкъ Евсевій пишетъ, что онъ занималъ главное мѣсто между азійскими епископами²⁾. Подобное о другихъ епископахъ Ефеса сообщаютъ другіе писатели³⁾. Константинъ великій въ своемъ посланіи къ церквамъ о никейскомъ соборѣ азійскую область поставляетъ наряду съ первостепенными діоцезами имперіи⁴⁾. По свѣдѣніямъ *Notitia dignitatum* въ этомъ діоцезѣ считалось десять, а по блаженному Теодориту одиннадцать провинцій⁵⁾. Разница заключается въ томъ, что блаженный

¹⁾ Phillips, *Kirchenrecht*. t. II pag. 66—68.

²⁾ Евсевій, *Церк. Истор.*, стр. 307. ³⁾ Maassen, pag. 59, not. 28.

⁴⁾ Евсевій, *О жизни Конст.* стр. 182.

⁵⁾ Теодоритъ, *Церк. Истор.* стр. 359. Эти провинціи были: Pamphilia, Hellepontus, Lydia, Pisidia, Lycaonia, Frygia Pacatiana, Frygia salutaris, Lycia, Caria, Insulae, (Panciroli), *Notitia, dignit.* pag. 3. Maassen, pag. 58, not. 27, см. Wiltsh, pag. 58—59).

Θεодоритъ причисляетъ сюда и проконсульскую Азію, которая въ гражданскомъ отношеніи не причислялась къ азійскому діоцезу ¹⁾. Церковный историкъ Евагрій признаетъ за ефесскимъ епископомъ патріаршія права, которыя были отняты у него соборомъ халкидонскимъ ²⁾. Если выраженіе: „патріаршія права“ принадлежитъ позднѣйшему времени, то въ прежнее сему выраженію соответствовало: „вышія митрополичьи“. О преимущественномъ значеніи епископа Кесаріи каппадокійской во всемъ понтійскомъ діоцезѣ можно почерпнуть доказательства изъ писемъ св. Василія Великаго, который на правахъ церковнаго начальника понтійскаго округа писалъ ихъ къ разнымъ лицамъ. Константинъ Великій и церковные историки: Θεодоритъ и Евагрій считаютъ понтійскую область особымъ діоцезомъ, въ которомъ по словамъ Θεодорита было столько же областей, какъ и въ Азіи, т. е. одиннадцать ³⁾. Въ еракійскомъ діоцезѣ между всѣми другими епископами возвышался епископъ ираклійскій, отъ котораго впослѣдствіи патріархъ константинопольскій получалъ хиротонію. Нужно замѣтить, что этотъ іерархъ прежде другихъ перечисленныхъ сталъ утрачивать свое начальственное значеніе въ діоцезѣ, вслѣдствіе пребыванія въ немъ катедры константинопольской и возвышенія ея іерарха. Въ еракійскомъ діоцезѣ считалось шесть провинцій ⁴⁾.

Итакъ никейскій соборъ въ 6 своемъ правилѣ перечислилъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви, возвышавшихся своимъ значеніемъ надъ обыкновенными митрополитами, о правахъ которыхъ тотъ же соборъ сдѣлалъ постановленія въ 4 и 5 правилахъ.

¹⁾ Cod. Theodos. lib. XVI, t. 1. l. 3.

²⁾ Евагрій, церк. истор., стр. 134.

³⁾ Эти провинціи были: Bythynia, Galatia, Paflagonia, Honorias, Galatia salutaris, Cappadocia prima, Cappadocia secunda, Helenopontus, Pontus Polemoniacus, Armenia prima, Armenia secunda (Pancir. pag. 3. Maassen. pag. 59, not. 29 и Wiltsch, pag. 59—60).

⁴⁾ Они были: Europa, Thracia, Haemimontus, Rhodopa, Moesia secunda, Scythia (Pancir. pag. 63. Maassen, pag. 60, not. 32. Wiltsch, pag. 60. Theodoret. H. E. l. V. cap. 28.

Всѣ перечисленные епископы удержали начальственное положеніе въ своихъ округахъ и во время константинопольскаго, II все-ленскаго собора, который, подтверждая 6 никейскій канонъ, говоритъ во 2 своемъ правилѣ:

„Областные епископы да не простираютъ своя власть на церкви, за предѣлами своя области, и да не смѣшиваютъ церквей: но, по правиламъ, александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо египетскими: епископы восточные да начальствуютъ токмо на востокъ, съ сохраненіемъ преимуществъ антіохійской церкви, правилами никейскими признанныхъ: также епископы области асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи: епископы понтийскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо понтийскія области, еракійскіе токмо Фракіи. Не бывъ приглашенъ; епископы да не переходятъ за предѣлы своя области для рукоположенія, или какою либо другою церковною распорядженія“ ¹⁾.

Въ этомъ правилѣ константинопольскій соборъ съ ясностію указываетъ какъ предѣлы управленія старѣйшихъ іерарховъ, такъ и самыя границы этихъ предѣловъ, а равно начальственное положеніе и взаимныя отношенія названныхъ іерарховъ. Для обозначенія именно предѣла этого управленія соборъ употребляетъ выраженіе „*διοίκησις*“ округъ, въ смыслѣ совокупности нѣсколькихъ провинцій, или областей. И—такихъ округовъ соборъ съ полною раздѣльностію насчитываетъ пять: Египеть, церквами котораго долженъ управлять іерархъ александрійскій; Востокъ, гдѣ между начальствующими епископами должны сохраняться преимущества (πρεσβεῖα) антіохійской церкви; діоцезы Азіи, Понта и Фракіи, изъ коихъ въ каждомъ должны начальствовать только свои епископы, не вторгаясь въ предѣлы управленія одинъ другаго ²⁾.

Въ этомъ канонѣ, говоритъ Флѣри, въ общемъ видѣ изображено церковное управленіе восточной церкви. Въ частности здѣсь обозначены: два епископа большихъ діоцезовъ, т. е. александрійскій и антіохійскій, которые впоследствии были названы патриархами. Александрійскому усвоится управленіе всѣмъ Египтомъ, также всею Ливією и Пентаполемъ, ан-

¹⁾ II всел. прав. 2. ²⁾ Van-Espen, Jus eccles. univers. t. VI, pag. 583—584.

тіохійському же предоставляются нѣкоторыя преимущества на востокѣ, какія предоставилъ ему соборъ никейскій, но церковное управление на востокѣ ввѣряется епископамъ, въ числѣ которыхъ много было митрополитовъ, кои правили вмѣстѣ съ епископами своихъ областей, собирали соборы по установленію никейскаго собора и рѣшали церковныя дѣла. Первенствующіе же епископы остальныхъ трехъ большихъ діоцезовъ: Азіи, Понта и Фракіи, получили въ послѣдствіи имя экзарховъ: азійскимъ былъ ефескій епископъ, понтійскимъ епископъ кесарійскій въ Каппадокіи, фракійскимъ же епископъ ираклійскій¹⁾. Необходимо прибавить, что подобное распределеніе предѣловъ церковнаго управленія на востокѣ христіанской церкви было повтореніемъ гражданскаго раздѣленія имперіи на административныя части, и что города, епископскія кафедрныя коихъ получили преимущественное значеніе въ ряду другихъ, издавна возвышались предъ всѣми прочими въ гражданскомъ отношеніи. Дѣйствительно въ древнихъ извѣстіяхъ Гвиди Панцироли о восточной имперіи мы читаемъ: „подъ управленіемъ (sub dispositione) знаменитѣйшихъ мужей префектовъ преторіи на востокѣ находились слѣдующіе діоцезы: Ogiens, Aegyptus, Asiana, Pontica, Phrascia“.²⁾ Отдѣльныя области, или входившія въ составъ этихъ діоцезовъ провинціи мы обозначили выше. „Раздѣленіе Римскаго государства на провинціи, говорятъ другіе изслѣдователи, ведетъ свое начало отъ временъ республики и было возобновлено Августомъ и Адріаномъ. Какъ Римъ въ гражданскомъ отношеніи былъ главнымъ городомъ всего царства, такъ Александрія уже со времени Августа была главнымъ городомъ Египта, Антиохія также при Августѣ митрополіею Сиріи, Кесарія со времени Тацита главнымъ городомъ Палестины, Кесарія въ Каппадокіи еще при Септиміи Северѣ главнымъ городомъ Понта, Ефесъ при Луціи Северѣ главнымъ городомъ Азіи, и Ираклія при Траянѣ главнымъ го-

¹⁾ Fleury, Histoire ecclesiastique, t. IV, lib. XVIII, n. 7, pag. 404—405.

²⁾ Panciroli, Notitia dignitatum. pag. 3. Van-Espen, t. VI, pag. 584.

родомъ Оракіи¹⁾. Эти города, имѣвшіе преимущественное значеніе въ государствѣ и служившіе центрами гражданскаго управленія для отдѣльныхъ округовъ, послужили въ свою очередь для сосредоточенія и церковнаго управленія при каедрахъ ихъ іерарховъ. Такимъ образомъ константинопольскій, II вселенскій, соборъ въ приведенномъ постановленіи выразилъ двѣ основныхъ, важныхъ мысли: съ одной стороны онъ опредѣлилъ главныя части, округи церковнаго управленія христіанской церкви на востокъ, съ другой—указалъ важнѣйшія каедры старѣйшихъ іерарховъ, которые должны возвышаться надъ всѣми прочими своимъ положеніемъ и преимуществами. Эти іерархи были тѣже, которыхъ впрочемъ не со всею ясностію назвалъ никейскій, I вселенскій, соборъ въ 6 своемъ правилѣ, т. е. іерархъ Александріи для египетскаго, іерархъ Антиохіи для восточнаго, іерархъ Ефеса для азійскаго, іерархъ Кесаріи для понтійскаго и іерархъ Иракліи для оракійскаго діоцезовъ²⁾.

Церковный историкъ Сократъ, рассказывая о дѣяніяхъ II-го вселеннаго, константинопольскаго собора, между прочимъ, говоритъ: „отцы еще разъ подтвердили никейскій символъ и учредили патріарховъ, раздѣливъ епархіи (*καὶ πατριάρχας κατέστησαν διτνεψάμενοι τὰς ἐπαρχίας*) такъ, чтобы епископы, начальствующие надъ діоцезами не простирали болѣе своей власти за предѣлы своей территоріи, какъ это прежде дѣлалось безразлично во времена смуть. Нектарій получилъ по жребію столицу и Оракію. Въ понтійскомъ діоцезѣ патріаршее достоинство получили (*τὴν πατριάρχiam ἐκλήρατο*) Елладій, бывший послѣ Василія епископомъ Кесаріе-каппадокійскимъ, Григорій Нисскій братъ Василія, такъ какъ (Нисса) также была городомъ каппадокійской

¹⁾ Bianchi, Della potesta e della politia della chiesa. t. IV, pag. 17. Ср. Pichler, Geschichte d. kirchl. Trennung... t. II. pag. 613. Изъ перечисленныхъ здѣсь гражданскихъ центровъ Кесарія палестинская со временъ I-го вселенскаго собора начала утрачивать прежнее свое церковное значеніе, вслѣдствіе возвышенія каедры іерусалимскаго іерарха. Нак. пр. 7.

²⁾ Maassen. Der Primat d. Bischofs von Rom. pag. 56—61.

области и Отрей мелитинській въ Арменіи. Азіатскій діоцезъ получили Амфилохій иконійскій и Оптинъ антиохійскій въ Писидіи, Египеть же достался Тимоѳею александрійскому. Діоцезъ восточныхъ церквей поручили тѣмъ-же самымъ епископамъ: Пелагію лаодикійскому и Діодору тарсійскому, сохранивъ всѣ преимущества Антиохійской церкви, такъ какъ тогда „на соборѣ присутствовали Мелетій“ ¹⁾). Свидѣтельство Сократа, повидимому, низпровергаетъ наше толкованіе константинопольскаго канона тѣмъ, что называетъ другихъ іерарховъ старѣйшими и представляетъ другіе, средоточные центры церковнаго управленія. Мы поймемъ цѣну и смыслъ этого свидѣтельства, если сравнимъ его съ свидѣтельствомъ другаго церковнаго же историка Созомена. Послѣдній о томъ, что опредѣлилъ вселенскій соборъ, пишетъ: „епископы, собравшись опредѣлили, чтобы вѣра никейскаго собора оставалась господствующею и всѣ ереси подвергнуты были запрещенію, чтобы церкви вездѣ управлялись по древнимъ церковнымъ правиламъ, чтобы епископы пребывали при своихъ церквахъ и не ходили безъ нужды въ чужія и безъ приглашенія не вмѣшивались въ рукоположенія, до нихъ не касающіяся, какъ это часто случалось прежде, когда каѳолическая церковь была гонима“. Передавъ такимъ образомъ нужныя для насъ постановленія константинопольскаго собора, Созоменъ продолжаетъ: „царь утвердилъ ихъ и далъ законъ, чтобы господствующею оставалась вѣра отцовъ никейскихъ, и чтобы церкви повсюду были отданы тѣмъ, которые въ существѣ трехъ лицъ равночестныхъ и равносильныхъ исповѣдуютъ одно и то же божество Отца, Сына и Св. Духа. Исповѣдники этого ученія должны были имѣть общеніе въ Константинополѣ—съ Нектаріемъ, въ Египтѣ—съ Тимоѳеемъ, епископомъ александрійскимъ; въ восточныхъ церквахъ—съ Діодоромъ, епископомъ тарсійскимъ и Пелагіемъ, епископомъ Лаодикии сирійской; въ азійскихъ церквахъ—съ Амфилохіемъ, предстоятелемъ церкви иконійской;

¹⁾ Socratis, Hist. eccl., lib. V, cap. 8, см. по русск. перев. стр. 398.

въ городахъ понтійскихъ отъ Вноини до Арменіи — съ Элладіемъ, епископомъ Кесаріи каппадокійской, Григоріемъ Нисскимъ и Отреемъ, епископомъ мелитивскимъ; въ городахъ находившихся во Фракіи и Скиѳіи — съ Теренціемъ, епископомъ города Томи и Мартиріемъ, епископомъ мартіанопольскимъ; ибо и самъ царь одобрилъ ихъ, когда видѣлся и бесѣдовать съ ними, да объ нихъ всегда была и добрая молва какъ о людяхъ благочестно управляющихъ церквами.“¹⁾ Свидѣтельство Созомена, не заключающа въ себѣ никакихъ свѣдѣній объ учрежденіи константинопольскимъ соборомъ патріарховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ надежный ключъ и къ правильному пониманію свидѣтельства Сократа объ этомъ предметѣ. Очевидно, Сократъ употребилъ выраженіе „патріархъ“ въ другомъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ оно впоследствии вообще употреблялось для обозначенія высшаго начальствующаго лица въ церковномъ управленіи.²⁾ Сократъ называетъ перечисленныхъ имъ епископовъ „патріархами“ во вниманіи къ ихъ личнымъ достоинствамъ, и въ частности къ тому, что эти епископы были признаны представителями православія, съ которыми слѣдовало имѣть общеніе въ знакъ принадлежности къ православію каѳолической церкви³⁾. Въ другомъ смыслѣ нельзя понять свидѣтельство Сократа, такъ какъ самое имя „патріархъ“ во время II вселенскаго собора употреблялось только въ смыслѣ почетнаго наименованія для епископовъ⁴⁾. Что дѣйствительно константинопольскій соборъ въ своемъ канонѣ только съ опредѣленностью обозначилъ раздѣльные округа церковнаго управленія и указалъ церковные центры этихъ округовъ, но не назвалъ представителей ихъ патріархами, — въ этомъ удостовѣряетъ блаж. Θεодоритъ, который въ письмѣ къ Флавіану константино-

¹⁾ Sozomeni, Hist. ecclesiast., lib. VII, cap. 9, см. по русск. перевод. стр. 489—491.

²⁾ Valesius, Annot. in Socr. p. 270. Petr. de Marca, De Const. Patr. institut. Diss. posthum. pag. 152—157. Maassen, Der Primat... pag. 57, not. 26.

³⁾ Cod. Theod., lib. XVI, tit. 1 de fide catholica, l. 3.

⁴⁾ Gregor Nazianz. Carmen de episcopis, 797, гдѣ онъ къ епископамъ, между прочимъ, говоритъ: χαίρομεν ὑβρίστοις πατριαρχία...

польскому писалъ: „собиравшіеся въ этомъ царственномъ городѣ отцы, согласно съ собиравшимися въ Никее, раздѣлили округа“. Теодоритъ вопреки Сократу вовсе не употребляетъ имени „патріархъ“ и какъ бы даетъ понять, что это имя еще не употреблялось во времена II вселенскаго собора для обозначенія начальственныхъ іерарховъ христіанской церкви. Какъ для наименованія этихъ лицъ, такъ и въ частности для обозначенія ихъ начальственныхъ правъ служило другое имя „экзархъ“ (ἐξάρχος), которое въ соединеніи съ округомъ (διοίκησις) т. е. „ἐξάρχος διοικήσεως“ и употреблялось для наименованія начальствующаго надъ всѣмъ діоцезомъ іерарха, подобно тому какъ „ἐξάρχος ἐπαρχίας“ служило для наименованія областного митрополита ¹⁾). Такъ между прочимъ Домнъ, антиохійскій архіепископъ, на антиохійскомъ соборѣ 445 ²⁾, котораго акты были читаны на халкидонскомъ, IV вселенномъ соборѣ (451 г.) ³⁾, называется экзархомъ восточнаго діоцеза: „ἐξάρχος τῆς ἀνατολικῆς διοικήσεως“ ⁴⁾. Равнымъ образомъ самъ халкидонскій соборъ пользуется этимъ титуломъ въ своихъ правилахъ для обозначенія того начальствующаго лица церковной юрисдикціи, которому онъ предоставилъ права высшаго суда во всемъ округѣ по жалобамъ на областныхъ митрополитовъ со стороны епископовъ и клириковъ въ случаяхъ ихъ неудовольствія ⁵⁾. Достойно примѣчанія, что этотъ титулъ, принятый на востокѣ христіанской церкви, готовъ былъ проникнуть и на западъ, почему и вызвалъ противъ своего употребленія специальное постановленіе испонійскаго ⁶⁾ собора (393 г.), содержащееся въ собраніи правилъ кареагенскаго собора: „*епископъ перваго престола да не именуется экзархомъ іереевъ или верховнымъ свя-*

¹⁾ Сардик. пр. 6. Въ актахъ халкидонскаго собора Тома matr. тирскій, называется: *πρόδρομος καὶ ἐξάρχος*; равнымъ образомъ Ива едесскій своего митрополита именуется *ἐξάρχος* мв. (Du-Cange, *Glossarium* sub voce: *ἐξάρχος*).

²⁾ См. объ этомъ соборѣ: Hefele, t. II, pag. 287. ³⁾ Mansi, t. VII, pag. 326—358. ⁴⁾ Bingam, t. II, pag. 233. Le-Quien, t. I. pag. 7—8. ⁵⁾ IV всел. пр. 9 и 17. ⁶⁾ См. объ этомъ соборѣ и его правилахъ: Христ. Чт. за 1877 г., ноябрь—декабрь, стр. 683—694.

щенникомъ, или чѣмъ либо подобнымъ, но только епископомъ перваго престола“ ¹⁾). Такимъ образомъ „ἐξάρχος διοικήσεως“, употреблявшееся на востокѣ христіанской церкви, и соответствовавшее принятому на западѣ „Primas“ (т. е. episcopus primae sedis) ²⁾ было предшествующимъ наименованію „патріархъ“ въ отношеніи къ тѣмъ іерархамъ, которые, на основаніи постановленій никейскаго и константинопольскаго, вселенскихъ соборовъ пользовались положеніемъ, преимуществами и правами начальствовавшихъ іерарховъ во всемъ округѣ, обнимавшемъ собою нѣсколько гражданскихъ провинцій и вмѣстѣ церковныхъ митрополій. Можно присовокупить, что наименование „ἐξάρχος“ и впоследствии употреблялось въ смыслѣ поясненія для „патріάρχης“ ³⁾). Такими экзархами, какъ мы сказали, были митрополиты: Александріи, Антиохіи, Ефеса, Кесаріи въ Капподокіи и Иракліи; они начальствовали надъ цѣлыми округами и надъ нѣсколькими областными митрополитами, которые имѣли свои кафедръ въ главныхъ городахъ областей подлежащаго діоцеза. Александрійскій іерархъ, въ качествѣ экзарха, пользовался правомъ поставлять не только подчиненныхъ ему митрополитовъ, но и подчиненныхъ послѣднимъ епископовъ; изъ нихъ, впрочемъ, могъ рукоположить только тѣхъ, на выборъ которыхъ давалъ свое согласіе подлежащій, областной митрополитъ. Антиохійскій архіепископъ самъ непосредственно поставлялъ только митрополитовъ, епископы-же, по общему правилу, рукополагались своими митрополитами, впрочемъ, не иначе, какъ съ согласія антиохійскаго архіепископа ⁴⁾). Подобнымъ-же правомъ поставленія подчиненныхъ митрополитовъ пользовались и осталь-

¹⁾ Каре. прав. 48. ²⁾ Phillips, Kirchenrecht, t. II, pag. 66.

³⁾ Такъ Макарій анкирскій, объяснивъ въ своемъ сочиненіи противъ Варлаама и Акиндина, что такое діоцезъ и что такое провинція, присовокупилъ между прочимъ въ этому: ἄρα γε καὶ ἐξάρχος ἐκάστης διοικήσεως ὁ Πατριάρχης, ὡσπερ ἄρα καὶ ἐκάστης ἐπαρχίας μητροπολίτης ἐξάρχος αὐτῆς... (Du-Cange, sub voce: ἐξάρχος).

⁴⁾ Van-Espen, t. VI, стр. 420. Maassen, pag. 24—29. Hefele, t. I, pag. 393—394.

ные экзархи, у которыхъ оно и было отнято халкидонскимъ соборомъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ перечисленные экзархи пользовались и другими преимуществами, какъ-то: правомъ созывать окружные соборы и на нихъ предсѣдательствовать, производить при участіи этихъ соборовъ высшій судъ въ діоцезѣ и вообще разрѣшать дѣла, превышавшія компетенцію областныхъ митрополитовъ, или вызывавшія съ ихъ стороны недоумѣнія ²⁾.

Возвышеніе нѣкоторыхъ изъ митрополитовъ до званія „ἐξάρχος διοικήσεως“, съ коимъ были соединены извѣстныя начальственныя права надъ цѣлыми округами, само собою уже указывало на возможность появленія въ составѣ церковнаго управленія новаго болѣе высокаго сана, который бы усвоенными ему преимуществами возвышался надъ самымъ званіемъ экзарха. Въ согласіи съ этимъ многіе ученые дѣйствительно и полагаютъ, что прежде, чѣмъ стало извѣстно въ церкви имя „патріархъ“, лица этого сана и соединенныхъ съ нимъ преимуществъ уже существовали подъ именемъ экзарховъ на востокѣ, приматовъ на западѣ христіанской церкви, такъ что все различіе между званіями: „экзархъ“ и „патріархъ“ заключается только въ наименованіи, а не въ существѣ связанныхъ съ ними преимуществъ ³⁾, и саномъ патріархъ, какъ болѣе соответствующимъ духу церкви, только замѣнено не свойственное ея іерархамъ совершенно свѣтское наименованіе „экзархъ“ ⁴⁾. Съ подобнымъ мнѣніемъ слѣдовало-бы вполне согласиться, еслибы появленіе патріаршества въ христіанской церкви дѣйствительно сопровождалось лишь одною переменною наименованій, усвоен-

¹⁾ Hinschius, System d. kathol. Kirchenrechts, t. 1, pag. 576—578.

²⁾ Du-Pin. pag. 37. Thomassinus, t. 1, lib. 1, cap. 3. Ziegler, pag. 272.

³⁾ Относительно тождественности значенія прамата съ патріархомъ Pseudo-Isidor говоритъ: unam formam teneat, licet diversa sint nomina (Phillips, t. II, pag. 66, not. 1). Glossa выражается: diversitas est in nomine, dignitas est eadem (ibid). Hincmar Reim. пишетъ: qui in his duobus nominibus una prioratu funguntur. (Opp. t. II, opusc. 55, pag. 438. Thomassinus, vetus et nova ecclesiae disciplina, t. 1, pag. 162, n. 7, edit. Magontiac. 1787 г.). Подобное же удостовѣряетъ Beveregius относительно экзарха и патріарха (Synodicon, t. II, Annotat. pag. 115. 120—121).

⁴⁾ Neander, Allgem. Kirchengeschichte, t. 2, отд. II, стр. 501, edit. 1856 Goth.

ныхъ высшимъ предстоятелямъ церкви, безъ всякаго вліянія на ходъ и развитіе системы церковнаго управленія; въ дѣйствительности же мы встрѣчаемся со многими совершенно новыми и крупными, явленіями, которыя говорятъ объ измѣненіи теченія церковныхъ дѣлъ, каковы напр: подчиненіе прежнихъ экзарховъ новымъ патріархамъ и вмѣстѣ расширеніе правъ и преимуществъ послѣднихъ сравнительно съ первыми, установленіе новыхъ, прежде не существовавшихъ между экзархами, отношеній. Вслѣдствіе сего приведенное мнѣніе можно признать правильнымъ, но лишь въ томъ отношеніи, что преимущества власти, которыя были усвоены патріаршему сану, не были явленіемъ неожиданнымъ въ исторіи развитія церковныхъ отношеній, но уже отчасти скрывались въ преимущественномъ— какъ гражданскомъ, такъ и церковномъ значеніи нѣкоторыхъ городовъ и находившихся въ нихъ кафедръ. Впрочемъ и это заключеніе будетъ правильно только въ отношеніи къ городамъ и кафедрамъ Рима, Александріи и Антиохіи, которые отличались важными преимуществами и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи: Римъ, какъ столица имперіи и средоточіе всѣхъ правительственныхъ установленій; Александрія, какъ главный городъ Африки, славившійся науками и процвѣтавшій торговлею; Антиохія, какъ столица Азіи, превосходившая другіе города богатствомъ и знатностію. Всѣ они имѣли утѣшеніе видѣть и слышать жизнь и проповѣдь первоверховныхъ апостоловъ, или ихъ непосредственныхъ учениковъ и получить отъ нихъ первыхъ пастырей. Если гражданская знаменитость поименованныхъ городовъ, возвышавшая ихъ надъ всѣми прочими, въ которыхъ также сами апостолы основали церкви и оставили въ нихъ букву и духъ своего ученія и своихъ преемниковъ, невольно обращала къ нимъ взоры и вниманіе всѣхъ, то присоединившаяся къ этому, церковная извѣстность тѣхъ же городовъ произвела то, что они, сдѣлавшись первыми расадниками христіанской проповѣди, стали центрами духовнаго просвѣщенія для всѣхъ предѣловъ своихъ мѣстностей и получили имя церковныхъ митрополій. При такихъ условіяхъ

самъ собою утверждался и приобрѣталъ силу на практикѣ тотъ обычай, по которому іерархіи означенныхъ городовъ съ первыхъ дней христіанства начинали пользоваться преимущественнымъ между всѣми другими значеніемъ, получали особенное вліяніе на ходъ и теченіе церковныхъ дѣлъ, а согласіе съ ихъ церквами въ ученіи, обрядахъ и чиноположеніи служило признакомъ правильнаго содержанія и исповѣданія христіанской истины. Такимъ образомъ, если слѣдуетъ признать правильною мысль, что патріаршая власть и патріаршій санъ образовались сами собою въ христіанской церкви, чрезъ постепенное возвышеніе нѣкоторыхъ церковныхъ каедръ и благодаря особенному вліянію ихъ іерарховъ на дѣла церкви, то это можно сказать лишь въ отношеніи къ патріархатамъ Рима, Александріи и Антіохіи, церковные каедры и іерархи которыхъ искони возвышались надъ всѣми прочими. Что же касается патріархатовъ Іерусалима и Константинополя, то они представляютъ свои особыя и замѣчательныя въ этомъ отношеніи особенности, въ которыхъ сказалось послѣдовательное и вмѣстѣ усиленное стремленіе духовной и свѣтской власти возвысить іерархическія каедры названныхъ городовъ. Наша рѣчь будетъ только о патріархѣ константинопольскомъ.

Константинополь прежде назывался Византією, которая лежала около Тацитова Босфора и была мѣстопробываніемъ простаго епископа. Какъ въ гражданскомъ отношеніи Византія, по законамъ императора Септимія Севера, принадлежала къ еракійской провинціи и къ ираклійскому градоначальству, такъ и въ церковномъ—епископъ Византіи относился къ митрополіи еракійской и былъ подчиненъ митрополиту ираклійскому¹⁾. Константинъ Великій, избравъ (326 г.) Византію своею резиденцією, наименовалъ ее Константинополемъ и сдѣлалъ второю столицею имперіи, а равно и средоточіемъ всѣхъ госу-

¹⁾ Σονταγ. t. II, pag. 175—176. 249. t. IV, pag. 542. Le-Quien. t. 1, pag. 9—10. 195—196. Petri de Marca, dissertat. posthumae de Constant. patriarch. institutione dissertat. 1669 г. pag. 129. Thomassinus, vetus et nova ecclesiae disciplina, t. 1, cap. 10, n. 1, pag. 74.

дарственныхъ установленій. Сдѣлавшись столицею и царствующимъ городомъ, Константинополь украсился и титуломъ „новаго Рима“. Согласно съ этимъ и замѣчаетъ Созоменъ: „этотъ городъ не только уже получилъ названіе „новаго Рима“ и имѣеть Сенатъ, народное чиновначаліе и правительство, но и судится гражданскими уложеніями живущихъ въ Италіи Римлянъ и во всѣхъ правахъ и преимуществахъ сравненъ съ древнимъ Римомъ“. ¹⁾ „Если этотъ городъ, око вселенной, говорилъ Григорій Богословъ на II вселенскомъ, константинопольскомъ соборѣ могущественный на суши и на морѣ, какъ бы взаимный узелъ востока и запада, куда отовсюду стекается и откуда, какъ съ общаго торжища, исходитъ все важнѣйшее въ мірѣ, если этотъ городъ... утвердить и укрѣпить здравымъ ученіемъ не важно, то окажется ли чтѣ другое великимъ и стоющимъ попеченія?“ ²⁾ Тоже о Константинополѣ писалъ и римскій папа Целестинъ Іоанну антиохійскому по поводу ереси Несторія ³⁾. Приводимъ эти свидѣтельства съ тѣмъ, чтобы объяснить: почему съ гражданскимъ возвышеніемъ Константинополя, какъ „новаго Рима“, должно было возвыситься и церковное значеніе послѣдняго, и почему съ церковнымъ возвышеніемъ города должна была получить особья преимущества и каеэдра его, епископа.

Римскіе папы и католическіе писатели находили и находятъ подобное возвышеніе константинопольской каеэдры неправильнымъ и даже незаконнымъ на томъ основаніи, что оно утверждалось исключительно на гражданскомъ значеніи Константинополя, какъ столицы имперіи и резиденціи императора, а не на апостольскомъ и древнемъ происхожденіи его каеэдры, какъ это было при возвышеніи другихъ іерархическихъ каеэдръ ⁴⁾. Подобное заявленіе

¹⁾ Созоменъ, Церк. ист., стр. 490.

²⁾ Дѣян. всел. собора въ русск. перевод., т. 1, стр. 241—242.

³⁾ Тамъ-же, стр. 411.

⁴⁾ Подобную мысль высказалъ еще папа Левъ Великій и поддерживалъ папа Геласій, вооружаясь противъ предоставленныхъ халкидонскимъ соборомъ квост. епископу преимуществъ. См. ниже.

прежде всего можно назвать несовѣмъ точнымъ, такъ какъ существуетъ извѣстіе, что первыя сѣмена христіанской вѣры въ Византіи были положены св. первозваннымъ апостоломъ Андреемъ, который поставилъ и перваго епископа Византіи—Стахія ¹⁾. Если и признать это извѣстіе, вслѣдъ за нѣкоторыми изслѣдователями, не совѣмъ достовѣрнымъ исторически, и въ такомъ случаѣ заявленіе о незаконности возвышенія константинопольской каѳедры нельзя не почесть тенденціознымъ. Дѣло въ томъ, что при возвышеніи извѣстныхъ каѳедръ, кромѣ древне-апостольскаго ихъ происхожденія, по преимуществу принималось во вниманіе гражданское и политическое значеніе тѣхъ городовъ, въ которыхъ находились эти каѳедры. На этомъ именно основаніи каѳедра іерусалимскаго іерарха, безспорно старѣйшая и почетнѣйшая всѣхъ каѳедръ, каѳедра, такъ сказать, столицы христіанства, уступила въ преимуществахъ каѳедрамъ другихъ іерарховъ, имѣвшихъ свое пребываніе въ почетнѣйшихъ въ гражданскомъ отношеніи городахъ. На томъ же основаніи и антїохійская каѳедра, несмотря на то, что она основана ранѣе римской первоверховнымъ апостоломъ Петромъ, уступила въ своихъ преимуществахъ даже александрійской каѳедрѣ, основанной, какъ извѣстно, только ученикомъ апостола Петра. На томъ же основаніи вообще мы не видимъ и не находимъ въ числѣ возвеличенныхъ, апостольскихъ каѳедръ такихъ церквей, которыя несомнѣнно древни, ведутъ свое начало отъ самихъ апостоловъ, но которыя находились въ городахъ или не пользовавшихся первостепеннымъ гражданскимъ значеніемъ, или утратившихъ послѣднее. Словомъ: въ древней христіанской церкви, какъ сознаются и сами католическіе писатели ²⁾, было принято правиломъ, чтобы церковный порядокъ епископій и ихъ каѳедръ распредѣлялся согласно съ

¹⁾ Le Quien, Oriens christianus, t. 1, Patr. Const. cap. 2, n. 2 et 3, pag. 9, 195.

²⁾ Maassen, Der Primat... pag. 2. Hefele, Conciliengeschichte, t. 1, pag. 496. Wiltsch представляетъ примѣры фактическаго совпаденія гражданскихъ центровъ управленія съ церковными. t. 1, pag. 56 u. s. w.

гражданскимъ значеніемъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ находились эти каѳедры ¹⁾. Вслѣдствіе сего соборы церкви, постепенно возвышая права константинопольской каѳедры изъ уваженія къ положенію ея въ царствующемъ градѣ, поступали въ семь случаевъ не несправедливо канонически, особенно если прибавимъ, что это возвышеніе сопровождалось исключительно перемѣною внѣшнихъ церковныхъ отношеній, а не было нарушеніемъ коренныхъ порядковъ церковнаго управленія.

Первое постановленіе о преимуществахъ константинопольской каѳедры принадлежитъ II вселенскому собору (381 г.), который, подтвердивъ преимущества старѣйшихъ каѳедръ, находившихся на Востокѣ, призналъ справедливымъ почтить и іерарха новаго Рима:

„Константинопольскій епископъ, постановилъ соборъ, да имѣтъ преимущество чести (τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς), по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“.

Это постановленіе, составляя 3 канонъ константинопольскаго, II вселенскаго собора, долгое время не принималось на западѣ со стороны и представителей папскаго престола, и самихъ папъ ²⁾, хотя другіе акты того же собора они

¹⁾ Отступленіе отъ этого правила въ тѣхъ именно случаяхъ, когда распрелѣненіе церковныхъ областей не согласовалось съ раздѣленіемъ гражданскихъ провинцій, было исключеніемъ изъ общаго принципа въ силу особенныхъ причинъ (Pichler. t. II. pag. 617).

²⁾ Такъ напр. папскіе легаты: Пасхазинъ и Луценцій, присутствовавшіе на халкидонскомъ, IV вселенскомъ соборѣ (451 г.), заявляли, что этого канона нѣтъ въ собраніяхъ правилъ (Harduin, t. II, pag. 635, Mansi, t. VII, p. 442). Подобное же утверждалъ и самъ папа Левъ послѣ собора въ своемъ письмѣ къ Анатолію, архіепископу константинопольскому. (Mansi, t. VI, pag. 204, см. Nefele, Conciliengeschichte. t. II, pag. 31). Григорій Великій въ свое время въ письмѣ къ Евлогію александрійскому писалъ, что римская церковь не имѣетъ и не приняла до сего времени ни правилъ, ни дѣяній этого собора (Gregorii M. opera omnia, ed. Parisiis, 1705, t. II, lib. VII, epist. 34, pag. 882). Граціанъ принялъ этотъ канонъ въ свой декретъ (Decretum Gratiani, c. 3, distin. XXII), но римскіе корректоры этого декрета сдѣляли отъ себя примѣчаніе, что этотъ канонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ апостольскій престолъ сначала и долго спустя послѣ не принималъ: „Canon hic ex iis est, quos apostolica sedes a principio et longo post tempore non recepit“ (Van-Espen, t. VI. pag. 586).

не только принимали безъ возраженій, но и одобряли¹⁾. Нѣкоторые приверженцы папства, какъ напр., кардиналь Бароній, доходили до такой странной мысли, что рѣшались отвергать подлинность этого канона²⁾. Если первое явленіе говорить о высокоуміи древняго Рима и, въ частности, его іерарховъ относительно Константинополя и его архіепископа, то послѣднее положительно—напрасный трудъ, такъ какъ кромѣ того, что приведенный канонъ содержится во всѣхъ древнихъ собраніяхъ церковныхъ правилъ³⁾, о существованіи и принадлежности его константинопольскому, II вселенскому, собору съ опредѣленностью говорятъ церковные историки: Сократъ и Созоменъ. Первый прямо свидѣтельствуеъ: „епископы издали опредѣленіе, чтобы константинопольскій епископъ имѣлъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ“, и затѣмъ продолжаетъ: „они раздѣлили епархіи и установили патріаршества, чтобы епископы не простирали своей власти на чужія церкви, за предѣлами своихъ областей... Нектарій, поставленный на этомъ соборѣ епископомъ, получилъ столицу и Фракію“⁴⁾. Въ виду такого опредѣленнаго свидѣтельства почти современника собора, всякая попытка набросить тѣнь на подлинность его постановленія должна быть признана напрасною.

Гефеле при объясненіи разсматриваемаго канона II вселенскаго собора замѣтилъ: „нѣкоторые греки находятъ въ этомъ канонѣ ту мысль, что константинопольскій епископъ получилъ совершенно равныя преимущества съ римскимъ, и предлогъ по „μετά“ указываетъ

¹⁾ Напр. въ роопредѣленіе конст. собора. Hefele, Conciliengeschichte, t. II §. 100. Hergenröther, t. 1, pag. 36.

²⁾ Baronius, Annales, an. 381, n. 35 et 36. Phillips, Kirchenrecht, t. II, pag. 49.

³⁾ Напр. Діонисій Малый помѣстилъ этотъ канонъ совмѣстно со вторымъ конст. правиломъ (Voelli et Justel. Bibliotheca juris canon. veteris t. 1, pag. 133). Древній переводъ каноновъ (Versio prisca) также содержитъ этотъ канонъ (ibid. pag. 302).

⁴⁾ Сократъ, Церков. Истор. стр. 397—398 см. Созоменъ, Церков. Истор. стр. 490—491. Свидѣт. Созом. приведено выше. стр. 20—21.

въ семь случаѣ на послѣдовательность времени“ ¹⁾. Гефеле не называлъ этихъ грековъ, но подобное толкованіе разсматриваемому канону даютъ: Аристинъ и за нимъ Славянская кормчая. Аристинъ въ толкованіи на разсматриваемый канонъ пишетъ: равныя преимущества и одинаковую честь (τῶν αὐτῶν προεβείων καὶ τῆς αὐτῆς τιμῆς) съ римскимъ епископомъ долженъ имѣть и епископъ константинопольскій, какъ и въ 28 правилѣ халкидонскаго собора понято это правило, потому что этотъ городъ есть новый Римъ и получилъ честь быть градомъ царя и синклита; такъ какъ предлогъ по (μετά) здѣсь обозначаетъ не честь, а время, подобно тому какъ еслибы кто сказалъ: по многому времени и епископъ константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ римскимъ“ ²⁾ Зонара и Вальсамонъ, опровергая въ свою очередь подобное мнѣніе, принимаютъ во вниманіе 36 правило трульскаго собора и 131 новеллу императора Юстиніана, поставляющія престолъ константинопольскаго епископа на второмъ мѣстѣ послѣ апостольскаго престола древняго Рима, и говорятъ, что предлогъ по „μετά“ означаетъ умаленіе и уменьшеніе чести. Греческій Πηδάλιον ³⁾, соглашаясь съ Аристиномъ и опровергая мнѣніе объ употребленіи предлога „по“ въ смыслѣ умаленія и уменьшенія чести, говоритъ, что „этотъ предлогъ указываетъ на равенство чести и порядокъ; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить пять различныхъ степеней чести, такъ какъ послѣ константинопольскаго слѣдуетъ престолъ александрійскій, антио-

¹⁾ Hefele, Conciliengesch. t. II, pag. 17.

²⁾ Σύνταξ. t. II, pag. 173—176. Въ Славянской Кормчей толкованіе Аристинна переведено такъ: «Того же старѣйшинства и тоже чести, уже имать римскій епископъ, и Константинова града епископъ причащается, и такжеже почитаемъ есть, якоже 28 правило, иже въ Халкидонѣ собора, сему правилу равно повелѣваетъ. Понеже есть Константианъ градъ новый Римъ, и почтенъ бысть царства ради и боярства, царь бо и бояре, отъ Рима ту переселишася, а еже рече правило, по римскомъ почтенъ есть, не о томъ глаголетъ, яко же римскому честию большу быти, и по немъ Константиноу граду почтену быти, но о сказаніи времени сіе речено есть. Яко жъ се рекъ бы нѣкто, яко же по многихъ лѣтѣхъ равныя чести римскому епископу, и Константинова града епископъ сподобися».

³⁾ Πηδάλιον. pag. 88—89.

хійскій“ и т. д. Составитель „опыта курса церковнаго законовѣденія“, не входя, подобно греческимъ толкователямъ, въ преніе относительно пониманія употребленнаго въ разсматриваемомъ правилѣ предлога „κατά“, переведеннаго „по“, опредѣлительно говоритъ: „сообразно возведенію Византіи на степень новой столицы, соборъ даетъ константинопольскому епископу первое въ іерархіи мѣсто непосредственно послѣ римскаго, какъ епископа древнѣйшей столицы“, и при этомъ далѣе прибавляетъ: „должно однакожь замѣтить, что въ этомъ правилѣ св. Отцы даютъ константинопольской кафедрѣ только еще преимущество чести (τιμή), но не власти (ἐξουσία) передъ окружными іерархами: ибо выше (т. е. во 2 канонѣ) уже положено общимъ правиломъ, чтобы округи управлялись соборомъ всѣхъ окружныхъ епископовъ, и чтобы каждый изъ митрополитовъ округа, былъ самостоятеленъ только въ своемъ помѣстномъ предѣлѣ. Поэтому-то епископъ константинопольскій, хотя первенствовалъ предъ всѣми восточными іерархами, но еще не вдругъ (а особенно до времени IV вселенскаго собора) получили надъ ними право и рукоположенія и зуда; самъ же постоянно принималъ посвященіе отъ ближайшаго митрополита—иракійскаго во Фракіи“¹⁾. Последнее толкованіе видимо преимуществуетъ предъ предъидущимъ тѣмъ, что оно разсматриваетъ и объясняетъ 3 канонъ константинопольскаго собора, содержащій первое постановленіе о преимуществахъ константинопольской кафедры, безотносительно къ послѣдующимъ постановленіямъ другихъ соборовъ; между тѣмъ какъ греческіе канонисты понимаютъ и объясняютъ константинопольскій канонъ въ связи или съ 28 прав. халкидонскаго собора, предоставившимъ константинопольскому епископу равныя преимущества (ἴσα πρεσβεία) съ римскимъ, или съ 36 прав. трульскаго собора, признавшимъ константинопольскій престолъ вторымъ послѣ римскаго; отсюда и возникаетъ между ними разномысліе въ пониманіи грече-

¹⁾ Опытъ курса Церков. Законов. т. 1. стр. 501. Bevereg. Synodicon. t. II. Annot. pag. 95—96.

скаго предлога „мета“, которое должно быть названо совершенно напраснымъ, если разсматривать константинопольскій канонъ отдѣльно, безъ отношенія къ опредѣленіямъ послѣдующаго времени и послѣдующихъ соборовъ. Въ константинопольскомъ канонѣ, какъ первомъ постановленіи о преимуществахъ константинопольскаго епископа, выражена одна и, притомъ безъ всякихъ частныхъ поясненій, общая мысль, что константинопольскій епископъ изъ уваженія къ мѣстопробыванію его кathedra въ новомъ Римѣ, второй столицѣ имперіи, долженъ пользоваться почетомъ послѣ римскаго, какъ епископа древней столицы имперіи. На основаніи подобнаго почета, константинопольскій епископъ долженъ былъ въ послѣдовательномъ счетѣ и въ общемъ собраніи іерарховъ занимать мѣсто ниже римскаго, но выше всѣхъ прочихъ іерарховъ восточной и западной церкви. При такомъ толкованіи предлогъ „по“ можетъ указывать только на мѣста римскаго и константинопольскаго іерарховъ при совмѣстныхъ засѣданіяхъ ихъ въ церковныхъ собраніяхъ, въ подписяхъ церковныхъ актовъ, при возношеніи ихъ именъ въ церковныхъ молитвахъ и т. п. но не указывать на равенство, а еще болѣе на умаленіе, или уменьшеніе преимуществъ одного іерарха передъ другимъ ¹⁾. Ни о равенствѣ, ни тѣмъ болѣе объ умаленіи и уменьшеніи преимуществъ одного іерарха сравнительно съ другимъ константинопольскій соборъ не говоритъ въ своемъ канонѣ, а только опредѣляетъ константинопольскому іерарху имѣть мѣсто послѣ римскаго, въ знакъ почета и уваженія къ нему, какъ епископу Константинополя, который есть новый Римъ ²⁾.

Предоставляя константинопольскому епископу „*преимущества чести*“ (πρεσβεία τῆς τιμῆς) *по римскому епископу*“ въ изъяснен-

¹⁾ Σύνοδον. т. II. pag. 174 Πηδάλιον. pag. 89.

²⁾ Примѣнительно къ опредѣленію этого канона и взложенъ законъ императора Θεοδοσία отъ 30 іюля 381 г. de fide catholica (Cod. Theod. lib. XVI. tit. 1. l. 3), гдѣ нововзбранный епископъ царствующаго города, Нектарій поставленъ на второмъ мѣстѣ послѣ римскаго Дамаса и прежде александрійскаго Тимсея.

номъ смыслѣ, константинопольскій канонъ не говоритъ объ отношеніи этого іерарха къ другимъ, равно и не опредѣляетъ его значенія въ предѣлахъ мѣстнаго, т. е. еракійскаго округа. Греческіе толкователи: Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ при объясненіи разсматриваемаго канона также умалчиваютъ объ этой сторонѣ вопроса. Зонара и Вальсамонъ только стараются объяснить: почему ираклійскому митрополиту предоставлено право рукополагать константинопольскаго патріарха и полагаютъ основаніе этого въ томъ, что древняя Византія, по покореніи ея римлянами, была подчинена Иракліи и, вслѣдствіе сего, епископъ первой получалъ хиротонію отъ послѣдняго ¹⁾). Греческій Πηδάλιονъ въ свою очередь замѣчаетъ: „нѣкоторые говорятъ, что настоящій канонъ предоставилъ константинопольскому епископу только честь (τιμήν), впоследствии же настоятельная нужда предоставила ему и власть рукополагать находившихся въ Азіи, Понтѣ и Фракіи митрополитовъ“ ²⁾). Архимандритъ Іоаннъ, объяснившій константинопольскій канонъ въ томъ смыслѣ, что имъ предоставлено только преимущество чести, но не власти, въ согласіи съ этимъ объясненіемъ, при толкованіи 28 халкидонскаго правила замѣчаетъ: „въ IV вѣкѣ константинопольскій епископъ не имѣлъ своего округа, а самъ оставался въ округѣ еракійскомъ, который былъ въ вѣдѣніи митрополита ираклійскаго“ ³⁾). По этому толкованію слѣдуетъ, что предоставленныя константинопольскимъ соборомъ константинопольскому епископу преимущества чести по римскомъ были личнымъ преимуществомъ іерарха константинопольскаго, занимавшаго кафедру во второй столицѣ, новомъ Римѣ, а не прерогативами константинопольской кафедры, долженствовавшей будто бы съ этого времени занять начальственно-административное положеніе въ мѣстномъ округѣ. Подобнымъ личнымъ преимуществомъ въ свое время никейскій, I вселенскій, соборъ почтилъ епископа Эліи-іерусалима, предоставивъ ему „*послѣдованіе чести, съ со-*

¹⁾ Σύνταξι. т. II. pag. 173. 175. ²⁾ Πηδάλιον. pag. 89.

³⁾ Опытъ курса церковн. законов. т. II. стр. 314.

храненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополиту“. Какъ никейскій соборъ призналъ іерусалимскаго епископа старѣйшимъ въ ряду всѣхъ іерарховъ понтійскаго діоцеза по преимуществамъ чести, но не по правамъ власти, которыя остались въ рукахъ митрополита кесарійскаго, какъ экзарха мѣстнаго округа; такъ соотвѣтственно этому и константинопольскій соборъ, предоставивъ константинопольскому іерарху почетное мѣсто въ числѣ всѣхъ іерарховъ христіанской церкви непосредственно послѣ римскаго, не далъ при этомъ первому никакихъ правъ власти надъ епископами еракійскаго діоцеза, въ которомъ находилась его кафедра, и который остался подъ властію мѣстнаго экзарха, митрополита ираклійскаго ¹⁾).

Съ такимъ объясненіемъ, по видимому, не согласуются свидѣтельства близкихъ по времени къ константинопольскому собору церковныхъ писателей: Сократа и Θεодорита. Сократъ говоритъ, что названный соборъ, •учредивъ патріаршества, раздѣлилъ епархіи, и при этомъ Нектарій константинопольскій, поставленный на томъ же соборѣ, получилъ: „столицу и Θραкію“ ²⁾. Θεодоритъ въ письмѣ къ Флавіану константинопольскому свидѣтельствуесть, что „собиравшіеся въ этомъ царственномъ городѣ блаженные отцы, согласно съ собиравшимися въ Никей, раздѣлили округи“ ³⁾. Свидѣтельства Сократа и Θεодорита уважаются въ семъ случаѣ и западными историками ⁴⁾, и канонистами ⁵⁾; но всматриваясь ближе въ эти свидѣтельства едва-ли можно на основаніи ихъ утверждать, что кон-

¹⁾ Нак. пр. 7. Σύσταγ. t. II. pag. 132. Thomass. t. I. lib. 1. cap. 12. n. 1—4. Hefele. t. I. pag. 403—407. Опыт. курса церк. зак. т. 1. стр. 299—230. Beveregius. t. II. Annot. pag. 63. Petr. d. Marc. de Concordia Sacer. et imp. lib. III, pag. 175—176.

²⁾ Сократъ. Церк. истор. стр. 397—398. Въ замѣчаніи на это мѣсто Сократа Вазелій тоже говоритъ, что ошибаются тѣ, которые думаютъ, что епископъ константинопольскій не имѣлъ никакого діоцеза, такъ какъ онъ прежде этого уже рукополагалъ епископовъ въ Геллеспонтѣ и Вивеніи (Socrat. et Sozom. edit. Vales. pag. 269. n. 4).

³⁾ Theodor. epist. 68. Opera t. IV. edit. Sirmond.

⁴⁾ Hefele, Conciliengesch. t. II. pag. 18.

⁵⁾ Hinschius, System d. kathol. Kirchenr. t. I. pag. 542.

константинопольскій соборъ дѣйствительно предоставилъ константинопольскому епископу, какъ патріарху, въ управленіе еракійскій округъ. Свидѣтельство Сократа, при всей его ясности и опредѣленности, не можетъ быть признано твердымъ и убѣдительнымъ по той причинѣ, что, какъ мы уже замѣтили, Сократъ пользуется наименованіемъ „патріархъ“ для обозначенія вовсе не административныхъ преимуществъ перечисленныхъ у него іерарховъ. Современный Сократу, другой церковный историкъ, Созоменъ вовсе не говоритъ о томъ, чтобы константинопольскій соборъ, предоставляя константинопольскому епископу, какъ занимавшему престолъ новаго Рима, преимущества чести послѣ римскаго, отдалъ первому въ управленіе и весь еракійскій округъ. Блаженный Феодоритъ также не даетъ объ этомъ предметѣ опредѣленнаго свидѣтельства. Все это вмѣстѣ заставляеть склониться къ мысли, что константинопольскій соборъ, сдѣлавъ во 2 канонѣ общее постановленіе о каедряхъ старѣйшихъ іерарховъ на востокъ христіанской церкви и установивъ общій порядокъ управленія въ подчиненныхъ имъ округахъ, въ 3 выразилъ опредѣленное постановленіе лишь о томъ, что и по сохраненіи начертаннаго въ предыдущемъ канонѣ порядка церковнаго управленія константинопольскій іерархъ долженъ пользоваться преимуществами чести послѣ римскаго безъ всякихъ правъ власти надъ епископами мѣстнаго, еракійскаго діоцеза. Въ пользу такого толкованія говорятъ: самое изложеніе канона и послѣдующее его примѣненіе. Соборъ для обозначенія предоставляемыхъ константинопольскому іерарху преимуществъ употребляетъ выраженіе: „πρεσβεῖα τῆς τιμῆς“ а не „πρεσβεῖα τῆς ἐξουσίας“ и не „πρεσβεῖα“ вообще, давая тѣмъ понятъ, что онъ въ своемъ опредѣленіи имѣеть въ виду извѣстныя преимущества и именно преимущества почета, а не власти. Согласно съ этимъ древній латинскій переводчикъ греческихъ каноновъ и за нимъ Діонисій малый¹⁾ перевели разсматриваемое выраженіе: „honoris primatum“ а не „ро-

¹⁾ Voelli et Justelli, Bibliotheca jur. can. vet. t. I. pag. 133.

testatis primatum“ какъ бы слѣдовало, если бы греческое выраженіе имѣло другой смыслъ. Въ смыслѣ постановленія о предоставленіи конст. іерарху только почетнаго преимущества и понимался этотъ канонъ въ послѣдующее время. На халкидонскомъ соборѣ мы встрѣчаемся съ такимъ разсужденіемъ его отцовъ. Когда начали читаться акты ефесскаго (т. е. разбойничаго) собора, происходившаго подъ предсѣдательствомъ Діоскора александрійскаго, и когда съ первыхъ строкъ этихъ актовъ открылось униженное положеніе, въ которое былъ поставленъ на этомъ соборѣ Флавіанъ константинопольскій, халкидонскіе отцы воскликнули: „Флавіанъ явился въ качествѣ осужденнаго. Это явная клевета. Почему Флавіанъ не засѣдалъ на своемъ мѣстѣ? Почему константинопольскій епископъ поставленъ пятымъ? Почтеннѣйшій епископъ Пасхазинъ сказалъ: „вотъ мы по волѣ Божіей считаемъ господина Анатолія первымъ, а они поставили блаженнаго Флавіана пятымъ“. Діогенъ почтеннѣйшій епископъ церкви кизической сказалъ: „потому что вы знаете правила“¹⁾. Отсюда видно, что халкидонскіе отцы признавали за Константинопольскимъ епископомъ только право предсѣдательства послѣ римскаго и не присвоили ему никакой власти. Далѣе, на томъ же халкидонскомъ соборѣ, при пересмотрѣ дѣла о Фотіи, епископѣ тирскомъ и Евстафій, епископѣ беритскомъ, когда возникъ вопросъ о компетентности дѣйствій константинопольскаго „*σύνδος ἐνδημοῦσα*“, Анатолій константинопольскій, защищая себя и дѣйствія бывшаго при немъ синода, не сослался при этомъ ни на какія церковныя постановленія, которыя давали бы ему право созывать подобные синоды, а указалъ на существовавшій обычай.²⁾ Наконецъ, когда халкидонскіе отцы, извѣщая папу Льва о своихъ дѣяніяхъ, писали ему и о томъ, что они постановили о преимуществахъ константинопольской кафедрѣ, то въ доказательство правильности своихъ дѣйствій, объясняли, что кон-

¹⁾ Дѣян. всел. соб. въ русск. пер. т. III. стр. 164—165.

²⁾ Тамъ же. т. IV. стр. 86.

стантинопольскій іерархъ и прежде пользовался правами поставленія митрополитовъ въ областяхъ азійскаго, понтійскаго и еракійскаго діоцезовъ, но не на основаніи какого-либо законоположенія, а по силѣ давняго обычая ¹⁾. Этихъ фактовъ достаточно, чтобы, утвердившись на нихъ, сказать, что халкидонскіе отцы, зная постановленіе константинопольскаго собора, вовсе не предполагали въ немъ такого опредѣленія, которое служило-бы основаніемъ для какой-либо юрисдикціи константинопольскаго іерарха. Въ согласіи съ этими фактами и мы должны заключить, что на основаніи константинопольскаго опредѣленія константинопольскій іерархъ законно могъ пользоваться только правами предсѣдательства (*τῆς προεδρίας*) въ средѣ какъ всѣхъ другихъ, такъ и епископовъ мѣстнаго, т. е. еракійскаго діоцеза, а никакъ не правомъ предстоятельства (*τῆς προσασίας*), по которому онъ могъ-бы считать извѣстныхъ епископовъ подчиненными своей власти. Словомъ: константинопольскій канонъ предоставилъ константинопольскому іерарху почетныя преимущества, которыя, дѣлая его по счету и мѣсту первымъ послѣ римскаго, не давали ему никакихъ правъ ни митрополитской, ни тѣмъ болѣе патриаршей власти въ предѣлахъ мѣстнаго, еракійскаго діоцеза ²⁾. Константинопольскій канонъ вообще не говоритъ о назначеніи для константинопольскаго іерарха какого-либо округа, ³⁾ а только предоставляетъ ему личное преимущество и при томъ относительно почета, а не юрисдикціи ⁴⁾.

Предоставленныя константинопольскому епископу константинопольскимъ соборомъ преимущества получили первое свое примѣненіе на этомъ-же соборѣ и соблюдались на послѣдующихъ. Избранный преемникомъ св. Григорія Богослова на константинопольской кафедрѣ Нектарій (381—397) занялъ послѣ него и предсѣдательство на продолжавшемся константинопольскомъ, II вселенскомъ, соборѣ, по силѣ его опредѣленія,

¹⁾ Дѣяп. всел. собор. т. IV. стр. 402.

²⁾ Beveregins. t. II. Annotat. in can. 3 const. pag. 95.

³⁾ Pichler. t. II. pag. 619. n. 11.

⁴⁾ Hengenröther. t. I. pag. 32. nct. 46.

не смотря на то, что здѣсь присутствовалъ и Тимоѳей александрийскій ¹⁾. Въ 382 г., по желанію собора аквилейскаго (381 г.), былъ созванъ въ Константинополь новый соборъ изъ тѣхъ-же епископовъ, которые присутствовали и на вселенскомъ соборѣ, кромѣ св. Григорія Богослова ²⁾. На этомъ соборѣ также предсѣдательствовалъ Нектарій. Соборъ вмѣстѣ съ догматическими разрѣшилъ дисциплинарные вопросы: о правильности избранія и поставленія Нектарія на константинопольскій, а Флавіана на антиохійскій престолы, противъ чего возражали западные епископы съ папою Дамасомъ ³⁾. Тотъ-же Нектарій предсѣдательствовалъ и на константинопольскомъ соборѣ 394 г., на которомъ присутствовали и другіе старѣйшіе іерархи: александрийскій Теофилъ и антиохійскій Флавіанъ. Соборъ занимался разсмотрѣніемъ дѣла двухъ аравійскихъ епископовъ: Гавадія и Агапія, которые принадлежали къ восточному діоцезу и спорили о митрополи бострійской ⁴⁾ Памятникомъ дѣяній этого собора служить начертанный имъ и принятый въ составъ церковныхъ правилъ канонъ о томъ, чтобы епископъ не былъ ни судимъ, ни тѣмъ болѣе извергаемъ двумя, или тремя епископами, но бѣльшимъ соборомъ (*πλείονος συνέδου*) и, по возможности,

¹⁾ Mansi. t. III. pag. 508. Harduin. t. I. pag. 803. Hefele. t. II. pag. 5—6. Hergenröther признаетъ этотъ фактъ недоказаннымъ (Photius... t. I. pag. 35, not. 69). Ванъ—Еспенъ думаетъ, что Мелетій антиохійскій предсѣдательствовалъ на предварительномъ соборѣ о замѣщеніи константинопольской катедры, вселенскій же соборъ, открывшій свои дѣйствія съ прибытіемъ египетскихъ епископовъ, происходилъ подъ предсѣдательствомъ Тимоѳея александрийскаго (*Jus ecclesiasticum*. t. VI, pag. 569).

²⁾ Gregor. Nazians. Opera. t. II. pag. 110. epist. 130 (alias 55) edit. Paris. 1842.

³⁾ Mansi. t. III. pag. 382. Harduin. t. I. pag. 822. Theodor. Histor. lib. V. cap. 9. Hefele. t. II. pag. 36. Hergenröther. t. I. pag. 35—36. Пользуясь случаемъ замѣтимъ, что этому собору приписывается составленіе 5 и 6 каноновъ констант. всел. собора (Hefele. t. II. pag. 12. Beveregius. t. II. pag. 98), которыхъ дѣйствительно не оказывается—какъ въ древнихъ латинскихъ переводахъ, сдѣланныхъ съ греческихъ оригиналовъ, такъ и въ собраніи Іоанна Схоластика въ числѣ константинопольскихъ (см. Voelli et Justelli, *Bibliotheca*... t. I. pag. 302. t. II. pag. 508).

⁴⁾ Mansi, t. III. pag. 851. Hefele. t. II. pag. 61. 513. Hergenröther. t. I. pag. 37.

всѣхъ епископовъ подлежащей области ¹⁾). Какъ Нектарій первенствовалъ въ собраніи старѣйшихъ іерарховъ востока, такъ тѣмъ-же преимуществомъ пользовались и послѣдующіе константинопольскіе іерархи. Преемникъ Аттика Сисиній (425—428) предсѣдательствовалъ на константинопольскомъ соборѣ (426 г.), на которомъ присутствовалъ Θεодотъ Антиохійскій, и который былъ созданъ по повелѣнію императора Θεодосія младшаго для осужденія мессалианскихъ заблужденій ²⁾). Сверхъ сего высокое положеніе константинопольскаго епископа, какъ іерарха столицы, и его вліяніе при императорскомъ дворѣ подавали поводъ къ тому, что онъ особенно въ важнѣйшихъ случаяхъ былъ приглашаемъ на соборы, собиравшіеся внѣ еракійскаго экзархата. И въ такихъ случаяхъ епископъ константинопольскій обыкновенно занималъ мѣсто предсѣдателя и рукополагалъ избраннаго во епископы, если цѣлю его прибытія было прекратить возникшія несогласія и утвердить выборъ ³⁾). Вообще періодъ времени между II вселенскимъ, предоставившимъ константинопольскому епископу только преимущество чести по римскомъ и IV вселенскимъ соборомъ, утвердившимъ перваго въ патріаршемъ достоинствѣ и предоставившимъ ему „равныя права съ римскимъ“, слѣдуетъ признать періодомъ времени постепеннаго развитія и утвержденія на практикѣ предоставленныхъ впоследствии константинопольскому епископу дѣйствительныхъ правъ патріаршей власти въ трехъ діоцезахъ: Понта, Азій и Фракіи.

Успѣшному возвышенію и дѣйствительному утвержденію значенія и власти константинопольскаго епископа болѣе всего способствовало самое его положеніе какъ епископа столицы, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ императоромъ и его дворомъ. Это положеніе создавало множество частныхъ условій, способствовавшихъ къ расширенію и утвержденію его

¹⁾ Книга правилъ. стр. 410. Σύστασις. т. III. pag. 625—628.

²⁾ Mansi. t. IV. pag. 542. Hefele. t. II. pag. 125.

³⁾ Tillemont. Memoires. t. XV. pag. 700. Hefele. t. II. pag. 514.

вліяння далеко за предѣлами Константинополя: Главнымъ изъ этихъ условій слѣдуетъ признать то, что, не смотря на строгое запрещеніе самимъ епископамъ, безъ приглашенія императора, являться въ столицу ¹⁾, первые постоянно приходили въ Константинополь и проживали тамъ по нѣскольку времени въ значительномъ числѣ. Цѣлю ихъ пребыванія въ Константинополѣ обыкновенно были или какое либо ходатайство о нуждахъ епархіи, или принесеніе жалобы императору и т. п. При такихъ посѣщеніяхъ столицы они естественно обращались къ ея епископу и просили его совѣта и содѣйствія. Оказанныя при подобныхъ обстоятельствахъ расположеніе къ одному, дѣйствительная помощь другому естественно обязывали ихъ къ благодарности и признательности къ епископу столицы и тѣмъ усиливали въ ихъ средѣ уваженіе къ послѣднему. Сверхъ сего извѣстно, что императоры, получая просьбы и, въ особенности, жалобы отъ приходившихъ въ столицу епископовъ, или сами рѣшали ихъ, спрашивая мнѣнія епископа резиденціи, или указывали искавшимъ сторонамъ обратиться со своими жалобами прямо къ посредствующему суду послѣдняго, который и рѣшалъ ихъ при участіи находившихся въ Константинополѣ иноепархіальныхъ епископовъ. Отсюда-то и получилъ свое начало и подъ вліяніемъ этого обычая утвердился при константинопольскихъ іерархахъ особый синодъ съ именемъ „*Σύνδος ἐνδημοῦσα*“ ²⁾. Образование и присутствіе подобнаго синода при константинопольскомъ епископѣ особенно возвышали и окончательно утверждали значеніе его, какъ первенствующаго іерарха на всемъ христіанскомъ востокѣ, дѣлая его еο іρσο посредствующимъ судьей въ спорахъ и несогласіяхъ не только простыхъ епископовъ, но и епископовъ съ митрополитами разныхъ діоцезовъ. Такъ, между прочимъ, св. Златоустъ въ 400 г., собравъ „*σύνδος ἐνδημοῦσα*“ низложилъ на немъ экзарха ефесскаго Антонина; св. Флавіанъ на такомъ же синодѣ, собиравшемъ

¹⁾ Сардик. пр. 7—8. Photii Nomocan. tit. VIII. cap. 2.

²⁾ Pichler. t. I. pag. 630. Hergenröther. t. I. pag. 38.

ся 8 октября 428 г., рѣшилъ дѣло сардскаго митрополита Флорентина съ двумя подчиненными ему епископами; на такомъ же синодѣ была разсмотрѣна и жалоба Евсевія дорилейскаго, обвинявшаго Евтихія въ неправомыслии, и произнесена анаѣема послѣднему ¹⁾. Вообще, благодаря различнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, предоставленнымъ константинопольскимъ соборомъ константинопольскому іерарху преимущества чести успѣшно переходила въ преимущества дѣйствительной власти. Какъ въ дѣйствительности и вполнѣ была подготовлена къ этому почва, и какъ вообще скоро прививалось и широко распространялось вліяніе константинопольскаго епископа, подтвержденіемъ этому служатъ многіе примѣры. Уже къ Нектарію, который первымъ воспользовался предоставленными константинопольскому епископу преимуществами чести на константинопольскомъ соборѣ, обращался св. Амвросій съ ходатайствомъ о томъ, чтобы Нектарій посодѣйствовалъ низложенію Геронтія, позволившаго себѣ оставить миланскую церковь и сдѣлаться епископомъ никоидійскимъ. Преемникъ Нектарія, св. Іоаннъ Златоустъ (398—404), еще болѣе возвысилъ и шире распространилъ вліяніе константинопольскаго епископа. По свидѣтельству Θεодорита, св. Златоустъ имѣлъ попеченіе не только о своемъ городѣ, но и о всей Фракіи, цѣлой Азіи и о всей понтійской области ²⁾, т. е. о тѣхъ трехъ діоцезахъ съ находившимися въ нихъ двадцатью осью провінціями, которыя вполнѣ, въ дѣйствительности, были подчинены іерарху константинопольскому и составили его патриаршій округъ. Пользуясь такимъ значеніемъ, св. Златоустъ, какъ пишетъ Созоменъ, освѣдомившись (400 г.) что церкви въ Азіи и около нея управляются людьми недостойными, изъ коихъ одни, обольщаясь взятками и подарками, другіе—лицепріятіями торгуютъ священнымъ званіемъ, отправился въ Ефесъ, и во время этого своего путешествія, частію въ Ликии и Фра-

¹⁾ Hefele, Conciliengesch. t. II. pag. 514—515 и 301.

²⁾ Θεодоритъ, церковн. истор. стр. 359—360.

кін, частію въ Азіи низложили тринадцять епископовъ и на ихъ мѣста поставили другихъ; въ ефескую-же церковь, чтобы прекратить тамъ споръ враждовавшихъ партій, Златоустъ рукоположилъ епископомъ своего діакона Гераклида, родомъ киприанина ¹⁾. Во время того-же путешествія, Златоустъ выгналъ изъ никомидійской церкви и Геронтія, о которомъ просилъ его предшественника св. Амвросій, но Нектарій, сколько ни старался, не могъ исполнить просьбы Амвросія ²⁾. Златоустъ же рукоположилъ и Мемнона, столь извѣстнаго въ исторіи ефесскаго, III вселенскаго собора епископомъ Ефеса ³⁾. Эти и подобные факты позволяютъ сказать, что еще во времена св. Златоуста константинопольскій епископъ *de facto*, на практикѣ, уже пользовался начальственными правами надъ областями проконсульской Азіи и еще ближе ея лежавшею Вионніею. Преемникъ св. Златоуста, послѣ кратковременнаго правленія Арзакія (404—405) ⁴⁾, Аттікъ правилъ константинопольскою каедрою съ тѣмъ-же постепенно расширявшимся значеніемъ по отношенію къ областямъ малой Азіи и Фракіи. Аттікъ разрѣшилъ споръ фригійскихъ епископовъ: Агапита и Θεодосія въ пользу перваго ⁵⁾, рукоположилъ ритора Сильвана епископомъ въ Филиппополь въ Родопѣ и, спустя три года, перевелъ его въ Троаду ⁶⁾, такъ какъ Сильванъ не могъ выносить суроваго для него климата Филиппополя. Сократъ даетъ поводъ думать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Аттікъ дѣйствовалъ, опираясь на особый императорскій указъ, которымъ было предоставлено ему право рукополагать митрополитовъ кромѣ Фракіи и въ другихъ экзархатахъ ⁷⁾. Аттіку-же приписываютъ стремленія рас-

¹⁾ Созоменъ, церковн. истор. кн. VIII. гл. 6. стр. 559. Сократъ, церк. истор. кн. VI. гл. II. стр. 476. На эти факты на халкидонскомъ соборѣ указывалъ и Филиппъ, пресвятеръ великой церкви (Harduin, t. II. pag. 557).

²⁾ Созоменъ, церковн. истор. стр. 359—360.

³⁾ Hefele, Conciliengesch. t. II. pag. 477—480. 515.

⁴⁾ Hergenröther. t. I. pag. 42—43. ⁵⁾ Hergenröther. t. I. pag. 45.

⁶⁾ Сократъ, церковн. истор. кн. VII. гл. 3. 37. Thomassinus. t. I. lib. I. cap. 10. n. 6.

⁷⁾ Сократъ. кн. VII. гл. 28.

пространить свое вліяніе и на предѣлы іерарха Рима и подчинить своей власти Эпиръ, Македонію, Фессалію и Ахаію, которые по закону Θεодосія I были присоединены къ восточной половинѣ имперіи, но въ церковномъ отношеніи, по прежнему, продолжали находиться въ зависимости отъ римскаго епископа ¹⁾. Преемникъ Аттика Сисиній (426—428) рукоположилъ Прокла епископомъ Кизики, хотя жители этого города и не приняли его, но избрали себѣ епископомъ монаха Далматія ²⁾. О преемникѣ Сисинія Несторіи (428—430) блаженный Θεодоритъ замѣчаетъ, что онъ съ епископскою кафедрою Константинополя соединялъ предсѣдательство предъ епископами всей имперіи (πρωδρία τῆς οἰκουμενικῆς πόσεως) ³⁾. Занявшій константинопольскій престолъ послѣ Максиміана (431—434), преемника Несторія, Прокль (434—446), какъ рассказываетъ о немъ Сократъ, поставилъ Фалассія, императорскаго префекта, епископомъ Кесаріи каппадокійской, о чемъ просилъ Прокла клиръ названнаго города послѣ смерти прежняго ихъ епископа Фирма. Рассказывая объ этомъ обстоятельстве, Сократъ называетъ оное дѣломъ удивительнымъ, какого не дѣлалъ ни одинъ изъ прежнихъ епископовъ ⁴⁾. Необычайность этого обстоятельства заключалась въ томъ, что епископъ Кесаріи былъ предстоятелемъ понтійскаго діоцеза и что, слѣдовательно, съ поставленіемъ его, распространялось и на этотъ діоцезъ вліяніе константинопольскаго епископа ⁵⁾. Тотъ-же Прокль рукоположилъ и Василия епископомъ ефесскимъ, т. е. предстоятелемъ азійскаго діоцеза ⁶⁾. Равнымъ образомъ, принявъ сторону Перрскаго епископа Аванасія, изгнаннаго изъ его церкви, Прокль (444) просилъ Домна

¹⁾ Hergenröther. t. I. pag. 45—46. Phillips. t. I. pag. 68. Hinschius. t. I. pag. 583.

²⁾ Сократъ. кн. VII. гл. 47.

³⁾ Theodoret. Haeres. fab. IV. 12. сн. Pichler. t. II, pag. 690—691.

⁴⁾ Сократъ. VII. 48.

⁵⁾ Thomassinus, t. I. lib. I. cap. 10. n. 7. Le Quien, t. I. 562 — 563. 575—576.

⁶⁾ Hefele, t. II. pag. 477. 515.

антиохійскаго произвести точное изслѣдованіе по этому дѣлу ¹⁾. Подобные факты подтверждаютъ, что ко времени халкидонскаго собора константинопольскій епископъ распространилъ свою власть и на экзархаты Понта и Азіи и вмѣстѣ разъясняютъ, что вполне была подготовлена почва къ тому, чтобы названный соборъ оградилъ сформировавшуюся практику положительнымъ закономъ. Можно сказать: наканунѣ халкидонскаго собора, преемникъ Флавіана, Анатолій (449—458) поставилъ Максима, по смерти Домна, епископомъ Антиохіи и тѣмъ какъ-бы заявилъ претензію на этотъ древній и знаменитѣйшій престолъ. Гефеле, на основаніи словъ папы Льва, замѣчаетъ, что только любовь къ миру не позволила папѣ кассировать этотъ неправильный выборъ ²⁾.

Вышеизложенное показываетъ, что возвышеніе константинопольской каѳедры и расширеніе власти ея іерарха были естественнымъ слѣдствіемъ ихъ положенія и вмѣстѣ удовлетвореніемъ тому правилу, по которому духовной и свѣтской власти, при неизбѣжности взаимныхъ ихъ сношеній, естественно находится и дѣйствовать въ одномъ центрѣ. Вслѣдствіе сего возвышеніе константинопольской каѳедры и расширеніе правъ ея іерарха, не безъ основанія, приписываются значительному содѣйствію византійскихъ императоровъ ³⁾, которые дѣйствительно, посредственно и непосредственно, помогали этому возвышенію и расширенію. Такъ, Θεодосій младшій (408—450), по поводу споровъ между епископами иллирійскими, издалъ (421) законъ, по которому всѣ важнѣйшія спорныя дѣла (*maiores causae*), касающіяся церкви въ Иллиріи, должны были быть рѣшаемы не иначе, какъ по согласію съ епископомъ Константинополя, такъ какъ городъ этотъ пользуется преимуществами древняго Рима ⁴⁾; дру-

¹⁾ Mansi, t. VII. pag. 321—326. Hergenröther, t. I. pag. 57.

²⁾ Hefele, Conciliengesch. t. II. pag. 516.

³⁾ Pichler, t. II. pag. 629. n. 18. Hergenröther, t. I. pag. 47—48.

⁴⁾ Cod. Theodos. lib. XVI. tit. 2. l. 45. Cod. Just. lib. I. tit. 2. l. 6. Первый законъ былъ данъ при слѣдующихъ знаменательныхъ обстоятельствахъ. Около 419 г. епископъ Патрскій Первгенъ былъ возведенъ на митропо-

тимъ закономъ онъ повелѣлъ, чтобы безъ согласія константинопольскаго епископа не былъ рукополагаемъ ни одинъ епископъ въ Азій и Оракіи ¹⁾). Возвышеніе кафедръ и расширеніе преимуществъ константинопольскаго епископа много утверждались и на сочувственномъ расположеніи къ нимъ другихъ іерарховъ, которымъ было выгодно имѣть почтеннаго и вліятельнаго представителя интересовъ церкви въ резиденціи свѣтскаго правительства передъ лицомъ царя и синклита. Къ сему примѣшивалось вполнѣ понятное въ подобныхъ случаяхъ стремленіе стать ближе къ такому представителю, воспользоваться его вліяніемъ для своихъ собственныхъ цѣлей, и тѣмъ посодѣйствовать утвержденію его преимуществъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ искавшихъ суда и распоряженій константинопольскаго іерарха по доброй волѣ стремились къ этому съ мыслью найти большее удовлетвореніе собственному чувству. Какъ-бы то ни было, только необходимо согласиться, что возвышеніе константинопольской кафедры и расширеніе преимуществъ ея іерарха уже напередъ были предугазаны и рѣшены всѣми имѣвшими сложиться и, дѣйствительно, сложившимися въ ихъ пользу обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе, мы не сказали-бы всего, относящагося къ нашему предмету, если-бы не прибавили, что возвышеніе константинопольской кафедры и расширеніе преимуществъ ея іерарха совершались не безъ замѣтной оппозиціи и сильнаго противодѣйствія. Само собою понятно, что эти оппозиція и противодѣйствіе должны были возникнуть

лечью кафедру Коринѳа послѣ того, какъ народъ перваго города не принялъ его. Нѣкоторые иллирійскіе епископы, оставшись недовольны этимъ назначеніемъ, обратились съ жалобою по этому дѣлу сначала къ Руфу, прimate Бессалоники, потомъ къ папѣ Вонифатію I (418—422). Та и другая жалобы ихъ остались безъ послѣдствій; они обратились къ Аттіку константинопольскому и просили его созвать соборъ въ Коринѳѣ для разсмотрѣнія дѣла о Перягенѣ. Папа, по провсканъ Руфа, объявлялъ созванный соборъ не дѣйствительнымъ; между тѣмъ какъ Аттікъ испросилъ у императора означенный законъ, въ которомъ уже замѣтно даетъ себя чувствовать мысль о сравненіи Византіи съ древнимъ Римомъ. (Le Quien, t. I. pag. 23. t. II. pag. 9).

¹⁾ Сократъ. кн. VII. гл. 28.

тамъ и идти оттуда, гдѣ скорѣе и болѣе могли быть недовольны подобнымъ возвышеніемъ и расширеніемъ. Если константинопольская катедра и константинопольскій епископъ по своимъ преимуществамъ съ одной стороны приближались къ катедрѣ и епископу древняго Рима, съ другой—непосредственно возвышались надъ катедрою и епископомъ Александріи, то такою постановкою дѣла самъ собою рѣшается вопросъ: гдѣ могла возникнуть оппозиція и откуда долженъ быть явиться протестъ. Такими пунктами могли быть и дѣйствительно были: Римъ и Александрія.

Противодѣйствіе Рима возвышенію константинопольскаго епископа въ предѣлахъ преимуществъ чести по римскомъ епископѣ, очевидно, не могло получить того остраго характера, какимъ отличался протестъ противъ предоставленія константинопольскому іерарху халкидонскимъ соборомъ преимуществъ дѣйствительной власти. Тѣмъ не менѣе римскіе папы не остались совершенно безразличными и къ константинопольскому опредѣленію. Дѣло въ томъ, что папа Дамась (360—384 г.), утвердивъ присланныя на западъ догматическія опредѣленія (символь) константинопольскаго собора, не изъявилъ согласія на принятіе его канонъ, а равно и на другія дѣйствія того же собора: на поставленіе Нектарія константинопольскаго и Флавіана антиохійскаго ¹⁾. Не сдѣлавъ этого, Дамась однако не заявилъ протеста противъ предоставленія константинопольскому епископу преимуществъ чести ²⁾, какъ не рѣшались на это и преемники Дамаса, хотя всѣ они остались послѣдовательными въ томъ, что не признавали константинопольскаго канона. Римскіе папы не сдѣлали этого потому, что не усматривали

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 36—37. Herhenröther, t. I. pag. 36. Послѣдній считаетъ весьма вѣроятнымъ, что постановленіе константинопольскаго собора о преимуществахъ константинопольскаго епископа вовсе не было сообщено въ Римъ и западнымъ епископамъ.

²⁾ Zigler говоритъ, что Дамась не сдѣлалъ этого по причинѣ стѣснительнаго своего положенія, вслѣдствіе происковъ своего соперника Урсина, а вовсе не потому, чтобы не признавалъ за римскою церковію главенства надъ всѣми прочими церквами имперіи (pag. 180—181).

въ предоставленныхъ константинопольскому епископу константинопольскимъ соборомъ преимуществъ никакого посягательства на прерогативы собственной, римской каѳедры. Лишь только эти прерогативы подвергались неблагоприятнымъ для нихъ со стороны Константинополя стремленіямъ, папы выходили изъ своего равнодушія и не стѣснялись открыто дѣйствовать противъ разширенія преимуществъ константинопольской каѳедры. Таково именно было поведеніе папы Вонифатія I, который, отстаивая права своей каѳедры надъ Македонією, Фессалією и Эпиромъ противъ вліянія Аттика константинопольскаго, убѣждалъ Руфа ессалоникскаго и другихъ мѣстныхъ епископовъ не отдѣляться отъ юрисдикціи Рима. Говоря противъ Аттика, папа именно приглашалъ Руфа изслѣдовать постановленія каноновъ, чтобы найти: какаѳ каѳедра должна считаться второю послѣ римской, и настаивалъ на сохраненіи преимуществъ александрійской и антїохійской церквей ¹⁾. Прочихъ иллирійскихъ епископовъ папа увѣщевалъ охранять древнія права митрополита Руфа и не отдѣляться отъ общенія и власти апостольской каѳедры, вмѣсто того, чтобы искать заступленія тѣхъ, коимъ „постановленіями церкви не дано никакой высшей власти“ ²⁾. Надобно впрочемъ замѣтить, что противодѣйствіе Рима разширенію преимуществъ константинопольской каѳедры, если и обнаруживалось, то не имѣло почвы для своего развитія. Константинопольскіе епископы, вынуждаемые обстоятельствами, сами прибѣгали къ защитѣ и заступленію Рима, добровольно какъ бы признавали тѣмъ власть его епископовъ надъ собою и открывали имъ широкій просторъ для самостоятельныхъ дѣйствій въ дѣлахъ константинопольской каѳедры. Такъ св. Златоустъ, осужденный на соборѣ подъ Дубомъ (ad quecum) (403), обращался къ помощи папы Иннокентія I (402—417), который, принявъ сторону обиженнаго, объявилъ дѣйствія названнаго собора недѣйствительными и при-

¹⁾ Le Quien, t. I. pag. 18. n. III.

²⁾ Mansi, t. VIII. pag. 755. Подобно Вонифатію и папа Свѣсть III убѣждалъ тѣхъ же епископовъ не принимать постановленій константинопольскаго собора, кромѣ его догматическихъ опредѣленій.

глашалъ къ себѣ въ Римъ Златоуста и Теофила александрійскаго для новаго разслѣдованія дѣла ¹⁾. Въ свою очередь Кириллъ александрійскій и Несторій константинопольскій обращались къ папѣ Целестину 1 (422—432) по поводу возникшихъ между ними несогласій объ образѣ мыслей Несторія, и Целестинъ во все время этихъ споровъ занималъ положеніе посредствующаго судьи ²⁾. Далѣе, Флавіанъ константинопольскій, обиженный и обезчещенный на ефесскомъ, разбойничьемъ соборѣ (449), прибѣгаль къ папѣ Льву великому (440—456), который, отвергнувъ дѣянія названнаго собора, просилъ императоровъ о созваніи собора вселенскаго ³⁾. Всѣ эти факты, если не могутъ служить подтвержденіемъ мысли о преобладаніи римскаго епископа надъ всею церковію и въ частности надъ константинопольскою каеэдрою ⁴⁾, то не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что римскимъ епископамъ не только не было поводовъ негодовать на униженіе ихъ преимуществъ, напротивъ, приученные подобными обстоятельствами къ мысли о недосыгаемой высотѣ своей каеэдры, они вполнѣдствіи не могли сносить и казавшееся имъ оскорбленіе ея правъ. Вооружаясь въ свое время противъ предоставленія константинопольской каеэдрѣ равныхъ съ римскою правъ власти, римскіе папы энергически говорили тогда и противъ преимуществъ чести, которыя были предоставлены той-же каеэдрѣ константинопольскимъ соборомъ.

Оппозиція со стороны Александріи, гдѣ находилась вторая по старшинству каеэдра, должна была обнаружиться вслѣдъ за предоставленіемъ константинопольскому епископу преимуществъ чести и получить болѣе рѣзкій характеръ, такъ какъ съ

¹⁾ Palladius. Vita Chrysost. cap. 8 — 24. Сократъ, кн. VI. гл. 15 — 19. Созоменъ, кн. VIII. гл. 13. 16—22. Hefele, t. II. pag. 76—84. Hergenröther, t. I. pag. 39—43.

²⁾ Дѣян. всел. соб. въ русск. перев. т. I. стр. 366 — 396. Hefele, t. II. pag. 143—157. Hergenröther, t. I. pag. 49—55.

³⁾ Дѣян. всел. собор. въ русск. перев. т. III. стр. 63—74 Hefele, t. II. pag. 360, 363, 367, 370. Hergenröther, t. I. pag. 58—70.

⁴⁾ Опыт. курс. церк. закон. т. I. стр. 476 прим. 541.

примѣненіемъ этихъ преимуществъ константинопольскій епископъ становился по положенію, мѣсту и почету выше іерарха александрійскаго, и затемнялъ первенствующее значеніе его кафедрѣ на востокѣ христіанской церкви. Гефеле и другіе не безъ основанія полагаютъ, что ближайшимъ поводомъ къ возобновенію константинопольскимъ соборомъ никейскаго постановленія о предѣлахъ церковнаго управленія и, въ связи съ этимъ, къ предоставленію константинопольскому епископу преимуществъ чести по римскомъ ¹⁾ послужило поведеніе умершаго, александрійскаго архіепископа Петра, который, сочувствуя искательству Максима Киника, дозволилъ египетскимъ епископамъ поставитъ его епископомъ Константинополя, въ то время, когда кафедрѣ этого города занималъ Григорій Богословъ ²⁾. Какъ бы то ни было, только на константинопольскомъ соборѣ многіе ³⁾ остались очень недовольны египетскими епископами за поставленіе ими Максима Киника епископомъ, о которомъ соборъ постановилъ, что ни самъ Максимъ не долженъ быть и считаться епископомъ, ни рукоположенные имъ въ какую бы то ни было степень клира не должны признаваться клириками, но все сдѣланное Максимомъ должно остаться недѣйствительнымъ ⁴⁾. Чтò во всей исторіи Максима Киника были замѣшаны интересы александрійской кафедрѣ и скрывались притязанія ея предстоятелей вліять на константинопольскую, это вполне обнаружилось на томъ же константинопольскомъ соборѣ въ томъ, что братъ и преемникъ умершаго Петра, александрійскій архіепископъ Тимофей (381 — 385), прибывъ на этотъ соборъ, не согласился одобрить его постановленія, а равно и признать низложеніе Максима и поставленіе Нектарія на константино-

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 16. Valesius, Annotat. in Sacr. Histor. lib. V. cap. 8. pag. 270. not. I. Maassen. pag. 18—20.

²⁾ Σύνταξ. t. II. pag. 174—177. Опыт. курс. церк. зак. т. I. стр. 502—503. Bevereg. t. II, Annot. pag. 96.

³⁾ Ulman. Gregorius von Nazian. pag. 242.

⁴⁾ Констант. II вселен. пр. 4.

польскую кафедру ¹⁾. Тимошей обратился съ заявленіемъ своего неудовольствія на западъ къ папѣ Дамасу, своимъ протестомъ вѣроятно повліялъ на аквилейскій соборъ и затруднилъ признаніе Нактарія со стороны запада ²⁾. Подобное поведеніе Тимошей уже напередъ обрисовало послѣдующее отношеніе между Александрією и Константинополемъ и положило начало дальнѣйшимъ и продолжительнѣйшимъ несогласіямъ между ихъ предстоятелями. То самое, что во время этихъ несогласій константинопольскіе епископы являются обвиняемыми и защищающимися, показываетъ, что нападеніе шло со стороны Александрии и было не случайнымъ. Дѣйствительно, со времени II вселенскаго, константинопольскаго собора, утвердившаго преимуществва чести за константинопольскимъ епископомъ, и до халкидонскаго, IV вселенскаго, признавшаго равенство константинопольской кафедры съ римскою, въ теченіе семидесяти лѣтъ (381—451), мы видимъ послѣдовательно возникавшее и продолжавшееся несогласіе—александрійскихъ архіепископовъ съ константинопольскими, которое, по временамъ, обнаруживалось въ крайнихъ проявленіяхъ раздраженія. Преслѣдованіе св. Златоуста—Теофиломъ (385—412) александрійскимъ, обвиненіе Несторія—Кирилломъ (412—444) александрійскимъ и обиды Флавіану—отъ Діоскора (444—451)—ислѣдователи понимаютъ и объясняютъ въ смыслѣ обнаруженія непріязненныхъ дѣйствій Александрии противъ Константинополя изъ за преимуществъ чести константинопольскаго іерарха предъ александрійскимъ ³⁾. Если и мы примемъ во вниманіе: съ одной стороны тѣ усилія, которыя были употреблены Теофиломъ для преслѣдованія св. Златоуста и осужденія его на соборѣ подъ дубомъ ⁴⁾; съ другой—тѣ насилія, которыя были причинены Діоскоромъ Флавіану на ефесскомъ, разбойничьемъ со-

¹⁾ Le Quien. t. I. pag. 16—17.

²⁾ Hergenröther. t. I. pag. 34.

³⁾ Hergenröther. t. I. pag. 34—35. 37—39. 40—41. 49—53. 59—61.

⁴⁾ Сократъ, церк. истор., стр. 457. 471—475. 482—485. Созоменъ, церк. ист. стр. 572—582.

борѣ и вообще при защищеніи стороны Евтихія; то подобное мѣнѣе не покажется страннымъ, и разсматриваемая сторона вопроса достаточно разъяснится. Св. Златоустъ, не смотря на всѣ его протесты и требованія, былъ обвиненъ и осужденъ заочно и притомъ судьями, которыхъ онъ требовалъ устранить ¹⁾. Въ числѣ обвиненій, послужившихъ основаніемъ къ осужденію св. Златоуста, между прочимъ было выставлено и то, что онъ вмѣшивался въ предѣлы чужихъ епархій ²⁾. Еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ дѣйствовалъ противъ Флавіана константинопольскаго на ефескомъ, разбойничьемъ соборѣ Діоскоръ александрійскій, который былъ обвиненъ и осужденъ за эти насилія на IV вселенскомъ соборѣ ³⁾. Словомъ, въ виду этихъ фактовъ трудно отвергать, что возвышеніе константинопольской кафедръ и ея іерарха были не совсѣмъ пріятными явленіями для старѣйшей, александрійской кафедръ, предстатели которой пользовались случаями для поддержанія своего вліянія и къ потемнѣнію возвышавшейся кафедръ.

Кромѣ такой, повидному, послѣдовательной оппозиціи обнаруживались случаи частнаго неудовольствія противъ епископа константинопольскаго и его распоряженій. Такъ мы видѣли, что жители города Кизики не приняли Прокла, рукоположеннаго для нихъ Сисиніемъ константинопольскимъ, ссылаясь на то, что законъ Θεодосія о правѣ константинопольскаго епископа рукополагать епископовъ въ экзархатахъ Азіи, Понта и Θракіи, утверждалъ личныя преимущества предшественника Сисинія, Аттика ⁴⁾. Проблески неудовольствія обнаружилились и на халкидонскомъ соборѣ. Въ одиннадцатомъ засѣданіи назван-

¹⁾ Fessler, Kanonische Process. pag. 58—61.

²⁾ Hefele, t. II. pag. 76—80. Ближайшимъ поводомъ къ подобному обвиненію св. Златоуста со стороны Θεοφιλα послужило то, что во время споровъ оригенистовъ св. Златоустъ принялъ сторону длинныхъ братьевъ, которыхъ преслѣдовалъ Θεοφιλъ александрійскій. Сохратъ, стр. 472—473. Созоменъ, стр. 572—574. Pichler, t. II. pag. 630.

³⁾ Дѣян. всел. собор. въ русск. пер. т. III. стр. 463—464. 492. Hefele. t. II. pag. 419—420. ⁴⁾ Hefele. t. II. pag. 138, 515, 516.

⁵⁾ Сохратъ. VII. 28. Thomassin. lib. 1. cap. 10 n. 7.

наго собора епископы ефесскаго діоцеза настоятельно просили соборъ о томъ, чтобы на будущее время епископы Ефеса не были рукополагаемы въ Константинополь ¹⁾. Къ обнаруженіямъ-же подобнаго неудовольствія относятся и то, что халкидонскій соборъ въ четвертомъ своемъ засѣданіи отмѣнилъ постановленіе константинопольскаго „*ἁγίου Θεοδοῦς ἐν ἐπιτροπῆσιν*“, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Анатолія по дѣлу Фотія тирскаго и Евстафія беритскаго, возвративъ первому митрополичьи права надъ всею областью первой Финикіи ²⁾. Гефеле утверждаетъ и относительно папы Льва, что онъ очень хорошо зналъ о намѣреніи Анатолія расширить свою власть: поэтому и далъ своимъ, отправлявшимся на востокъ, легатамъ порученіе, чтобы они всячески противодействовали тому, еслибы кто, опираясь на знатность своего епископскаго города, рѣшился присвоить себѣ какія-либо преимущества ³⁾. Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ подымалась оппозиція, готовая разрушить самыя первыя попытки о присвоеніи константинопольскому іерарху особыхъ правъ власти; тѣмъ неменѣе въ 15 засѣданіи халкидонскаго собора вмѣстѣ съ прочими былъ постановленъ канонъ, утвердившій за константинопольскимъ епископомъ и его кафедрою *de jure* тѣ преимущества и права, которыя они уже *de facto* успѣли приобрѣсти.

«Во всемъ послѣдую опредѣленіямъ св. отецъ и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбивѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ соборъ во дни благочестивыя памяти Θεοδοῦς, въ царствующемъ градѣ Константинополь, новомъ Римѣ, также самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшій церкви тожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдую тому-

¹⁾ Дѣяп. вселен. собор. въ русс. перев. т. IV. стр. 251—275.

²⁾ Дѣян. вселен. собор. въ русс. перев. т. IV. стр. 78—83. Σύναγ. т. II. pag. 246—249. Hefele, t. II. pag. 578 444. Hergenrötter, t. I. pag. 92.

³⁾ Hefele, t. II. pag. 516. 389.

же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшіе епископы представимъ равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и Синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ. Посему токмо митрополиты областей понтійскія, асійскія и еракійскія, и такожде епископы у иноплеменниковъ вышепереченныхъ областей, да поставляются отъ вышепереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія константинопольскія церкви: сиречь. каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ епископами области, должны поставлять епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано божественными правилами. А самыя митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быть, какъ рѣчено, константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаю, по обычаю избранія, и по представленіи ему оного.

При первомъ взглядѣ на приведенное правило нельзя незамѣтить, что оно распадается на двѣ части, изъ коихъ первая, въ видѣ вступленія ко второй, содержитъ повтореніе 3 канона константинопольскаго собора, но это повтореніе изложено въ такихъ выраженіяхъ, которыя дѣлаютъ его скорѣе толкованіемъ названнаго канона и—притомъ толкованіемъ въ смыслѣ новаго постановленія. Вторая часть канона содержитъ самое постановленіе халкидонскаго собора о преимуществахъ константинопольской кафедры. Весь канонъ изложенъ такъ, какъ будто-бы онъ не привноситъ и не прибавляетъ ничего новаго къ предшествующему постановленію, а только утверждаетъ и комментируетъ его. Въ дѣйствительности же халкидонскій канонъ содержитъ совершенно новое опредѣленіе, которое уже имѣетъ въ виду не преимущества только чести, или мѣста константинопольскаго епископа по римскомъ, напротивъ, утверждаетъ за первымъ всѣ права высшей церковной, словомъ патриаршей власти, какал только могла приличествовать іерарху новаго Рима, при сохраненіи преимуществъ іерарха древняго Рима; т. е. халкидонскій канонъ возвелъ константинопольскаго іерарха по положенію, правамъ и власти на степень патриарха.

Въ частности выраженіемъ: „равныя преимущества“ (ἴσα τὰ προεβία) соборъ призналъ іерарха константинопольскаго, какъ іерарха новаго Рима, во всемъ равнымъ патріарху Рима древняго и усвоилъ каедрѣ перваго тоже самое значеніе, честь и достоинство, какими пользовалась каедра послѣдняго. Словами: „и съ церковныхъ дѣлъ возвеличенъ будетъ подобно тому“ (καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς, ὡς ἐχείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι) соборъ выразилъ, что престолъ (каедра) новаго Рима и его іерархъ должны получить столь-же широкое и многообъемлющее значеніе въ дѣлахъ христіанской церкви, какимъ уже пользовались каедра и іерархъ древняго Рима. По силѣ этого значенія власть и распоряженія іерарха константинопольскаго долженствовали быть также многообъемлющи, непререкаемы и важны, какъ и—римскаго іерарха. Замѣчаніемъ: „и будетъ второй по немъ“ (δεύτερον μετ' ἐχείνην ὑπάρχουσαν) соборъ показалъ, что каедра константинопольская, при равенствѣ ея преимуществъ съ римскою, должна быть второю, но не первою, которою остается каедра римская, второю—въ порядкѣ счета, но не относительно достоинства, такъ что и іерархъ константинопольскій долженъ быть вторымъ послѣ римскаго относительно порядка и мѣста, а не вліянія на дѣла церкви. Предоставивъ такія преимущества константинопольскому іерарху во всей церкви, соборъ въ послѣдующихъ словахъ своего канона опредѣлилъ самый округъ, на который должна простирасться власть константинопольскаго іерарха, какъ мѣстнаго патріарха. Этотъ округъ долженъ обнимать діоцезы: Понта, Азій и Θракіи ¹⁾, имѣвшіе до того времени своихъ независи-

¹⁾ По мнѣнію Вальсмона: „именемъ Θραкіи“ обнимаются всѣ митрополіи до Диррахан и митрополіи самой Диррахан т. е. области Македоніи, Θεσσαλίи, Элады и Πελοπονнеса. Между тѣмъ Зонара и Аристинъ положительно утверждаютъ, что перечисленныя области находились подъ властію римскаго епископа (Σύνταγ. т. II. pag. 283—284. 285—286). Историческіе факты говорятъ слѣдующее: императоръ Θεодосій младшій закономъ отъ 421 г. постановилъ, чтобы иллирійскіе епископы но дѣлали свой церкви свосились съ константинопольскимъ архіепископомъ; между тѣмъ, римскіе папы de facto продолжали удерживать свое вліяніе въ Иллиріи, доказав-

мыхъ экзарховъ, и вмѣстѣ церкви иноплемennыхъ народовъ, которые находились въ означенныхъ областяхъ. Отношеніе константинопольскаго іерарха къ перечисленнымъ діоцезамъ въ обыкновенномъ порядкѣ должно было обнаруживаться поставленіемъ законно избранныхъ и представленныхъ для посвященія митрополитовъ. Если принять въ соображеніе тѣ факты, въ которыхъ выразилась власть константинопольскаго епископа въ поименованныхъ экзархатахъ во времена св. Златоуста и его преемниковъ; то позволительно сказать, что халкидонскій соборъ своимъ правиломъ только узаконилъ существовавшее на практикѣ, впрочемъ, съ тѣмъ опредѣлительнымъ разъясненіемъ, что одни митрополиты поименованныхъ діоцезовъ должны быть поставляемы константинопольскимъ патріархомъ и—притомъ „по учиненіи согласнаго по обычаю избраніи“, но не епископы, изъ которыхъ каждый долженъ быть рукополагаемъ самимъ митрополитомъ со всѣми прочими епископами области, на основаніи существовавшихъ правилъ. Подобнымъ разъясненіемъ соборъ выразилъ слѣдующія мысли: съ одной стороны, онъ отмѣнилъ повторявшіеся прежде его времени примѣры, когда константинопольскій епископъ рукополагалъ не только митрополитовъ, но и епископовъ въ подчиняемыхъ ему діоцезахъ; съ другой—

тельствомъ чему служатъ неоднократныя посланія римскихъ папъ на имя ессалоникскихъ приматовъ. (Hinschius. t. I. pag. 585 not. 9. Zigler. pag. 313). Современникъ халкидонскаго собора, папа Левъ I, былъ послѣднимъ, съ которымъ ессалоникскіе приматы находились въ сношеніи. Въ послѣдніе годы пятаго столѣтія, мы видимъ ихъ уже въ союзѣ съ Константинополемъ (Le Quien, Oriens christ. t. I. pag. 25), а въ шестомъ столѣтіи Константинопольскій патріархъ на правахъ верховнаго судіи изложилъ ларискаго метрополита и поставилъ на его мѣсто другаго. Низложенный обратился съ апелляціонною жалобою въ Римъ, которая, будучи разсмотрѣна на римскомъ соборѣ 531 г., осталась безъ послѣдствій (Mansi. t. VIII. pag. 741—745. Hefele, t. II. pag. 722—725). Съ возведеніемъ первой Юстиніаны на степень архіепископіи (Hinschius, pag. 579—580), власть ессалоникскихъ приматовъ сократилась, но она снова вступила въ сношеніе съ папами и поддерживала его до тѣхъ поръ, пока въ VIII столѣтіи императоръ Левъ Исавръ всю Иллирію не подчинилъ патріарху константинопольскому; но въ это время примать Ессалоникки былъ уже простымъ митрополитомъ Македоніи. (Zugler, pag. 320).

возстановилъ значеніе областныхъ митрополитовъ, оставивъ за ними принадлежащее имъ по закону право рукоположенія епископовъ въ своихъ областяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соборъ поставилъ и власть константинопольскаго патріарха въ отношеніи къ подчиняемымъ ему областямъ въ опредѣленные предѣлы; такъ такъ указалъ ему рукополагать только митрополитовъ и при томъ не тѣхъ, кого самъ онъ захотѣлъ бы и призналъ бы достойными, но кого изберутъ и представлять ему для посвященія областные епископы отъ лица своего собора ¹⁾). Утвердивъ перечисленные преимущества за константинопольскимъ престоломъ во всей христіанской церкви и, въ частности, предоставивъ константинопольскому патріарху начальственные права и надзоръ надъ поименованными діоцезами, соборъ при этомъ почтилъ кathedру его титуломъ: „святѣйшаго престола святѣйшія константинопольскія церкви“ (ἁγιωτάτης θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινούπολιν ἁγιωτάτης ἐκκλησίας), т. е. выразилъ тѣмъ равенство ея съ престоломъ римскимъ и превосходство предъ другими старѣйшими кathedрами ²⁾). Такимъ образомъ: и общимъ своимъ содержаніемъ и частными выраженіями своего учредительнаго постановленія халкидонскій соборъ призналъ и объявилъ константинопольскаго іерарха и его кathedру равночестными и равноправными съ іерархомъ и кathedрою римскими.

Объясняя халкидонскій канонъ и отдѣльные его выраженія въ смыслѣ равенства константинопольскаго іерарха и его кathedры съ римскими, мы отчасти расходимся съ толкованіями греческихъ канонистовъ того же правила. Зонара не соглашается признать равныя преимущества за константинопольскимъ епископомъ при сравненіи съ римскимъ, и, вслѣдствіе сего, какъ выраженіе 3 константинопольскаго канона: „да имѣетъ преимущества чести по римскомъ епископѣ“, такъ и слова 28 халкидонскаго правила: „и будетъ вторый по немъ“, а равно и повтореніе этого выраженія 36 правиломъ трульскаго собора: „будетъ вторый по немъ“ понимаетъ и объ-

¹⁾ Σύνταξι. т. II. pag. 283. ²⁾ Опытъ курса церк. закон. т. II. стр. 316.

ясняетъ въ смыслѣ умаленія и уменьшенія чести и правъ константинопольскаго епископа передъ римскимъ. „Ибо, аргументируетъ свое пониманіе Зонара, выраженіе: „имѣть равная преимущества“ употреблено ради царской власти и синклита, хотя нынѣ первая перешла въ тиранію (ὡς τῆν ταρανίδα μετῆμείπται), и послѣдній потерялъ свое значеніе. Такимъ образомъ св. Отцы говорятъ, что поелику этотъ городъ, какъ и древній Римъ, получилъ честь быть городомъ царя и синклита, онъ долженъ быть почтенъ и въ церковныхъ преимуществахъ, какъ тотъ, и долженъ имѣть предпочтеніе предъ всѣми другими церквами, но быть вторымъ по немъ. Ибо не возможно, чтобы онъ былъ удостоенъ равныхъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ... Развѣ кто скажетъ, что тѣ божественные отцы признали его первымъ, предвидя Духомъ Святымъ, что церковь римская будетъ отсѣчена отъ цѣлаго сонма православныхъ и исключена отъ собора вѣрныхъ за неправославныя ученія, и, такимъ образомъ, удостоили одинаковыхъ съ древнимъ Римомъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ городъ, имѣющій занимать первое мѣсто, какъ первенствовала нѣкогда древній Римъ. Ибо предлогъ послѣ „μετά“ понимать согласно съ тѣми, которые говорятъ въ смыслѣ указанія на послѣдовательность времени устроенія столицы царства въ сихъ городахъ, не позволяетъ 36 правило трульскаго собора, когда поставляетъ престолъ Константинополя вторымъ послѣ престола древняго Рима и прибавляетъ: „*послѣ онаго да числится престолъ Александрии, потомъ престолъ антиохійскій и за сими престолъ града Иерусалима*“. Какъ по отношенію къ другимъ престоломъ предлогъ послѣ „μετά“ означаетъ пониженіе (ὕποβασην); въ такомъ же смыслѣ онъ поставленъ и по отношенію къ престолу Константинополя. Такъ и нужно понимать его“¹⁾. Зонара не находитъ возможнымъ признать равенство престоловъ главнымъ образомъ потому, что соборъ употребилъ въ своемъ

¹⁾ Σύνταξι. т. II. pag. 282—283. 173—174.

канонѣ предлогъ „meta“ для обозначенія отношеній обоихъ престоловъ и поставилъ одинъ—первымъ, другой—вторымъ.

Подобная аргументація греческаго канониста напоминаетъ собою приѣмъ, какъ если бы кто, на основаніи неспособности человѣка произнести два слова, за разъ безраздѣльно или по причинѣ невозможности поставить два предмета на одну точку сталъ бы какъ умалять значеніе произнесеннаго вторымъ послѣ перваго слова, такъ и унижать достоинство другаго предмета, не стоящаго на одной точкѣ съ первымъ. Толкованіе Зонары напрасная игра предлогомъ „meta“. И первый и второй іерархъ могутъ быть совершенно равны и пользоваться одинаковымъ значеніемъ какъ въ особо предоставленномъ каждому кругѣ, такъ и во всемъ пространствѣ ихъ компетенціи; но при соединеніи вмѣстѣ, для порядка и послѣдовательности, одинъ долженъ сдѣлаться первымъ, а другой вторымъ, съ тѣмъ однако, что голосъ и распоряженія того и другаго остаются совершенно равны и однозначущи въ дѣлахъ церковныхъ. Если вѣтъ основаній, держась буквальнаго смысла халкидонскаго постановленія, принять толкованіе Зонары объ униженіи достоинства константинопольскаго іерарха сравнительно съ римскимъ; то нельзя также согласиться и съ тѣмъ, что тотъ же соборъ своимъ постановленіемъ перенесъ всѣ преимущества чести и власти съ римскаго іерарха на константинопольскаго, вслѣдствіе того, что древній Римъ пересталъ быть мѣстопробываніемъ царя и сената. Подобную мысль отчасти высказывалъ еще патріархъ Фотій, отстаивая независимость константинопольской каедрѣ отъ притязаній папы Николая ¹⁾; но со всею рельефностію раскрывали другіе византійскіе писатели. Ниль Доксипатръ въ посланіи къ Рожеру, королю Сициліи, ссылаясь въ опроверженіе преимуществъ папы на 28 халкидонскій канонъ говорить: „смотри какъ ясно настоящимъ канономъ изобличаются пустословы, которые говорятъ, что Римъ предпочтень радп св. апостола Петра; на самомъ же дѣлѣ

¹⁾ Hergenr. t. I. pag. 75. 553.

этотъ канонъ св. собора ясно говорить, что онъ имѣлъ предпочтеніе потому, что былъ царственнымъ Римомъ; съ того же времени и послѣ въ теченіе многихъ лѣтъ императоръ посылался туда отъ константинопольскаго трона (βασιλείας). Когда же онъ пересталъ быть царственнымъ и подпалъ власти иноплеменныхъ и варварскихъ народовъ... съ того времени онъ утратилъ предстояние, и первымъ сдѣлался престолъ по истинѣ царственнаго Константинополя“¹⁾. Подобно Доксапатру разсуждаетъ и Анна Комнена, которая, описавъ недостойный поступокъ папы Григорія VII (1073—1086 г.) съ послами германскаго императора Генриха IV, говорить: „и это сдѣлалъ архіерей... который, какъ говорятъ и думаютъ латиняне, предсѣдательствуетъ надъ всею вселенною, что опять служить выраженіемъ ихъ высокоумія. Ибо когда царскій скипетръ вмѣстѣ съ сенатомъ и другими чинами былъ перенесенъ отсюда сюда, въ царственный нашъ городъ, перенесенъ и іерархическій чинъ (τάξις) престоловъ: какъ прежніе цари предоставили преимущества константинопольскому престолу, такъ въ особенности бывший въ Халкидонѣ соборъ возвелъ константинопольскаго іерарха на первую и высшую степень, подчинивъ его власти всѣ діоцезы вселенной“²⁾. Эти свидѣтельства, заключающія въ себѣ предвзятую тенденцію византійскихъ писателей унизить достоинство папскаго престола, ни въ какомъ случаѣ не могутъ руководить къ правильному пониманію смысла халкидонскаго опредѣленія, какъ въ свою очередь должны быть признаны совершенно напрасными и усилія католическихъ писателей, которые, не желая допустить равенства между константинопольскимъ и римскимъ іерархами, рѣшаются объяснять 28 халкидонскій канонъ въ томъ смыслѣ, что онъ утвердилъ за константинопольскимъ іерархомъ только преимущества чести, но не предоставилъ ему никакой власти сравнительно

¹⁾ Minge, Patrolog. curs. compl. t. CXXXII. pag. 1100. Leon. Allat. de eccles. occident. atque oriental. perpetua consens. lib. I. cap. XIV. pag. 215.

²⁾ Annae Comnen. Alexiadis. lib. I. cap. 13. pag. 64. по русс. перев. т. I, стр. 60—61.

съ римскимъ епископомъ, или по силѣ этого опредѣленія константинопольскій іерархъ получилъ только права высшаго митрополита надъ тремя экзархами, сравнявшись такимъ образомъ относительно власти съ патріархами Александріи и Антиохіи ¹⁾

Чтобы опровергнуть послѣднее толкованіе и еще болѣе разъяснить, что халкидонскій соборъ въ 28 правилъ изложилъ постановленіе о равночестности и равноправности обоихъ престоловъ — константинопольскаго и римскаго, необходимо прибавить, что 28 халкидонскій канонъ, учредившій константинопольское патріаршество и утвердившій права константинопольскаго патріарха, былъ послѣдующимъ въ собственномъ смыслѣ слова заключительнымъ постановленіемъ, которому предшествовали и какъ бы подготавливали путь два другія предыдущія постановленія, изложенныя въ 9 и 17 правилахъ халкидонскаго собора, и рассуждающія объ особыхъ преимуществахъ константинопольскаго епископа. Въ первомъ изъ этихъ правилъ (въ 9) постановлено, чтобы клирики и епископы въ случаѣ неудовольствій и споровъ съ своими областными митрополитами обращались: *„или къ экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя и предъ нимъ судимся“*; въ послѣднемъ (17) опредѣлено, чтобы въ случаѣ спора по вопросу о распредѣленіи приходовъ, церквей и вообще предѣловъ епархій, обиженные областнымъ митрополитомъ искали суда: *„предъ экзархомъ великія области, или передъ константинопольскимъ престоломъ“*. Въ томъ и другомъ канонѣ халкидонскій соборъ одинаково предоставилъ константинопольскому іерарху высшую судебную власть и надъ высшими церковными лицами по дѣламъ спорнымъ, и поставилъ его каедрю высшимъ трибуналомъ посредствующаго суда для недоумѣнныхъ дѣлъ по всему востоку, подобно тому, какъ это было предоставлено римскому епископу на западѣ сардиійскими канонами ²⁾. Впрочемъ, одни толкователи въ указанныхъ

¹⁾ Allat. de ecclesiae consens. lib. I. cap. 17. n. 1. 7. Hergenr. t. I. pag. 75—76.

²⁾ Опытъ курса церк. законов. т. II. стр. 278. т. I, 474—476.

канонахъ подѣ выраженіемъ: „*эксархъ великія области*“ разумѣютъ въ собственномъ смыслѣ эксарховъ Ефеса, Кесаріи и Иракліи и, въ такомъ случаѣ, ограничиваютъ компетенцію высшей судебной власти константинопольскаго патріарха только предѣлами названныхъ эксарховъ ¹⁾; другіе наоборотъ и—притомъ большая часть со всею справедливостію подѣ тѣмъ же выраженіемъ понимаютъ вообще патріарховъ и, въ такомъ случаѣ, расширяютъ права судебной власти константинопольскаго патріарха на предѣлы другихъ патріарховъ и на весь православный востокъ ²⁾. Аристинъ при объясненіи 9 халкидонскаго правила прямо говоритъ: „этого преимущества, т. е. чтобы митрополитъ, состоящій надѣ властію одного патріарха, былъ судимъ другимъ, ни правилами, ни законами не дано ни одному изъ прочихъ патріарховъ, кромѣ константинопольскаго“; между тѣмъ какъ Зонара въ толкованіи на 17 правило замѣчаетъ: „не надѣ всѣми безъ исключенія митрополитами константинопольскій патріархъ поставляется судьей, а только надѣ подчиненными ему“. Авторъ „опыта курса церковнаго законовѣденія“ въ согласіи съ большею частію толкованій и вмѣстѣ съ истиннымъ положеніемъ вещей ³⁾ пишетъ: „это было особенное преимущество цареградскаго патріарха, которому и церковными и гражданскими уложеніями предоставлено было рѣшать посредствующимъ судомъ недоумѣнныя дѣла по всему востоку, подобно какъ римскому на западѣ“ ⁴⁾. Предоставляя это преимущество константинопольскому іерарху, халкидонскій соборъ выразилъ тѣмъ особенное уваженіе къ его кафедрѣ. Впрочемъ, какъ сардикійскими канонами ⁵⁾, утвердившими за римскимъ епископомъ преимущества верховнаго суда на западѣ, не было предоставлено папѣ права самому требовать въ себѣ на пересмотръ

¹⁾ Van-Espen. t. VII. pag. 82—91. Le-Quien. t. I. pag. 28. Πηγάλιον, pag. 108.

²⁾ Bever. t. II. Annotat. pag. 115. Thomass. t. I. cap. 10. n. 12. pag. 84. Другія свидѣтельства apud. Allat. Leon. lib. I. cap. 18. n. 2. Πηγάλιον, pag. 108, not. 1.

³⁾ Hefele, t. II. pag. 394—395. Hergenröther, t. I. pag. 74.

⁴⁾ Опытъ курс. церк. закон. т. II. стр. 278. ⁵⁾ Сард. пр. 3. 4. 5.

каждое рѣшеніе областныхъ епископовъ, а ожидать просьбы о семъ подсудимыхъ, или представленія судей; такъ и халкидонскій соборъ предоставилъ на волю самихъ недовольныхъ и обиженныхъ прибѣгать къ суду константинопольскаго престола. Это обстоятельство, дѣлая судъ того и другаго іерарха свободнымъ, устраняло всякую мысль о преобладаніи одного изъ нихъ надъ тою, или другою половиною христіанской церкви, и вмѣстѣ устанавливало начала совершенной равноправности во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу ¹⁾. Что касается въ частности іерарха константинопольскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что халкидонскій соборъ въ своихъ постановленіяхъ утвердилъ только то, что имѣло силу на практикѣ. Образовавшійся при каедрѣ константинопольскаго патріарха „*σύνδος ἐνδηροῦσα*“ уже служилъ тѣмъ трибуналомъ, на которомъ константинопольскій епископъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго, при участіи другихъ присутствовавшихъ въ столицѣ епископовъ, рѣшалъ спорныя дѣла изъ другихъ патріаршихъ діоцезовъ ²⁾.

¹⁾ Мы не сказали-бы всего, относящагося къ настоящему предмету, если-бы не прибавили, что католическіе писатели: Туррианъ, Биній и др. усиливаются „подъ экархомъ великія области“ разумѣть папу (Beveregius, t. II. Annot. pag. 115. 120—121. 160. Hefele, t. II. pag. 496). Впрочемъ, названные ученые имѣли своимъ предшественникомъ и вмѣстѣ руководителемъ въ этомъ случаѣ самого папу Николая I (859—867 г.), который разсматриваемыя постановленія халкидонскаго собора объяснялъ въ томъ смыслѣ, что по обыкновенному порядку митрополиты должны были судиться передъ папою, и только въ мѣстностяхъ близкихъ къ Константинополю они обращались къ суду константинопольскаго престола. Въ письмѣ къ императору Михаилу III папа писалъ: „еще халкидонскій соборъ постановилъ (кан. 9), что митрополита должно обвинять передъ приматомъ, разумѣя подъ приматомъ папу. Это постановилъ соборъ какъ правило, и только въ видѣ исключенія дозволилъ, чтобы жалобы приносились и къ константинопольскому престолу, но всегда, прибавляя папа, должно обращаться къ тому, кто стоитъ выше“. (Mansi. t. XV. pag. 201). Надобно замѣтить, что тотъ-же папа давалъ и другое толкованіе тому-же канону, именно въ письмѣ къ Гинкмару Реймскому по дѣлу Лотаря. Здѣсь папа говоритъ: „еще соборъ халкидонскій постановилъ, что епискомъ, который хочетъ принести жалобу на своего митрополита, долженъ подать примату діоцеза, или къ престолу константинопольскому, но еще болѣе Константинополя компетентенъ Римъ“. (Mansi. t. XV. pag. 688).

²⁾ Hefele. t. II. 495—496. Petr. d. Marc. diss. posthum. pag. 167—177.

Присутствовавшіе на халкидонскомъ соборѣ, папскіе легаты не возражали противъ предоставленныхъ 9 и 17 его канонами преимуществъ константинопольскому престолу, но тѣ же легаты иначе встрѣтили постановленіе 28 канона, сравнивашаго, константинопольскаго іерарха во всѣхъ отношеніяхъ съ римскимъ. Причины этого явленія, какъ справедливо замѣтилъ Гефеле, въ томъ, что постановленія первыхъ канонѣвъ относились только къ греческой церкви и не касались латинской²⁾; между тѣмъ какъ совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ сравненіемъ константинопольскаго епископа съ римскимъ прямо затрогивались высокоуміе и честолюбіе Рима. Вслѣдствіе сего легаты предъявили рѣшительный протестъ противъ постановленія 28 халкидонскаго канона. Уклонившись отъ присутствованія въ 15 засѣданіи, въ которомъ вмѣстѣ съ другими былъ постановленъ и 28 халкидонскій канонъ, какъ замѣчаетъ Гефеле, съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе подвигнуть соборъ къ отверженію этого канона и развязать себѣ руки, папскіе легаты предъявили свой протестъ въ 16 засѣданіи, которое и было созвано собственно для выслушанія этого протеста.¹⁾ По открытіи этого засѣданія,

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 495. см. Hergenröther, t. I. pag. 88—89.

²⁾ Присутствовавшіе на соборѣ восточные епископы, какъ извѣстно, не противились постановленію разсматриваемаго канона. Гефеле причину этого, между прочимъ; полагаетъ не въ томъ, что они находили постановленіе этого канона законнымъ, а въ томъ, что они не могли выставить сильнаго протидѣйствія. Александрійскій и ефесскій епископы еще не были поставлены; антиохійскій Максимъ, поставленный Анатоліемъ на мѣсто Димитрія, изложеннаго на разбойничьемъ соборѣ, былъ сторонникомъ Анатолія; Ювеналій іерусалимскій обязанъ былъ благодарностію Анатолію за то, что онъ предоставилъ ему три палестинскихъ области; ираклійскій епископъ не присутствовалъ, а представлявшій его лице Лукіанъ Визскій былъ другомъ Анатолія; епископъ Понта, Фалассій кесарійскій хотя не принялъ 28 канона, но не обнаружилъ настойчивости въ протестѣ. Оставались, такимъ образомъ, одни легаты римскаго епископа (Hefele, t. II. pag. 516). Можетъ быть показанныя отношенія въ дѣйствительности существовали, но объяснять этими отношеніями согласіе восточныхъ епископовъ на принятіе 28 пр. халкидонскаго собора о преимуществахъ константинопольской кафедры, по меньшей мѣрѣ бездоказательно. „Возвышеніе константинопольской кафедры, говорить составитель опыта курса церковнаго законоведенія: въ толкованіи на 9 канонъ халкидонскаго собора, было само по себѣ спра-

папскіе легаты, попросивъ слѣва, изложили свои возраженія. Пасхазинъ епископъ сказалъ: „государи вселенной, заботясь о святой каеолической вѣрѣ, чрезъ которую увеличивается и растетъ ихъ царство, благоволили постановить то, чтобы при добромъ мирѣ во всѣхъ церквахъ сохранялась одна вѣра. Еще бѣльшую заботу благоволило ихъ челоуѣколюбіе приложить и на послѣдующее время, чтобы опять не возникло между епископами божими какой нибудь ссоры, или расколовъ, или соблазновъ. А вчерашній день, когда удалились ваше превосходительство и наше смиреніе, говорятъ, составлены какіе то акты, которые мы признали составленными вопреки канонамъ и церковному благочинію. Мы просимъ, чтобы ваша знатность приказали прочесть ихъ, дабы вся братія знала: справедливо, или несправедливо они составлены“. Чтобы удовлетворить заявленія, сановники сказали: „если какіе акты составлены по удаленіи нашемъ, пусть будутъ прочтаны“. Вероникіанъ, секретарь императорской консисторіи, получивъ изъ рукъ архидіакона константинопольской церкви и протонотарія свитокъ, прочиталъ 28 правило халкидонскаго собора съ слѣдовавшими за нимъ подписями отцовъ, между которыми не оказалось подписей многихъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ¹⁾). По окончаніи означеннаго чтенія, другой папскій легатъ епископъ Луденцій заявилъ, что и изъ подписавшихся епископовъ

ведливо, и по уваженію первенства и преимущественной знатности ея во всей восточной церкви, и по особенной пользѣ для церковнаго порядка отъ сосредоточенія высшихъ правъ управленія въ одной каедрѣ и даже по соответствію тѣмъ правамъ, какія римскій престолъ имѣлъ издревле на западѣ (т. II. стр. 278—279). Приведенныя здѣсь соображенія гораздо естественнѣе будутъ почтены главными причинами, по которымъ восточные епископы содѣйствовали возвышенію константинопольскаго престола. При томъ возвышеніи этой каедры напередъ уже было рѣшено пребываніемъ ея въ новой столицѣ имперіи, и подчиненіе ея власти экзархатовъ: Понта, Азіи и Фракіи должно было послѣдовать въ силу того положенія, по которому перечисленные діоцезы зависли отъ Константинополя въ другихъ отношеніяхъ (Kämmel, die Patriarch. von Constantinop. in Zeitalter d. Glaubens kämpf bey Niedern. Zeitschr. fur histor. Theolog. 1848. II. pag. 212).

¹⁾ А именно: Аванасія Кесаріи-каппадокійской, экзарха понтійскаго округа, также Анастасія ессалоникскаго, экзарха Иллирій, Евсевія анкир-

нѣкоторые первоначально не подписывались, но потомъ подписались по обману и принужденію. Въ опроверженіе этого заявленія епископы сказали: „никто не былъ принуждаемъ“. Послѣ такого отвѣта тотъ же папскій легатъ продолжалъ: „оказывается, что къ опредѣленіямъ 318 и 150 отцовъ сдѣланы прибавки: то, о чемъ теперь говорятъ, не было внесено въ каноны... ¹⁾ если въ тѣ времена пользовались преимуществомъ, зачѣмъ теперь домогаются ихъ?“ Третій изъ папскихъ легатовъ, пресвитеръ Вонифатій присовокупилъ: „блаженнѣйшій и апостольскій епископъ между прочимъ приказалъ намъ и это, т. е. чтобы не унижать и не ослаблять опредѣленія св. отцовъ ни по какой безразсудности. Итакъ всѣми способами да охраняется въ васъ достоинство нашего лица, и если бы нѣкоторые по убѣжденію въ важности своихъ городовъ покусились поколебать оное, такихъ опровергнуть какъ требуетъ право“.

Для разрѣшенія возникшаго спора императорскіе санов-

скаго, митрополита Галатіи, Петра коринѳскаго, митрополита Ахаіи, Евновія никонидійскаго, митрополита Воневіи, Юліана косскаго, Олимпія константинопольскаго, экзарха острова Кипра, Овасифора иконійскаго, митрополита Листры и другихъ замѣчательныхъ митрополитовъ и епископовъ, въ особенности иллирійскихъ. (Le-Quien, t. I, pag. 36. Thomassin. t. I. lib. I. çap. 10. n. 14. Gfrögör, Kirchengeschichte, t. II. I. pag. 533).

¹⁾ Квеснель утверждаетъ, что папскіе легаты, отвергнушіе въ своемъ протестѣ подлинность 3 константинопольскаго канона и предоставленныя этимъ канонамъ преимущества чести константинопольскому епископу, прежде уже признали подлинность этого канона и основанныя на немъ преимущества константинопольскаго епископа. Именно, когда въ первомъ засѣданіи халкидонскаго собора были прочтены акты разбойничьяго, ефесскаго собора, и изъ этихъ актовъ оказалось, что умершій Флавіанъ константинопольскій былъ поставленъ въ этихъ актахъ на пятомъ мѣстѣ „quinto loco“ и когда восточные епископы по этому поводу спросили: „почему Флавіанъ не занималъ своего мѣста?“ то папскій легатъ Пасхазивъ на это съ своей стороны замѣтилъ: „мы желаемъ, такъ хочетъ Богъ, чтобы вышній константинопольскій епископъ Аватолій былъ призванъ первымъ послѣ насъ, а Діоскоръ сдѣлалъ его пятымъ“. Гефеле не усматриваетъ въ этомъ обстоятельстве никакого, даже не яснаго признанія названнаго канона, на томъ основаніи, что другой папскій легатъ Луценцій въ 16 засѣданіи опредѣлительно заявилъ, что постановленіе 150 константинопольскихъ отцовъ не принято Римомъ, и папа Левъ подтвердилъ это заявленіе (Hefele, t. II. pag. 512—513).

ники пригласили стороны прочитатъ тѣ каноны, на которыхъ каждая изъ нихъ основывалась. Пасхазинъ, папскій легатъ, прочиталъ 6 пр. никейскаго собора съ такимъ началомъ: „церковь римская всегда имѣла первенство. Пусть же и Египеть сохраняетъ“ и 7 пр. того же собора ¹⁾). Между тѣмъ секретарь консисторіи, Константинъ изъ поданнаго ему Аегіемъ кодекса прочиталъ 6 пр. вичейскаго и 1, 2 и 3 пр. константинопольскаго собора безъ обозначенія ихъ счета. По выслушаніи этихъ чтеній императорскіе сановники обратились къ епископамъ понтіійской и азійской областей съ вопросомъ: „по собственной ли волѣ, или по какому нибудь сдѣланному имъ принужденію они подписали разсматриваемые акты?“ Спрошенныя епископы отвѣчали, что они подписались охотно и добровольно; при чемъ нѣкоторые въ пользу положительнаго рѣшенія спорнаго вопроса присовокупили, что константинопольскій престоль и его епископы давно уже пользуются утверждаемыми за ними преимуществами. Такъ, между прочимъ, Романъ, епископъ мирскій сказалъ: „я не былъ принуждаемъ, я имѣю удовольствіе бытъ въ подчиненіи престолу константинопольскому, потому что онъ меня почтилъ и онъ меня рукоположилъ“. Селевкъ, епископъ амасійскій засвидѣтельствовалъ: „прежде меня три епископа были рукоположены отъ этого престола; найдя такое послѣдованіе ихъ, послѣдовалъ и я, желая быть въ подчиненіи этому престолу“. Елеверій, епископъ халкидонскій удостовѣрилъ: „зная, что по правиламъ и по древнему обыкновенію константинопольскій престоль имѣетъ эти права, я подписался съ удовольствіемъ“. Петръ, епископъ гангрскій сказалъ: „прежде меня три епископа были рукоположены отъ престола царствующаго града; послѣ нихъ и я также“. Нувехій, епископъ лаодикійскій засвидѣтельствовалъ: „слава константинопольскаго престола есть наша слава; въ его чести участвуемъ и мы; потому что онъ принимаетъ на себя и за-

¹⁾ Quod ecclesia Romana semper habuit principatum. Teneat autem et Aegyptus, ut episcopus Alexandriae omnium habeat potestatem etc. (Mansi. т. VII. pag. 443).

боры наши, и намъ пріятно, что въ каждую область митрополиты рукополагаются отъ этого престола“. Евсевій, епископъ дориллейскій сказалъ: „я подписалъ добровольно, потому что это правило я читалъ и святѣйшему папѣ въ Римѣ въ присутствіи константинопольскихъ клириковъ, и онъ принялъ его“. Послѣ сего тѣми же сановниками были приглашены сдѣлать свои заявленія и епископы, не подписавшіе разсматриваемаго акта. По этому приглашенію, Евсевій анеирскій заявилъ, что „его предшественники рукоположили многихъ епископовъ гангрскихъ, но онъ отказывался хиротонисать для Гангры, хотя неоднократно былъ упрашиваемъ къ этому гражданами означеннаго города; рукоположеніе же нынѣшняго гангрскаго епископа и его предшественника было совершено въ Константинополѣ, гдѣ, къ несчастію, и онъ хиротонисанъ блаженнымъ Прокломъ“. Фалассій, епископъ Кесаріи каппадокійской, не отвѣчая на вопросы сановниковъ, кратко сказалъ: „мы присоединяемся къ господину Анатолію и постановляемъ это“. На основаніи выслушанныхъ заявленій императорскіе сановники заключили: „изъ дѣла и изъ заявленія каждаго мы усматриваемъ, что хотя преимущество предъ всѣми и особая честь по канонамъ остается за боголюбивѣйшимъ архіепископомъ древняго Рима, однако и святѣйшему архіепископу царствующаго Константинополя, новаго Рима, должно пользоваться тѣми же преимуществами чести, и что онъ имѣетъ самостоятельную власть хиротонисать митрополитовъ въ округахъ: азійскомъ, понтійскомъ и еракійскомъ, такимъ образомъ, чтобы собирались голоса отъ клириковъ каждой митрополіи, отъ ктиторовъ и знатнѣйшихъ мужей, кромѣ того и отъ всѣхъ, или большей части почтеннѣйшихъ епископовъ области, избирался бы тотъ, кого вышеупомянутыя лица признають достойнымъ быть епископомъ церкви въ митрополіи, и отъ всѣхъ избравшихъ было бы представляемо святѣйшему архіепископу царствующаго Константинополя, на его распоряженіе: угодно ли ему, чтобы избранный прибылъ сюда и былъ рукоположенъ, или чтобы съ его позволенія получилъ епископство въ области, согласно съ

избраніемъ; а святѣйшихъ епископовъ каждаго города должно хиротонисать всѣмъ, или ббльшей части почтеннѣйшимъ епископамъ области, потому что митрополиту принадлежитъ право производить рукоположеніе; святѣйшій же архіепископъ царствующаго Константинополя не долженъ участвовать въ этихъ хиротоніяхъ“. Высказавъ настоящее заключеніе, императорскіе сановники просили соборъ дать свое мнѣніе по настоящему предмету. Соборъ отвѣчалъ: „это справедливое рѣшеніе; всѣ мы говоримъ это; это всѣмъ угодно... что постановлено пусть имѣетъ силу... все постановлено какъ слѣдуетъ“. Папскіе легаты, и именно епископъ Луценцій возразили: „апостольскій престоль приказалъ, что бы все дѣлалось при насъ, и потому, если что нибудь сдѣлано вчерашній день въ дикастеріи вопреки правиламъ въ наше отсутствіе, мы просимъ ваше превосходительство приказать отмѣнить, дабы отъ насъ не возникло какаго нибудь спора изъ за этихъ актовъ, и чтобы намъ ясно знать, что сообщить апостольскому и первенствующему епископу всей церкви, дабы онъ могъ заявить или объ оскорбленіи своего престола, или объ извращеніи правилъ». На это возраженіе императорскіе сановники отвѣтили: „все, что мы высказали, соборъ утвердилъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ соборъ отвергъ предъявленный ему протестъ и призналъ свое постановленіе — учредившее константинопольское патріаршество и утвердившее извѣстныя права за константинопольскимъ іерархомъ и его каедрою—законнымъ и правильнымъ.

¹⁾ Дѣян. всел. собор. т. IV. стр. 356—383 въ русс. перев.

ГЛАВА П.

Утвержденіе и расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и его каеды.

Заявленный на халкидонскомъ соборѣ и записанный въ его актахъ протестъ папскихъ легатовъ, хотя и былъ оставленъ соборомъ безъ удовлетворенія, но не остался безъ послѣдствій и подготовилъ собою путь къ новому, болѣе рѣшительному протесту самаго римскаго папы Льва великаго (440—457), который оказался совершенно единомысленнымъ съ своими легатами, дѣйствовавшими по давной имъ отъ него инструкціи. Какъ халкидонскій соборъ, такъ въ частности Анатолій константинопольскій и самъ императоръ придавали немаловажное значеніе противодѣйствію древняго Рима и его іерарха. Этимъ объясняется то, почему халкидонскій соборъ, за тѣмъ, немного послѣ, Анатолій и наконецъ императоръ, извѣщая римскаго папу Льва о результатахъ соборныхъ совѣщаній, съ особенною настойчивостію говорили и подробно распространялись о законномъ предоставленіи константинопольскому епископу поименованныхъ въ 28 правилъ халкидонскаго собора преимуществъ, почему въ свою очередь и римскій папа опповировалъ противъ принятія означеннаго канона. Знаменательность возникшей по этому поводу между Римомъ и Константинополемъ распри требуетъ остановиться по крайней мѣрѣ на болѣе главныхъ ея моментахъ.

Извѣщая римскаго папу о счастливомъ окончаніи своихъ занятій и объ успѣшномъ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ вниманіе собора изъ области вѣроученія, халкидонскіе отцы увѣдомляли папу и о томъ, что они сдѣлали для

большаго порядка церковныхъ дѣлъ и утвержденія церковныхъ законовъ. „Увѣдомляемъ, писали отцы, что мы для благочинія въ дѣлахъ и утвержденія церковныхъ законовъ опредѣлили и нѣчто другое, будучи увѣрены, что и ваша святость узнавши приметъ это и утвердить. Такъ издавна имѣвшій силу обычай, котораго держалась св. божія константинопольская церковь рукополагать митрополитовъ областей: азійской, понтійской и еракійской, и нынѣ мы утвердили соборнымъ опредѣленіемъ, не столько предоставляя что либо константинопольскому престолу, сколько упрочивая благочиніе въ митрополіяхъ; такъ какъ часто по смерти епископовъ возникаетъ много волненій, когда клирики этихъ областей и міряне остаются безъ правителя и возмущаютъ церковный порядокъ... Мы подтвердили и правило ста пятидесяти св. отцовъ, собиравшихся въ Ковстантинополѣ при благочестивой памяти Θεодосіи великомъ, которое опредѣляло послѣ вашего святѣйшаго и апостольскаго престола имѣть преимущества константинопольскому: мы были убѣждены, что вы, обладая апостольскимъ лучемъ, по обычной попечительности, часто простирали его и на церковь константинопольскую, потому что преподаніе собственныхъ благъ ближнимъ у васъ происходитъ безъ зависти. И такъ что мы опредѣлили для уничтоженія всякаго замѣшательства и для упроченія церковнаго благочинія, это благоволи, святѣйшій и блаженнѣйшій отецъ, признать своимъ достолюбезнымъ и приличнымъ для благоустройства дѣломъ. Занимавшіе мѣсто вашей святости епископы: Пасхазинъ и Луценцій и съ ними боголюбивнѣйшій пресвитеръ Вонифатій пытались было сильно противорѣчить такимъ опредѣленіямъ, конечно, желая, чтобы и это добро начиналось отъ вашей попечительности, чтобы исправленіе какъ вѣры такъ и благочинія было приписано вамъ. Но мы, повинуваясь благочестивнѣйшимъ и христоролюбивымъ императорамъ, которымъ то пріятно, знаменитому сенату и всему, такъ сказать, царствующему городу, признали благовременнымъ утвержденіе за нимъ чести вселенскимъ соборомъ. И такъ умоляемъ: почти своимъ подтвержденіемъ (вашъ) судъ; какъ мы заявляли тебѣ согласіе

въ добромъ, такъ и твоя святость да воздасть дѣтямъ должное. Такимъ образомъ и благочестивые императоры, утверждавшіе судъ твоей святости, какъ законъ, будутъ почтены, и константинопольскій престоль получить воздаяніе за то, что онъ всегда прилагалъ всякое стараніе къ дѣлу благочестія для васъ и въ этой ревности присоединился къ единомыслию съ нами“¹⁾). Въ своемъ обращеніи къ папѣ Льву халкидонскіе отцы съ обстоятельностью раскрываютъ—какъ мотивы расположившіе ихъ къ предоставленію извѣстныхъ преимуществъ константинопольскому престолу, такъ и основанія для необходимаго соглашенія съ ними римскаго папы. Замѣчательно, что халкидонскіе отцы возвышеніе константинопольской каедръ представляютъ дѣломъ совершенно естественнымъ, утвержденнымъ соборомъ къ общему удовольствію императоровъ, сената и къ твердому огражденію мира и порядка церковнаго. Въ подобномъ же духѣ писалъ папѣ Льву и Анатолій, константинопольскій архіепископъ²⁾). Именно: по вопросу о возвышеніи константинопольской каедръ Анатолій объяснялъ, что это сдѣлано по желанію императора и императрицы, также императорскихъ комиссаровъ и сената въ томъ предположеніи, что его святость честь константинопольскаго престола приметъ за свою собственную: такъ какъ апостольскій престоль съ давняго времени прилагалъ попеченіе о константинопольской каедрѣ и безъ зависти дѣлился съ нею собственными преимуществами. При этомъ Анатолій указывалъ на то, что халкидонскій соборъ охотно согласился утвердить правило 150 константинопольскихъ отцовъ, чтобы константинопольскій епископъ имѣлъ первое мѣсто послѣ римскаго, такъ какъ папа и его церковь пользуются еще бѣльшими преимуществами. Императоръ Маркіанъ съ своей стороны кратко приглашалъ папу дать свое согласіе и на

¹⁾ Дѣян. всел. собор. въ русс. перев. т. IV. стр. 402—404.

²⁾ Не лишне замѣтить, что Гефеле слѣдя Баллерьянамъ, соборное посланіе къ папѣ Льву считаетъ произведеніемъ того же Анатолія константинопольскаго. Это посланіе легаты ваяли вмѣстѣ съ другими соборными-актами. (Hefele, t. II. pag. 528).

постановленіе собора относительно константинопольской каедрѣ¹⁾.

Всѣ эти посланія не произвели желаннаго дѣйствія: папа не только не согласился признать 28 халкидонскій канонъ, напротивъ выступилъ съ рѣшительными возраженіями противъ предоставленныхъ этимъ канономъ константинопольской каедрѣ преимуществъ, и въ этомъ духѣ написалъ письма къ Анатолю, императору и къ императрицѣ Пульхеріи. Въ этихъ посланіяхъ папа усиливался доказать незаконность усвоенія константинопольской каедрѣ предоставленныхъ ей халкидонскимъ соборомъ преимуществъ и, при этомъ, главнымъ образомъ ссылался на неизмѣнность никейскихъ каноновъ и на ихъ обязательную силу, также на различіе основаній для раздѣленія предѣловъ церковнаго и гражданскаго управленія. Папа съ особенною настойчивостью указывалъ на эти доводы и, при помощи ихъ, старался опровергнуть халкидонское постановленіе. Въ частности: въ посланіи къ Анатолю (отъ 22 мая 452 г.) папа сначала хвалитъ его за то, что онъ, хотя и получилъ рукоположеніе отъ Діоскора александрійскаго, однако отвергъ его заблужденія и обратился къ католическому вѣроисповѣданію; за тѣмъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ, позволивъ себѣ внѣ порядка поставить Максима епископомъ антиохійскимъ на мѣсто Домна, замышляетъ низпровергнуть никейскіе каноны, чтобы лишить каедрѣ: Александріи и Антиохіи ихъ преимуществъ и отнять у митрополитовъ, подчиненныхъ Константиноплю мѣстностей, ихъ права. Подобное стремленіе папа называетъ гордостію и выражаетъ мысль, что даже болѣе многочисленный, чѣмъ халкидонскій, соборъ не можетъ сравняться съ 318 никейскими отцами, и никакое постановленіе, хотя бы оно принадлежало столь же великому собору, не можетъ имѣть силы, коль скоро

¹⁾ Какъ посланіе Анатоля, такъ и императора Маркіана находятся въ собраніи писемъ папы Льва великаго по изданію Баллеринъ (t. I. p. 1134, 1115); оба эти посланія были отправлены въ Римъ мѣсяцъ спустя послѣ собора съ епископомъ Клавическимъ Лукіаномъ и діакономъ Василиемъ. (Hefele, t. II. pag. 528—530. Pichler, t. II. pag. 636.)

оно находится въ противорѣчїи съ никейскими канонами. Папа признаетъ невозможнымъ дать свое согласіе на халкїдонское опредѣленіе, такъ какъ никейскія постановленія должны сохранить силу до скончанія вѣка, а несогласное съ этими постановленіями должно быть уничтожено безъ опасенія. „Примущества провинціальныхъ приматовъ (*provincialium jura primatum*), писалъ папа, не должны быть нарушаемы, митрополиты не должны быть лишаемы своихъ древнихъ правъ: престоль александрійскій долженъ удерживать честь (*dignitas*), которой онъ удостоился ради Петрова ученика, Марка... и Автіохія, гдѣ Петръ проповѣдывалъ и имя христіанъ возникло, не должна терять своего третьяго мѣста; потому что иное дѣло кафедрa и иное предстоятели (*aliud enim sunt sedes, aliud præsidentes*), и каждый долженъ отказаться отъ своихъ высокоумѣрныхъ стремленій и, проникнувшись духомъ любви, помнитъ слова: *держи, что имъ-еши, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего* (Апок. 3, 11); потому что если будешь искать непопозволеннаго, то по суду церкви лишешься и того, что имѣешь“¹⁾. Въ посланіи къ императору Маркіану папа, выразивъ свою радость по поводу счастливаго окончанія собора, водворившаго согласіе въ церкви и похваливъ императора за его ревность, изъявляетъ удивленіе о томъ, что по достиженіи собственной цѣли собора, вновь возстановленный миръ церкви опять поколебленъ происками честолюбія. Развивъ далѣе свою мысль относительно поведенія Анатолія, папа говоритъ, что „Константинополь можетъ пользоваться предоставленною ему честью и по милости Божіей наслаждаться долготѣльнымъ правленіемъ вашего величества; но одни основанія для предметовъ мірскихъ, другія для божественныхъ (*alia tamen ratio est rerum saecularium, alia divinarum*); никакое зданіе не можетъ быть построено не на томъ камнѣ (*non praeter illam petram*), который Господь не положилъ въ основа-

¹⁾ Mansi. t. VI. pag. 198—206. О перепискѣ папы Льва великаго съ императоромъ, Анатоліемъ и другими лицами подробно говорятъ: Hefele, t. II. pag. 530—535. 587—542. Pichler. t. II. pag. 635—638. Hergenröther, t. I. 80—89. Послѣдній особенно склоняется на сторону папы и осуждаетъ Анатолія.

ніе. Собственное потерять тотъ, кто домогается незаконнаго (поп debita). Вполнѣ достаточно, что (Анатолій), при помощи вашего величества и по согласію моеѣ любви, получилъ епископство въ такомъ городѣ; пусть-же онъ не пренебрегаетъ столлицею императора, которую невозможно сдѣлать апостольскимъ сѣдалищемъ, и пусть не надѣется достигнуть возвышенія, опираясь на силу другихъ; потому что преимущества церквей, утвержденныя никейскими постановленіями, не могутъ быть поколеблены никакою несправедливостію. Объ этомъ, при помощи Христа, обязанъ я заботиться и буду подлежать отвѣтственности за грѣхъ, коль скоро допущу нарушение постановленныхъ, по внушенію божественнаго Духа для управленія всей церкви, никейскихъ канонѣ¹⁾. Подобныя-же мысли папа излагалъ и въ письмѣ къ императрицѣ Пульхеріи, которой писалъ: „было-бы лучше, если-бы соборъ удовлетвовался тѣмъ, что входило въ его непосредственную задачу и не прибавлялъ ничего, что противно его доброй цѣли. Мой братъ и епископъ Анатолій, не обращая вниманія на то, что онъ, благодаря только вашей благосклонности и по согласію моеѣ любви, получилъ епископство, неудовольствовался тѣмъ, что получилъ, напротивъ, воспламенился страстію непоумѣрнаго честолюбія и думалъ удовлетворить ее, получивъ отъ многихъ подписи въ знакъ согласія... Такимъ образомъ были нарушены постановленія никейскаго собора: между тѣмъ, какъ только въ томъ случаѣ миръ между церквами можетъ существовать, когда всѣ епископы будутъ заботиться о соблюденіи этихъ канонѣ. Объ этомъ напоминали мои легаты на соборѣ тѣмъ, которые хотѣли возрасти изъ ничтожества (de pusillo crescere) и шагнуть отъ уничиженія къ величію (de infimis ad summa transire). Но зачѣмъ предстоятель Константинополя домогается еще большаго, коль скоро онъ уже получилъ (это)? Или чѣмъ онъ можетъ быть удовлетворенъ, если ему мало величія и славы столь большаго города? Это показываетъ гордость и неуумѣренность,

¹⁾ Mansi. t. VI. pag. 187—191—194.

когда, расширяя свои предѣлы, хотять низпровергнуть утвержденныя древностію права другихъ. Для упроченія достоинства одного, необходимо уничтожить преимущества столь многихъ митрополитовъ, и произвести безпорядокъ въ областяхъ, установленныхъ никейскими канонами. Для уничтоженія опредѣленія отцовъ (никейскихъ) ссылаются на постановленіе константинопольскихъ епископовъ (т. е. 150 собиравшихся въ Константинополѣ въ 381 г.), которое въ теченіе столь долгаго времени не имѣло никакого дѣйствія. Прошло уже много лѣтъ съ того времени, какъ епископамъ Константинополя было предоставлено такое положеніе и, однако, если-бы тотъ или другой изъ нихъ покусился воспользоваться имъ, то ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ-бы удержать его. Анатолій долженъ помнить: чей онъ преемникъ и подражать Флавіану въ вѣрѣ, кротости и смиреніи... Опредѣленіе епископовъ, которое противно никейскимъ канонамъ, я объявляю недѣйствительнымъ и кассирую авторитетомъ св. апостола Петра“ ¹⁾. Такъ писалъ папа подъ впечатлѣніемъ первыхъ извѣстій о возвышеніи константинопольской каедръ.

Вникая въ общій духъ разсужденій папы и анализируя приводимыя имъ соображенія, нельзя не замѣтить, что папа Левъ въ своихъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ высказалъ новую, прежде неизвѣстную въ христіанской церкви, теорію о преимуществахъ ея каедръ и что эта теорія была внушена папѣ скорѣе чувствами неудовольствія ²⁾, чѣмъ требованіями трезваго

¹⁾ Mansi. t. VI. pag. 195—198. Въстѣ съ письмами къ означеннымъ лицамъ папа писалъ и своему апокрисіарію, епископу восточному Юліану, котораго Анатолій старался привлечь на свою сторону, чтобы сдѣлать его своимъ ходадаемъ передъ папою. Юліанъ дѣйствительно писалъ папѣ въ пользу Анатолія, и папа отвѣчалъ Юліану, что онъ желаетъ истиннаго мира съ Анатоліемъ, если тотъ откажется отъ своихъ суетныхъ претензій; безъ этого папа не пожертвуетъ благомъ церкви въ пользу одного (Mansi. t. VI. pag. 207—208).

²⁾ Гергенпретеръ говоритъ, что папа Левъ, противодѣйствуя принятію халкидонскаго канона, ратовалъ въ семь случаевъ за свободу церкви на востокѣ; отставшая преимущества другихъ патриаршихъ каедръ, папа приготавлилъ тѣмъ противовѣсъ усилившейся церковной гегемоніи Константинополя на

взгляда на вещи. Любопытны основанія этой теоріи и въ частности тѣ мотивы, по которымъ папа не хотѣлъ допустить возвышеніе константинопольской кѣедры и старался низпровергнуть смыслъ халкидонскаго опредѣленія. Первое изъ этихъ основаній, именно ссылка на неизмѣнность и непоколебимость никейскихъ опредѣленій о предѣлахъ церковнаго управленія, должно быть признано несостоятельнымъ. Никейскіе отцы не могли даже и задаваться мыслию о томъ, чтобы установить неизмѣнный порядокъ отношеній между областями и ихъ предстоятелями по той причинѣ, что политическое распредѣленіе этихъ областей и мѣстопробываніе ихъ предстоятелей не только могли измѣниться, но даже и—совершенно уничтожиться съ теченіемъ времени. Вслѣдствіе сего мы поступили-бы совершенно произвольно, еслибы, подражая папѣ, стали утверждать, что никейскіе отцы, издавая свое опредѣленіе о предѣлахъ церковнаго управленія, имѣли въ виду установить порядокъ отношеній между областями и ихъ предстоятелями на всѣ времена. Наоборотъ необходимо съ рѣшительностію заключить, что никейскіе отцы, постановляя свои опредѣленія о предѣлахъ церковнаго управленія и преимуществахъ старѣйшихъ кѣедръ, вовсе не имѣли въ виду предупредить ходъ дальнѣйшаго развитія системы церковнаго управленія, и не задавались мыслию устранить возможность образованія для него новыхъ центровъ. То самое, что никейскіе отцы предоставили извѣстныя преимущества нѣкоторымъ, старѣйшимъ іерархамъ, на основаніи установившагося обычая, а не по требованію каноническихъ отличій ихъ кѣедръ, открывало полную возможность къ тому, что—

востокъ и пр. (Photius. t. I. pag. 81—83). Можно бы было согласиться съ этимъ объясненіемъ, если бы папа, отстаивая права другихъ кѣедръ, молчалъ о собственной кѣедрѣ, или, по крайней мѣрѣ, не объявлялъ себя верховнымъ стражемъ и блюстителемъ церковнаго порядка и законовъ во всей церкви и, при этомъ, не присвоилъ исключительно себѣ верховнаго и окончательнаго суда по всѣмъ дѣламъ церковнымъ. Говоря такъ, папа очевидно хотѣлъ защищать вовсе не права востока, а поддержать значеніе собственной кѣедры на счетъ преимуществъ другой. Вообще папа дѣйствовалъ не безъ корыстнаго расчета.

бы послѣдующій соборъ, на основаніи тѣхъ-же мотивовъ, возвысилъ значеніе какой-либо новой каѳедры, о которой въ свое время не могли говорить никейскіе отцы. Если возвышенныя никейскимъ соборомъ каѳедры приобрѣли особое значеніе въ ряду другихъ, благодаря именно мѣстонахожденію ихъ въ центральныхъ городахъ гражданскаго управленія римской имперіи; то вполне естественно было халкидонскому собору возвысить каѳедру Константинополя, которая тоже, благодаря своему мѣстонахожденію въ столицѣ имперіи, приобрѣла особое значеніе въ ряду другихъ каѳедръ. Издавая свое постановленіе о преимуществахъ константинопольской каѳедры, халкидонскіе отцы дѣлали только то, что утверждали закономъ сложившееся на практикѣ положеніе вещей. Вслѣдствіе сего папа Левъ, приписывая возвышеніе константинопольской каѳедры исключительно честолюбивымъ стремленіямъ ея іерарха и отстаивая независимость уже подчинившихся ему митрополитовъ, говорилъ болѣе по предубѣжденію, чѣмъ по соображенію дѣйствительнаго положенія вещей.

Второе изъ основаній, по которому папа возвышеніе константинопольской каѳедры признавалъ незаконнымъ, т. е. ссылка на различіе существующихъ основаній для разграниченія предѣловъ церковнаго и гражданскаго управленія, также произвольно. Если бы мы пожелали изложить причины возвышенія каѳедры самого папы, то главною въ числѣ этихъ причинъ должны были бы поставить то, что эта каѳедра находилась въ Римѣ, древней столицѣ императоровъ и средоточіи управленія всѣхъ частей римскаго царства. Конечно, положеніе Рима, какъ столицы имперіи, было и причиною того, что въ этомъ городѣ оба первоверховные апостола положили основаніе и начало христіанской церкви, отъ которой въ свою очередь возникли другія въ другихъ городахъ имперіи. Если справедливо, что для болѣе части церквей, принадлежавшихъ къ римскому патріархату, римская церковь была матерію, отъ которой другія приняли евангеліе, то нельзя оспаривать и того, что для образованія и, въ особенности, для утвержденія духов-

наго союза этихъ церквей съ римскою много способствовало то, что названныя церкви находились въ мѣстностяхъ, политически принадлежавшихъ къ западной половинѣ имперіи, средоточіемъ которой служилъ Римъ. Равнымъ образомъ и каедры другихъ, старѣйшихъ іерарховъ, какъ то: каедры Александріи и Антиохіи потому получили преимущество предъ прочими, что они, независимо отъ своего апостольскаго происхожденія, находились въ знатнѣйшихъ городахъ и, вслѣдствіе сего, постепенно приобрѣтали значеніе центровъ въ порядкѣ веденія дѣлъ церковныхъ. Вообще если апостолы, проповѣдуя евангеліе, несли его проповѣдь прежде всего въ знатнѣйшіе города и болѣе населенныя мѣстности, то совершенно естественно было и церквамъ этихъ городовъ и мѣстностей приобрѣсти преимущественное значеніе въ ряду другихъ. По крайней мѣрѣ древняя христіанская церковь, внося свою истину и свои начала въ порядки и отношенія римскаго общества, не только не поставляла своею задачею измѣнять эти порядки и отношенія въ ихъ гражданскихъ основаніяхъ, напротивъ сама старалась сообразоваться съ этими порядками и отношеніями въ разнообразіи и устройствѣ своего управленія, чтобы не быть причиною раздѣленія гражданского общества на новыя части. Древняя церковь намѣренно не создавала особыхъ центровъ для своего управленія, но обыкновенно заимствовала ихъ готовыми отъ государства. На этомъ основаніи возникла и развилась система раздѣленія предѣловъ церковнаго управленія соотвѣтственно распредѣленію гражданскихъ провинцій и округовъ. Въ древней церкви было принято правиломъ, чтобы разпредѣленіе церковныхъ областей согласовалось съ гражданскимъ раздѣленіемъ имперіи на провинціи. Правило это, принятое на востокѣ христіанской церкви, съ немногими фактическими отъ него отступленіями, нашло себѣ подтвержденіе въ канонахъ церковныхъ ¹⁾. На этомъ началѣ сложилась и раз-

¹⁾ Ант. 9 пр. II всел. 3 пр. IV всел. 12. VI всел. 38 и др. «Цари, говорятъ Зонара въ толкованіи на 38 пр. VI всел. трульскаго собора, обно-

вилась система митрополичьяго управленія на востокѣ христіанской церкви; при чемъ нѣкоторые города римской имперіи, представлявшіе собою центры гражданской жизни для цѣлыхъ, отдѣльныхъ округовъ, получили особое значеніе и въ церковномъ отношеніи. Вслѣдствіе сего и явились въ средѣ областныхъ митрополитовъ іерархи, которые, занимая кафедры въ центральныхъ городахъ всего округа, возвышались своимъ положеніемъ надъ прочими и постепенно приобрѣтали преимущества высшей духовной, словомъ патріаршей власти. Такъ было на востокѣ христіанской церкви. Что касается запада, послѣдній въ этомъ отношеніи представлялъ свои особенности. На западѣ, только съ раздѣленіемъ имперіи при Константинѣ великомъ, начала формироваться опредѣленная система митрополичьяго управленія, подъ вліяніемъ и по требованію именно политическаго раздѣленія имперіи. Христіанскіе государи обыкновенно назначали христіанскихъ префектовъ въ провинціи, которые въ свою очередь содѣйствовали и расширенію вліянія епископовъ своихъ городовъ ¹⁾. Такъ образовались новыя митрополіи на западѣ христіанской церкви и получили окончательную

включаютъ города, т. е. воздвигаютъ новыя и даютъ имъ гражданскія преимущества, или удостоиваютъ ихъ чести быть епископіями, или можетъ быть и митрополіями, чрезъ письменныя повелѣнія, которыя называли публичными уставами, а въ другомъ мѣстѣ называютъ ихъ прагматическими и царскими грамотами (см. IV всел. 12 пр.). Итакъ, правило повелѣваетъ, чтобы этимъ прагматическимъ, или публичнымъ уставамъ слѣдовалъ порядокъ и церковныхъ областей, такъ что если новый городъ получилъ званіе епископіи, или возведенъ въ честь митрополіи, такъ же долженъ считаться и въ порядкѣ церковныхъ правъ“ (Σβυταγμ. т. II pag. 392). „Если какой либо городъ, пишетъ и Аристанъ, вновь устроенъ по повелѣнію царя, или будетъ устроенъ, то гражданскому и народному распредѣленію да слѣдуетъ и порядокъ церковныхъ дѣлъ“ (ibid. pag. 394). Вальсамонъ въ объясненіи на то же правило замѣчаетъ: „правило опредѣляетъ, чтобы царскою властію воздвигнутые, или имѣющіе быть воздвигнутыми города и въ церковномъ отношеніи были почитаемы такъ, какъ предпишетъ царскій указъ, т. е. чтобы они имѣли достоинство епископіи, или митрополіи; ибо церковное распредѣленіе должно слѣдовать гражданскому и народному распредѣленію, т. е. царскимъ повелѣніямъ и т. д. (ibid. pag. 392—793. Leo Allat. pag. 230—238).

¹⁾ Pichler, t. II. pag. 616.

организацию тѣхъ, епископы которыхъ и прежде, вслѣдствіе своего пребыванія въ центральныхъ городахъ, пользовались особымъ значеніемъ въ дѣлахъ церковныхъ. При сравненіи предѣловъ церковныхъ областей съ гражданскимъ раздѣленіемъ имперіи на западѣ оказывается тотъ же результатъ, что и на востокѣ христіанской церкви: ббольшая часть главныхъ городовъ въ гражданскомъ отношеніи сдѣлалась мѣстопробываніемъ церковныхъ митрополій ¹⁾. Вслѣдствіе сего, папа Левъ утверждая, что одни основанія существуютъ для гражданскихъ и другія для церковныхъ отношеній, вступалъ въ противорѣчіе съ исторіею развитія церковнаго управленія на западѣ. Подобное начало ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить къ положенію Константинополя и его каедры. Возвышеніе Константинополя на степень столицы имперіи, резиденціи государственной власти и средоточія высшихъ государственныхъ установленій необходимо должно было повлечь за собою и церковное его возвышеніе. Извѣстенъ историческій законъ, по которому народъ и духовенство съ своими религіозно-общественными нуждами обыкновенно устрѣмляются туда, гдѣ имѣетъ пребываніе высшая власть. Но эта власть, по необходимости, требуетъ вблизи себя присутствія другой такой же, словомъ высшей духовной власти, которая была бы въ состояніи разрѣшать вопросы духовнаго свойства. Такимъ образомъ, появленіе высшей духовной власти въ общемъ средоточіи государственныхъ установленій имперіи было послѣдовательнымъ развитіемъ того принятаго уже на востокѣ и получавшаго силу на западѣ христіанской церкви начала, по которому духовные предстоятели важнѣйшихъ въ политическомъ отношеніи городовъ обыкновенно возвышались и стояли въ начальственныхъ отношеніяхъ къ епископамъ другихъ мѣстностей тѣхъ же провинцій. Если такой порядокъ вещей установился въ провинціяхъ, то послѣдовательность развитія этого порядка требовала примѣнить его и къ новой столицѣ имперіи, чтобы епископъ резиденціи императора, по своимъ преимуществамъ,

¹⁾ Wiltsch, t. II. pag. 56.

возвышался надъ всѣми митрополитами, имѣвшими свое пребываніе въ резиденціяхъ гражданскихъ префектовъ.

Доводы и увѣщанія папы не убѣдили Анатолія, который не только не отказывался отъ предоставленныхъ константинопольской кафедрѣ преимуществъ, напротивъ изыскивалъ способы къ тому, чтобы найти, себѣ сторонниковъ въ средѣ подчиненныхъ папѣ. Для этой цѣли Анатолій дѣлалъ попытки склонить иллирійскихъ епископовъ принять и подписать халкидонскія постановленія ¹⁾. Но экзархъ Фессалоники, отклонивъ его предложеніе, далъ знать объ этомъ папѣ, который счелъ нужнымъ написать объ этомъ обстоятельстве своему апокристарію. Продолжая идти далѣе въ достиженіи своей цѣли, папа (21 марта 453 г.) написалъ окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, принимавшимъ участіе въ халкидонскомъ соборѣ. Соглашаясь съ догматическими опредѣленіями этого собора и утверждая ихъ, папа открыто заявлялъ свое несогласіе на принятіе его правилъ. По этому предмету папа писалъ: „относительно постановленій св. отцовъ, которыя на никейскомъ соборѣ утверждены непреложными опредѣленіями, я напоминаю вашей святости о наблюденіи, чтобы права церкви пребывали такъ, какъ они опредѣлены тѣми богодухновенными тремястами восьмьюдесятью отцами. Пусть безчестное домогательство не желаетъ ничего чужаго и пусть никто не ищетъ себѣ прибыли чрезъ липеніе другаго. Ибо сколько бы суетное возвышеніе не устроило себя на вынужденномъ согласіи и не считало нужнымъ укрѣплять свои желанія именемъ собора — все будетъ слабо и ничтожно, что несогласно съ канонами упомянутыхъ отцовъ“ ²⁾. Какъ въ этомъ посланіи папа убѣждалъ всѣхъ епископовъ стоять за сохраненіе правъ церкви по смыслу никейскихъ постановленій, такъ въ особо написанныхъ имъ письмахъ къ Максиму антиохійскому ³⁾ (11 іюля 453 г.)

¹⁾ Le Quien, t. I. pag. 24—25 Mansi, t. VI. pag. 236.

²⁾ Mansi, t. VI. pag. 228. Дѣял. всел. собор. т. IV. стр. 445.

³⁾ Mansi, t. VI. pag. 238—243.

и Протерію александрійскому ¹⁾ (въ мартѣ 454 г.) онъ убѣждалъ каждаго изъ нихъ въ частности, вмѣстѣ съ сохраненіемъ вѣры, отстаивать и права своихъ каедръ противъ покушеній Анатолія.

Посланія папы къ предстоятелямъ и всѣ его усилія едвали привели бы къ цѣли, если бы папа не рассчитывалъ подѣйствовать на самаго Маркіана и его супругу, съ которыми Левъ находился въ постоянной перепискѣ и которые въ свою очередь дорожили дружбою и расположеніемъ папы ²⁾. Какъ бы то ни было, только императоръ Маркіанъ, издавъ 7 февраля 452 г. указъ объ утвержденіи догматическихъ опредѣленій халкидонскаго собора ³⁾, въ 455 г., послѣ всѣхъ настояній папы, издалъ особый законъ о правахъ и преимуществахъ церквей. Этимъ закономъ императоръ повелѣвалъ, чтобы сохраняли силу только тѣ преимущества церквей, которыя предоставлены имъ православными государями, и не имѣли дѣйствія тѣ постановленія, которыя изданы вопреки церковнымъ канонамъ по пристрастію и въ удовлетвореніе честолюбія ⁴⁾. Подъ дѣйствіемъ этого закона и вообще подъ вліяніемъ императорской четы, Анатолій долженъ былъ уступить папѣ. По крайней мѣрѣ, онъ (въ апрѣлѣ 454 г.) счелъ нужнымъ отвѣтить папѣ и, при этомъ, какъ бы оправдаться предъ нимъ въ томъ, что онъ ни мало не виноватъ въ постановленіи халкидонскаго собора о преимуществахъ константинопольской каедры. Анатолій увѣрялъ папу, что константинопольскіе клирики и принадлежавшіе къ константинопольскому округу епископы потребовали постановленія халкидонскаго опредѣленія, и, при этомъ, какъ бы въ успокоеніе папы и для прекращенія возникшихъ несогласій, прибавлялъ, что сила этого опредѣленія зависитъ отъ признанія его авторитетомъ папы ⁵⁾. Пиша въ такомъ тонѣ, Анатолій какъ бы отказывался

¹⁾ Ibid. pag. 271—283. ²⁾ Hergenr. t. I. pag. 96.

²⁾ Ibid. t. VII, pag. 275—478. Дѣян. всел. собор. т. IV. стр. 404—409.

³⁾ Cod. Just. lib. I. tit. II. l. 12. Le-Quien. t. I. pag. 46.

⁴⁾ Mansi. t. VI. pag. 277—279.

отъ тѣхъ преимуществъ, которыя были предоставлены ему халкидонскимъ соборомъ, и предоставлялъ окончательное рѣшеніе этого вопроса на волю папы. Левъ не удовольствовался подобнымъ отвѣтомъ Анатолія и (29 мая) писалъ ему, что онъ напрасно слагаетъ вину на своихъ клириковъ и не хочетъ сознаться въ собственной виновности; при этомъ папа снова убѣждалъ Анатолія не домогаться не принадлежащихъ ему преимуществъ, а довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое приличествовало его кафедрѣ по смыслу никейскаго опредѣленія ¹⁾. вмѣстѣ съ этимъ Левъ писалъ и къ императору, котораго увѣдомлялъ, что онъ снова примирится съ Анатоліемъ только при томъ условіи, если Анатолій откажется отъ своихъ домогательствъ и, проникнувшись смиреніемъ, будетъ соблюдать каноны отцовъ, постановленные въ интересахъ церковнаго мира ²⁾. Такимъ образомъ, сколько упомянутый законъ Маркіана, столько и, въ особенности, увѣренія Анатолія, что халкидонскій канонъ можетъ получить свое дѣйствіе только съ утвержденія папы, успокоили Льва, который вслѣдъ за симъ не только вступилъ въ общеніе съ Анатоліемъ, но и продолжалъ съ нимъ и послѣ съ его преемникомъ Геннадіемъ переписку, вовсе не упоминая болѣе о халкидонскомъ опредѣленіи. Папа видимо склонился къ мысли, что отсутствіе его согласія на принятіе означеннаго опредѣленія подорветъ авторитетъ послѣдняго въ средѣ самихъ грековъ ³⁾.

¹⁾ Migne. t. LIV. (opp. Leon. M.) pag. 1096. Наставая на этомъ, папа очевидно хотѣлъ, чтобы константинопольскій епископъ, попрежнему, оставался въ зависимости отъ экарха ираклійскаго, пользуясь лишь титломъ епископа столицы и резиденціи императора (Pichler, t. II. pag. 638 not. 5).

²⁾ Migne. *ibid.* pag. 1098—1100. Hefele. t. II. pag. 543. Pichler. t. II. pag. 618. Дѣян. всел. собор. въ русс. перев. т. IV стр. 453—454.

³⁾ Протесту папы Льва слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что халкидонскій 28 канонъ долгое время не встрѣчается въ собраніяхъ церковныхъ правилъ вмѣстѣ съ другими постановленіями халкидонскаго собора. Такъ напр. нѣтъ названнаго канона въ собраніи Діонисія малаго (Voelli et Justelli Bibliotheca juris sacon. veter. t. I. pag. 107 и 137); въ древнемъ переводѣ тотъ же канонъ помѣщенъ съ именемъ константинопольскаго собора (*ibid.* pag. 303); даже нѣтъ этого канона и въ собраніи Іоанна Схоластика (*ibid.* t. II. pag. 508—510).

Послѣдующая дѣйствительность далеко не оправдала подобной увѣренности папы; равно и одержанная имъ побѣда не была рѣшительною, а вмѣстѣ и законъ Маркіана имѣлъ не продолжительное дѣйствіе. Правда, возникшіе за симъ и, въ теченіе многихъ десятилѣтій, занимавшіе вниманіе и церковной и государственной власти монофизитскіе споры на все это время сдѣлали открытымъ и вопросъ о халкидонскомъ соборѣ и объ авторитетѣ его опредѣленій. При такомъ положеніи вещей естественно и права константинопольской каедрѣ, основанныя на халкидонскихъ постановленіяхъ, по необходимости, должны были находиться въ колебательномъ состояніи. Во всякомъ случаѣ, при случайностяхъ обстоятельствъ, общій результатъ здѣсь былъ тотъ, что константинопольскій іерархъ и его каедрѣ, хотя не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, но приобрѣтали свойственныя имъ преимущества.

Само собою понятно, что мы не должны въ полнотѣ излагать событія исторіи монофизитскихъ споровъ, но обязаны остановиться на тѣхъ ея моментахъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ вопросу объ утвержденіи и расширеніи преимуществъ константинопольскаго патріарха и его каедрѣ. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ событія изъ времени царствованія императора Зенона (474—491). Будучи еще военачальникомъ Антіохіи, Зенонъ обнаружилъ склонность къ монофизитству тѣмъ, что принялъ сторону Петра Кнафея (Фуллона) и его партіи противъ антіохійскаго патріарха Мартирія. Послѣдній, спасаясь отъ преслѣдованія этой партіи, искалъ защиты въ Константинополѣ у тогдашняго императора, преемника Маркіана, Льва (старшаго) (457—474) и патріарха Геннадія (458—471 г.), преемника Анатолія на патріаршей каедрѣ¹⁾. По представленію и ходатайству Геннадія, Мартирій нашель у императора требуемую помощь, но возвратившись на свою каедрѣ въ Антіохію, Мартирій замѣтилъ, что антіохійцы вол-

¹⁾ Импер. Левъ и патр. Геннадій извѣстны: первый подъ именемъ строго православнаго, послѣдній—набожнаго и благочестиваго. (Theod. Lect. Lib. 1. cap. 7. Cedr. 1. 607. Hergentr. t. I. pag. 90—91. 94—95).

нуются и возмущаются, и этимъ смутамъ содѣйствуетъ Зенонъ; вслѣдствіе сего онъ отказался отъ кафедръ, говоря: „отрицаюсь клира непокорнаго, народа непослушнаго церкви запятанной и оставляю при себѣ только санъ священства“. Воспользовавшись его удаленіемъ и полагаясь на поддержку Зенона, Кнафей захватилъ патріаршій престолъ Антіохіи и успѣлъ рукоположить нѣсколькихъ епископовъ и, между ними, прежде низверженнаго Іоанна епископомъ Апамеи. Узнавъ отъ патріарха Геннадія о подобныхъ дѣйствіяхъ Петра Кнафея, императоръ повелѣлъ отправить его въ ссылку, но Кнафей избавился отъ нея бѣгствомъ ¹⁾. Левъ еще при жизни провозгласилъ сына дочери своей Ариадны Льва (младшаго) и своего зятя Зенона кесарями. Левъ младшій царствовалъ десять мѣсяцевъ и, по смерти, оставилъ престолъ Зенону; но Зенонъ не удержался на этотъ разъ на престолѣ. Вдовствовавшая императрица Верина и часть Синклита вошли въ сношеніе съ Василискомъ, который при ихъ содѣйствіи возсталъ противъ Зенона, провозгласилъ себя царемъ, сына своего Марка—кесаремъ, и супругу свою Зинодію — августою. Судя по первымъ дѣйствіямъ Василиска, можно думать, что главными сподвижниками его возмущенія были монофизиты. Дѣйствительно, захвативъ престолъ, Василискъ (475—477 г.), слѣдуя внушеніямъ супруги своей Зинодіи, или Зинаиды, гонительницы православія, явился сторонникомъ монофизитовъ и ревностнымъ противникомъ халкидонскаго собора и его опредѣленій. Съ этою цѣлію Василискъ издалъ особый эдиктъ въ формѣ окружнаго посланія (ἐγκύκλιον), которымъ не только отвергъ халкидонскій соборъ, но и отнялъ у константинопольской кафедръ представленныя ей халкидонскимъ соборомъ преимущества, и запретилъ сенату имѣть общеніе съ патріархомъ Акакіемъ за то, что Акакій не согласился подписать посланіе Василиска. Вмѣстѣ съ этимъ были вызваны Василискомъ изъ ссылки руководители

¹⁾ Theod. Lect. I. I. cap. 20, 21—22. Theoph. Chronog. pag. 175. Le-Quien, t. II, pag. 724—725.

монофизитовъ, бывшіе патріархи: александрійскій Тимоѳей Элуръ и антиохійскій Петръ Кнафей, которые, пользуясь обстоятельствами, произвели разныя замѣшательства въ христіанской церкви и на епископскихъ каедряхъ. Именно: Тимоѳей, на пути изъ Константинополя въ Александрію, заѣхалъ въ Ефесъ, гдѣ собственною властію возвелъ на архіепископскую, ефескую каедрю своего единомышленника Павла, „который, по замѣчанію Евагрія, хотя уже былъ рукоположенъ по древнему обычаю епископами той епархіи, но потомъ оставался низверженнымъ съ своего престола“; при этомъ Тимоѳей возвратилъ ефеской каедрѣ экзаршескія права, отнятыя халкидонскимъ соборомъ, и произнесъ отлученіе противъ Акакія константинопольскаго ¹⁾. Всѣ эти дѣйствія имѣли цѣлію поколебать авторитетъ константинопольской каедры. Между тѣмъ императоръ Василискъ, встрѣтивъ рѣшительное противодѣйствіе изданному имъ эдикту со стороны „возмутившихся противъ императора, какъ еретика, монаховъ и жителей столицы“, принужденъ былъ (477 г.) издать новый, противоположный прежнему, эдиктъ также въ формѣ окружнаго посланія (*ἀντεγυχύλιον*), которымъ повелѣвалъ: „тѣ епархіи, въ которыхъ право рукополагать епископовъ принадлежало престолу столицы и славнаго города, возвратитъ патріарху и архіепископу Акакію, съ тѣмъ, чтобы занимавшіе ихъ каедры епископы оставались на своихъ престолахъ; но по смерти ихъ никто не предъявлялъ претензій на право рукоположенія, принадлежащее каедрѣ столицы и славнаго города“ ²⁾. Эдиктъ Василиска, возстановивъ права константинопольской каедры относительно рукоположенія епископовъ въ подчиненныхъ ей халкидонскимъ соборомъ округахъ, оставилъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ томъ состояніи, въ которое они были приведены дѣйствіями единомышленниковъ Василиска. Вслѣдствіе этого Зенонъ, когда снова овладѣлъ пре-

¹⁾ Евагрій, III. 3—6. Theod. Lect. lib. I. cap. 29—32. Theoph. Chronog. pag. 186—194.

²⁾ Евагрій, III. 7. Hegenr. t. I. pag. 112—113.

столомъ (477), призналъ необходимымъ отмѣнить распоряженія Василиска по дѣламъ церкви ¹⁾, и издалъ особый законъ ²⁾, коимъ не только утвердилъ преимущества константинопольской кафедры, но и предоставилъ лично патріарху Акакію право устроить церковный порядокъ не только по отношенію къ церквямъ и духовенству, но и по отношенію къ предстоятелямъ ихъ, и въ частности: относительно права священной хиротоніи, состоявшагося изгнанія какого либо епископа, преимуществъ предсѣдательства на соборѣ и внѣ оного, также правъ митрополичьей, или патріаршей власти. Подобныя порученія заставляютъ заключить, что, по силѣ этого закона, Акакій становился начальствующимъ лицомъ для всего христіанскаго востока и его патріархатовъ ³⁾. Историческіе факты показываютъ, что Акакій, въ дѣйствительности, воспользовался этимъ положеніемъ.

Прежде всего заслуживаетъ упоминанія поступокъ азійскихъ епископовъ, которые обратились къ Акакію съ покаянною грамотою, въ которой, желая умилоствитъ Акакія, просили у него прощенія въ томъ, что они подписались подъ окружнымъ посланіемъ Василиска, отвергавшимъ халкидонскій соборъ и вмѣстѣ преимуществъ константинопольской кафедры, по необходимости, а не по доброй волѣ (ἐξ ἀνάγκης, ἄλλ' οὐ καρδίᾳ). Въ своей грамотѣ азійскіе епископы, именуя Акакія „святѣйшимъ и благочестивѣйшимъ патріархомъ святѣйшія церкви царствующаго града Константинополя новаго Рима“, выражали тѣмъ мысль, что они осуждаютъ свое увлеченіе и подчиняются его власти ⁴⁾. Изъ опасенія-ли отвѣтственности предъ Акакіемъ, или добровольно азійскіе епископы рѣшились на этотъ поступокъ, во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, что отношеніе іерарха столицы къ азійскимъ епископамъ имѣло внушительный характеръ. Далѣе, обстоятельства предоставили Акакію случай обнаружить свое вліятельное уча-

¹⁾ Theod. Lect. t. I. cap. 31—36. Theoph. Chron. pag. 146—143.

²⁾ Cod. Just. lib. I. tit. II. l. 16. Baronius ошибочно приписываетъ тотъ законъ императору Льву I (Annales. ad. an. 472 p. 2—3.

³⁾ Petr. de Marca, de Concordia... lib. III. cap. 3. pag. 136.

⁴⁾ Евагріій. кн. 111. 9.

стіе и въ дѣлахъ антиохійскаго и александрійскаго патриаршихъ престоловъ. Выше мы видѣли, что съ воцареніемъ Василиска на антиохійскую кафедру былъ возвращенъ Петръ Кнафей, приверженецъ монофизитства. По возвращеніи на императорскій престолъ Зенона, Кнафей, вслѣдствіе императорскаго указа, былъ низложенъ антиохійскимъ соборомъ, и на его мѣсто поставленъ Іоаннъ апамейскій, котораго прежде Кнафей рукоположилъ епископомъ апамейскимъ. Іоаннъ не долго оставался на антиохійской кафедрѣ; спустя именно три мѣсяца онъ былъ низложенъ на антиохійскомъ соборѣ, утвердившемъ халкидонскій соборъ, и на кафедре антиохійской церкви былъ возведенъ мужъ благочестивый по имени Стефанъ II ¹⁾. Стефанъ немедленно обратился къ патриарху Акакію съ извѣстительною грамотою о своемъ поставленіи; при этомъ увѣдомилъ Акакія и о низложеніи какъ Петра Кнафея, такъ и Іоанна апамейскаго. По поводу этого увѣдомленія, Акакій въ 478 г. собралъ въ Константинополѣ *σύνδος ἐνδημοῦσα*, на которомъ утвердилъ дѣянія антиохійскаго собора и подвергъ анаѳемѣ Петра Кнафея за то, что онъ къ трисвятой пѣсни прибавилъ слова: „*распяйся за ны*“ ²⁾.

Подобныя дѣяствія Акакія отчасти уже объясняютъ, какъ онъ смотрѣлъ на отношенія константинопольской къ антиохійской кафедрѣ. Въ 481 г. названный, антиохійскій архіепископъ, Стефанъ умеръ и преемникомъ ему антиохійскимъ соборомъ былъ поставленъ Стефанъ III, котораго приверженцы Петра Кнафея обвиняли въ склонности къ несторіанству и успѣли такъ подѣйствовать на императора Зенона, что тотъ приказалъ рассмотреть ихъ обвиненіе на соборѣ въ Лаодикіи. Хотя соборъ призналъ образъ мыслей Стефана православнымъ и императоръ утвердилъ его на антиохійской кафедрѣ; но, недовольные такимъ рѣшеніемъ собора, враги Стефана напали на него днемъ въ крещальнѣ св. мученика Варлаама и избили до смер-

¹⁾ Еваргій, 111. 10. Theoph. Chronog. pag. 194. Hergen. t. I. pag. 117.

²⁾ Hefele. t. II. pag. 582. Mansi. t. VII. pag. 1018—1022.

ти заостренными палками ¹⁾. Въ наказаніе за такой поступокъ императоръ Зенонъ отнялъ у антиохійцевъ право избрать себѣ новаго архіепископа и поручилъ патріарху Акакію поставить имъ предстоятеля. Акакій избралъ и рукоположилъ въ Константинополь Каландіона; между тѣмъ восточные епископы, не зная объ этомъ, избрали съ своей стороны патріархомъ антиохійскимъ Іоанна Кондоната. Кондонатъ однако не получилъ антиохійской кафедры, такъ какъ ее занялъ Каландіонъ, признанный патріархомъ и со стороны антиохійскаго собора въ 482 г.; Кондонату же Акакій предоставилъ Тирь, котораго кафедра считалась первою въ антиохійскомъ патріархатѣ ²⁾. Черезъ нѣсколько времени Каландіонъ, оказавшійся сторонникомъ Іоанна Талайя, былъ низведенъ съ кафедры Акакіемъ и на его мѣсто возстановленъ Петръ Кнафей.

На александрійской кафедрѣ, и по возвращеніи на престолъ Зенона, остался тотъ же возвращенный Василискомъ, Тимоѳей Элуръ, котораго Зенонъ пощадилъ только потому, что Элуръ былъ уже старикъ, приближавшійся къ смерти. Когда дѣйствительно онъ (477—478 г.) умеръ, преемникомъ ему монофизиты самовольно избрали Петра Монга, который и былъ рукоположенъ, по свидѣтельству Теофана, однимъ только осужденнымъ епископомъ ³⁾. Монгъ патріаршествовалъ всего 36 дней; такъ какъ Зенонъ лишилъ его кафедры, и на мѣсто умершаго Элуръ вызвалъ находившагося въ изгнаніи Тимоѳея Салофакіола ⁴⁾. По смерти Салофакіола Зенонъ предоставилъ александ-

¹⁾ Mansi. t. VII, pag. 1022—1024. Нерген. относятъ эти обстоятельства къ Стефану II. (photius, t. I pag. 117); но мы слѣдуемъ Гефеле. (t. II. pag. 583).

²⁾ Евагрія, III. 10. Theoph. Chronog. pag. 198—199. Theodor. Lect. lib. II. cap. 46. Le Quien, t. I, pag. 60.

³⁾ Theoph. Chronog. pag. 144. Евагрія въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Петра Монга избрали и рукоположили многіе епископы (кн. III. гл. 4), а въ другомъ свидѣтельствуемъ, что египтяне доносили папѣ о Монгѣ, какъ рукоположенномъ „только двумя подобными ему злочестивыми епископами.“ (кн. III. гл. 20). Подобное разнорѣчіе несомнѣнно удостовѣряетъ тотъ фактъ, что Монгъ получилъ епископство не по каноническимъ правамъ.

⁴⁾ Евагрія, III. гл. 11. Theoph. Chronog. pag. 194. Гергенретеръ замѣ-

дрийцамъ свободный выборъ патріарха, коимъ и былъ избранъ Іоаннъ Талаія, или Тавеннисіотъ, монахъ изъ монастыря Конопы, бывшій прежде экономомъ александрійской церкви послѣ пресвитеромъ одной изъ церквей на островѣ Тавеннѣ. По соблюдавшемуся обычаю, Іоаннъ отъ своего лица и собравшагося при немъ александрійскаго синода отправилъ общительныя грамоты въ Римъ къ папѣ Симплицію и въ Антиохію къ Каландіону; но не сдѣлалъ этого въ отношеніи къ Акакію константинопольскому ¹⁾. Недовольный этимъ Акакій внушилъ Зенону, что Іоаннъ не годенъ для знаменитой александрійской катедрѣ ²⁾, и указалъ при этомъ на Петра Монга, который, какъ сказано, уже былъ на этой катедрѣ. Зенонъ послушался Акакія тѣмъ съ ббльшею охотою, что Петръ Монгъ готовъ былъ содѣйствовать дѣлу единенія православныхъ съ монофизитами на основаніи изданнаго въ то время (482 г.), по совѣту Акакія, извѣстнаго „эотикона“ ³⁾. Вслѣдствіе этого Зенонъ поспѣшилъ увѣдомить папу Симплиція, что Іоаннъ недостойнъ александрійской катедрѣ и что Монгъ гораздо способнѣе примирить враждующія партіи въ той странѣ. Хотя папа и не утвердилъ на этотъ разъ формально Іоанна, однако отозвался императору о Монгѣ, что онъ человѣкъ неправославный и всегда подозрѣвался въ ереси ⁴⁾. Зенонъ, не обративъ на это

часть, что императоръ выложилъ Монга вслѣдствіе распоряженія папы (Photius, pag... 116), но это не совсѣмъ согласно съ хронологіею, по которой Эдуръ умеръ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 478 г., тогда какъ письмо папы къ Зенону относится къ октябрю того же 478 г.

¹⁾ Hefele предполагаетъ, что Іоаннъ не сдѣлалъ этого потому, что имѣлъ неудовольствіе на Акакія, которымъ увлекся во время пребыванія въ Константинополѣ, въ качествѣ апокрисиарія отъ своего епископа, Тимофея Салофавіола. (t. II. pag. 584).

²⁾ Акакій обвинялъ Іоанна предъ Зенономъ въ томъ, что онъ совѣтывалъ прежнему александрійскому архіепископу внести въ церковныя диптихи имя Діоскора, также въ нарушенія клятвы, которою Іоаннъ, бывши въ Константинополѣ, увѣрялъ, что онъ не желаетъ домогаться епископства.

³⁾ Евагрій, церковн. истор. кн. III. гл. 13—14. Theoph. Chronog. pag. 109—202. „Правосл. Собесѣдн.“ за 1877 г. Декабрь, стр. 565—669.

⁴⁾ Каландіонъ въ своихъ письмахъ къ императору Зенону и патріарху Акакію называлъ Монга „прелюбодѣемъ“ и доносилъ имъ, что Монгъ

никакого вниманія, поручилъ префекту Египта (Dux Aegypti), Пергамію, изгнать Іоанна и возвести на кафедрѣ Монтга подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ „энотиконъ“ и обратился съ синодальнымъ посланіемъ къ Акакію, Симплицію и другимъ архіепископамъ. Монтгъ исполнилъ по желанію императора; и Акакій, привявъ его въ общеніе, внесъ его имя въ церковные диптихи ¹⁾. Въ качествѣ предстоятеля столицы и старѣйшаго іерарха, Акакій вообще принималъ вліятельное участіе въ дѣлѣ успѣшнаго распространенія по всему востоку „энотикона“ Зенонова. Евагріій замѣчаетъ, что когда Акакій узналъ о томъ, что Петръ Кнафей снова предалъ анаемѣ халкидонскій соборъ, сильно вознегодовалъ на него и послалъ нѣкоторыхъ людей произвести изслѣдованіе о случившемся ²⁾; а Теофанъ говоритъ, что Акакій уговаривалъ императора употребить сильныя мѣры, чтобы побудить епископовъ къ принятію „энотикона“, и самъ въ свою очередь понуждалъ ихъ ³⁾. Словомъ: Акакій дѣйствовалъ въ этихъ обстоятельствахъ, по замѣчанію Гергенрѣтера, въ качествѣ „духовнаго главы“ всей восточной имперіи ⁴⁾. Ле-Къенъ, разсмотрѣвъ нѣкоторые факты, въ которыхъ сказалось стремленіе патріарха Акакія возстановить силу 28 халкидонскаго канона, заключилъ: „Акакій былъ первый изъ всѣхъ; которымъ подлинно и въ собственномъ смыслѣ (*vere et proprie*) былъ установленъ (*constituerit*) константинопольскій патріархатъ, при содѣйствіи свѣтской власти императора Зенона“ ⁵⁾ Мы кажется точнѣе передадимъ смыслъ изложенныхъ нами фактовъ, если скажемъ, что патріархъ Акакій вполнѣ понялъ халкидонскія опредѣленія и старался примѣнить и оградить ихъ дѣйствіе на практикѣ.

анаематствовалъ халкидонскій соборъ. Равнымъ образомъ подобное же писалъ о Монтгѣ и Тимоѣей Салофакіюль. Самъ Акакій называлъ Монтга еретикомъ, прелюбодѣемъ и сыномъ тьмы, когда извѣщалъ папу Симплиція о изложеніи перваго съ александрійской кафедрѣ. (Евагріій, III. 16—21. *Liberati, Breviarium. cap. 16—17. pag. 147—148.*)

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 584—585. ²⁾ Евагріій, царк. ист. кн. III. гл. 16. стр. 146.

³⁾ Theoph. Chronog. 203—205. ⁴⁾ Hergenr. t. I, pag. 123.

⁵⁾ Le Quien, t. I, pag. 62.

Утвержденіе преимуществъ константинопольской каведры и расширеніе вліянія ея іерарха не только въ подчиненномъ ему округѣ, но и въ другихъ патріархатахъ очевидно не могли не волновать римскихъ первосвященниковъ, преемниковъ Льва великаго. Вслѣдствіе сего папа Симплицій хотя и согласился на рукоположеніе Акакіемъ Каландіона на антиохійскую каведру, какъ въ свое время не протестовалъ и папа Левъ противъ избранія Максима Анатоліемъ; тѣмъ не менѣе не оставилъ этого факта безъ неодобрительныхъ замѣчаній въ письмахъ какъ къ императору Зенону, который повелѣлъ, такъ и къ патріарху Акакію, который рѣшился рукоположить Каландіона. Симплицій вообще выразилъ мысль, что рукоположеніе антиохійскаго предстоятеля, по опредѣленіямъ никейскаго собора, должно принадлежать собору восточныхъ епископовъ; на будущее время этотъ порядокъ строго долженъ быть соблюдаемъ, во избѣжаніе несогласій, и патріархъ Акакій не долженъ позволять себѣ подобныя дѣйствія, съ нарушеніемъ канонровъ, хотя бы императоръ настаивалъ на этомъ ¹⁾. Еще эвергичнѣе поступилъ преемникъ Симплиція, папа Феликсъ III (483—492) по поводу назначенія на александрійскій престоль Петра Монга вмѣсто Іоанна Талаія. Лишенный по распоряженію императора каведры, Талаія отправился въ началѣ 483 г. въ Римъ, гдѣ наговорилъ Симплицію на Акакія. Когда Симплицій (2 мар. 483 г.) умеръ и преемникомъ ему былъ избранъ Феликсъ—Талаія подалъ новому папѣ жалобу на Акакія; Феликсъ, имѣя въ виду, что Акакій оставилъ безъ отвѣта посланныя къ нему письма Симплиція, счелъ за лучшее отправить къ императору Зенону и патріарху Акакію посольство, изъ епископовъ Виталія и Мизина съ просьбою утвердить халкидонскій соборъ, изгнать Петра Монга и снова возстановить Іоанна Талаія. Папа снабдилъ своихъ легатовъ какъ пригласительною грамотою (*libellus citationis*) къ Акакію, котораго призывалъ явиться въ Римъ къ отвѣту по жалобамъ Талаія, такъ и особое письмо

¹⁾ Mansi. t. VII. pag. 988—969. Le Quien, t. I, pag. 61—62.

къ императору, въ которомъ просилъ прислать Акакія, и снова жаловался на Петра Монга ¹⁾). Посланные папы не только не исполнили его порученій, напротивъ возвратились въ Римъ съ письмами Зенона и Акакія, написанными въ защиту Петра Монга и въ осужденіе Іоанна Талаія ²⁾). Оскорбленный такимъ оборотомъ дѣла Феликсъ, который уже получилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своихъ легатовъ въ Константинополѣ ³⁾, немедленно созвалъ (484 г.) соборъ, на которомъ — въ первомъ засѣданіи лишилъ легатовъ епископскаго сана, отлучилъ ихъ отъ св. причащенія и повторилъ анаѳему надъ Петромъ Монгомъ, во второмъ — осудилъ Акакія, объявивъ его лишеннымъ духовнаго сана и церковнаго общенія. Папа написалъ Акакію синодальное посланіе, которое и отправилъ въ Константинополь съ дефенсоромъ Тутомъ, чтобы довести до свѣдѣнія Акакія объ его низложеніи. Тутъ, прибывъ въ Константинополь, передалъ принесенные имъ грамоты монахамъ, которые осмѣлились приговоръ о низложеніи Акакія пришить къ его мантии при выходѣ его изъ церкви и, такимъ образомъ, обнародовать его отлученіе. Акакія не только не устрасилъ судъ папы, напротивъ онъ нашелъ въ этомъ поводъ къ тому, чтобы исключить имя папы изъ церковныхъ диптиховъ и формально прервать общеніе съ Римомъ. Въ синодальной грамотѣ папы Феликса о низложеніи Акакія первымъ въ ряду преступленій, за которыя

¹⁾ Mansi, t. VII. pag. 1028—1036 1108—1109. Еваргій, кн. III. гл. 18.

²⁾ Еваргій, цер. ист. кн. III, гл. 19—20. Theoph. Chron. pag. 204—205. Неуспѣхъ папскихъ легатовъ зависѣлъ отъ того, что какъ скоро они прибыли въ Абидосъ въ Геллеспонтѣ, немедленно, по приказанію императора, были схвачены, отведены въ гостиницу, гдѣ у нихъ были отобраны принесенные ими документы и имъ угрожали смертію, если они не вступятъ въ церковное общеніе съ Акакіемъ и Петромъ Монгомъ; въ противномъ случаѣ обѣщали награды и милости. Посланные соблазнились и, по прибытіи въ Константинополь, принимали участіе въ торжественномъ богослуженіи, на которомъ Акакій поминалъ и Петръ Монга по церковнымъ диптихамъ (Hefele, t. II. pag. 586).

³⁾ Эти свѣдѣнія были доставлены папѣ, посланными Кирилломъ, игуменомъ обители „неусыпающихъ“ въ Константинополѣ. Получивъ эти свѣдѣнія папа предписалъ легатамъ не дѣлать ничего безъ совѣта съ Кирилломъ (Еваргій III. 19).

онъ осужденъ, было поименовано то, что Акакій безразсудно присвоивалъ себѣ права чужихъ провинцій (*alienarum tibi provinciarum jura temerarie vindicasti*) ¹⁾. Тоже обвиненіе повторено и въ посланіи папы къ клиру и народу константинопольскому ²⁾. Въмѣстѣ съ этимъ папа обвинялъ Акакія въ томъ, что онъ не только принималъ еретиковъ, но и раздавалъ имъ епископіи; поддерживалъ Петра Монга въ похищеніи александрійской кафедры, имѣя формальное общеніе съ нимъ; не только не далъ отвѣта противъ жалобы Талайя, но и оказалъ пренебреженіе къ увѣщаніямъ апостольскаго престола; неприлично обращался съ папскими легатами и т. п.

Собразивъ приведенные факты, необходимо заключить, что какъ протестъ папы Льва противъ 28 пр. халкидонскаго собора сдѣлалъ только то, что, какъ замѣтилъ Гефеле ³⁾, греки долгое время не ссылались болѣе на этотъ канонъ и не принимали его въ свои собранія правилъ, такъ и рѣшительныя мѣры папы Феликса противъ Акакія, старавшагося расширить значеніе константинопольской кафедры, не произвели другихъ дѣйствій, кромѣ послѣдовавшаго тридцати пяти-лѣтняго (484—519 г.) разрыва между Римомъ и Константинополемъ. Акакій умеръ 489 г., и на константинопольскую кафедру былъ возведенъ Фравитъ, или Флавитъ (490 г.), который успѣшилъ отправить отъ себя весьма вѣжливое посланіе къ папѣ Феликсу, въ которомъ увѣрялъ папу въ своемъ православіи. Въмѣстѣ съ Фравитомъ и въ томъ-же духѣ писалъ папѣ и императоръ Зенонъ. Папа хотя и отвѣтилъ имъ обоимъ дружественными посланіями ⁴⁾, однако не рѣшился формально принять Фравита въ общеніе съ собою по той причинѣ, что константинопольскіе послы не дали папѣ рѣшительнаго ручательства въ томъ, что Фравитъ согласится исключить имя своего предшественника, Акакія, изъ церковныхъ диптиховъ. Фравитъ вскорѣ умеръ, не успѣвъ получить отвѣта папы. Преемникъ его Евфимій (490—496 г.)

¹⁾ Mansi, t. VII. pag. 1054. ²⁾ Ibid. pag. 1067.

³⁾ Hefele, t. II. pag. 54, 517. ⁴⁾ Mansi, t. VII. pag. 1097—1103.

также старался возстановить церковное общеніе съ Римомъ; но римскіе папы: Феликсъ и послѣ него Геласій (съ 492 г.) необходимымъ условіемъ этого общенія поставляли то, чтобы имя умершаго Акакія было исключено изъ церковныхъ диптиховъ. Евфимій нашель это условіе неисполнимымъ и потому дальнѣйшее общеніе Рима съ Константинополемъ сдѣлалось невозможнымъ ¹⁾; тѣмъ болѣе, что Евфимій въ сентябрѣ 498 г., вѣроятно, императоромъ Анастасіемъ Диррахитомъ (490—518 г.) былъ отправленъ въ ссылку, да и папа Геласій вскорѣ затѣмъ, именно въ ноябрѣ (19 г.) того-же года, скончался ²⁾.

Какъ-бы мы ни объяснили мотивовъ, по которымъ папа Феликсъ произнесъ отлученіе на Акакія, и какъ-бы мы ни поняли побужденій, по которымъ патріархъ Евфимій нашель невозможнымъ, по требованію папы, исключить имя Акакія изъ церковныхъ диптиховъ, во всякомъ случаѣ въ этихъ спорахъ и несогласіяхъ первое мѣсто со стороны Рима занимало именно стремленіе не допустить возвышенія константинопольской катедры въ ущербъ старшинству римской, со стороны Константинополя—рѣшимость не поступаться этимъ возвышеніемъ въ угоду Риму. Около этихъ мотивовъ главнымъ образомъ и вращалась вся полемика, которую вели: папа Геласій и его преемники по дѣлу Акакія. Византійцы, державшіе сторону своего патріарха, не соглашались на исключеніе его имени изъ диптиховъ церковныхъ, и рѣшительно заявляли, что Акакій осужденъ не законнымъ образомъ; такъ какъ для суда надъ нимъ требовалось созвать если не вселенскій, то, по крайней мѣрѣ, особый соборъ съ специальною цѣлію разсмотрѣть именно это дѣло (*ad hoc*). Папы наоборотъ, основываясь на преимуществахъ своей катедры, доказывали, что судъ надъ Акакіемъ должно считать совершенно правильнымъ, если бы онъ былъ произведенъ однимъ папою; такъ какъ, по канонамъ, апелляціонныя жалобы могутъ быть приносимы римской катедрѣ изъ всѣхъ мѣстъ христіанской церкви и разсма-

¹⁾ Hefele. t. II. pag. 598—599. ²⁾ Hergenr. pag. 134.

триваться при этой каедрѣ окончательно, безъ права дальнѣйшей апелляціи ¹⁾. Отстаивая преимущества собственной каедрѣ предъ константинопольскою въ этомъ отношеніи, папа съ настойчивостію доказывалъ незаконность возвышенія послѣдней при патріархѣ Акакіѣ. „Мы смѣемся, писалъ папа объ этомъ предметѣ въ посланіи къ епископамъ Дарданіи, надъ тѣмъ, что хотять присвоить Акакію преимущества потому, что онъ епископъ столицы. Не живетъ-ли императоръ много времени (*multis temporibus*) въ Равеннѣ, Миланѣ, Сирміи и Трирѣ, и не имѣютъ-ли поэтому предстоятели этихъ городовъ права на особое преимущество?.. Если правильно разсуждать о достоинствѣ городовъ, то Александрія и Антиохія должны быть поставлены второю и третьею каедрами, гораздо выше, нежели этотъ городъ, который въ дѣйствительности не только не причисляется къ каедрамъ (т. е. патріаршимъ), но и не сравнивается по правамъ съ митрополитами (*inter metropolitanorum jura censetur*). Если вы скажете, что это царскій городъ, то я отвѣчу: иное власть мірскаго царства и другое распредѣленіе церковныхъ достоинствъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ малая столица (*parva civitas*) не уменьшаетъ преимущества настоящаго царства, такъ и пребываніе императора не измѣняетъ порядка священнаго управления (*mensuram dispensationis religiosae*). Пусть пребываніе императора дѣлаетъ этотъ городъ могущественнымъ (*clara potestate*), но вѣра будетъ тверда и — пользоваться свободою и преслѣяніемъ только въ томъ случаѣ, если при этомъ пребываніи она вполне сохранитъ порядокъ безъ всякаго измѣненія... Не важность города слѣдуетъ принимать во вниманіе, но утверждающійся на отеческомъ преданіи церковный порядокъ“ ²⁾. Тѣ-же мысли папа Геласій выражалъ и на римскомъ соборѣ (496 г.), на ко-

¹⁾ Разсужденія папы Геласія, какъ по этому предмету, такъ и по другимъ затронутымъ осужденіемъ Акакія, содержатся какъ въ его: „*tomus de anathematis vinculo*“ (Mansi, t. VIII, pag. 88—95), такъ и въ его „*communitorium ad Faustum Magistrum*“, который исправлялъ обязанности палскаго посла въ Константинополь (Mansi, t. VIII, pag. 17—19).

²⁾ Mansi, t. VIII, pag. 58—59.

торомъ былъ утвержденъ „*decretum de libris recipiendis*“ ¹⁾. „Хотя всѣ разсѣянные по лицу земли католическія церкви составляютъ одно жилище Христа, однако святая, римская церковь преимуществуетъ предъ прочими не въ силу какихъ либо соборныхъ постановленій (*nullis synodicis constitutis*), но по евангельскому слову Господа нашего удерживаетъ первенство: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей...* Эта церковь приняла въ свое общество блаженнѣйшаго Павла, который не въ другое, какъ пустословявъ еретики, а въ одно время и въ одинъ и тотъ же день съ Петромъ вѣнчался славною смертію мученичества въ городѣ Римѣ при кесарѣ Неронѣ. Они вмѣстѣ посвятили вышеназванную, святую римскую церковь Христу Господу и превознесли (*praetulerant*) ее предъ всѣми прочими городами всего міра своимъ пребываніемъ и мученическою смертію. Итакъ первая кathedра апостола Петра есть римская церковь, неимѣющая *ни пятна, ни порока, ничего либо подобнаго*. Вторая кathedра въ Александріи, основанная во имя блаженнаго Петра его ученикомъ и евангелистомъ Маркомъ, который (*ipseque*), будучи посланъ апостоломъ Петромъ въ Египетъ проповѣдывать слово истины, скончался славнымъ мученичествомъ. Третья же кathedра въ Антиохіи того же блаженнѣйшаго Петра почитается знаменитѣйшею потому, что сюда онъ пришелъ и—жилъ прежде, нежели въ Римѣ, и здѣсь въ первый разъ явилось имя христіанъ“ ²⁾. Папа не говоритъ и не упоминаетъ при этомъ о кathedрѣ Константинополя, давая тѣмъ понять, что онъ не считаетъ возможнымъ на принятомъ имъ основаніи причислить эту кathedру къ старѣйшимъ, словомъ патріаршимъ престоломъ. Въ духѣ папы Геласія разсуждали и другіе представители запада ³⁾, признававшіе только трехъ патріарховъ, за-

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 579. § 217. ²⁾ Mansi, t. VIII. pag. 158—159.

³⁾ Преемникъ Геласія, папа Анастасій II (496—498 г.), настаивая предъ императоромъ Анастасіемъ Даррахитомъ (491—518 г.) объ исключеніи имени Акакія изъ диптиховъ и ничтожности совершенныхъ послѣднимъ хиротоній, внушалъ императору уважать права кathedры Петра, дарованная ей Христомъ (Mansi, t. VIII. pag. 188—199).

сѣдавшихъ на каедрѣхъ апостола Петра. Папа Григорій Великій, производя патриаршее достоинство отъ апостола Петра, въ письмѣ къ Евлогію александрійскому писалъ: „ты много говорилъ мнѣ въ твоихъ письмахъ о каедрѣ князя апостоловъ Петра и утверждалъ, что онъ даже до настоящаго дня возсѣдаетъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ. Все сказанное тобою о преимуществѣ каедры Петра я принимаю тѣмъ съ большею охотою, что ты самъ также занимаешь его каедру. И—хотя по этому меня нисколько не радуешь эта преимущественная честь, однако-жъ мнѣ особенно было пріятно то, что ты противъ собственной воли призналъ въ самомъ себѣ то, что хочешь приписать мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что св. церковь основана Господомъ „на камнѣ Петръ“, которому вручены ключи царства небснаго, который былъ назначенъ утвердить своихъ братьевъ и наблюдать за всѣмъ стадомъ?.. Такимъ образомъ, хотя много было апостоловъ, однако-жъ первенствомъ пользуется одна каедра князя апостоловъ, которая находится въ трехъ мѣстахъ. Онъ самъ возвеличилъ ту каедру, на которой пожелалъ остаться и умереть; онъ самъ украсилъ ту, на которую послалъ своего ученика Марка; онъ утвердилъ ту, на которой сидѣлъ семь лѣтъ. Итакъ существуетъ одинъ и каедра одного, котораго въ настоящее время, по божественному авторитету, представляютъ три епископа“¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ Евлогію папа говоритъ: „если вы охотно принимаете отъ моего слуха слово повелѣнія, то я знаю, кто вы и кто я: по мѣсту вы мнѣ братья; по нравственности мои отцы; я не приказывалъ, а только старался указать казавшееся мнѣ полезнымъ“²⁾. „Если епископы, писалъ тотъ-же папа къ Иоанну Сиракузскому, окажутся виновными въ какомъ-либо преступленіи, то я не знаю, чтобы какой-либо епископъ не подлежалъ суду апостольскаго престола; если-же

¹⁾ Gregor. Magni, Opera omnia, t. II. lib. VII. epist. 40. pag. 888. edit. Paris 1705.

²⁾ Ibid. lib. VIII. epist. 30. pag. 919.

вины нѣтъ, въ такомъ случаѣ всѣ они равны по началу смиренія“ ¹⁾). Подобныя сужденія, заключаая въ себѣ одну общую, именно ту мысль, что только три основаннныя апостоломъ Петромъ и его ученикомъ Маркомъ каѳедры: римская, александрійская и антиохійская имѣютъ каноническое право на патриаршее достоинство, съ преобладающимъ авторитетомъ римской каѳедры, совершенно устраняли отъ этого достоинства каѳедру константинопольскую. Высказывая подобныя сужденія, папы, повидимому, не замѣчали того противорѣчія, которое скрывалось въ ихъ словахъ и подрывало всю ихъ теорію. Папы ставили не только римскую каѳедру, но и александрійскую выше антиохійской, не смотря на то, что послѣдняя основана гораздо раньше первой и, въ собственномъ смыслѣ, была начальной каѳедрою апостола Петра; вторая-же имѣла своимъ основателемъ только ученика названнаго апостола. По началу развиваемой папами теоріи слѣдуетъ переставить порядокъ патриаршихъ каѳедръ, съ низведеніемъ римской на второе а александрійской, по крайней мѣрѣ, на третье мѣсто, если еще не исключить ея совершенно изъ списка старѣйшихъ каѳедръ. Но подобной перестановкѣ названныхъ каѳедръ противится именно гражданское значеніе тѣхъ городовъ, въ которыхъ были основаны эти каѳедры, и которые съ древнихъ временъ пользовались значеніемъ отдѣльныхъ центровъ въ обширномъ римскомъ государствѣ. Гражданское значеніе этихъ городовъ и было ближайшею причиною и подготовительною почвою возвышенія находившихся въ нихъ каѳедръ, подобно тому, какъ политическое разрушеніе Іерусалима въ свою очередь повліяло на судьбу каѳедры этого города.

Такимъ образомъ, если остановиться и подвести итогъ тѣмъ сужденіямъ, которыя высказывали римскіе папы по вопросу и для осужденія возвышенія константинопольской каѳедры, то результатъ этого долженъ быть слѣдующій. Съ одной стороны: возвышеніе константинопольской каѳедры предоставило рим-

¹⁾ Ibid. lib. IX. epist. 59. pag. 976.

скимъ папамъ прекрасный поводъ рельефнѣе выставить преимущества своей собственной, т. е. римской каѳедры и утвердить ихъ уже не на историческихъ, а на каноническихъ основаніяхъ. Осуждая стремленія константинопольскихъ архіепископовъ, папы систематически и расчетливо, какъ-бы не замѣчая того сами, полагали первыя основы той теоріи, которая при дальнѣйшемъ, послѣдовательномъ ея развитіи привела къ коренному догмату католицизма о главенствѣ римской церкви надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Съ другой—всѣ порицанія и осужденія римскими папами тѣхъ основаній, на которыхъ выросло значеніе константинопольской каѳедры, не имѣли рѣшительнаго, задерживающаго вліянія на расширеніе преимуществъ константинопольскихъ іерарховъ. Вопреки всѣмъ противодѣйствіямъ запада сила вещей вела константинопольскій, патриаршій престолъ къ свойственному ему, преимущественному значенію на всемъ христіанскомъ востокѣ. Въ общемъ видѣ это значеніе обнаруживалось въ томъ, что константинопольскіе іерархи, не встрѣчая противодѣйствія преимуществамъ своей каѳедры въ подчиненныхъ имъ, по 28 пр. халкидонскаго собора, округахъ, мало по малу расширяли и утверждали свое вліяніе по отношенію къ другимъ патриаршимъ каѳедрамъ востока ¹⁾. Въ этомъ отношеніи константинопольскіе патриархи, пользуясь частію религиозными спорами, волновавшими востокъ, а главное: въ силу своего преимущественнаго положенія на востокѣ, не только поставляли патриарховъ для названныхъ каѳедръ, но иногда производили надъ ними самый судъ. Такъ, въ 519 г., когда императоръ Юстинъ старшій (518—527 г.), стараясь возстановить силу халкидонскихъ опредѣленій, изгналъ изъ Антиохіи Севера, который былъ поставленъ туда при его предшественникѣ, приверженцѣ монофизитовъ и противникѣ халкидонскаго собора императорѣ Анастасіѣ (491—518 г.), и назначилъ на его мѣсто Павла ²⁾, жители Константинополя настаивали на томъ, чтобы этотъ Павелъ былъ постав-

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 544. ²⁾ Евгаріѣ. церк. вст. стр. 169—173. 193. 525.

лень ихъ патриархомъ Епифаніемъ; между тѣмъ, какъ находившійся въ то время въ Константинополѣ легатъ папы Ормизды, Діоскоръ доказывалъ, что по древнему обычаю антиохійскій епископъ долженъ получить посвященіе въ Антиохіи; вслѣдствіе сего Епифаній путешествовалъ въ Антиохію, гдѣ и поставилъ названнаго Павла ¹⁾. Въ 537—8 г. на мѣсто Θεодосія, лишеннаго каѳедры за неправый образъ мыслей, былъ избранъ въ Константинополѣ и, въ присутствіи нунція римской каѳедры Пелагія и апокрисиаріевъ патриарховъ антиохійскаго Евфрема и іерусалимскаго Петра, поставленъ константинопольскимъ патриархомъ Миною на александрійскую каѳедру Павелъ Табеннисіотъ ²⁾. Въ 572 г. константинопольскій патриархъ, Іоаннъ Схоластикъ поставилъ архіепископомъ александрійскимъ Іоанна IV, и когда по сему случаю Анастасій антиохійскій патриархъ не соглашался на это поставленіе и упрекалъ въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ рукоположившаго и рукоположеннаго, то Анастасій лишился за это своей каѳедры и на его мѣсто поставленъ Григорій ³⁾. Немного послѣ, именно въ 586 г. этого самого антиохійскаго патриарха Григорія мы видимъ на судѣ въ Константинополѣ предъ многочисленнымъ соборомъ, который былъ собранъ и на которомъ предсѣдательствовалъ константинопольскій патриархъ Іоаннъ Постникъ ⁴⁾. Въ VII столѣтіи, когда по причинѣ нашествія сарацынъ антиохійскіе патриархи Македоній и Макарій, по образу мыслей моноелиты, удалились въ Константинополь, то послѣдній изъ нихъ, Макарій, былъ низложенъ VI вселенскимъ соборомъ (692 г.), и на его мѣсто былъ поставленъ патриархомъ Георгіемъ въ Константинополѣ православный Θεофанъ ⁵⁾, котораго преемникомъ затѣмъ былъ Θома. Вообще надобно замѣтить, что, со времени

¹⁾ Le Quien, t. I. pag. 64.

²⁾ Liberat. cap. 20. 23. Baron. an. 536. n. 144. Le Quien, t. II. pag. 64—65. О дальнѣйшей судьбѣ этого посла см. Hefele, t. II pag. 763—764.

³⁾ Le Quien, t. I. pag. 65. Schröckh, christliche Kirchengesch. t. XVII. pag. 42.

⁴⁾ Le Quien. t. I. pag. 65. Pichler. t. II. pag. 651.

⁵⁾ Le Quien. t. I. pag. 65.

(692 г.) покоренія христіанскаго востока сарацнами, положеніе константинопольскаго патріарха получило особое значеніе на востокъ. Въ то время, какъ другіе восточные патріархи, подъ владычествомъ сарацынъ, болѣе и болѣе утрачивали свое вліяніе на дѣла христіанской церкви, а каедръ Александріи и Антиохіи сохранили развѣ тѣнь своихъ древнихъ правъ, константинопольскій архіепископъ продолжалъ оставаться единственнымъ патріархомъ во всей, правда значительно сократившейся въ объемѣ, византійской имперіи ¹⁾. При такомъ положеніи власть его фактически разширялась на востокъ чрезъ присоединеніе къ его каедрѣ нѣкоторыхъ предѣловъ другихъ патріарховъ ²⁾. По возвращеніи въ 970 г. императоромъ Никифоромъ Фокою Антиохіи снова подъ власть византійскихъ государей, а равно и во все то время, пока она находилась подъ властію грековъ, константинопольскіе патріархи избирали и поставляли предстоятелей въ Антиохію ³⁾. Равнымъ образомъ по утвержденіи крестоносцевъ на востокъ, когда императоромъ Алексѣемъ Комненомъ правителемъ Антиохіи былъ признанъ Боэмундъ, то одною изъ статей состоявшагося между ними договора было постановлено, чтобы антиохійскіе патріархи избирались не изъ племени франковъ, но изъ членовъ константинопольской церкви, и, слѣдовательно, получали рукоположеніе отъ константинопольскаго патріарха ⁴⁾. И въ договорѣ Мануила Комнена съ княземъ Ренальдомъ однимъ изъ условій было постановлено и подтверждено клятвою со стороны Ренальда, чтобы въ Антиохію архіерей былъ посылаемъ изъ Византіи по древнему обычаю ⁵⁾. Ле-Къенъ вообще замѣчаетъ, что въ теченіе всего XII столѣтія, пока крестоносцы не были изгнаны изъ Сиріи и Палестины магометанами, и антиохійскіе и іеруса-

¹⁾ Hergenr. t. I. 220—221.

²⁾ Такъ при Львѣ Исаврѣ (716—741) была присоединена къ округу конст. Патріарха Исаврія съ митрополіею севелкійскою и другими двадцатью епископіями (Le Quien, t. I. pag. 98. t. II. pag. 1099—1100).

³⁾ Le Quien. t. I. pag. 65. ⁴⁾ Ibid. pag. 66.

⁵⁾ Cinnamus, lib. IV. cap. 17. edit. Bonn. по русск. перев. стр. 201.

лимскіе патріархи и избирались и получали свое поставленіе въ Константинополѣ (Urbe regia)¹⁾. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы на основаніи ихъ безошибочно сказать, что значеніе константинопольскаго патріарха, благодаря различнымъ политическимъ и церковнымъ обстоятельствамъ, съ теченіемъ времени возвысилось до того, что онъ заступилъ мѣсто предстоятеля всей восточной церкви, подобно тому какъ римскій папа стоялъ во главѣ западной²⁾.

Утверждавшійся на практикѣ силою обстоятельствъ порядокъ вещей находилъ для себя поддержку въ законодательствѣ. Императоръ Юстиніанъ (527—565), называя въ одномъ изъ первыхъ своихъ законовъ константинопольскую церковь главою всѣхъ церквей (πασσῶν τῶν ἄλλων κεφαλῇ) давалъ тѣмъ понять, что іерархъ константинопольскій долженъ пользоваться преимущественнымъ значеніемъ въ ряду всѣхъ прочихъ³⁾. Тотъ же императоръ, постановивъ въ 131 новеллѣ (545 г.), что бы изложенныя, или утвержденныя на бывшихъ до него четырехъ вселенскихъ соборахъ правила имѣли силу какъ законы государственные, а догматы церкви какъ слово Божіе, вслѣдъ за симъ продолжаетъ: „посему на основаніи опредѣленій тѣхъ же соборовъ законопологаемъ: святѣйшаго папу старѣйшаго Рима считать первымъ изъ всѣхъ іереевъ (πρῶτον εἶναι πάντων τῶν ἱερέων) а блаженнѣйшему архіепископу Константинополя, новаго Рима, занимать второе мѣсто (δεύτεραν τάξιν ἐπέχειν) послѣ святѣйшаго, апостольскаго престола старѣйшаго Рима, и преимуществовать предъ (іерархами) всѣхъ прочихъ каедръ (τῶν δὲ ἄλλων πάντων προτιμᾶσθαι)⁴⁾. Императорскій законъ категорически ставитъ римскаго и константинопольскаго іерарховъ и ихъ каедръ во главѣ всѣхъ прочихъ, но такъ, что констан-

¹⁾ Le Quien. t. 1. pag. 66.

²⁾ Schröckh, christl. Kirchengesch. t. XVII. pag. 42.

³⁾ Cod. Just. lib. I. t. 2. l. 24. Схотіать, какъ бы поправляя мысль закона замѣчаетъ: imo non Constantinopolitana sed Romana.

⁴⁾ Cod. Just. Novell. 131. cap. 1. 2. pag. 529—530. Photii Nomocan. pag. 44. (Σύνταξ. t. 1).

тинопольскій, преимуществуя предъ всѣми другими, долженъ уступать римскому въ порядкѣ мѣста. То обстоятельство, что императоръ въ своей новелѣ говорить далѣе только о преимуществахъ архіепископа первой Юстиніаны, предоставляя ему власть надъ епископами нѣсколькихъ епархій, и утверждаетъ подобныя. преимущества за епископомъ кареагенскимъ въ отношеніи къ епископамъ Африки, но не упоминаетъ о другихъ старѣйшихъ кафедрахъ Александріи, Антиохіи и Іерусалима, — это обстоятельство позволяетъ замѣтить, что Юстиніанъ въ своемъ законѣ имѣлъ въ виду оградить преимущества только тѣхъ кафедръ, которыя нуждались въ этомъ огражденіи. Словомъ, утвердивъ въ своемъ законѣ опредѣленія и правила всѣхъ бывшихъ до того времени соборовъ, Юстиніанъ въ частности сообщилъ силу тѣмъ постановленіямъ — константинопольскаго и халкидонскаго, которыми было предоставлено константинопольскому іерарху право пользоваться преимуществами чести и власти послѣ римскаго папы. Въ такомъ смыслѣ, въ отношеніи именно къ константинопольской кафедрѣ, и объясняютъ смыслъ Юстиніанова закона ближайшіе ко времени его изданія церковные писатели. Либерать, диаконъ кареагенской церкви (около 560 г.), говоря объ этомъ законѣ императора, выражаетъ мысль, что 28 канонъ халкидонскаго собора. благодаря вліянію императора, удержалъ свою силу, несмотря на непрерывное противодѣйствіе папъ ¹⁾. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что возстановленное еще въ самомъ началѣ царствованія Юстина старшаго, именно 519 г., при константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ Каппадокіянинѣ, общеніе Рима съ Константинополемъ ²⁾ продолжалось во все время правленія Юстиніана, такъ что римскіе папы не только

¹⁾ Либерать именно говоритъ: „et licet sedes apostolica nunc usque contradicat, quod a Synodo firmatum est, Imperatoris patrocinio permanet quoque modo“. (Breviarium cap. 13 in fine). Van.—Espen. t. VII. pag. 108. Le Quien. t. I. pag. 66. Pichler, t. II. pag. 641.

²⁾ Hefele, t. II. pag. 675. Hergenr. t. I. pag. 148—149.

имѣли своихъ апокрисиаріевъ въ Константинополь, но и сами приходили сюда по разнымъ дѣламъ ¹⁾).

Утвержденіе преимуществъ константинопольской каѳедры законами Юстиніана имѣло смыслъ призванія ихъ государственною властію; но это утвержденіе было сдѣлано безъ яснаго указанія на какое либо постановленіе объ этомъ предметѣ власти церковной. Вслѣдствіе сего, названное утвержденіе не только не исключало, напротивъ требовало подобнаго же утвержденія преимуществъ константинопольской каѳедры и со стороны власти церковной. Оно и было сдѣлано трульскимъ соборомъ (692 г.) въ особомъ канонѣ со всею опредѣлительностію.

„Возобновляя, говоритъ соборъ, законоположенное ста пятидесятью святыми отцами, собравшимися въ семь Богохранимомъ и царствующемъ градѣ, (т. е. константинопольскимъ II всел. соборомъ пр. 3) и шесть сотъ тридесатью собравшимися въ Халкидонѣ, (т. е. 28 пр.) опредѣляемъ, да имѣтъ престолъ константинопольскій равныя преимущества (τῶν ἰσῶν ἀπολαύειν πρεσβειῶν) съ престоломъ древняго Рима, и, якоже сей, да возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ (δεύτερον μετ' ἐκείνων ὑπάρχοντα): помя же оно да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антиохійскій и за симъ престолъ града Иерусалима“.

Самымъ первымъ выраженіемъ своего правила: „возобновляя“ трульскій соборъ даетъ понять, что онъ излагаетъ новое, а изданныя бывшими прежде него вселенскими соборами постановленія. Трульскій соборъ могъ имѣть

¹⁾ Такъ въ февралѣ 536 г. прибылъ въ Константинополь, куда послалъ его остготскій король Теодотъ, для совѣщанія съ императоромъ о политическихъ дѣлахъ, папа Агапетъ, который и умеръ здѣсь 22 апр. того же года. Во время своего пребыванія въ Константинополь, Агапетъ, настоявъ на низложеніи патріарха Анеима, возведеннаго на константинопольскую каѳедру по вліянію императрицы Теодоры, супруги Юстиніана, взя архіепископовъ трапезунтскихъ, поставилъ на его мѣсто, по желанію императора, пресвятера Мину. (Hefele, t. II, 741 - 742). Вл. 547 г., по требованію императора Юстиніана, путешествовалъ въ Константинополь и пала Вигилій для совместнаго обсужденія съ прочими епископами вопроса и едикта императора о трехъ главахъ. (Hefele. t. II. pag. 787. 792—793. Hergengr. t. I. pag. 156. 161. 172).

разныя побужденія возобновить эти постановленія въ подлинномъ ихъ смыслѣ и содержаніи. Прежде всего, къ этому могли расположить соборъ возраженія, которыя выставилъ западъ противъ халкидонскаго опредѣленія, и которыя было утихли послѣ того, когда, по настоянію папы Ормизды (519 г.), имена патріарха Акакія и его непосредственныхъ преемниковъ: Евфимія и Македонія были исключены изъ диптиховъ константинопольской церкви, но потомъ оживились съ новою силою во время споровъ между Римомъ и Константинополемъ изъ-за титла „вселенскій“. Далѣе, мы ниже увидимъ, что императоръ Фока (602—610 г.), благопріятствуя папѣ Вонифатію III, значительно стѣснилъ преимущества константинопольской кафедры. Наконецъ, во время моноелитскихъ споровъ, волновавшихъ церковь, въ числѣ приверженцевъ и вождей моноелитовъ было нѣсколько преемственно смѣлявшихся другъ друга представителей константинопольской церкви, которые, бывъ осуждены трульскимъ соборомъ, оставили нѣкоторую тѣнь на кафедрѣ, которую они занимали. Самымъ же главнымъ побужденіемъ для трульскаго собора къ повторенію имъ прежнихъ постановленій, кажется, служило то, что законъ Юстиніана, утвердивъ за константинопольскимъ архіепископомъ право занимать второе мѣсто послѣ римскаго папы и считается выше всѣхъ другихъ іерарховъ христіанской церкви, оставилъ неразъясненнымъ: въ какихъ взаимныхъ между собою отношеніяхъ должны находиться оба іерарха: римскій и константинопольскій, и занятіе послѣднимъ втораго мѣста не дѣлало ли его подчиненнымъ первому ¹⁾. Все это съ опредѣленностію было выражено въ халкидонскомъ канонѣ; но этого-то канона и не признавали римскіе папы; между тѣмъ Юстиніанъ, издавая свой законъ, не сдѣлалъ никакого указанія на халкидонское опредѣленіе. Поэтому трульскій соборъ, какъ бы восполняя эту сторону Юстиніанова закона, повторилъ халкидон-

¹⁾ Юстиніанъ, ограждая преимущества константинопольской кафедры въ то же время опредѣлительно называлъ римскаго іерарха главою всѣхъ епископовъ. (Cod. Just. lib. I. tit. I. l. 7).

ское постановленіе въ тѣхъ его частяхъ, которыя говорятъ именно о совершенномъ равенствѣ и тожествѣ правъ и преимуществъ константинопольскаго патріаршаго престола съ римскимъ: „*да имѣтъ престолъ константинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима, и, якоже сей да возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ*“. Заимствуя эти выраженія изъ халкидонскаго канона, трульскій соборъ признаетъ за константинопольскимъ іерархомъ равныя права и одинаковыя преимущества съ римскимъ въ томъ, пояснимъ, смыслъ, что личныя распоряженія одного іерарха относительно положенія и дѣйствій другаго не могутъ имѣть силы, такъ что оба іерарха, представляя два совершенно равныхъ и самостоятельныхъ правителя, должны исключать всякую возможность стремленія однова къ преобладанію надъ другимъ и къ преимущественному вліянію на дѣла церкви. Говоря только о равенствѣ константинопольскаго престола съ римскимъ, и вовсе умалчивая о правахъ, которыми въ частности долженъ пользоваться константинопольскій іерархъ въ своемъ округѣ, трульскій соборъ тѣмъ предполагаетъ, что эти права вращались въ законныхъ предѣлахъ и примѣненіе ихъ не возбуждало противъ себя никакихъ возраженій. Но мы видѣли, что ко времени трульскаго собора константинопольскій іерархъ успѣлъ значительно распространить свое вліяніе на другія патріархаты востока и до нѣкоторой степени подчинить теченіе въ нихъ церковныхъ дѣлъ своему наблюденію. Соборъ не осуждаетъ этого; слѣдовательно онъ признаетъ подобный порядокъ вещей правильнымъ, цѣлесообразнымъ и законнымъ. Въ виду этого обстоятельства мы позволяемъ себѣ далѣе распространить смыслъ трульскаго постановленія и сказать, что оно полагало и допускало только два центра высшей, единоличной церковной власти: іерарховъ древняго и новаго Рима и притомъ съ совершенно равными и одинаково величественными правами. Правда, соборъ въ концѣ своего правила прибавляетъ: „*послѣ константинопольскаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антиохійскій и послѣ нихъ престолъ града*

Иерусалима“, но эта прибавка, указывая послѣдовательность мѣста іерарховъ названныхъ престоловъ, не заключаетъ мысли о равенствѣ ихъ правъ и преимуществъ съ первыми. Сображая въ цѣломъ смыслъ разсматриваемаго правила необходимо сказать, что трульскій соборъ, „возобновляя законоположенное“ предшествующими соборами, привнесъ и новую мысль въ свое постановление ту, что онъ, не подчиняя de jure ни одного изъ перечисленныхъ въ немъ іерарховъ другому, тѣмъ не менѣе призналъ только два высшихъ, равноправныхъ центра церковной власти: римскую и константинопольскую кафедръ. Вслѣдствіе сего на 36 канонъ трульскаго собора слѣдуетъ смотрѣть какъ на заключительное въ общей массѣ соборныхъ постановленій опредѣленіе, которымъ соборъ, признавъ преимущественное и совершенно равное положеніе двухъ старѣйшихъ іерарховъ: Рима и Константинополя, съ опредѣленностію обозначилъ и положеніе остальныхъ іерарховъ, но только относительно преимуществъ чести и мѣста. Замѣчательнъ мотивъ, который руководилъ соборомъ при изложеніи имъ своего правила. При опредѣленіи преимуществъ чести и мѣста для каждаго изъ іерарховъ, соборъ руководствовался не духовными преимуществами ихъ кафедръ, а важностію въ гражданскомъ отношеніи тѣхъ городовъ, въ которыхъ находились эти кафедры. По этому началу, іерусалимская кафедра заняла послѣднее, антиохійская предпослѣднее и александрійская третье мѣсто, несмотря на то, что Іерусалимъ, по совершившимся въ немъ событіямъ христіанской вѣры, долженъ быть признанъ какъ бы столицей христіанства, Антиохія, по древности основанной въ ней христіанской церкви и особенно по живому участию въ ея судьбѣ первоверховныхъ апостоловъ, должна считаться вторымъ послѣ Іерусалима городомъ христіанства. Между тѣмъ, трульскій соборъ ведетъ счетъ іерархическихъ кафедръ съ римской, какъ кафедры древней столицы имперіи, потомъ ставитъ константинопольскую кафедру, какъ кафедру новой столицы, и затѣмъ александрійскую, которая, не имѣя никакихъ духовныхъ преимуществъ передъ прочими, поставлена выше

другихъ, только, какъ справедливо замѣтилъ составитель „опыта курса церковнаго законовѣденія“, „по причинѣ большей важности Александріи передъ Антиохіею въ гражданскомъ быту и въ историческомъ значеніи... Все это показываетъ, продолжаетъ тотъ-же авторъ, что отцы и вселенскіе соборы не иначе смотрѣли и на самую римскую кѣедру, т. е. признавали ее знатнѣйшею всѣхъ другихъ и первенствующею только по особенной важности древней столицы имперіи—Рима“¹⁾.

Какъ ни ясны сами по себѣ смыслъ и цѣль трулъскаго канона, тѣмъ не менѣе католическіе канонисты, не желая признать столь ясно выраженную въ немъ мысль о равенствѣ константинопольской кѣедры съ римскою, стараются переводить и объяснять выраженія этого канона о преимуществахъ константинопольской кѣедры въ смыслѣ униженія и умаленія ея сравнительно съ римскою²⁾. Въ свою очередь сами римскіе

¹⁾ Опытъ курса церк. зав. т. II, стр. 401. Католическіе писатели, какъ извѣстно, не согласуются съ этимъ взглядомъ и предлагаютъ свои объясненія относительно установившагося порядка кѣедръ. Между прочимъ, Гансмаръ реймскій такъ объясняетъ преимущество александрійской кѣедры предъ антиохійскою. „Хотя Петръ основалъ свою кѣедру въ Антиохіи прежде, нежели онъ пришелъ въ Римъ, откуда и послалъ Марка въ Александрію, однакожъ Александрія имѣетъ преимущество предъ Антиохіею, вслѣдствіе того, что Маркъ заимствовалъ и написалъ евангеліе со словъ Петра.“ (Hinsmar Reims. Opera edit. Sirmond. Paris. t. II. pag. 433. Pichler. t. II. pag. 645). Въ свою очередь папа Николай, отвѣчая болгарскому князю о предметахъ вѣры и церковной дисциплины, на вопросъ о томъ, сколько патриаршихъ престоловъ, писалъ: „истинными патриархами должны быть только названы три апостольскія кѣедры: Римъ, Александрія и Антиохія. Хотя епископы константинопольскій и іерусалимскій тоже называются патриархами, но они не имѣютъ подобнаго значенія, такъ какъ кѣедра константинопольская не была основана апостоломъ, и важнѣйшій никейскій соборъ не говоритъ о патриархѣ константинопольскомъ... нынѣшній же Іерусалимъ не древній, который совершенно былъ разрушенъ. Далѣе спросите: какой же патриархатъ по достоинству второй? Соборъ никейскій отвѣчаетъ: александрійскій (Mansi. t. XV. pag. 430. п. ХСII. ХСIII). Папа свою теорію о патриаршихъ кѣедрахъ старается оправдать авторитетомъ никейскаго собора, но этотъ соборъ, мы уже знаемъ, не говоритъ ни о какомъ патриархатѣ.

²⁾ Такъ Градіанъ, греческое выраженіе *ἰσα πρεσβεία* (равныя преимущества) переводитъ латинскимъ: не „*aequalia privilegia*“, а „*similia privilegia*“, а слова: „καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς, ὡς ἐκεῖνον μεγαλύνεσθαι

папы, присвоивая своей кафедрѣ неограниченныя права суда надъ константинопольскою, практически разрушали смыслъ этого канона. Извѣстно, съ какими высококомѣрными претензіями римскій папа Николай I вмѣшался въ споры по дѣлу Игнатія съ Фотіемъ, и съ какою беззащитностію онъ присвоивалъ папской кафедрѣ право распоряжаться дѣлами константинопольскою. Вообще нужно замѣтить, что вмѣшательство папы Николая въ дѣло Игнатія съ Фотіемъ и его непомерныя требованія относительно обоихъ патріарховъ ¹⁾ были ближайшею причиною того, что равноправное положеніе обоихъ кафедръ, фактически нарушенное папами во время споровъ, еще разъ, но уже съ большею опредѣленностію, было утверждено константинопольскимъ соборомъ (879 г.), бывшимъ въ храмѣ премудрости Слова Божія и именующимъ себя вселенскимъ. Обстоятельства, при которыхъ былъ собранъ этотъ соборъ, участіе въ немъ представителей важнѣйшихъ кафедръ, и наконецъ самая обстановка, при которой было провозглашено соборомъ его опредѣленіе: все это заставляетъ остановиться на немъ, придать ему особую важность и понять его смыслъ.

Извѣстно, что этотъ соборъ былъ собранъ въ то время, когда послѣ смерти патріарха Игнатія на константинопольскую кафедру восшелъ Фотій, и собранъ съ тою цѣлію, чтобы утвердить Фотія на его кафедрѣ, упрочить миръ константинополь-

---

praeiudicium“ (и якоже ей да возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ) переводитъ съ прибавкою „*non in ecclesiasticis rebus magnificetur ut illa*“. (Gratian, Decretum. dist. 22. cap. 6. pag. 110—111). Такой переводъ очевидно измѣняетъ смыслъ канона тѣмъ, что усволяетъ константинопольскому патріарху только „подобныя“, а не равныя съ римскимъ преимуществу и хотя признаетъ возвеличеніе кафедры перваго, однако (не (non tamen) въ такой степени, въ какой пользуется имъ кафедра римская. (Van Espen. t. VII. pag. 361).

¹⁾ Непомерность этихъ требованій ни болѣе ни менѣ состояла въ томъ, что папа Николай, объявляя въ письмѣ къ императору Михаилу (866 г.) недействительными предшествующія распоряженія по дѣлу, требовалъ, чтобы Игнатій и Фотій явились въ Римъ для новаго разсмотрѣнія ихъ дѣла: потому что римскій престолъ производитъ судъ надъ всею церковію, самъ же никѣмъ не можетъ быть судимъ. (Mansi. t. XV. pag. 187—216. Hefele. t. IV. pag. 320—321).

ской церкви и возстановить согласіе римской каедръ съ константинопольскою. На этомъ соборѣ присутствовали: легаты римскаго папы Іоанна VIII — кардиналь пресвитерь Петръ, епископы Павелъ и Евгеній; представители другихъ патріаршихъ престоловъ: александрійскаго — пресвитерь Косма, въ качествѣ апокрисарія, антїохійскаго — архіепископъ мартиропольскій Василій, съ званіемъ депутата и іерусалимскаго — пресвитерь Ілія; также много другихъ епископовъ, числомъ до 383. Всѣ засѣданія этого собора происходили подѣ предсѣдательствомъ „вселенскаго патріарха“ Фотія, такъ что папскіе легаты занимали мѣсто подлѣ и послѣ Фотія. Изъ дѣяній и разсужденій этого собора для насъ важно то, что онъ, отвергнувъ сдѣланное и постановленное прежде противъ Фотія, призналъ его законнымъ патріархомъ и постановилъ слѣдующій канонъ:

„Святѣй и вселенскій соборъ опредѣлилъ: аще которые изъ италійскихъ клириковъ, или мѣрянъ, или изъ епископовъ, обитающіе въ Асїи, или въ Европѣ, или въ Ливїи, подвергнутся или узамъ отлученія отъ таинства, или изверженію изъ своего чина, или анаемъ отъ святѣйшаго папы Іоанна: тѣ да будутъ и отъ святѣйшаго Фотія патріарха константинопольскаго подвержены тому-же степені церковнаго наказанія, то есть, да будутъ или извержены, или преданы анаемъ, или отлучены. И которыхъ клириковъ, или мѣрянъ, или архіерейскаго или іерейскаго чина, Фотій святѣйшій патріархъ нашъ, въ какомъ-бы то ни было предѣлѣ, подвернетъ отлученію, или изверженію, или проклятїю, тѣхъ и святѣйшій папа Іоаннъ, и съ нимъ святая Божїя римская церковь да признаетъ подѣ тѣмъ-же осужденіемъ епитимїи насодящимися. Притомъ въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскїи церкви и ея предсѣдателю, совершенно да не будетъ никакого нововведенія, ни нынѣ, ни впредѣ“.

Прежде чѣмъ разбирать смыслъ этого канона полезно принять въ соображеніе обстоятельства, при которыхъ онъ былъ постановленъ. Гефеле такъ говоритъ объ этомъ на основаніи актовъ. Въ началѣ пятаго засѣданія 26 января 880 г. Фотій сдѣлалъ предложеніе: „второй никейскій соборъ всѣми вообще гре-

ками считается седьмымъ вселенскимъ соборомъ, между тѣмъ римская церковь и восточные патріархаты хотя принимаютъ его опредѣленія, однакожь отчасти сомнѣваются причислять его къ вселенскимъ. Теперь, когда все приведено въ такое единство (alles so einig), слѣдуетъ сообща признать и достоинство этого собора. Кардиналь Петръ вполнѣ согласился съ этимъ предложеніемъ и тотчасъ сталъ угрожать анаѳемою каждому, кто не будетъ признавать его седьмымъ. Подобнымъ же образомъ отозвались представители восточныхъ патріархатовъ. За сѣмъ папскіе легаты сдѣлали предложеніе послать депутацію къ архіепископу смирнскому Митрофану, извѣстному другу Игнатія, и спросить его, какъ онъ думаетъ относительно единенія. Тотчасъ дѣйствительно были посланы къ нему два архіепископа, которые отъ имени легатовъ и собора допросили его, почему онъ отдѣляется. Митрофанъ отвѣчалъ: что „онъ очень боленъ, иначе онъ охотно явился бы на соборъ и оправдывался, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ времени, когда онъ снова будетъ въ силахъ“. Когда было доложено собору объ этомъ, папскіе легаты произнесли ему отлученіе отъ церкви, пока онъ не исправится. По предписанію папы, говорили легаты, они не разъ и не два, а очень часто увѣщевали его; но такъ какъ онъ отдѣлялся только пустыми отговорками, то они должны поступить въ отношеніи къ нему по порученію папы. При этомъ легаты предложили собору принять, въ смыслѣ перваго ихъ канона, слѣдующее правило: *„всѣ италійскіе клирики и міряне, которые низложены, или анаѳематствованы папою Іоанномъ, должны быть признаны таковыми и Фотіемъ; и наоборотъ папа и римская церковь должны признавать всѣ наложенныя Фотіемъ наказанія, безъ нарушенія преимущества римской церкви и ея епископа“*. Этимъ легаты, прибавляетъ Гефеле, если только текстъ протоколовъ — подлинный, сравнивали константинопольскаго епископа съ папою. При этомъ Василиій мартиропольскій еще замѣтилъ: „Фотій можетъ поступать съ тѣми, которые отдѣляются отъ церкви такъ, какъ онъ того захочетъ; потому что онъ вполнѣ уполномоченъ на это восточными каѳедрами и, какъ мы слышали, рим-

скою, и въ особенности потому, что онъ, какъ высшій архіерей (ἀρχιερεὺς μέγιστος), имѣеть преимущество по повелѣнію Божію“. Папскіе легаты ни мало не протестовали противъ этого обнаруженія византійскаго приматства, напротивъ, возблагодаривъ Бога за то, что все пришло въ такое единеніе, предоставили Фотию отъ имени папы полномочіе разрѣшить и тѣхъ противниковъ, которые впослѣдствіе обратятся“¹⁾. Изъ этого разсказа видно, что приведенный канонъ постановленъ не только при ближайшемъ участіи, но и по предложенію папскихъ легатовъ, которые при этомъ выразили мысль о равенствѣ константинопольскаго епископа съ римскимъ папою. Мысль объ этомъ равенствѣ дѣйствительно проходитъ чрезъ весь канонъ, который и за римскимъ и за константинопольскимъ епископами признаетъ равныя преимущества и предоставляетъ имъ одинаковыя права въ предметахъ церковной юрисдикціи, такъ что распоряженія одного имѣютъ обязательную силу для другаго и наоборотъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ та мысль правила, что оно, не ограничивая распоряженій названныхъ іерарховъ указанными въ частности для каждаго предѣлами, представляетъ ихъ распоряженія дѣйствительными по отношенію къ клирикамъ и мірянамъ всѣхъ мѣстностей. Выражая эту мысль, канонъ видимо признаетъ этихъ іерарховъ старѣйшими и высшими надъ всѣми прочими, но совершенно равными въ отношеніи другъ къ другу. Словомъ: въ этомъ канонѣ мы видимъ новое подтвержденіе того, что римскій и константинопольскій іерархи, коихъ катедры представляли средоточные пункты церковнаго управленія — перваго на западѣ, втораго на востокѣ христіанской церкви, были такими высокими органами, что ихъ власть, сила и вліяніе, при взаимномъ общеніи востока и запада, имѣли одинаковое значеніе и одинаковое дѣйствіе во всѣхъ мѣстностяхъ и по отношенію ко всѣмъ членамъ церковнаго союза. Правда, разсматриваемый канонъ имѣлъ въ виду опредѣленный объектъ, именно: старался

¹⁾ Hefele. t. IV. pag. 461—462. Mansi. t. XVII. pag. 494—499.

положить предѣлъ тому развившемуся на практикѣ, по притязаніямъ римскихъ папъ, обычаю, по которому они присвоили себѣ и своей каедрѣ право принимать изверженныхъ или отлученныхъ въ другихъ церквахъ, и, по разсмотрѣніи ихъ жалобъ, отмѣнять постановленные противъ нихъ, даже при константинопольской каедрѣ, приговоры и рѣшенія ¹⁾. Канонъ отмѣняетъ этотъ обычай тѣмъ, что признаетъ за константинопольскимъ патріархомъ и усвоетъ его каедрѣ одинаковыя права и преимущества, такъ что по силѣ этихъ правъ и преимуществъ связанные или разрѣшенные ими уже не могли быть разрѣшены, или связаны римскимъ іерархомъ и при его каедрѣ. Нормировавъ такимъ образомъ присвоенное римскими папами право, канонъ сравнялъ обѣ каедрѣ, и призналъ за тою и другою одинаковыя права въ области церковной юрисдикціи. Мы ни мало не выступимъ изъ предѣловъ постановленія разсматриваемаго канона, напротивъ только передадимъ его полный, какой онъ можетъ имѣть, смыслъ, если прибавимъ, что названные іерархи и ихъ каедрѣ должны были пользоваться равноправнымъ положеніемъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и вопросахъ церковныхъ. Этимъ мы хотимъ сказать: что для законности и силы какого-либо общаго церковнаго постановленія и распоряженія необходимо нужны были участіе и согласіе двухъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви: римскаго и константинопольскаго и ихъ каедрѣ, такъ что постановленное и сдѣланное помимо ихъ участія и согласія не могло имѣть законной силы. Продолжая далѣе нашу мысль, мы должны прибавить, что предпринятое и предположенное однимъ іерархомъ и при его каедрѣ предварительно должно было быть обсуждено и одобрено другимъ іерархомъ и при его каедрѣ, чтобы получить правомѣрное дѣйствіе для общей церковной пользы. Понимая такъ разсматриваемый канонъ, постановленный прибавимъ, послѣднимъ изъ соборовъ, на которомъ присутство-

¹⁾ Beveregius. t. II. Annot. pag. 172—173. Опытъ курса церк. законов. т. II. стр. 706—707.

вали представители востока и запада христианской церкви, находившихся въ взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, мы только высказываемъ общую мысль: возвышеніе константинопольской каедрѣ, начавшееся предоставленіемъ ея іерарху преимуществъ чести послѣ римскаго предпочтительно предъ всѣми прочими, разрѣшившееся возведеніемъ ея на степенъ патріаршаго престола, съ предоставленіемъ ея іерарху равныхъ преимуществъ съ римскимъ, кончилось признаніемъ той-же каедрѣ важнѣйшею и вліятельнѣйшею въ дѣлахъ и вопросахъ церковныхъ, какою была римская каедра. Такимъ образомъ, какъ римскій епископъ, чрезъ постепенное расширеніе принадлежавшей ему власти, болѣе и болѣе приобрѣталъ вліяніе на дѣла церкви и становился, по мѣсту нахождения его каедрѣ, папою всего запада христианской церкви; такъ соотвѣтственно этому константинопольскій іерархъ, чрезъ послѣдовательное возвеличеніе его каедрѣ примѣнительно къ римской, болѣе и болѣе возвышался въ своемъ авторитетѣ, и также, по мѣсту нахождения его каедрѣ, былъ признанъ представителемъ всего востока христианской церкви. Какъ римскій папа, сосредоточивая въ своемъ лицѣ и при своей каедрѣ высшія дѣйствія церковной власти, возвышался надъ всѣми прочими іерархами запада по своему значенію, такъ соотвѣтственно этому константинопольскій патріархъ былъ признанъ старѣйшимъ всѣхъ другихъ, и сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ и при своей каедрѣ высшія обнаруженія церковной власти на востокѣ. Оба іерарха, представляя средоточные пункты управленія какъ для своихъ отдѣльныхъ округовъ, такъ для всей христианской церкви распространяли свое вліяніе на всѣ ея части и пользовались одинаковымъ значеніемъ, съ тѣмъ различіемъ, что римскій былъ первымъ, константинопольскій—вторымъ въ порядкѣ счета и мѣста, но не относительно преимуществъ власти. Какъ подобное положеніе обоихъ іерарховъ, дѣлая ихъ зависимыми другъ отъ друга въ своихъ распоряженіяхъ, устраняло возможность преобладающаго вліянія, или главенства одного надъ всею христианскою церковію, такъ тоже положеніе, въ дѣйствительности, было и

крайнимъ моментомъ развитія централизаціи церковной власти, за предѣлами котораго начиналась область абсолютизма, столь противнаго духу и идеѣ христіанской церкви. Вотъ почему тотъ же разсматриваемый канонъ, признавъ высшее и равноправное положеніе за обоими іерархами, въ заключеніе прибавилъ: чтобы „въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскія церкви, и ея предсѣдателю не было допускаемо никакого нововведенія ни нынѣ, ни впредь“. Этою прибавкою канонъ сказалъ, что преимущества обѣихъ кафедръ достигли апогея своего развитія, такъ что всякое дальнѣйшее расширеніе ихъ преимуществъ перейдетъ за черту законной умѣренности.

Въ греческихъ актахъ константинопольскаго собора послѣ пятаго его засѣданія, въ которомъ былъ постановленъ вмѣстѣ съ двумя другими разсмотрѣнный канонъ и подписаны его дѣянія, находятся еще протоколы двухъ послѣдующихъ засѣданій: шестаго—бывшаго въ императорскихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ императора Василя, въ присутствіи патріарха Фотія, папскихъ легатовъ и представителей восточной церкви, въ числѣ 18 митрополитовъ, и седьмаго—собиравшагося въ софійскомъ храмѣ, на которомъ было прочитано все то, что было сдѣлано въ шестомъ засѣданіи, въ присутствіи только нѣкоторыхъ. На этомъ засѣданіи Прокопій кесарійскій предложилъ установить правило о главенствѣ константинопольскаго епископа надъ всею церковію такими словами: „какимъ въ изображаете Фотія, такимъ и долженъ быть въ дѣйствительности тотъ, кому вверено духовное предстоительство надъ всемъ міромъ“. На это предложеніе папскіе легаты отвѣчали: „справедливо сказанное тобою; и мы, живя на концѣ міра, принадлежимъ къ его удѣлу“... ¹⁾). Мы только указываемъ на этотъ фактъ, но не анализируемъ его по той причинѣ, что подлинность протоколовъ названныхъ засѣданій оспаривается ²⁾). Во всякомъ случаѣ, если и согласиться съ сдѣланнымъ на полѣ ватиканскаго кодекса замѣчаніемъ неиз-

¹⁾ Mansi, t. XVII. pag. 522—523. Hefele. t. IV. pag. 463—465.

²⁾ Assemani. Biblioth. jur. oriental. t. I. pag. 222—226.

вѣстнаго грека о томъ, что названныхъ засѣданій собора совершенно не было, но они вымышлены Фотіемъ ¹⁾); то самое намѣреніе учинить подобный подлогъ доказываетъ, что на константинопольскомъ соборѣ, постановившемъ рассмотренный канонъ, были люди, вполне раздѣлявшіе убѣжденіе, что константинопольскій патріархъ долженъ быть тѣмъ-же въ христіанской церкви, чѣмъ-былъ для нея римскій папа, т. е. „приматомъ востока“...

Излишне, кажется, прибавлять, что папа Іоаннъ VIII, чтобы остаться вѣрнымъ традиціямъ своихъ предшественниковъ, не могъ въ душѣ и на дѣлѣ одобрить подобныя постановленія собора. Дѣйствительно, когда папскіе легаты возвратились изъ Константинополя и принесли полныя дѣянія этого собора и письма отъ императора и Фотія, то папа Іоаннъ въ отвѣтныхъ письмахъ къ тому и другому одинаково заявлялъ, что онъ признаетъ сдѣланное соборомъ по снисхожденію (*misericorditer*) относительно возстановленія Фотія, но считаетъ недѣйствительнымъ учиненное на томъ-же соборѣ его легатами вопреки данной имъ инструкціи ²⁾). Если папа и не высказалъ, что именно онъ разумѣлъ подъ незаконными дѣйствіями своихъ легатовъ, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ намекалъ этимъ на постановленія собора о преимуществахъ патріарха Фотія и его каеэдры. Дѣйствительно, привнесшій въ Константинополь отвѣтныя письма папы папскій легатъ, діаконъ Маринъ, такъ настойчиво проводилъ порученіе папы противъ Фотія, что императоръ Василій приказалъ взять его и заключить въ тюрьму на цѣлый мѣсяць ³⁾). Подобное обращеніе императора съ легатомъ показываетъ, что папа былъ недоволенъ Фотіемъ и не могъ примириться съ его положеніемъ. Древнее извѣстіе прибавляетъ, что папа Іоаннъ, подобно своимъ предшественникамъ: Николаю и Адриану, торжественно, съ евангеліемъ въ рукахъ, произнесъ анаѳему на Фотія, которую повторилъ и его преемникъ ⁴⁾).

¹⁾ Mansi, t. XVII. pag. 511—512 not. ²⁾ Mansi, t. XVII. pag. 185. 187..

³⁾ Mansi. t. XVI. pag. 423. Hefele, t. IV. pag. 467.

⁴⁾ Mansi. t. XVI. pag. 450. 451. Hefele. t. IV. 468.

Такимъ образомъ папы, отказавшись признать равенство іерарха константинопольскаго, остались вѣрны традиціямъ своей каѳедры. Впрочемъ и въ Константинополѣ, въ виду этого отказа и вообще притязаній Рима, вовсе не думали оставаться въ своихъ желаніяхъ и не теряли надежды склонить римскаго папу къ признанію преимуществъ константинопольскаго патріарха. Родульфъ Глабръ, клюніакійскій монахъ рассказываетъ: „около тысяча двадцать четвертаго года константинопольскій предстоятель Евстафій (1019—1025) съ своимъ царемъ Василиемъ (976—1025) и нѣкоторые другіе греки составили совѣтъ о томъ, какъ-бы получить согласіе римскаго первосвященника на то, чтобы константинопольская церковь въ своемъ предѣлѣ (in suo orbe), какъ римская во вселенной (in universo), была и называлась вселенскою. Они тотчасъ отправили пословъ, которые понесли въ Римъ много различныхъ даровъ какъ къ римскому первосвященнику, такъ и къ другимъ лицамъ, которыя могли съ своей стороны оказать содѣйствіе. Прибывъ въ Римъ, послы изложили передъ папою цѣль (querelam) своего посольства“¹⁾. Остановимся на этомъ сообщеніи. Оно съ ясностію показываетъ желанія константинопольцевъ относительно правъ и преимуществъ ихъ іерарха. Глабръ говоритъ, что константинопольцы ходатайствовали предъ папскимъ престоломъ о томъ, чтобы константинопольская церковь въ своемъ округѣ, какъ римская во вселенной, была и называлась вселенскою. Смыслъ этого ходатайства, очевидно, тотъ, что константинопольскій патріархъ долженъ былъ имѣть тоже самое положеніе, какимъ пользовался іерархъ римскій. Глабръ поясняетъ, что подобное положеніе испрашивалось для константинопольской церкви только въ отношеніи къ ея округу; но это положеніе по существу должно было быть такимъ, какимъ пользовалась римская во вселенной. Т. е. съ предоставленіемъ подобнаго преимущества константинопольская церковь должна была сдѣлаться равноправною съ римскою во

¹⁾ Migne, Patrolog. cursus. compl. t. CXLII. pag. 670—671. series secunda.

всѣхъ отношеніяхъ въ своемъ округѣ. Глабръ говоритъ и рассказываетъ обо всемъ этомъ съ точки зрѣнія римской церкви, т. е. подъ вліяніемъ мысли о главенствѣ папы надъ всею христіанскою церковію; но, чтобы вѣрно понять фактъ, отрѣшившись отъ тенденціи Рима, необходимо заключить, что императоръ, патріархъ и прочіе греки просили согласія римскаго первосвященника на то, чтобы онъ прекратилъ свою оппозицію противъ равноправности преимуществъ и положенія константинопольскаго патріарха и призналъ за нимъ въ отношеніи къ его округу тѣже права, которыми располагалъ и пользовался самъ онъ, т. е. римскій первосвященникъ въ своемъ округѣ — на западѣ. Мы правильно передадимъ смыслъ этого ходатайства, если скажемъ, что императоръ и патріархъ искали въ Римѣ того, чтобы римскій іерархъ не заявлялъ болѣе никакихъ претензій на подчиненіе себѣ востока и не вмѣшивался въ распоряженія іерарха константинопольскаго. Съ удовлетвореніемъ этого ходатайства должна была рушиться и послѣдняя преграда расширенія преимуществъ константинопольскаго патріарха на востокъ, которую ставили римскіе папы своимъ протестомъ противъ возвышенія константинопольской каведры и вмѣшательствомъ въ распоряженія ея іерарховъ, вызывавшимъ иногда отголосокъ на востокъ ¹⁾). Словомъ, константинополь-

¹⁾ Такъ мы увидимъ, что во время несогласій Григорія великаго на усвоеніе константинопольскому патріарху тѣла вселенскій, патріархъ александрійскій Евлогій, какъ бы принимая сторону папы, признавалъ съ своей стороны преимущественное положеніе римской каведры во всей христіанской церкви (Gregorii M. Opera omnia. t. II. lib. VII. epist. 4. pag. 887—889. lib VIII. epist. 30. pag. 917—919). Равнымъ образомъ, во время споровъ по дѣлу патріарха Игнатія съ Фотіемъ, императоръ Василій македонянинъ, по низведеніи съ престола Фотія, какъ того домогался папа Николай, обращался къ послѣднему съ просьбою утвердить возстановленіе Игнатія на патріаршемъ престолѣ и прислать свое благословеніе рукоположеннымъ Фотіемъ клирикамъ (Mansi. t. XVI. pag. 46—47). Въ свою очередь премянникъ названнаго государя, Левъ мудрый, послѣ вторичнаго низведенія Фотія съ престола и возведеніи на оный младшаго своего брата Стефана, который Фотіемъ былъ рукоположенъ въ діаконъ, также писалъ въ Римъ папѣ Стефану VI и просилъ его благословенія для клириковъ поставленныхъ Фотіемъ (Mansi. t. XVI. pag. 426). Какъ съ императоромъ Ва-

ское посольство въ Римъ имѣло задачу: склонить римскую церковь признать равноправность съ собою константинопольской и объявить іерарха послѣдней равночестнымъ главою всего востока.

Посольство грековъ не имѣло успѣха въ Римѣ. Глабрь рассказываетъ, что когда распространился по Италіи слухъ объ этомъ посольствѣ, тамъ возникло большое движеніе, въ которомъ принялъ особенное участіе аббатъ Виллермъ (*Willermus abbas monasterii sancti Benigni, vir prudentissimus*). Онъ написалъ папѣ Іоанну XIX письмо, въ которомъ, указывая на преимущества римской каедрѣ, убѣждалъ папу не удовлетворять желанія грековъ ¹⁾. Неуспѣхъ этого посольства, доказывая непоколебимое нежеланіе Рима видѣть равноправность константинопольскаго іерарха, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ, что эта равноправность фактически существовала, и греки, признавая старѣйшинство римскаго іерарха и его каедрѣ, не отказывали въ этомъ константинопольскому — и его каедрѣ. Словомъ: мы не ошибемся, если скажемъ, что въ разсматриваемомъ фактѣ шель вопросъ о признаніи за константинопольскимъ патріархомъ, по отношенію къ востоку, тѣхъ преимуществъ, которыми пользовался римскій папа на западѣ.

Не станемъ доискиваться: въ какихъ фактахъ обнаружались бы послѣдующія, взаимныя отношенія Рима и Константинополя, а вмѣстѣ западной и восточной церкви, также соображать: какіе могли бы послѣдовать новые моменты какъ въ развитіи системы церковнаго управленія, такъ и въ обнару-

---

спіемъ возстановленный патріархъ Игнатій, такъ съ императоромъ Львомъ Стילіанъ неокесарійскій писали: нервый — папѣ Николаю, послѣдній — папѣ Стефану о томъ же предметѣ (*Mansi. t. XVI. pag. 47 — 49. 426 — 455*). Если мы не имѣемъ права принимать подобныя обращенія въ смыслѣ признанія главенства папы надъ всею церковію, то должны согласиться, что они открывали путь къ такому вліянію послѣдняго на константинопольскую каедрѣ и ея іерарха, которое не гармонировало съ ихъ независимымъ положеніемъ.

¹⁾ *Migne, t. CXLII. pag. 671—672*. Здѣсь помѣщено самое письмо Виллерма, или Виллельма къ папѣ

женіяхъ преимуществъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви, если бы Римъ снизошелъ до признанія церковной равноправности Константинополя, а іерархъ римскій, отказавшись отъ своихъ стремленій къ преобладанію надъ всею церковію, согласился сравняться съ константинопольскимъ. Не доискиваясь и не соображая этого, мы должны допустить, что взаимныя отношенія Рима и Константинополя были бы не тѣ, какими они оказались въ дѣйствительности, если бы Римъ согласился, такъ сказать, на полюбовный раздѣлъ христіанскаго міра съ тѣмъ, чтобы папа оставался его главою на западѣ, а константинопольскій патріархъ—на востокѣ. Никита Никейскій и другой неизвѣстный писатель у Льва Аллѣція прямо сознаются, что послѣдовавшій между римлянами и греками разрывъ въ началѣ одиннадцатаго столѣтія произошелъ не изъ за обрядовъ, или ученія, а изъ за преимуществъ каедръ ¹⁾). Гефеле сказавъ, что Михаилъ Керуларій возобновилъ и докончилъ начатое Фотіемъ раздѣленіе церквей, поясняетъ: „хотя до насъ не сохранилось никакихъ свѣденій о первыхъ годахъ патріарха Михаила Келурарія, во всякомъ случаѣ вѣроятно то, что онъ уже съ первыхъ дней своего патріаршества приступилъ къ осуществленію плана подчиненія себѣ прочихъ восточныхъ патріарховъ и мало по малу подготовлялъ разрывъ съ Римомъ“ ²⁾). Не наше дѣло изслѣдовать, кто первый подалъ поводъ къ окончательному раздѣленію церквей, и на кого должна пасть первая отвѣтственность предъ исторіею за этотъ печальный фактъ, послѣдствія котораго, съ новыми усложненіями, остаются въ полной силѣ; во всякомъ случаѣ необходимо сознаться, что какъ возникшія между Римомъ и Константинополемъ несогласія по дѣлу Игнатія и Фотія были продолженіемъ прежнихъ между ними размолвокъ и служили послѣдствіемъ именно взаимнаго ихъ разномыслія по вопросу о преимуществахъ римской и константинопольской каедръ; такъ въ свою очередь и окончательное раздѣленіе западной и восточной церквей послѣдовало

¹⁾ Le Quien. t. II. pag. 89. n. VII. ²⁾ Hefele, t. IV. pag. 726—727.

не безъ дѣятельнаго участія того-же фактора. Убѣдиться въ этомъ совершенно не трудно; стоитъ только обратить вниманіе на то обширное посланіе, которое написалъ папа Левъ IX Михаилу Керуларію и Льву архіепископу ахридскому по поводу и въ опроверженіе сдѣланныхъ ими упрековъ римской церкви за употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи и соблюденіе поста въ субботу ¹⁾. Въ этомъ посланіи папа, вовсе не останавливаясь на разборѣ сдѣланныхъ упрековъ римской церкви, говоритъ именно на тему о единствѣ церкви и рассказываетъ, что это единство должно свидѣтельствоваться послушаніемъ римской церкви и единеніемъ съ нею. Во всемъ посланіи папа видимо старается унижить значеніе константинопольской церкви и возвысить авторитетъ римской. Для достиженія первой цѣли папа распространяется о томъ, что въ константинопольской церкви получили начало многія ереси, виновниками и распространителями коихъ были константинопольскіе епископы, но которыя всѣ были отвергнуты и осуждены римскою и апостольскою церковію ²⁾. Для возвышенія авторитета римской церкви, папа, кромѣ ссылки на мѣста св. писанія, пользуется даже свидѣтельствами подложной, дарственной записи императора Константина великаго папѣ Сильвестру. Общую мысль папы объ этомъ предметѣ можно выразить такимъ образомъ: какъ Іисусъ Христосъ словами: *и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго* (Мѣ. гл. 16 ст. 19) ввѣрилъ апостолу Петру управление царствомъ небеснымъ (*coelestis regni gubernacula*), а специальнымъ полномочіемъ: *взять и рѣшить* предоставилъ права высшаго священства (*summi sacer-*

¹⁾ Упреки эти были сдѣланы въ посланіи, которое Михаилъ Керуларій вмѣстѣ со Львомъ архіепископомъ ахридскимъ написали на имя Іоанна епископа траійскаго въ Апуліи съ тѣмъ, что бы послѣдній распространилъ его на западъ (Migne, Patrolog. cursus. complet. series secunda. t. CXLIII. pag. 929—932. Gallandi, Biblioth. veter. Patr. t. XIV. pag. 192). Это посланіе въ переводѣ на латинскій языкъ было сообщено и папѣ Льву IX, который отвѣчалъ на него обширнымъ посланіемъ на имя Михаила Керуларія и Льва ахридскаго (Mansi. t. XIX. pag. 636—656).

²⁾ Mansi, t. XIX. pag. 640. n. IX.

dotii privelegium); такъ императоръ Константинъ, благоразумнѣйшій правитель, движимый внутреннимъ побужденіемъ, вручилъ всѣмъ преемникамъ апостола Петра, въ лицѣ папы Сильвестра, императорскую власть и достоинство (*imperiali potestate et dignitate*); ибо онъ призналъ недостойнымъ (*indignum fore*), чтобы папа, поставленный Богомъ во главѣ небснаго царства, не имѣлъ власти надъ земнымъ ¹⁾. Раскрывая эту мысль, папа высказываетъ общія черты и основанія теоріи папства, по смыслу которой духовная власть папы должна быть почитаема выше свѣтской на томъ основаніи, что первенство, которымъ Иисусъ Христотъ одѣлъ Петра, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ папамъ, какъ представителямъ всей церкви. Изображая въ такихъ чертахъ величіе римской церкви, папа тѣмъ самымъ ясно давалъ понятіе Керуларію сравнительное ничтожество собственной его, т. е. константинопольской церкви. Впрочемъ, въ посланіи папы находятся спеціальныя пункты, посвященные этому предмету. Папа вообще считаетъ константинопольскую церковь дочерію римской, такъ какъ она основана императоромъ Константиномъ, который былъ сыномъ латинской церкви, и, согласно съ этимъ, изъясняетъ отношенія первой къ послѣдней. По существу этихъ отношеній, константинопольская церковь, какъ добрая дочь, должна поддерживать свою старѣйшую мать, а не причинять ей непріятностей; должна оказывать ей, какъ духовной матери, ббльшее почтеніе, нежели какимъ обязаны дѣти по отношенію къ плотской матери; должна помнить, а не пренебрегать многими ея заботами. Не питая этихъ чувствъ, константинопольская церковь является еще неблагодарною въ отношеніи къ римской, несмотря на то, что она почтена своею матерію преимущественно передъ прочими. Въ поясненіе этой мысли папа говоритъ, что „не по какому-либо божественному, или человѣческому праву почтена и возвышена константинопольская церковь предъ прочими и антиохійскою и александрійскою... но потому, что нѣжная мать, т. е. римская

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 642. n. XII.

церковь, не желая совершенно лишить возлюбленную дочь почета (*dote honorificentiae*), чрез блаженных наших предшественниковъ на нѣсколькихъ соборахъ старалась опредѣлить, чтобы, сохранивъ древнія преимущества старѣйшихъ и апостольскихъ каедръ, былъ почтенъ константинопольскій предстоятель, какъ епископъ царствующаго города⁴. Приписывая своимъ предшественникамъ возвышеніе константинопольской каедры, папа Левъ XI очевидно говорилъ неправду; но эта неправда была нужна ему для того, чтобы такимъ образомъ еще болѣе возвысить авторитетъ римской каедры предъ константинопольскою. Къ возвышенію этого авторитета и къ огражденію его неприкосновенности папа направляетъ и всѣ послѣдующія свои разсужденія, когда именно говоритъ, что римская церковь пребываетъ непоколебимою, такъ что если преемники Петра и не подобны ему по личнымъ достоинствамъ, во всякомъ случаѣ должны быть чествуемы за свой санъ, не смотря на ихъ недостатки, что никто не долженъ предпринимать чего-либо противъ апостольской каедры, но каждый долженъ твердо держаться единенія съ нею, такъ что кто не находится въ союзѣ съ нею, какъ съ главою, тотъ не принадлежитъ и къ церковному тѣлу.

Читая и слушая эти и подобныя имъ разсужденія, нельзя не сказать, что они были продиктованы папѣ встревожившимъ его представленіемъ о томъ, что Михаилъ Керуларій, указывая на извѣстные недостатки римской церкви, покушался поколебать ея авторитетъ. Если папа прямо не говоритъ въ разсмотренномъ письмѣ о стремленіяхъ Керуларія къ расширенію преимуществъ своей каедры, то эти мысли сами собою напрашиваются при чтеніи его письма и, въ особенности, при соображеніи приведенныхъ имъ доводовъ въ пользу преимуществъ римской каедры. Сверхъ сего эта мысль прямо высказана папою въ другомъ его письмѣ къ Михаилу Керуларію¹⁾, а равно и въ письмѣ къ тогдашнему антїохійскому

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 663—666.

патріарху Петру ¹⁾. Петръ извѣщалъ папу о вступленіи своемъ на антиохійскую кафедру и, по древнему обычаю, препроводилъ ему свое исповѣданіе вѣры. Отвѣчая на это письмо, папа хвалилъ его за стремленіе къ единенію и миру церковному, не упуская при этомъ случая указать на первенство св. апостольской кафедры, къ которой, по словамъ папы, поступаютъ важныя и запутанныя дѣла всѣхъ церквей для окончательнаго рѣшенія: „такъ опредѣлили, аргументировалъ папа, всѣ почтенные соборы и человѣческіе законы, такъ постановилъ самъ святѣйшій святыхъ, Царь царей и Господь царствъ“ ²⁾. Изображая такимъ образомъ первенство римской кафедры, папа приглашалъ антиохійскаго патріарха къ тому, чтобы онъ отстаивалъ права своей церкви: „третье мѣсто отъ римской писалъ папа, занимаетъ антиохійская церковь, которую убѣждаемъ тебя всемѣрно (sumptorogē) защищать не ради твоей славы, но по причинѣ почтенной древности кафедры, которую ты временно занимаешь. Обо всемъ этомъ я говорю потому, что слышу: какъ нѣкоторые усиливаются умалить древнее достоинство антиохійской церкви“ ³⁾. Подъ нѣкоторыми папа естественно разумѣлъ не другаго кого либо, какъ константинопольскаго патріарха, искавшаго—подобно римскому епископу—сдѣлаться главою востока. Въ письмѣ къ Керуларію папа не стѣсняясь осуждаетъ подобныя его стремленія. „Мы по заповѣди апостола, сколько возможно, писалъ, между прочимъ, папа, стараемся имѣть миръ со всѣми, тѣмъ болѣе съ тобою; такъ какъ ты въ состояніи сдѣлать много полезнаго и необходимаго для церкви Божіей, если не будешь переступать предѣлы, установленныя нашими отцами. И—такъ какъ христіанское совершенство требуетъ, чтобы быть въ мирѣ даже съ врагами мира въ надеждѣ исправленія, а не сочувствія къ несогласію, то мы тѣмъ болѣе должны устранять отъ себя всякіе поводы къ несогласіямъ, чѣмъ сильнѣе желаемъ остаться друзьями мира. Между тѣмъ молва давно уже донесла до нашего слу-

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 660—673. ²⁾ Ibid. pag. 661.

да весьма много нежелательнаго о твоёмъ братствѣ, что мы оставили неизслѣдованнымъ до сихъ поръ частію потому, что это показалось намъ невѣроятнымъ, частію потому, что не имѣли никакой возможности произвести изслѣдованіе объ этомъ. Ты даже считаешься неофитомъ ¹⁾, получившимъ епископскую степень безъ приготовленія (поп *garadatum*), что никакъ не должно быть допускаемо по ученію апостола и по запрещенію божественныхъ каноновъ. Вслѣдствіе сего ты, увлекшись новою гордостію, усиливаешься лишить патріарховъ: александрійскаго и антiохійскаго древнихъ ихъ преимуществъ и, вопреки всякому приличію и закону, подчинить ихъ своей власти. Всякому имѣющему здравый смыслъ ясно, къ какимъ ты чрезъ это стремишься опасностямъ“ ²⁾.

Свое письмо къ Керуларію папа отправилъ съ тѣми посланцами, которые были посланы въ Константинополь по приглашенію императора и патріарха. Константинъ Мономахъ хотѣлъ возстановить миръ съ Римомъ въ политическихъ видахъ, чтобы въ союзъ съ папою и съ западнымъ императоромъ изгнать изъ Италіи норманновъ и снова присоединить къ Византіи принадлежавшіе къ ней города и провинціи ³⁾. Въ числѣ посланцевъ папы находились: кардиналь—діаконъ и канцлеръ римской церкви, происходившій изъ герцога-лотарингскаго дома, Фридрихъ, во слѣдствіи папа Стефанъ X, кардиналь Гумбертъ и амальфійскій архіепископъ Петръ. Прибывшее въ Константинополь посольство, съ цѣлію возстановленія мира, возвратилось въ Римъ съ окончательнымъ разрывомъ обѣихъ церквей. Ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію этого

¹⁾ Въ поясненіе этого термина необходимо замѣтить, что Михаилъ Керуларій, будучи еще міряниномъ въ 1040 г., за участіе въ заговорѣ противъ императора Михаила Пафлагонянина (1034—1041 г.) былъ заключенъ въ монастырь и постриженъ въ монахи. Когда сосланный въ одно время съ Керуларіемъ Константинъ Мономахъ (1042—1055 г.) сдѣлался императоромъ, то онъ въ маѣ 1043 г. возвелъ Керуларія на патріаршій престолъ Константинополя, несмотря на то, что Керуларій до того времени не имѣлъ посвященія ни на какую церковную степень (Hefele, t. IV. pag. 726).

²⁾ Mansi, t. XIX. pag. 664. ³⁾ Hefele, t. IV. pag. 732.

разрыва послужили счеты изъ-за внѣшнихъ преимуществъ. Папскіе легаты пришли въ Константинополь съ сознаниемъ своего достоинства и съ претензіями на свое высокое положеніе. Они хотѣли и должны были показать Константинополю преимущество Рима; поэтому они даже не оказали, какъ жаловался самъ Керуларій, должнаго привѣтствія патриарху. Подобное поведеніе легатовъ естественно оскорбило Керуларія и должно было вызвать съ его стороны противодѣйствіе. Керуларій заявилъ легатамъ, что онъ вступитъ съ ними въ совѣщаніе только въ томъ случаѣ, если они на предполагаемомъ для этого совѣщанія синодѣ займутъ мѣста ниже греческихъ архіепископовъ ¹⁾. Требованіе Керуларія имѣло въ своей основѣ тенденціозную мысль — показать легатамъ, что архіепископъ Константинополя не придаетъ значенія тому, что они были представителями папы. Когда легаты не согласились на такое унижительное для нихъ предложеніе, Керуларій прервалъ съ ними общеніе и запретилъ имъ совершать богослуженіе, приказавъ запереть для этаго латинскія церкви въ Константинополь. Въ отвѣтъ на эти распоряженія патриарха легаты прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: 16 іюля, во время богослуженія въ софійской церкви, они положили на главный ея престоль буллу, въ которой изрекли проклятіе (*anathema, maganatha*) патриарху Керуларію, Льву архіепископу ахридскому, сакелларію Константину, который будто бы попиралъ ногами св. дары латынянь, и всѣмъ ихъ послѣдователямъ ²⁾. Керуларій со своимъ соборомъ сожгли эту буллу и съ своей стороны произнесли анаѣму на латынянь, перечисливъ въ ней заблужденія римской церкви ³⁾.

Обдумывая совершившійся фактъ окончательнаго раздѣленія христіанскихъ церквей, нельзя не сознаться, что оно было послѣдовательнымъ результатомъ тѣхъ натянутыхъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ, которыя обнаружили съ того

¹⁾ Baronius, *Annales ad ann. 1054. n. 30. Hefele, t. IV. pag. 736.*

²⁾ Mansi, t. XIX. pag. 676—679. Migne, t. CXLIII. pag. 1001—1004.

³⁾ Mansi, t. XIX. pag. 811—822.

времени, когда римскіе папы не загоѣли признать, а константинопольскіе архіепископы—оставить предоставленныя имъ преимущества. Постепенное расширеніе этихъ преимуществъ еще болѣе ухудшало эти отношенія, вызывая болѣе и болѣе противодѣйствіе со стороны Рима. При такомъ положеніи вещей было бы труднѣе объяснить тотъ фактъ—если бы между западомъ и востокомъ и, въ частности, Римомъ и Константинополемъ состоялось соглашеніе на обоюдныхъ уступкахъ, и—римскіе папы признали въ константинопольскихъ патріархахъ совершенно равночестныхъ и равноправныхъ съ собою представителей христіанскаго востока и его церкви—чѣмъ согласиться, что окончательный разрывъ между церквами былъ послѣдствіемъ съ одной стороны пріобрѣтенія константинопольскими патріархами преобладающаго вліянія въ управленіи дѣлами восточной половины христіанской церкви, съ другой—стремленія римскихъ папъ парализовать это пріобрѣтеніе и упрочить свое господство надъ всею христіанскою церковію. По мѣрѣ того, какъ константинопольскіе патріархи болѣе и болѣе утверждали свое вліяніе на востокъ, образуя противовѣсъ полномостію римскихъ папъ, послѣдніе болѣе и болѣе изопрялись въ подчиненіи себѣ константинопольскихъ патріарховъ и въ утвержденіи своей власти надъ всею христіанскою церковію. При крайнемъ напряженіи силъ съ той и другой стороны и при рѣшительномъ несогласіи Рима и Константинополя на обоюдныя уступки къ взаимному соглашенію, можно было ожидать только разрыва, который и совершился самымъ дѣломъ.

Раздѣленіе церквей было началомъ формальнаго разобщенія ихъ интересовъ. Обѣ церкви отдѣльно повели свои дѣла и въ различномъ направленіи. Западъ быстро пошелъ по пути нововведеній и довелъ до крайности идею абсолютизма папской власти. Востокъ остановился на сохраненіи прежнихъ установленій и осуществилъ идею старшинства власти константинопольскаго патріарха. Мы видѣли, что, предъ самымъ моментомъ имѣвшаго совершиться разрыва, антиохійскій патріархъ

Петръ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ римскимъ папою Львомъ; поэтому первымъ дѣломъ патріарха Керуларія было то, чтобы удержать прочихъ восточныхъ патріарховъ въ общеніи съ собою и расположить ихъ признать дѣло послѣдовавшаго разрыва общимъ. Съ этою цѣлію Керуларій обратился съ посланіемъ къ восточнымъ патріархамъ и, въ частности, къ антиохійскому патріарху Петру, которымъ подробно раскрылъ догматическія и обрядовыя заблужденія римской церкви, и приглашалъ ихъ оказать ревность по правой вѣрѣ и приложить общія усилія для противодѣйствія Риму¹⁾. Нужно ли прибавлять, что восточные патріархи, которые уже привыкли подчинять судьбу своихъ церквей указаніямъ изъ Константинополя, послѣдовали приглашенію Керуларія.

Такимъ образомъ то, о чемъ просили въ Римѣ императоръ Василій II и патріархъ Евстафій съ другими греками, совершилось, только не путемъ взаимнаго соглашенія и обоюдныхъ уступокъ между Римомъ и Константинополемъ, а чрезъ окончательный разрывъ и совершенное разобщеніе обѣихъ церквей. Христіанскій востокъ съ преимущественнымъ значеніемъ константинопольскаго предстоятеля, какъ его главы, составилъ одну половину, подобно тому, какъ христіанскій западъ, въ свою очередь, съ преобладающимъ значеніемъ римскаго іерарха образовалъ другую часть христіанской церкви. Послѣдующая исторія христіанскаго востока въ отношеніи къ вопросу о расширеніи преимуществъ константинопольскаго патріарха представляетъ тотъ общій результатъ, что іерархъ константинопольскій болѣе и болѣе приобрѣталъ значеніе главы и предстоятеля всего востока. Въ общемъ видѣ это значеніе обнаруживалось въ томъ, что константинопольскій патріархъ былъ главнымъ представителемъ православной церкви на востокѣ. На правахъ такого представителя, константинопольскій іерархъ, во время господства крестоносцевъ на востокѣ, когда и антиохійская и александрійская каедры находились во власти лати-

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 823—827. 811—822.

чянь, стараясь оградить православіе на востокъ, назначаль туда въ Константинополѣ архипастырей, чтобы они, оставаясь при его кафедрѣ, по крайней мѣрѣ издали поддерживали чистоту вѣры въ своихъ патріархатахъ ¹⁾. Съ подпаденіемъ востока владычеству турокъ и, въ частности, съ покореніемъ ими Константинополя, преобладающее значеніе константинопольскаго патріарха на всемъ востокъ не только не ослабѣло, напротивъ еще болѣе усилилось, благодаря тому обстоятельству, что константинопольскій патріархъ, имѣя свое пребываніе въ резиденціи правительства султана, былъ и является въ глазахъ послѣдняго духовнымъ представителемъ и вмѣстѣ главою христіанскаго, православнаго населенія Турецкой имперіи. Прочіе патріархи востока на столько находятся въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго, на сколько они не пользуются въ глазахъ правительства Порты никакимъ юридическимъ значеніемъ. Извѣстно, что только при посредствѣ константинопольскаго патріарха, названные патріархи входятъ въ сношеніе съ Портою по дѣламъ своихъ церквей и получаютъ нужные правительственные указы и распоряженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названные патріархи на столько подчинены патріарху константинопольскому и его синоду, что послѣдніе принимаютъ ближайшее участіе въ дѣлахъ ихъ патріархатовъ, и другіе патріархи не могутъ предпринять путешествія въ столицу безъ согласія константинопольскаго. Словомъ: по существующему въ настоящее время порядку вещей на востокъ, константинопольскій патріархъ съ своимъ синодомъ представляетъ главнаго предстоятеля и судію для всего востока ²⁾. Замѣчаемъ объ этомъ для того, чтобы только подкрѣпить занимающую насъ мысль о преобладающемъ значеніи константинопольскаго патріарха на востокъ, а не обрисовать современное его положеніе, по которому онъ, вмѣстѣ съ правами

¹⁾ Правосл. С. бесѣд. 1866 г. ч. I. стр. 123—127.

²⁾ Silbernagl, Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämtlicher Kirchen d. Orients. §§ 3. 4. 6. 11.

главнаго предстоителя православной церкви, совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ значеніе представителя политической корпораціи народа, исповѣдующаго православную вѣру въ предѣлахъ турецкой имперіи ¹⁾. Изображеніе этого значенія выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Такимъ образомъ, останавливаясь на мысли, что расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и его каедръ завершилось распространеніемъ ихъ вліянія по всему востоку, примѣнительно къ положенію римскаго іерарха и его каедръ на западѣ, мы должны прибавить, что это вліяніе никогда не достигало предѣловъ абсолютизма папской власти. Въ то время, какъ преобладающее вліяніе константинопольской каедръ на востокѣ, дѣлая ее центральной по отношенію къ дѣламъ и вопросамъ церковнымъ, никогда не оставляло за константинопольскимъ патріархомъ правъ исключительнаго, рѣшающаго авторитета, положеніе римскаго іерарха на западѣ обнаруживалось въ проявленіяхъ самаго крайняго абсолютизма. Въ отношеніи къ востоку и, въ частности, къ константинопольской каедрѣ этотъ абсолютизмъ всегда давалъ себя чувствовать стремленіемъ подчинить себѣ восточную церковь и ея первостоятеля и не перестаетъ обнаруживаться тѣмъ, что римскій престолъ продолжаетъ считать востокъ и вмѣстѣ константинопольскую каедръ въ районѣ воображаемой полноты власти апостольской каедръ. Не приводя свидѣтельствъ самихъ папъ и ихъ приверженцевъ, въ которыхъ выражаются подобныя мысли, остановимся на фактахъ. Крестовые походы, предпринятыя западными христіанами, правда, по зову восточныхъ, были именно средствомъ въ рукахъ папъ къ обладанію восточною церковію. Вожди крестоносцевъ, взявъ (1078 г.) Антиохію, писали папѣ Урбану II: „просимъ тебя возлюбленный отецъ нашъ, чтобы ты, отецъ и глава, пришелъ на мѣсто своего отечества, и, какъ намѣстникъ св. Петра, сѣлъ на его каедрѣ и управлялъ послушными сыновьями твоими, а всѣ ереси, какого-бы рода онѣ

¹⁾ Silbernagl. pag. 7.

ни были, искоренялъ и уничтожалъ своею апостольскою властію“ ¹⁾. Папа не побѣхалъ святительствовать въ Антиохію, но въ предѣлахъ, какъ антиохійскаго, такъ и іерусалимскаго патріархатовъ и на ихъ кафедрахъ были поставлены латинскіе іерархи ²⁾. Послѣ папа Евгенийъ III торжественно заявлялъ, что „священная война не принесетъ никакой пользы христіанской вѣрѣ, и нужна западной церкви только для того, чтобы ставить ей въ восточныхъ церквахъ своихъ епископовъ“ ³⁾. Съ завоеваніемъ Константинополя латинянами и съ образованіемъ латинской имперіи на востокъ (1204 г.), въ сознаніи римскихъ папъ еще болѣе ожила мысль подчинить восточную церковь и ея предстоятелей своему владычеству. Получивъ извѣстіе о взятіи Константинополя, папа Иннокентій III тотчасъ послалъ константинопольскимъ прелатамъ предписаніе избрать въ общемъ собраніи патріарха на престолъ константинопольскій ⁴⁾. Въ актѣ нареченія Морозини латинскимъ патріархомъ Константинополя было провозглашено полное подчиненіе константинопольской церкви патріаршему престолу. Въ этомъ актѣ было сказано: „церковь византійская, не имѣвшая доселѣ ни имени, ни мѣста между апостольскими престолами, теперь возвышена римскою церковію на степень патріаршества и получаетъ первое мѣсто послѣ римской; будучи нѣкогда отторжена отъ повиновенія апостольскому престолу, церковь константинопольская, по милости Божіей, смиренно возвращается теперь къ нему“ ⁵⁾. Утверждая свое владычество и духовное господство латинянъ въ Византіи, Иннокентій III между тѣмъ созвалъ IV латеранскій, по счету латинянъ, одиннадцатый вселенскій, соборъ, съ цѣлію „исправленія всей церкви“. На этомъ соборѣ (1215 г.), вмѣстѣ съ другими постановленіями, изданъ и канонъ о преимуществахъ

¹⁾ Migne, Patr. curs. compl. t. CLV. p. 849.

²⁾ Ibid. pag. 806. Правосл. Собес. 1866. ч. I. стр. 123—126.

³⁾ Δοσιφέν, Ιστορία περί τῶν ἐν ἱερουσαλήμ πατριαρχευσάντων σελ. 787.

⁴⁾ Migne, Patr. curs. compl. t. CCXV. pag. 471.

Artand' de Moutor, Hist. d. souver. pontif. rom. t. II. pag. 325.

патріаршихъ каедръ. „Возобновляя древнія преимущества патріаршихъ каедръ опредѣляемъ, чтобы послѣ римской церкви, которая, по учрежденію Господню, удерживаетъ первенство законной власти надъ всѣми друими, какъ мать и учительница всѣхъ вѣрующихъ, константинопольская церковь занимала первое, александрійская—второе, антиохійская—третье и іерусалимская—четвертое мѣсто, съ сохраненіемъ свойственнаго каждой достоинства“¹⁾. Изъ сего опредѣленія видно, что римскіе папы, такъ долго и настойчиво нѣкоторое время отвергавшіе самую возможность усвоенія константинопольскому архіепископу сана патріархъ, наконецъ, не только согласились съ этимъ, но и признали его каедрю, по преимуществамъ, первую послѣ римской и вышею всѣхъ прочихъ. Впрочемъ, мы ошиблись-бы, если-бы, въ дѣйствительности, стали понимать это опредѣленіе, въ смыслѣ признанія за православною, константинопольскою каедрою принадлежавшихъ ей преимуществъ. Дѣло въ томъ, что Иннокентій и соборный имъ латеранскій соборъ въ настоящемъ случаѣ смотрѣли на константинопольскій, а равно и на всѣ прочіе восточные патріархаты, какъ на подчиненные римской каедрѣ и принадлежавшіе къ району дѣйствій папской власти²⁾. Слѣдовательно, возобновляя установленный уже порядокъ патріаршихъ каедръ и усвоивъ константинопольской каедрю преимущество мѣста передъ прочими, латеранскій соборъ отнюдь не выразилъ тѣмъ мысли о равноправности константинопольской каедры по отношенію къ римской; напротивъ, въ предупрежденіе подобной мысли и въ осужденіе ея, соборъ въ томъ-же опредѣленіи какъ въ началѣ говоритъ, что римская церковь удерживаетъ первенство власти надъ всѣми прочими, такъ и въ заключеніи съ опредѣлительностію разъясняетъ, что названные патріархи могутъ производить судъ надъ епископами подчиненныхъ имъ провинцій, но съ тѣмъ, чтобы апелляціонныя жалобы поступали къ римской каедрѣ, которая должна пользоваться этимъ преиму-

¹⁾ Mansi, t. XXII. pag. 990—991. Hinschius, pag. 561. not. 1. Hefele, t. V. pag. 787—788. ²⁾ Христ. Чт. 1846 г. ч. III. стр. 271—273.

ществомъ отъ всѣхъ. Отсюда ясно, что латеранскій соборъ постановилъ свой канонъ вовсе не въ видахъ огражденія равноправности патриаршихъ престоловъ, а съ цѣлю окончательнаго подчиненія ихъ папской кафедрѣ. Подчиненіе это, въ отношеніи именно къ константинопольской церкви, на томъ-же латеранскомъ соборѣ выразилось тѣмъ, что папа Иннокентій на кафедре Константинополя—въ то время латинскую, такъ какъ въ Константинополѣ были введены латинское богослуженіе и обряды, вмѣсто двухъ ея соискателей: приходскаго священника церкви св. Павла въ Константинополѣ и архіепископа ираклійскаго, которые тамъ были избраны—назначилъ, по совѣту съ кардиналами своего кандидата, именно тосканскаго пресвитера Гервасія ¹⁾. На томъ-же латеранскомъ соборѣ было издано и общее постановленіе относительно епархій восточныхъ патриархатовъ въ томъ смыслѣ, чтобы не поставлялись болѣе греческіе епископы въ тѣ епархіи, въ которыхъ были латинскіе, но для части православнаго населенія назначались викаріи, совершенно подчиненные католическимъ епископамъ ²⁾. Подобныя наставленія Иннокентій еще прежде преподаль первому латинскому патриарху Константинополя, Морозини, которому внушалъ: поставлять исключительно латинскихъ епископовъ въ тѣ епархіи, въ которыхъ между греками были латины, и въ населенныя исключительно греками мѣстности поставлять епископами изъ грековъ тѣхъ, которые окажутся вѣрными ему и примутъ отъ него посвященіе ³⁾. Давая подобныя наставленія латинскому патриарху Константинополя, Иннокентій и самъ вмѣшивался въ управленіе его патриархата: назначалъ латинскихъ митрополитовъ, опредѣлялъ подвѣдомственныя имъ епископіи, утверждалъ епископовъ и другихъ лицъ клира ⁴⁾. Иннокентію подражали и его преемники

¹⁾ Hefele, t. V. pag. 778.

²⁾ Mansi, t. XXII. pag. 998. Fleury, Hist. eccles. liv. 77. chap. 48. t. XVI. pag. 389—390.

³⁾ Migne, Patr. curs. compl. t. CCXV. pag. 964.

⁴⁾ Ibid. pag. 1550. t. CCXVI pag. 533—586.

папы: Гонорій III и Григорій IX ¹⁾), которые сами назначали епископовъ Константинополя ²⁾). Утвердившійся въ это время порядокъ римскіе папы старались поддержать и послѣ, когда владычество латинянъ фактически прекратилось на востокѣ, тѣмъ, что продолжали назначать патріарховъ для Константинополя. Папа Вонифатій VIII училъ, что поставленіе патріарховъ въ завоеванныя сарацинами мѣстности должно совершаться исключительно по распоряженію святаго престола. Преемникъ Вонифатія, Венедиктъ XI заявлялъ, что римская церковь учредила четыре патріаршіе престола и украсила ихъ многими правами, преимуществами и почестями ³⁾). Извлекаемъ эти свидѣтельства и вообще дѣлаемъ послѣднія замѣчанія съ тѣмъ, чтобы объяснить поведеніе Рима относительно Константинополя и показать, откуда ведетъ свое начало и на чемъ утверждается тотъ, сохраняющій силу въ настоящее время, обычай, по которому римскіе папы и теперь, вмѣстѣ съ другими восточными патріархами, поставляютъ константинопольскихъ патріарховъ, которые, принадлежа къ числу папскихъ прелатовъ, пользуются настоящимъ титуломъ, но не имѣютъ никакой дѣйствительной власти, по неподчиненности римскому престолу областей востока. Эти патріархи обыкновенно живутъ въ Римѣ при патріаршихъ церквахъ и, въ качествѣ слугъ папской куріи, употребляются, подобно прочимъ епископамъ, для совершенія хиротоніи. Они пользуются только преимуществами чести въ томъ смыслѣ, что имѣютъ предсѣдательство предъ всѣми архіепископами и епископами запада, занимая мѣсто послѣ всѣхъ папскихъ кардиналь-епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Такъ какъ они не имѣютъ никакой патріаршей власти, то и не пользуются *pallium*’омъ, который служитъ символомъ высшей церковной власти ⁴⁾).

Существованіе константинопольскихъ патріарховъ при пап-

¹⁾ Правос. Собес. 1866. ч. I. стр. 203—205.

²⁾ Pichler, t. II. pag. 646.

³⁾ Extravagantes communes. lib. I. tit. 3. cap. 3.

⁴⁾ Hinschius. pag. 560—561. 497.

ской кафедрѣ, не имѣя никакого юридическаго основанія, служить только подтвержденіемъ того, что непоумѣрныя стремленія папства къ преобладанію надъ всею христіанскою церковію и, въ частности, къ подчиненію себѣ константинопольской кафедры не ослабѣли и въ настоящее время. Тоже существованіе, говоря только о крайностяхъ папства, не имѣетъ никакого значенія въ отношеніи къ правамъ константинопольскаго патріарха и преимуществамъ его кафедры. Положеніе константинопольскаго патріарха, какъ оно сложилось исторически и было сформулировано каноническимъ законодательствомъ древней вселенской, словомъ единой нераздѣленной христіанской церкви, должно быть признано безпорнымъ и получить свое полное значеніе. Протестовавшіе противъ этого положенія римскіе папы впоследствии окончательно замолкли и тѣмъ засвидѣтельствовали неосновательность своего протеста. Одиночные факты какъ бы нѣкотораго несочувствія къ возвышенію константинопольской кафедры и къ расширенію преимуществъ ея іерарха, въ средѣ предстоятелей востока, вызывались посторонними обстоятельствами и потому не могутъ быть истолковываемы въ смыслѣ враждебнаго отношенія къ тому принципу, во имя котораго совершилось это возвышеніе, и той цѣли, для которой оно могло служить. Происходившія, по временамъ, на самой константинопольской кафедрѣ замѣшательства и религіозныя смуты въ Константинополѣ также не могутъ быть обращены въ укоръ этой кафедрѣ и отождествлены съ ея достоинствомъ. Дѣло въ томъ, что эти замѣшательства и смуты, имѣя въ своемъ основаніи частію неумѣренныя стремленія нѣкоторыхъ изъ византійскихъ императоровъ, хотѣвшихъ точно также распорядиться въ церкви, какъ они господствовали въ государствахъ, частію двусмысленное поведеніе самихъ патріарховъ, изъ коихъ нѣкоторые увлекались собственными заблужденіями, частію страстную борьбу существовавшихъ въ Константинополѣ религіозныхъ партій, обыкновенно проходили и исчезали вмѣстѣ съ вызывавшими ихъ причинами. Всѣ эти неблагопріятныя условія дѣлали только то, что останавливали, или замедляли развитіе идеи, ле-

жавшей въ основѣ названнаго возвышенія, но не умерщвляли ея жизненности и не ослабляли ея силы. Рядомъ съ неблагопріятными условіями и въ противоположность ихъ дѣйствию мы видимъ присутствіе благопріятныхъ факторовъ, которые своимъ вліяніемъ не только парализовали первое дѣйствіе, но и уравнивали путь къ новому возвышенію. Словомъ: совокупность многихъ неблагопріятныхъ условій, которыя однако не могли произвести полное отрицательное дѣйствіе, наглядно только доказываетъ то, что въ основу возвышенія константинопольской каѳедры и расширенія преимуществъ ея іерархали легли законныя и истинныя принципы, которые устраняли возможность ихъ истощанія въ предстоявшей борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ опредѣлять смыслъ и цѣль возвышенія константинопольской каѳедры съ точки зрѣнія исторіи, то должны будемъ признать, что оно было вполне естественнымъ явленіемъ тѣхъ наличныхъ условій, въ которыхъ находилась эта каѳедра, представляя собою исторически образовавшійся, средоточный пунктъ для всѣхъ церковныхъ отношеній на востокѣ. Равнымъ образомъ, если мы посмотримъ на тотъ же предметъ съ канонической точки зрѣнія, то принуждены будемъ согласиться, что въ возвышеніи константинопольской каѳедры сказались свойственныя церкви: идея порядка и стройности ея отношеній, также идея постепеннаго и послѣдовательнаго, словомъ законченнаго развитія церковной формы управленія. Какъ образованіе митрополичьей системы управленія, соединившей въ одну церковную область нѣсколько отдѣльныхъ епископій, слѣдуетъ назвать первымъ моментомъ обнаруженія стремленій церкви къ объединенію и стройности ея отношеній; такъ въ свою очередь возвышеніе нѣкоторыхъ изъ среды митрополитовъ и образованіе при ихъ каѳедрахъ болѣе обширныхъ центровъ, словомъ развитіе экзаршеской системы, сплотившей нѣсколько митрополичьихъ областей въ одинъ церковный округъ, слѣдуетъ признать вторымъ, послѣдующимъ моментомъ формации тѣхъ же отношеній. Продолжая нашу рѣчь, мы должны сказать, что какъ болѣе точное раз-

границевіе экзаршескихъ округовъ, такъ и въ особенности образованіе константинопольскаго патріаршества въ средоточіи имперіи, съ предоставленіемъ его іерарху преимущественныхъ правъ, слѣдуетъ почестъ дальнѣйшимъ моментомъ стремленій церкви къ единству и стройности въ своемъ управленіи. Особенное расширеніе преимуществъ римскаго патріарха и подчиненіе его вліянію всего запада христіанской церкви естественно требовали образованія подобнаго центра на востокѣ, чтобы не допустить абсолютизма власти перваго іерарха надъ всею христіанскою церковію. Отсюда особенное расширеніе преимуществъ патріарха константинопольскаго, какъ іерарха столицы, и распространеніе его вліянія на востокѣ христіанской церкви, должно почестъ послѣдовательными результатами исторіи и законодательства³, дружественно содѣйствовавшими этому. Такимъ образомъ появленіе двухъ главныхъ центровъ, въ двухъ средоточіяхъ грекоримскаго міра—одного на западѣ, другаго на востокѣ, притомъ съ совершенно равными и одинаковыми правами власти и значенія—было послѣднимъ предѣломъ, къ которому стремилась и до котораго дошла христіанская церковь въ развитіи формы своей централизаціи, не принося ей въ жертву идеи свободы и независимости своихъ учрежденій. За этимъ предѣломъ уже начиналась область произвола, абсолютизма и деспотизма власти, обнаруженіямъ которыхъ не могла сочувствовать и покровительствовать церковь, представительница закона и справедливости, любви и свободы, такъ что при первыхъ проблескахъ подобныхъ стремленій въ церкви открывались противодѣйствія, несогласія и смуты. При дальнѣйшемъ, болѣе настойчивомъ, проведеніи тѣхъ же стремленій обнаруживались открытые споры, взаимное недовѣріе и даже временныя размолвки. При новомъ и уже болѣе рѣшительномъ обнаруженіи тѣхъ же стремленій, значительно надорванный организмъ христіанской церкви не выдержалъ удара и распался на двѣ особыя и отдѣльныя части, изъ коихъ одна именно восточная половина остановилась на томъ моментѣ, который былъ указанъ и установленъ для нея ея прошедшимъ, напро-

тиць другая именно западная, подчинившись требованію стремленій, изъ за которыхъ послѣдоваль разрывъ, пошла по пути крайностей абсолютизма и деспотизма... Такимъ образомъ, ре-зюмируя смыслъ всего сказаннаго о возвышеніи константинопольской каеэды и расширеніи преимуществъ ея іерарха, мы должны признать въ этихъ возвышеніи и расширеніи заключительный моментъ послѣдовательнаго проведенія церковію идеи порядка, стройности и оконченности въ своемъ управленіи. То самое, что при этихъ возвышеніи и расширеніи церковь всегда принимала во вниманіе положеніе римской каеэды и ея іерарха, показываетъ, что эти возвышеніе и расширеніе нужны были церкви для того, чтобы противопоставить ихъ абсолютизму власти и удержаться въ предѣлахъ умѣренности. Совершенное равенство каеэды одного іерарха съ престоломъ другаго и вмѣстѣ тождество преимуществъ обоихъ іерарховъ были главною мыслію, проникающею послѣдовательныя постановленія церкви по этому предмету.

Итакъ возвышеніе константинопольской каеэды и расширеніе вліянія ея іерарха на всемъ православно-христіанскомъ востокѣ мы должны признать вполне послѣдовательными и исторически и канонически правильными явленіями, которыя, закончивъ систему церковнаго управленія на востокѣ, приготовили тѣмъ противовѣсъ стремленіямъ римской каеэды и ея іерарха къ обладанію всею христіанскою церковію. Если римская каеэда и ея іерархъ получили старшинство преимуществъ и удержали первенство мѣста главнымъ образомъ потому, что они находились въ древнемъ средоточіи римскаго царства, коимъ былъ міродержавный Римъ, то вполне послѣдовательно было, чтобы и мѣстопробываніемъ для константинопольской каеэды и ея іерарха, удостоившихся тѣхъ же почестей, послужило новое средоточіе имперіи — царствующій Константинополь. Все это такъ просто и естественно, что всякія возраженія должны быть отнесены къ числу предубѣжденій. Мы идемъ далѣе въ нашихъ мысляхъ и категорически заявляемъ, что представляющаяся, фактическая неравно-

мѣрность почета обоихъ каедръ и дѣйствительнаго вліянія ихъ іерарховъ на дѣла церкви были слѣдствіемъ не неравенства ихъ авторитета, а зависели отъ постороннихъ причинъ. Римская каедра, хотя и была древнѣйшею въ христіанской церкви, по своему происхожденію, и старѣйшею по положенію въ ряду другихъ каедръ, однако, преимущества ея іерарха развились и окрѣпли вслѣдствіе другихъ причинъ, а именно вслѣдствіе отсутствія ему соперниковъ на западѣ, также ранняго появленія на аренѣ запада юныхъ, словомъ новыхъ народовъ, которые, принимая христіанство и подчиняясь цивилизующему вліянію церкви, становились подъ сѣнь власти главнаго ея представителя и усиляли его авторитетъ. Равнымъ образомъ, если константинопольская каедра, по своему происхожденію и старшинству, не могла спорить съ римскою, то іерархи ея, имѣя пребываніе въ средоточіи вліянія на всѣ части государственнаго организма, тоже пользовались благоприятными условіями для возвышенія и расширенія своего авторитета. Но іерархъ римскій, не имѣя себѣ соперниковъ и пользуясь сочувствіемъ молодыхъ правителей западной европы, нуждавшихся въ его авторитетѣ, безостановочно шелъ по пути расширенія своего вліянія, и достигъ такихъ высоты и могущества власти, что съ торжествомъ выходилъ изъ борьбы съ королями и вѣнценосцами западной Европы; между тѣмъ какъ іерархъ Константинополя, постоянно чувствуя около себя присутствіе разнородныхъ, неблагоприятныхъ элементовъ, и будучи подчиненъ разнообразнымъ движеніямъ государственной власти, не могъ всегда съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствовать въ пользу своихъ интересовъ. Отсюда въ положеніи того и другаго іерарха усматривается существенная разница, которая не могла не вліять на положеніе ихъ каедръ и, въ частности, на фактическое обнаруженіе ихъ преимуществъ. Поэтому, признавая совершенно естественными и вполне объясненными тѣ явленія, что іерархъ римскій пользовался ббльшимъ, фактическимъ вліяніемъ на дѣла христіанской церкви, сравнительно съ іерархомъ константинопольскимъ, необходимо прибавить, что по внутреннему значенію своего авторитета

оба іерарха были совершенно равночестны и равноправны. Эти равночестность и равноправность выражались и свидѣтельствовались тѣмъ, что одинъ іерархъ не могъ, по закону, вмѣшиваться въ область другаго, не могъ отиѣнить его распоряженій собственною властію, не могъ, по праву, предъявить къ исполненію тѣ или другія требованія, клонившіяся къ интересу его собственной катедры и т. п. Словомъ: эти равночестность и равноправность означали то, что каждый іерархъ, будучи главнымъ предстоятелемъ своего округа, обнимаващаго цѣлыя, отдѣльныя половины христіанскаго міра, оба вмѣстѣ служили органами представительства власти всей христіанской церкви. Спѣшимъ повторить: только представительства, а не полноты этой власти, которая принадлежитъ самой церкви, т. е. всей совокупности ея предстоятелей, руководимыхъ взаимнымъ довѣріемъ другъ къ другу и поддерживаемыхъ послушаніемъ всѣхъ членовъ церковнаго союза. Говоря такъ, мы выражаемъ мысль, что оба іерарха, при всемъ преимущественномъ значеніи ихъ катедръ, при совмѣщеніи въ своихъ рукахъ отдѣльныхъ и при томъ высшихъ обнаруженій церковной власти, не замѣняли собою авторитета всѣхъ другихъ и не устраняли необходимого участія всѣхъ прочихъ для законности и обязательности дѣйствія каждаго общецерковнаго предпріятія. И — тотъ и другой іерархи — римскій на западѣ, константинопольскій на востокѣ — были первыми и высшими представителями церковной власти съ правами надзора и наблюденія за правильнымъ и законнымъ теченіемъ церковныхъ дѣлъ, а равно и съ полномочіемъ предупредить и пресѣкать нарушенія дисциплины собственною властію въ установленномъ порядкѣ.

ГЛАВА Ш.

Усвоєніє константинопольскому патріарху титла: „вселенскій“.

При возвышеніи константинопольской катедры и при сравненіи ея ієрарха въ положеніи и преимуществахъ съ римскимъ, константинопольскому патріарху недоставало одного отличія сравнительно съ римскимъ папою ¹⁾. Римскіе папы Григорій великій ²⁾ и за нимъ Левъ IX ³⁾ утверждали, что халкидонскій соборъ предоставилъ папѣ Льву великому титло „вселенскій патріархъ“, но папа вмѣстѣ съ своими преемниками отказался отъ употребленія этого несвойственнаго титула. Справляясь съ подлинными актами халкидонскаго собора, мы находимъ, что въ третьемъ его засѣданіи были прочитаны поданныя отъ членовъ александрійской церкви: пресвитера Аѳанасія, діаконовъ: Исхиріона и Ѳедора, и мірянина Софроніи, каждымъ въ отдѣльности, обвинительныя записки на Діоскора александрійскаго. Эти записки были адресованы: „святѣйшему и боголюбезнѣйшему вселенскому архієпископу и патріарху великаго Рима Льву“, или „святѣйшему и блаженнѣйшему вселенскому патріарху великаго Рима Льву и святому и вселенскому собору“... ⁴⁾. Равнымъ образомъ, присутствовавшіе на халкидонскомъ соборѣ папскіе легаты: епископы Пасхазинъ и Лу-

¹⁾ Le Quien, t. II. pag. 67.

²⁾ Gregorii Magni, Opera Omnia edit. Paris. t. II. pag. 748. 749. 771.

³⁾ Mansi, t. XIX. pag. 640. 664—665.

⁴⁾ Mansi, t. VI. pag. 1005. 1012. 1021 и 1029. „τῶ ἀγιωτάτῳ καὶ θεοφιλεστάτῳ οἰκουμενικῷ ἀρχιεπισκόπῳ καὶ πατριάρχῃ τῆς μεγάλης Ρώμης Δεόντι“, или: „τῶ ἀγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ οἰκουμενικῷ Πατριάρχῃ τῆς μεγάλης Ρώμης Δέοντι.“ Дѣян. всел. соб. т. III. стр. 571. 575. 582. 588—589. въ русск. пер.

ценцій и пресвитеръ Вонифатій подписались подъ актами этого собора „викаріями блаженнѣйшаго и апостольскаго папы вселенской церкви города Рима Льва“ ¹⁾). Какъ alexandрійцы назвали папу Льва въ поданныхъ ими халкидонскому собору запискахъ, такъ въ свою очередь послѣ другія лица именовали другихъ папъ, преемниковъ Льва великаго, подобными-же названіями ²⁾). Эти наименованія, усвоивъ папамъ титулъ „вселенскаго архіепископа и патріарха“, очевидно, служили только знакомъ особеннаго уваженія къ нимъ, но не были свидѣтельствомъ признанія особенной ихъ власти надъ всею церковію. Подобнымъ, какъ почетнымъ, титуломъ Олимпій епископъ газскій именовалъ Діоскора alexandрійскаго на такъ называемомъ разбойничьемъ соборѣ (449 г.); и халкидонскій соборъ, на которомъ были читаны акты названнаго собора, не возразилъ противъ этого названія Діоскора, очевидно, потому, что Діоскоръ былъ почтенъ имъ, какъ бывшій глава alexandрійской церкви и вмѣстѣ предсѣдатель собора ³⁾). Стремленіе сравнять константинопольскаго архіепископа съ римскимъ, и—дѣйствительно почетное положеніе перваго въ христіанской церкви естественно должны были усвоить и константинопольскому іерарху тоже титулы съ тѣмъ, чтобы оно составляло его отличительное наименованіе.

¹⁾ Mansi, t. VII. pag. 135—136. „Universalis ecclesiae Papae Urbis Romae Leonis“, а по греческому переводу: „τῆς οἰκουμενικῆς ἐκκλησίας ἐπισκόπῳ τῆς πόλεως Ῥώμης“. ср. Дѣян. всел. соб. т. IV. стр. 340 въ русс. пер.

²⁾ Такъ между прочимъ въ 517 г. сирійскіе монахи въ своемъ донесеніи папѣ Ормиздѣ адресовали: „Sanctissimo, et beatissimo universae orbis terrae Patriarchae Hormistae“ (Hardum, t. II. pag. 1031). Подобнымъ-же образомъ адресовалъ свою апелляціонную жалобу и Стефанъ, епископъ ларисскій въ 531 г. папѣ Ванифанію: „Domino meo sancto ac per omnia beatissimo et reverendo patri patrum universali patriarchae Bonifatio“ (Mansi, t. VII. pag. 741). Также называли папу Агапета въ 536 г. настоятели и монахи константинопольскихъ, іерусалимскихъ и монастырей другихъ мѣстностей въ своей жалобѣ противъ Анеима константинопольскаго и Севера антиохійскаго: „τῷ δεσπότῃ ἡμῶν τῷ ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ ἀρχιεπισκόπῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικῆ Πατριάρχῃ Ἀγαπίτῳ“ (Mansi, t. VIII. pag. 895—896).

³⁾ Mansi, t. VI. pag. 855. „universalem archiepiscopum Dioscorum magnae alexandriae civitatis“. Pichler, t. II. pag. 648—649. 650.

Первый изъ константинопольскихъ патріарховъ, которому пришлось принять этотъ титулъ, былъ Іоаннъ Каппадокіянинъ (517—519 г.). Собранный имъ изъ 43—44 епископовъ *σύνδος ἐκκλησιαστικῆς* ¹⁾, на которомъ патріархъ не присутствовалъ, представляя ему свои рѣшенія въ синодальномъ посланіи, адресоваль послѣднее: „святѣйшему и блаженнѣйшему отцу отцовъ, архіепископу и вселенскому патріарху“ ²⁾. Въ свою очередь въ актахъ константинопольскаго собора (536 г.) бывший его предсѣдатель патріархъ Мина называется: „вселенскимъ архіепископомъ и патріархомъ“ ³⁾. Антіохійскіе клирики и монахи въ жалобѣ на своего архіепископа Севера того-же патріарха Мину называли: „преподобнѣйшимъ и блаженнѣйшимъ и святѣйшимъ архіепископомъ вселенскимъ патріархомъ“ ⁴⁾. Императоръ Юстиніанъ (527—565 г.) въ своихъ законахъ и указахъ на имя современныхъ ему константинопольскихъ патріарховъ: Елифанія, Анеима и Мины называлъ ихъ: Елифанія—„святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ царствующаго града и вселенскимъ патріархомъ“ ⁵⁾, Анеима—„божественнѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“ ⁶⁾, Мину—„святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“ ⁷⁾. Римскіе папы не возражали противъ употребленія этого титула въ обращеніяхъ къ константинопольскому патріарху и, очевидно, не дѣлали этого потому, что не имѣли возможности возражать, такъ какъ были не въ состояніи воспрепятствовать кому-бы то ни было выражать собственныя чувства уваженія. Во всякомъ случаѣ подобныя наименованія, будучи употребляемы другими лицами, служили выраженіемъ признанія важности сана и исключительности положенія константинопольскихъ патріарховъ. Эти названія, очевидно, подготовляли путь къ тому, чтобы, наконецъ, сами константинопольскіе патріархи воспользовались титуломъ „вселенскій“ для выраженія преиму-

¹⁾ Hefele, t. II. pag. 670. ²⁾ Mansi, t. VIII. pag. 1041—1042.

³⁾ Mansi, t. VIII. pag. 959—960. ⁴⁾ Mansi, t. VIII. pag. 1037—1038.

⁵⁾ Cod. Just. lib. 1. tit. 1. l. 7. tit. IV. l. 34. Novel. 3. 5. 6. 7.

⁶⁾ Novel. 16. ⁷⁾ Novel. 42. 67 и 79.

щество своего сана. Первый из константинопольских патриархов, который рѣшился на это, былъ Іоаннъ Постникъ (582—595 г.)¹⁾. И—прежде, съ постепеннымъ расширеніемъ преимуществъ и вліянія константинопольской кафедрѣ, константинопольскимъ патриархамъ приходилось производить судъ и изслѣдованіе по дѣламъ антиохійскихъ патриарховъ; тоже выпало и на долю названнаго патриарха Іоанна Постника. Антиохійскій патриархъ Григорій былъ обвиненъ однимъ изъ столоначальниковъ антиохійскаго казначейства предъ антиохійскимъ префектомъ Іоанномъ въ томъ, что Григорій имѣлъ связь съ своею сестрою, выданною въ супружество за другаго²⁾. Обвиненный обратился съ апелляціонною жалобою къ императору Маврикію (582—602 г.), который поручилъ снова изслѣдовать и пересмотрѣть это дѣло на соборѣ³⁾. Вслѣдствіе сего, Іоаннъ Постникъ особымъ посланіемъ⁴⁾, въ которомъ, подписавшись „вселенскимъ патриархомъ“, собралъ многочисленный соборъ изъ восточныхъ митрополитовъ, на которомъ присутствовали и другіе патриархи или лично сами, или чрезъ посланныхъ и импе-

¹⁾ Hefele, t. III. pag. 43. ²⁾ Евагрій, Церк. Истор. кн. VI. гл. 7.

³⁾ Thomassinus. t. I. lib. I. 9. n. 13. cap. II. n. 7. 8.

⁴⁾ Одно изъ такихъ посланій было отправлено Іоанномъ и къ вллірійскимъ епископамъ, которые, получивъ оное, препроводили его къ папѣ Пелагію II, какъ своему примату. Папа не оставилъ этого обстоятельства. Онъ написалъ къ собравшимся епископамъ посланіе, въ которомъ не удостоивая собраніе ихъ даже имени собора, и называя епископами, собравшимися по незаконному приглашенію (*illicita vocazione*) константинопольскаго Іоанна, писалъ, что апостольской кафедрѣ донесено, что константинопольскій Іоаннъ, назвавшись (*subscribere*) вселенскимъ епископомъ, созвалъ ихъ на вселенскій (*generalem*) соборъ, тогда какъ право созывать вселенскіе соборы, по преданію, составляетъ преимущество апостольской кафедрѣ блаженнаго Петра... Въ томъ-же посланіи въ частности относительно константинопольскаго патриарха папа писалъ: „предшественникъ Іоанна и самъ Іоаннъ не однажды, а весьма часто присылали святымъ предшественникамъ нашимъ подписанныя собственною ихъ рукою письма и просьбы (*libellas*), въ которыхъ свѣдѣтельствовались Богомъ, что никогда не сдѣлаютъ ничего противнаго апостольской кафедрѣ и не восхитятъ чего либо изъ преимуществъ ни этой, ни другихъ кафедръ; эти документы въ цѣлости хранятся въ архивѣ святой церкви за печатями и подписями ихъ“. Такъ поступалъ папа и такъ онъ писалъ, услышавъ о созваніи собора (*Le Quien*, t. II. pag. 69).

раторскій сенатъ ¹⁾). Этимъ-то соборомъ, по словамъ папы Григорія великаго, и воспользовался Іоаннъ Постникъ, чтобы присвоить себѣ титулъ вселенскаго ²⁾). Какъ-бы то ни было, только молчавшіе до сихъ поръ римскіе папы, со времени этого собора, заявили протестъ противъ наименованія константинопольскихъ патріарховъ вселенскими; и этотъ протестъ былъ веденъ со стороны Рима еще съ бблшаю энергіею и настойчивостью, тѣмъ самая оппозиція противъ халкидонскаго канона.

Получивъ отъ константинопольскаго патріарха Іоанна Постника свѣдѣнія о томъ, чтѣ сдѣлано на соборѣ, тогдашній папа Пелагій II (578—590 г.), не только отвергъ *dissolvit* акты этого собора *propter nefandum elationis vocabulum*, но и послалъ своего уполномоченнаго въ Константинополь къ патріарху съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ его отказаться отъ этого гордаго, безбожнаго и дьявольскаго титла и грозилъ ему отлученіемъ, если онъ на будущее время не перестанетъ употреблять этого антихристова имени. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа писалъ и своему апокрисиарію при дворѣ императора, архиіакову Лаврентію, которому приказалъ, чтобы онъ, въ случаѣ упорства патріарха, совершенно прекратилъ съ нимъ общеніе и ни подѣ какимъ предлогомъ не принималъ участія въ богослуженіи, пока патріархъ, по навожденію діавола, къ униженію своихъ братій, будетъ употреблять этотъ безбожнымъ образомъ присвоенный титулъ ³⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что папа Пелагій рѣшился на подобный поступокъ сколько потому, что считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что какъ самый

¹⁾ Евагрію, Церк. Ист. кн. VI. гл. 7. стр. 290.

²⁾ Вотъ какъ говорить объ этомъ Григорій въ своемъ письмѣ къ Евлогію александрійскому и Анастасію антиохійскому: „восемь лѣтъ назадъ, въ время святой памяти моего предшественника Пелагія, братъ и соепископъ нашъ Іоаннъ въ городѣ Константинополь, воспользовавшись случаемъ по другому дѣлу собралъ соборъ, на которомъ старался (*conatus est*) назваться вселенскимъ“ (*Mansi, t. IX. pag. 971—972. S. Gregorii, Magni, Opera, t. II. pag. 771. idit. Paris 1705.*).

³⁾ *Mansi, t. IX. pag. 972. Le Quien, t. II. pag. 69—70. Gregorii M. Opera, t. II. pag. 771. 984. Ziegler, pag. 261.*

константинопольскій соборъ, такъ и все сдѣланное на этомъ соборѣ совершилось безъ вѣдома и согласія папы, столько и, кажется, гораздо болѣе потому, что хотѣлъ остаться вѣрнымъ тому общему характеру отношеній Рима къ Константинополю, по которому всякое обнаруженіе преимуществъ константинопольской каѳедры болѣзненно отзывалось при римской и вызывало противодѣйствіе. Споры изъ за титла „вселенскій“ по преимуществу слѣдуетъ признать тендеціозными по той причинѣ, что для начала этихъ споровъ не было даже кажущихся основаній. Выше мы видѣли, что названіе „вселенскій архіепископъ“, составляя отличительный титулъ римскаго и константинопольскаго патріарховъ, давалось имъ, принималось и употреблялось ими безъ всякаго возраженія съ той, или другой стороны. Поэтому возбужденіе и въ особенности продолженіе этихъ споровъ служили яснымъ доказательствомъ того, что внутренняя связь взаимнаго, именно братскаго общенія между Римомъ и Константинополемъ уже значительно была подорвана, такъ что малѣйшій поводъ могъ послужить къ обнаруженію несогласій.

Папа Пелагій II только началъ эту борьбу, ревностнымъ же продолжателемъ ея былъ его преемникъ папа Григорій великій (590—604). До вступленія на папскій престолъ Григорій, въ санѣ архідиакона, былъ апокрисиаріемъ папы Пелагія въ Константинополѣ и старался, между прочимъ, примирить этого папу съ императоромъ Тиверіемъ (578—582), который былъ недоволенъ тѣмъ, что Пелагій вступилъ на папскій престолъ, не получивъ предварительно императорскаго утвержденія ¹⁾. Живя въ Константинополѣ, Григорій, очевидно, былъ знакомъ съ положеніемъ тамъ церковныхъ дѣлъ и, въ особенности, хорошо зналъ личность тогдашняго, константинопольскаго патріарха Іоанна Пестника, его смиреніе и простодушіе. Оба—и Григорій и Іоаннъ признаются церковію святыми—первый съ именемъ „св. Григорія Двоеслова, папы рим-

¹⁾ Pichler, t. II. p. g. 653. Hergentr. t. I. pag. 189.

скаго“, второй „св. Іоанна Постника, архієпископа константинограда“¹⁾. Григорій какъ при жизни Іоанна хвалилъ его за смиреніе, которое онъ обнаружилъ при возведеніи его на патріаршество, такъ и послѣ смерти называлъ его святымъ братомъ и соепископомъ²⁾. Такое пониманіе Григоріемъ Постника, казалось бы, напередъ ручалось за ихъ взаимное миролюбіе, и должно было устранить возникновеніе всякихъ несогласій. Дѣйствительность показала совершенно противное. Какъ въ свое время Левъ великій не хотѣлъ признать за константинопольскимъ архієпископомъ титла „патріархъ“, такъ теперь Григорій тоже великій не находилъ возможнымъ оставить при константинопольскомъ патріархѣ титулъ „вселенскаго“. Явленіе знаменательное, но совершенно понятное: сильные характеры обыкновенно бываютъ лучшими и дѣятельнѣйшими защитниками своихъ интересовъ, хотя бы послѣдніе носили въ себѣ признаки своекорыстія. Григорій во все время своего папствованія не переставалъ говорить, писать и дѣйствовать противъ употребленія этого титла и, съ ревностію достойною лучшаго дѣла, осуждать поведеніе константинопольскаго патріарха и лицъ ему сочувствовавшихъ.

Споры эти начались при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Постникъ, желая оставаться съ Григоріемъ во взаимномъ общеніи, въ этомъ духѣ писалъ ему по дѣлу пресвитеровъ Іоанна и Аванасія, осужденныхъ въ ереси³⁾. Григорій обратилъ въ этомъ письмѣ особенное вниманіе на то, что Іоаннъ называлъ себя вселенскимъ патріархомъ и, вслѣдствіе сего, въ скорбномъ тонѣ написалъ Іоанну письмо, въ которомъ разными доводами убѣждалъ его отказаться отъ этого гордаго, надменнаго и развращеннаго титла. „Вспомни, писалъ папа, какой миръ и какое согласіе господствовали между церквами, когда ты принималъ епископскій санъ;

¹⁾ Вершинскій, Мѣсяцесловъ прав. каеол. вост. перь. стр. 41. 137.

²⁾ Gregorii Magni, Opera omnia edit. Paris. t. II. lib. 1. epist. 4. pag. 490. lib. VI. epist. 64. pag. 842.

³⁾ Gregorii M. t. II. pag. 746.

но я не знаю вслѣдствіе какой дерзости, или какого высокоумія ты рѣшился присвоить себѣ новое титуло (poten), которое способно соблазнить сердца всѣхъ братій. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу надивиться тому, ты, не хотѣвшій принимать епископства, (вспомни какъ ты бѣгалъ), оказываешься такъ настойчивъ въ присвоеніи себѣ этого титула, какъ будто ты искалъ его съ честолюбивыми цѣлями (ambitioso desiderio); желая одинъ называться епископомъ, къ униженію братій, ты не долженъ носить имя епископа "... Упомянувъ за симъ о томъ, какъ его предшественникъ, папа Пелагій писалъ посланіе къ собору, на которомъ разсматривалось дѣло Григорія и—какъ потомъ онъ отвергъ его акты и поручилъ своему архидіакону прервать общеніе съ Іоанномъ, Григорій продолжалъ: „послѣ его смерти, когда я недостойный вступилъ въ управленіе церковію, то и прежде чрезъ другихъ моихъ апокрисіаріевъ и теперь чрезъ общаго сына, діакона Сабиніана, старался не только письменно, но и на словахъ убѣдить тебя отказаться отъ такой гордости. И—если бы ты не захотѣлъ исправиться, то я запретилъ ему участвовать съ тобою въ совершеніи богослуженія, дабы сперва пристыдить тебя, потомъ, если окажется невозможнымъ подѣйствовать стыдомъ на твою непомѣрную и мірскую гордость, въ такомъ случаѣ онъ обязанъ прибѣгнуть къ строгимъ каноническимъ мѣрамъ. Но такъ какъ къ нагвоившейся ранѣ слѣдуетъ прикасаться сперва осторожно (leni manu), то я прошу, умоляю и, сколько возможно, съ любовію (dulcedine) уговариваю тебя, чтобы ты, отвергнувъ всѣхъ льстецовъ, которые даютъ тебѣ ложное имя (egotis poten) воздержался отъ употребленія этого безразсуднаго и гордаго титула (sulto ac superbo vocabulo)". Продолжая убѣждать къ этому Іоанна разными доводами, папа между прочимъ спрашивалъ: „какой отвѣтъ ты дашь Христу, т. е. главѣ вселенской церкви коль скоро наименованіемъ „вселенскаго“ усиливаешься подчинить себѣ всѣхъ его членовъ? Кому, спрашиваю ты подражаешь этимъ, столь развращеннымъ, титуломъ (perverso vocabulo) какъ не тому, который говоритъ: *на небо взмду,*

выше звѣздъ небесныхъ поставлю престола мой, сяду на горѣ высоты, на горахъ высокихъ, яже къ стѣверу: възду выше облакъ буду подобенъ вышнему. (Исаи 14, 13)? Въ самомъ дѣлѣ, не являются ли звѣздами небесными епископы вселенской церкви твои братья, которыхъ жизнь, а равно и ученіе (*simul lingua*) сіяютъ среди грѣховъ и заблужденій человѣческихъ, какъ среди мрака ночи? Не составляютъ ли всѣ они облаковъ небесныхъ, когда и дождятъ словами проповѣди и блестятъ лучами добрыхъ дѣлъ? Итакъ, когда со скорбію сердца подумаю обо всемъ этомъ и со страхомъ вникну въ неисповѣдимые суды Божіи, то начинаютъ душить меня слезы и останавливается біеніе моего сердца, при мысли о томъ, что такой святѣйшій мужъ Іоаннь, образецъ воздержанія и смиренія, позволилъ лъстивымъ языкамъ увлечь себя къ такой гордости, что онъ въ присвоеніи себѣ развращеннаго имени усиливается уподобиться тому, который за то, что хотѣлъ быть подобенъ Богу, утратилъ и славу даннаго подобія и, ища ложной славы, лишился истиннаго блаженства. Петръ безспорно первый изъ членовъ святой и вселенской церкви, Павелъ, Андрей, Іоаннь кто такіе, какъ не главы отдѣльныхъ народовъ, и однакожъ всѣ они члены подъ однимъ главою? Словомъ: святые до закона, святые подъ закономъ и святые подъ благодатію, всѣ они, образуя тѣло Господа, представляютъ членовъ его церкви, и никто изъ нихъ никогда не желалъ называться вселенскимъ. Неужели ты не знаешь, что по долгу чести (*oblato honore*) было предоставлено предстоятелямъ этой апостольской кафедрѣ, которой по распоряженію Божію и я служу, именоваться вселенскими? И—однакожъ никто изъ нихъ не хотѣлъ называться такимъ титуломъ, никто не присвоилъ себѣ этого неразумнаго имени (*temerarium nomen*), чтобы не подать вида, будто бы онъ честь епископства присвоаетъ одному себѣ и уничижаетъ всѣхъ братій“. Папа далѣе убѣждаетъ Іоанна отвращаться лъстевцовъ, которые тѣмъ опаснѣйшими оказываются врагами, чѣмъ болѣе разсыпаются въ похвалахъ; затѣмъ раскрываетъ, какъ пагубна гордость и почтенно смиреніе, которое низвело Бога на землю

и облекло его въ человѣческое тѣло, и которое вообще должно быть отличительнымъ свойствомъ пастыря церкви, чтобы не подать соблазна другимъ, и не нарушить мира церковнаго; наконецъ, сказавъ, что въ своемъ поведеніи относительно Іоанна онъ слѣдуетъ заповѣди о согрѣшившемъ братѣ, папа заключаетъ: „итакъ чрезъ моихъ апокрисіаріевъ разъ и два учтивыми представленіями (*verbis humilibus*) я старался исправить то, что произвело соблазнъ (*peccator*) во всей церкви, теперь же рѣшился написать самъ. Я не упустилъ ничего, что долженъ былъ сдѣлать по скромности (*humiliter*). Если же я не успѣю въ моемъ намѣреніи, то мнѣ остается обратиться къ церкви... Всемогущій Богъ да покажетъ тебѣ, какую любовь питаю я къ тебѣ и на сколько въ этомъ дѣлѣ я болѣзную за тебя, но не противъ тебя“ ¹⁾).

Такъ писалъ папа патріарху. Общій духъ и частныя выраженія его письма показываютъ, что папа слишкомъ преувеличенно представлялъ себѣ значеніе титла „вселенскій“, и, вмѣсто почетнаго названія, видѣлъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе какъ стремленіе со стороны константинопольскаго патріарха поработить себѣ всю вселенскую церковь и присвоить равнобожескія честь и достоинство. Говоря иначе, Григорій великій осуждалъ Іоанна Постника за то, въ чемъ, въ дѣйствительности, впоследствии, оказались виновными преемники Григорія великаго, и задатки чего уже прежде обнаруживались въ присвоеніи себѣ римскими первосвященниками права заправлять теченіемъ дѣлъ всей христіанской церкви. Такимъ образомъ, если-бы мы пожелали охарактеризовать смыслъ той борьбы, которую начали и продолжали римскіе папы съ константинопольскими патріархами изъ-за титла „вселенскій“, то должны были-бы сказать, что и эта борьба, предпринятая, повидимому, въ интересахъ охраненія внутренней свободы церкви и съ цѣлію противодѣйствія казавшемуся абсолютизму ея власти, со-

¹⁾ S. Gregorii Magni, Opera omnia. t. II. lib. V. epist. 18. pag. 741—746.

провождалась тѣмъ, что папы, поражая въ лицѣ константинопольскихъ патріарховъ казавшіяся имъ: гордость и высокомеріе, стремленіе къ преобладанію надъ всею церковію, незамѣтно, но уже, въ дѣйствительности, сами увлекались этими свойствами и заражали ими свою каеедру.

Посредникомъ сношеній Григорія съ Константинополемъ и въ частности представителемъ его интересовъ здѣсь былъ его апокрисиарій при императорскомъ дворѣ, діаконъ Сабиніанъ, впоследствии преемникъ Григорія на папскомъ престолѣ. Сабиніанъ, повидимому, не вполне раздѣлялъ мысли папы, или не совсѣмъ настойчиво предьявлялъ его требованія; поэтому папа нашель нужнымъ побудить своего апокрисиарія къ болѣе энергической дѣятельности. Письмо Григорія къ Сабиніану проясняетъ нѣкоторыя стороны въ занимавшей папу распрѣ. Давъ наставленіе своему апокрисиарію, какъ онъ долженъ распорядиться съ письмомъ къ Іоанну, папа далѣе пишетъ своему апокрисиарію, что Постникъ въ письмѣ по дѣлу пресвитера Іоанна зашелъ такъ далеко, что почти на каждой строкѣ называетъ себя вселенскимъ патріархомъ, но онъ, папа, надѣется на всемогущаго Бога, что Богъ накажетъ лицемѣріе Іоанна. „Удивляюсь, прибавлялъ далѣе папа, тому, какимъ образомъ онъ могъ оболстать твою любовь такъ, что ты рѣшился убѣждать императора писать мнѣ объ этомъ дѣлѣ и увѣщавать къ миру съ Іоанномъ. Если императоръ желаетъ быть справедливымъ (*tenere justitiam*), то онъ долженъ убѣждать патріарха оставить гордый титулъ, чтобы немедленно установилось между нами согласіе... Но, кажется, Іоаннъ успѣлъ такъ, что императоръ слушаетъ и поддерживаетъ его въ его тщеславіи, а не внимаетъ мнѣ и даже гнѣвается на меня; въ такомъ случаѣ мы должны дѣйствовать прямо (*rectam viam tenebimus*), не опасаясь, кромѣ всемогущаго Бога, никого другаго. Поэтому твоя любовь пусть не смущается ничѣмъ. Все, что возстаетъ противъ истины въ этомъ мірѣ (*hoc seculo*), должно быть презираемо ради истины... Послѣ того, какъ мы ни коимъ образомъ не

могли защитить себя отъ меча неприятелей ¹⁾, и потеряли серебро, золото, слугъ и имущество, было бы слишкомъ безславно потерять еще и вѣру; а между тѣмъ сочувствовать этому злодѣйскому титулу (*scelesto vocabulo*) значить дѣлать не иное что, какъ терять вѣру“ ²⁾.

Если нельзя заподозривать искренность сильныхъ выраженій папы, то необходимо допустить, что онъ не совсѣмъ правильно представлялъ себѣ смыслъ названія „вселенскій“ объявляя этотъ титулъ: то безразсуднымъ и гордымъ (*stulto et superbo*), то суетнымъ и тщеславнымъ (*pervesco et elato*), то непозволительнымъ и злодѣйскимъ (*nefando et scelesto*). Корень слова вселенскій (*οἰκουμενικός*) есть „οἰκουμένη“ (т. е. γῆ), которое по употребленію его у древнихъ писателей грековъ: Геродота, Ксенофонта означало вообще населенную землю, а у Демосеена—землю обитаемую греками, въ противоположность варварамъ, т. е. употреблялось и въ топографическомъ и въ національномъ смыслѣ ³⁾. Позднѣе и—особенно во времена римскаго владычества тоже слово употреблялось въ политическомъ смыслѣ и означало собою римское государство ⁴⁾; въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчается и въ св. Писаніи ⁵⁾. Въ виду того, что римское владычество обнимало собою весь извѣстный населенный міръ, римское государство называлось „всемирнымъ царствомъ“ или всемирною имперіею. Соответственно сему, такъ какъ христіанская церковь имѣла своимъ назначеніемъ распространить свое ученіе во всемъ мірѣ (Марк. 16—15), она тоже получила названіе вселенской *κατὰ τὴν οἰκουμένην καθολικὴ ἐκκλησία* ⁶⁾ т. е. при спасительности для каждаго своего ученія, она долженствовала обнять всѣ народы земнаго шара ⁷⁾.

¹⁾ Т. е. лонгобардовъ, которые въ теченіи 568—774 г. господствовали въ Италіи (Стасюлевичъ, Исторія Среднихъ вѣковъ. стр. 27—28).

²⁾ Greg. M. *ibid.* pag. 746—747. ³⁾ Pichler, t. II. pag. 647—648.

⁴⁾ Suiceri, *Thesaurus ecclesiasticus*. t. II. pag. 466. vox: οἰκουμένη.

⁵⁾ Лук. гл. 2 ст. 1. Рим. 10. 18. пс. 18. ст. 5.

⁶⁾ S. Iugnatus Pheophorus, ad Smyrn. c. 8. Cyrill. Hieros. *Catech.* 18. n. 23 et al.

⁷⁾ Христ. Чт. за 1869 г. сентябрь стр. 395—400. Hergengr. t. I. pag. 180.

Такимъ образомъ, какъ въ политическомъ смыслѣ слово *οἰκουμενικός* означало общій и римскій, такъ въ церковномъ оно замѣняло христіанскій. Очевидно тотъ и другой смыслъ имѣла въ виду церковь, когда она отличила имъ нѣкоторыхъ изъ своихъ, особенно замѣчательныхъ, пастырей и великихъ учителей. У насъ рѣчь о наименованіи константинопольскаго патріарха вселенскимъ, или объ усвоеніи ему этого титула; но въ виду извѣстнаго значенія словъ *οἰκουμενική* и *οἰκουμενικός*; нѣтъ сомнѣнія, что въ усвоеніи этого титула константинопольскому патріарху не мало важное значеніе имѣли: съ одной стороны положеніе его катедры въ политическомъ центрѣ всемірной имперіи, съ другой — дѣйствительное расширеніе его вліянія на многія и притомъ обширныя и отдѣльныя ея части ¹⁾). По крайней мѣрѣ, пониманіе этого титула въ смыслѣ тѣхъ опредѣленій, которыя давалъ ему папа Григорій великій, представляется не имѣющимъ основаній съ точки зрѣнія этимологическаго его значенія.

Нѣкоторыя частности письма Григорія къ Сабиніану уже открываютъ, что папа не надѣялся встрѣтить сочувствіе къ своимъ требованіямъ со стороны императора Маврикія. Дѣйствительно, императоръ крайне неблагоклонно отнесся къ той настойчивости, съ которою папа требовалъ отъ патріарха, чтобы онъ отказался отъ употребленія столь ненавистнаго и пагубнаго, по мнѣнію папы, титула и высказалъ папѣ свой взглядъ на этотъ предметъ ²⁾). Вслѣдствіе сего, папа написалъ императору Маврикію особое письмо, въ которомъ о своемъ несогласіи съ патріархомъ говорилъ слѣдующее: „я ратую не за свое, но за Божіе дѣло; не одинъ я, но вся церковь смущена тѣмъ, что изобрѣтеніемъ гордаго и надменнаго титула нарушаются благочестивые законы, почтенные соборы и даже самыя заповѣди Господа нашего Иисуса Христа; между тѣмъ благочестивѣйшій государь терпитъ зло и путами

¹⁾ Hinschius, System Kirchenrechts t. I. pag. 548. Труд. Кіев. Акад. за 1866 г. январь стр. 5. 11.

²⁾ Le Quien, t. II. pag. 81. n. IV.

царской власти связываетъ противодѣйствующаго недугу. Всѣмъ читающимъ евангеліе извѣстно, что, по обѣтованію Господа святому апостолу и князю всѣхъ апостоловъ Петру вѣрено попеченіе о всей церкви; ему сказано: *Петръ любишь ли меня? Паси овцы Моя*. (Іоанн. 23. 16); ему сказано: *се сатана просилъ, чтобы съять васъ какъ пшеницу, но я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя и ты никогда не обращай, утверди братьевъ твоихъ*. (Луки 22. ст. 31—32); ему сказано: *Ты еси Петръ и на семъ камнѣ я создамъ церковь мою* и т. д. (Мѣ. 16. 18—19). Замѣтъ (ессе) Петръ получилъ ключи царства небеснаго, ему вѣрена власть вязать и рѣшить, ему поручено попеченіе о всей церкви и первенство, и однакожь онъ не называется вселенскимъ апостоломъ; между тѣмъ мой сослужитель Іоаннъ, святѣйшій мужъ, усиливается называться вселенскимъ епископомъ. Въ виду этого я принужденъ воскликнуть и сказать: „о tempoга! о mores!“ Расчитывая сильнѣе подѣйствовать на императора, папа далѣе обращаетъ его взоръ на политическія обстоятельства и говорить: „взгляни (ессе) все въ предѣлахъ Европы подпало власти варваровъ: города разрушены, крѣпости въ развалинахъ, области опустошены, поля не обработаны, поклонники идоловъ неистовствуютъ и каждодневно изошряются въ избіеніи вѣрныхъ; и однакожь священники, которые должны съ плачемъ повергаться во вретичѣ и пеплѣ изыскиваютъ себѣ суетныя наименованія и хвастаются новыми и безславными титулами. Ужели, благочестивѣйшій государь, я защищаю въ этомъ случаѣ собственное дѣло, требую удовлетворенія за частную обиду, а не за дѣло всемогущаго Бога, за дѣло вселенской церкви? Ужели присвояющій себѣ вопреки заповѣдямъ евангелія, опредѣленіямъ соборовъ новый титулъ и старающійся называться вселенскимъ можетъ быть первымъ, не унижая прочихъ? Мы знаемъ многихъ изъ среды константинопольскихъ епископовъ, которые запятнали себя ересью и сдѣлались не только еретиками, но даже начальниками ересей. Оттуда вышли Несторій, Македоній... Итакъ, если бы кто либо въ этой церкви получилъ такое имя, которое сдѣлало бы его

судей надъ всѣми, въ такомъ случаѣ вселенская церковь, чего да не будетъ, поколеблется въ своемъ основаніи, поколику ниспадетъ тотъ, кто называется вселенскимъ. Да исчезнетъ изъ среды христіанъ это богохульное имя, которое уничтожаетъ честь всѣхъ братій, такъ какъ оно насильственно присвоается себѣ однимъ“. Упомянувъ далѣе, что ради чести блаженнаго Петра, халкидонскій соборъ почтилъ римскихъ первосвященниковъ титуломъ „вселенскаго“, и однако никто изъ нихъ никогда не назывался этимъ титуломъ, папа продолжалъ: „тотъ по преимуществу долженъ подлежать наказанію благочестивѣйшихъ государей, кто пренебрегаетъ оказывать повиновеніе каноническимъ постановленіямъ; тотъ долженъ быть обуздываемъ, кто наноситъ оскорбленіе святой вселенской церкви, безчинствуетъ, превозносится исключительнымъ именемъ (*nomine singulitatis*) и, употребляя особенный титулъ (*per privatum vocabulum*), покушается на права вашей власти. Мы всѣ соблазнены этимъ обстоятельствомъ; пусть обратится виновникъ соблазна на правый путь, и всѣ несогласія священниковъ прекратятся. Я на самомъ дѣлѣ рабъ ¹⁾ всѣхъ священниковъ, пока они живутъ по священнически. Ежели же кто надмѣвается пустою славою противъ всемогущаго Бога и идетъ противъ постановленій отцовъ; въ такомъ случаѣ я надѣюсь на всемогущаго Бога, что онъ и безъ меча преклонитъ его предъ мною (*quia team sibi nec sum gladiis flectit*)“ ¹⁾. Пиша такимъ образомъ къ императору, папа ясно давалъ понять, что онъ поступокъ патріарха ставитъ въ ряду тяжчайшихъ государственныхъ преступленій и потому готовъ былъ призвать на него самую тяжкую отвѣтственность передъ закономъ и кару власти. Въ другомъ письмѣ къ Маврикію папа, дѣйствительно, прямо требовалъ отъ императора, чтобы онъ наказалъ патріарха ²⁾.

¹⁾ Не лишнее замѣтить, что Григорій великій первый изъ папъ сталъ употреблять названіе: „*servus servorum*“, въ титулѣ папы и, именно, съ цѣлью пристыдить Іоанна Постника, назвавшася вселенскимъ патріархомъ (Hinschius, t. I. pag. 208. not. 2).

²⁾ Gregorii M. Opera. t. II. lib. V. epist. 20. pag. 747—749.

³⁾ Pichler, t. II. pag. 765. not. 3.

Во время переписки съ патриархомъ и императоромъ, папа узналъ отъ своего апокрисиарія Сабиніана, что императрица Констанція тоже благопріятствуетъ патриарху и поддерживаетъ его; вслѣдствіе сего Григорій написалъ и Констанціи письмо, въ которомъ между прочимъ жаловался: „императоръ въ своихъ письмахъ приглашаетъ меня примириться съ моимъ братомъ и сослужителемъ Іоанномъ. Столь благочестивѣйшему государю свойственно давать подобныя совѣты священникамъ; но братъ мой, вслѣдствіе неслыханнаго надмѣнія и гордости назвался вселенскимъ епископомъ, во время блаженной памяти моего предшественника, не смотря на то, что всѣ акты того собора, на которомъ онъ присвоилъ себѣ такой гордый титулъ, были уничтожены апостольскою каедрою вслѣдствіе несогласія. Мнѣ прискорбно, что благочестивый государь не расположенъ разумить гордеца, но старается скорѣе отклонить меня отъ моего намѣренія защитить истину евангелія и канонѳвъ, смиренія и прямоты. Въ этомъ дѣлѣ названнымъ братомъ и сослужителемъ моимъ учинено многое вопреки ученію евангелія, противъ блаженнаго апостола Петра, противъ всѣхъ церквей и вопреки постановленіямъ канонѳвъ; но есть всемогущій Богъ, въ рукѣ котораго все... Пусть святѣйшій братъ всячески старается склонить благочестивѣйшаго государя на свою сторону, но я хорошо знаю, что его просьбы и моленія не принесутъ ему ничего... Въ особенности прискорбно то, что... названный братъ и соепископъ мой усиливается одинъ называться епископомъ, но эта его гордость не указываетъ ли уже на близость антихриста?.. Поэтому я прошу всемогущаго Бога, чтобы вы не допустили гордостью одного человѣка запятнать времени вашего благочестія, и такимъ образомъ не дали одобренія столь развращенному титулу... Хотя грѣхи Григорія таковы, что онъ долженъ терпѣть подобное, но у апостола Петра нѣтъ никакихъ грѣховъ, чтобы заслуженно сносить подобное въ ваше время ¹⁾).

Съ письмами къ императору и императрицѣ папа писалъ

¹⁾ Gregor. Opera. ibid. pag. 750—751.

патріархамъ: Евлогію александрійскому и Анастасію антиохійскому, которыхъ тоже просили содѣйствовать уничтоженію гордости константинопольскаго патріарха. Въ письмѣ къ названнымъ патріархамъ папа, рассказавъ начало и ходъ несогласій Рима съ Константинополемъ по этому дѣлу, между прочимъ, писалъ: „вапа святость знаетъ, что св. халкидонскимъ соборомъ было предоставлено предстоятелямъ апостольской кафедры именоваться вселенскими; но ни одинъ изъ моихъ шестственниковъ никогда не пользовался этимъ титуломъ; потому что если одинъ назовется вселенскимъ патріархомъ, то уничтожится тѣмъ патріаршее достоинство прочихъ. Поэтому ваша святость никогда никого не называли вселенскимъ, въ своихъ письмахъ, чтобы ни себѣ не присвоить не принадлежащей, ни другому не приписать не подобающей чести. Надѣюсь, что вы не постраждете отъ кротчайшаго императора; ибо онъ устрашится Всемогущаго Бога и никакъ не рѣшится сдѣлать что либо противное заповѣдямъ евангелія и священнѣйшимъ канонамъ“. Вслѣдствіе сего, убѣждая патріарховъ дѣйствовать съ собою и представивъ имъ тяжесть постигшаго бѣдствія, папа продолжалъ: „намъ надобно много молиться, и Всемогушій Богъ услышитъ искреннія мольбы, чтобы отворотить это заблужденіе отъ мысли его (Іоанна) и отдалить отъ единства и смиренія церкви зло гордости и безпорядка. Всѣми силами должно стараться и промышлять, чтобы ядомъ одного слова не были отравлены живые члены въ тѣлѣ Христовомъ; ибо если допустить ему безбоязненно такъ называться, то погибла честь всѣхъ патріарховъ. Но если паче чаянія (fortasse) упадетъ въ заблужденіе тотъ, кто называется вселенскимъ, въ такомъ случаѣ уже никакой епископъ не устоитъ въ истиннѣ. Поэтому необходимо (oportet), чтобы вы навсегда и безпорочно, какъ приняли, сохранили церкви, и чтобы это зѣлье дьявольскаго изобрѣтенія ничѣмъ не коснулось васъ самихъ. Стойте братія, стойте безъ страха (securi), постарайтесь (praesumatis) написанное съ ложнымъ титуломъ вселенскаго никогда никому не давать, ни отъ кого не принимать, и предостеречь

подчиненныхъ вашему надзору всѣхъ епископовъ отъ оскверненія этимъ выраженіемъ, чтобы вселенская церковь признала васъ патріархами не только за добрыя дѣла, но и за ревность (auctoritate) по истинѣ. Если бы случилось что либо противное, въ такомъ случаѣ мы, пребывая въ единодушіи, должны противостоять (ostendere) даже до смерти, дабы, осуждая вселенство (in damno generalitatis), намъ не увлечься чѣмъ либо собственнымъ своимъ“ 1).

Обращаясь съ своими письмами къ константинопольскому патріарху, императору, императрицѣ и прочимъ патріархамъ, папа Григорій рассчитывалъ подвигнуть всѣхъ ихъ принять зависящія мѣры къ уничтоженію безпокоившаго его титла. То самое, что папа находилъ необходимымъ дѣйствовать на всѣ эти лица, показываетъ, что борьба его принимала серьезный и обѣщавшій мало успѣха характеръ. Дѣйствительно, казавшееся римскому первосвященнику плодомъ бѣсовской гордости, представлявшееся ему посягательствомъ на права другихъ патріарховъ, угрожавшее, по его увѣренію, испроверженіемъ всѣхъ церковныхъ порядковъ и церковной истины, титло „вселенскаго“ вовсе не казалось такимъ страшнымъ для тѣхъ лицъ, къ которымъ писалъ и на которыхъ рассчитывалъ поддѣйствовать папа. Поэтому всѣ его усилія оказались безплодными и его воззванія не произвели желаемого дѣйствія. Константинопольскій патріархъ не только не смутился сдѣланными ему отъ папы представленіями, напротивъ въ свою очередь старался дѣйствовать на папу, чтобы разрушить его предубѣжденія. Императоръ Маврикій оказался единомысленнымъ съ патріархомъ и потому, поддерживая патріарха, убѣждалъ папу не нарушать согласія съ патріархомъ и раскрывалъ папѣ, что спорное титло не заключаетъ въ себѣ тѣхъ ужасающихъ признаковъ, которые видѣлъ въ немъ папа и не можетъ служить причиною церковнаго соблазна. Патріархъ антиохійскій, Анастасій, также увѣщевалъ папу, что онъ совер-

1) Gregorii M. Opera. t. II. lib. V. epist. 43. pag. 770—774.

шенно напрасно такъ сильно настаиваетъ на томъ, чтобы константинопольскій архіепископъ не назывался вселенскимъ; это титуло, писалъ патріархъ, ни въ какомъ случаѣ (*pro nulla causa*) не должно подавать собою повода къ взаимнымъ несогласіямъ (*dare nos locum scandolo debere*) ¹⁾. Патріархъ александрійскій Евлогій, повидимому, соглашался съ папою, что константинопольскому патріарху не слѣдуетъ называться „вселенскимъ“, и усвоить этотъ титулъ папѣ, называя его „*universalis Papa*“ ²⁾. Ле-Кьенъ замѣчаетъ, что какъ Анастасій отвѣчалъ папѣ въ такомъ духѣ изъ опасенія навлечь снова немилость императора за подобное обстоятельство, за которое онъ былъ удаленъ съ кафедры, такъ Евлогій не смѣлъ сильно противорѣчить изъ опасенія заслужить нерасположеніе и не лишиться чрезъ то на будущее время его помощи и благоволенія, столь важныхъ для Евлогія въ борьбѣ съ еретиками, безпрестанно возмущавшими миръ александрійской церкви ³⁾.

Подобный неуспѣхъ папы не поколебалъ его энергіи. Во время этихъ споровъ Іоаннъ Постникъ скончался, и на константинопольскую кафедру вступилъ Кириакъ (595—606 г.). Новый патріархъ, извѣщая папу Григорія посланіемъ о своемъ вступленіи на кафедру, назвался „вселенскимъ“. Это обстоятельство вызвало папу на новую переписку съ Кириакомъ, императоромъ, патріархами и со всѣми восточными епископами. Кириаку папа писалъ: „первымъ доказательствомъ твоей любви ко мнѣ и ко всѣмъ братіямъ должно послужить то, чтобы ты отказался отъ употребленія гордаго титула, породившаго большой соблазнъ въ церквахъ... Въ самомъ дѣлѣ, истинная любовь будетъ показана тобою въ томъ случаѣ, если изъ-за

¹⁾ Gregor. M. *ibid.* pag. 873.

²⁾ *Ibid.* pag. 919. По поводу названія „вселенскій папа“ Григорій объяснилъ Евлогію, что онъ не приказалъ употреблять этого титула и потому Евлогій не долженъ приписывать его и папѣ. При этомъ Григорій писалъ, что онъ полагаетъ свою честь не въ титулахъ, а въ нравственности. „Если твоя святость, говорилъ папа, называетъ меня вселенскимъ папою, то не отнимаетъ-ли она у себя того, что приписываетъ мнѣ. Да не будетъ этого“.

³⁾ Le Quien, t. I. pag. 84. n. 10.

титула (рег турш) гордости не произойдетъ раздѣленія между нами. Призываю Христа во свидѣтели, что я никому изъ людей, начиная съ самаго высшаго и кончая низшимъ, не желаю подавать повода къ соблазну. Искренно желаю, чтобы всѣ были высокими и почтенными, но только, чтобы ихъ почетомъ не унижалась честь всемогущаго Бога. Поэтому, если кто желаетъ быть чествуемъ противнымъ Богу образомъ, тотъ не кажется мнѣ почтеннымъ... И—поелику врагъ всемогущаго Бога, антихристъ, близко, то я всячески желаю, чтобы онъ не нашелъ ничего несвойственнаго не только въ нравахъ, но и въ титулѣ священниковъ“¹⁾. Императору, который убѣждалъ Григорія благосклонно принять пословъ Кириака и не производить изъ-за несогласія раздѣленія въ церкви, папа отвѣчалъ, что къ иному образу дѣйствій обязываетъ его сохраненіе единства и къ другому обузданіе гордости; то и другое слѣдуетъ различать. Поэтому онъ съ большою любовію принялъ посланныхъ Кириакомъ, удостоилъ ихъ, какъ требовалъ того обычай, участія въ богослуженіи съ собою, потому что онъ, благодаря Бога (*custodiente Deo*), не впалъ въ грѣхъ гордости, тогда какъ его діаконъ, т. е. назначенный состоять апокрисиаріемъ при дворѣ государя, не долженъ участвовать въ богослуженіи съ тѣмъ, который или самъ впалъ въ грѣхъ гордости, или не исправилъ допущеннаго другими. По поводу увѣщанія императора къ тому, что изъ-за названія ничтожнымъ титуломъ (*reg appellatione frivoli nominis*) между ними не должно быть несогласія (*scandalum*), папа писалъ: „прошу размыслить, что одни ничтожныя вещи бываютъ совершенно невинны, между тѣмъ какъ другія оказываются крайне преступными. Ужели когда

¹⁾ S. Gregorii M. Opera. t. II. lib. VII. epist. 31. pag. 878—879. Въ этомъ же письмѣ папа извѣщаетъ Кириака о томъ, что онъ посылаетъ новаго апокрисиарія къ императорскому двору, „дабы ты понялъ, изъяснялся папа, какое я имѣю расположеніе къ тебѣ (*vestram beatndinem*), я послалъ возлюбленнаго сына моего, діакона Анатолія, ко двору благочестивѣйшихъ государей съ тѣмъ, чтобы сдѣлать удовольствіе и ихъ благочестію, и твоему братству; такъ какъ не намѣренъ причинить никому вреда въ этомъ случаѣ, но желаю показать пріятное Богу смиреніе и сохранить миръ святой церкви“.

имѣющій придти антихристъ назовется Богомъ, то это будетъ совершенно ничтожно, а не крайне преступно? Если мы примемъ во вниманіе длинноту (*quantitatem*) слова (т. е. *Deus*), то образуются два слога; если-же обратимъ вниманіе на мѣру незаконности (*pondus iniquitatis*), то представляется вся опасность (*universa pernicies*). Я съ рѣшительностію заявляю, что всякій, называющій себя или желающій называться вселенскимъ священникомъ, превосходитъ въ своей гордости антихриста, потому что онъ по гордости предпочитаетъ себя другимъ... всякій, желающій называться священникомъ въ исключительномъ смыслѣ (*solus sacerdos*), превозносится предъ прочими священниками... Поэтому ваше благочестіе пусть предпишетъ тѣмъ, которые впали въ обаяніе (*in turpi*) гордости, чтобы они не пораждали никакихъ соблазновъ посредствомъ употребленія ничтожнаго титула“ 1) Въ письмахъ къ александрійскому и антиохійскому патріархамъ папа, доводя до свѣдѣнія ихъ о сношеніяхъ Киріака съ нимъ, между прочимъ извѣщаль ихъ, что онъ старался увѣщавать Киріака отказаться отъ употребленія гордаго и надмѣннаго титула, представляя ему, что если онъ не сдѣлаетъ этого, то миръ между ними никоимъ образомъ не можетъ существовать 2). Кромѣ патріарховъ папа писалъ окружное посланіе и ко всѣмъ епископамъ восточной церкви 3), въ которомъ преступность присвоенія себѣ константинопольскими патріархами титула „вселенскій“ старался представить слѣдующимъ образомъ: „съ кажущимся приближеніемъ конца міра, врагъ человѣческаго рода обнаруживаетъ признаки своего пришествія въ томъ, что сами священники, обязанные противодѣйствовать ему своимъ добродѣтельнымъ и скромнымъ об-

1) Gregorii M. Opera. t. II. lib. VII. epist. 33. pag. 880—881.

2) Ibid. epist. 27. 34. pag. 873. 882.

3) Ziegler замѣчаетъ, что папа написалъ это посланіе, подъ влияніемъ какъ большаго страха, вслѣдствіе слуха о томъ, что въ Константинополѣ имѣеть собраться соборъ восточныхъ епископовъ, такъ и опасенія, что этотъ соборъ вновь утвердитъ богопротивный титулъ. Но этотъ соборъ существовалъ только въ воображеніи папы и его пугала мысль о первенствѣ константинопольскаго патріарха (pag. 268. Hergenröther, t. I. pag. 172).

разомъ жизни, являются его предтечами чрезъ употребленіе этого титула гордости; поэтому увѣщаю и совѣтую вамъ, что бы никто изъ васъ какимъ-либо образомъ не принялъ этого титула, никто не сочувствовалъ ему, никто не назывался имъ въ письмахъ, не употреблялъ его ни въ какихъ другихъ документахъ, или не прибавлялъ къ своей подписи, но, какъ свойственно служителямъ всемогущаго Бога, каждый да хранитъ себя цѣлымъ отъ этого ядовитаго зелья и да не даетъ хитрому злоумышленнику доступа къ себѣ; такъ какъ этотъ титулъ служить къ обидѣ и раздѣленію всей церкви и, такъ сказать, къ посрамленію всѣхъ васъ; ибо если одинъ станетъ называться вселенскимъ, въ такомъ случаѣ произойдетъ то, что вы перестанете быть епископами“¹⁾).

Письма и увѣщанія папы и на этотъ разъ не привели къ желаемой цѣли. Патріархъ Киріакъ не думалъ отказываться отъ полученнаго предшественникомъ титла „вселенскій“. Поэтому папа Григорій, отправляя новаго отъ себя апокрисиарія въ Константинополь, діакона Вонифатія, нашелъ нужнымъ снова особымъ письмомъ увѣщевать Киріака, чтобы онъ, въ видахъ сохраненія мира церковнаго, отказался отъ гордаго и развращеннаго, производящаго соблазнъ въ средѣ христіанской церкви, титла²⁾). Императоръ Маврикій также въ свою очередь убѣждалъ папу не производить соблазна и раздѣленія въ церкви изъ за этого ничтожнаго по его мнѣнію титла³⁾). Патріархъ александрійскій Евлогій и на этотъ разъ какъ бы явился сторонникомъ папы и въ своихъ къ нему письмахъ старался доказать особыя преимущества римской кафедры въ ряду другихъ и основать эти преимущества на первенствѣ апостола Петра въ ряду прочихъ апостоловъ⁴⁾). Словомъ, пока оставался въ живыхъ и на престолѣ императоръ Маврикій, всѣ усилія папы Гри-

¹⁾ Gregorii M. Opera t. II. lib. IX. epis. 68. pag. 984.

²⁾ Ibid. lib. XIII. epist. 40. pag. 1246.

³⁾ Ibid. lib. VII. epist. 33. pag. 881.

⁴⁾ Ibid. lib. VІІ. epist. II. pag. 887—889. lib. VІІІ. epist. 29. 30. pag. 916—919.

горія Великаго, въ его борьбѣ съ константинопольскими патріархами изъ за титла „вселенскій“, имѣли только тотъ осязательный результатъ, что проживавшіе въ Константинополѣ другъ послѣ друга при императорскомъ дворѣ апокрисиаріи папы, по его приказанію, не вступали въ общеніе съ тамошними патріархами. Со вступленіемъ на престоль грубаго и жестокаго сотника Фоки (602—610 г.), который началъ свое правленіе тѣмъ, что безчеловѣчно казнилъ Маврикія и его сыновей, обстоятельства перемѣнились. Григорій Великій не считалъ даже нужнымъ скрывать своей радости, по случаю подобной перемѣны, и потому въ письмѣ къ Фокѣ писалъ: „слава въ вышнихъ Богу, измѣняющему времена и переставляющему престолы (regna); ибо Онъ самъ, извѣстно всѣмъ, сказалъ устами пророка: *владесть вышній царствомъ человѣческимъ и кому захочетъ дастъ ео.* (Дан. 4. 14). Продолжая раскрывать основанія своей радости, по случаю восшествія Фоки на престоль, папа выражаетъ, между прочимъ, мысль, что милосердый Богъ избралъ его на царство съ тѣмъ, чтобы утѣшить страждущія сердца народовъ и явить имъ свою милость, чтобы возвратитъ каждому изъ подданныхъ принадлежащую ему свободу ¹⁾. Если посредствомъ льстивыхъ писемъ къ императору папа ближайшимъ образомъ старался расположить его къ себѣ, чтобы получить помощь противъ Лангобардовъ, которые уже въ теченіе тридцати пяти лѣтъ безпокоили Италію своими набѣгами ²⁾; то въ письмѣ къ императрицѣ Леонтіи папа въ льстивыхъ же выраженіяхъ просилъ ее о томъ, чтобы она приняла подъ свою особую защиту церковь св. Петра, которую постигли тяжкія испытанія. При этомъ папа хотя и заявлялъ, что такъ какъ онъ знаетъ, что императрица, сравниваемая имъ съ Пульхеріею, новою Еленою, любитъ Бога, то онъ не долженъ просить ее о томъ, что она можетъ сдѣлать по движенію собственнаго благочестія, однако не преми-

¹⁾ Gregorii M. opera t. II. lib. XIII. epist. 31. pag. 1238—1239.

²⁾ Ibid. epist. 38. pag. 1244—1245.

нуль далѣ прибавить, что тѣмъ болѣ императрица боится Творца: всѣхъ, тѣмъ шире ея (*amplius*) любовь должна быть къ церкви того, которому сказано: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою....* (Мѡ. 16, 18) ¹⁾. Говоря такъ, папа очевидно высказывалъ надежду, что императрица приметъ во вниманіе интересы его кафедры. Хотя Григорій и не ошибся въ своихъ расчетахъ на императора Фоку, тѣмъ не менѣ ему не пришлось воспользоваться содѣйствіемъ этого государя для уничтоженія Кириака. Григорій умеръ 604 г., и на папскій престолъ вступилъ извѣстный намъ Сабиніанъ (604—605), который прежде, при жизни Григорія, былъ его другомъ, послѣ же смерти его оказался его врагомъ. Семнадцатимѣсячное правленіе этого папы считаютъ непрерывною цѣпью злословій и ругательствъ противъ Григорія, которыя такъ возбудили римскую церковь, что она потребовала даже сожженія сочиненій Григорія ²⁾. При такомъ направленіи Сабиніанъ очевидно не могъ поддерживать и споровъ Григорія изъ за титла „вселенскій“. Между тѣмъ Фока, хотя и былъ коронованъ Кириакомъ, не могъ питать къ послѣднему расположенія; такъ какъ Кириакъ не переставалъ обличать его жестокость и коварство ³⁾. Нерасположеніе императора къ патриарху особенно усилилось послѣ того, когда Кириакъ принялъ подъ свою защиту оставшихся въ живыхъ супругу императора Маврикія, Констанцію, и ея дочерей, которыя были заключены Фокою въ монастырь и пострижены въ монашество ⁴⁾. Расположеніе патриарха къ этимъ лицамъ раздражало императора до такой степени, что при необузданности его характера не могло быть мѣры, на которую бы онъ не рѣшился, чтобы сдѣлать неприятное патриарху. Проходившій, при началѣ правленія Фоки, должность папскаго апокрисиарія при императорскомъ дворѣ, діаконъ Вонифатій ⁵⁾ очевидно хорошо зналъ натянутое положеніе дѣлъ въ Кон-

¹⁾ *Ibit. epist. 39. pag. 1245—1246.* ²⁾ Ziegler, pag. 269.

³⁾ Христ. чтен. за 1843 г ч. I. стр. 414.

⁴⁾ Ziegler, pag. 270—271. Pichler, t. II. pag. 661. Hergenr. t. I. pag. 194.

⁵⁾ Gregorii M. t. II. lib. XIII. epist. 38. pag. 1244.

стантинополѣ и не приминулъ воспользоваться имъ для своей пользы. Сдѣлавшись, послѣ Сабиніана преемникомъ Григорія на римскомъ престолѣ, Вонифатій III (605—607 г.) рѣшился воспользоваться властію нерасположеннаго къ патріарху императора, для возвышенія своего престола, и съ этою цѣлію написалъ Фокѣ льстивое письмо, въ которомъ, обѣщая подчинить его власти Италію, просилъ дать законъ въ пользу преимуществъ римской и въ подрывъ константинопольской каеэды. Императоръ тѣмъ болѣе имѣлъ побужденій удовлетворить просьбу Вонифантія, что онъ только одинъ, при воцареніи Фоки, по порученію папы Григорія, открыто защищалъ его жестокости¹⁾. До насъ не сохранился текстъ изданнаго Фокою закона; историческія же свидѣтельства передаютъ его содержаніе въ томъ смыслѣ, что Фока утвердилъ право главенства за римскою церковію. Такъ жизнеописатель папы Вонифатія говоритъ: „этотъ папа исходатайствовалъ у императора Фоки, чтобы апостольская каеэдра т. е. римская церковь была главою всѣхъ церквей, такъ какъ церковь константинопольская писалась первою изъ всѣхъ“²⁾. Въ подобныхъ же выраженіяхъ передаетъ содержаніе названнаго закона и Павелъ діаконъ, который въ своей исторіи Лангобардовъ пишетъ: „по просьбѣ папы Вонифатія, Фока постановилъ, чтобы каеэдра римской, апостольской церкви была главою всѣхъ церквей, такъ какъ константинопольская писалась первою изъ всѣхъ прочихъ“³⁾. Различно объясняютъ смыслъ этого закона. Одни полагаютъ, что Фока только возвратилъ римской церкви утраченное ею преимущество, по которому она занимала первое мѣсто въ ряду всѣхъ прочихъ⁴⁾. Другіе утверж-

¹⁾ Ziegler pag. 270.

²⁾ Hic obtinuit apud Phocam principem, ut sedes apostolica caput esset omnium ecclesiarum, id est ecclesia Romana: quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium ecclesiarum scribebat. (Anastasius, de vitis Rom. Pontif. t. 1. cap. 67. pag. 237).

³⁾ Phocas, rogante papa Bonifatio, statuit, sedem Romanae et apostolicae ecclesiae caput esse omnium ecclesiarum, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium ecclesiarum scribebat. (Pavlus Diaconus, de Gestis Longobardorum. lib. IV. cap. 37).

⁴⁾ Gfrörers, Geschichte d. christl. Kirch. t. II. Abth. I. pag. 52.

даютъ, что Фока своимъ закономъ предоставилъ только римскому епископу право называться вселенскимъ, запретивъ употребленіе того-же титла іерарху константинопольскому ¹⁾. Третья, не соглашаясь съ тѣмъ и другимъ объясненіемъ, заключаютъ, что Фока только постановилъ, что наименованіемъ константинопольскаго епископа вселенскимъ патриархомъ ни мало не нарушаются преимущества римской церкви ²⁾. Чтобы правильнѣе понять смыслъ разсматриваемаго закона, необходимо поставить его въ связь съ подавшими къ нему поводъ обстоятельствами и разъяснить, какое понятіе въ то время имѣли о своемъ положеніи въ церкви римскіе іерархи. Константинопольскій епископъ, назвавшись вселенскимъ, повидимому, становился единственнымъ предстоятелемъ всего христіанскаго міра ³⁾, какъ и представлялъ себѣ значеніе этого титла Григорій великій; вслѣдствіе сего, предстоятелямъ Рима естественно было домогаться, чтобы парализовать подобное значеніе означеннаго титла. По этимъ побужденіямъ римскіе папы и возстали противъ употребленія константинопольскими патриархами титла вселенскаго. Называя употребленіе этого титла порабощеніемъ всей церкви и посягательствомъ на права всѣхъ епископовъ, Григорій великій, тѣмъ не менѣе, приписывалъ себѣ, какъ преемнику апостола Петра, заботу о всей церкви и высшее управленіе. Отказываясь отъ титла „вселенскій“ и называя себя „servus servorum“, Григорій въ тоже время не стѣснялся отождествлять свои преимущества съ преимуществами вселенской церкви и высказывать, что константинопольская церковь подчинена апостольской каедрѣ ⁴⁾, такъ что по дѣлу патриарха первой можетъ быть принесена жалоба іерарху послѣдней ⁵⁾, что вообще безъ

¹⁾ Baronius, Annales, ad ann. 606. n. 2. pag. 225. Le-Quien, t. I. pag. 88.

²⁾ Pichler, t. II. pag. 661. Hinschius, pag. 547.

³⁾ Gregorii M. t. II. lib. VIII. epist. 30. pag. 919.

⁴⁾ Ibid. lib. IX. epist. 12. pag. 941. гдѣ въ письмѣ къ Іоанну Сиракузскому Папа пишетъ: „num de Constantinopolitana ecclesia quod dicunt, quis eam dubitet sedi apostolicae esse subjectam? quod et piissimus Dominus Imperator et frater noster ejusdem civitatis episcopus assidue profitentur.“

⁵⁾ Ibid. lib. 17. epist. 24. pag. 809—810 гдѣ въ письмѣ къ Марціану

вѣдома и согласія апостольской каедрѣ не можетъ имѣть силы никакое созваніе собора ¹⁾). Если такъ представлялъ себѣ преимущества римской каедрѣ папа Григорій великій, то естественно въ томъ-же духѣ понимали ихъ и ближайшіе его преемники. Поэтому какъ цѣль ходатайства папы Вонифатія могла быть не иная, какъ та, чтобы лишить константинопольскаго патріарха присвоеннаго имъ себѣ преимущества и утвердить свое вліяніе надъ всею христіанскою церковію, такъ и смыслъ закона, изданнаго Фокою въ удовлетвореніе этого ходатайства, могъ быть не иной, какъ тотъ, что императоръ съ своей стороны признавалъ папу вселенскимъ епископомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и объявлялъ его каедрю главою всѣхъ церквей. Словомъ папа настаивалъ, а императоръ соизволялъ на признаніе главенства римскаго епископа надъ всею христіанскою церковію ²⁾). Понять такъ смыслъ настоящаго закона заставляють самыя обстоятельства его изданія и въ частности тѣ стремленія, которыми руководился какъ этотъ папа, такъ и его преемники въ расширеніи преимуществъ своей каедрѣ. Получить императорскій законъ на подобное предпочтеніе своей каедрѣ папамъ тѣмъ болѣе было желательно и необходимо въ то время, когда, по политическимъ обстоятельствамъ, Италия болѣе и болѣе отдѣлялась отъ союза съ Византіею, а съ этимъ вмѣстѣ и іерархи Рима, по необходимости, утрачивали свое обаяніе на Востокѣ, которое совершенно вытѣснялось значеніемъ константинопольскаго патріарха.

Впрочемъ, какъ-бы мы ни поняли смыслъ закона императора Фоки въ пользу римской каедрѣ, во всякомъ случаѣ должны прибавить и разъяснить, что этотъ законъ не имѣлъ никакого вліянія какъ на сравненіе преимуществъ константи-

---

епископу Равенны Папа пишетъ: „numquid non ipse nosti, quia causa, quae a Johanne presbytero contra Johannem Constantinopolitanum fratrem et coepiscopum nostrum obta est, secundum canones ad Sedem apostolicam recurrit, et nostra est sententia definita.“

¹⁾ Ibid. lib. IX. epist. 68. pag. 984.

²⁾ Ziegler, pag. 262. 271—272. Assemani, Bibliotheca juris orientalis t. III. pag. 565—567. Христ. чтен. за 1843 г. ч. I. стр. 414.

нопольской каеэдры съ римскою, такъ и, въ частности, на усвое-
 ніе константинопольскому патріарху титла „вселенскій“. Во-
 нифатій умеръ въ томъ же году, когда былъ изданъ разсма-
 триваемый законъ; императоръ Фока пережилъ его только тре-
 мя годами, будучи въ свою очередь безчеловѣчно казненъ ¹⁾,
 по приказанію своего преемника Ираклія (610—641 г.). Не-
 благонамѣренныя распоряженія ненавистнаго императора, оче-
 видно, не могли пережить его самого. Дѣйствительно, при упо-
 мянутомъ же преемникѣ Фоки названіе „вселенскій патріархъ“
 является обыкновеннымъ титуломъ константинопольскихъ іерар-
 ховъ и усваивается имъ императорами, соборами и другими лицами.
 Императоръ Ираклій самъ въ своихъ законахъ современнаго ему
 константинопольскаго патріарха Сергія (610—638 г.) называетъ:
 „святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ и вселенскимъ
 патріархомъ“ ²⁾. Подобнымъ же образомъ Константинъ Пагонать
 (668—685 г.) называлъ патріарха константинопольскаго Георгія
 (678—683 г.) ³⁾, Константинъ Копронимъ (741—775 г.)—патріар-
 ха Константина (754—766 г.) ⁴⁾ Левъ Мудрый (886—910 г.)—па-

¹⁾ Византійцы вообще ненавидѣли Фоку за его жестокость, вслѣдствіе
 которой онъ замучилъ и умертвилъ множество гражданъ во время обще-
 ственныхъ игръ (Χρόνικον Γ. Αμαρτόλου изд. С.П.Б. 1859 г. pag. 502).
 Поэтому они рѣшились противопоставить ему Ираклія, префекта Африки, ко-
 торый, нисвергнувъ Фоку, занялъ престолъ. Послѣ того, пишетъ Амартолъ,
 какъ Фока былъ пораженъ, нѣкій вельможа Фомина, оскорбленный Фокою
 въ лицѣ своей супруги, съ толпою воиновъ вошелъ во дворецъ и безчестно
 стасщивъ съ трона окаяннаго Фоку, сорвалъ съ него царскую одежду, и
 надѣвъ на него черное рубище, а на шею ему дѣвъ въ такомъ безчест-
 номъ и жалкомъ видѣ представилъ Ираклію. Ираклій, посмотрѣвъ на Фоку,
 сказалъ: „такъ то, окаянный, ты управлялъ государствомъ.“ А тотъ какъ
 человекъ отчаянный возразилъ: „а ты будешь управлять лучше?“ Тогда
 Ираклій приказалъ сначала отсѣчь Фокѣ руки и ноги, а потомъ живаго
 рѣзать на куски, въ заключеніе отсѣчь голову, и обезображенное тѣло
 мрачной памяти Фоки предать огню на такъ называемомъ бычачьемъ рын-
 къ. (ibid. pag. 563—564).

²⁾ Zachariae, Jus Graeco — Rom. t. III. pag. 33. 38. 41. 44. гдѣ импера-
 торъ Ираклій въ своихъ законахъ, изданныхъ между 612—629 на имя патр.
 Сергія, именуетъ его „ἀγιώτατος καὶ μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος καὶ οἰκω-
 μενικός πατριάρχης“.

³⁾ Labbei, t. VII. pag. 617. Harduin t. III. pag. 1049.

⁴⁾ Pichler. t. II. pag. 662 n 12.

тріарха Стефана ¹⁾ и т. д. Равнымъ образомъ на соборѣ (699 г.) собранномъ для утвержденія экзесвса императора Ираклія оба, преданные заблужденіямъ моноелитства константинопольскіе патріархи, Сергій и Пирръ названы вселенскими ²⁾. На VI вселенскомъ соборѣ (681 г.) подобнымъ же именемъ Макарій антиохійскій называетъ Петра константинопольскаго; на VII вселенскомъ (787 г.) этимъ именемъ называется предсѣдатель египатріархъ Тарасій, на соборѣ (879 г.) патріархъ Фотій называется тѣмъ же именемъ; митрополитъ ираклійскій Іоаннь называлъ Фотія на томъ же соборѣ: „единымъ пастыремъ, свѣтѣйшимъ господиномъ и вселенскимъ патріархомъ“ ³⁾. Эти примѣры показываютъ, что, не смотря на противодѣйствіе Рима, титуло „вселенскаго“ утвердилось за константинопольскими патріархами, которые и сами употребляли это титуло въ своихъ подписяхъ ⁴⁾.

Впрочемъ, для полноты изслѣдованія, необходимо прибавить, что въ то время, какъ титуло „вселенскій“ болѣе и болѣе утверждалось за константинопольскими патріархами, оно начало усвояться и іерархамъ римскимъ. Первый примѣръ того, что западный епископъ приписалъ папѣ этотъ титулъ, сколько намъ извѣстно, представляетъ Мавръ епископъ равенскій, который на латеранскомъ соборѣ (649 г.) папу Мартина I называлъ „apostolicus et universalis pontifex“ ⁵⁾. На шестомъ вселенскомъ соборѣ (681 г.) легаты папы Агаеона подписались: „locum gerens Agarhonis beatissimi et universalis papae orbis Romae“ ⁶⁾. Вообще съ этого времени и римскіе папы, подобно констан-

¹⁾ Zachariae, t. III. pag. 69. 71. 72.

²⁾ Labbei, t. VII. pag. 209. Harduin, t. III. pag. 800.

³⁾ Labbei, t. XI. pag. 338. 343. 448.

⁴⁾ Патр. Михайль Керуларій въ своихъ посланіяхъ называлъ себя: archiepiscopus Constantinopoli, novae Romae et oecumenis Patriarcha“ Mansi. t. XIX. pag. 823.

⁵⁾ Mansi t. X. pag. 883.

⁶⁾ Mansi t. XI. pag. 668. см. и подпись легатовъ папы Адріана на соборѣ 869 г. (Mansi, t. XVI. pag. 189).

тинопольскимъ патріархамъ принимаютъ титулъ вселенскаго ¹⁾, противъ котораго такъ сильно ратовалъ и отъ котораго отказывался папа Григорій великій. Присвоивъ себѣ и не отказываясь отъ титула „вселенскій“, папы однако признавали неумѣстнымъ это титуло по отношенію къ патріарху константинопольскому и потому не упускали случая оспаривать усвоеніе этого титула патріарху константинопольскому. Такъ папа Адрианъ I въ своемъ отвѣтномъ посланіи къ императору Константину и его матери Иринѣ писалъ: „крайне удивляюсь, что въ императорскихъ указахъ объ утвержденіи Тарасія патріархомъ царствующаго города онъ называется вселенскимъ. Не знаю, продолжалъ папа, по неопытности-ли, или съ предвзятою раскольническою и еретическою мыслию это написано; во всякомъ случаѣ совѣтуемъ вашему императорскому величеству на будущее время отнюдь не употреблять въ своихъ письмахъ этого титула; такъ какъ оно противно постановленіямъ св. соборовъ, или преданію св. отцовъ“. Раскрывая неумѣстность этого титула въ отношеніи къ патріарху константинопольскому, папа выражаетъ мысль, что если-бы онъ назвался вселенскимъ, въ такомъ случаѣ онъ возвысился-бы надъ римскою церковію, которая называется главою всѣхъ церквей, но это, очевидно, будетъ ересью и низпроверженіемъ канонъ. Отъ самого Спасителя міра блаженному Петру апостолу вѣрены первенство и власть по всей землѣ, а чрезъ этого апостола святая римская церковь до сего дня и во вѣкъ удержитъ преимущества (*autoritatem*) первенства и власти. Посему, если-бы кто назвалъ его (Тарасія) вселенскимъ, или выразилъ согласіе на это, тотъ пусть знаетъ, что онъ чуждъ православной вѣрѣ и послушникъ нашей святой, каеолической и апостольской церкви ²⁾. Подобнымъ-же образомъ разсуждали объ этомъ предметѣ и другіе папы. Папа Николай I въ письмѣ къ Гинкмару реймскому и прочимъ франкскимъ еписко-

¹⁾ Pichler, t. II. pag. 662—664. Другіе примѣры см. Christoph. Matth. Pfass. De titulo Patriaribae oecumenici pag. 99.

²⁾ Mansi, t. XII. pag. 1074. Le-Quien t. II. pag. 88—89.

памъ писалъ: „зачѣмъ мы выражаемъ удивленіе относительно другихъ пунктовъ, по отношенію къ которымъ греки хвастаются своимъ православіемъ, когда они въ своемъ высокоуміи даже утверждаютъ, что съ учрежденіемъ императорской резиденціи въ Константинополь и первенство римской кафедры перешло на церковь константинопольскую и съ императорскимъ почетомъ перенесены туда и преимущества римской церкви, такъ что похититель (invasor) этой церкви, Фотій даже называетъ себя въ своихъ письмахъ архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“ ¹⁾. Слушая эти сужденія, вполне понимаешь, что въ то время, когда титуло вселенскаго сдѣлалось одинаково и вполне употребительнымъ титуломъ въ отношеніи какъ къ римскому, такъ и къ константинопольскому іерарху, папы не хотѣли дѣлиться этимъ титуломъ, какъ и своею властію ²⁾. Не имѣя возможности воспрепятствовать названію константинопольскихъ патріарховъ „вселенскими“, папы всячески усиливались показать безсодержательность и безцѣльность употребленія этого титула послѣдними. Если сравнить приведенныя сужденія папъ съ тѣмъ, что говорилъ Григорій великій объ этомъ титулѣ, то между воззрѣніями ихъ нельзя не замѣтить разности. Отдаленные преемники Григорія уже не считаютъ этого титула ни признакомъ бѣсовской гордости, ни присвоеніемъ себѣ божеской чести, ни другими подобными предметами; но стараются показать незаконность присвоенія себѣ константинопольскими патріархами этого титула и уже по другимъ основаніямъ, именно потому, что этотъ титулъ предполагаетъ извѣстныя прерогативы и преимущества власти, какихъ не только не имѣеть, но и не можетъ имѣть іерархъ константинопольскій. Григорій великій желалъ чтобы титулъ „вселенскаго“ вовсе не былъ въ употребленіи между представителями христіанской церкви; отдаленные его преемники напротивъ выражаютъ мысль, что это титуло, по праву и по полному соотвѣтствію съ обозначаемымъ.

¹⁾ Mansi, t. XV. pag. 358. ²⁾ Ibid. t. VIII. pag. 673.

³⁾ Labbei t. IX. pag. 1324. 1348.

предметомъ, можетъ и должно принадлежать только первосвященнику Рима, главѣ и судіи всей церкви. Разница замѣтная въ томъ и другомъ возрѣніи; но необходимо прибавить болѣе внѣшняя чѣмъ существенная. Какъ Григорій великій не одобрялъ употребленія этого титула потому, что находилъ употребленіе его другими противнымъ интересамъ Римской каѳедры, такъ и послѣдующіе его преемники, которые пошли еще далѣе и заявляли въ интересахъ той же каѳедры, что этотъ титулъ по праву можетъ принадлежать только ея іерархамъ. И Григорій великій и его преемники были одного духа и утверждались на одной мысли. Они полагали, что всякое обнаруженіе преимуществъ почета или власти, противное интересамъ римской каѳедры, должно быть подавляемо и объявляемо незаконнымъ; въ случаѣ же неуспѣха въ этомъ, должно быть направлено и истолковываемо въ интересахъ той же т. е. римской каѳедры. Подобная мысль, какъ руководящее начало, проникала всѣ дѣйствія римской каѳедры и ея представителей по отношеніи къ константинопольской и ея іерархамъ. Папа Левъ великій съ особенною силою возсталъ противъ сравненія константинопольскаго патріарха въ преимуществахъ власти съ римскимъ; его протестъ съ настойчивостію продолжали ближайшіе его преемники, поставлявшіе цѣлью своихъ дѣйствій фактически проявить свои права надъ предстоятелями константинопольской каѳедры ¹⁾. Папа Григорій, тоже великій, съ неподражаемою энергіею вооружался противъ названія константинопольскаго патріарха вселенскимъ, и нашелъ себѣ поддержку въ своихъ преемникахъ, поставлявшихъ своею задачею пріобрѣсти для римской каѳедры такія преимущества, какія помрачили бы собою блескъ титула вселенскаго. Всѣ

¹⁾ Папа Феликсъ III подвергъ отлученію Авакія константинопольскаго; Папа Геласій призналъ это отлученіе, доказывая даже, что подобное отлученіе было бы законно, если бы оно было произнесено однимъ Папою безъ участія Собора. Папа Ормизда не прежде рѣшился вступить въ союзъ съ Константинопольскимъ Патріархомъ, какъ заставилъ напередъ Іоанна Кападокіянина исключить изъ церковныхъ диптиховъ имена: Авакія, Евфимія, и Македонія, которые противились притязаніямъ Рима и т. д.

они дѣйствовали съ такою послѣдовательностію въ достиженіи общей цѣли, что занимавшіе ихъ споры изъ за патріаршихъ преимуществъ и титуловъ никогда совершенно не прекращались, а только на время затихали, будучи отодвигаемы на второй планъ другими вопросами, съ тѣмъ, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ возникнуть съ новою силою. При чемъ папы ни какъ не соглашались и не хотѣли согласиться на усвоеніе константинопольскому патріарху титула „вселенскій“ даже въ то время, какъ они открыто согласились съ тѣмъ, чтобы константинопольскій епископъ пользовался преимущественнымъ положеніемъ во всей христіанской церкви послѣ римскаго, и константинопольская каеэдра считалась первою послѣ римской, выше другихъ патріаршихъ каеэдръ Александріи и Антіохіи ¹⁾. Такъ папа Левъ IX въ своемъ письмѣ къ патріарху Михаилу Керуларію и Льву архіепископу ахридскому только укоряетъ константинопольскую церковь въ неблагодарности по отношенію къ римской за предоставленіе ей преимуществъ предъ александрійскою и антіохійскою церквами, но не оспариваетъ этого преимущества, предоставленнаго, по увѣренію папы, его предшественниками. Между тѣмъ, тотъ же Левъ въ томъ же письмѣ рѣшительно противится наименованію константинопольскаго патріарха вселенскимъ. Сравнивъ употребленіе этого титула съ гордымъ стремленіемъ поработить себѣ весь міръ и сказавъ, что Іоаннъ Постникъ за присвоеніе его себѣ подвергся отлученію отъ папы Пелагія и Григорія, Левъ IX продолжаетъ: „кому послѣ Иисуса Христа было бы приличнѣе назваться вселенскимъ какъ не преемникамъ Петра, и однакожь они..., принимая во вниманіе, что самъ князь апостоловъ не назывался вселенскимъ апостоломъ (*universalis apostolus*), совершенно отказались отъ этого титула... ваше же братство, не ужасаясь анаеомы апостольской первой каеэдры и православныхъ отцовъ, продолжаетъ употреблять этотъ возбраненный, высокочѣрный титулъ съ

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 651 n. 28.

такимъ упорствомъ въ продолженіи четырехсотъ и болѣе лѣтъ, со времени блаженнѣйшаго папы Григорія ¹⁾. Тѣже мысли папа Левъ высказывалъ и въ другомъ письмѣ къ Керуларію, называя употребленіе титла „вселенскій“ святотатствомъ (*sacrilega usurpatio*) ²⁾. Такимъ образомъ, не смотря на всю продолжительность и безуспѣшность борьбы, папы никакъ не соглашались снизить на употребленіе титла „вселенскій“ константинопольскими патріархами. То самое, что папа Левъ пользуется противъ усвоенія этого титла константинопольскому патріарху отчасти тѣми же доводами, какія приводилъ и Григорій великій, и ссылается на авторитетъ первыхъ двухъ папъ: Пелагія и Григорія, возставшихъ противъ употребленія этого титла, показываетъ, что присвоеніе себѣ этого титла константинопольскими патріархами и настойчивость въ употребленіи его казались особенно страшными и опасными для Рима во время Льва IX. Мы изъяснимъ причины этого страха и опасенія, если припомнимъ здѣсь разсмотрѣнный нами въ предыдущей главѣ фактъ торжественнаго посольства греческаго императора Василія II и патріарха Евстафія къ папѣ Іоанну XIX о томъ, чтобы папа согласился признать константинопольскую церковь вселенскою въ своемъ округѣ, подобно тому какъ римская считается вселенскою во вселенной. Левъ IX хорошо зналъ смыслъ и цѣль этого посольства, а равно онъ также ясно сознавалъ намѣренія и стремленія Керуларія, когда тотъ въ союзѣ со Львомъ архіепископомъ ахридскимъ рѣшился выступить въ качествѣ обвинителя 'римской церкви. Поэтому папѣ совершенно естественно и даже необходимо было, въ видахъ огражденія преимуществъ собственной кафедры, особенно настойчиво осуждать и отвергать то, что заключало въ себѣ признаки стремленія къ господству или преобладанію. Но съ такими признаками въ глазахъ папъ являлось титло вселенскаго, которымъ они повидимому и сами не хотѣли пользоваться, а тѣмъ болѣе дѣлиться съ константинопольскимъ патріархомъ,

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 640 n. 9. ²⁾ Ibid. pag. 664—665.

чтобы не подкопать тѣмъ основъ зданія собственной власти. Сознаніе опасности этого титла для Рима сказалося и въ самомъ актѣ печальнаго раздѣленія христіанскихъ церквей. Извѣстные намъ легаты папы Льва IX, въ положенной ими на главномъ престолѣ софійской церкви буллѣ съ анаеменою на патріарха Михаила Керуларія, Льва архіепископа ахридскаго и ихъ послѣдователей, между другими винами Керуларія поименовали и то, что онъ „анаематствовалъ римскую каеэдру, къ оскорбленію которой до сего времени подписывался вселенскимъ патріархомъ“ ¹⁾. Говоря такъ, легаты въ согласіи съ папою выражали мысль, что константинопольскіе патріархи присвоеніемъ себѣ титла вселенскій обнаруживали притязаніе на преимущества римскихъ первосвященниковъ и оскорбляли ихъ каеэдру.

Подобное пониманіе титла „вселенскій“ могло возникнуть только на почвѣ интересовъ римской церкви и одушевлявшихъ ее предстоятелей стремленій; между тѣмъ со всякой другой точки зрѣнія подобное пониманіе должно оказаться не состоятельнымъ. Дѣйствительно, разность въ пониманіи этого титла и была ближайшею причиною того, что всѣ продолжительные и горячіе споры объ отнѣнѣ этого титла не имѣли успѣха. Мы уже имѣли случай замѣтить, что и императоры и патріархи совсѣмъ иначе объясняли употребленіе этого титла и его значеніе, нежели какъ понимали римскіе папы. Императоръ Маврикій, какъ удостовѣрялъ это самъ папа, писалъ и объяснял Григорію великому, что это титло означаетъ только перваго, или первенствующаго іерарха въ ряду прочихъ и указываетъ на почетное преимущество архіепископа царствующаго града, какъ старѣйшаго предстоятеля, въ сонмѣ епископовъ, такъ что изъ за этого ничтожнаго титула не слѣдуетъ производить раздѣленія и смуты. Въ томъ же смыслѣ объяснялъ это титло и патріархъ антиохійскій Анастасій, который писалъ тому же папѣ, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною несогла-

¹⁾ Mansi, t. XIX. pag. 678. Migne, t. CXLIII. pag. 1004.

сій. Конечно не иначе понимали это титуло и сами константинопольскіе патріархи: Іоаннъ Постникъ и Киріакъ, которые, при всей своей скромности и набожности, въ виду направленныхъ противъ нихъ, грозныхъ обличеній римскихъ папъ, остались при употребленіи этого титула. Впрочемъ, кажущіеся отѣнки римскаго пониманія разсматриваемаго титула можно находить и у греческихъ писателей. Феофилактъ Симоката, въ предисловіи къ своей исторіи, Сергія константинопольскаго патріарха называетъ τὸν μέγαν τῆς ἀπανταχοῦθεν οἰκουμενικῆς ἀρχιερέα καὶ πρόεδρον, т. е. архіереемъ и предстоятелемъ всѣхъ мѣстъ по вселенной ¹⁾). Равнымъ образомъ продолжатель Теофана, авторъ византійской исторіи послѣ Константина Порфиророднаго, о поставленіи Фотія выражается: πρὸς τὸν πατριαρχείας θρόνον ἀναβιβάζουσιν καὶ τῆς οἰκουμενικῆς διάκας ἐμπιστεύουσιν, т. е. возводятъ на престолъ патріаршества и ввѣряютъ управленіе вселенною ²⁾). Эти выраженія подають поводъ думать, что авторы ихъ въ самомъ дѣлѣ представляли константинопольскихъ патріарховъ духовными владыками вселенной, и, слѣдовательно, усвояемому имъ титулу „вселенскаго“ придавали смыслъ преобладанія и господства надъ всею церковію. Дѣйствительно, Ле-Къенъ, основываясь на приведенныхъ свидѣтельствахъ, нашель возможнымъ признать справедливыми тѣ упреки, которые папа Григорій великій дѣлалъ Іоанну Постнику и Киріаку по поводу употребленія ими титула вселенскій. Ле-Къенъ именно выражаетъ мысль, что если Постникъ называлъ восточныхъ и западныхъ епископовъ епископами всего міра (universi orbis) то, конечно, онъ хотѣлъ называться primarius christiani orbis praesul, т. е. преимущественнымъ предстоятелемъ христіанскаго міра ³⁾).

Чтобы повѣрить правильность подобнаго вывода и вообще понять истинное значеніе титула вселенскій, необходимо вспомнить, что какъ у грековъ до христіанскаго періода словомъ: οἰκουμένη обозначались мѣстности населенныя греками въ противополож-

¹⁾ Pheoph. Simoc. Praef. hist. Le Quien t. I. pag. 92.

²⁾ Suiceri. Thesaurus ecclesiast. sub voce: οἰκουμηνικός.

³⁾ Le-Quien, t. I. pag. 92.

ность странамъ варварскимъ, такъ у грековъ христіанъ тѣмъ же именемъ могли обозначаться мѣстности, обитаемыя христіанами въ противоположность язычникамъ. Если прибавимъ, что главнымъ элементомъ въ средѣ христіанскаго населенія византийской имперіи были именно греки, то не будетъ существенной разницы между тѣмъ и другимъ пониманіемъ. Съ точки зрѣнія этого пониманія титуло „вселенскій“ въ примѣненіи къ патріарху константинопольскому должно быть объяснено не иначе, какъ въ смыслѣ епископа населенныхъ христіанами мѣстностей, или епископа христіанскаго. Въ такомъ смыслѣ греки и объясняли значеніе разсматриваемаго титула. Анастасій бібліотекаръ говоритъ, что во время своего пребыванія въ Константинополѣ онъ часто бесѣдовалъ съ греками и укорялъ ихъ въ гордости и высокомеріи за то, что они своего патріарха называютъ вселенскимъ, но на это получалъ отъ нихъ такой отвѣтъ: „они т. е. греки называютъ своего патріарха вселенскимъ не въ томъ смыслѣ, какой мнѣгіе соединяютъ съ словомъ „вселенскій“, будто бы они приписываютъ своему патріарху верховную власть надъ всѣмъ міромъ, а потому, что онъ представляетъ надъ частію міра, населенною христіанами. Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ Анастасій, то, что греки называютъ понятіемъ οἰκουμενη, у латинянъ переводится не только словомъ „orbis“, но и „habitatio“ и „locus habitalis“ ²⁾ населенное мѣсто. Замѣтимъ, что такимъ образомъ Анастасій объяснялъ значеніе титула „вселенскій“ папѣ, для котораго онъ дѣлалъ переводъ дѣяній собора 869 г., признаваемаго латинянами осмымъ вселенскимъ ³⁾. Конечно не въ другомъ смыслѣ понимали этотъ титулъ императоръ Василій II и патріархъ Евстафій, когда они чрезъ особое посольство испрашивали у папы Іоанна XIX согласія на то, чтобы константинопольская церковь называлась вселенскою въ своемъ округѣ, подобно тому какъ римская именуется вселенскою во вселенной ⁴⁾. Съ наименова-

¹⁾ Labbei, t. VIII. pag. 673.

²⁾ Hefele, t. IV. pag. 369. ³⁾ Migne, t. CXLII. pag. 670—671.

ніемъ константинопольской церкви вселенскою въ своемъ округѣ, титулъ вселенскаго въ отношеніи къ предстоятелю этой церкви очевидно получаютъ значеніе представителя христіанъ известной части, а не всей вселенной. Если обратимъ вниманіе на известныя намъ объясненія основаній, по которымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, усвоилось константинопольскому патріарху титуло вселенскаго, то получимъ слѣдующія объясненія этого титула. Макарій Анкирскій, цитуемый Львомъ Адляціемъ, сказавъ, что константинопольская каеэдра предпочтительно предъ прочими четырьмя патріаршими престолами пользуется преимуществомъ принимать апелляціи отъ другихъ каеэдръ, продолжаетъ: „вслѣдствіе сего и епископъ ея именуется вселенскимъ патріархомъ (καθὸ καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης φημιζεται“¹⁾). Досифей, патріархъ іерусалимскій, разсуждаетъ, что титуло „вселенскій“ давалось патріархамъ Константинополя и вмѣстѣ Рима, по причинѣ управления великою частію „вселенной“, а равно и во вниманіи къ тому, что лица, удостоившіяся прежде другихъ этого титула, папа Левъ и патріархъ Іоаннь Каппадокіянинъ имѣли попеченіе о всѣхъ церквахъ; за другими же оно удержалось по одному обычаю, подобно тому, какъ египетскіе цари назывались фараонами, и римскіе—кесарями, хотя не всѣ по доблестямъ были подобны первымъ Фараонамъ и Юлію Кесарю²⁾. Приведенныя свидѣтельства не исчерпываютъ еще всѣхъ оттѣнковъ пониманія титула вселенскій. Папа Николай I осуждалъ грековъ за то, что они понимаютъ это титуло въ томъ смыслѣ, будто бы оно означаетъ перенесеніе на константинопольскаго патріарха преимуществъ римскаго папы, вслѣдствіе того, что древній Римъ, глава вселенной, утратилъ свои права, когда Константинополь сдѣлался столицею имперіи и вмѣстѣ новымъ Римомъ. Въ письмѣ къ Гинкмару реймскому и другимъ франкскимъ епископамъ папа писалъ: „греки усиливаются думать, что съ переселеніемъ им-

¹⁾ Leo Allatius, de ecclesiae orient atque occident. perpetua consensione lib. 1. cap. 18. n. 20. pag. 267.

²⁾ Труды Киев. Духовн. Акад. за 1866 г. Январь стр. 5—7. 10—11.

ператоровъ изъ города Рима и преимуществъ римской каѳедры перешли на церковь константинопольскую, а съ преимуществами царскими перенесены и права римской церкви, такъ что похититель этой церкви Фотій даже самъ называетъ себя архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ въ своихъ посланіяхъ¹⁾. Говоря такъ, папа естественно хотѣлъ сказать, что въ усвоеніи константинопольскому патріарху титла вселенскій выразилась именно тенденція грековъ не только сравнять своего патріарха съ римскимъ папою, но и сдѣлать перваго наследникомъ преимуществъ послѣдняго. Подобная тенденція дѣйствительно слышится въ пониманіи титла вселенскій какъ нѣкоторыхъ византійскихъ, такъ и новѣйшихъ греческихъ писателей²⁾. Вальсамонъ въ свою очередь замѣчаетъ: „римскій папа называется вселенскимъ папою, подобно тому какъ патріархъ константинопольскій именуется вселенскимъ патріархомъ; между тѣмъ какъ прочіе патріархи, хотя и состоятъ въ одинаковомъ съ ними чинѣ, санѣ и достоинствѣ, однако не получили этого наименованія...но на константинопольскомъ патріархѣ, прибавляетъ Вальсамонъ, я не усматриваю ни одного изъ преимуществъ украшающихъ папу—βλέπω μηδενὶ τῶν προνομίῳν τοῦ πάπα κατακασμοῦμενον“³⁾.

Сообразивъ различныя пониманія титла вселенскій, необходимо остановиться на томъ заключеніи, что это титло было усвоено константинопольскому патріарху и утвердилось за нимъ во вниманіи къ преимущественному положенію этого іерарха

¹⁾ Mansi, t. XV. pag. 358.

²⁾ Сюда могутъ быть отнесены приведенныя выше (стр. 59—60.) свидѣтельства Нила Доксапатра и Анны Комненой о преимуществахъ Константинопольской каѳедры и, въ особенности, свидѣтельство Зампелія, который говоритъ, что соборъ 586 г. почтилъ титломъ вселенскаго Константинопольскаго патріарха, какъ духовнаго главу вселенной и законнаго предсѣдателя всего собранія, и основаніе къ наименованію Константинопольскаго патріарха вселенскимъ указываетъ въ томъ, что власть, слава и блескъ новаго Рима распространились до предѣловъ земли (Ζαμπελίος, Βυζαντιναὶ μελεταὶ σελ. 109).

³⁾ Σύνταγ. t. IV. pag. 553.

въ христіанской церкви и служило къ выраженію особенныхъ правъ его власти. Нѣтъ сомнѣнія, что въ усвоеніи этого титла константинопольскому патріарху сказались: отчасти стремленіе еще болѣе сравнять этого патріарха въ положеніи и преимуществахъ съ римскимъ папою, отчасти намѣреніе предупредить всякую возможность претензій римскаго папы на преобладаніе въ христіанской церкви. Этимъ значеніемъ титла вселенскій всего лучше можно объяснить то противодѣйствіе, которое обнаружили употребленію этого титла римскіе папы, которые, стремясь къ расширенію и утверженію своего вліянія надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, естественно не могли терпѣть себѣ соперниковъ и допустить что либо осуждающее ихъ стремленіе; поэтому они и вооружались противъ титла „вселенскій“, которое, при всемъ умѣренномъ его пониманіи, заключало въ себѣ мысль о преимущественномъ положеніи константинопольскаго патріарха сравнительно съ римскимъ владыкою. Тѣмъ же значеніемъ титла вселенскій объясняется и то, почему противодѣйствіе римскихъ папъ не произвело въ этомъ случаѣ никакого вліянія на константинопольскихъ патріарховъ, которые, настойчиво присвоивъ себѣ этотъ титулъ и именуясь „вселенскими“, естественно видѣли въ этомъ титлѣ не одно только почетное названіе, а вмѣстѣ и символъ своего преимущественнаго положенія на востокѣ; поэтому они никакъ не соглашались отказаться отъ этого титла, которое выражало независимость ихъ положенія. Достоинно примѣчанія, что это титло начало усвояться константинопольскому патріарху въ то время, когда его вліяніе *de facto* успѣло уже обнаружиться на всемъ востокѣ, и стало употребляться самими патріархами послѣ того, когда права преимущественнаго значенія ихъ кафедръ, благодаря законодательству Юстиніана, уже *de jure* были ограждены. Нельзя также не обратить вниманія и на ту послѣдовательность, съ которою императоры и соборы церкви старались отличать этимъ титломъ константинопольскаго іерарха, выражая тѣмъ не одно почтеніе къ его сану, но вмѣстѣ и признаніе предоставленныхъ и принадлежавшихъ ему

преимущество власти. Все это заставляет принять, что въ усвоенномъ константинопольскому патриарху титулъ „вселенскій“ скрывалось не одно только почетное названіе, но вмѣстѣ и признакъ его преимущественнаго положенія въ христіанской церкви. Дѣйствительно, это титуло, приравнивая константинопольскаго патриарха римскому іерарху, какъ старѣйшему въ христіанской церкви, отличало его отъ всѣхъ прочихъ, какъ уступавшихъ ему въ преимуществахъ власти. Римскіе папы согласились примириться съ этимъ названіемъ константинопольскаго патриарха только въ то время, когда онъ потерялъ для нихъ значеніе опаснаго соперника. На ліонскомъ соборѣ (1274), который латиняне считаютъ XIV вселенскимъ, и который былъ созванъ съ цѣлю воссоединенія церквей, не было обнаружено никакого противодѣйствія этому титулу. Съ того времени, замѣчаетъ Пихлеръ, прекратилась всякая оппозиція со стороны Рима, и константинопольскіе патриархи, какъ и римскіе епископы одинаково продолжали сами себя называть вселенскими¹⁾. Патриархъ Ниль въ посланіи къ папѣ Урбану VI именовалъ себя: „архіепископомъ Константинополя, новаго Рима и вселенскимъ патриархомъ“²⁾. Такъ именovali и обыкновенно именуютъ себя константинопольскіе патриархи..

¹⁾ Pichler, t. II. pag. 665—666. Hinschius, t. I. pag. 547—548.

²⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 497.

ГЛАВА IV.

Права и преимущества константинопольскаго патриарха.

Предшествующее разсужденіе показало, что константинопольскій патриархъ, управляя опредѣленнымъ церковнымъ округомъ, обнимавшимъ діоцезы Азіи, Понта и Фракіи, вмѣстѣ съ тѣмъ простиралъ свое вліяніе и на предѣлы другихъ патриарховъ. Такое положеніе константинопольскаго патриарха было слѣдствіемъ сравненія его въ преимуществахъ съ римскимъ іерархомъ и служило къ единству теченія церковныхъ дѣлъ на всемъ православномъ востокѣ. Соответственно такому, такъ сказать, территоріальному расширенію преимуществъ константинопольскаго патриарха и юридическія права его власти должны были также расширяться и получить двойственный характеръ. Въ составѣ этихъ правъ одни должны были принадлежать и, дѣйствительно, принадлежали константинопольскому патриарху, какъ правителю опредѣленнаго, церковнаго округа; другими онъ могъ пользоваться и, въ дѣйствительности, пользовался, какъ предстоятель всего христіанскаго востока. Какъ правитель опредѣленнаго церковнаго округа, константинопольскій патриархъ, очевидно, могъ пользоваться и, въ дѣйствительности, пользовался только тѣми въ существѣ правами, какими располагали и прочіе патриархи — каждый въ своемъ округѣ; какъ предстоятелю всего христіанскаго востока, константинопольскому патриарху должны были принадлежать такія преимущества, которыхъ не имѣли другіе патриархи. Какъ по правамъ общимъ съ другими патриархами константинопольскій патриархъ былъ равенъ съ ними и пользовался одинаковымъ значеніемъ; такъ по особеннымъ преимуществамъ онъ рав-

нялся съ іерархомъ римскимъ и, подобно его положенію на западѣ, пріобрѣталъ соотвѣтственное значеніе на востокѣ христіанской церкви. Къ общимъ правамъ всѣхъ патріарховъ относилось то, что каждый изъ нихъ, въ частности, пользовался правами высшаго надзора за законнымъ теченіемъ и положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ подвѣдомственномъ ему округѣ, поставлялъ митрополитовъ, а иногда и епископовъ, созывалъ ихъ на окружные соборы, предсѣдательствовалъ въ ихъ средѣ, производилъ судъ по жалобамъ и обвиненіямъ на митрополитовъ, а равно принималъ и разсматривалъ жалобы недовольныхъ судомъ своего митрополита, разрѣшалъ встрѣчавшіяся недоумѣнія въ церковной практикѣ, коль скоро они не были опредѣлены положительнымъ закономъ, или представляли уклоненія отъ закона ¹⁾; во всѣхъ этихъ случаяхъ каждый патріархъ отчасти распоряжался собственною властію, обыкновенно-же обращался къ содѣйствію окружнаго собора. Къ особеннымъ, въ общемъ видѣ, преимуществамъ римскаго патріарха, получившимъ начало въ древней христіанской церкви, принадлежало то, что іерархъ римскій простираетъ свое вліяніе на весь христіанскій западъ ²⁾, пользовался здѣсь правами высшаго церковнаго судіи ³⁾, раздавалъ монастырямъ и церквамъ привилегіи независимости отъ епархіальнаго начальства ⁴⁾ и наблюдалъ за теченіемъ церковныхъ дѣлъ по всему западу ⁵⁾; во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ также распоряжался частію собственною властію, частію при содѣйствіи собора епископовъ. Примѣнительно къ положенію какъ всѣхъ патріарховъ, такъ и въ частности римскаго іерарха, константинопольскій патріархъ, по правамъ и преимуществамъ принадлежавшей ему власти, также или завѣдывалъ дѣлами ввѣренныхъ его управленію діоцезовъ, или простираетъ свое вліяніе на дѣла всего востока; при

¹⁾ Beveregius. t. II. Annotationes. pag. 35. Ziegler, pag. 275—276. 289—296. Hinsichus, pag. 549—550. Hergenröther, t. II. pag. 138—140.

²⁾ Maassen. de Primat d. Bischofs von Rom. pag. 112.

³⁾ Сардик. собор. пр. 3—5.

⁴⁾ Beveregius. t. II. Annotationes pag. 111—112. ⁵⁾ Zeigler, pag. 293.

этомъ и константинопольскій патріархъ или разрѣшалъ извѣстные случаи собственною властію, или пользовался содѣйствиємъ состоявшаго при немъ синода.

Въ эпаногогѣ Императоровъ Василія Македонянина и его сыновей: Льва и Александра (884—886) ¹⁾, такъ формулированы значеніе и права патріаршей власти.

„Патріархъ, говорится тамъ, есть живой и одушевленный образъ Христа, словомъ и дѣломъ изображающій на себѣ истину. Назначеніе патріарха въ томъ (σκόπος τῷ πατριάρχῃ), чтобы, во-первыхъ, сохранить въ благочестіи и святой жизни принятыхъ отъ Бога, а потомъ, по возможности, обратить къ православію и единству съ церковію и всѣхъ еретиковъ... Исполненіе патріархомъ своего назначенія (τέλος τῷ πατριάρχῃ) состоитъ въ спасеніи вѣрннхъ ему душъ, а равно и въ томъ, чтобы жить во Христѣ и сраспнаться міру. Очлительными свойствами патріарха (τὰ πατριάρχει) должно быть то, чтобы онъ былъ учительнъ, неизмѣнно равенъ въ обращеніи со всѣми высшими и низшими, кротокъ ко всѣмъ, послушнымъ ученію, и строгъ (ελεγκτικόν) въ обличеніи неисправныхъ; въ интересахъ истины, непоколебимости догматовъ и соблюденія правды и благочестія онъ долженъ дѣлать представленія (λαλεῖν) императорамъ и не смущаться. Одному патріарху приличествуетъ (δει) объяснять постановленное древними и опредѣленное св. отцами и утверждено св. соборами. Патріарху же принадлежитъ право наблюдать и изслѣдовать (διατᾶν καὶ διακρίνειν) сдѣланное и постановленное на соборахъ, относится-ли то къ отдѣльной области или ко всей церкви (καθολικῶς). Поелику государство, подобно человѣку, состоитъ изъ частей и членовъ, важнѣйшія-же и необходимѣйшія части суть царь и патріархъ; то вслѣдствіе сего и духовный міръ, и тѣлесное благоденствіе подданныхъ зависятъ отъ единомы-

¹⁾ Zachariæ, Collectio libr. jur. Graeco-Rom, Ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri. pag. 55—56. Lipsiæ 1852. Его-же, Historiæ juris Graeco-Rom. delineatio pag. 40. Heidelbergæ. 1839. Mortreuil, Histoire du Droit Byzantin. t. II. pag. 45. Paris. 1844.

слія и согласія во всемъ государственной и церковной власти (*Βασιλείας καὶ ἀρχιερωσύνης*). Престоль константинопольскій, украшающій столицу, признанъ первымъ въ соборныхъ постановленіяхъ, послѣдую которымъ божественные законы повелѣвають, чтобы возникающія при другихъ каѳедрахъ несогласія доводились до свѣдѣнія и поступали на судъ этого престола. Каждому патриарху принадлежать забота и попеченіе о всѣхъ митрополіяхъ и епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ, а равно судъ и разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ; но предстоятелю Константинополя предоставлено и въ предѣлахъ другихъ каѳедръ, гдѣ не послѣдовало еще освѣщеніе храма, дать ставропигію; и не это только, но и разсматривать и исправлять возникающія при другихъ каѳедрахъ несогласія. Патриарху принадлежитъ попеченіе о всемъ относящемся къ спасенію души... а равно и въ отношеніи къ покаянію и обращенію отъ грѣховъ и ереси онъ самъ и одинъ поставленъ распорядителемъ и правителемъ“... ¹⁾.

Изъ этого общаго постановленія о назначеніи и правахъ патриаршей власти съ ясностію слѣдуетъ, что патриархъ былъ высшимъ духовнымъ пастыремъ, отцемъ и учителемъ вѣрныхъ его управленію душъ; въ то же время онъ былъ и главнымъ начальникомъ, правителемъ и судіею по отношенію ко всѣмъ подвѣдомственнымъ ему духовнымъ установленіямъ и лицамъ. Константинопольскій-же патриархъ, въ частности, пользовался еще особыми, ему одному принадлежавшими правами административной и судебной власти по отношенію къ другимъ патриархатамъ и по всему востоку. Развивая это общее постановленіе эпанагоги, объясняя и дополняя его другими церковными и гражданскими законоположеніями и дѣйствительными примѣрами обнаруженія патриаршей власти, мы по-

¹⁾ Zachariæ, Epanagoge, pag. 67—68. Его-же, Jus Graeco-Rom. t. IV. pag. 182—184. Lipsiæ. 1865. Леунклавій помѣстилъ приведенное постановленіе эпанагоги въ эклогѣ Императоровъ Льва (Исавра) и Константина (Копронима) (840 г.) (Jus Graeco-Rom. t. II. pag. 84—85); но эта эклога, будучи пздана Леунклавіемъ безъ всякой критики, есть нечто иное, какъ произвольная компиляція изъ эклоги и эпанагоги. (Азаревчъ, Истор. Визант. права т. I. ч. I. стр. 28—35. Ярославль. 1876 г. Mortreuil, t. I. pag. 357—372. t. II. pag. 39—46.).

лучаемъ возможность раздѣльно изобразить права и преимущества власи константинопольскаго патріарха и представить, такъ сказать, юридическій образъ его, какъ старѣйшаго предстоителя христіанской церкви.

Какъ предстоитель всего православнаго востока, константинопольскій патріархъ прежде всего пользовался правомъ высшаго церковнаго управленія. На основаніи практики этого права константинопольскій патріархъ, какъ мы уже видѣли, принималъ ближайшее участіе въ поставленіи другихъ патріарховъ; равнымъ образомъ и каедрѣ его была средоточіемъ, къ которой стекались, и при которой получали рѣшеніе важнѣйшія дѣла со всего христіанскаго востока. Въ этомъ отношеніи константинопольскій патріархъ по праву долженъ быть названъ „первымъ“ (πρώτος) въ ряду другихъ, а его каедрѣ главнѣйшею (κεφαλῆ) среди прочихъ. Слѣдуетъ прибавить, что во времена тяжкихъ испытаній, постигавшихъ христіанскій востокъ, по причинѣ послѣдовательнаго его порабощенія то персами и сарацынами, то латинянами-крестоносцами, то наконецъ турками, только константинопольскіе патріархи, благодаря своему исключительному положенію, продолжали служить представителями христіанской церкви и ея интересовъ на востокѣ. Если во времена владычества персовъ и сарацыновъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ и даже столѣтіямъ каедрѣ Антіохіи и Іерусалима ¹⁾ оставались вакантными; то въ продолжительное господство латинянъ, при безграничномъ обладаніи ихъ православными каедрѣми, православные патріархи принуждены были жить въ Никеѣ и Константинополѣ при константинопольской каедрѣ и, слѣдовательно, болѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности, пользоваться связанными съ ихъ званіемъ правами. Подобное положеніе вещей даже вызвало у нѣкоторыхъ любителей реформъ мысль, чтобы или закрыть восточные патріархаты, или по крайней мѣрѣ соединить ихъ въ одинъ. Между прочимъ въ доказательство неосновательности подобнаго желанія Вальсамонъ и написалъ свое разсужденіе „о патріар-

¹⁾ Pichler. t. II. pag. 642.

шихъ преимуществъ“, въ которомъ, стараясь отстоять и доказать необходимость существованія всѣхъ патріаршихъ кафедръ, возобновили теорію ¹⁾ о томъ, что пять патріаршихъ престоловъ учреждено и существуетъ въ христіанской церкви потому, что человѣческой организмъ одаренъ пятью чувствами, исполняющими свое особое назначеніе и не вмѣшивающимися въ управленія другъ друга, и что, по сему, установленіе пятеричнаго числа патріарховъ было именно слѣдствіемъ стремленія возможно лучше уподобить тѣло церкви организму человѣческому. Представляя управленіе христіанской церкви правильнымъ только при существованіи пяти патріарховъ, Вальсамонъ мысль о закрытіи нѣкоторыхъ патріархатовъ, или соединеніи ихъ въ одинъ, считаетъ походящею на то, какъ еслибы кто пожелалъ, чтобы человѣческое тѣло управлялось не пятью, а четырьмя, или тремя чувствами. На этомъ основаніи Вальсамонъ находитъ правильнымъ, чтобы патріархамъ александрійскому, антиохійскому и іерусалимскому, находящимся въ Константинополѣ, воздавался принадлежащій имъ почетъ безъ всякаго умаленія, и чтобы по смерти однихъ на ихъ мѣсто были избираемы другіе патріархи ²⁾. Съ покореніемъ Константинополя турками, хотя и положеніе константинопольской кафедры во многомъ измѣнилось, однакожь іерархъ ея удержалъ права высшаго управленія на всемъ православномъ востокѣ. На основаніи этого преимущества константинопольскаго патріарха, другіе патріархи только при посредствѣ перваго получаютъ утвержденіе въ своемъ избраніи отъ Порты, а равно и входятъ въ сношеніе съ Портою по всѣмъ дѣламъ, такъ что безъ сношенія съ нимъ не предпринимаютъ никакихъ важнѣйшихъ распоряженій по своимъ округамъ, требующихъ санкціи правительства ³⁾.

¹⁾ Обстоятельное изложеніе этой теоріи и вообще ученіе грековъ о центархій патріарховъ можно читать у Гергенрёттера (Photius, Patr. Constant. т. II, pag. 132—149).

²⁾ Συνητάμ. т. IV. pag. 542—555.

³⁾ Silbernagl, Verfassung und gegenwärtig. Bestand sämmtl. Kirch. d. Orient. pag. 21—22. Landshut. 1865.

Вмѣстѣ съ правомъ высшаго управленія, константинопольскій патріархъ пользовался и правомъ высшаго суда по всему востоку. Это преимущество было предоставлено константинопольскому патріарху еще халкидонскимъ соборомъ (451 г.) въ томъ смыслѣ, что какъ вообще клирики, такъ въ частности епископы въ своихъ неудовольствіяхъ на областныхъ митрополитовъ могли обращаться къ экзарху великія области, или къ константинопольскому престолу и предъ нимъ судиться ¹⁾. Это преимущество полагаютъ ²⁾ утверждено свѣтскимъ законодательствомъ, именно закономъ Юстиніана отъ 530 г. ³⁾ и, какъ мы видѣли, формулировано въ эпаногогѣ императоровъ Василія, Льва и Александра. Законъ Юстиніана гласитъ слѣдующее: „Узаконяемъ, чтобы ни одинъ клирикъ ни отъ клирика, ни отъ мірянина не былъ обвиняемъ прямо (εὐθὺς) предъ блаженнѣйшими патріархами округа, но предварительно (πρῶτον), согласно священнымъ канонамъ (θεσμοῦς), предъ епископомъ того города, въ которомъ живетъ клирикъ; а въ случаѣ подозрѣнія (ὑπόπτως ἔχει) предъ митрополитомъ, при недовѣріи же быть можетъ, и къ нему, предъ областнымъ соборомъ, гдѣ старѣйшіе по рукоположенію епископы вмѣстѣ съ митрополитомъ и должны изслѣдовать дѣло всеѣмъ соборомъ. Если бы рѣшеніе дѣла оказалось неудовлетворительнымъ для какой-либо изъ сторонъ и несправедливымъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обратиться къ блаженнѣйшему патріарху того округа и совершенно удовольствоваться постановленнымъ рѣшеніемъ, какъ если бы онъ первоначально (εἰ ἀρχῆς) былъ судьей; потому что на рѣшенія такихъ епископовъ нѣтъ мѣста для аппеляціи по нашимъ законамъ. Тотъ же самый порядокъ долженъ быть наблюдаемъ и въ случаѣ, если бы епископъ подвергся обвиненію отъ кого-либо изъ мірянъ, или клириковъ, или отъ другаго какого-либо епископа. Приносятъ жалобы прямо къ святѣйшимъ патріархамъ и привлекаютъ обвиняемыхъ (къ отвѣту) въ другія мѣстности совершенно возбраняемъ, исключая случая, если бы кто-либо подалъ патріарху просьбу о томъ, чтобы дѣло его было отправлено къ мѣстному епископу; въ такомъ случаѣ позволитель-

¹⁾ Халкид. собор. пр. 9—17 Σύνταξι. т. II. pag. 237—248. 259—268.

²⁾ Wiltsch. т. I. pag. 143. ³⁾ Cod. Just. lib. I. т. IV. I. 29.

но и къ боголюбезнѣйшимъ патріархамъ подавать жалобы съ тѣмъ, чтобы они предписали кому либо изъ мѣстныхъ епископовъ рассмотретьъ дѣло по выше изображенному отъ насъ порядку ¹⁾. Если бы далѣе по дѣлу, которое было отослано блаженнѣйшимъ патріархомъ къ кому либо изъ боголюбезнѣйшихъ митрополитовъ, или боголюбезнѣйшихъ епископовъ, было постановлено рѣшеніе, и одна изъ сторонъ осталась недовольна этимъ рѣшеніемъ, то можетъ быть принесена апелляціонная жалоба; въ такомъ случаѣ она должна быть подана къ святѣйшему престолу (*ἐπι ἀρχιερατικὸν θρόνον*) и тамъ рассмотрена по соблюдавшемуся до сего времени порядку (*κατὰ μέτρον ὡς κρατοῦν*) ²⁾.

Приступая къ разсмотрѣнію этого закона необходимо прежде всего замѣтить, что онъ имѣетъ въ виду исключительно дѣла по спорамъ, и разсуждаетъ объ искахъ, возникшихъ какъ между духовными, такъ вмѣстѣ духовными и свѣтскими лицами по предметамъ принадлежавшимъ церкви, какъ напр. незаконнаго пользованія церковною собственностію, землями, доходами, присвоенія непринадлежащихъ предѣловъ управленія и т. п. При этомъ законъ вовсе не имѣетъ въ виду дѣлъ, возникшихъ по обвиненіямъ духовныхъ лицъ въ проступкахъ и преступленіяхъ. О подсудности и производствѣ послѣднихъ говорятъ другіе законы Юстиніана ³⁾. Въ отношенія къ производству дѣлъ по искамъ законъ начертываетъ слѣдующій порядокъ. А именно: въ случаѣ взаимныхъ неудовольствій низшихъ клириковъ между собою, или жалобъ на нихъ постороннихъ лицъ, клирики прежде всего должны были быть обвиняемы предъ своимъ епископомъ и подлежать его суду: если бы судъ мѣстнаго епископа не возбуждалъ въ истцѣ довѣрія, онъ могъ обратиться къ митрополиту; если бы и судъ ми-

¹⁾ Слѣдующій § 1 закона разсуждаетъ о тѣхъ пошлинахъ, которыми должны были довольствоваться епископы, посылаемые патріархами или митрополитами для изслѣдованія дѣла, а равно и сами митрополиты, если при нихъ каедрѣ разсматривалось дѣло. Въ томъ и другомъ случаѣ эти пошлины не должны были превышать шести номисмъ.

²⁾ Cod. Just. lib. I. tit. IV. l. 29. ³⁾ Novell. 83. 123 cap. 8. 21. 22.

трополита казался подозрительнымъ, жалоба могла быть подана собору; но ее разсматривали не все собраніе епископовъ области, а только трое старѣйшихъ по времени хиротоніи— вмѣстѣ съ митрополитомъ; если бы и рѣшеніе такого собора не удовлетворило какой либо изъ сторонъ, дѣло могло быть перенесено къ мѣстному патріарху, рѣшеніе котораго, каково бы оно ни было, считалось окончательнымъ и не подлежало обжалованію. Тотъ же порядокъ долженъ былъ наблюдаться и въ жалобахъ на епископовъ, т. е. никакъ не должно было обращаться съ просьбами прямо къ патріарху, исключая случая, если бы обиженный епископомъ хотѣлъ попросить патріарха назначить судей для изслѣдованія и разсмотрѣнія его дѣла изъ мѣстныхъ епископовъ; въ такомъ случаѣ патріархъ, принявъ просьбу, долженъ былъ особою грамотою назначить или митрополита, или епископа изслѣдовать и разсмотрѣть дѣло. Если бы, за симъ, назначенными судьями по посланному къ нимъ отъ патріарха дѣлу было постановлено рѣшеніе не удовлетворительное для какой либо изъ сторонъ: въ такомъ случаѣ допускалось принесеніе апелляціонной жалобы, но уже къ святѣйшему престолу (ἐπί ἀρχιερατικὸν θρόνον) ¹⁾.

Вся трудность правильнаго толкованія этого закона заключается въ пониманіи послѣдняго выраженія: „ἀρχιερατικὸν θρόνον“, подъ которымъ одни разумѣютъ исключительно кафедрѣ константинопольскаго, другіе напротивъ вообще—мѣстнаго патріарха; одни видятъ въ этомъ законѣ утвержденіе преимуществъ константинопольской кафедрѣ; іерарху которой было предоставлено право принимать и разсматривать апелляціонныя жалобы со всего востока на рѣшенія прочихъ патріаршихъ кафедръ ²⁾, другіе наоборотъ не находятъ основаній понимать этотъ законъ въ смыслѣ благопріятномъ для константинопольскаго патріарха и, вслѣдствіе сего полагаютъ, что этотъ законъ запрещаетъ вообще приносить

¹⁾ Photii Nomocanon, tit. 9. cap. I. Σύνταγμα. t. I. pag. 169.

²⁾ Ziegler, pag. 232—240. Petr. de Marca, de primatibus. n. 18. Gieseler, t. I. auct. 4. cap. 2. pag. 409. not. 24.

апелляціи на рѣшенія патріарховъ, но дозволяетъ апеллировать только на судъ митрополитовъ и при томъ къ своему патріарху ¹⁾). Склоняясь къ послѣднему мнѣнію, Hinschius затрудняется понять разсматриваемый законъ, въ смыслѣ предоставленія имъ высшей, судебной власти константинопольскому патріарху относительно рѣшеній другихъ патріарховъ, на томъ основаніи, что это обстоятельство противорѣчило бы тому, что патріархи представляли высшую инстанцію церковнаго суда; престолу же Константинополя, хотя и было предоставлено преимущество предъ прочими патріаршими кафедрями на востокъ, но первому никакимъ образомъ не принадлежало высшей власти надъ послѣдними. По мысли Hinschius'а законъ говоритъ только о томъ, что если патріархъ поручилъ разсмотрѣть дѣло какому-либо митрополиту или епископу, и одна изъ сторонъ оставалась недовольною рѣшеніемъ; въ такомъ случаѣ апелляціонная жалоба должна была быть принесена къ архіепископскому (*hohenpriesterlichen*) престолу, т. е. къ дававшему порученіе (*deligirenden*) патріарху, такъ что дозволялось миновать посредствующую инстанцію. Объясняя такъ разсматриваемый законъ, Hinschius прибавляетъ ²⁾), что патріархъ константинопольскій во всякомъ случаѣ *de facto* пользовался преимущественнымъ положеніемъ по отношенію къ высшей судебной власти, сравнительно съ прочими патріархами, по той причинѣ, что императоръ могъ передать ему изъ каждаго предѣла государства для рѣшенія дѣла, которое константинопольскій патріархъ въ такомъ случаѣ и оканчивалъ съ своимъ синодомъ ²⁾). На мнѣніи Hinschius'а можно было бы остановиться и признать, что константинопольскій патріархъ, если и пользовался высшею судебною властію на востокъ, то не на основаніи какихъ-либо законоположеній, а потому, что императоры, получая жалобы, передавали ихъ на разсмотрѣніе іерарха столицы и тѣмъ сообщали его кафедрѣ значеніе вышшаго, судебного трибунала на всемъ востокъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то об-

¹⁾ Thomassinus, *Vetus et Nova ecclesiae disciplina*, t. I. pag. 87. n. 18.
Hinschius, pag. 550—551. Hergenr. t. I. pag. 157—159.

стоятельство, что въ номоканонѣ Фотія спорное выраженіе объяснено не въ примѣненіи исключительно къ константинопольскому, а вообще къ патріарху ¹⁾. При всемъ томъ подобное мнѣніе оказывается противорѣчащимъ постановленіямъ халкидонскаго собора, который опредѣлилъ, что высшею инстанціею правосудія въ неудовольствіяхъ духовныхъ лицъ на митрополитовъ долженъ быть или экзархъ великія области, т. е. мѣстный патріархъ, или престоль царствующаго Константинополя. Равнымъ образомъ въ эпанактихъ императоровъ Василя, Льва и Александра категорически констатировано право константинопольскаго патріарха и его каедръ принимать донесенія о несогласіяхъ, возникающихъ при другихъ патріаршихъ каедрахъ, разсматривать и исправлять ихъ. Въ тоже время историческіе факты дополняютъ, что константинопольская каедра, съ первымъ же возвышеніемъ ея іерарха, получила преимущественное положеніе на востокъ въ томъ отношеніи, что при ней разсматривались и рѣшались споры и несогласія епископовъ другихъ округовъ. Въ виду этихъ данныхъ представляется не невѣроятнымъ и другое толкованіе разсматриваемаго закона, по которому онъ призналъ за константинопольскою каедрою права высшаго, посредствующаго суда какъ въ спорахъ и несогласіяхъ епископовъ, такъ и противъ епископовъ на востокъ, особенно, если принять во вниманіе, что разсматриваемый законъ Юстиніана изложенъ примѣнительно къ халкидонскимъ постановленіямъ съ цѣлію подтвержденія и разъясненія ихъ общей мысли. Это разъясненіе главнымъ образомъ касалось порядка постепеннаго движенія дѣла по инстанціямъ и, въ частности, рѣшенія его высшею инстанціею. Въ отношеніи къ послѣдней законъ какъ не допустилъ переносить дѣла на судъ константинопольскаго престола въ случаяхъ неудовольствій на низшихъ клириковъ, такъ наоборотъ предоставилъ прямо обращаться къ престолу царствующаго города въ неудовольствіяхъ на епископовъ, коль скоро дѣло уже было разсмотрѣно на мѣстѣ

¹⁾ Οὕτως πατριάρχης ἀκροῦται τῆς ἐκλήτου τῶν ἐξ ἐπιτροπῆς αὐτοῦ δικασόντων ἐπισκόπων, ἢ μητροπολίτων. (Σύνταγμα. t. I. pag. 169).

назначенными отъ патріарха, по просьбѣ истца, судьями. Подобное пониманіе закона не представляетъ ничего несообразнаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ первомъ случаѣ законодатель могъ желать, чтобы разрѣшеніе исковъ по неудовольствіямъ на низшихъ клириковъ не выходило за предѣлы подлежащаго округа, и, слѣдовательно, скорѣе получало окончаніе, такъ во второмъ онъ могъ имѣть въ виду, чтобы иски по неудовольствію на епископовъ скорѣе достигали послѣдней инстанціи и также послѣдніе разрѣшались. Если припомнимъ, что это были дѣла по жалобамъ и искамъ, начатіе, веденіе и продолженіе которыхъ всецѣло зависѣли отъ воли потерпѣвшихъ и необходимо сопряжены были съ издержками, падавшими на истца и отвѣтника; то сдѣлается яснымъ, что въ интересахъ тяжущихся было сократить, по возможности, производство этихъ исковъ, но безъ ущерба для правосудія. Какъ несправедливо было отказать низшему клирику, если бы онъ нашель то нужнымъ, довести разсмотрѣніе предъявленнаго имъ, или противъ него иска до послѣдней инстанціи въ округѣ, до суда патріарха; такъ наоборотъ не представлялось нарушенія справедливости въ томъ, чтобы дѣло по яску противъ епископа, послѣ разсмотрѣнія его назначенными по просьбѣ истца отъ мѣстнаго патріарха судьями, въ случаѣ недовольства одной изъ сторонъ ихъ рѣшеніемъ, поступало къ престолу константинопольскаго патріарха для окончательнаго рѣшенія. То обстоятельство, что эти судьи, хотя и по просьбѣ истца, но назначались мѣстнымъ патріархомъ и, слѣдовательно, изъ лицъ, которымъ патріархъ довѣрялъ болѣе другихъ, а равно и то, что неудовлетворительность ихъ рѣшенія для одной изъ сторонъ предполагала пристрастіе ихъ къ интересамъ другой: то и другое обстоятельство, представля мѣстнаго патріарха до нѣкоторой степени заинтересованнымъ въ дѣлѣ, очевидно не могли уже не поселить въ сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ назначенныхъ отъ патріарха судей, нѣкотораго недовѣрія и къ самому патріарху. Поэтому законъ, съ свойственною ему правомѣрностію и не обращаетъ недовольнаго состоявшимся рѣшеніемъ къ суду мѣстнаго патріарха, но

направляетъ его къ престолу царствующаго города. Предпочтеніе въ семь случаевъ каеэдры константинопольскаго патріарха и приглашеніе послѣдняго въ посредствующіе судьи вполнѣ естественны и понятны. Каеэдра эта находилась въ центрѣ государственныхъ отправленій; поэтому совершенно естественно было предъ ея трибуналомъ искать окончательнаго правосудія въ спорахъ по предметамъ церковнымъ. При этой каеэдрѣ, какъ *de facto* занявшей положеніе посредствующаго судьи въ вопросахъ спорныхъ, уже образовалось и существовало особое установленіе въ формѣ *συνδος ἐκκλησιαστικῆ*, которое постоянно и безостановочно могло исполнять отправленія правосудія. Эта каеэдра, являясь вообще средоточнымъ пунктомъ церковнаго управленія на востокѣ христіанской церкви, естественно могла получить и преимущественное положеніе относительно рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Словомъ, пониманіе разсматриваемаго закона въ томъ смыслѣ, что онъ, между прочимъ, предоставилъ константинопольскому патріарху право быть посредствующимъ судьей въ спорныхъ дѣлахъ епископовъ всего востока, не представляетъ ничего несообразнаго съ положеніемъ вещей и противнаго правосудію. Въ тоже время предоставленіе подобнаго права константинопольскому патріарху отнюдь не означало преобладанія его каеэдры надъ прочими патріаршими престолами по той причинѣ, что константинопольскій патріархъ могъ пользоваться предоставленными ему правами лишь въ томъ случаѣ, когда тяжущіяся стороны, по собственному желанію, обращались къ его каеэдрѣ съ заявленіемъ своихъ неудовольствій. Такимъ образомъ, болѣе безошибочный результатъ нашего изслѣдованія долженъ быть тотъ, что константинопольскій патріархъ, въ виду исключительнаго положенія его каеэдры на востокѣ, могъ и въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства принимать жалобы по спорнымъ дѣламъ, бывшимъ уже въ разсмотрѣніи при другихъ каеэдрахъ, но не получившимъ удовлетворительнаго для сторонъ рѣшенія, и императоры передавали ему на рѣшеніе поступавшія на ихъ имя жалобы со всѣхъ мѣстъ имперіи, при томъ уже не по однимъ спорнымъ дѣламъ, по

и по обвиненіямъ на лица духовныя. Въ томъ и другомъ случаѣ кафедрѣ константинопольскаго патріарха одинаково являлась высшимъ судебнымъ трибуналомъ на всемъ востокѣ, а ея іерархъ—высшимъ судьей по отношенію ко всему духовенству востока. Такое положеніе константинопольскаго патріарха и его кафедрѣ было узаконено еще постановленіемъ императора Зенона, который современному ему патріарху Акакію предоставилъ право устроить дѣла по всему востоку и въ другихъ патріархатахъ ¹⁾. Подобному положенію константинопольскаго патріарха и его кафедрѣ благопріятствовалъ и императоръ Юстиніанъ, признававшій константинопольскую церковь главою всѣхъ другихъ ²⁾. Эпанагога императоровъ Василия, Льва и Александра, усвоивъ вообще преимущественное положеніе конст. патріарху на всемъ востокѣ, признаетъ за нимъ и его кафедрою въ частности право высшаго суда по дѣламъ другихъ патріарховъ и тѣмъ оправдываетъ правильность нашего пониманія. Что касается церковныхъ законовѣдовъ, одни изъ нихъ признаютъ за константинопольскимъ патріархомъ право высшаго суда на всемъ востокѣ, другіе напротивъ высказываютъ мысль о невмѣшательствѣ константинопольскаго патріарха въ предѣлы другихъ патріарховъ по дѣламъ судебнымъ. Аристинъ въ толкованіи на 9 пр. халкидонскаго собора пишетъ: „если епископъ, или клирикъ имѣетъ какое-либо дѣло противъ митрополита, они должны судиться или у экзарха округа, то есть патріарха, подъ властію котораго состоятъ митрополиты сихъ областей, или у патріарха константинопольскаго. Этому преимуществу, т. е. чтобы митрополитъ, состоящій подъ властію одного патріарха, былъ судимъ другимъ, ни правилами, ни законами не дано ни одному изъ прочихъ патріарховъ, кромѣ константинопольскаго“ ³⁾. Зонара въ

¹⁾ Cod. Just. lib. 1. tit. II. l. 16.

²⁾ Ibid. l. 24.

³⁾ Σύνταξις. т. II. pag. 240. Слав. Корм. толкон. на 9 прав. Хал. Соб.

свою очередь при объясненіи 17 пр. того же собора замѣчаетъ: „когда епископъ имѣетъ дѣло съ епископомъ, или клирикъ съ епископомъ, тогда судьей ихъ поставляется митрополитъ, котораго правило называетъ и экзархомъ округа; а когда епископъ имѣетъ обвиненіе противъ своего митрополита, тогда правило поручаетъ судъ константинопольскому патріарху; но не надъ всѣми безъ исключенія митрополитами константинопольскій патріархъ поставляется судьей, а только надъ подчиненными ему. Ибо онъ не можетъ привлечь къ своему суду митрополитовъ Сиріи, или Палестины и Финикіи, или Египта противъ ихъ воли; но митрополиты Сиріи подлежатъ суду антиохійскаго патріарха, а палестинскіе — суду патріарха іерусалимскаго, а египетскіе должны судиться у патріарха александрійскаго, отъ которыхъ они принимаютъ и рукоположеніе и которымъ именно подчинены“ ¹⁾). Выраженіе Зонары, что константинопольскій патріархъ только насильно, по праву административной отъ него зависимости, не можетъ привлекать къ себѣ на судъ митрополитовъ другихъ патріаршихъ округовъ, предполагаетъ мысль, что это могло случиться по доброй волѣ, вслѣдствіе личнаго желанія митрополитовъ, чтобы принесенныя противъ нихъ жалобы были рассмотрѣны и разрѣшены константинопольскимъ патріархомъ. Вальсамонъ вообще выражаетъ мысль, что судебныя дѣла клириковъ должны разрѣшаться тѣмъ судомъ, которому подсуденъ обвиняемый; поэтому жалоба на митрополита должна быть рассмотрѣна или экзархомъ округа, или патріархомъ константинопольскимъ; но Вальсамонъ же и прибавляетъ, что это преимущество экзарховъ въ его время не имѣло дѣйствія ²⁾). Властарь, не выражая никакого колебанія по этому предмету, съ опредѣленностію говоритъ, что „предстоятелю Константинополя принадлежало право наблюдать за возникающими и въ предѣлахъ другихъ престоловъ несогласіями, исправлять ихъ и произносить окончательный

¹⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 260. t. III. pag. 147—150.

²⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 238. 239.

судъ (πέρασ ἐπιτελεῖναι τοῖς κρείσσιν)¹⁾. Согласно съ Властаремъ разсуждалъ о правахъ константинопольскаго патріарха и самъ константинопольскій патріархъ Ниль (1378—1388 г.), когда, наставляя ессалоникскаго митрополита относительно патріаршихъ правъ (de iuribus patriarchatum), доказывалъ ему, что и церковными канонами, которые утверждены законами благочестивѣйшихъ государей, и съ того времени дѣйствовавшимъ обычаемъ установлено, чтобы апелляціи подавались патріархамъ и въ особенности къ константинопольскому. При этомъ патріархъ въ подтвержденіе справедливости своихъ мыслей приводитъ тоже самое постановленіе эпанагоги, которое, въ смыслѣ дѣйствующаго закона, помѣстилъ въ своей синтагмѣ Властарь²⁾.

Соображая эти свидѣтельства необходимо согласиться, что константинопольскому патріарху, въ дѣйствительности, принадлежало преимущественное право суда по всему востоку, и въ особенности относительно дѣлъ спорныхъ, такихъ, въ которыхъ сталкивались интересы одной каеэдры съ другою, или которыя возникали изъ за неправильнаго раздѣленія приходоѡ, незаконнаго пользованія церковною собственностію и т. п. Въ отношеніи къ этимъ дѣламъ константинопольскій патріархъ и его каеэдра служили послѣднею инстанціею посредствующаго суда и разбирательства.

Примѣнительно къ преимущественному праву суда, Константинопольскій патріархъ пользовался и преимущественнымъ правомъ относительно ставропигіи. Въ общемъ видѣ право ставропигіи (jus stavropigii) состояло въ томъ, что, при основаніи монастыря, церкви, или молитвеннаго дома въ епархіи какого либо митрополита или епископа, патріархъ чрезъ водруженіе отъ своего имени креста (σταυροπήγιον³⁾) отчислялъ извѣстный монастырь, приходскій храмъ, или молитвенный домъ къ

¹⁾ Σύναγμα. t. VI. pag. 429.

²⁾ Miklosich et Müller, Act. Patr. Con. t. II. pag. 40. Epanagog. pag. 68. n. 10. edit. Zachar. 1852.

³⁾ Jacob Goar, Euchologion, sive Rituale Graecorum. pag. 607 — 615. edit. Paris. 1647. Le Quien. t. I. pag. 115—116.

своему вѣденію, такъ что, вслѣдствіе такого отчисленія, монастырь, церковь, часовня выходили изъ подъ вѣденія мѣстной епископской, или митрополичьей власти. Послѣдствіемъ этого отчисленія было то, что въ ставропигіи на молитвахъ возносилось имя не мѣстнаго архіерея, но патріарха; равнымъ образомъ назначеніе настоятеля въ ставропигіальный монастырь, поставленіе клириковъ къ ставропигіальной церкви, собираніе доходовъ съ ставропигіальной часовни, также судъ по дѣламъ братіи и клира и вообще все управленіе ставропигіями принадлежало патріарху, который обыкновенно завѣдывалъ и управлялъ ими чрезъ особыхъ должностныхъ лицъ, носившихъ званіе экзарховъ ¹⁾. Началомъ развитія этого права полагають ²⁾ то, что, по законамъ императора Юстиніана, сооруженіе монастыря, церкви и часовни могло быть предпринято не иначе, какъ съ вѣдома и по благословенію епископа. Послѣдній для этой цѣли на мѣстѣ предполагаемаго зданія совершалъ молитву и водружалъ крестъ ³⁾. Основателямъ монастырей, а равно строителямъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ естественно было желать, чтобы на сооруженіе предполагаемаго ими зданія получить благословеніе и разрѣшеніе отъ старѣйшаго предстоятеля церкви—патріарха и чрезъ то изъять свое учрежденіе изъ подъ вѣденія мѣстной, низшей и подчинить управленію высшей духовной власти. Основаніе, по которому патріарху принадлежало право раздавать ставропигіи, Вальсамонъ изъясняетъ такъ: „только пяти патріархамъ ввѣрены предѣлы всѣхъ странъ вселенной, за исключеніемъ нѣкоторыхъ церквей ⁴⁾, такъ что имъ предоставлено рукополагать митрополитовъ въ назначенные для нихъ округа, произво-

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 110 — 115, гдѣ помѣщены указы патріарха Германа II (1226 — 1240) съ изображеніемъ ставропигіальныхъ правъ патріарха. Leunclavti, Jus. Graeco—Rom. pag. 235—237.

²⁾ Du Cange, Glossarium sub voce: „σταυροπήγυτον“.

³⁾ Novell. 5. cap. I. novel. 67. cap. I. Basilik. lib. IV. tit. 1. cap. I. Photii nomocanon. tit. II. cap. I. t. III. cap. 14. tit. XI. cap. 1. Σύνταξι. t. I.

⁴⁾ Подъ этими церквами разумѣлись: церкви Болгарская, Кипрская и Армянская, которыя не были подчинены ни одному изъ патріарховъ. Σύνταξι. t. VI. pag. 258.

дять надъ ними судъ и управлять ими по божественнымъ канонамъ и пользоваться возношеніемъ и воспоминаніемъ своего имени прежде всѣхъ находящихся въ округѣ митрополитовъ; поэтому они и ставропигіи посылаюгъ въ ихъ предѣлы и клириковъ, которыхъ пожелають, берутъ отъ нихъ; однакожъ не слѣдуетъ, прибавляетъ Вальсамонъ, кому либо изъ патріарховъ ни посылать ставропигіи въ мѣстности принадлежавшія другому патріарху, ни брать клириковъ, дабы не смѣшивать права церквей“¹⁾. Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ и схолиастъ Пидаліона, который замѣчаетъ: „митрополиты и архіепископы подчинены патріархамъ, такъ что всѣ они, находясь въ округахъ патріарховъ, возносятъ ихъ имя въ священнхъ службахъ; поэтому патріархи пользуются правомъ учреждать ставропигіи въ подвластныхъ ихъ митрополіяхъ и архіепископіяхъ съ тѣмъ, чтобы въ этихъ ставропигіяхъ упоминалось ихъ имя“²⁾. Въ то время, какъ прочіе патріархи на этомъ основаніи пользовались правомъ давать ставропигіи только въ предѣлахъ своихъ округовъ, Константинопольскій патріархъ, по законамъ эпанагоги, могъ раздавать ставропигіи и подчинять своей власти монастыри, церкви и молитвенные дома и внѣ своего округа по всему востоку³⁾, а равно, слѣдуетъ прибавить, и въ мѣстностяхъ иноплеменныхъ народовъ, которые зависѣли отъ его кафедры въ церковномъ отношеніи. Такъ какъ по праву ставропигіи константинопольскій патріархъ отчуждалъ отъ власти митрополитовъ и епископовъ находившіяся въ ихъ епархіяхъ мѣстности и причислялъ ихъ къ своему завѣдыванію со всѣми правами и послѣдствіями этого завѣдыванія; то само собою остановится понятнымъ, что практика патріаршаго права не могла не вызывать противъ себя нерасположенія и неудовольствія тѣхъ митрополитовъ и епископовъ, которымъ приходилось, вслѣдствіе патріаршаго права

¹⁾ Συγκαμ. t II. pag. 41—42. t. VI. pag. 257—258.

²⁾ Πυδαλίον. pag. 19. not. I. edit. 1841 г.

³⁾ Zachariae, Epanaz. pag. 68. n. 10 edit. 1852. и Его же, Jus Graeco—Rom. t. IV. pag. 183. n. 10.

ставропигии, теряя какъ свое вліяніе на извѣстный монастырь церковь и часовню, такъ и выгоды соединенныя съ этимъ. Притомъ практика того же права вносила какъ бы нѣкоторый непорядокъ въ отношенія подчиненности духовныхъ установлений мѣстному архіерею, создавая въ предѣлахъ его власти оазисы независимости. Поэтому Вальсамонъ какъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ говоритъ о неумѣстности раздачи ставропигій однимъ патріархомъ въ мѣстностяхъ другаго, чтобы не смѣшивались права церквей, такъ въ другомъ толкованіи на тоже 31 апостольское правило прямо констатируетъ фактъ неудовольствій митрополитовъ и епископовъ на константинопольскаго патріарха за раздачу ставропигій. Вальсамонъ именно пишетъ: „опираясь на это правило и на другія, подобныя по содержанію, мѣстные митрополиты и епископы негодуютъ противъ тѣхъ, которые домогаются учрежденія патріаршихъ ставропигій въ ихъ предѣлахъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже и притомъ многократно обращались къ царямъ и патріархамъ съ просьбою отмѣнить раздачу патріаршихъ ставропигій, указывая на то, что ищущіе ставропигій и обращающіеся съ просьбами о томъ къ вселенскому патріарху не обращаютъ на нихъ т. е. мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ и вниманія (μηδὲ λόγῳ ἀξιούτων αὐτοῦς). Но эти просители не были удовлетворены, и когда они, ходатайствуя объ отмѣнѣ ставропигій, просили показать имъ каноны, позволяющіе раздачу такихъ ставропигій, то со стороны св. великой церкви ходатайство ихъ прямо было отклонено указаніемъ на долговременный церковный, неписанный обычай, который съ незапамятныхъ временъ и по нынѣ имѣетъ въ церкви силу правила“¹⁾.

¹⁾ Συνοταγμ. τ. II. pag. 40—41. Нелишне припомнить здѣсь случай, бывший при патріархѣ Георгіи Ксифиліи (1193—1199). Епископъ Лимны въ псидійской области жаловался названному патріарху на то, что священники сель, принадлежащихъ къ патріаршимъ ставропигіямъ, находящимся въ его епархіи, не поминаютъ его имени и не платятъ установленныхъ ему сборовъ (κα νόμιμον). Разсудивъ объ этомъ обстоятельствѣ на соборѣ, Ксифиліи издалъ постановленіе „περὶ ἐνοριακῶν δικαίων“, въ которомъ между прочимъ разъяснилъ, что имя мѣстнаго епископа должно быть возносимо, и установленный сборъ въ пользу его кафедры долженъ быть собираемъ въ сосѣднихъ съ ставропигіями

Обнаруживавшія по временамъ жалобы на это право патріарха и не получавшія удовлетворенія въ одно время, очевидно, могли достигнуть успѣха въ другое. Дѣйствительно, Георгій Пахимеръ рассказываетъ, что, въ правленіе императора Михаила Палеолога (1260—1282) и въ патріаршество Іоанна Векка (1274—1283), руководимые ефескимъ митрополитомъ Исаакомъ клирики подали императору доносъ, въ которомъ обвиняли патріарха между прочимъ въ томъ, что онъ разграбилъ церковныя имущества ¹⁾. Вслѣдствіе этого доноса, императоръ (1274 г.) издалъ законъ „ἐπὶ τοῖς σταυροπυλοῖς“ которымъ повелѣлъ, чтобы находящіяся въ селахъ и монастыряхъ патріаршія ставропигіи поступили подъ вѣдѣніе мѣстныхъ епископовъ, такъ какъ, прибавлялъ законъ, установившееся издавна, но вопреки канонамъ, подало поводъ къ жалобамъ на то, что константинопольской патріархъ пользуется чужимъ правомъ (ὑπερῳρίων δικαίον ²⁾). Представляя ближайшимъ поводомъ изданія настоящаго закона названный доносъ, Пахимеръ въ то же время даетъ думать, что какъ этотъ доносъ, такъ и вызванный имъ законъ были отчасти слѣдствіемъ личнаго нерасположенія къ патріарху. По крайней мѣрѣ Пахимеръ замѣчаетъ, что руководившій доносчиками митрополитъ Исаакъ, кромѣ желанія угодить государю, могъ имѣть другое побужденіе — стѣснить патріаршую власть на востокѣ ³⁾. Равнымъ образомъ Пахимеръ и объ императорѣ прибавляетъ: „царь ненавидѣлъ патріарха за настоячивость и ходатайство за невинно осужденныхъ“ ⁴⁾. Упоминаемъ объ этомъ съ тѣмъ,

---

селеніяхъ; потому что во всѣ времена константинопольскій патріархъ имѣлъ право только на тѣ селенія, которыя были причислены къ патріаршимъ ставропигіямъ при самомъ ихъ основаніи; во всѣхъ же прочихъ, приписанныхъ къ нимъ впоследствии, мѣстный епископъ имѣетъ право на возношеніе имени и на полученіе установленнаго сбора. (Συντάξι. t. V. pag. 101—102).

¹⁾ Пахимеръ, Истор. царствованія Михаила и Андроника Палеологовъ въ русск. пер. т. I. стр. 415—418.

²⁾ Zachariae, Jus. Graeco Rom. t. III. col. V. pag. 569. novel. XIII.

³⁾ Пахимеръ, стр. 417. Πρῶτον, pag. 108. not. I.

⁴⁾ Пахимеръ, стр. 418.

чтобы лучше понять смысл и цѣль приведеннаго закона и предугадать его дѣйствіе. Изданный подъ вліяніемъ страстныхъ побужденій, разсматриваемый законъ естественно не могъ найти благопріятной почвы для своего дѣйствія. Нужно думать, что установившійся на практикѣ противъ закона (*contra legem*) обычай не только удержалъ свою силу при существованіи этого закона, но и заставилъ забыть о немъ. По крайней мѣрѣ, не зная ни одного изъ послѣдующихъ постановленій императоровъ, которое отмѣняло бы этотъ законъ, мы встрѣчаемся съ фактами, подтверждающими примѣненіе и дѣйствіе на практикѣ патріаршаго права ставропигіи. Составлявшій свою синтагму около 1335 г., т. е., спустя 60 лѣтъ по изданіи означеннаго закона, и вносившій въ нее имѣющія всеобщую силу въ восточной церкви постановленія законодательства ¹⁾, Матѳей Властарь говоритъ о правѣ ставропигіи константинопольскаго патріарха, какъ о существующемъ и дѣйствующемъ и притомъ въ отношеніи къ предѣламъ другихъ патріархатовъ. Властарь, перефразируя именно постановленіе эпананоги замѣчаетъ: „о всѣхъ митрополіяхъ и епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ забота и попеченіе, а равно судъ и разсмотрѣніе и рѣшеніе (дѣль въ нихъ) принадлежать мѣстному (*οικελφ*) патріарху; но предстоятелю Константинополя предоставлено (*ἐξουσι*) и въ предѣлахъ другихъ престоловъ, въ которыхъ не послѣдовало еще (*οὐκ' ἐστι*) освященіе храмовъ, давать ставропигіи; и не это только, но и разсматривать и исправлять возникающія при другихъ престолахъ несогласія и производить окончательный судъ...“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ своей синтагмы, Властарь опредѣленно говоритъ слѣдующее: „одному константинопольскому патріарху, на основаніи обычая (*ἐκ συνήθειας*), предоставлено давать обширныя (*μακρὰ*) ставропигіи, пользоваться возношеніемъ и воспоминаніемъ свое-

¹⁾ Крыловъ, Рѣчь объ истор. значеніи рим. права въ области наукъ юридич. 1838 г. стр. 45.

²⁾ Σύνταγμα. т. VI. pag. 429.

то имени не только въ находящихся въ разныхъ мѣстахъ, пріобрѣтаемыхъ, или собственныхъ селахъ и въ окрестныхъ селеніяхъ подчиненныхъ ему монастырей, но и въ предѣлахъ самыхъ митрополій, куда бы онъ ни былъ приглашенъ строителемъ храма¹⁾. Историческіе факты XIV в. представляютъ дѣйствительные примѣры какъ того, что константинопольскій патріархъ имѣлъ подъ своею властію многіе монастыри и церкви далеко за предѣлами Константинополя²⁾, такъ и того, что онъ продолжалъ подчинять своей власти нѣкоторые монастыри по праву ставропигіи³⁾, а равно и того, что онъ уступалъ права тому или другому митрополиту или епископу на управленіе тѣмъ или другимъ монастыремъ⁴⁾, и назначалъ для той же цѣли экзарховъ изъ пресвитеровъ⁵⁾. Эти примѣры позволяютъ заключить, что законъ Михаила Палеолога, вызванный обстоятельствами времени, не уничтожилъ пустившаго глубокіе корни патріаршаго права ставропигіи, которое и послѣ этого закона продолжало существовать и дѣйствовать въ смыслѣ постановленія эклоги названныхъ императоровъ⁶⁾.

Разсматриваемая въ предѣлахъ и съ точки зрѣнія описанныхъ правъ, власть константинопольскаго патріарха должна быть признана особенною властію церковнаго предстоителя на всемъ востокѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ возвышался надъ прочими патріархами не по мѣсту только и чести своей кафедры, но по дѣйствительнымъ обнаруженіямъ принадлежавшей ему власти, имѣвшимъ обязательную силу для другихъ предстоителей.

Какъ высшій духовный начальникъ и правитель отдѣльнаго церковнаго округа, константинопольскій патріархъ пользовался принадлежавшею ему одному высшею властію, ко-

¹⁾ Ibid. pag. 84. Le Quien, t. II. pag. 117. Zachariae, Jus. Graeco-Rom. t. III. pag. 599. not. I.

²⁾ Millosich et Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani t. I. pag. 95. 474. t. II. pag. 70. 264—266.

³⁾ Ibid t. I. pag. 85—88. 232. 472—474. 570—572. t. II. 156—157.

⁴⁾ Ibid t. I. pag. 80—81. t. II. pag. 37. 351. pag. 74—75. pag. 152—153.

⁵⁾ Ibid. t. II. pag. 96—97. 133—134. 154—155. 223.

⁶⁾ Le Quien, t. II. pag. 115—118. Silbernagl. pag. 13.

торая обнаруживалась въ слѣдующихъ раздѣльныхъ правахъ.

Естественнымъ и болѣе широкимъ правомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать право высшаго, дѣятельнаго и неослабнаго надзора во всѣхъ подчиненныхъ ему діоцезахъ. На основаніи этого права, константинопольскій патріархъ обыкновенно обнародовалъ въ подвѣдомыхъ ему діоцезахъ церковныя и гражданскія постановленія. Обнародованіе первыхъ основывалось на общепринятомъ въ христіанской церкви обыкновеніи, по которому патріархи, сообщая подвѣдомымъ имъ митрополитамъ и епископамъ соборныя опредѣленія, выражали тѣмъ свое согласіе съ ними и сообщали имъ болѣе авторитетъ¹⁾. Обнародованіе послѣднихъ предписывалось императорскими указами. Юстиніанъ въ заключеніе своихъ постановленій, изложенныхъ въ 6 новеллѣ, прибавляетъ: „святѣйшіе патріархи позаботятся распространить эти постановленія въ церквахъ своихъ діоцезовъ и сдѣлать извѣстными митрополитамъ“. Тотъ же императоръ, утвердивъ своею властію постановленія V вселенскаго собора, въ частности писалъ патріарху Миніѣ: „ваша святость постарается соблюсти право постановленное и сообщить всѣмъ, находящимся подъ вашею властію, митрополитамъ при особомъ посланіи съ тѣмъ, чтобы они въ свою очередь позаботились сдѣлать ихъ извѣстными во всѣхъ церквахъ, дабы никто не остался въ невѣденіи относительно того, что постановила церковь и утвердилъ императоръ“²⁾. Обнародывая церковныя и гражданскія постановленія въ своемъ округѣ, патріархъ естественно долженъ былъ и наблюдать за ихъ тщательнымъ исполненіемъ и примѣненіемъ. Отсюда возникло новое право и вмѣстѣ обязанность для патріарха разъяснять истинные смыслъ и цѣль закона и разрѣшать возникшія недоумѣнія при его примѣненіи. При этомъ патріархъ, какъ высшій церковный правитель, могъ издавать свои собственныя по разнымъ частнымъ вопросамъ постановленія, которыя имѣли значеніе руководственныхъ и вмѣстѣ обязательныхъ

¹⁾ Binterim, Denkvürdigkeiten d. Christ. Kätolisch. Kirch. В III. Th I. pag. 201. ²⁾ Novell. 42 epilog. novel 6 epilog

правиль для тѣхъ, кому они были даны ¹⁾. На основаніи того же права высшаго надзора, константинопольскій патріархъ наблюдалъ за цѣлостію и сохраненіемъ вообще церковной дисциплины въ подвѣдомыхъ ему діоцезахъ и принималъ соотвѣтственныя мѣры къ устраненію замѣченныхъ и обнаружившихся нестроений и безпорядковъ. Въ этомъ отношеніи патріархъ одинаково простиралъ свое вліяніе какъ на митрополитовъ и епископовъ, такъ вообще на духовенство и народъ извѣстной области, епархіи и церкви. Прежде другихъ естественно подлежали его начальственному надзору митрополиты, какъ ближайшіе и непосредственные его помощники въ дѣлѣ управленія церковію. Въ отношеніи къ нимъ патріархъ являлся первымъ блюстителемъ законнаго и правильнаго исполненія ими своихъ обязанностей и вмѣстѣ первымъ судіею допущенныхъ ими не правильностей и безпорядковъ. На основаніи этого положенія патріархъ обыкновенно давалъ митрополитамъ совѣты къ лучшему управленію дѣлами ввѣренныхъ имъ епархій, разрѣшалъ встрѣчавшіяся для нихъ нелюбимія ²⁾ и вообще руководилъ ими въ дѣлѣ церковнаго управленія. Въ частности, патріархъ убѣждалъ митрополитовъ какъ исправить ихъ строгія распоряженія относительно подчиненныхъ ³⁾, такъ и подвергнуть взысканію заслуживающихъ наказанія ⁴⁾, не позволять себѣ излишнихъ поборовъ и притѣсненій въ отношеніи къ подчиненнымъ ⁵⁾ и вообще быть пастырями, а не наемниками ⁶⁾. Въ случаѣ усмотрѣнныхъ, неправильныхъ дѣйствій митрополитовъ, патріархъ какъ убѣждалъ ихъ исправиться ⁷⁾,

¹⁾ Къ таковымъ актамъ въ особенности должны быть отнесены указы и инструкціи, которые выдавались патріархами назначеннымъ ими лицамъ для исполненія тѣхъ или другихъ порученій. А. Р. т. I. pag. 537. Сбѣтагр. т. V. 574—577.

²⁾ А. Р. т. I. pag. 37. 191. т. II. pag. 340—341.

³⁾ Ibid. т. I. pag. 284—285. т. II. pag. 494—495.

⁴⁾ Ibid. т. I. pag. 42—43. ⁵⁾ Ibid. т. II. pag. 237—238.

⁶⁾ Ibid. т. II. 85—86.

⁷⁾ Ibid. т. II. pag. 483 — 484 гдѣ патр. осужд. трапезунскаго митр. за сивоію.

такъ, при неисправности, подвергалъ ихъ взыскапіямъ прежде дѣйствительнаго суда надъ ними ¹⁾). Главнымъ и болѣе общимъ нарушеніемъ въ средѣ митрополитовъ было именно вторженіе одного въ предѣлы другаго, или присвоеніе не принадлежащаго предѣла. Акты константинопольскаго патріархата изобилуютъ документами, въ которыхъ константинопольскій патріархъ, какъ главный блюститель церковнаго порядка, то убѣждаетъ извѣстнаго митрополита не вторгаться въ область другаго и не пользоваться епископскими правами въ епархіи, не имѣвшей епископа ²⁾, то увѣщаетъ другаго возвратиться въ свою митрополию ³⁾ къ своей церкви, т. е. къ своей кафедрѣ, а не проживать въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾, то убѣждаетъ митрополита не вторгаться въ управленіе подчиненной ему, но епископской епархіи ⁵⁾, то предписываетъ одному митрополиту возвратить другому захваченныя первымъ церкви ⁶⁾. Запрещая митрополитамъ самовольныя вмѣшательства въ предѣлы другъ друга, константинопольскій патріархъ тѣмъ не менѣе, по требованію надобности и по праву начальствующаго предстоителя, поручалъ одному митрополиту совершать епископскія дѣйствія въ епархіи другаго, но такъ, что если его будутъ просить объ этомъ ⁷⁾, или извѣстная митрополія лишится собственнаго митрополита ⁸⁾. По тому же праву патріархъ назначалъ временныхъ управителей для какой либо митрополіи, или архіепископіи изъ числа протоіереевъ и іеромонаховъ ⁹⁾, извѣщая въ тоже время подлежащихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей о своемъ распоряженіи ¹⁰⁾. Въ обыкновенномъ порядкѣ управленія епископы состояли въ зависимости митрополитовъ; непосредственныя обращенія къ нимъ патріарха могли имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда епископы нарушали правила своего подчиненія митрополитамъ. Въ такомъ случаѣ право высшаго надзора обя-

¹⁾ А. Р. т. II. pag. 85—86. 89. ²⁾ Ibid. t. I. pag. 57—58.

³⁾ Ibid. t. I. pag. 445—447. ⁴⁾ Ibid. pag. 587.

⁵⁾ Ibid. t. II. pag. 34—35. ⁶⁾ Ibid. t. II. pag. 92—95. 103—106.

⁷⁾ Ibid. t. II. pag. 205. ⁸⁾ Ibid. t. I. pag. 537.

⁹⁾ Ibid. t. II. pag. 157—158. 203. 241—242. ¹⁰⁾ Ibid. pag. 243—246.

зываето патриарха расположить и заставить непокорнаго епископа къ повиновенію и послушанію своему митрополиту ¹⁾. Подобнымъ же образомъ патриархъ поступалъ и въ томъ случаѣ, если нужно было расположить и заставить клиръ и цѣлый народъ къ повиновенію и покорности своему епископу и митрополиту ²⁾. По праву же высшаго надзора патриархъ, какъ первый духовный пастырь, преимущественно предъ прочими, долженъ былъ заботиться о сохраненіи вѣры, правилъ нравственности и уставовъ церкви во всемъ своемъ округѣ и принимать цѣлесообразныя мѣры къ устраненію обнаруживавшихся въ этомъ отношеніи нарушеній. Осуждая эти нарушенія ³⁾, патриархъ обыкновенно посланіями увѣщавалъ всѣхъ къ правой вѣрѣ ⁴⁾ и къ надлежащему исполненію правилъ и уставовъ церкви ⁵⁾.

Резюмируя множество обнаруженій патриаршей власти, право высшаго надзора далеко не обнимало всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежали исключительно константинопольскому патриарху и отличали его, какъ духовнаго главу обширнаго округа. Главнымъ и нагляднымъ отличіемъ, по которому духовный глава, подобно свѣтскому начальнику, можетъ законно рассчитывать на полное и непрекословное подчиненіе и послушаніе своимъ распоряженіямъ, служить то, что этотъ глава принимаетъ дѣятельное и непосредственное, словомъ рѣшающее участіе въ дѣлѣ избранія и назначенія тѣхъ лицъ, которыя должны являться ближайшими помощниками и исполнителями его распоряженій. Этотъ принципъ въ точности былъ признанъ церковнымъ законодательствомъ и освященъ практикою. Въ уваженіи къ этому принципу правилами церкви было поставлено, чтобы избраніе епископовъ, какъ непосредственныхъ помощниковъ митрополитовъ, производилось соборомъ по возможности всѣхъ мѣстныхъ, т. е.

¹⁾ А. Р. т. I. pag. 347—351. т. II. pag. 181—187.

²⁾ Ibid. т. I. pag. 331—333. т. II. pag. 181—187.

³⁾ Ibid. т. I. pag. 201—202. ⁴⁾ Ibid. т. I. pag. 197—198.

⁵⁾ Ibid. т. I. pag. 199—201. 301—306.

областныхъ епископовъ, но самое утверждение избранныхъ т. е. признаніе ихъ вполне достойными кандидатами епископскаго сана и должности зависѣло отъ митрополита, какъ духовнаго главы известной области ¹⁾. Если патріархъ, по своему положенію, являлся непосредственнымъ начальникомъ митрополитовъ, то примѣнительно къ начертанному порядку поставленія епископовъ, избраніе митрополитовъ и, въ частности, утверждение этихъ выборовъ должны были составить принадлежность и отличительное преимущество власти патріарха. Халкидонскій соборъ, утвердивъ преимущества его кафедръ на равнѣ съ римскою, прибавилъ: *„по сему токмо митрополиты областей понтійскія, асійскія и еракійскія и также епископы у иноплемennыхъ вышереченныхъ областей, да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола, святѣйшія константинопольскія кафедры.“* По этому опредѣленію и по тому объясненію, которое было дано ему на халкидонскомъ же соборѣ, константинопольскому патріарху принадлежало только право утверженія избраннаго кандидата, выражавшееся или самымъ актомъ его поставленія (*χειροτόνια*), или письменнымъ изъявленіемъ согласія на поставленіе избраннаго областнымъ соборомъ, или мѣстными епископами ²⁾. Такъ формулировалъ это право халкидонскій соборъ, который имѣлъ въ виду выборы митрополитовъ поставить внѣ вліянія патріарха, а выборы и поставленіе епископовъ предоставить исключительно мѣстному митрополиту съ соборомъ областныхъ епископовъ; но послѣдующая практика, при окончательномъ устройствѣ управленія константинопольскаго патріархата, произвела въ примѣненіи этого права то существенное измѣненіе, что выборы кандидатовъ на митрополичи и архіепископскія кафедры перешли отъ областныхъ епископовъ къ образовавшемуся при константинопольскомъ патріархѣ, патріаршему синоду (*σύνδος ἐνδημοῦσα*), а равно и самое поставленіе избранныхъ производилось при патріаршей кафедрѣ.

¹⁾ I всел. 4. 6. Ант. 19. 23. Карс. 3. 60. ²⁾ Халкид. IV. всел. пр. 28.

Заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи слѣдующее обстоятельство, проливающее собою много свѣта на занимающій насъ вопросъ. Въ патріаршество Евстратія (1081—1084 г.) открылись каѳедры—мадитская и василейская, которыя незадолго предъ тѣмъ были возведены на степень митрополій изъ епископій ¹⁾; первая изъ нихъ принадлежала къ области ираклійскаго, послѣдняя—анкирскаго митрополитовъ. Названные митрополиты, продолжая отстаивать свои права надъ нами, заявляли и доказывали, что хотя поименованныя каѳедры и почтены достоинствомъ митрополій, однако выборы кандидатовъ для нихъ должны производиться не при патріаршей, но при ихъ каѳедрахъ; такъ какъ 12-е правило халкидонскаго собора предписываетъ сохранять принадлежащія истинной митрополіи права ²⁾ надъ церковію, получившею честь митрополіи по царскимъ указамъ. Возникшее между названными митрополитами и патріаршимъ престоломъ несогласіе было рассмотрено и разрѣшено въ присутствіи синода самимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Этимъ рѣшеніемъ, по свидѣтельству Вальсамона, было постановлено, чтобы „въ церкви, получившія честь по царскому повелѣнію, архіереи были избираемы отъ престола константинопольскаго, и прежніе митрополиты не имѣли участія въ этихъ избраніяхъ“ ³⁾. Новеллою Исаака Ангела (1193 г.) еще рѣшительнѣе было утверждено право константинопольскаго престола избирать и поставлять архіереевъ на тѣ каѳедры, которыя, по указу императора, удостоились званія митрополій или архіепископій: „на общемъ основаніи и по опредѣленію, изданному для всѣхъ, передаетъ Вальсамонъ смыслъ этого закона, тѣ церкви, которыя царскимъ повелѣніемъ возводятся на высшую степень,

¹⁾ Василейская епископія возведена на степень митрополіи хрисуволомъ импер. Константина Дуки. (Zachar. t. III. col. IV. пов. 4.).

²⁾ См. 12 халкид. правил. толков. на него и, въ особенности, поводы, по которому оно постановлено. (Дѣян. всел. собор. въ русс. перев. т. IV. стр. 78—93.)

³⁾ Σύνταξις. т. II. pag. 393. Zachariae, t. III. pag. 368. n. I.

должны быть удостоиваемы и чести, такъ что и избранія здѣсь должны происходить по каноническому уставу, дѣйствующему въ великой церкви, когда митрополиты, собравшись избираютъ митрополитовъ и архіепископовъ " 1). Приведенными законоположеніями окончательно было утверждено за патріаршимъ престоломъ право избранія и поставленія митрополитовъ и архіепископовъ въ томъ смыслѣ, что самыя эти избранія производились на синодѣ въ присутствіи митрополитовъ. Изданнымъ нѣсколько прежде (1187 г.) закономъ того-же императора Исаака Ангела было постановлено, чтобы всѣ находящіеся въ Константинополѣ епископы были приглашаемы на синодъ, и принимали участіе въ выборахъ съ тѣмъ, что если кому либо изъ нихъ окажется невозможнымъ лично принять участіе въ собраніи, тотъ письменно изъявлялъ бы свое согласіе на состоявшіеся выборы 2). Составленный такимъ образомъ синодъ избиралъ трехъ кандидатовъ, которыхъ и представлялъ патріарху; послѣдній утверждалъ одного изъ избранныхъ 3). Избранному и поставленному такимъ образомъ митрополиту и архіепископу выдавались отъ патріарха: 1) грамота съ изложеніемъ его обязанностей по званію митрополита и архіепископа и 2) подпи-

1) Σύστασις. t. II. pag. 248—249. Zachariae, t. III. pag. 552.

2) Zachariae, Jus. Graeco—Rom. t. III. col. IV. nov. 85 pag. 508—514. По вѣдомъ къ изданію настоящаго закона послужилъ доносъ визическаго митрополита, подавашаго оный императору и жаловавшася на то, что онъ не былъ приглашенъ на состоявшіеся выборы митрополитовъ: диррахайскаго, клавдіопольскаго, христіанопольскаго и архіепископовъ: маронійскаго и милетскаго. Произведенное самимъ императоромъ, въ присутствіи константинопольскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ и многихъ митрополитовъ и епископовъ, изслѣдованіе по этому доводу показало, что происходившіе выборы были произведены несогласно съ церковными правилами. Вслѣдствіе сего, императоръ, кассировавъ съ согласія патріарховъ означенные выборы, постановилъ законъ, которымъ въ заключеніи предписалъ, чтобы избиратели руководились безпристрастіемъ въ своихъ выборахъ и предпочитали такихъ, которые, при образованіи, отличались и благочестивою жизнію, или тѣхъ, которые, при недостаткѣ образованія, долгое время состояли на службѣ и понесли труды на пользу церкви.

3) Σύστασις. t. II. pag. 283. t. VI pag. 256—257.

санный рукою патриарха и скрѣпленный его печатію актъ (πράξις) о самомъ избраніи, который, служа удостовѣреніемъ дѣйствительности и законности поставленія, опредѣлялъ начальственныя отношенія рукоположеннаго ¹⁾). Сверхъ поставленія митрополитовъ, 28 правиломъ халкидонскаго собора было предоставлено константинопольскому патриарху—рукополагать епископовъ для иноплеменныхъ народовъ, обитавшихъ въ подчиненныхъ ему діоцезахъ. Предоставленіе этого права константинопольскому патриарху объясняютъ недостаткомъ въ средѣ названныхъ народовъ митрополитовъ ²⁾).

Право поставленія митрополитовъ и архіепископовъ, de facto возвышая надъ ними константинопольскаго патриарха, de jure въ свою очередь обязывало ихъ къ послушанію своему главѣ. Обыкновеннымъ признакомъ этого послушанія, по древнимъ каноническимъ правиламъ, было то, что митрополиты не могли предпринимать ничего, превышающаго ихъ власть, безъ сношенія съ патриархомъ и безъ его вѣдома ³⁾; равнымъ образомъ и патриархъ пользовался правомъ созывать подчиненныхъ ему митрополитовъ на соборы для совмѣстнаго обсужденія дѣлъ и вопросовъ церковныхъ. Для правильнаго пониманія употребленія этого права константинопольскимъ патриархомъ необходимо замѣтить, что существовавшій при немъ „*σύνδος ἐνδημοῦσα*“ формировался какъ бы самъ собою изъ числа пребывавшихъ въ Константинополѣ митрополитовъ по своимъ ли личнымъ дѣламъ, или по требованію нуждъ своихъ церквей. Нѣкоторыя извѣстія заставляютъ прибавить, что изъ числа собиравшихся въ Константинополѣ патриаршихъ синодовъ на однихъ прису т-

¹⁾ См. образцы этихъ документовъ *Σύνταξι*. t. V. pag. 544—558.

²⁾ Hinschius. t. I. pag. 549. n. 6.

³⁾ Апост. 34. Ант. 9. Присутствовавшіе на халкидонскомъ соборѣ египетскіе епископы, послѣ того, какъ было прочитано догматическое посланіе папы Льва великаго, отказались подписать его вмѣстѣ съ прочими, сославшись при этомъ на „существовавшій въ египетской области обычай не дѣлать ничего подобнаго безъ совзволенія и опредѣленія своего т. е. александрійскаго епископа“. (Халк. пр. 30. *Σύνταξι*. t. II. pag. 239—291).

ствующими являются только митрополиты ¹⁾, на другихъ—митрополиты, архієпископы и епископы ²⁾; при чемъ, въ числѣ присутствовавшихъ епископовъ, одни представляются случайно находившимися въ Константинополѣ, другіе напротивъ приглашенными для этой цѣли ³⁾. Сзывая подобные синоды, патріархъ естественно становился во главѣ этого собранія и предсѣдательствовалъ въ его средѣ. Право предсѣдательства имѣло не только тотъ внѣшній смыслъ, что патріархъ занималъ высшее и первое мѣсто въ средѣ присутствующихъ, открывалъ и закрывалъ собранія, руководилъ разсужденіями, но и тотъ—внутренній, по которому синодальное постановленіе обыкновенно утверждалось подписомъ патріарха и обнародовалось отъ его имени и лица, получая авторитетъ закона для всего округа. Въ этомъ обнародованіи синодальныхъ постановленій къ обязательному ихъ исполненію по всему округу слѣдуетъ положить существенное обнаруженіе законодательной власти патріарха.

Довершительнымъ преимуществомъ начальственнаго положенія константинопольскаго патріарха было право высшаго и окончательнаго суда по всему округу и въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ и предметамъ, подлежащимъ духовной юрисдикціи. Для уразумѣнія дѣйствій этого права необходимо прежде всего замѣтить, что патріаршій судъ представлялъ для однихъ дѣлъ первую и послѣднюю инстанцію правосудія, для другихъ—вторую и высшую, для нѣкоторыхъ—третью и окончательную. ⁴⁾ Далѣе нужно прибавить, что на патріаршемъ судѣ разсматривались и рѣшались не одни только въ собственномъ смыслѣ духовныя

¹⁾ Напр. на соборѣ патр. Сисинія (992 г.). *Συνταγμα*. t. V. pag. 19.

²⁾ *Συνταγμα*. t. V. pag. 24. 32. 51. 114. 131. 309—311.

³⁾ Такъ на соборѣ при патріархѣ Лукѣ Хрисовергѣ 12 мая 1156 г. изъ числа 31 епископовъ 24 названы: *συνδιακονοῦντες*, т. е. нарочно прибывшими, а 7 *παρεπρεθέντες ἐν τῇ πόλει* т. е. случайно находившимся въ городѣ (*Migne, Curs. complet. t. CXI pag. 180*), каковыя епископы были и на соборѣ 26 июня 1401 г. при патріархѣ Матѳѣѣ (*Act. Patr. t. II. pag. 529*).

⁴⁾ Какого рода были эти дѣла, скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о патріаршемъ синодѣ, чтобы избѣжать здѣсь повторенія.

дѣла, т. е. возникавшія по обвиненіямъ на духовныя лица въ проступкахъ и преступленіяхъ противъ вѣры, службы, должности и поведенія, которыя по церковнымъ правиламъ подлежали духовной юрисдикціи ¹⁾; но и дѣла уголовного свойства, т. е. по обвиненіямъ на духовныя же лица въ преступленіяхъ противъ законовъ свѣтскихъ ²⁾; также иски какъ духовныхъ лицъ между собою, такъ и свѣтскихъ съ духовными по дѣламъ спорнымъ и тяжбымъ ³⁾ и наконецъ дѣла свѣтскихъ лицъ по отношеніямъ брачнымъ, семейнымъ, о продажѣ имущества, раздѣлѣ наслѣдства, возвратѣ приданого и пр. ⁴⁾. Послѣднія дѣла, не имѣя для своей подсудности патриаршему суду ни каноническихъ, ни юридическихъ основаній, поступали на разбирательство патриарха вслѣдствіе довѣрія къ его сану и правосудію заинтересованныхъ лицъ. Впрочемъ, если не юридическое, то практическое основаніе для разбирательства подобныхъ дѣлъ патриаршимъ судомъ, можно указать въ томъ, что эти дѣла, возникая изъ отношеній семейственныхъ, естественно могли быть направлены къ суду той власти, подъ охраною которой, по византійскимъ законамъ ⁵⁾, находился бракъ, служившій основаніемъ для всякихъ семейственныхъ отношеній. Какъ бы то ни было, только подобное положеніе открывало широкій путь вліянію кон-

¹⁾ См. нашу статью „о духовномъ судѣ“ Христ. Чтеніе 1870 г. сентябрь стр. 473—476. Cod. Theod. lib. XVI. tit. II. l. 1. 23. tit. 12 nov. Valent. Justin. nov. 83. 137.

²⁾ Cod. Theod. lib. XVI. tit. II. l. 12. 23. 41. 47. Justin. novel. 123 cap. 8. 21. Hiraclii, novell. apud. Zachar. Jus. Graeco—Rom. t. III. pag. 44—48. Photii. Nomocan. tit. IX. cap. 1. pag. 165—166. Scholia.

³⁾ Халкад. пр. 9. 17. Cod. Just. lib. 1. tit. IV. l. 29. Novellae: 79. 83. 123. cap. 21. Basilic. lib. III. tit. 1. cap. 37. Hiraclii nov. 25 apud. Zachar. t. III. col. 1. pag. 44—48. Alcxii Comnen. nov. 27. ibid. col. IV. pag. 366—367.

⁴⁾ Acta Patr. Constant. представляютъ множество примѣровъ разбирательства и рѣшенія подобныхъ дѣлъ. Напр. t. II. pag. 344—345. 347—352. 353—359. 361—369. 372—388 и др.

⁵⁾ Justiniani, novel. 74. cap. 4. 5. novel. 117. cap. 4. imper. Leonis, novel. 89. 91. Alexii Comneni, novel. 35. apud. Zachar. t. III. pag. 185. 187. 401—404. Basilic. lib. 11. tit. III.

стантинопольскаго патріарха на дѣла семейныя и отношенія гражданскія.

Являясь по существу разсмотрѣнныхъ правъ высшимъ духовнымъ главою во внутреннихъ отношеніяхъ церкви, константинопольскій патріархъ былъ и главнымъ церковнымъ правителемъ въ глазахъ государственной власти. На основаніи такого положенія константинопольскій патріархъ былъ не только совѣтникомъ государственной власти въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, но и участникомъ ея распоряженій по дѣламъ церковнымъ. Потвержденіемъ этой мысли служатъ самыя законоположенія государственной власти, которыя были даны на имя разныхъ патріарховъ ¹⁾, а еще болѣе—тѣ, которые были изданы вслѣдствіе ходатайства патріарха предъ государственною властію и по его инициативѣ ²⁾, и наконецъ въ особенности тѣ, которыя содержали собственныя постановленія патріарха, санкціонованныя государственною властію ³⁾. Выстъ съ тѣми государственная власть, во вниманіи къ особенному положенію константинопольскаго патріарха въ государствѣ и въ церкви, предоставляла ему особыя преимущества. Въ числѣ такихъ преимуществъ слѣдуетъ поставить то, что по закону императора Алексѣя Комяена (1087 г.) возведеніе епископскихъ кафедръ на степень архіепископій и митрополій могло совершаться не иначе, какъ по сношенію съ патріархомъ, который долженъ былъ съ своей стороны разсмотрѣть, насколько предполагаемое возвышеніе извѣстной кафедры согласно съ церковными канонами и нѣтъ ли препятствій къ осуществленію подобнаго предположенія. Необходимо прибавить, что если одни императоры признавали не возможнымъ

¹⁾ Cod. Just. lib. 1. tit. 1. l. 7. tit. IV. l. 34. novel. 3. 5. 6. 7. 16. 42. 67. 79. Zachariae. t. III. pag. 33. 38. 41. 44.

²⁾ Justiniani, novel. 79 и 83, въ послѣдней императоръ Юстиніанъ, установившая подсудность клириковъ духовному суду по спорамъ и тяжбамъ, говорить, что объ этомъ просилъ его патріархъ Мина.

³⁾ Zachariae, t. III. col. V. novel. imper Andronici Senioris, представляющая утвержденное государственною властію представленіе патріарха Леанасія о разныхъ предметахъ pag. 628—632. Σύνταγμα. t. V. pag. 121—126.

измѣнять преимущества епископскихъ кафедръ и возвышать одни передъ другими собственною властію ¹⁾; то другіе напротивъ считали неотъемлемымъ, свыше полученнымъ, правомъ царской власти возводить церкви изъ епископій въ архіепископіи, изъ архіепископій въ митрополіи, и митрополіи возводить на высшую степень почета и достоинства ²⁾. При чемъ одни государи давали подобныя распоряженія безъ отношеній къ власти патріарха; другіе напротивъ приглашали и эту власть одобрить ихъ постановленіе своимъ согласіемъ ³⁾. Далѣе константинопольскій патріархъ, по самому

¹⁾ Такъ именно думалъ императоръ Константинъ Дука. Нѣкоторые митрополиты, проживая въ Константинополѣ, посредствомъ разныхъ подарковъ старались снискать себѣ расположеніе свѣтскихъ придворныхъ сановниковъ съ тѣмъ, чтобы при ихъ содѣйствіи и ходатайствѣ достигнуть возведенія своихъ кафедръ въ расширенія ихъ преимуществъ. Въ предупрежденіе и отклоненіе подобныхъ искательствъ, императоръ и издалъ указъ (1065 г.), въ которомъ, извѣщая патріарха объ этомъ обстоятельстве, категорически высказалъ мысль, что онъ не имѣетъ права измѣнять достоинства кафедръ, на томъ основаніи, что преимущества ихъ утверждены самимъ Богомъ чрезъ апостоловъ и св. отцовъ, и что если царь со страхомъ и трепетомъ предстоить, а священникъ сидитъ, то какъ же стоящій можетъ предоставить сидящему высшій престолъ... При дворѣ каждый пользуется тою честию, какая предоставлена ему въ снисканіи... Всѣ архіереи суть подобны собранію св. и всеславныхъ апостоловъ, и ихъ Христовъ и Богъ нашъ удостоилъ возсѣдать и вечерять на таинственной и животворящей вечери: кто же можетъ возвышать кафедры ихъ... Пусть другой, кто хочетъ, измѣняетъ божественное (установленіе) и нарушаетъ каноны св. апостоловъ и св. отцовъ, а мы не имѣемъ этого обыкновенія (Zachariae, t. III. pag. 323—325).

²⁾ Подобныя мысли, въ видѣ руководящихъ мотивовъ, высказывались нѣкоторыми государами въ ихъ указахъ или о возведеніи епископій въ архіепископіи, или о предоставленіи архіепископіямъ наименованія митрополіи, или о расширеніи преимуществъ уже существовавшихъ митрополій (ibid. pag. 598—599). См. новеллу Михаила Палеолога (1275—1282) объ отлччяхъ кизическаго митрополита (pag. 608—615); новеллу Андроника старшаго (1293 г.) о преимуществахъ монемвасійскаго митрополита (pag. 621—623); новеллу Андроника старшаго (1304 г.) о подтвержденіи преимуществъ апрской митрополіи (pag. 638—639); новеллу того же государя (1318 г.) о возведеніи епископіи въ митрополію (pag. 641—643).

³⁾ Въ указѣ объ утвержденіи преимуществъ апрской митрополіи Андроникъ старшій въ заключеніи говоритъ: „святѣйшій мой господианъ и вселенскій патріархъ приметъ и одобрить это со священнымъ своимъ синодомъ и составить по сему случаю синодальное дѣяніе, согласное съ нашимъ

своему пребыванію въ столицѣ, долженъ былъ имѣть особое вліяніе на епископовъ и митрополитовъ, приходившихъ въ Константинополь. Правилами церкви въ этомъ отношеніи было постановлено, чтобы епископы путешествовали въ столицу въ случаѣ крайней надобности и не иначе, какъ съ дозволенія митрополита и другихъ той области епископовъ и съ грамотами отъ нихъ ¹⁾. Первыми законами Юстиніана (528 г.) по этому предмету было опредѣлено, чтобы епископы ни по какому дѣлу не путешествовали въ Царьградъ безъ указа государя, но посылали апокрисіаріевъ; въ противномъ случаѣ имъ угрожали отлученіе и гнѣвъ государя ²⁾. Въ послѣдующихъ узаконеніяхъ того же государя разъяснено, что ни одинъ епископъ не долженъ путешествовать въ Византію, не получивъ предварительно отъ своего митрополита рекомендательной (*συστάτιχα*) грамоты къ царю съ изясненіемъ причины его путешествія; равнымъ образомъ и митрополиты, въ случаѣ подобныхъ путешествій, должны были запастись подобною грамотою отъ своего патріарха. Приходившіе въ Константинополь епископы и митрополиты предварительно должны были явиться къ константинопольскому патріарху, и уже имъ представлялись къ императору; равнымъ образомъ они только или чрезъ рефендаріевъ великой церкви, или чрезъ апокрисіаріевъ своихъ патріарховъ могли входить въ сношеніе съ императорами по своимъ дѣламъ. Находившіеся въ столицѣ епископы могли проживать здѣсь и вообще отсутствовать изъ своихъ церквей не болѣе года; въ противномъ случаѣ они должны были быть удаляемы и, въ случаѣ непослушанія, подлежа-

---

указомъ“ (*Zachariae. t. III. pag. 623*). Въ *Acta patr.* дѣйствительно есть сиводальное дѣяніе по этому предмету (*t. 1. pag. 90—91*), равно какъ и объ одобреніи императорскаго указа о переименованіи явнискской епископіи навпатскою митрополіею (*ibid. pag. 94—95. Zachariae, t. III. pag. 638—639*). Мы не ошибемся въ объясненіи причинъ этихъ исключеній, прибавивъ, что при возведеніи этихъ епископій въ митрополіи они получали новыя названія: первая — евхаетской, послѣдняя навпатской митрополіи, которыя подъ этими названіями должны были писаться и въ церковныхъ документахъ.

¹⁾ Авт. II. Сард. 7—9. Каре. 119. ²⁾ *Cod. Just. lib. 1. t. III. l. 43.*

ли лишенію сана ¹⁾. Наблюденіе за исполненіемъ этого порядка, а равно и за поведеніемъ пребывающихъ въ столицѣ архіереевъ относилось къ обязанностямъ ея патріарха, который, въ случаѣ надобности, могъ потребовать удаленія и настоять на возвращеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ своимъ церквамъ. Подобныя мѣры, въ особенности, нужно было употреблять противъ тѣхъ архіереевъ, которые, по словамъ Никиты Хоніата, прибывъ въ Константинополь, проводили здѣсь время въ предосудительной праздности и изо всѣхъ силъ съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя ²⁾. Чтобы поддержать установленный въ этомъ отношеніи порядокъ императоръ Мануиль Комненъ принужденъ былъ (1174 г.) издать законъ, которымъ повелѣлъ, чтобы находящіеся въ Константинополѣ епископы не проживали здѣсь болѣе опредѣленнаго благочестивыми канонами и законами ³⁾ срока, и притомъ въ виду крайней и неизбѣжной необходимости; въ противномъ случаѣ они подлежали насильственному удаленію изъ столицы; при этомъ законъ подтвердилъ, чтобы самое прибытіе архіереевъ въ великій городъ совершалось по издавна установленному канонами и законами обычаю ⁴⁾. Если законъ прямо и не упоминаетъ о патріархѣ, во всякомъ случаѣ онъ служилъ къ огражденію его правъ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ Григора рассказываетъ, что, спустя сто лѣтъ послѣ этого закона, патріархъ Аѳанасій (1289 г.), основываясь на его предписаніи, удалилъ изъ Константинополя проживавшихъ тамъ епископовъ, которые, по словамъ патріарха, живя тамъ наговаривали другъ на друга и на него са-

¹⁾ Novel. 67. 86. 123. Photii. nomocan. tit. VIII. cap. 2. Σύνταγμα. t. I. pag. 150—151. t. VI. pag. 96.

²⁾ Никита Хоніатъ. т. II. стр. 200. Это видно и изъ закона импер. Конст. Дука. (Zachariae. t. III. pag. 323).

³⁾ При этомъ дѣлается ссылка на 123 новеллу Юстиніана, которая возбраняла архіереямъ долго жить въ Константинополѣ, и на 16 пр. двукратнаго (861 г.) собора, которымъ было постановлено, что епископъ, болѣе шести мѣсяцевъ отсутствующій въ своей епархіи безъ уважительныхъ причинъ, подлежалъ лишенію епископскаго сана и достоинства.

⁴⁾ Zachariae, t. III. pag. 500—501. Σύνταγμα. t. I. pag. 153.

мого ¹⁾. Распоряженіе патріарха Аванасія только раздражило противъ него архіереевъ ²⁾, но не возстановило узаконеннаго въ этомъ отношеніи порядка. Властарь съ опредѣленностію свидѣтельствуеть, что въ его время уже не имѣли силы ни постановленія Юстиніана, ни законъ Мануила, когда говоритъ, что архіереи въ его время безъ грамотъ патріарховъ путешествовали въ Константинополь, приходили туда самовольно (αὐθροῦντες) и, стоя у воротъ города, извѣщали патріарха о своемъ прибытіи и безпрепятственно входили въ великій городъ и жили въ немъ долгое время, не испытывая никакихъ неприяностей ³⁾.

Въ ббльшей зависимости отъ константинопольскаго патріарха находились прибывавшіе въ Константинополь изъ другихъ епархій и областей клирики и монахи. Еще халкидонскій соборъ (451 г.), обративъ вниманіе на то, что нѣкоторые клирики и монашествующіе, не имѣя никакихъ порученій отъ своихъ епископовъ, а иногда даже состоя подъ отлученіемъ отъ церковнаго общенія, приходили въ Константинополь и проживали тамъ, производя безпорядки и смуты въ средѣ духовенства и мірянъ, постановилъ: „сперва только напомнить такимъ пришлецамъ чрезъ эдикка, чтобы они сами удалились изъ Константинополя, а потомъ, если они будутъ продолжать свои предосудительныя занятія, насильно удалить ихъ“ ⁴⁾. Соборъ

¹⁾ Григора, т. I. стр. 175.

²⁾ Недовольные архіереи, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Аванасій въ числѣ удаленныхъ по его распоряженію, выслалъ изъ Константинополя и тѣхъ, которые пришли туда подъ предлогомъ исполненія правилъ св. и божественныхъ соборовъ, повелѣвавшихъ дважды, или одинъ разъ въ годъ собираться митрополитамъ у патріарха для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія возникающихъ въ церкви вопросовъ, обвинили его въ нарушеніи правилъ и низложили (тамже).

³⁾ Σύστασις. т. VI pag. 97.

⁴⁾ Халкид. пр. 28. Эдикками назывались особо учрежденныя должностныя лица духовнаго и свѣтскаго званія, которымъ прежде всего было поручаемо ходатайство въ свѣтскихъ судахъ по дѣламъ искавшихъ покровительства церкви и вообще церковнымъ (Кори. 86. 109); за тѣмъ они имѣли надзоръ за благоповеденіемъ духовенства и исполняли обязанности стражей благочинія въ вѣдомствѣ церкви. См. ниже; также: apud. Beveregium. т. II.

никейскій, VII вселенскій (787 г.) усмотрѣлъ новое нарушеніе церковныхъ правилъ со стороны приходившихъ въ Константинополь клириковъ, именно то, что они водворялись тамъ у мірскихъ начальниковъ и отправляли богослуженіе въ ихъ домовыхъ церквахъ, и, вслѣдствіе сего, постановилъ, чтобы они безъ воли ихъ и константинопольскаго епископовъ не были принимаемы ни къ какой домово́й, ни къ приходской церкви¹⁾. Каноническія постановленія, предупреждая безпорядки и незаконныя поступки со стороны приходившихъ въ Константинополь и проживавшихъ тамъ клириковъ, естественно ставили послѣднихъ въ особую зависимость отъ патріарха. „Замѣть, говоритъ Вальсамонъ, при объясненіи никейскаго постановленія, изъ буквального смысла настоящаго правила, что одному константинопольскому патріарху предоставляется принимать чужихъ клириковъ и безъ увольнительной грамоты рукоположившаго ихъ епископа, если они представляютъ по крайней мѣрѣ грамоты, свидѣтельствующія о рукоположеніи ихъ, или принятіи въ клиръ“²⁾. Постановленіе никейскаго собора можно почесть не инымъ чѣмъ, какъ сокращеннымъ повтореніемъ закона императора Ираклія, даннаго (между 620—629 г.) на имя патріарха Сергія (610—629 г.). Въ этомъ законѣ императоръ, обративъ вниманіе на то, что въ константинопольскихъ церквахъ совершаются неумѣстныя и несогласныя съ высокимъ понятіемъ о церкви вещи вслѣдствіе того, что въ Константинополь изъ разныхъ мѣстъ приходятъ клирики, о коихъ неизвѣстно, кѣмъ они поставлены и какого поведенія, и получаютъ мѣста при приходскихъ и домовыхъ церквахъ, и опасаясь, что отъ подобнаго положенія вещей много пострадаетъ честь города и церкви въ глазахъ многихъ посѣтителей столицы, постановилъ слѣдующее: 1) каждый клирикъ долженъ состоять при той церкви, къ какой былъ посвященъ и не пере-

р. 11. pag. 122—123. Σύνταγμα. t. III. pag. 494—539. t. IV. pag. 531. Zhishman. Die Synoden, und die Episcopal. Amter. pag. 135—138. Опытъ курса церк. законов. т. II. стр. 203—204. 220—221. 304.

¹⁾ VII всел. пр. 10. ²⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 539.

ходить къ другой безъ вѣдома своего епископа ¹⁾; 2) никто изъ клириковъ, по прибытіи въ Константинополь изъ другого города или мѣстности, не долженъ быть принимаемъ ни къ какой церкви безъ вѣдома и распоряженія патриарха; 3) всякій клирикъ, по прибытіи въ Константинополь, долженъ прежде всего явиться къ патриарху, который, испытавъ его, если найдетъ способнымъ и достойнымъ, назначалъ его къ одной какой либо домовою, или приходскою церкви; 4) осмѣлившіеся принять какого либо клирика и допустить его къ священнослуженію въ какой либо церкви, безъ вѣдома патриарха, подвергались штрафу въ 5 литръ золота и распоряженія ихъ не имѣли силы и 5) искавшіе запрещеннаго настоящимъ закономъ клирики подлежали лишенію получаемыхъ ими доходовъ на прежнемъ мѣстѣ и подвергались наказанію по усмотрѣнію патриарха, а равно—и тѣ, которые согласились бы принять ихъ къ себѣ и служить вмѣстѣ съ ними ²⁾. Издавая эти постановленія въ видахъ предупрежденія нестроений, Ираклій вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ права константинопольскаго патриарха надъ иноепархіальными клириками. Подобное вниманіе къ преимуществамъ патриарха даетъ себя чувствовать и въ другомъ законѣ (629 г.), которымъ Ираклій опредѣлилъ подсудность духовныхъ лицъ. Въ этомъ законѣ въ отношеніи къ клирикамъ другихъ епархій замѣчено, что духовныя лица, пришедшія въ Константинополь изъ другихъ мѣстъ, могутъ, если пожелаютъ, судиться предъ патриархомъ, а не предъ свѣтскими судьями въ дѣлахъ по денежнымъ претензіямъ ³⁾. Какъ испытаніемъ иноепархіальныхъ клириковъ, при предоставленіи имъ мѣстъ, такъ и производствомъ суда по ихъ дѣламъ завѣдывалъ патриаршій хартофилаксъ ⁴⁾.

При высотѣ начальственнаго положенія въ подчиненномъ округѣ, константинопольскій патриархъ долженъ былъ поль-

¹⁾ Апост. пр. 15. VI всел. 17. Апт. 3. Сарл. 16.

²⁾ Zachariae. t. III. pag. 40—44. ³⁾ Ibid. pag. 46.

⁴⁾ Σύναξις. t. II. pag. 589. t. IV. pag. 530 541.

зоваться известными знаками покорности какъ всего духовенства округа, такъ и, въ частности, старѣйшихъ его представителей. Въ этомъ отношеніи каждый митрополитъ, сохраняя свойственное ему, самостоятельное значеніе въ области, находился въ подчиненномъ отношеніи къ патріарху и зависимости отъ него по дѣламъ, превышавшимъ его компетенцію. Въ правилахъ церкви начало подобныхъ отношеній сформулировано такъ: „*Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его, яко главу и ничего притышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія... но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ*“ ¹⁾. Объясняя это правило и цѣлесообразность выраженного въ немъ начала, Зонара замѣчаетъ: „какъ тѣла движутся неправильно, или даже и совсѣмъ дѣлаются бесполезными, если голова не сохраняетъ своей дѣятельности въ здоровомъ состояніи; такъ и тѣло церкви будетъ двигаться безпорядочно и неправильно, если первенствующій въ немъ членъ, занимающій мѣсто головы, не будетъ пользоваться подобающею ему честію. Посему правило повѣлеваетъ, чтобы первенствующаго епископа... прочіе... почитали главою, и безъ него не дѣлали ничего такого, что имѣетъ отношеніе къ общему состоянію церкви... въ свою очередь и первенствующему епископу правило не позволяетъ, по злоупотребленію честію, превращать оную въ преобладаніе, дѣйствовать самовластно и, безъ общаго согласія своихъ сослужителей, дѣлать что либо подобное. Правило хочетъ, чтобы архіереи были единомысленны, связуемы союзомъ любви“ ²⁾. Приведенное правило говорить объ епископахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ митрополиту; но что сказано объ епископахъ въ отношеніи къ митрополиту, то вполне примѣнимо и къ отношеніямъ митрополитовъ къ патріарху и наоборотъ ³⁾. Поэтому согласное дѣйствование въ управленіи общими дѣлами церкви и взаимное уваженіе правъ однихъ другими вотъ — корен-

¹⁾ Апост. 34. Авт. 9.

²⁾ Сѣвѣтѣмъ. т. II. pag. 45—46. ³⁾ Двукр. пр. 15.

ной принципъ и начальственныхъ отношеній патріарха къ митрополитамъ и подчиненныхъ—митрополитовъ къ патріарху. На основаніи этихъ отношеній, какъ патріархъ не долженъ былъ отчуждать себя отъ общенія со всѣми прочими митрополитами, такъ митрополиты въ свою очередь должны были поддерживать самое тѣсное общеніе съ патріархомъ и не отдѣляться отъ него. Общеніе съ предстоятелемъ есть основное и общее каноническое требованіе въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ всѣхъ степеней церковной іерархіи и необходимое условіе законнаго ихъ пользованія своими правами ¹⁾. Отступленіе отъ этого требованія допускается лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда предстоятель церкви окажется причастнымъ осужденной уже церковью ереси, и притомъ причастнымъ не въ томъ только смыслѣ, что онъ имѣетъ своеобразныя, личныя понятія объ извѣстномъ предметѣ вѣрученія, а въ томъ, что онъ, считая свои понятія правыми, старается распространить ихъ въ средѣ другихъ путемъ открытой, всенародной, церковной проповѣди. Въ такомъ случаѣ подчиненный, не опасаясь отвѣтственности и обвиненія въ самоволіи, долженъ прервать общеніе съ своимъ предстоятелемъ, даже прежде надлежащаго разсмотрѣнія о немъ дѣла, такъ какъ онъ только ограждаетъ себя отъ ереси, но не разрываетъ единства церкви и прекращаетъ общеніе съ лжепредстоятелемъ ²⁾. Допуская въ этомъ случаѣ отдѣленіе отъ своего предстоятеля, правила во всѣхъ прочихъ предписываютъ имѣть самое строгое общеніе съ нимъ и не отдѣляться отъ него, подъ предлогомъ не изслѣдованныхъ и въ особенности вымышленныхъ обвиненій, пзъ опасенія подвергнуться строгой отвѣтственности. Сохраненіе этого общенія, констатируя фактъ единомыслія въ предметахъ вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировало единство и административныхъ дѣйствій по всему округу. Видимымъ знакомъ этого общенія и вмѣстѣ признакомъ начальственныхъ отношеній

¹⁾ Апост. 15. 16. 81. IV всел. 4.

²⁾ Двукрат. пр. 13. 14. 15. Опыт. Курс. Церк. Закон. т. II, стр. 567—568.

патріарха къ митрополитамъ и подчиненныхъ — митрополитовъ къ патріарху служило возношеніе первыми имени послѣдняго въ молитвахъ ¹⁾). Возношеніе имени патріарха имѣло мѣсто по всему патріархату и служило свидѣтельствомъ того, что онъ есть духовный начальникъ и глава всего округа ²⁾). Въмѣстѣ съ возношеніемъ имени, которое служило знакомъ болѣе іерархической зависимости митрополитовъ отъ патріарха, мы видимъ и другой признакъ, доказывающій подчиненность первыхъ послѣднему, какъ своему начальнику. Разумѣемъ тѣ сборы, которые платили митрополиты патріарху и которые опредѣлялись, смотря по доходамъ митрополій ³⁾).

По издревле установившейся практикѣ, избраніе предстоятеля для извѣстной церкви производилось клиромъ и народомъ этой церкви при участіи сосѣднихъ епископовъ. Климентъ римскій, мужъ апостольскій, пишетъ: „почитаемъ несправедливымъ лишать служенія тѣхъ, которые поставлены самими апостолами, или послѣ нихъ другими уважаемыми мужами, съ согласія всей церкви (συνεδοχῆσάσης τῆς ἐκκλησίας πάσης) ⁴⁾ Церковный историкъ Евсевій говоритъ, что, по добровольномъ удаленіи Наркиса іерусалимскаго съ кафедры, епископы сопредѣльныхъ церквей заблагоразсудили рукоположить на его мѣсто другаго, которому имя было Дій; сопредѣльные же епископы, по словамъ того же Евсевія, принудили и Александра принять іерусалимскій, епископскій престоль и сдѣлаться соправителемъ престарѣлаго Наркиса (211—213) ⁵⁾). Какъ клиръ и народъ мѣстной церкви представляются стороною избирающею, такъ сопредѣльные, или сосѣдніе епископы—стороною одобряю-

¹⁾ Σύνταγμα. т. II. pag. 694.

²⁾ Act. Patr. т. I. pag. 564—566. Здѣсь помѣщено увѣщательное посланіе константинопольскаго патріарха Филоея къ церковнымъ правителямъ ессалоникской митрополіи, въ которомъ посланіи патріархъ раскрываетъ смыслъ, цѣль и основанія обычая возношенія патріаршаго имени.

³⁾ Act. Patr. т. I. pag. 126—129. Σύνταγμα. т. V. pag. 134—137.

⁴⁾ Epist. 1 ad Corinth. cap. 44. Писанія мужей апост. въ русс. перев. стр. 144—145.

⁵⁾ Церк. ист. стр. 336. 337.

щею избраніе извѣстнаго кандидата. Св. Кипріанъ карфагенскій о Корниліѣ римскомъ епископѣ, пишетъ, что онъ „епископъ по суду Бога и Иисуса Христа, по свидѣтельству почти всего клира, согласію присутствовавшего народа и по рѣшенію пресвитеровъ и мужей праведныхъ“ ¹⁾). Въ письмѣ къ клиру и народу испанскому тотъ же Кипріанъ такъ описываетъ порядокъ избранія и поставленія епископовъ въ его время: „надобно, пишетъ отецъ, тщательно сохранять преданіе и установленіе апостольское, чтобы для законнаго поставленія собиравались къ тому народу, которому нужно поставить епископа, всѣ ближайшіе, областные епископы, и избраніе происходило въ присутствіи народа (*praesente populo*), который хорошо знаетъ жизнь избираемыхъ и наблюдаетъ поступки всѣхъ и каждаго. И повсюду такъ дѣлается, что на епископство возводятся избранные съ общаго согласія всего братства (*de universae fraternitatis suffragio*) и по опредѣленію епископовъ какъ тѣхъ, которые лично присутствуютъ при избраніи, такъ и тѣхъ, которые присылаютъ отъ себя грамоты съ своимъ согласіемъ на избраніе. Ибо въ присутствіи народа, продолжаетъ Кипріанъ, могутъ открываться и преступленія порочныхъ людей и заслуги добрыхъ, и, такимъ образомъ, только то избраніе можетъ быть совершенно правильно, которое происходитъ съ общаго голоса и сужденія всѣхъ“ ²⁾). Описанный св. Кипріаномъ порядокъ былъ всеобщимъ въ христіанской церкви и примѣнялся на востокѣ и западѣ ³⁾). Соборъ никейскій, I вселенскій своими правилами и пояснительными посланіями одобрилъ, узаконилъ и освятилъ этотъ порядокъ ⁴⁾), такъ что избраніе мѣстнымъ клиромъ и народомъ, при руководствѣ сосѣднихъ епископовъ и утвержденіи всего этого областнымъ митрополитомъ, слѣдуетъ признать общею формою поставленія предстоятелей церкви во

¹⁾ S. Cypriani, Epist. ad Antonianum. 43. Твор. св. Кипр. въ русс. перев. стр. 160—161.

²⁾ Epist. 68. ср. по русс. перев. стр. 269. 270. см. Апост. Постановл. въ рус. перев. кн. VIII. гл. 4.

³⁾ Petri de Marca, de Concordia Sacerdot. et imperii. lib. VI. cap. 2.

⁴⁾ Ник. п. 4. 6. см. Сократъ, цер. ист. кн. I. гл. 9. стр. 53.

времена никейскаго собора ¹⁾. Послѣдующая практика, а равно и постановленія церкви произвели въ этомъ отношеніи то существенное измѣненіе, что, вслѣдствіе происходившихъ смуть и несогласій на народныхъ избраніяхъ ²⁾, было устранено участіе сначала простой толпы (*ὄχλος*) ³⁾, а потомъ и вообще мірянъ въ дѣлѣ избранія предстоятелей ⁴⁾. На мѣсто участія народа въ дѣлѣ избранія предстоятелей, съ IV вѣка, словомъ со вступленіемъ церкви въ союзъ съ гражданскимъ обществомъ, выступаетъ вліяніе православныхъ государей Греціи, которые, какъ представители правъ народа въ дѣлахъ церкви, совершенно устранили его участіе здѣсь своимъ авторитетомъ. Вслѣдствіе сего уже съ IV вѣка, особенно при избраніи на знаменитѣйшія, церковныя каѳедры, участіе государственной власти является обыкновеннымъ въ дѣлѣ избранія епископовъ и обнаруживалось именно въ актѣ утвержденія избранныхъ.

Сформировавшійся порядокъ избранія предстоятелей на другія каѳедры, очевидно, долженъ былъ имѣть примѣненіе и при замѣщеніи каѳедры константинопольской, съ тою существенною особенностію, что вліяніе государственной власти и вообще императорскаго двора должно было получить преимущественное значеніе при избраніи кандидатовъ на эту каѳедру. Дѣйствительно, объ архіепископѣ Нектаріи (381—391), который первымъ воспользовался предоставленными константинопольскому архіепископу константинопольскимъ соборомъ преиму-

¹⁾ Слѣды этого порядка избранія видны и въ дѣйствительныхъ примѣрахъ того времени. (Сократ. IV. 30. стр. 273—274. VI. 2. стр. 450, Θεοδορίτῃ IV. 6. 1. 7. Созоменъ, VII. 19. Дѣян. всел. соб. въ русс. перев. п. 1 стр. 258. Твор. блж. Иеронима въ русс. перев. т. II. стр. 249. и др.)

²⁾ Св. Златоустъ, о священствѣ 77—78. Созоменъ, VI. 23. стр. 420. Сократъ, IV. 29. стр. 372—373. Rufin. *Histor. Ecclesiast. lib. II. cap. 2. Varonius, Annales ad ann. 418—419.*

³⁾ Ант. пр. 16. Лаод. пр. 12. 13. Опыт. курс. цер. закон. т. 1. стр. 408. 434—435.

⁴⁾ Юстиніанъ требовалъ, чтобы избраніе епископовъ совершалось клириками при участіи первыхъ гражданъ города *novel. 123. Basilic. lib. 8. tit. 1. 3. Photii, помос. tit. 1. cap. 8.* Постановленіями церкви совершенно отклонено участіе мірянъ въ этомъ избраніи. VII. всел. 8. *Bevereg. t. II. pag. 166.*

ществами, известно, что онъ былъ избранъ и рукоположенъ, по желанію императора Θεодосія I, изъ мірянъ Тарса киликійскаго. ¹⁾ „Царь, пишетъ объ этомъ событіи Созоменъ, повелѣлъ епископамъ написать на бумагѣ имена тѣхъ, которыхъ каждый считаетъ достойнымъ рукоположенія, а себѣ самому предоставилъ избраніе одного изъ всѣхъ... Прочитавъ списокъ написанныхъ именъ, царь остановился на Нектаріи... и избралъ его“. Равнымъ образомъ объ избраніи преемника Нектарію, св. Златоуста, въ его жизнеописаніи, говорится: „когда, по смерти константинопольскаго епископа Нектарія, многія лица священнаго сана, не безъ достоинства священства, не надѣясь на свои заслуги и отчаяваясь получить епископскій престоль чрезъ избраніе вѣрующихъ, осаждали императорскій дворецъ; другія пресмыкались предъ вельможами, а иныя упрашивали народъ, стоя предъ нимъ на колѣнахъ; въ то время вознегодовалъ на нихъ вѣрный народъ и отправился къ императору просить его, чтобы онъ далъ церкви добраго пастыря. Императоръ (Аркадій), не находя достойныхъ кандидатовъ въ мѣстномъ клирѣ, указалъ на знаменитаго, антиохійскаго пресвитера, Иоанна, и весь народъ съ восторгомъ принялъ это избраніе“ ²⁾. Въ приведенныхъ примѣрахъ избранія первыхъ предстоятелей константинопольской каведры, по ея возвышеніи, видно участіе разныхъ элементовъ; но преобладающимъ является вліяніе государственной власти ³⁾. Георгій Кюдинъ, писатель должностей великой константинопольской церкви, а равно и Симеонъ солунскій такъ описываютъ порядокъ избранія константинопольскаго патріарха. Когда становилась вакантною патріаршая каведра, императоръ, какъ божій помазанникъ и общій блюститель церковной дисциплины (κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιστημονάρχης ⁴⁾

¹⁾ Сократъ, стр. 397. Созоменъ, стр. 488. Hergenröther, t. I. pag. 33.

²⁾ Palladius, Vita Chrisost. cap. 5. Созоменъ, стр. 549. Сократъ, стр. 450.

³⁾ Leuclavii, Jus. Graeco—Rom. t. I. pag. 317. Отвѣты Дмитрія Хоматина, архіепископа болгарскаго на вопросы Константина Кавасили, митрополита даррихайскаго. Σύστασις. t. V. pag. 429.

⁴⁾ Впрочемъ, Θεοφάνης хронографъ о возведеніи Германа I (714—730 г.)

созывалъ для избранія новаго патріарха соборъ какъ изъ находившихся въ Константинополѣ, такъ и изъ сосѣднихъ епископовъ, которыхъ всѣхъ требовалось не менѣе 12. Собравшись въ храмѣ св. апостоловъ, но никакъ не въ великой церкви св. Софіи, которая была каѳедрою патріарха, епископы, по взаимному соглашенію въ виду заявленія клира и одобренія народа, избирали трехъ кандидатовъ, имена которыхъ и представляли императору чрезъ двухъ избранныхъ соборомъ епископовъ и патріаршаго хортофикласа. Императоръ утверждалъ одного изъ представленныхъ ему кандидатовъ, и назначалъ сановниковъ, которые вмѣстѣ съ духовными представителями должны были извѣстить избраннаго и утвержденнаго объ его назначеніи. Если первоначально избранный не соглашался занять патріаршую каѳедру; въ такомъ случаѣ послѣдовательно приглашались къ занятію ея два другіе кандидата. Въ случаѣ, если всѣ они отказывались отъ этой чести, производились новые выборы. Согласившіеся занять патріаршую каѳедру въ торжественномъ собраніи епископовъ, клира, сената и другихъ государственныхъ сановниковъ и народа выслушивали императорскій указъ о своемъ назначеніи ¹⁾, въ слѣдующей формѣ: „Державнѣйшій и святой нашъ сомодержецъ и царь и святой и священнѣйшій и великій синодъ избираютъ твою святыню (*παρακαλοῦνται τὴν ἀγιοσύνην σου*) на высшій престолъ патріархата константинопольскаго“.

Описанный порядокъ избранія, представляя естественную форму совмѣстнаго участія церковной и государственной власти, даетъ право, въ слѣдъ за Симеономъ солунскимъ, выразить мысль,

---

на патріаршій престолъ замѣчаетъ, что онъ поставленъ „по избранію и соизволенію боголюбивѣйшихъ пресвитеровъ и діаконовъ и всего благочестиваго народа“ (Le Quien, t. pag. 122).

¹⁾ Это дѣйствіе называлось: „*μῆνυμα*“, которое предшествовало всѣмъ другимъ, входившимъ въ составъ церемоній поставленія патріарха. Codini *Curpal. de official. Palatii Cpolit. et de offic. magn. eccles. liber.* pag. 101—102. edit. Bonn. Symeon. Thessalon. *Archiep. Opera omnia.* (Migne t. CLV) pag. 438—439. Pharantz. III. cap. II. pag. 304. edit. Bonn. Le Quien, t. I. pag. 121—122.

что константинопольскій патріархъ избирался церковію и императоромъ; послѣдній въ семь случаѣ соглашался съ мнѣніемъ синода и назначалъ избраннаго имъ патріархомъ. Но какъ всегда въ дѣлахъ человѣческихъ возможны крайности увлеченія, такъ они же были причиною своего рода безпорядковъ и въ этомъ отношеніи. Во времена религіозныхъ смуть, въ которыхъ самое дѣятельное участіе иногда принимали императоры, и, въ особенности, въ самый бурный въ византійской исторіи періодъ иконоборства, и патріаршая каедрѣ царствующаго города, какъ и многое другое, дѣлалась игрушкою религіознаго деспотизма императоровъ. Чтò одинъ современный историкъ сказалъ о Константинѣ Копронимѣ (741—775 г.), тоже самое можно приложить ко всѣмъ императорамъ иконоборцамъ: „они давали предстоительство въ церкви не по избранію отцовъ и не по изъявленію собора, не по каноническому порядку и закону, а по своему произволу и своимъ единомышленникамъ; съ высоты своего престола они вручали новому патріарху знаки его сана и восклицали: ἄξιος“¹⁾). Болѣе общимъ въ этомъ отношеніи явленіемъ было то, что императоры желали и старались видѣть на каедрѣ патріарха тѣхъ, которые болѣе удовлетворяли ихъ желаніямъ и не могли, въ случаѣ надобности, обнаружить противодѣйствія ихъ планамъ. При этомъ не только забывались болѣе достойные кандидаты, но и совершенно не обращалось вниманія на требованія и желанія народа²⁾). Подобные случаи, предполагая присутствіе произвола, а не дѣйствіе закона, не могутъ быть принимаемы въ соображеніе при разясненіи юридической нормы предмета.

Избранный и назначенный быть патріархомъ, если онъ уже былъ саномъ епископъ, прямо вступалъ на патріаршую каедрѣ св. Софійи (ἐνθρονισμός); если—пресвитеръ, предваритель-

¹⁾ In vita S. Stephani Patriarhae. сн. Изв. и уч. записк казанск. унив. 1866 г. кн. V. стр. 497.

²⁾ Такъ между прочь императоръ Теодоръ Ласкарисъ, не смотря на то, что народъ настоятельно желалъ видѣть на патріаршей каедрѣ Никифора Биемидѣ, возвелъ на нее Арсенія. Le Quien, t. I. pag. 121—122.

но получалъ хиротонію и затѣмъ вступалъ на кафедру; если же мірянинъ, предварительно выслушанія самаго указа объ избраніи и назначеніи его патріархомъ, получалъ посвященіе въ пресвитера и затѣмъ уже слѣдовало исполненіе частныхъ дѣйствій, которыя входили, такъ сказать, въ общій чинъ поставленія новаго патріарха ¹⁾). Посвященіе избраннаго патріархомъ обыкновенно совершалъ ираклійскій митрополитъ. Никифоръ Григора, рассказывая о возведеніи на патріаршій престолъ императоромъ Андроникомъ Палеологомъ недавно предъ тѣмъ принявшаго монашество Григорія Кипрянина (1283) о поставленіи его патріархомъ пишетъ: „ираклійскій митрополитъ (Германъ) поставилъ Григорія Кипрскаго изъ чтецовъ въ діакона, пресвитера, и наконецъ въ патріарха“. Говоря это, Григора прибавляетъ, что „за ираклійскими митрополитами издревле сохранялось право рукополагать константинопольскаго патріарха“ ²⁾). Тоже самое замѣчаютъ и церковные канонисты: Занора, Вальсамонъ, которые основаніе этого права ираклійскаго митрополита полагаютъ въ томъ, что Византія, по завоеваніи ея римлянами, была подчинена ираклійскому градоначальству, и епископъ ея въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ митрополита ираклійскаго. Константинъ великій, сдѣлавшій изъ Византіи новый Римъ, не уничтожилъ этой привиллегіи ³⁾). Впрочемъ въ виду примѣровъ исторіи должно прибавить, что разсматриваемое право ираклійскаго митрополита не всегда соблюдалось на практикѣ. Такъ Фотій былъ рукоположенъ—Григоріемъ сиракузскимъ ⁴⁾); преемникъ Фотія Стефанъ, братъ Льва мудраго—

¹⁾ Эти дѣйствія подробно описаны у Сямеона солунскаго, который между прочимъ говоритъ, что послѣ „μύρονα“ бываетъ и пѣчто другое прежде хиротоніи, или посаженія на кафедру; это дѣйствіе называется „πρόβλησις“. Оно состояло въ томъ, что избранный и назначенный быть патріархомъ являлся къ императору, который, въ знакъ уваженія къ избранному и избравшей его церкви, принималъ отъ него благословеніе съ лобызаніемъ руки, вручалъ ему мантию съ источниками и посохъ, какъ символъ пастырской власти. За сямъ слѣдовало шествіе избраннаго на лошади и т. д. (Migne, t. CLV. pag. 141—142).

²⁾ Никифоръ Григора т. I. стр. 156—157 въ русскомъ пер.

³⁾ Συνταγμα. т. II. pag.

⁴⁾ Mansi, t. XV. pag. 578. Hefele, t. IV. pag. 220.

Оеофаномъ кесарійскимъ; въ послѣдствіи (1191 г.) Леонтіи — Дмитріемъ кесарійскимъ ¹⁾. Впрочемъ эти примѣры должны быть отнесены къ числу исключеній изъ общаго правила, по которому ираклійскій митрополитъ и въ настоящее время сохраняетъ право совершать рукоположеніе и поставленіе константинопольскаго патріарха ²⁾.

Соображая сказанное о правахъ и преимуществахъ константинопольскаго патріарха, необходимо остановиться на мысли, что эти права и преимущества ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выводимы до одного „*первенства чести*“, и константинопольскій іерархъ, пользовавшійся этими правами и преимуществами, не можетъ быть названъ только „*primus inter pares*“ какъ вообще въ средѣ епископовъ, такъ и въ частности въ отношеніи къ подчиненнымъ ему ³⁾. Будучи дѣйствительно „*primus inter pares*“ и въ средѣ подчиненныхъ ему епископовъ, по благодати архіерейства (*ordinationis*), онъ возвышался надъ всѣми іерархами востока по правамъ и преимуществамъ принадлежавшей ему, церковной власти (*potestas jurisdictionis*). Въ послѣднемъ отношеніи константинопольскій патріархъ былъ въ собственномъ смыслѣ старѣйшимъ іерархомъ востока и вмѣстѣ предстоятелемъ обширнѣйшаго церковнаго округа. На основаніи этого положенія, онъ одинъ пользовался правомъ вліянія на предѣлы другихъ патріархатовъ и рѣшающаго голоса въ дѣлахъ собственнаго округа. Безъ его авторитета многое и притомъ самое высшее въ обнаруженіяхъ церковной власти не могло получить правомѣрнаго дѣйствія. Онъ былъ глава церкви, долженствовавшій принимать участіе во всѣхъ важнѣйшихъ ея дѣлахъ, съ тѣмъ, чтобы сообщить имъ надлежащее теченіе и привести къ законному окончанію. Далѣе, онъ былъ главный стражъ церковныхъ интересовъ, долженствовавшій первымъ принимать цѣлесообразныя мѣры къ ихъ огражденію и къ устраненію отъ нихъ всякаго вреда. Онъ былъ старѣй-

¹⁾ Σύνταξις, т II. pag. 249. Le Quien, t. I. pag. 250. 273.

²⁾ Le Quien, t. I. pag. 124. 180. Silbernagl. pag. 11—12.

³⁾ Сборн. протокол. общ. любв. дух. просв. за 1873—1874 г. стр. 429.

пій предстоятель, которому другіе были обязаны почтеніемъ, послушаніемъ и покорностію, чтобы не оказаться нарушителями церковныхъ правилъ и не подвергнуться правомѣрному взысканію. Словомъ, онъ совмѣщаль въ своихъ рукахъ всѣ функціи церковной власти въ ея высшихъ и крайнихъ обнаруженіяхъ, т. е. былъ главнымъ администраторомъ, судіею и законодателемъ христіанской церкви, такъ что къ его каедрѣ обращались всѣ искавшіе окончательнаго правосудія и при ней получали окончательное рѣшеніе другіе вопросы административнаго и законодательнаго свойства.

Понимая такъ положеніе константинопольскаго патріарха, мы должны прибавить, что это положеніе, возвышая его надъ всѣми предстоятелями востока, и дѣлая его каедру средоточіемъ церковнаго управленія, не сообщало ему ни правъ, ни преимуществъ вселенскаго епископа— „*episcopus ecclesiae universalis*“, какъ именуютъ западные католики своего папу, въ томъ смыслѣ, что онъ одинъ считается видимымъ главою и единственнымъ епископомъ христіанской церкви, всѣ же другіе ея предстоятели суть только носители полномочія папы. Еще менѣе мы можемъ усвоить константинопольскому патріарху полноту церковной власти—*plenitudo potestatis ecclesiasticae*, которую тѣже католики приписываютъ папѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ одинъ является неограниченнымъ и непогрѣшимымъ судіею въ вопросахъ церковной дисциплины и въ дѣлахъ вѣры. Эти особенности ученія западной церкви, составляя послѣдовательное развитіе тѣхъ понятій, которыя высказывали римскіе папы въ своихъ несогласіяхъ и спорахъ съ константинопольскими епископами, по поводу предоставленія послѣднимъ тѣхъ или другихъ преимуществъ, не имѣютъ ничего общаго съ воззрѣніями восточной церкви на ея старѣйшаго предстоятеля. Въмѣсто „*episcopus ecclesiae universalis*“ онъ только „вселенскій патріархъ“, т. е. первостоятель той церкви, которая содержитъ вселенскую истину и должна распространять ея нравственное господство во всемъ мірѣ. Въмѣсто „*plenitudo potestatis ecclesiasticae*“, онъ обладаетъ только высшею церковною властію, которая прили-

чувствуетъ старѣйшему и главному правителю, но не неограниченному и непогрѣшному суди въ дѣлахъ и вопросахъ вѣры и церкви. Существенная разница между положеніемъ западнаго и восточнаго первостоятеля христіанской церкви заключается въ томъ, что римскій папа, заслоняя своимъ авторитетомъ всѣхъ другихъ предстоятелей, не имѣетъ надъ собою никакой высшей власти, и не подлежитъ никакому суду, являясь совершенно безотвѣтственнымъ въ своихъ распоряженіяхъ; между тѣмъ константинопольскій патріархъ, будучи законнымъ судьей въ отношеніи къ каждому изъ подчиненныхъ ему предстоятелей, самъ въ свою очередь подлежитъ общему ихъ суду, и является отвѣтственнымъ за всѣ свои дѣйствія и распоряженія. Эта разница, полагая рѣшительную грань различія между абсолютизмомъ и деспотизмомъ римскаго первосвященника съ одной стороны, предстоятельствомъ и начальствованіемъ константинопольскаго іерарха съ другой — заставляетъ признать послѣдняго только первымъ и главнымъ церковнымъ представителемъ въ ряду всѣхъ прочихъ, но не по преимуществамъ только чести, а по правамъ дѣйствительной власти, по которой онъ былъ высшимъ правителемъ, судьей и законодателемъ прежде всего для лицъ подчиненнаго ему округа, за тѣмъ и всего православнаго востока. Къ его кафедрѣ, не въ видахъ изъявленія уваженія, а по закону обращались всѣ и, въ особенности, высшіе предстоятели за полученіемъ окончательнаго правосудія; при ней разсматривались и разрѣшались всѣ вопросы церковной дисциплины и права; онъ былъ лицомъ, голосъ котораго необходимо требовался для сообщенія полнаго значенія каждому церковному постановленію; отсутствіе же его согласія лишало послѣднее правомѣрнаго дѣйствія.

ГЛАВА V.

Патріаршій синодъ и ближайшіе помощники патріарха по управленію.

При всемъ разнообразіи и широтѣ принадлежавшихъ константинопольскому патріарху правъ и преимуществъ, онъ не былъ и не могъ быть полновластнымъ и неограниченнымъ судіею и распорядителемъ въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему округа. Никейскій, I вселенскій соборъ, опредѣливъ права областныхъ митрополитовъ, постановилъ, чтобы *„въ каждой области дважды въ годъ были соборы“* для изслѣдованія недоумѣній; константинопольскій, II вселенскій, опредѣливъ права экзарховъ различныхъ діоцезовъ и установилъ порядокъ управленія въ округахъ, постановилъ: *„при сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждая области благоучреждати будетъ соборъ той же области, какъ опредѣлено въ Никее“* ¹⁾. Отсюда видно, что никейскій и константинопольскій соборы, признавая извѣстныя права, первый за митрополитами областей, послѣдній за экзархами округовъ, одинаково высшими и центральными органами областнаго и окружнаго управленія представляютъ соборы, которые должны были собирать тѣже митрополиты и экзархи для разсмотрѣнія церковныхъ дѣлъ области и округа. На основаніи этого, общепринятаго правила и константинопольскій патріархъ долженъ былъ управлять дѣлами подчиненнаго ему округа, также при содѣйствіи собора своего округа. Само собою понятно, что въ то время, когда константинопольскимъ, II вселенскимъ соборомъ были предоставлены константинопольскому іерарху только пре-

¹⁾ I всел. пр. 4. 5. II всел. пр. 2. IV всел. 19. VI всел. 8. VII всел. 6. Ант. 6. 20. Каро. 27. Justin., Nouvelle. 137. cap. 4. 6.

мущества чести по римскомъ епископѣ, безъ всякихъ правъ власти даже надъ епископами еракійскаго діоцеза, словомъ когда константинопольскій іерархъ еще не имѣлъ подъ своею властію никакого округа, въ то время, очевидно, не могло быть и рѣчи о созваніи константинопольскимъ іерархомъ окружныхъ соборовъ. Константинопольскій іерархъ получилъ право и возможность созывать подобные соборы лишь съ того времени, когда онъ de jure сдѣлался патріархомъ трехъ подчиненныхъ ему діоцезовъ, т. е. со времени халкидонскаго собора. Между тѣмъ, историческіе факты показываютъ, что и до этого времени при каедрѣ константинопольскаго іерарха собирались соборы, на которыхъ рѣшались спорныя дѣла митрополитовъ и при томъ изъ другихъ патріаршихъ округовъ. Эти соборы формировались сами собою изъ тѣхъ епископовъ, которые приходили въ столицу и временно проживали здѣсь частію по своимъ личнымъ дѣламъ, частію по дѣламъ своихъ епархій и церквей. Императоры, получая жалобы и просьбы по дѣламъ и предметамъ церковнымъ, или сами разрѣшали ихъ, или предоставляли разсмотрѣть и разрѣшить ихъ епископу столицы вмѣстѣ съ другими находившимися (ἐνδημοῦντες) въ Константинополѣ епископами. Отсюда и самое ихъ собраніе называлось: (σύνδος ἐνδημοῦσα) ¹⁾. т. е. соборъ пребывающихъ, или живущихъ въ столицѣ епископовъ (σύνδος ἐπισκόπων ἐνδημοῦσων) ²⁾.

Образованіе этого синода одни относятъ ко времени константинопольскаго архіепископа Нектарія ³⁾, другіе—св. Златоуста ⁴⁾, но болѣе безошибочнымъ будетъ принять, что первыя дѣйствія этого собора начались при константинопольскомъ архіепископѣ Нектаріи, вслѣдъ за предоставленіемъ константино-

¹⁾ Petr. de Marca, Dissert. posthum. 1669 г. pag. 169—169. Pichler, Gesch. d. kirchl. Trenn. d. zw. Orient u. Occid. t. II. pag. 630. Hergenr. Phot. Patr. Const. t. I. pag. 38.

²⁾ Sozom, H. E. lib. VII. cap. 6.

³⁾ Hergenröther, Photius, Patr. Const. t. 1. pag. 38.

⁴⁾ Migne, t. LV. Quesnell. Dissert. in S. Leonis M. op. pag. 274—275. Thomass. Vetus et nov. eccles. discipl. t. II. lib. III. cap. 43. n. 3—4.

польской кафедрѣ преимуществъ чести. Этотъ соборъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности получилъ значеніе административно-судебнаго органа; на немъ разсматривались и дѣла церковнаго управления и спорныя дѣла митрополитовъ и вопросы вѣры ¹⁾. На халкидонскомъ соборѣ, при разсмотрѣніи дѣла о Фотіи тирскомъ и Евстафіи беритскомъ, мы встрѣчаемся съ такими показаніями относительно компетенціи и образа дѣйствій этого синода. Императорскіе сановники спросили соборъ: „позвоительно ли было архіепископу Анатолію послать отлученіе отсутствующему епископу Фотію и приказывать отнять у него извѣстныя церкви въ области и можно ли называть соборомъ собраніе епископовъ, живущихъ (ἐνδημοῦντων) въ царствующемъ городѣ“. На это Трифонъ, хіоскій епископъ отвѣтилъ: „соборъ созывается и собирается и обиженные получаютъ удовлетвореніе (τῶν δικαίων ἀπολαύειν)“. При этомъ архіепископъ Анатолій пояснилъ: „издавна имѣетъ силу обычай, что живущіе (ἐνδημοῦντες) въ царствующемъ городѣ епископы, когда представится надобность (разсудить) о встрѣтившихся какихъ либо церковныхъ дѣлахъ, собираются и разсматриваютъ каждое и удостоиваютъ отвѣта просителей. Поэтому ни я не сдѣлалъ никакого нововведенія, ни собравшіеся, по обыкновенію, епископы, не положили начала новому порядку, и состоявшееся дѣяніе доказываетъ присутствіе епископовъ“ ²⁾. Изъ настоящаго показанія видно, что „σύνοδος ἐνδημοῦσα“ былъ произведеніемъ одного обычая, по которому находившіеся въ столицѣ епископы, по приглашенію ея архіепископа и подъ его предсѣдательствомъ, собирались для разсмотрѣнія встрѣчавшихся въ особенности спорныхъ дѣлъ. Дѣйствовавшій первоначально на основаніи обычая и по требованію обстоятельствъ, этотъ синодъ, съ теченіемъ времени, мало по малу, по мѣрѣ того, какъ развивалась власть константинопольскаго патріарха и формировалось управленіе при

¹⁾ См. выше стр. 41—42. Migne, t. LV. pag. 274.

²⁾ Mansi, t. VII. pag. 92. Дѣян. всел. соб. въ русскомъ переводѣ т. IV. стр. 86—87.

его каедрѣ, получалъ значеніе постоянного установленія ¹⁾, при содѣйствіи котораго патріархъ управлялъ дѣлами своего патріархата. Такимъ образомъ, при окончательномъ устройствѣ управления при каедрѣ константинопольскаго патріарха, центральнымъ установленіемъ, въ которомъ сосредоточилось управление важнѣйшими дѣлами патріархата, является особый, постоянно дѣйствовавшій синодъ, который въ свѣденіяхъ послѣдующаго времени и называется: „патріаршимъ синодомъ“, или „синодомъ при патріархѣ“ ²⁾, или „патріаршимъ судилищемъ“ ³⁾.

Патріаршій синодъ былъ вспомогательнымъ органомъ при константинопольскомъ патріархѣ для управления дѣлами его обширнаго округа. Поэтому патріархъ былъ предсѣдателемъ синода и распорядителемъ его дѣйствій. Какъ предсѣдатель, патріархъ созывалъ синодъ, открывалъ и закрывалъ его засѣданія; на его имя императоры адресовали свои указы, требовавшіе разсужденія, или исполненія со стороны синода; въ тѣхъ случаяхъ, когда сами императоры присутствовали на синодѣ, патріархъ предсѣдательствовалъ вмѣстѣ съ императоромъ ⁴⁾. Какъ распорядитель дѣйствій синода, патріархъ первымъ подписывалъ его акты и обнародовалъ его постановленія и распоряженія; въ то время, когда патріаршая каедра была вакантною, синодъ не могъ постановить окончательное рѣшеніе по разсмотрѣнному имъ дѣлу и обнародовать свое постановленіе въ окончательной формѣ, а представлялъ ихъ на утвержденіе и одобреніе новому патріарху, отъ имени котораго они и обнародовались ⁵⁾. Вообще патріархъ находился въ такомъ отно-

¹⁾ Hergenr. t. I. pag. 38. Zhishman, die Synoden und die episkopal. Amter. in d. morgenländ. Kirche. pag. 4.

²⁾ Σύναγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόν. t. II. pag. 325. Balsam. ad. can. 8. Trull.

³⁾ Miklosich. et. Müller, Act. Patr. Const. t. II. pag. 436.

⁴⁾ Цишманъ говоритъ, что не видно примѣровъ того, чтобы византійскіе императоры пользовались предсѣдательствомъ на патріаршихъ синодахъ (Zhishman. pag. 29); примѣры же дѣйствительнаго присутствія императоровъ въ засѣданіяхъ синода можно видѣть: Σύναγμα. t. V. pag. 307. Mingue. t. CXL. pag. 177. 236. Act. Patr. t. I. pag. 426.

⁵⁾ Act. Patr. t. I. pag. 6, 7, 115. t. II. pag. 2.

шеніи къ синоду, какое приличествовало ему, какъ духовному главѣ мѣстной церкви. Для правильнаго пониманія дальнѣйшей организаціи патріаршаго синода, необходимо поставить его въ параллель съ тѣми изъ соборовъ древней церкви, которые въ ея правилахъ извѣстны подъ именемъ: „большихъ соборовъ“ (μαίζονες σύνοδοι ¹⁾), а въ соборныхъ актахъ, именуются „соборами округа“ (σύνοδοι διοικήσεως ²⁾). Правда правила церкви не содержатъ особыхъ постановленій объ этихъ соборахъ; но если тѣми же правилами вообще требовалось, чтобы на областные соборы, по возможности, являлись всѣ епископы области, исключая тѣхъ, которыхъ удерживали: какое-либо неотложное занятіе, также старость, болѣзнь и другая необходимость ³⁾; то на большихъ и окружныхъ соборахъ должны были присутствовать епископы всего округа и, въ особенности, старѣйшіе изъ нихъ, т. е. митрополиты. Правилами кареагенской церкви, которая по преимуществу управлялась соборами, было постановлено, чтобы на полный соборъ (plenarium concilium) всея Африки, собирались по преимуществу епископы, занимавшіе „первыя кафедры въ областяхъ“, или особо избранные для этой цѣли представители меньшихъ областныхъ соборовъ ⁴⁾. Примѣнительно къ этому и патріаршій синодъ долженъ былъ формироваться преимущественно изъ старѣйшихъ іерарховъ округа. Дѣйствительно, протоколы и другіе акты патріаршаго константинопольскаго синода, въ которыхъ перечислены имена присутствовавшихъ на собраніи извѣстнаго синода, даютъ основаніе къ безошибочному заключенію, что обыкновенными членами патріаршаго синода были вообще митрополиты. Вальсамонъ, въ толкованіи на 8 пр. трульскаго собора выражаетъ мысль, что архіепископы и митрополиты, не имѣвшіе въ подчиненіи себѣ епископовъ, преимущественно обязывались являться на соборъ къ патріарху ⁵⁾. Справляясь съ актами разныхъ патріаршихъ синодовъ, нельзя не замѣтить, что дѣйстви-

¹⁾ II всел. пр. 6 Ант. 12. ²⁾ Harduin. t. I. pag. 1296, 1449, 1536.

³⁾ I всел. 5. IV. 19. VI. 8. ⁴⁾ Каре. соб. пр. 27. 87.

⁵⁾ Σύσταγμ. t. II. pag. 325—326.

тельно членами ихъ всегда являются митрополиты, а иногда и архіепископы ¹⁾. Къ нимъ присоединялись и тѣ, которые только были избраны на известную митрополичью, или архіепископскую кафедру, но еще не получили рукоположенія ²⁾; причемъ число ихъ на разныхъ синодахъ является неодинаково: наибольшее достигаетъ тридцати ³⁾, наименьшее ограничивается четырьмя и тремя ⁴⁾, средняя цифра колеблется между шестью и двадцатью ⁵⁾. На этомъ основаніи, нѣкоторые заключаютъ, что какъ назначеніе числа членовъ, такъ и выборъ ихъ зависѣли отъ усмотрѣнія и воли предсѣдательствовавшего патріарха, который соображался въ семь случаевъ съ важностію подлежащаго обсужденію предмета и другими временными и мѣстными обстоятельствами ⁶⁾. Намъ представляется болѣе безопытнымъ предположить, что въ числѣ присутствующихъ на синодѣ являлись по преимуществу старѣйшіе изъ митрополитовъ, которыхъ кафедры ближе другихъ находились къ Константинополю ⁷⁾, а равно и тѣ, которые случались въ столицѣ во время засѣданія синода. При патріархѣ Филолеѣ (1354 г.) было постановлено, чтобы митрополиты чрезъ годъ являлись въ Константинополь для присутствованія въ патріаршемъ синодѣ, въ случаяхъ неудобствъ и затрудненій по дальности растоянія—чрезъ два года ⁸⁾. Присутствіе простыхъ епископовъ въ патріаршемъ синодѣ слѣдуетъ отнести вообще къ исключеніямъ тѣхъ случаевъ, когда эти епископы обращались къ синоду съ своими просьбами, или представляли лице своего ми-

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 14. 24. 32. 93. 309—314. Act. Patr. Const. t. I. pag. 5. 14. 19. 33.

²⁾ Они назывались: ὑποψήφιοι т. е. вновь избранные. Act. Patr. Const. t. I. pag. 80. 230. 420. 429. 467. 539. 541. t. II. pag. 28. 48.

³⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 19.

⁴⁾ Act. Patr. t. I. pag. 255. t. II. 19.

⁵⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 24. 175. 184. Act. Patr. t. I. pag. 496. 498. 692.

⁶⁾ Zhishman, pag. 34. Прав. Собес. 1877. июль. стр. 431—432.

⁷⁾ Таковыми были митрополиты: ираклійскій, кизическій, никомидійскій, никейскій и халкидонскій.

⁸⁾ Act. Patr. t. I. pag. 339.

митрополита ¹⁾), или существо предмета, подлежавшаго обсужденію синода, требовало усилить его составъ ²⁾). Въ знакъ братскаго общенія, въ особенности при разрѣшеніи важныхъ вопросовъ, приглашались къ участию и присутствовали въ засѣданіяхъ патріаршаго синода другіе патріархи, коль скоро они находились въ столицѣ ³⁾). Само собою понятно, что и митрополиты и архіепископы имѣли право на засѣданіе въ патріаршемъ синодѣ только при томъ необходимомъ условіи, коль скоро они не состояли подъ запрещеніемъ и вообще были свободны отъ обвиненія въ какомъ бы то ни было преступленіи; въ противномъ случаѣ они не пользовались этимъ правомъ. Къ этому на основаніи нѣкоторыхъ примѣровъ можно добавить, что если бы на кого либо изъ членовъ синода во время его засѣданій была подана жалоба, то обвиняемый не тотъ часъ лишался права голоса и мѣста въ синодѣ, а послѣ того, когда заявленное противъ него обвиненіе оказывалось справедливымъ ⁴⁾); за то немедленно удалялся изъ синода тотъ изъ его членовъ, который во время синодскихъ разсужденій позволялъ себѣ какой либо неприличный поступокъ, оскорблявшій другихъ членовъ ⁵⁾). Присутствовавшіе митрополиты и архіепископы занимали мѣста по достоинству своихъ кафедръ и носили названіе: „συνεδρίαζοντες“ ⁶⁾); всѣ они пользовались одинаковымъ правомъ голоса и подписывались подъ актами синода.

Кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, какъ дѣйствительныхъ и каноническихъ, по самому ихъ сану и положенію, членовъ патріаршаго синода, въ синодальныхъ актахъ представляются присутствующими на синодѣ какъ вообще патріаршіе

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 114. 131. 310. ²⁾ Migue, t. CXL. pag. 180.

³⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 156. 185. Есть примѣры, когда сами императоры, въ виду важности подлежавшаго обсужденію синода вопроса, предлагали патріарху усилить его составъ. Act. Patr. t. I. pag. 322. Zachariae, J. G. R. t. III. pag. 489. 699.

⁴⁾ Act. Pat. Const. t. II. pag. 258—259.

⁵⁾ Nicephor Gregor. edit. Bonn. t. II. lib. XX. cap. 6. pag. 991.

⁶⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 95. 98. 101. 116. Act. Patr. t. I. pag. 99. 138. 160 и др.

сановники, такъ и въ особенности высшіе изъ нихъ: ἐξωκατάκλητοι. Акты, когда говорятъ о присутствіи ихъ на синодѣ, употребляютъ особый терминъ: παρακαθημένοι для обозначенія присутствія эксокатакиловъ и παριστάμενοι—вообще чиновниковъ патріаршихъ ¹⁾. Какъ первый терминъ очевидно указываетъ на то, что эксокатакилы, присутствуя на синодѣ, пользовались правомъ сидѣть и принимать нѣкоторое участіе въ самыхъ разсужденіяхъ синода; такъ послѣдній говоритъ вообще о присутствіи, при которомъ сама собою предполагается возможность слѣдить за ходомъ синодскихъ разсужденій и замѣчать высказывавшіяся мнѣнія. Въ частности, пересматривая тѣ акты, въ которыхъ особо говорится о присутствіи на синодѣ эксокатакиловъ, нельзя не замѣтить, что предметами синодскаго разсмотрѣнія были дѣла, касавшіяся подвѣдомыхъ патріарху клириковъ, иногда такіа, которыя уже были на разсмотрѣніи въ секретѣ хартофилакса ²⁾. Выбѣгъ съ этимъ мы видимъ, что экс катакилы засѣдаютъ и съ однимъ патріархомъ при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ ³⁾, какъ присутствуютъ они и на синодѣ изъ нѣсколькихъ архіереевъ ⁴⁾. Эти немногія указанія даютъ основаніе къ заключенію, что эксокатакилы принимали участіе въ засѣданіяхъ синода изъ архіереевъ по такимъ дѣламъ, которыя подлежали разсмотрѣнію патріарха на правахъ епархіальнаго начальника. Присутствіе въ синодѣ эксокатакиловъ, какъ ближайшихъ помощниковъ патріарха въ управленіи имъ патріархіею, при разсмотрѣніи такихъ дѣлъ, оказывается вполне естественнымъ и умѣстнымъ. Стараясь точнѣе опредѣлить ихъ зна-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 48. 99. 138. 161. Не лишне замѣтить, что о присутствіи вообще духовныхъ сановниковъ на синодѣ какъ 1156, такъ 1166 г. говорится: «συνπαριστάμενων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων ἐκκλησιαστικῶν ἀρχόντων.» (Μίνπε. t. CXL. pag. 180. 237. Σύσταγμ. t. V. pag. 307); между тѣмъ какъ о присутствіи ихъ на другихъ замѣчается: «παριστάμενων καὶ θεοφιλεστων δεσποτικῶν ἀρχόντων (Σύσταγμ. t. V. pag. 58. 59. 60. 76. 83. 95. 98. 101. 116. Act. Patr. Const. t. I. pag. 109. 119. 132. 135. 140. 143. 144. 147. 150. 151. 155. 164. 531.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 48—49. 99. ³⁾ Act. Patr. t. II. pag. 433.

⁴⁾ Ibid. pag. 138. 170—161.

ченіе, необходимо принять, что экокатакилы, какъ ближайшіе помощники патріарха по управленію, и какъ лица, принимавшія отчасти участіе въ завѣдываніи дѣлами всего патріархата, участвовали въ разсужденіяхъ синода, помогая всестороннему разясненію и правильному рѣшенію дѣла. Такъ мы между прочимъ видимъ, что хартофилаксъ является докладчикомъ передъ синодомъ объ обстоятельствахъ дѣла подлежащихъ его обсужденію ¹⁾ и вмѣстѣ представляетъ синоду нужныя справки изъ документовъ при разсмотрѣніи спорныхъ обстоятельствъ ²⁾. Протедикдикъ представляетъ обвиненія противъ Пантевгена Сотериха, избраннаго въ патріархи антїохійскіе ³⁾; на свидѣтельствѣ эконома основываются при рѣшеніи дѣлъ объ имуществѣ церковномъ ⁴⁾. Эти примѣры удостовѣряютъ, что каждый экокатакиль, смотря по характеру его должности, могъ быть дѣятельнымъ помощникомъ синода въ его разсужденіяхъ. Сохранились синодальные акты, въ которыхъ послѣ подписей митрополитовъ встрѣчаются и подписи нѣкоторыхъ экокатакиловъ ⁵⁾. То обстоятельство, что эти подписи были сдѣланы экокатакилами по приказанію патріарха, а равно и то, что акты вообще не говорятъ о присутствіи экокатакиловъ въ собраніяхъ синода по дѣламъ касавшимся митрополитовъ и епископовъ патріархата, даютъ основаніе къ безошибочному заключенію, что и высшіе сановники патріарха—экокатакилы не были членами патріаршаго синода въ томъ смыслѣ, въ какомъ являются: митрополиты и архіепископы. Вслѣдствіе сего, замѣчаніе Кодина объ этихъ сановникахъ, что „они засѣдаютъ (καθίσταναι) въ божественномъ и священномъ синодѣ вмѣстѣ съ архіереємъ“ ⁶⁾, должно понимать такъ, что они засѣдали вмѣстѣ съ патріархомъ, въ качествѣ его помощниковъ, при разсмотрѣніи дѣлъ, касавшихся предметовъ и лицъ непосредственнаго патріаршаго управленія. Что касается значенія вообще патріар-

¹⁾ Ibid pag. 48—49—99 101. ²⁾ Act Patr. t. II. pag. 288.

³⁾ Migue, t. CXL. pag. 152. ⁴⁾ A. t. Patr. t. II. pag. 109.

⁵⁾ Ibid. t. II. pag. 291—292. ⁶⁾ Codin. Curopolitane, de official. Palat. Spalit. et de offic. magn. Eccl. liber. pag. 4. edit. Bonn.

шихъ сановниковъ на синодѣ, то они, присутствуя въ его собраніяхъ, могли только слѣдить за разсужденіями членовъ, вести имъ протоколь и доставлять нужныя справки. Патріаршіе сановники вообще присутствовали на собраніяхъ синода въ качествѣ свиты патріарха и своимъ присутствіемъ придавали нѣкоторую публичность синодскимъ разсужденіямъ. Простирать ихъ присутствіе на синодѣ далѣе этого значенія не представляется основаній.

Въ засѣданіяхъ патріаршаго синода принимали иногда участіе и государственные сановники. Само собою понятно, что присутствіе этихъ сановниковъ въ собраніяхъ синода было умѣстно въ тѣхъ случаяхъ, когда на синодѣ разсматривались и разрѣшались вопросы и дѣла, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ интересамъ государства и гражданскаго общества. И дѣйствительно, пересматривая синодальныя акты, въ которыхъ говорится о присутствіи свѣтскихъ сановниковъ въ собраніяхъ синода, мы прежде всего видимъ, что они засѣдаютъ въ синодѣ при разсмотрѣніи вопроса объ учрежденіи епископій, архіепископій и митрополій ¹⁾, т. е. такихъ предметовъ, которые относились непосредственно къ государственному управленію. Далѣе мы находимъ, что они присутствуютъ при разсмотрѣніи дѣлъ и вопросовъ брачныхъ ²⁾, въ которыхъ также самымъ непосредственнымъ образомъ замѣшаны интересы гражданскаго общества. Потомъ мы видимъ, что они принимаютъ участіе въ обсужденіи мѣръ къ пресѣченію распространенія сектъ, опасныхъ для государства и вредныхъ для гражданскаго общества ³⁾, и вообще при осужденіи неправославнаго ученія, противнаго духу церкви и несогласнаго съ интересами государства ⁴⁾. Наконецъ мы находимъ, что они принимаютъ участіе въ осужденіи ду-

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 62—72.

²⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 53—54. 57. 58.

³⁾ Ibid. t. V. pag. 73—84. 88. 91, гдѣ идетъ дѣло о вождяхъ богомвльской секты.

⁴⁾ Act. Patr. t. I. pag. 245, гдѣ осуждаются заблужденія Варлаама и Акиндина о саворскомъ свѣтѣ.

ховною властію своимъ судомъ лицъ замѣшанныхъ въ возмущенія, противныхъ государственному и общественному порядку ¹⁾, также при судѣ надъ духовными лицами, которыхъ преступленія заключали признаки противленія общему порядку управления ²⁾. Соображая эти немногіе факты, нельзя не придти къ заключенію, что присутствіе государственныхъ сановниковъ въ засѣданіяхъ синода по означеннымъ вопросамъ и дѣламъ отнюдь не было вторженіемъ государственной власти во внутреннія дѣла церкви; напротивъ это присутствіе служило только примѣненіемъ того принципа, по которому духовная и свѣтская власть сообща должны разрѣшать вопросы и дѣла, принадлежавшіе болѣе къ церковной сферѣ, но имѣвшіе близкое отношеніе и къ интересамъ государства и общества. Въ этомъ же присутствіи отчасти выражалась и идея того надзора, который по праву принадлежитъ государству относительно дѣйствій духовнаго правительства въ дѣлахъ и вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ порядку гражданскому и государственному ³⁾. Какъ бы то ни было, но мы ошиблись бы, если бы цѣль ихъ присутствія въ собраніяхъ синода ограничили однимъ наблюденіемъ за правильностію синодальныхъ разсужденій ⁴⁾ и не сказали, что они, присутствуя въ синодѣ, принимали дѣятельное участіе въ его разсужденіяхъ. Къ этому выводу располагають самое положеніе ихъ на синодѣ какъ представителей государственной власти, и, въ особенности, существо предметовъ, подлежащихъ обсужденію синода. Въ синодальныхъ актахъ они являются занимающими мѣста непосредственно послѣ патриарха, какъ предсѣдателя синода, и выше митрополитовъ и архіепископовъ, какъ дѣйствительныхъ членовъ послѣдняго ⁵⁾. Это положеніе, прежде всего указывая на честь, которую ока-

¹⁾ *Σύνταξ.* т. V. pag. 127—128, гдѣ угрожается церковною аваемою противникамъ императора Аодроника II.

²⁾ *Act. Patr.* т. I. pag. 344—346, гдѣ содержится приговоръ синода надъ тремя монахами, оскорбившиа своего игумена.

³⁾ *Zhishman*, pag. 36—37. ⁴⁾ Правосл. собес. 1877 г. июль, стр. 434.

⁵⁾ *Σύνταξ.* т. V. pag. 53. 57. 59. 83. 88. 90.

зываютъ имъ синодъ ¹⁾), говорить и о томъ, что они входили въ составъ синода и были участниками его разсужденій и рѣшеній по вопросамъ и предметамъ смѣшаннаго т. е. церковнаго, государственнаго и гражданскаго права. Императоръ Мануиль II Палеологъ настаивалъ (1396 г.) даже на томъ, чтобы императоръ имѣлъ своихъ представителей въ патріаршемъ синодѣ вообще при разсмотрѣніи дѣлъ судебныхъ ²⁾). Предлагаая синоду объ этомъ требованіи императора, митрополиты никомидійскій и коринескій, тогдашніе его члены, объяснили, что если императоръ докажетъ на это свое право, то и они согласятся съ синодомъ; въ противномъ случаѣ пусть синодъ дѣйствуетъ на прежнихъ основаніяхъ ³⁾). Намъ неизвѣстно, чѣмъ разрѣшилось подобное требованіе императора, во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что оно не заключало въ себѣ ничего необычайнаго въ виду практики древнихъ вселенскихъ соборовъ, на которыхъ присутствовали представители государственной власти при разсмотрѣніи разнородныхъ вопросовъ. Тогдашніе отцы не только не возражали противъ этого присутствія, напротивъ требовали его въ тѣхъ видахъ, чтобы сообщить чрезъ то собственнымъ, соборнымъ рѣшеніямъ болшую твердость. Подобные примѣры встрѣчаются и на патріаршихъ синодахъ. Патріархъ Николай III грамматикъ просилъ у императора Алексѣя I Комнена прислать сенаторовъ для обсужденія вопроса объ епископіяхъ ⁴⁾). На синодѣ противъ Пантегена Сотериха, при патріархѣ Лукѣ Хрисоверѣ (1156 г.), присутствовало множество высшихъ сановниковъ государства и весь сенатъ ⁵⁾). Нельзя полагать, чтобы присутствіе этихъ сановниковъ требовалось только въ видахъ заявленія уваженія со стороны духовной къ свѣтской власти, а не въ интересахъ самаго дѣла ⁶⁾).

¹⁾ Прав. Собес. 1877 г. июль. стр. 434.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 271—272, гдѣ сказано, ἵνα ἔχη ἄρχοντας ὁ βασιλεὺς εἰς τὰ λαλοῦμενα ἐν τῇ ἱερᾷ συνόδῳ ἐπὶ ἐγκληματικῶν ὑποθέσεων.

³⁾ Συνταγμ. t. V. pag. 62. ⁴⁾ Migne, t. CXL. pag. 152.

⁵⁾ Для обозначенія ихъ присутствія на синодѣ нерѣдко употребляется терминъ: „συνεδριάζοντες“, какъ и митрополитовъ и епископовъ, и тѣмъ указывается на ихъ дѣятельное значеніе.

Вмѣстѣ съ сановниками иногда присутствовали на патріаршихъ синодахъ, какъ и на соборахъ древней церкви, сами императоры, которые, очевидно, могли являться на синоды, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ призывали сюда особыя обстоятельства. Такъ Мануиль I Комненъ былъ на синодѣ (1147 г.), осудившемъ патріарха Косму Атика ¹⁾, равнымъ образомъ и на синодѣ (1156 г.) при разсмотрѣніи дѣла о Пантевгенѣ Сотерихѣ ²⁾, также на синодѣ (1166 г. ³⁾; Іоаннь V Палеологъ былъ на синодѣ (1361 г.) при разсмотрѣніи дѣла о литовскомъ и русскомъ митрополитахъ ⁴⁾; другіе императоры присутствовали на другихъ синодахъ ⁵⁾. Впрочемъ, принимая во вниманіе характеръ и предметы разсужденія первыхъ изъ перечисленныхъ синодовъ, правильнѣе будетъ отнести ихъ къ общимъ соборамъ православно-восточной церкви, которые собирались по особымъ обстоятельствамъ. Присутствовавшіе на этихъ соборахъ византійскіе императоры представляются и предсѣдательствующими на нихъ.

По замѣчанію патріарха Неофита, назначеніе патріаршаго синода состояло въ томъ, чтобы разсматривать и изслѣдовать важнѣйшія церковныя дѣла ⁶⁾. Указывая на это замѣчаніе, Цишманъ говоритъ: „правильнѣе будетъ сказать, что кругъ дѣятельности патріаршаго синода былъ тождественъ, по своему существу, съ объемомъ дѣятельности высшаго предсѣдателя автокефальной церкви, и разсмотрѣнію синода подлежали всѣ случаи, которые касались общихъ интересовъ помѣстной церкви“ ⁷⁾. Мы надѣемся точнѣе опредѣлить назна-

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 307. ²⁾ Migne, t. CXL. pag. 177.

³⁾ Ibid. pag. 426. 252. ⁴⁾ Act. Patr. t. I. pag. 426.

⁵⁾ Niceph. Gregoras, t. II. pag. 905—906. edit. Bonn.

⁶⁾ Επί θεωρίᾳ καὶ ἐπισκέψει ἐκκλησιαστικῶν τινῶν ἀναγκαίων ὑποθέσεων. Σύνταξι. t. V. pag. 156.

⁷⁾ Zhishman. pag. 7. Какъ самый синодъ, такъ и помѣстную церковь, которой правительственнымъ органомъ онъ является, Цишманъ называетъ національнымъ: „Nationalsynode, Nationalkirche“. Подобное названіе очевидно не точно, чтобы не сказать болѣе, такъ какъ помѣстная церковь можетъ обнимать собою вѣрующихъ разныхъ націй, и синодъ такой церкви

ченіе и кругъ дѣятельности патриаршаго синода, сказавъ, что онъ завѣдывалъ дѣлами вѣры и церковной дисциплины, также— церковнаго управленія и суда въ предѣлахъ потребностей подчиненнаго власти и вліянію константинопольскаго патриарха округа. Въ отношеніи ко всѣмъ этимъ дѣламъ синодъ, дѣйствовавшій подъ предсѣдательствомъ патриарховъ, представлялъ высшій органъ управленія. Въ частности, по отношенію къ вѣрѣ, синодъ наблюдалъ вообще за чистотою и истиною церковнаго ученія; вслѣдствіе сего, подобно древнимъ соборамъ христіанской церкви, онъ изслѣдовалъ вновь возникавшее ученіе о предметѣ вѣры, чтобы опредѣлить его правоту, исправлялъ заблужденія и подвергалъ суду ихъ приверженцевъ и распространителей ¹⁾; въ случаѣ же раскаянія и исправленія ихъ снова принималъ въ общеніе съ церковію ²⁾; словомъ дѣйствовалъ, какъ высшій органъ, въ видахъ охраненія чистоты и истины церкви. По отношенію къ церковной дисциплинѣ синодъ также наблюдалъ, чтобы церковные уставы ненарушимо соблюдались по всему округу; съ этою цѣлію, въ случаѣ открывшихся какихъ либо безпорядковъ и нестроеній въ извѣстной мѣстности, или епархіи округа, синодъ предпринималъ надлежащія мѣры къ устраненію и исправленію ихъ, какъ то: посылалъ уполномоченныхъ изслѣдовать на мѣстѣ возникшіе безпорядки, привлекалъ виновныхъ къ отвѣтственности, увѣщавалъ къ исправленію и, въ случаѣ упор-

можетъ формироваться изъ духовныхъ предстоятелей тоже разныхъ національностей.

¹⁾ Изъ подобныхъ дѣйствій патриаршаго синода намъ извѣстны дѣйствія синодовъ: патриарха Льва Стиппи (1146 г.) противъ сочиненій приверженца богомиловъ, Константина Хрисомалла (*Σύνταξις*. t. V. pag. 76—82), патриарховъ: Исаіи (1328 г.), Іоанна XIV Калеки (1341 г.) противъ заблужденій Варлаама, Мессалианъ и Богомиловъ, *Nicéphor. Gregor.* t. I. lib. IX. cap. 10. pag. 557. t. II. lib. XIV. cap. 7. pag. 718. edit. Bonn. Act. Patr. t. I. pag. 202—216), патриарха Каллиста (1351 г.) противъ приверженцевъ Паламы (*Nicéphor. Gregor.* t. II. lib. XVIII. cap. 5. pag. 891—803).

²⁾ Такъ синодъ патриарха Іоанна XIII Глика (1316 г.) разрѣшилъ одного пресвитера, по имени Гаріана, обвиненнаго въ ереси богомиловъ (*Act. Patr.* t. I. pag. 59—60.)

ства, подвергалъ наказанію ¹⁾). Какъ высшій органъ церковнаго управленія во всемъ округѣ, синодъ пользовался прежде всего, правами избранія самаго патріарха, затѣмъ избранія и поставленія старѣйшихъ предстоятелей въ округѣ: митрополитовъ и архіепископовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, синодъ былъ подлежащимъ, компетентнымъ органомъ при производствѣ всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ церковной администраціи, какъ то: при возведеніи епископій на степень архіепископій и митрополій ²⁾, при распорядкѣ сравнительнаго достоинства кафедръ ³⁾, при перемѣщеніи епископовъ съ одной кафедры на другую ⁴⁾, при закрытіи епархій, или соединеніи нѣсколькихъ изъ нихъ въ одну ⁵⁾, при учрежденіи, или открытіи новыхъ ⁶⁾, а равно и при перенесеніи кафедры извѣстной епископіи изъ одного города въ другой ⁷⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ синодъ выслушивалъ или предложеніе патріарха, или указъ императора, или просьбу заинтересованнаго въ

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 75.

²⁾ Σύνταξ. t. V. pag. 71. 73. 588. Act. Patr. t. I. pag. 96. 468. Цитируя относить къ числу ненормальныхъ явленій тотъ фактъ, что патріархъ Антоній IV (1397 г.), не докладывая синоду, опубликовалъ указъ императора Мануила II Палеолога о возведеніи епископіи острова Имбра (Ἰμβρον) на степень архіепископіи (Act. Patr. t. II. pag. 272—273. Zhishman, pag. II. not. 1). Съ своей стороны мы и здѣсь должны повторить тоже, о чемъ выше замѣчали, что одни изъ императоровъ признавали необходимымъ участіе церковной власти въ подобныхъ случаяхъ, другіе относили это исключительно къ правамъ государственной власти. Участіе патріаршаго синода въ подобныхъ случаяхъ имѣло тотъ смыслъ, что оно дѣлало распоряженія государей дѣйствіемъ церковной власти.

³⁾ Здѣсь разумѣются тѣ случаи, когда собственно кафедра извѣстной епископіи, которая не получала при этомъ никакого другаго преимущества, повышалась въ спискѣ другихъ. Послѣдствіемъ этого повышенія было то, что епископы ея получали предѣдательство предъ другими. Это дѣлалось или во вниманіи къ личнымъ достоинствомъ епископа, занимавшаго извѣстную кафедру, или во вниманіи къ расширенію предѣловъ и умноженію народонаселенія извѣстной епархіи. (Act. Patr. t. I. pag. 40—41. Zachariade, Jus Graeco-Rom. t. III. pag. 608—615. Σύνταξ. t. V. pag. 455—495).

⁴⁾ Случаи, когда и какимъ образомъ дѣлались подобныя перемѣщенія, см. Zhishman, pag. 12—17.

⁵⁾ Шрячины, по которымъ допускались эти измѣненія см. *ibid.* pag. 17—19.

⁶⁾ Act. Patr. t. I. pag. 217.

⁷⁾ Act. Patr. t. I. 351. t. II. pag. 129.

этомъ лица, соглашався съ ними, одобрялъ ихъ и дѣлалъ соотвѣтственныя данному случаю постановленія и распоряженія. Какъ высшій судебный органъ, синодъ подъ предсѣдательствомъ патріарха окончательно рѣшалъ дѣла, поступившія на его разсмотрѣніе со всего округа. Въ отношеніи къ этимъ дѣламъ синодъ являлся или первою, или второю, или третьею, но всегда окончательною инстанціею. Первою инстанціею синодъ былъ при разсмотрѣніи какъ жалобъ и обвиненій другихъ лицъ противъ митрополитовъ ¹⁾, такъ жалобъ и обвиненій самихъ митрополитовъ противъ подчиненныхъ имъ клириковъ, епископовъ, также другихъ митрополитовъ ²⁾. Дѣла этого рода и начинались и оканчивались своимъ производствомъ въ патріаршемъ синодѣ, по той причинѣ, что заинтересованная въ нихъ сторона — митрополиты, по своему положенію, подлежали только юрисдикціи патріарха и его синода. На синодѣ же разсматривались и жалобы самого патріарха противъ подчиненныхъ ему митрополитовъ ³⁾; потому что патріархъ, при всей широтѣ его правъ, не могъ собственною властію подвергнуть подчиненнаго ему митрополита судебному взысканію. Второю инстанціею синодъ являлся при разсмотрѣніи какъ апелляціонныхъ, такъ и частныхъ жалобъ на судъ областныхъ митрополитовъ и ихъ соборовъ ⁴⁾. Третьею инстанціею синодъ служилъ для тѣхъ дѣлъ, которыя, начавшись у епархіальныхъ епископовъ, были рѣшены на судѣ митрополита, и за тѣмъ, вслѣдствіе апелляціонныхъ жалобъ, поступали на разсмотрѣніе патріарха ⁵⁾. Представляя высшую и послѣднюю инстанцію по

¹⁾ Act. Patr. t. I. 85. 191. 231. 356. 577. 582. Σύνταγμα. t. V. pag. 107.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 164. 572. t. II. pag. 69. 92. 94. 137. Σύνταγμα. t. V. 93.

³⁾ Act. Patr. t. II. pag. 77. Zhishman, pag. 23.

⁴⁾ Act. Patr. t. I. pag. 235—237. t. II. pag. 31—34. 434—437. ср. Justinian. Novel. 123 cap. 22. Basilic. lib. III. cap. I. l. 38. Photii. lib. IX. cap. I. (Σύνταγμα. t. I. pag. 174).

⁵⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 28, гдѣ выражена общая мысль, что клирики и монахи въ случаяхъ жалобъ на клириковъ же и монаховъ должны обращаться къ суду собственнаго епископа; епископы же въ своихъ жалобахъ на епископовъ — къ суду митрополита; если же какая либо изъ сторонъ оста-

всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ, патриаршій синодъ чрезъ то самое простираетъ свою судебную власть на всѣ лица и предметы вѣдомства церкви и былъ высшимъ органомъ церковнаго правосудія для всего округа. Какъ высшій органъ, синодъ пользовался правомъ обсуждать и дѣйствія собственнаго предсѣдателя—патриарха и производить надъ нимъ судъ. Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ указать на тѣ случаи, когда синодъ отмѣнялъ распоряженія патриарха, сдѣланныя безъ его вѣдома. Такъ синодъ патриарха Филофея I (1365 г.) отмѣнилъ распоряженіе прежняго патриарха Каллиста I о перемѣщеніи епископа палистильскаго на митрополию христупольскую на томъ основаніи, что патриархъ сдѣлалъ это вопреки церковнымъ канонамъ, безъ вѣдома и опредѣленія синода¹⁾. Въ послѣднемъ—на тѣ, когда синодъ производилъ дѣйствительное изслѣдованіе о противозаконныхъ дѣйствіяхъ патриарха и низлагалъ его. Впрочемъ о подобныхъ случаяхъ нужно замѣтить, что они совершались при ближайшемъ участіи государственной власти, и, слѣдовательно, не составляли непосредственныхъ распоряженій самаго синода²⁾. Синодъ былъ и законодательнымъ органомъ по всѣмъ дѣламъ подлежащимъ его юрисдикціи и касавшимся разныхъ сторонъ и предметовъ церковнаго управленія. Въ этомъ отношеніи памятникомъ дѣятельности синода являются тѣ многочисленныя постановленія, которыя были

вется не довольно рѣшеніемъ этого суда, то дѣло поступаетъ къ святѣйшему патриарху и священному и великому синоду. Act. Patr. t. II. pag. 174—175.

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 475—476.

²⁾ Такъ между прочимъ были низложены патриархи: Косма II Аттиксъ (1147 г.) (Хронія т. I. стр. 102. 103. Leo Allat. pag. 681—686. Σύναξις. t. V. pag. 307—311) и Іоаннъ XIV Калека (1347 г.) Zachariae, t. III. pag. 698—700. Act. Patr. t. I. pag. 262). Въ виду этихъ примѣровъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что законный судъ надъ константинопольскимъ патриархомъ могъ сформироваться изъ предсѣвателей всѣхъ автокефальныхъ церквей, съ присоединеніемъ къ нимъ и предсѣвателей собственнаго его округа (Ш всел. пр. I). Но если мы видимъ, что патриархъ осуждается одними, непосредственно подчиненными ему предсѣателями (Σύνταξις. t. V. pag. 507—514), или, что еще хуже, удаляется съ кафедръ по распоряженію императора, то этихъ случаевъ нельзя отнести къ законнымъ явленіямъ.

изданы патриаршимъ синодомъ по вопросамъ брачнымъ¹⁾, предметамъ церковной дисциплины²⁾, церковнаго имущества, словомъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые или вовсе не были регулированы наличнымъ законодательствомъ, или существовавшее законодательство оказывалось не совсѣмъ полнымъ, точнымъ и удовлетворительнымъ³⁾. Сюда относятся и тѣ разъясненія, которыя давалъ синодъ тому, или другому митрополиту и епископу по вопросу, возбуждавшему въ нихъ сомнѣніе⁴⁾. Вообще патриаршій синодъ, съ своимъ предсѣдателемъ во главѣ, имѣлъ высшій надзоръ за всѣми частями церковнаго управленія и регулировалъ ихъ.

Патриаршій синодъ былъ постояннымъ установленіемъ при патриархѣ и собирался по мѣрѣ надобности и по требованію обстоятельствъ. Обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ на синодѣ совершалось обычнымъ въ коллегіальныхъ установленіяхъ порядкомъ. Каждый членъ синода пользовался одинаковымъ правомъ голоса, и подавалъ свое мнѣніе по предмету обсуждения. Изъ большинства одинаковыхъ и согласныхъ мнѣній составлялось общее рѣшеніе. Впрочемъ оно получало силу лишь въ томъ случаѣ, если съ существомъ этого рѣшенія соглашался предсѣдатель синода, патриархъ, какъ глава помѣстной церкви, долженствовавшій отъ своего имени сдѣлать его извѣстнымъ; въ противномъ случаѣ и мнѣніе большинства не могло быть признано за рѣшеніе по разсматриваемому вопросу⁵⁾. Само собою понятно, что несогласіе предсѣдательствующаго съ мнѣніемъ большинства должно было имѣть въ своемъ основаніи законныя причины, исключавшія всякую тѣнь произвола; въ противномъ случаѣ синодъ былъ въ правѣ потребовать отъ патриарха отчета, если бы тотъ, опираясь только на свою власть, отказывался признать и привести въ дѣйствіе рѣшеніе большинства. Новеллою императора Мануила I Комнена (1166 г.) относительно рѣшенія дѣлъ въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ.

¹⁾ Σύνοταγμα, t. V. 11—19.

²⁾ Ibid. t. II. 614. ³⁾ Ibid. t. V. 55.

⁴⁾ Act. Part. t. I. pag. 76. 79. ⁵⁾ Zhishman, pag. 43.

было постановлено, чтобы, въ случаѣ раздѣленія мнѣній на равное, или неравное количество голосовъ рѣшающихъ дѣло, получало силу рѣшенія то мнѣніе, съ которымъ соглашался предсѣдатель ¹⁾. Разсуждая о примѣненіи этого закона къ рѣшенію церковныхъ дѣлъ, Вальсамонъ пишетъ: „нѣкоторые говорили, что въ церковныхъ дѣлахъ не должно слѣдовать новеллѣ, а должны имѣть силу въ сихъ дѣлахъ древнія узаконенія и правила, изложенныя согласно съ ними; другіе напротивъ утверждали, что новелла издана для всего міра и для всякаго дѣла и составляетъ общее законоположеніе. Мнѣ кажется, замѣчаетъ при этомъ Вальсамонъ, что правила этой новеллы не имѣютъ мѣста по отношенію къ церковнымъ избраніямъ и церковнымъ дѣламъ, дабы не было извращено чрезъ то каноническое избраніе“ ²⁾. Подобное разномысліе показываетъ, что практика допускала то и другое толкованіе и примѣненіе закона Мануилова въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ. Болѣе же общимъ явленіемъ при рѣшеніи дѣлъ патріаршимъ синодомъ было то, что рѣшенія его составлялись или по мнѣнію большинства членовъ синода, къ которому присоединялся (ἐπιψηφίζεσθαι) и съ которымъ соглашался (συνεψηφίζεσθαι) патріархъ, какъ его предсѣдатель, или представляли единогласное ихъ рѣшеніе, которое совпадало съ мнѣніемъ предсѣдательствующаго. На тѣ ³⁾ и другіе ⁴⁾ случаи встрѣчаются указанія въ самихъ актахъ.

Послѣдствіемъ состоявшаго рѣшенія патріаршаго синода были изложеніе и обнародованіе его въ установленной формѣ. Въ актахъ синода обнародованныя его рѣшенія являются подъ разными названіями, которыя, если изслѣдовать и рассмотреть, можно придти къ слѣдующему заключенію. „Συνδικὸν ψηφισμῶν“ называлось рѣшеніе синода, которое было постановлено имъ по частному случаю и въ разрѣшеніе частнаго случая ⁵⁾. „Συνδικὸν

¹⁾ Zachariae, t. III. pag. 462. ²⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 130.

³⁾ Act. Patr. t. I. pag. 115. 148. 393. t. II. 54.

⁴⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 25. 84. 87. 101. Act. Patr. t. II. 38. и др.

⁵⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 109. Act. Patr. t. II. 183.

γρᾶμμα“ составлялось по вопросу, имѣвшему общее значеніе и заключало въ себѣ рѣшеніе, о перемѣнѣ въ церковныхъ отношеніяхъ ¹⁾. „Συνοδικὸν πράξις“ заключало самое дѣяніе синода и выдавалось въ удостовѣреніе дѣйствительности того права, которое этимъ дѣяніемъ было формулировано и утверждено ²⁾. „Συνοδικὸν στήριγμα“ называлось рѣшеніе, которое по самому предмету, котораго оно касалось, требовало къ себѣ особой внимательности ³⁾. По отношенію къ каждому синодальному акту, какое бы онъ ни носилъ названіе, необходимо требовалось, чтобы онъ былъ составленъ правильно по существу, согласно съ правилами и постановленіями церкви, не противорѣчилъ требованіямъ христіанской любви и милосердію ⁴⁾. Вслѣдствіе сего, то рѣшеніе синода, которое было составлено вопреки канонамъ, или по незнанію ихъ, а равно и подъ впечатлѣніемъ посторонняго вліянія, должно было быть исправлено и отмѣнено самимъ же синодомъ, по собственной его инициативѣ. Акты представляютъ намъ дѣйствительные примѣры того, что послѣдующій синодъ не только исправлялъ, но и отмѣнялъ рѣшенія предыдущаго, объявляя ихъ не имѣющими силы и не дѣйствительными и (ἄχουρα καὶ ἀπραχᾶ ⁵⁾).

Всѣ засѣданія, а равно и рѣзсужденія синода вносились въ особо составляемые для каждаго изъ нихъ протоколы ⁶⁾. Общее собраніе этихъ протоколовъ, въ отличіе отъ собранія другихъ церковныхъ документовъ, носило особое названіе: „καθόλιον τῶν συνοδικῶν παραστημείωσεων“ ⁷⁾; послѣдовательный же ихъ рядъ назывался: „ἡμερέσιαι συνοδικαὶ παραστημείωσεις“ ⁸⁾. На основаніи этихъ протоколовъ, частію безъ измѣненія ихъ, обыкновенно же въ

¹⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 62. Act. Patr. pag. 83. 98. и др.

²⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 112. 113. Act. Patr. t. I. pag. 91. 326. t. II. 103. 129 и др.

³⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 81. 83. 88. 116. ⁴⁾ Zhishman. pag. 45.

⁵⁾ Act. Patr. t. I. pag. 34. 40. 115. 269. 270.

⁶⁾ Act. Patr. t. I. pag. 115. 256. 295. 448. t. II. 112. 142. 292.

⁷⁾ Act. Patr. t. I. pag. 96. 256. t. II. 296.

⁸⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 102. 109. Act. Patr. t. I. pag. 121. 115. 133. 136. 142. 144.

соответственной формѣ и составлялись хартофилаксомъ, или подъ его руководствомъ нужные документы, которые или за подписомъ и печатью патріарха ¹⁾, или за подписомъ и печатью только хартофилакса ²⁾ разсылались къ подлежащимъ установленіямъ и лицамъ.

По надлежащемъ изготовленіи протокола онъ подписывался всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами, изъ коихъ первымъ подписывался предсѣдатель и затѣмъ другіе члены по старшинству и достоинству своихъ каедръ ³⁾. Подписанный протоколъ представлялъ сознанный актъ законности и дѣйствительности извѣстнаго постановленія и распоряженія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатель, или и весь синодъ, по существу предположенныхъ постановленій и распоряженій, признавали недостаточными собственныя средства для поддержанія ихъ силы и дѣйствительности, или самыя эти постановленія и распоряженія по характеру своему были таковы, что они затрогивали интересы государства и касались благосостоянія подданныхъ,—въ такихъ случаяхъ предсѣдатель, или весь синодъ обращались къ содѣйствію государственной власти и просили ея утвержденія собственныхъ своихъ постановленій и распоряженій. Такъ императоръ Константинъ Порфирородный утвердилъ постановление патріарха Сергія (1016 г.) о запрещеніи продавать монастырскія строенія мірянамъ ⁴⁾. Такъ синодъ патріарха Аванасія (1305 г.) просилъ императора Андроника II Палеолога утвердить составленныя имъ церковныя постановленія и сообщить имъ дѣйствіе ⁵⁾; другіе императоры утверждали другія постановленія синодовъ ⁶⁾. Эти факты показываютъ, что патріаршій синодъ продолжалъ въ этомъ отношеніи практику древнихъ вселенскихъ соборовъ, которые обы-

¹⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 118.

²⁾ Act. Patr. t. 101. 115. 133. 136. 142. 143. 144. 146; 148. 151 и др.

³⁾ Σύνταγμα. t. V. 71. Act. Patr. t. I. pag. 91.

⁴⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 614. ⁵⁾ Ibid. t. V. pag. 122.

⁶⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 75. Gregor, t. II. lib. XXI. cap. 5 pag. 1025. Bonn. Zachariae, t. III. pag. 698.

ковенно просили императоровъ объ утвержденіи своихъ дѣяній.

Само собою понятно, что патриаршій синодъ для своего внутренняго дѣлопроизводства долженъ былъ имѣть канцелярію въ томъ или другомъ составѣ лицъ принадлежавшихъ къ ней. Къ сожалѣнію, акты синода не содержатъ опредѣленныхъ указаній на этотъ предметъ. Въ посланіи патриарха Исидора къ бізійскому митрополиту содержится упоминаніе о „секретѣ великой церкви“ ¹⁾. Если мы не имѣемъ основаній подъ этимъ именемъ разумѣть непременно канцелярію патриаршаго синода, то нѣтъ поводовъ и отвергать, что состоявшіе въ собственной патриаршей канцеляріи чины исправляли обязанности дѣлопроизводителей и письмоводства въ засѣданіяхъ патриаршаго синода. Авторъ разсужденія „о должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви“ объ этомъ предметѣ категорически говоритъ: „канцелярію патриаршаго синода, подъ главнымъ начальствомъ хартофилакса, составляли: протонотарій, логоееть, ипомниамографъ и 12 патриаршихъ нотаріевъ“ ²⁾. Если это мнѣніе и высказано безъ указанія на какія либо основанія для него; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что поименованныя въ немъ лица должны быть признаны главными дѣятелями и участниками въ синодальномъ дѣлопроизводствѣ, первый—какъ главный представитель всего дѣлопроизводства при каедрѣ патриарха ³⁾, со стороны его законности и правильности, прочіе—какъ ближайшіе исполнители распоряженій патриарха въ другихъ отношеніяхъ. Хартофилаксъ вообще представляется такъ близко стоящимъ къ синодскому производству, что именемъ его обозначаются и по времени управленія того, или другого хартофилакса раздѣляются самыя собранія синодальныхъ протоколовъ ⁴⁾.

¹⁾ Act. Patr. t. 1. pag. 285. ²⁾ стр. 117.

²⁾ Zachar. t. III. pag. 511. Migne, t. CXL. pag. 137.

⁴⁾ Act. Patr. t. I. 96. 531.

Патріаршій синодъ былъ высшимъ, центральнымъ установле-
ніемъ при кафедрѣ константинопольскаго патріарха; въ него по-
ступали дѣла со всего округа, которыхъ патріархъ не могъ рѣ-
шить собственною властію. Для завѣдыванія дѣлами непосред-
ственной юрисдикціи патріарха существовали другіе органы,
которые, наблюдая за отдѣльными частями сложнаго управле-
нія патріархіи, были ближайшими помощниками патріарха въ
этомъ отношеніи. Какъ патріаршій синодъ представлялъ па-
раллельное установлеііе съ тѣми соборами древней церкви,
которые по временамъ собирались при кафедрахъ ея старѣй-
шихъ іерарховъ и служили центральными органами областного,
или окружнаго управленія; такъ соотвѣтственно этому ближай-
шіе помощники патріарха по управленію представляли па-
раллель съ должностными лицами общаго епархіальнаго управ-
ленія, которыя, содѣйствуя епископамъ и митрополитамъ въ
управленіи подвѣдомственными имъ епархіями и областями,
являлись ближайшими ихъ помощниками. Впрочемъ, какъ пат-
ріаршій синодъ можетъ быть названъ послѣдующимъ момен-
томъ развитія соборнаго управленія въ христіанской церкви со
стороны его формы, такъ соотвѣтственно этому и должностные
чины общаго епархіальнаго управленія подверглись значитель-
ному измѣненію, при кафедрѣ константинопольскаго патріарха,
со стороны именно ихъ разнообразія и многочисленности. По-
добнаго измѣненія прежде всего требовали: самое положеніе
константинопольскаго патріарха, какъ іерарха столицы и старѣй-
шаго предстоятеля на всемъ востокѣ, также важность его сана,
которыя, возвышая его кафедру надъ всѣми прочими, есте-
ственно требовали для нея соотвѣтственнаго почета и во внѣш-
немъ положеніи. Далѣе этому содѣйствовали: стеченіе къ ка-
федрѣ константинопольскаго іерарха разнообразныхъ и много-
численныхъ дѣлъ, которыя очевидно требовали и сложнаго
устройства органовъ для завѣдыванія ими. Наконецъ тоже из-
мѣненіе много зависѣло отъ воли государственной власти, пред-
ставители которой старались управление старѣйшаго первоіерарха
обставить возможно торжественностію и приблизить его къ

управленію государственному ¹⁾). Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, при каедрѣ константинопольскаго патріарха, не только усложнились существовавшія въ общемъ епархіальномъ управленіи должности, но и возникли новые чины, такъ что при Константинопольскомъ патріархѣ мало по малу образовался цѣлый дворъ духовныхъ сановниковъ, которые, раздѣляясь на хоры и пентады, какъ своего рода классы и степени, существовали только при каедрѣ константинопольскаго патріарха, приравнивая его и въ этомъ отношеніи къ іерарху римскому.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать всѣ чины ²⁾, какіе существовали при каедрѣ константинопольскаго патріарха, такъ какъ многіе изъ нихъ служили только къ выраженію величія и важности патріаршаго сана во время богослуженія ³⁾, и кругъ ихъ обязанностей ограничивался исключительно потребностями богослуженія. Соотвѣтственно нашей задачѣ, мы должны обратить вниманіе только на тѣ чины, которые имѣли административное значеніе и по преимуществу помогали патріарху въ его сложномъ управленіи. Къ этимъ чинамъ,

¹⁾ Въ спискахъ чиновъ константинопольской церкви прямо выражается мысль, что святѣйшіе патріархи, совмѣстно съ благочестивыми царями, учредили чинъ св. Бжійей церкви, опредѣлили начальства и должности и ихъ занятія. (Goar. *Ευχολόγιον* pag. 272. edit. Paris. *Σύνταξις*. t. IV. pag. 533.) Въ числѣ чиновъ патріаршаго двора, дѣйствительно, встрѣчаются должности одинаковаго характера и назначенія съ чинами свѣтскими. (Du Cange. *Gloss. sub. voc. σακέλλα, σακέλλον*. *Zhishman*. pag. 94. not. 4.)

²⁾ Первоначальныя свѣденія объ этихъ чинахъ можно почерпнуть въ самихъ ихъ спискахъ. (Goar, pag. 268—292. *Σύνταξις*. t. V. pag. 409—412. 534—539. *Cod. Sinop.* pag. 1—6. *Leo Allat. lib. III. cap. VIII. pag. 1028—1030. Le Quien. t. I. pag. 130—131.*) Замѣчанія объ этихъ спискахъ можно найти у *Zhishman'a* pag. 95—97. *Прав. Соб. 1868 г. т. III. стр. 48—50. прим.* Обстоятельнѣйшее изслѣдованіе о самыхъ чинахъ представляетъ трудъ Цишмана: (*Die Synod. und die episcopal. Amter in d. morgenl. Kirch.*). Удовлетворительныя свѣденія объ нихъ можно почерпнуть въ статьѣ: „О чинахъ патріаршей константинопольской церкви въ средніе вѣка“. (*Правос. Соб. 1868 г. ч. II. стр. 39—73. ч. III. стр. 48—81*), также въ отдѣльномъ сочиненіи: „о должностяхъ и учрежд. по церк. управл. въ древ. вост. церквѣ“. (С.-П. Б. 1858 г.)

³⁾ Въ одномъ изъ списковъ прямо говорится, „сверхъ пятнадцати чиновъ великой церкви, святѣйшіе патріархи установили малые чины для служенія въ святой церкви“. (Goar, pag. 271. п. 34.)

въ особенности, принадлежали чины первой пентады праваго хора ¹⁾, которые въ собственномъ смыслѣ слова были ближайшими помощниками патріарха по управленію, и отличались отъ всѣхъ другихъ усвоеннымъ имъ однимъ названіемъ: „эксокатакиловъ“ (ἐξωκατάκλοι или: ἐξωκατάκοιλοι).

¹⁾ Основаніемъ для раздѣленія чиновъ патріаршаго двора на „хоры“ и „пентады“ послужило прежде всего не одинаковое назначеніе ихъ, само собою предполагавшее и относительное различіе ихъ достоинствъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что чины, имѣвшіе по своимъ занятіямъ ближайшее отношеніе къ церковному управленію, преимуществовали по своему значенію предъ чинами, которыхъ дѣятельность ограничивалась преимущественно сферою церковнаго богослуженія. На этомъ основаніи чины, исправлявшіе первыя занятія, назывались: „чинами великими“ (ἀρχοντικά μεγάλα) и образовали „правый хоръ“ (χορός δεξιός); между тѣмъ какъ служившіе въ церкви „чинами малыми“ (ἀρχοντικά μικρά) и относятся въ спискахъ къ „лѣвому хору“ (χορός ἐπιώνιος). Необходимо прибавить, что раздѣленіе чиновъ на великіе и малые, также на правый и лѣвый хоръ составляетъ особенность раннихъ списковъ; между тѣмъ какъ въ позднѣйшихъ съ болѣею послѣдательностію проводится раздѣленіе чиновъ на такъ называемыя „пентады“ (πέντας). Въ раннихъ спискахъ раздѣлены на три пентады только чины праваго хора, чины же лѣваго — помѣщены безъ всякаго раздѣленія (Cod. Bezae, pag. 268. 274—275); между тѣмъ въ позднѣйшихъ чины, безъ раздѣленія на хоры, расположены по пентадамъ въ количествѣ девяти (Cod. Sinop. pag. 1—6). Нужно полагать, что раздѣленіе чиновъ обоихъ хоровъ на пентады послѣдовало съ цѣлію показать различіе ихъ достоинствъ. Вслѣдствіе сего въ нѣкоторыхъ спискахъ названіе „πέντας“ замѣнено наименованіемъ „τάξις“ чинъ, порядокъ (Leunclav. pag. 304—305). Впрочемъ, это замѣчаніе относится болѣе къ чинамъ праваго хора. Что же касается раздѣленія на пентады чиновъ лѣваго хора, то оно сдѣлано болѣе для порядка и соответствія чинамъ праваго хора. Различіе между чинами того и другаго хора простиралось еще далѣе. Мы хотимъ сказать, что въ то время, какъ чины праваго хора и, въ особенности, первой пентады оставались почти безъ измѣненія, чины лѣваго — относительно ихъ порядка подвергались измѣненію. „Чины, ижегъ Іоаннъ кятрскій, которымъ предоставлено участіе въ церковномъ управленіи (πείρας ἐκκλησιαστικῆς), и которые по этому принадлежать къ высшему разряду, остаются неизмѣнно въ своемъ положеніи или состояніи. Что же касается чиновъ разряда низшаго, перемѣны въ нихъ происходятъ не безъ справедливой причины. Чинъ повышается перѣдко для того, чтобы наградить того, или другаго оффиціала за добродѣтель, учительность, или за другую какую либо дѣятельность.“ (Σύνταξις. t. V. pag. 410. Leunclav. t. I. pag. 328). Этимъ и объясняется то, почему во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ чины праваго хора слѣдуютъ въ одномъ и томъ же порядкѣ; тогда какъ порядокъ чиновъ лѣваго хора оказывается различнымъ.

Изъ множества догадокъ ¹⁾ ученыхъ о значеніи слова: „ἐξωκατάκοιλοι“, или „ἐξωκατάκηλοι“ болѣе вѣроятною слѣдуетъ признать ту, по которой оно почитается составленнымъ изъ ἐξ шесть и κατὰ κοιλάδας надъ долинами, низменностями. По этому объясненію названіе эксокатакилы будетъ означать тѣхъ шести священниковъ, которые служили при церквахъ, построенныхъ на шести каменистыхъ холмахъ, расположенныхъ внутри стѣнъ новаго Рима, близъ болѣе возвышеннаго холма, на которомъ стоялъ храмъ св. Софіи, и были совѣтниками прежде византийскихъ епископовъ, впоследствии архіепископовъ и патріарховъ. Эти священники, будучи заняты приходами своихъ церквей, очевидно, не могли во всякое время, особенно во дни большихъ праздниковъ, участвовать съ патріархомъ въ богослуженіи и вообще быть дѣйствительными его помощниками по управленію многосложными дѣлами. На это и указываетъ Кодинъ, когда говоритъ: „прежде эксокатакилы были священниками, которые имѣли свои церкви и при нихъ причты; по этому въ большіе и знаменательные праздничные дни, когда каждый изъ нихъ служилъ въ своей церкви, патріархъ не имѣлъ при себѣ готовыхъ служителей. Вслѣдствіе сего одинъ изъ патріарховъ пожелалъ, чтобы эксокатакилами были діаконы, которые и служили бы патріарху въ такіе праздники, это въ дѣйствительности и сдѣлалъ“ ²⁾. Въ примѣненіи къ этимъ сановникамъ, носившимъ санъ діакона, названіе „ἐξωκατάκηλοι“ должно было получить другой смыслъ, именно указывало сколько, на высоту положенія, столько и на особенную близость ихъ къ патріарху, какъ первыхъ его совѣтниковъ и ближайшихъ помощниковъ по управленію, какими они и являлись въ дѣйствительности ³⁾.

Изъ предложеннаго объясненія слѣдуетъ, что эксокатакилы

¹⁾ Чит. эти догадки (Goar, pag. 291. nr. 54. edit. Paris. Habert. Αρχιεράτ. pag. 32. Gretser et Goar. ad Cod. Curop. pag. 309—310. edit. Bonn. Du Sange, pag. 409—412. Правосл. Собес. 1868 г. ч. II. стр. 62—64. прим. О должн. и учрежд. стр. 130. 132.

²⁾ Cod. Curop. de offic, pag. 66.

³⁾ Act. Patr. t. II, pag. 37. 89. 409. 453. 512.

прежде, чѣмъ составили отдѣльную пентаду и получили особое значеніе въ ряду прочихъ сановниковъ патріарха, представляли болѣе скромныхъ его совѣтниковъ, безъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ этомъ случаѣ они напоминали собою тѣхъ совѣтниковъ—пресвитеровъ, которые существовали при каждомъ епископѣ и составляли его совѣтъ (*προσβωτέρων*) ¹⁾. Съ теченіемъ времени, когда управление патріарха болѣе и болѣе усложнялось, потребность не только въ совѣтникахъ, но и въ людяхъ, облеченныхъ извѣстною властію, болѣе и болѣе увеличивалась, эксокатакилы пріобрѣли значеніе и возвысились надъ всѣми прочими сановниками патріарха. По высотѣ своего положенія при патріархѣ и особенной близости къ нему, эксокатакилы сравниваются съ пятью чувствами патріарха, посредствомъ которыхъ онъ все видѣлъ, слышалъ и всѣмъ распоряжался ²⁾. „Какъ пять чувствъ, говоритъ Сильвестръ Сиропулъ, никогда не оставляютъ живаго человѣка, такъ эксокатакилы никогда не удаляются отъ патріаршаго ребра“ ³⁾. Въ силу той же близости къ патріарху и высоты своего положенія при немъ, эксокатакилы, чтобы находиться ближе къ патріарху, занимали мѣста непосредственно при немъ выше не только пресвитеровъ, но и епископовъ, какъ въ церкви, такъ и въ другихъ собраніяхъ ⁴⁾. Вальсамонъ сравниваетъ эксокатакиловъ съ карди-

¹⁾ Правосл. Собес. 1868 г., ч. II, стр. 66—69. Zhishman, pag. 91—92.

²⁾ *Συντάγμ.* t. IV, pag. 533—534.

³⁾ Syrop. Hist. concil. florent. sect. IV, cap. 30, pag. 108.

⁴⁾ Ibid., pag. 108. Symeon. Thessalon. de Ordin., cap. II. (Migne, t. CLV, pag. 369). Du Cange, pag. 410. Замѣтимъ, что право эксокатакиловъ садиться выше епископовъ образовалось само собою въ силу обычая, противнаго закону „*consuetudine contra legem*“ (I всел. 18. Zhishman pag 178). Въ основу этого обычая можно положить то постановленіе закона (VI всел. пр. 7), которымъ діаконамъ позволено садить выше епископовъ въ томъ случаѣ, когда они представляли лице патріарха. По крайней-мѣрѣ этимъ правиломъ въ свое время Вальсамонъ защищалъ означенное право по отношенію къ хартофилаксу (*Συντάγμ.* t. IV, pag. 439). Императ. Алексѣй I Комнень, защищая тоже право, основывалъ его на давнемъ обычаѣ (*μακρὰς συνθηαίας*): „Святѣйшій владыко... нынѣ мое царское величество узнало, что нѣкоторые изъ архіереевъ, по честолюбію, пытаются умалить преимущество хартофилакса, и, выставляя на видъ правила, доказываютъ, что онъ

налами римской церкви, указывая тѣмъ на высоту ихъ административнаго значенія.

Первоначально къ разряду эксокатакиловъ принадлежали только пять высшихъ сановниковъ патріаршаго двора: великій экономя, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, хартофилаксъ и сакеллій. Впослѣдствіи, именно въ XII в. патріархъ Георгій Ксифилинъ (1193—1199 гг.) присоединилъ къ нимъ и чинъ протекдика ¹⁾. Симеонъ солунскій такъ опредѣляетъ общій кругъ занятій каждаго эксокатакила: „они, какъ и

не долженъ садиться выше архіереевъ, когда они собираются для какого нибудь дѣла, и сидѣть съ ними вмѣстѣ прежде выхода твоей святини; показалось несноснымъ моему царскому величеству то, чтобы одобравшееся въ теченіе столь долгаго времени дѣло, и, вслѣдствіе долговременнаго молчанія, принятое какъ прежними патріархами, такъ и другими архіереями, и даже тѣми самыми, которые теперь неосновательно спорятъ противъ этого, и чтобы такое дѣло было отмѣнено, какъ изыдшее, и отложено, какъ допущенное по небрежности. Итакъ опредѣляемъ, что это дѣло—основательное и вполне справедливое, и было бы хорошо, если бы архіереи и впредь не колебали недвижимаго и узаконеннаго отцами и какъ-бы удерживали отъ измѣненія то, что самими ими признано угоднымъ чрезъ долговременное ихъ молчаніе и сохраненіе этого дѣла до сего времени... (Zachariae, t. III, pag. 452, Σύστασις. t. II, pag. 156—157, t. IV, pag. 537). Не смотря на все это, необходимо помнить, что и при возвышеніи эксокатакиловъ предъ епископами, первыхъ нельзя считать, какъ мы говорили выше (стр. 242—244), дѣйствительными членами патріаршаго синода, подобно митрополитамъ и архіепископамъ. Вмѣстѣ съ преимуществами по церковному управленію эксокатакилы пользовались и другими привилегіями. Кодиновъ говоритъ, что „когда патріархъ посвящаетъ эксокатакиловъ... то благословляетъ имъ носить фелонь, только безъ епитрахля, а съ ораремъ„ (Cod. Sygor. pag. 66). Фелонь эта была крестчатая (ταυροσταυριον); отъ него и носившіе ее эксокатакилы очень часто назывались σταυροφόροι крестовосцами (Sygorul. sect. II. cap. 25. 27. sect. III, cap. 21. 30. pag. 22. 25. 49. 95. 108). Сверхъ того, эксокатакилы носили на головахъ шапки, или митры, украшенныя разноцвѣтными крестами (Du Gange, pag. 410. Syn. Thess. de ordin. (Migne, A. CLV, pag. 369). Нѣкоторые, кажется, не безъ основанія полагаютъ, что послѣднее отличіе дано эксокатакиламъ со времени Лионскаго собора (1242 г.), на которомъ со своими оффиціалами присутствовалъ констант. патріархъ Германъ, и который предоставилъ папскимъ кардиналамъ носить красныя шапки (Правосл. Собес. 1868 г., ч. II, стр. 65—66). Вальсамонъ говоритъ, что хартофилаксъ носилъ на головѣ золотомъ украшенную шапку, подобно кардиналамъ римскаго папы (Σύστασις. t. IV. pag. 539—540).

¹⁾ Σύστασις. t. V. pag. 409. Boag. pag. 286.

тѣ семь діаконовъ апостольскихъ, поставляются судьями: одинъ изъ нихъ распоряжается доходами и имуществомъ великой церкви для содержанія клириковъ и бѣдныхъ, по примѣру первомученика Стефана; другой имѣетъ наблюденіе за священными обителями; третій—за священными сосудами и церковнымъ благочиніемъ; одинъ завѣдуетъ дѣлами іереевъ, судами и хранитъ дѣловыя бумаги; иной-же заботится о благочиніи священныхъ домовъ и, въ особенности, жертвенника; другой же опять судить и принимаетъ тѣхъ, которые обращаются послѣ отрѣченія отъ вѣры, и, кратко сказать, завѣдуетъ порядкомъ и распоряжается производствомъ важныхъ дѣлъ (ὁ μέγας ἔργα) ¹⁾. Подобное-же говорить объ ихъ занятіяхъ и Вальсаманъ, который пишетъ: „великій экономъ печется объ имуществѣ церковномъ; великій сакелларій заботится о монастыряхъ, находящихся въ городѣ и окрестностяхъ; великій скевофилаксъ печется о священныхъ драгоценностяхъ; сакеллій завѣдуетъ управленіемъ приходскихъ церквей и тѣмъ, что къ нимъ относится; хартофилаксъ-же вообще (μοναχέρως) распоряжается тѣмъ, что принадлежитъ патріарху по праву архіерейства“ ²⁾. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что каждому эксокатакилу, въ отдѣльности, принадлежала своя особая область завѣдыванія и управления, въ которую не вмѣшивались другіе. Разсмотримъ въ частности дѣятельность каждаго эксокатакила, какъ помощника патріарха по управленію.

1) Великій экономъ (ὁ μέγας ὀκονόμος). Имя эконома съ подлинника означаетъ домоправителя, который завѣдываетъ хозяйствомъ и имуществомъ. Въ началѣ христіанства, когда церковное имущество обыкновенно составлялось изъ однихъ добровольныхъ привошеній вѣрующихъ, распоряженіе этимъ имуществомъ относилось къ непосредственнымъ обязанностямъ самого епископа. 38 апостольское правило говорить: „*епископъ да имѣетъ*

1) Συρ. Θεσσαλ. та ἄπαντα. Βενετ. 1820. σελ. 130, κεφ. 11. σελ. 228—229.

2) Σύνταγμα. t. IV. pag. 534.

попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ и оными да распоряжаетъ, яко Богу назирающе“. „Повелѣваемъ епископу, говорить и 41 апостольское правило, имѣти власть надъ церковныхъ имѣніемъ“. Первые правила церкви ограничиваютъ власть епископа въ этомъ отношеніи только судомъ совѣсти, страхомъ передъ Богомъ. „Не требуй, говорится въ апостольскихъ постановленіяхъ, у епископа своего отчета и не наблюдай за домостроительствомъ его... хорошо-ли или худо, или такъ-ли, какъ должно, совершаетъ онъ его. У него есть свой требователь отчетовъ Богъ“¹⁾. Главными помощниками епископа и исполнителями его распоряженій въ этомъ отношеніи были діаконы, которые, при учрежденіи ихъ должности, были назначены служить при трапезахъ и пещись о людяхъ бѣдныхъ и нуждающихся²⁾. Съ теченіемъ времени, особенно съ IV в., когда христіанство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи, церковь, благодаря постановленіямъ и распоряженіямъ государей³⁾, не только снова получила въ свою пользу отнятыя у нея во время гоненій имущества, но и приобрѣла новыя богатства, какъ въ движимыхъ, такъ и въ недвижимыхъ имуществахъ: въ земляхъ, садахъ, виноградникахъ и другихъ угодьяхъ. Само собою понятно, что для завѣдыванія и управленія всѣмъ этимъ у епископа, при сложности его пастырскаго труда, не могло быть времени; необходимы были особо назначенныя для этого отвѣтственные лица. Такими лицами и были экононы. Когда именно и гдѣ въ первый разъ явилась эта должность—опредѣлить невозможно. На основаніи нѣкоторыхъ указаній, съ вѣроятностію, можно полагать, что IV вѣкъ и, особенно, его середина были главнымъ временемъ, когда повсюду стала входить въ практику должность эконома. Въ самомъ дѣлѣ, соборы первой половины IV вѣка: анкирскій (315 г.) и антиохійскій (341 г.),

¹⁾ Апост. пост. кн. II. гл. 35. стр. 65 по русск. пер. Drey, Const. u. Canon. Apost. pag. 275—277.

²⁾ Дѣян. VI гл. 6 ст. Апост. Пост. кн. II. гл. 28. стр. 59—66.

³⁾ Эти постановленія и распоряженія см. Cod. Just. lib. I. t. II. III. Photii, Nomocan. tit. X.

разсуждая объ управленіи имуществомъ церкви, оставляютъ его въ непосредственномъ распоряженіи епископа, правда уже подъ контролемъ мѣстнаго клира, но не упоминаютъ объ экономахъ ¹⁾. Между тѣмъ Теофилъ александрійскій, жившій въ концѣ IV и началѣ V в. (385—412), въ одномъ изъ своихъ правилъ (10) начертываетъ даже самый порядокъ избранія эконома и, слѣдовательно, предполагаетъ эту должность явившеюся въ церкви. Соборъ халкидонскій (451 г.) въ 25 правилѣ говоритъ о должности эконома—какъ вполне извѣстной въ церкви, а въ 26 объявляетъ незаконнымъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископы управляютъ церковнымъ имуществомъ безъ эконома и старается исправить это опущеніе, законополагая, чтобы при каждой церкви, имѣющей епископа, былъ особый экономъ, который бы и распоряжался церковнымъ имуществомъ подъ его вѣденіемъ. Постановленія халкидонскаго собора, которыя говорятъ о должности эконома, какъ вполне сформировавшейся и вошедшей въ составъ должностей церковныхъ ¹⁾, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта должность стала извѣстна въ церкви въ концѣ III, или въ началѣ IV вѣка, но не вдругъ привилась во всѣхъ церквахъ. Нужно думать, что и послѣ халкидонскаго собора въ нѣкоторыхъ церквахъ удерживался старый порядокъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ. Покрайней-мѣрѣ VII вселенскій соборъ, подтверждая постановленіе о томъ, чтобы въ каждой церкви былъ экономъ, дѣлаетъ слѣдующее разъясненіе: *„аще митрополитъ въ своей церкви не поставитъ иконома, предоставляется константинопольскому епископу собственною властію опредѣлити иконома къ той церкви. Тоже предоставляется и митрополитамъ, аще подчиненные имъ епископы не восхотятъ икономовъ поставити въ церквахъ своихъ. Тоже самое наблюдать и по монастырямъ“* ²⁾. Требованіе церковной власти въ этомъ

¹⁾ Во 2 пр. Халк. соб. должность эконома поставлена въ ряду другихъ должностей церковныхъ, и на нее, какъ на другія должности, возбраняется поставять за деньги и ради гнустнаго прѣбытка.

²⁾ VII всел. пр. 11.

отношеніи было утверждено и ограждено законами государственной власти ¹⁾).

Что касается въ частности константинопольской церкви, въ ней должность эконома представляется вполне сформировавшеюся во времена ефесскаго, III вселенскаго, собора (431 г.). Этотъ соборъ, извѣщая константинопольскую церковь о низложеніи Несторія, адресовалъ свое посланіе на имя ея клириковъ и экономовъ, которыхъ убѣждалъ хранить все, принадлежавшее церкви, такъ какъ они должны будутъ дать отчетъ будущему епископу ²⁾).

Должность эконома вообще состояла въ управленіи имуществомъ церкви, сохраненіи и приумноженіи его, а равно и въ правильномъ разходованіи его доходовъ. Исидоръ Пелусіотъ такъ изображаетъ кругъ занятій эконома по его должности. Къ должности эконома относятся: возобновленіе и устройство храмовъ, церковныя тяжбы и попеченіе о доходахъ; онъ раздаетъ доходы и отдаетъ въ нихъ отчетъ; попеченіе о поляхъ и воздѣлываніе виноградниковъ, распоряженіе помѣстьями и прислугою, раздача жалованья клирикамъ, вловамъ и нвщамъ, раздача одежды домашнимъ клириковъ слугамъ и рабочимъ: все это относится къ вѣденію эконома и исполняется имъ по повелѣнію, или съ согласія епископа ³⁾). Одинаковы съ общими занятіями экономовъ были и обязанности великаго эконома константинопольской церкви.

Великій экомомъ былъ главнымъ управителемъ всѣхъ имуществъ софійскаго храма и константинопольской патриархіи и вмѣстѣ распорядителемъ получаемыхъ съ нихъ доходовъ. Онъ заботился какъ о сохраненіи имѣній, такъ и объ умноженіи съ нихъ доходовъ; велъ надзоръ за всѣмъ этимъ по описямъ и книгамъ, производилъ установленные расходы на содержаніе патриаршаго дома, клира и на другія законныя

¹⁾ Photii, Nomocan. t. X. pag. 236—237.

²⁾ Дѣял. ввел. собор. т. I. стр. 608. въ русск. перев.

³⁾ Isidor Pelusi. epist. 269. О должн. и учрежд. въ древ. вост. цер. стр. 47—49.

нужды. Имѣя у себя помощниковъ для различныхъ отраслей своего многосложнаго управленія, великій экономъ самъ являлся отвѣтственнымъ предъ патріархомъ за свое управленіе и представлялъ патріарху ежегодно одинъ, или нѣсколько отчетовъ въ правильности своихъ дѣйствій и распоряженій. Въ томъ случаѣ, если бы экономъ не успѣлъ представить надлежащій отчетъ, но послѣ его смерти оказался бы недостатокъ въ церковномъ имуществѣ, наслѣдники умершаго обязывались возмѣстити недостающее. Когда патріаршая кафедра оставалась вакантною, великій экономъ по преимуществу долженъ былъ заботиться о цѣлости церковнаго имущества, чтобы передать его въ сохранности новому патріарху. Нѣкоторые списки приписываютъ великому эконому, какъ первому сановнику при патріархѣ, всѣ приготовленія къ избранію новаго патріарха, а равно и участіе въ самомъ избраніи. Изъ другихъ свѣдѣній видно, что великій экономъ, кромѣ завѣдыванія имуществомъ патріархин, обязывался имѣть надзоръ и за управленіемъ имущества пригородныхъ и приходскихъ церквей. Эту обязанность великаго эконома нужно понять такъ, что къ нему, какъ къ подлежащей инстанціи, обращались съ жалобами на не правильныя распоряженія имуществомъ названныхъ церквей, и великій экономъ, со своей стороны, принималъ надлежащія мѣры къ изслѣдованію, исправленію и предупрежденію подобныхъ распоряженій ¹⁾.

2) Великій сакелларій (ὁ μέγας σακελλάριος). Большая часть

¹⁾ Goar. pag. 268—269. 275. 279—280. Symeon. Thess. de ordin. cap. 11. 84. (Migne. t. CLV, pag. 370. 451). Cod. Cypri. pag. 4. Du Cange. pag. 1032—1033. Σύνταγμα. t. IV. pag. 409. 534. t. V. 534—535. Zhishman. pag. 99—103. Правосл. Собес. 1868 г. III. стр. 48—51. Во время совершенія литургіи патріархомъ, великій экономъ стоялъ по правую сторону св. престола съ рипидою въ рукѣ. Если на литургіи совершалось посвященіе, великій экономъ подводилъ посвящаемаго клирика къ патріарху; діаконовъ же при посвященіи въ священники доводилъ до царскихъ вратъ. Въ первый день св. Пасхи онъ читалъ евангеліе. Обрядъ поставленія на должность великаго эконома помѣщенъ у Гоара (pag. 280—281) и изложенъ въ статьѣ: „о чинахъ патріаршей церкви въ средніе вѣка“. (Прав. Соб. 1868. ч. III. стр. 51—52)

ученых производят σακελλάριος отъ σακέλλιον, σακέλλη—денежный мѣшокъ, и подъ сакелларіемъ разумѣютъ должностное лице, которому было поручено наблюденіе надъ казною и въ частности надъ казною монастырскою. Списки церковныхъ должностей причисляютъ къ его завѣдыванію то одни мужскіе, то вмѣстѣ и женскіе монастыри какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ ихъ отношеніи. Въ первомъ—великій сакелларій имѣлъ надзоръ за имуществомъ монастырей въ томъ смыслѣ, что монастырскіе власти и экононы представляли ему отчеты о состояніи монастырскихъ зданій, земель, угодій и всего монастырскаго имущества, испрашивали его согласія на постройки и перестройки монастырскія и вообще по болѣе важнымъ операціямъ монастырскаго хозяйства. Соотвѣтственно этому къ обязанностямъ великаго сакелларія относилось то, чтобы въ случаѣ надобности, защищать права и преимущества монастырей отъ притязаній частныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ. Въ послѣднемъ, т. е. по отношенію ко внутреннему состоянію монастырей, великій сакелларій имѣлъ надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ монашествующихъ, за соблюденіемъ въ монастыряхъ монастырской дисциплины и монастырскихъ уставовъ. Въ случаѣ обнаружившихся какихъ либо безпорядковъ великій сакелларій принималъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ прекращенію, какъ-то: напоминалъ, кому слѣдовало, о соблюденіи монастырскихъ уставовъ и правилъ монашеской жизни, подвергалъ виновныхъ легкимъ церковнымъ наказаніямъ и покаянію; доносилъ патріарху о важнѣйшихъ, замѣченныхъ въ монастырской жизни, безпорядкахъ для дальнѣйшаго производства, словомъ былъ уполномоченнымъ отъ патріарха блюстителемъ монастырской дисциплины и поведенія монашествующихъ. Нѣкоторые списки замѣчаютъ, что сакелларій пользовался правомъ назначать по просьбѣ обществъ на мѣста духовныя лица и рекомендовать патріарху искавшихъ рукоположенія. Эти замѣчанія нужно понять такъ, что сакелларій пользовался подобнымъ значеніемъ только въ отношеніи къ монашествующему духовенству, такъ какъ бѣлое въ этомъ от-

ношеніи находилось въ зависимости отъ великаго хартофилакса. Въ прохожденіи своей должности великій сакелларій, подобно великому эконому, давалъ отчетъ три раза въ годъ. Этотъ отчетъ вмѣстѣ съ свѣденіями о внѣшнемъ состояніи монастыря естественно содержалъ и свѣденія о жизни и поведеніи монашествующихъ ¹⁾).

3) Великій скевофилаксъ (ὁ μέγας σκευοφόλαξ). Онъ назывался и κειμηλιάρχης, т. е. хранителемъ драгоценностей. Какъ показываетъ самое наименование этой должности, скевофилаксъ былъ хранителемъ принадлежностей храма, куда относились: церковныя и богослужебныя книги, священныя одежды, церковныя сосуды и вообще церковная утварь. Въ наблюденіи за этими предметами, сохраненіи ихъ въ цѣлости, а равно и во введеніи имъ надлежащей описи списки и полагаютъ общее назначеніе должности великаго скевофилакса. Симеонъ солунскій, а равно и другіе писатели къ обязанностямъ великаго скевофилакса относятъ и наблюденіе за церковнымъ богослуженіемъ, разумѣется въ томъ смыслѣ, что онъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ церковнаго устава, распорядился порядкомъ чтенія и пѣнія при богослуженіи, а равно наблюдалъ и за благочиніемъ духовенства при богослуженіи. Въ согласіи съ общими обязанностями великаго скевофилакса находится и то, что одни свѣденія приписываютъ ему право рекомендовать людей на церковныя должности лѣваго хора, которыя по преимуществу употреблялись на служеніе въ храмѣ, другія предоставляютъ ему завѣдываніе церковными доходами, поступава-

¹⁾ Goar. pag. 269. 275. 281—282. Symeon. Thess. cap. II. 85. (Migne. t. CLV. pag. 370. 461). Cod. Europ. pag. 4. Du Cange. pag. 1320—1321. Σύνταγμα. t. IV pag. 409. 534. 535. t. V. 534—535. Zhishman. pag. 103 — 107. Правос. Соб. 1868. ч. III, стр. 53—55. О должн. и учрежд. стр. 150—159. Изъ литургическихъ отличій великаго сакелларія указывается въ спискахъ то, что онъ во время литургіи стоялъ съ рипидою въ руцѣ, противъ великаго эконома, т. е. на лѣвой сторонѣ св. престола. Великій сакелларій вмѣстѣ съ великимъ экономомъ подводили къ царскимъ вратамъ діаконовъ при посвященіи ихъ во священники. Онъ читалъ евангеліе въ великій четвертокъ (Goar. Leo Allat).

шими въ пользу духовенства. Нѣкоторые списки приписываютъ великому скевофилаксу и заботу о сохраненіи утвари тѣхъ церквей, въ которыхъ не было священниковъ. Великій скевофилаксъ также два раза въ годъ давалъ отчетъ по своей должности.

4) Великій хартофилаксъ (ὁ μέγας χαρτοφύλαξ) Списки представляютъ эту должность на четвертомъ мѣстѣ, послѣ разсмотрѣнныхъ нами, но по степени значенія и вліянія, какими пользовались лица, носившія эту должность, она должна быть названа важнѣйшею и вліятельнѣйшею изъ всѣхъ должностей. Вальсамонъ, показывая важность должности хартофилакса, называетъ его: „устаами и рукою патріарха“, представляетъ его дѣятельность „разнообразною и разностороннею“, сравниваетъ его отношеніе къ патріарху „съ отношеніемъ Аарона къ Моисею и говоритъ, что хартофилаксы „даются (патріархомъ) ключи царства небснаго. Какъ Господь возлюбленному Петру и ученику, такъ и къ нему великій архіерей говоритъ: *что свяжешь на землю, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землю, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѣ. 16, 19)*. Всего удивительнѣе, прибавляетъ Вальсамонъ, то, что они не только обладаютъ этою властію, но и получаютъ отъ него этотъ даръ; такъ какъ онъ предоставляетъ іереямъ (и) монахамъ принимать исповѣданіе людей и разрѣшать рукописаніе грѣховъ, что дано однимъ епископамъ отъ святаго Духа“³⁾. Подобное же о должности великаго хартофилакса говоритъ и Симеонъ солунскій, который пишетъ: „хартофилаксъ начальствуетъ надъ іереями и управляетъ ими и испытываетъ ихъ; когда они ищутъ рукоположенія, онъ испытываетъ ихъ и приводитъ къ посвященію; заботится, чтобы браки совер-

¹⁾ Goar. pag. 269. 276. 282. Symeon. Thess. cap. 11. 85. (Migne t. CLV. pag. 461.) Du Cange, pag. 1386—1387. Zhishman, pag. 107—109. Правосл. Собес. 1868. ч. III. стр. 55—56. О должн. и учрежд. стр. 159—165. Во время богослуженія, замѣчаютъ списки, онъ стоялъ у дверей ризницы, чтобы по первому требованію выдать нужныя вещи и обратно принять ихъ въ сохранности. Онъ читалъ евангеліе въ великую субботу.

²⁾ Σύνταξι. t. IV. pag. 434. 435. 436.

шались законно, завѣдуетъ и управляетъ дѣлами епископовъ и судомъ; съ вѣдома патріарха хранитъ дѣловыя бумаги и вообще онъ правая рука и помощникъ (βοηθησια) патріарха“ 1). Свидѣтельства Вальсамона и Симеона солунскаго ясно обрисовываютъ положеніе, какимъ пользовался хартофилаксъ при патріархѣ. На основаніи этихъ свидѣтельствъ, мы получаемъ право сказать, что хартофилаксъ былъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ патріарха во всѣхъ отношеніяхъ его разнообразной юрисдикціи и притомъ по отношенію даже ко всему патріархату. Такъ въ административномъ отношеніи хартофилаксъ отъ лица и имени патріарха велъ сношенія и переписку съ правительственными установленіями по дѣламъ и вопросамъ, касавшимся церкви; въ случаѣ надобности отстаивалъ и защищалъ права и преимущества ея установленій, разъясняя требованія церковныхъ законовъ и соглашая ихъ съ постановленіями государственными 2). Вообще въ этомъ отношеніи хартофилаксъ былъ, такъ сказать, патріаршимъ канцлеромъ съ обязанностями юрисконсультской и прокурорской офиціи; такъ какъ ему во всѣхъ этихъ сношеніяхъ главнымъ образомъ предстояло разрѣшать недоумѣнные вопросы церковной практики, объяснять смыслъ и дѣйствіе церковныхъ законовъ, указывать предѣлы правъ и преимуществъ церковныхъ установленій и т. п. Исполняя подобное полномочіе въ вопросахъ духовной администраціи, хартофилаксъ пользовался широкимъ значеніемъ и въ области духовнаго правосудія. Въ этомъ отношеніи, если самъ патріархъ предсѣдательствовалъ въ судебномъ засѣданіи, хартофилаксъ являлся только сочленомъ присутствія, но самымъ дѣятельнымъ: онъ докладывалъ присутствію сущность дѣла и раскрывалъ обстоятельства, долженствовавшія вліять на его рѣшеніе, приглашалъ и стороны представить соотвѣтственныя разъясненія; въ отсутствіи патріарха, хартофилаксъ занималъ положеніе предсѣдателя и пользовался всѣми его правами, каса-

1) Symeon. Thess. cap. 86. pag. 228. edit. 1820.

2) Act. Patr. t. II. pag. 132.

лось ли подлежащее обсужденію дѣло лица блага, или монашескаго духовенства, было ли оно по своему свойству церковнаго, или гражданскаго характера, принадлежало ли къ области церковныхъ, или гражданскихъ правонарушений; при разсмотрѣніи всѣхъ ихъ хартофилаксъ, какъ занимавшій мѣсто патріарха, одинаково пользовался его правами: выслушивалъ мнѣнія прочихъ сочленовъ, принималъ ихъ во вниманіе при постановленіи приговора, но не обязывался непременно подчиняться рѣшенію большинства ¹⁾). вмѣстѣ съ этими обязанностями, хартофилаксъ, какъ ближайшій помощникъ патріарха, принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ патріаршаго управленія, какъ относительно патріархата вообще, такъ и въ частности патріархіи. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ указать на то, что хартофилаксъ былъ дѣятельнымъ участникомъ выборовъ на епископскія кафедръ. Онъ разсылалъ повѣстки и приглашенія долженствовавшимъ принять участіе въ этихъ выборахъ епископамъ ²⁾; руководилъ этими выборами и влиялъ на нихъ тѣмъ, что указывалъ на извѣстныя ему хорошія и худыя качества предложенныхъ кандидатовъ и собиралъ окончательные голоса избирателей ³⁾). Если прибавимъ, что изъ числа всѣхъ избирателей только хартофилаксъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ патріархомъ и сообщалъ ему свѣдѣнія о происходившихъ выборахъ, то дѣлается яснымъ и дальнѣйшее влияніе хартофилаксы уже на окончательный актъ избранія, т. е. на утвержденіе патріархомъ того, или другаго изъ избранныхъ и представленныхъ ему кандидатовъ. Какъ въ собраніяхъ епископовъ для избранія архіереевъ, такъ и вообще въ засѣданіяхъ патріаршаго синода хартофилаксъ принималъ дѣятельное участіе: давалъ заключеніе по затруднявшимъ синодъ вопросамъ, представлялъ ему нужные документы и справки изъ нихъ при разрѣшеніи

¹⁾ Goar, pag. 276. Leo Allat. pag. 1029. Σύνταξις t. IV. 536. F. 55.

²⁾ Zachariae, t. III. pag. 611.

³⁾ Symeon. Thess. cap. 84 (Migne. t. CLV pag. 400). Leo Allat. pag. 1029. Zhishman, pag. 118—119.

спорныхъ вопросовъ о правахъ и предѣлахъ митрополій, наблюдать за веденіемъ синодскихъ протоколовъ, хранилъ ихъ ¹⁾, и за тѣмъ на основаніи этихъ протоколовъ, а равно и частныхъ приказаній патріарха составлялъ нужные документы въ установленной формѣ, которые и разсылалъ за своею подписью ²⁾. Къ участию хартофилакса въ управленіи дѣлами всего патріархата слѣдуетъ отнести и то, что онъ имѣлъ ближайшее наблюденіе надъ тѣми клириками, которые приходили въ Константинополь изъ епархій; эти клирики не прежде и не иначе могли получить мѣсто при какой либо изъ константинопольскихъ церквей, и воспользоваться правомъ служенія, какъ получивъ на это надлежащее дозволеніе отъ хартофилакса ³⁾. Хартофилаксъ же завѣдывалъ и раздачею патріаршихъ ставропитій, какъ выражался Вальсамонъ, „почти по всей вселенной“ (*κατὰ πάσαν τὴν οἰκουμένην σχεδόν* ⁴⁾). По отношенію къ дѣламъ собственно патріархіи, хартофилаксъ занималъ положеніе какъ бы намѣстника патріарха. Онъ завѣдывалъ производствомъ всѣхъ ставленническихъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что искавшіе поступить въ духовное званіе предварительно испытывались хартофилаксомъ въ потребныхъ для сего познаніяхъ, образѣ жизни и поведеніи, душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ; при чемъ хартофилаксъ пользовался какъ вообще свѣдѣтельствомъ постороннихъ лицъ, такъ и въ частности отзывомъ духовнаго отца; только по собраніи всѣхъ этихъ свѣдѣній хартофилаксъ рекомендовалъ патріарху искавшаго посвященія ⁵⁾, какъ на низшую, такъ и на послѣдующую степень

¹⁾ Σύνταγμα. t. IV. pag. 536. t. V. 412. 102. Zachar. t. III. pag. 611. Относительно синодскихъ протоколовъ мы уже замѣчали, что они записывались въ существовавшую для сего книгу. Теперь должны прибавить, что запись протоколовъ въ эти книги раздѣлялась соответственно перемѣнѣ того, или другаго хартофилакса. Act. Patr. t. I. pag. 96. 531.

²⁾ Σύνταγμα. t. V. 45. 101. 102. 109. 111. 115.

³⁾ Ibid. t. II. pag. 150. t. III. pag. 150. 164.

⁴⁾ Ibid. t. IV. pag. 535.

⁵⁾ Symeon. Thess. cap. II. 13. 86. Goar. pag. 284. Σύνταγμα. t. III pag. 441, t. IV. pag. 535.

священства. Эти занятія на столько признавались существенно связанными съ должностію хартофилакса, что Іоаннь китрскій въ свое время упрекалъ нѣкоторыхъ архіереевъ за то, что они испытаніе кандидатовъ священства предоставляли не хартофилаксу, но іеромнимону ¹⁾, который принадлежалъ къ чинамъ третьей пектады праваго хора и исполнялъ при служеніи патріарха то обязанности іподіакона, если онъ былъ саномъ діаконъ, то держалъ патріарху при служеніи чиновникъ, если былъ саномъ священникъ. ²⁾ Отъ рекомендаціи ставленниковъ на мѣста вліяніе хартофилакса естественно должно было простирается и на дѣйствительное исполненіе клириками своихъ обязанностей и вообще на прохожденіе ими своей должности. Дѣйствительно, хартофилаксъ имѣлъ надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ всего духовенства патріархіи, разрѣшалъ его служебныя недоумѣнія ³⁾ и изслѣдовалъ допущенныя ими нарушенія правилъ; при этомъ хартофилаксъ, не докладывая патріарху, могъ подвергнуть виновнаго взысканію какъ по словесному, такъ и по письменному распоряженію ⁴⁾. Къ особенной обязанности хартофилакса относилось завѣдываніе брачными дѣлами въ томъ смыслѣ, что онъ изслѣдовалъ всѣ относившіяся къ браку, предбрачныя условія и, въ случаѣ отсутствія законныхъ препятствій для заключенія брака, давалъ подлежащему священнику дозволеніе (βούλλα—знамя) повѣнчать извѣстный бракъ ⁵⁾. Полученіе этого дозволенія считалось настолько необходимымъ, что если-бы священникъ рѣшился безъ него совершить какой-либо бракъ, то подвергался низведенію съ своей должности на болѣе или менѣе

¹⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 412.

²⁾ Goar. pag. 277. 286. Zhishman, pag. 145. 156. Прав. Соб. стр. 64—65.

³⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 369—373.

⁴⁾ Symeon. Thess. cap. 11. 86. Σύνταγμα. t. IV. pag. 535. 540. Въ спискѣ должностей митрополита Герасима аргольскаго хартофилаксу присваивается право подвергать наказаніямъ и непослушныхъ архіереевъ: ἀλλὰ καὶ τοὺς ὑπεθύνους ἀρχιερεῖς κανονικῶς τιμωρεῖν (Σύνταγμα. V. pag. 537).

⁵⁾ Σύνταγμα. t. V. p. III. Zhishman, Eherech. d. orient. Kirch. pag. 672. 673.

продолжительный срокъ ¹⁾. Впрочемъ, для правильнаго пониманія практики этого права хартофилакса, необходимо прибавить, что оно не имѣло дѣйствія въ ставропопгяхъ патріарха, гдѣ этимъ правомъ пользовался экзархъ ²⁾. Сображая въ цѣломъ разнообразныя и разностороннія права и обязанности хартофилакса, мы получаемъ возможность въ слѣдъ за однимъ изъ списковъ сказать, что онъ пользовался всѣми правами патріарха съ его дозволенія (*ἐνεργεῖν ἀπὸ τοῦ πατριάρχου ἅπαντα τὰ τοῦτου δίκαια* ³⁾).

5) Сакеλλій (*ὁ σακελλίων, σακλέλης, σακελλίου*). Одни изъ епископовъ приписываютъ сакеллию завѣдываніе женскими монастырями и исправительнымъ домомъ, или темницею патріархїи для заключенія духовныхъ лицъ ⁴⁾; другіе, напротивъ, подчиняютъ ему приходскія церкви и тоже исправительный домъ патріархїи ⁵⁾. Чтобы примирить эти показанія, необходимо допустить, что сакеλλій или завѣдывалъ всѣми этими предметами вмѣстѣ, или въ его вѣденіи прежде находились только женскіе монастыри, затѣмъ, когда послѣдніе поступили подъ управленіе великаго сакелларія, въ вѣдомствѣ сакеллія остались приходскія церкви и неизмѣнно находившійся въ его вѣденіи испра-

¹⁾ Act. Patr. t. II. 51. 90.

²⁾ Σύνταγμ. t. V. 537. Соотвѣтственно своему высокому положенію хартофилаксъ пользовался и особыми внѣшними отличіями. Такъ онъ, хотя бы былъ только саномъ діакона, занималъ предсѣдательство предъ митрополитами, архіепископами и епископами въ собраніяхъ ихъ для избранія епископовъ, равнымъ образомъ преимуществовалъ предъ ними и въ торжественныхъ церковныхъ процессіяхъ (Сύνταγμ. t. IV. 536). Какъ на особое преимущество великаго хартофилакса въ спискахъ указывается на то, что онъ во время кествія патріарха въ недѣлю заіи на конѣ, покретомъ бѣлымъ покрываломъ, вель этого коня подъ уздцы. (Прав.Соб. 1868 г. III стр. 60). При отправленіи своей должности онъ носилъ на головѣ штыую золотомъ шапку, которую Вальсамонъ называетъ тиарою. (Сύνταγμ. t. V. 540. t. I. 149). Какъ на особое преимущество указывается на то, что онъ, когда служилъ патріархъ, призывалъ къ причащенію іереевъ: *ἱερεῖς προσέλθετε*“ (Boar. pag. 256. Σύνταγμ. t. V. 535). Онъ читалъ евангеліе въ великій пятокъ.

³⁾ Σύνταγμ. t. V. pag. 537.

⁴⁾ Boar. pag. 269. 276. 282. Σύνταγμ. t. V. 535. not.

⁵⁾ Cod. Curoр. pag. 4. Sym. Thess. pag. 180. 229.

вительный домъ ¹⁾). По отношенію къ женскимъ монастырямъ списки обязанности сакеллія поставляютъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ и наблюдалъ за ними по предписанію святыхъ канонъ (*κατά την των ἁγίων κανόνων ἀκρίβειαν*). Эти смотрѣніе и наблюденіе налагали на сакеллія тѣже самыя обязанности, которыя исполнялъ великій сакелларій по отношенію къ мужскимъ монастырямъ, т. е. сакеллій смотрѣлъ и наблюдалъ за внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ женскихъ монастырей. По отношенію къ приходскимъ церквамъ (*καθολικά: ἐκκλησίαις*), по свидѣтельству Симеона солунскаго, онъ заботился о благочиніи въ нихъ и, въ особенности, о принадлежностяхъ престола и жертвенника, чтобы не допустить ничего несовмѣстнаго съ канонами и противнаго святынѣ, а по замѣчанію одного изъ списковъ онъ охранялъ права клириковъ, равнымъ образомъ заботился о книгахъ, утвари, прочіихъ священныхъ драгоценностяхъ и имуществѣ храмовъ ²⁾). При снесеніи того и другаго свидѣтельства необходимо допустить, что сакеллій вмѣстѣ съ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы приходскія церкви находились въ надлежащемъ состояніи и имѣли всѣ необходимыя принадлежности, заботился и объ охраненіи правъ и преимуществъ приходскаго духовенства, смотрѣлъ за образомъ ихъ жизни, поведеніемъ и занятіями. Въ отношеніи къ исправительному дому, или патріаршей темницѣ сакеллій наблюдалъ за тѣми, которые были заключаемы въ нихъ по приговорамъ суда для исправленія, или въ наказаніе ³⁾. Нѣкоторые отъ этого дома, который носилъ названіе „σακέλλη“, производятъ и самое наименованіе должности сакеллія и при этомъ, прибавляя прилагательное *μικρά σακέλλη*, называютъ и сакеллія малымъ, или вторымъ сакелларіемъ въ отличіе отъ великаго ⁴⁾.

¹⁾ О должн. и учрежд. стр. 177. Прав. Соб. 1863 г. ч. III. стр. 60.

²⁾ Symeon. Thass. pag. 229. Σύστασις. т. V. pag. 537.

³⁾ Goar. pag. 269. 276. Свидѣтельство объ этой тюрьмѣ содержится у разныхъ византийскихъ историковъ: Leo Gramm. pag. 285. Theophan. Contin. pag. 377. Sym. Magistr. pag. 715 edit. Bonn.

⁴⁾ Πηγάλιον. pag. 127. Zhishman, pag. 127.

6) Протекдикъ (ὁ πρωτεύδικος) съ подлинника означаетъ первозащитника. Такъ назывался первый изъ числа экдиковъ константинопольской церкви. Какъ умноженіе церковныхъ имуществъ и богатствъ, говорили мы, потребовало особой должности эконома для правильнаго завѣдыванія и управленія всѣмъ этимъ; такъ умноженіе лицъ, прибѣгавшихъ къ церкви и искавшихъ у ея предстоятелей защиты и покровительства противъ насилія и притѣсненій, подало поводъ къ учрежденію особой должности экдиковъ. Извѣстно, что законами первыхъ христіанскихъ государей вмѣстѣ съ дѣлами благотворительности были предоставлены духовной власти церкви и дѣла защиты и покровительства лицъ слабыхъ, безпомощныхъ, нуждавшихся въ постороннемъ заступленіи ¹⁾). Завѣдываніе послѣдними дѣлами, очевидно, должно было получить широкое развитіе въ древней церкви, при господствѣ рабства и невысокомъ уровнѣ идей справедливости въ тогдашнемъ обществѣ, мало проникшемся еще началами христіанской любви и сострадательности. Это обстоятельство заставило церковную власть прибѣгнуть къ учрежденію особой должности. „Заблагоразсудили всѣ, говорятъ отцы кареагенскаго собора, по причинѣ притѣсненія убогихъ, которые непрестанно стужаютъ церкви жалобами, просятъ отъ царей, да избираются для нихъ по ѡсмотрѣніемъ епископовъ защитники (ἐκδίκας) отъ насилія богатыхъ“. Это правило принадлежитъ собору (401 г.), но на соборѣ (407 г.) отцы издали новое постановленіе о томъ-же предметѣ. „Заблагоразсуждено... просити преславныхъ царей, да будетъ позволено учредить ученыхъ экдиковъ, которые имѣли-бы своею обязанностию дѣйствование въ защищеніи дѣлъ: и которые-бы, яко священники епархіи, пріавшіе на себя ходатайство по дѣламъ церквей, свободно могли, когда нужда потребуеть, входить въ присутствіе судилищъ для опроверженія возраженій и для представленія того, что нужно“ ²⁾). Приве-

¹⁾ Riffel, Geschichte. Darstell. d. Verhältn. zw. Kirch. u. Staat. pag. 250—273. Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г. ч. 65. стр. 47—59. 193—197. Неволянъ. Поля. Собр. Сочин. т. VI. статья: „о простр. церковн. суда въ Россіи“.

²⁾ Каре. пр. 86. 109.

денныя правила, представляя учредительныя постановленія о разсматриваемой должности, показываютъ, что прямое назначеніе экдиковъ состояло въ томъ, чтобы заниматься дѣлами и охранять права лицъ, искавшихъ защиты и покровительства церкви, также вообще защищать ея интересы въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ и ходатайствовать по ея дѣламъ ¹⁾. Возникшая въ кареагенской церкви ²⁾ должность экдиковъ въ началѣ V в. была распространена при всѣхъ епископскихъ кафедрахъ въ видѣ постоянной церковной должности ³⁾. Соборъ халкидонскій (451 г.) открываетъ эту должность существующею въ константинопольской церкви, когда постановляетъ, чтобы прибывшимъ въ Константинополь изъ другихъ епархій клирикамъ и производящимъ здѣсь безпорядки сначала только напоминать чрезъ экдика о возвращеніи ихъ къ своей церкви, а затѣмъ, въ случаѣ упорства, насильно удалять ихъ чрезъ того же экдика. Число всѣхъ экдиковъ въ константинопольской церкви бывало иногда довольно многочисленно ⁴⁾; старѣйшій изъ нихъ и назывался протекдикомъ.

Одни и большая часть списковъ относятъ должность протекдика къ чинамъ третьей пектады праваго хора ⁵⁾; другіе наоборотъ поставляютъ ее въ числѣ чиновъ первой пектады, въ ряду эксокатакиловъ ⁶⁾; Причина этой разности заключается, какъ было уже замѣчено, въ томъ, что патріархъ Георгій Кси-

¹⁾ Опыт. курс. церк. закон. т. II. стр. 203—204. 220—222. *Σύνταξι.* т. III pag. 494—496. 540.

²⁾ Императоры Θεодосій II и Гонорій, къ которымъ и обращались кареагенскіе отцы, закономъ отъ 409 г. учредили эту должность и повелѣли, чтобы на нее избирались только христіане. *Cod. Theod. de denunt. vel edit. rescript. l. 7. de epist. et cler. l. 38.* Van.-Espan t. VII. pag. 294—296.

³⁾ Zhishman. pag. 130.

⁴⁾ Такъ узаконеніемъ (612 г.) импер. Ираклія назначено для констант. церкви 10 экдиковъ (*Zachar. t. III. pag. 36*). Гоаръ въ своемъ спискѣ должностей насчитываетъ ихъ 12. (*Goar. pag. 270*). Другія свѣденія считаютъ то пять (*Act. Patr. t. I. pag. 372*), то четыре (*Σύνταξι.* т. V. 410. 437), то три (*Act. Patr. t. I. pag. 369. 374. 375*), то два (*Harduin. t. II. pag. 1228. Goar, pag. 277*).

⁵⁾ *Goar, pag. 268. 274.* ⁶⁾ *Σύνταξι.* т. V. pag. 537. *Cod. Europ. pag. 4.*

Филинь (1193—1199), обративъ вниманіе на эту должность, причислилъ ее къ первой пектадѣ и поставилъ послѣднею въ числѣ должностей эксакатакиловъ ¹⁾. Черезъ подобную переимѣну должность протекдика получила особое значеніе въ ряду другихъ должностей константинопольской церкви ²⁾, тѣмъ болѣе, что самыя занятія соединенныя съ нею, были очень важны и полезны для церкви.

По однимъ спискамъ протекдикъ вмѣстѣ съ другими экдиками представляется уполномоченнымъ отъ архіерея судьей неважныхъ дѣлъ (μικρὰς ὑποθέσεως) вступающихъ въ церковь ³⁾, по другимъ—ходатаемъ по освобожденію рабовъ и рабынь и также судьей душевныхъ паденій ⁴⁾. Кодинъ говоритъ, что онъ участвуетъ въ дѣлахъ плѣнныхъ и разсматриваетъ дѣла по обвиненіямъ ⁵⁾. Симеонъ солунскій пишетъ: „онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ и обязанностию принимать тѣхъ, которые снова обращаются послѣ отрѣченія къ вѣрѣ и защищаютъ божественные и священные законы, испытываетъ тѣхъ, которые впади въ убійство, или въ другое какое либо тяжкое преступленіе и старается оказать имъ въ этомъ помощь и содѣйствіе“ ⁶⁾. По существу этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ заключить, что протекдикъ былъ: 1) ходатаемъ по дѣламъ лицъ, просившихъ помощи и заступленія церкви, какъ то: вдовъ, сиротъ, рабовъ, плѣнныхъ и имѣвшихъ несчастіе подвергнуться обвиненію въ преступленіи; 2) судьей по дѣламъ какъ клириковъ такъ и мірянъ въ случаѣ ихъ взаимныхъ споровъ и обвиненій по личнымъ обидамъ, и 3) защитникомъ правъ церкви и въ особенности ея установленій и духовенства на судахъ свѣтскихъ. Во вниманіи ко всѣмъ перечисленнымъ занятіямъ какъ вообще экдики встрѣчаются въ церковныхъ документахъ подъ именемъ

¹⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 409. Goar, pag. 282—583.

²⁾ Такъ Похамерь почитаетъ ее почетнѣйшею въ числѣ церковныхъ должностей (Истор. стр. 1. въ русс. пер.).

³⁾ Goar, pag. 270. 277. ⁴⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 537.

⁵⁾ Cod. Sinop. pag. 4. προτέδικος εἰς τὸ ἀντιλαμβάνεσθαι τοὺς αἰχμαλώτους καὶ χριτῆς τῶν ἐγκληματικῶν ὑποθέσεων.

⁶⁾ Sym. Thess. ἅπαντα pag. 229. Migne. t. CLV. pag. 464.

„блюстителей правъ“ (*δικαιοφύλακων* ¹⁾), такъ и въ частности протекдикъ называется этимъ именемъ ²⁾.

Разсмотрѣнные должности и занятія эксокатакиловъ показываютъ, что каждый изъ нихъ завѣдывалъ отдѣльною частію патриаршаго управленія и былъ въ собственномъ смыслѣ помощникомъ патриарха въ извѣстномъ отношеніи. Вальсамонъ, разъясняя причину учрежденія высшихъ сановниковъ при патриархѣ говоритъ: „глава святѣйшей Божіей церкви, послѣ первой, безначальной и вѣчной и безпредѣльно-могущественнѣйшей главы, Господа нашего Иисуса Христа, духовный женихъ ея нынѣ (*κατὰ καιρὸς*) есть святѣйшій вселенскій патриархъ. Вслѣдствіе сего, православнымъ нашимъ государямъ угодно было церковное управленіе раздѣлить на пять секретовъ и ввѣрить это управленіе служителямъ; такъ какъ самому патриарху, представляющему образъ жениха, неприлично было заботиться о земледѣліи и насыщеніи рабовъ. И такъ съ того времени и до сихъ поръ все управляется цятю представителями—начальствующими эксокатакилами, какъ пятю чувствами“ ³⁾. Отсюда видно, что раздѣленіе церковнаго управленія при кафедрѣ константинопольскаго патриарха между эксокатакилами, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ въ завѣдываніе особой части, было слѣдствіемъ стремленія сообщить этому управленію надлежащую стройность. Вслѣдствіе сего, принимая вѣдомство каждаго изъ эксокатакиловъ за особую часть патриаршаго управленія, необходимо прибавить, что каждая изъ этихъ частей сосредоточивалась въ особомъ установленіи, носившемъ названіе секрета—*σέκρετον* ⁴⁾. Дю-Канжъ, составившій описаніе „христіанскаго Константинополя“ насчитываетъ такихъ секретовъ шесть, т. е. согласно съ числомъ шести высшихъ сановниковъ патриарха, и относитъ къ каждому изъ этихъ

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 533. 534.

²⁾ Ibid. pag. 324. 429. Zachar. t. III. pag. 592—593.

³⁾ Σύνταξις. t. IV. pag. 533.

⁴⁾ Объ употребленіи и значеніи этого термина см. Du-Cange, Gloss. pag. 1346—1348.

секретовъ завѣдываніе тѣмъ кругомъ предметовъ, которые относились, какъ мы видѣли, къ должности того или другого эконокатакила. Дю-Канжъ въ своемъ повѣствованіи удостовѣряетъ только фактъ существованія этихъ секретовъ, но не описываетъ ихъ внутренняго устройства ¹⁾. Если бы мы пожелали, по возможности, раздѣльно представить составъ cadaго изъ этихъ установленій патріархіи; то, кажется, безошибочно можемъ допустить, что въ каждомъ изъ этихъ установленій занимались лица, имѣвшія по самому званію, или по существу своихъ обязанностей, ближайшее отношеніе къ предметамъ вѣдомства cadaго изъ эконокатакиловъ. Такъ въ составъ секрета великаго эконома, безъ сомнѣнія входили всѣ другіе эконома, которыхъ было нѣсколько при константинопольской церкви ²⁾; помощникомъ великаго сакелларія Кодинъ называетъ архонта монастырей, помощникомъ же малаго сакелларія—архонта церкви ³⁾; помощниками великаго скевофилакса и вмѣстѣ членами его секрета были простые скевофилаксы, которыхъ по узаконенію Ираклія долженствовало быть 12 при софійской, константинопольской церкви ⁴⁾; помощниками хартофилакса, по крайней мѣрѣ, по веденію протоколовъ представляются протонотарій и ипомниматографъ ⁵⁾; помощниками протекдика и членами его секрета были простые экдики, которыхъ по узаконенію Ираклія было 10, а по другимъ свѣденіямъ гораздо менѣе ⁶⁾. Какъ эти свѣденія даютъ ключъ къ надежному сужденію о составѣ cadaго изъ секретовъ эконокатакиловъ; такъ другія указанія позволяютъ сдѣлать дополненіе о канцеляріи

¹⁾ Du Cange, Constantinop. Christiana. lib. II. pag. 126—127. Histor. Byzant. t. XXVIII. Corp. script. Hist. Byz. edit. Venet. 1729.

²⁾ Писатели замѣчаютъ, что великій экономъ между прочимъ потому и назывался этимъ именемъ, что былъ главою другихъ экономовъ (Cantacuz. lib. II. cap. 1).

³⁾ Cod. Curop. pag. 5. 114. 115. 144. edit. Bon.

⁴⁾ Zachar. t. III. pag. 36. Сюда, правда безъ документальной твердости, еще причисляютъ іеронимона, мѣродотиса, декана, блюстителя порядка и другихъ (О должн. и учржд. въ др. всел. церкв. стр. 165).

⁵⁾ Zhishman. pag. 140. 144.

⁶⁾ Ibid. pag. 36. Goar. pag. 277. Act. Patr. t. I. pag. 369. 372. 374. 375.

этихъ секретовъ, т. е. о веденіи письмоводства въ нихъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно остановиться на должности приммикирія тавуларіевъ (πριμμικήριος τῶν ταβουλαρίων), котораго чинъ относится то къ пятой, то къ шестой, то къ седьмой пектадѣ и потому никакъ не можетъ быть смѣшиваемъ съ чиномъ протонотарія ¹⁾). Если, по объясненію списковъ и замѣчанію ученыхъ ²⁾), ταβυλάριος означаетъ тоже, что νατάριος; то названіе πριμμικήριος τῶν ταβυλαρίων слѣдуетъ отнести къ тому чиновнику, который считался первымъ и старшимъ въ ряду другихъ хартуларіевъ, составлявшихъ канцелярію названныхъ секретовъ ³⁾). О существованіи хартуларіевъ, которые, какъ исполнители дѣлопроизводства и письмоводства при каждомъ изъ экоккатакиловъ, представляли стройную организацію, говорятъ разныя свѣдѣнія. Такъ великій эконоμъ, замѣчаютъ списки, имѣлъ свою канцелярію χαρτυλάριον, въ которой сосредоточивалось производство дѣлъ по его части ⁴⁾). При великомъ сакелларіи была своя канцелярія, которая называется тѣмъ же именемъ въ спискахъ, а занимавшіеся въ ней чиновники — хартуларіями великой сакеллы (χαρτυλάριοι μεγάλης σακκέλλης ⁵⁾) въ отличіе очевидно отъ хартуларіевъ малой сакеллы. Какъ секретъ великаго скевофилакса назывался: „σχευοφουλακειῶν“, такъ занимавшіеся въ немъ чиновники его хартуларіями (χαρτυλάριοι σχευοφουλακειῶν) ⁶⁾). Секретъ великаго хартофилакса назывался „σέχρητον τοῦ χαρτοφύλακος“, или просто „χαρτοφουλακειῶν“ ⁷⁾); занимавшіеся-же въ этомъ секретѣ чиновники носили названіе: „σχερητικοί“, или: „ἐπισκοπειανοί“. Различіе между ними полагають въ томъ, что первые помогали хартофилаксу въ производствѣ канцелярскихъ занятій, послѣдніе въ

¹⁾ Cod. Curop. pag. 6. 115. Zhishman, pag. 170.

²⁾ Gretseri et Goari, commentar. in Codin. pag. 154—155.

³⁾ Прав. Соб. 1868 г. ч. III. стр. 77.

⁴⁾ Goar, pag. 275. Σύνταγμα. t. V. pag. 535. Du Cange. Const. christ. pag. 126.

⁵⁾ Goar, pag. 275. Σύνταγμα. t. V. pag. 535. 410.

⁶⁾ Goar, pag. 276. Σύνταγμα. t. V. pag. 535. 410.

⁷⁾ Du Cange, Const. christ. pag. 127.

надзоръ за дисциплиною церкви ¹⁾. Вальсамонъ даетъ слѣдующее свидѣтельство какъ вообще о секретахъ патріархин, такъ и въ частности о секретѣ хартофилакса и его занятіяхъ. „Великій патріаршій престолъ имѣетъ подъ своею властію различныя секреты (διάφορα σέκρετα); въ частности-же секрету хартофилакса предоставлены епископскія права (τὰ ἐπισκοπικὰ δίκαια), такъ что хартофилаксъ извѣстнаго времени совершаетъ по праву святѣйшаго патріарха того времени все принадлежащее патріарху, какъ епископу, какъ-то: отлучаетъ, исправляетъ духовныя паденія, позволяетъ рукополагать священниковъ и діаконовъ, выдаетъ грамоты на священнослуженіе (τῶν ἱεροτελεστιῶν πιττάκια) и исполняетъ все прочее тому подобное; вслѣдствіе сего хартофилакію (хартоφολακείον) справедливо (καλῶς) будетъ называть епископіею“ ²⁾. Секретъ протекдика носилъ названіе „протехдикейон“, или просто „эхдикейон“ ³⁾; въ немъ сосредоточивались дѣла по дѣятельности прочихъ экдиковъ, и наблюденіе за прохожденіемъ ими своей должности, также все прочее производство по части протекдика ⁴⁾.

Кромѣ шести секретовъ названныхъ эсеокатакиловъ Дю-Канжъ къ составу патріаршаго управленія еще причисляетъ: большой и малый секреты патріарха (majus et minus secretum Patriarchae), о которыхъ упоминанія встрѣчаются и у византійскихъ писателей ⁵⁾. Дю-Канжъ не говоритъ о назначеніи этихъ секретовъ; изъ свидѣтельства же патріарха Георгія Ксифилина мы узнаемъ, что въ маломъ секретѣ патріарха собирались синоды подъ его предсѣдательствомъ ⁶⁾. Кажется не будетъ ошибки, если мы въ виду этого свидѣтельства, а равно и другихъ указаній сдѣлаемъ заключеніе, что малый секретъ былъ

¹⁾ Σύνταγμα. t. IV. pag. 537. 540. t. V. pag. 2. Zhishman, pag. 124.

²⁾ Σύνταγμα. t. II. pag. 587.

³⁾ Du Cange, pag. 127. Σύνταγμα. t. V. pag. 530. Хавиатъ даетъ поводъ думать, что онъ находился на внѣшнемъ дворѣ церкви (Nicet. Chon. in Alex. Man. cap. VII. pag. 310. edit. Bonn. ср. по русс. пер. т. I. стр. 306).

⁴⁾ Cod. Cypor. pag. 130 -131. Act. Patr. t. I. pag. 180. 456. t. II. pag. 553

⁵⁾ Du-Cange, pag. 127.

⁶⁾ Leunclav. Jus. Groec. Rom. pag. 57. Du-Cang. pag. 127.

въ собственомъ смыслѣ секретомъ патріарха, въ которомъ сосредоточивалось производство дѣлъ, рѣшавшихся при непосредственномъ участіи самаго патріарха, и въ которомъ происходили малыя, такъ сказать, домашнія собранія патріархін, на которыхъ присутствовали эксокатакилы и другіе сановники патріарха, и нѣкоторые изъ архіереевъ, находившихся въ столицѣ и приглашенныхъ въ засѣданіе патріархомъ. Большой же секретъ былъ секретомъ всего патріархата, въ которомъ происходили многочисленныя церковныя собранія, на которыхъ присутствовали митрополиты и архіепископы изъ разныхъ епархій, и вообще дѣлались торжественныя и многочисленныя представленія патріарху ¹⁾, какъ напр., при вступленіи его на кафедру и при другихъ особенныхъ случаяхъ.

Эксокатакилы и ихъ совѣты завѣдывали важнѣйшими отраслями патріаршаго управленія при кафедрѣ патріарха. Послѣдній, какъ начальникъ и глава этого управленія, наблюдалъ за правильностію и законностію дѣйствій и распоряженій какъ всѣхъ эксакатакиловъ вмѣстѣ, такъ и cadaго изъ нихъ въ частности. Это наблюденіе производилось патріархомъ при содѣйствіи самихъ же эксакатакиловъ, которые для сей цѣли составляли обыкновенный совѣтъ, или постоянный синодъ патріарха; на это и указываетъ Кодинъ, который, перечисливъ должности и занятіе cadaго изъ эксакатакиловъ, замѣчаетъ: „всѣ они засѣдаютъ въ божественномъ и священномъ синодѣ съ архіереемъ“ ²⁾. На подобномъ собраніи эксакатакиловъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха, иногда при участіи другихъ архіереевъ, разсматривались и разрѣшались текущія дѣла по управленію патріарха, превышавшія права и власть отдѣльныхъ секретовъ и завѣдывавшихъ ими эксакатакиловъ, также дѣла по жалобамъ на ихъ дѣйствія и распоряженія, разсмотрѣніе и повѣрка представляемыхъ ими отчетовъ, и вообще высшее и общее наблюденіе за отдѣльными частями управленія патріарха.

¹⁾ Правос. Собес. 1868. т. III. стр. 67. прим.

²⁾ Cod. Sinop. pag. 4. 131.

Главными дѣателями производства въ этихъ собраніяхъ и вообще исполнителями здѣсь распоряженій патріарха были чины второй пектады праваго хора, которые, не состоя, по спискамъ, въ непосредственномъ подчиненіи ни одному изъ эксакатакиловъ, пользовались самостоятельнымъ въ извѣстной степени значеніемъ при патріархѣ. Эти чины и отдѣльные занятія ихъ были слѣдующіе.

1) Протонотарій (ὁ πρωτονοτάριος) первый изъ нотаріевъ. Кодианъ называетъ его дверію эксакатакиловъ (θύρα τῶν ἐξωκατακόλων), нужно полагать, какъ въ томъ смыслѣ, что онъ ближе другихъ чиновъ стоялъ къ эксакатакиламъ, такъ и въ томъ, что чрезъ него, какъ ближайшаго чиновника при патріархѣ, эксакатакилы вносили на разсмотрѣніе къ патріарху т. е. въ названное собраніе свои доклады и дѣла ¹⁾). Списки согласно приписываютъ ему различныя, но важныя занятія. Прежде всего онъ отъ лица патріарха велъ переписку какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими сановниками; первымъ, между прочимъ, писалъ указы (μυρόματα) и грамоты (πιστάκια). Далѣе онъ составлялъ документы, относившіеся къ разнымъ сдѣлкамъ какъ то: къ договорамъ купли, продажи, духовныхъ завѣщаній, освобожденія рабовъ и т. п. Наконецъ ему приписывается какъ испытаніе тѣхъ, которые хотѣли посвятить себя канцелярскимъ занятіямъ въ духовномъ вѣдомствѣ (νομοδοξ), такъ и вообще ревизія ихъ дѣятельности и дѣлопроизводства, которую онъ производилъ два раза въ годъ и о результатахъ ея докладывалъ патріарху ²⁾). Соображая эти занятія протонотарія, нельзя не признать, что онъ, дѣйствуя въ исполненіи обязанностей своей должности непосредственно отъ имени и именемъ патріарха, былъ главнымъ офіціаломъ въ томъ установленіи патріарха, откуда посылались указы и грамоты патріарха къ подчиненнымъ ему соновникамъ и властямъ, и гдѣ провѣрялись и утверждались совершаемые договоры по различнымъ сдѣлкамъ, и гдѣ, наконецъ, сосредоточивался высшій надзоръ за всѣми чиновни-

¹⁾ Cod. Sinop. pag. 4. 132—133.

²⁾ Goar. pag. 271. 276. 282—284. Σύνταγμα. т. V. pag. 535.

ками великой константинопольской церкви. Такимъ установле-
ніемъ должно быть признано только то, въ которомъ предсѣ-
дательствоваль самъ патріархъ, и въ которомъ все производи-
лось и совершалось отъ его имени, т. е. въ секретѣ всей па-
тріархіи. При такомъ высококомъ положеніи должности протоно-
тарія ему совершенно естественно было какъ заступать мѣсто
хартофилакса въ собраніяхъ патріаршаго синода, такъ и на-
блюдать за правильностію синодальнаго дѣлопроизводства со
стороны его содержанія и формы ¹⁾). На соборахъ древней
церкви протоногаріи являются главными ихъ дѣлопроизводи-
телями: читають протоколы, представляютъ собору нужныя
справки и наблюдаютъ за письменною частію.

2) Логоееть (ὁ λογοθέτης). Одни списки поставляютъ его
должность въ томъ, что онъ хранилъ патріаршую печать и
прилагалъ ее ко всякой бумагѣ, написанной патріархомъ, а рав-
но и къ книгамъ для записыванія доходовъ патріархіи и присут-
ствовалъ въ судахъ ²⁾; другіе говорятъ, что онъ засѣдалъ
съ протекдикомъ въ судахъ и представлялъ апокрисиаріевъ къ
патріарху ³⁾. Нѣкоторые списки утверждаютъ, что логоееть
составлялъ катихизическія бесѣды для народа по порученію
патріарха, по другимъ онъ описывалъ празднества ⁴⁾. Кодишь по-
лагаетъ должность логоеета въ составленіи опредѣленій (εἰς τὸ λογο-
γραφεῖν) и говоритъ, что онъ писалъ эти опредѣленія какъ по дѣламъ
простыхъ людей, такъ и занимавшихъ должности (καὶ εἰς τὰς
δημοσιακὰς καὶ ἀρχοντικὰς ὑποθέσεις λογογραφεῖν ⁵⁾). Подобное разно-
рѣчіе списковъ и разнообразіе приписываемыхъ ими логоеету
занятій заставляють склониться къ предположенію, что лого-
ееть исполнялъ многоразличныя обязанности при каедрѣ па-
тріарха. Стараясь въ ряду этихъ обязанностей найти главное
занятіе логоеета, мы должны принять, что онъ былъ блюсти-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 450. 465. 468. 497. t. II. pag. 206. 275.

²⁾ Goar, pag. 270. 276. Συνταγμ. t. V. pag. 536.

³⁾ Συνταγμ. t. V. pag. 537.

⁴⁾ Du-Cange, Gloss. pag. 823—824. Συνταγμ. t. V. 531. not.

⁵⁾ Cod. Corop. pag. 4. 115. 134—135.

гелемъ законности рѣшеній, поступавшихъ въ секретъ патріарха дѣлъ и правильности выходившихъ изъ него отъ имени патріарха бумагъ. На первое занятіе логофета указываетъ замѣчаніе Кодина объ его должности, на послѣднее—тѣ списки, которые приписываютъ логофету храненіе патріаршей печати. Въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя дѣятельность логофета въ отношеніи къ исходящимъ бумагамъ ограничивать однимъ механическимъ прикладываніемъ печатей, а необходимо предположить, что онъ наблюдалъ и за правильностію ихъ со стороны содержанія и формы; такъ поспѣшно заключать, что въ отношеніи къ рѣшеніямъ дѣятельность логофета ограничивалась только записываніемъ готовыхъ резолюцій; напротивъ необходимо предположить, что логофетъ какъ принималъ подаваемые на имя патріарха просьбы, такъ разсматривалъ правильность ихъ со стороны содержанія и формы и распоряжался всѣмъ дальнѣйшимъ производствомъ дѣла до его окончанія. Представляя въ такихъ функціяхъ главныя занятія логофета, мы должны назвать его дѣлопроизводителемъ патріаршаго секрета, чрезъ руки котораго проходили всѣ бумаги, требовавшія по своему существу извѣстнаго канцелярскаго производства, и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго совершалось это производство. Въ такомъ пониманіи должности логофета поддерживаютъ насъ лучшіе лексикокрафы, которые или отождествляютъ эту должность вообще съ должностию канцеляриста, или прямо приписываютъ занимавшему ее лицу производство именно судебныхъ дѣлъ ¹⁾. Съ пониманіемъ должности логофета, въ смыслѣ дѣлопроизводителя патріаршаго секрета, согласуются и другія приписываемыя этой должности занятія. Такъ, списки говорятъ, что онъ прикладывалъ патріаршую печать ко всякой книгѣ для записыванія доходовъ патріарха (εις πάσαν εισοδον τῆς ἐπισκοπῆς). Это выраженіе нужно понять такъ, что логофетъ, какъ представитель внутренняго дѣлопроизводства въ патріаршемъ секре-

¹⁾ Suiceri, pag. 249—250. Suidas, отождествляя вслѣдъ за Кодиномъ названіе: λογεθέτης и λογογράφος, поясняетъ: λογογράφος ἐστὶν ὁ τὰς δικὰς, ἢ τοὺς δικαινοῦς γράφων. Boag, pag. 285.

тѣ, скрѣплялъ своею подписью и печатію патріарха выдававшіяся изъ этого секрета приходорасходныя книги въ подлежащія отдѣленія патріархіи, или перечисленные выше секреты эксокатакиловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принять, что логоѣтъ же былъ и главнымъ ревизоромъ тѣхъ отчетовъ, которые представлялись патріарху отъ эксокатакиловъ. Вообще какъ протонотарій, по существу возлагавшихся на него обязанностей, долженъ быть названъ представителемъ одной части дѣлопроизводства сосредоточивавшагося въ патріаршемъ секретѣ, такъ логоѣтъ параллельно ему—другой. Если бы мы пожелали опредѣлить занятія и характеръ должности каждаго изъ нихъ, примѣнительно къ языку и понятіямъ нашего времени, то должны были-бы перваго назвать представителемъ административнаго, послѣдняго—судебнаго порядка производства, и отнести къ главному завѣдыванію логоѣта судебныя дѣла, которыя поступали въ секретъ патріарха. Въ согласіи съ такимъ главнымъ назначеніемъ логоѣта находятся и частныя, возлагавшіяся на него, обязанности, какъ-то: содѣйствіе протекдику ¹⁾, близость къ апокрисіаріямъ въ исполненіи ими своихъ порученій; такъ какъ эти порученія касались дѣлъ судебныхъ. Не въ противорѣчій съ тѣмъ-же назначеніемъ логоѣта находятся и позднѣйшее значеніе его должности, какъ наблюдателя надъ церковными суммами ²⁾ и современное значеніе великаго логоѣта, какъ главнаго чиновника въ сношеніяхъ патріарха съ Портою ³⁾.

3) Канстризіій (*ὁ κανστρίσιος*). Списки согласно приписываютъ ему литургическое значеніе ⁴⁾, и только нѣкоторые замѣчаютъ, что онъ засѣдаетъ и въ судахъ ⁵⁾. Это засѣданіе нужно пони-

¹⁾ Act. Patr. t. П. pag. 456.

²⁾ Σύνταξι. t. V. pag. 587. Zhishman, pag. 143.

³⁾ Du-Cange. pag. Goar. pag. 255. Silbernagl. pag. 20—21.

⁴⁾ Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ надзоръ за ризницею патріарха, служилъ ему при его облаченіи и разоблаченіи, подавалъ патріарху кадильяцу (Σύνταξι. t. б. pag. 536. 537—538).

⁵⁾ Goar, pag. 270.

мать такъ, что канстризіей засѣдалъ въ патриаршемъ судѣ, особенно при разсмотрѣніи дѣлъ, касавшихся духовенства.

4) Референдарій (ὁ *referendarius*). Назначеніе этого чиновника, какъ показываетъ самое его названіе, состояло въ томъ, что онъ служилъ для сношеній патриарха съ свѣтскимъ правительствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что референдарій, какъ чиновникъ второй пентады праваго хора, возвышался надъ всѣми прочими его имени оффиціалами, которыхъ, по закону Ираклія, полагалось 12 при константинопольской церкви ¹⁾). Объ этомъ референдаріи списки говорятъ, что онъ посылается отъ патриарха къ царю и къ высокимъ сановникамъ въ важныхъ случаяхъ. Само собою понятно, что миссія референдарія заключалась не только въ томъ, что онъ относилъ письменно изложенное представленіе, или словесное требованіе со стороны патриарха, но и ходатайствовалъ, предъ кѣмъ слѣдовало, объ успѣхѣ своего порученія, представляя въ пользу этого извѣстные мотивы и основанія, словомъ, былъ чиновникомъ для непосредственныхъ сношеній патриарха съ дворомъ и высшими сановниками государства по дѣламъ церкви и завѣдывалъ этою частію. Списки и о немъ замѣчаютъ, что онъ засѣдаетъ въ судахъ ²⁾).

5) Ипомниатографъ (ὁ *ὑπομνηματογράφος*). Списки объ его должности говорятъ, что онъ присутствуетъ при выборахъ архіереевъ и записываетъ, если что они опредѣляютъ, но въ то же время прибавляютъ, что онъ былъ вспомогательнымъ лицомъ второй пентады ³⁾). Кодинъ полагаетъ существо должно-

¹⁾ Zachar. t. III. pag. 36. Не лишне замѣтить, что порядокъ сношеній духовныхъ властей съ свѣтскими и, въ особенности, съ императорскимъ дворомъ посредствомъ особыхъ чиновниковъ былъ установленъ еще императоромъ Юстиніаномъ, который повелѣлъ (нов. 6. cap. 3), чтобы епископы, въ случаѣ нужды, относились къ императору чрезъ такъ называемыхъ референдаріевъ великой церкви, или чрезъ благочестивѣйшихъ апокрисиаріевъ святѣйшихъ патриарховъ подлежащаго округа и получали нужный отвѣтъ (Photii, Nomoc. t. VIII. cap. 2. Scholastic. Nomoc. apud. Justell. Biblioth. jur. can. veter. t. II. pag. 617).

²⁾ Goar, pag. 270. 276. Σύνταξι. t. V. pag. 536. 538. Cod. Cor. pag. 4. 136.

³⁾ Goar, pag. 270. 276. Σύνταξι. t. V. pag. 536. 537.

сти ипомниматографа въ составленіи журналовъ (*ὀπορνήματα*)¹⁾. Іоаннъ китрскій говоритъ, что въ случаѣ болѣзни, или отсутствія хартофилакса, ипомниматографъ вмѣсто него докладывалъ и читалъ журналы секрета хартофилакса²⁾. На основаніи указанныхъ замѣчаній списковъ, Цишманъ, называя ипомниматографа вспомогательнымъ оффиціаломъ второй пентады, къ особенной его обязанности относитъ то, что онъ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнялъ хартофилакса и вмѣсто него велъ протоколы³⁾. Намъ думается, что мы точнѣе опредѣлимъ значеніе этой должности и ея положеніе въ ряду другихъ, если, слѣдуя свидѣтельствамъ списковъ, скажемъ, что ипомниматографъ, принадлежа по своей должности къ чинамъ второй пентады, не равнялся съ ними по существу и характеру своихъ занятій, т. е. не имѣлъ того самостоятельнаго значенія со стороны исполненія возлагавшихся на него обязанностей, которымъ пользовались другіе чины второй пентады. И дѣйствительно въ то время, какъ протонотарій, логоеетъ и референдарій, каждый имѣлъ свой, точно опредѣленный кругъ занятій, ипомниматографъ представляется лицомъ съ болѣе общею обязанностию веденія журналовъ. Кажется мы правильно передадимъ сущность этой обязанности, если скажемъ, что ипомниматографъ велъ журналы бумагъ, поступавшихъ къ дѣлопроизводству чиновъ второй же пентады и дѣлалъ нужныя справки для разясненія тѣхъ, или другихъ обстоятельствъ производившагося дѣла. Все это ипомниматоръ исполнялъ не въ другомъ какомъ либо установленіи, а въ секретѣ самого патриарха. То обстоятельство, что, по словамъ Іоанна китрскаго, ипомниматографъ докладывалъ бумаги секрета хартофилакса, не только не опровергаетъ нашего предположенія, напротивъ подтверждаетъ его тѣмъ, что изъ всѣхъ чиновъ, занимавшихся въ секретѣ патриарха, ипомниматографъ былъ ближе другихъ къ этому роду дѣлъ и занятій.

¹⁾ Cod. Curop. pag. 4.

²⁾ Σύνταγμα. t. V. pag. 413. ³⁾ Zhishman, pag. 144.

Разсмотрѣнные чины второй пентады, представляя ближайших чиновников патриарха и занимаясь въ его секретѣ, хотя уступали въ своемъ значеніи эксокатакиламъ, однако пользовались почетнымъ положеніемъ при каедрѣ патриарха, и въ свою очередь возвышались надъ всѣми прочими оффиціалами. Можно со всею увѣренностію сказать, что тѣ синодальные акты, которые говорятъ о присутствіи въ патриаршемъ синодѣ вмѣстѣ съ эксокатакилами и боголюбивѣйшихъ патриаршихъ начальниковъ (*καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων*), подъ сими послѣдними разумѣютъ по преимуществу сановниковъ второй пентады, какъ лицъ, принимавшихъ вліятельное участіе въ дѣлахъ патриаршей администраціи и суда ¹⁾. Въ то же время другіе синодальные акты опредѣлительно говорятъ объ участіи того или другаго, или нѣсколькихъ вмѣстѣ изъ названныхъ оффиціаловъ въ засѣданіяхъ патриаршаго синода вмѣстѣ съ эксокатакилами ²⁾; такъ что это обстоятельство представляетъ новое и рѣшительное доказательство въ пользу преимущественнаго значенія этихъ сановниковъ и заставляетъ призвать въ нихъ не простыхъ чиновниковъ, исполнявшихъ только приказанія стоящаго надъ ними начальника, а оффиціаловъ со властію. Равнымъ образомъ акты дополняютъ, что патриархъ иногда однихъ ихъ назначалъ для изслѣдованія подлежащихъ обсужденію обстоятельствъ. Все это вмѣстѣ приводитъ къ заключенію, что если эксокатакилы имѣли въ своемъ вѣденіи отдѣльныя части патриаршаго управленія; то чины второй пентады, не имѣвшіе подъ своею дирекціею особыхъ секретовъ, были главными чиновниками собственно патриаршаго секрета, называвшагося „секретомъ св. великой Божіей церкви“ ³⁾.

Такимъ образомъ, соображая сказанное о патриаршемъ синодѣ и ближайшихъ помощникахъ патриарха по управленію, мы должны постановить слѣдующее заключеніе объ управ-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 48. 99. 138. 161.

²⁾ Ibid. t. II. 37. 385. ³⁾ Act. Patr. t. I. pag. 285.

лені константинопольскаго патріарха. Важнѣйшія дѣла всего патріархата сосредоточивались въ патріаршемъ синодѣ, который, состоя изъ митрополитовъ и архіепископовъ и дѣйствуя подъ предсѣдательствомъ самаго патріарха, рѣшаль ихъ окончательно. Важнѣйшія же дѣла патріархіи также рѣшались синодомъ, на которомъ вмѣстѣ съ патріархомъ и подъ его предсѣдательствомъ, или подъ предсѣдательствомъ хартофилакса, присутствовали: высшіе и другіе сановники патріарха, а иногда и нѣкоторые изъ приглашенныхъ архіереевъ. Непосредственное управленіе патріарха, по подражанію управленію императора, было раздѣлено между высшими сановниками патріарха—эксокатакилами, изъ коихъ каждый, завѣдывая отдѣльною частію, имѣлъ для сего свою дирекцію особый секретъ, называвшійся по имени своего правителя. При этомъ, какъ самъ хартофилаксъ, по важности лежавшихъ на немъ обязанностей, такъ и его секретъ, въ которомъ сосредоточивались дѣла, имѣвшія ближайшее отношеніе къ правамъ и власти патріарха, какъ архіерея, пользовались преимущественнымъ значеніемъ. Отдѣльно отъ этихъ секретовъ существовалъ и надъ ними возвышался секретъ самаго патріарха, или секретъ св. великой Божіей церкви, въ которомъ производились дѣла, требовавшія непосредственной резолюціи патріарха. Мы вѣрно передадимъ значеніе этого секрета, если скажемъ, что въ немъ сосредоточивалось производство дѣлъ, доходившихъ до самаго патріарха, и онъ былъ вмѣстѣ канцелярією патріаршаго синода въ томъ смыслѣ, что его чины были ближайшими исполнителями обязанностей дѣлопроизводства въ патріаршемъ синодѣ.

Представляя въ такомъ видѣ управленіе первоіерарха восточной церкви, мы указываемъ только общій составъ этого управленія, но не касаемся подробныхъ частныхъ, которыя не подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Имѣя въ виду указать только ближайшихъ помощниковъ константинопольскаго патріарха по управленію, мы и не должны говорить о дѣятельности тѣхъ чиновъ патріаршаго двора, которые имѣли второстепенное значеніе и были уже помощниками ближайшихъ помощниковъ патріар-

ха. Изъ всѣхъ послѣдующихъ чиновъ патриаршаго двора только одни экзархи, по существу ихъ должности, могутъ быть названы ближайшими помощниками патриарха и притомъ въ отношеніи къ патриархату. На нихъ то мы должны остановиться и остановимъ наше вниманіе.

Экзархъ (ὁ ἑξάρχος). Такъ назывались лица, которыхъ патриархъ отъ своего имени и съ особымъ полномочіемъ посылалъ въ разныя мѣста своего патриархата для управленія, надзора и изслѣдованія по какому либо дѣлу. Вальсамонъ, сопоставляя должность экзарха съ званіемъ періодефта, въ толкованіи на 47 пр. лаодикійскаго собора пишетъ: „періодефты въ настоящее время замѣнены отъ епископовъ экзархами; они также путешествуютъ и исправляютъ душевные недуги и назидаютъ вѣрующихъ“ ¹⁾. Списки должностей константинопольской церкви, различая ту и другую должность ²⁾, объ обязанностяхъ экзарха говорятъ: „онъ наблюдаетъ за поведеніемъ священниковъ и доноситъ объ этомъ хартофилаксу; въ случаѣ обвиненія на какого либо архіерея онъ производитъ изслѣдованіе по такому обвиненію“ ³⁾. Практика этой должности заставляеть указать на то различіе, что одни изъ экзарховъ назначались для наблюденія за нѣсколькими монастырями, которые были подчинены патриарху по праву ставропитіи ⁴⁾; другіе простирали свое наблюденіе на извѣстный городъ, церковный округъ, и даже на нѣсколько епархій вмѣстѣ, по отношенію къ которымъ патриархъ пользовался правомъ надзора на общемъ основаніи ⁵⁾. При этомъ въ актахъ и грамотахъ, въ которыхъ дается подобное право, для обозначенія его сущности употребляются выраженія: „ἑξάρχια καὶ διοίκησις“, также „οἰκονομία καὶ διοίκησις“, т. е. для внѣшняго заведыванія и внутренняго управленія ввѣряемымъ округомъ,

¹⁾ Σύνταξι. t. III. pag. 223. 224. 404.

²⁾ О должности періодефта списки замѣчаютъ, что онъ путешествуетъ и руководить желающимъ принять православную вѣру (Goar, pag. 271. 278. Σύνταξι. t. V. pag. 536). ³⁾ Ibid. pag. 539.

⁴⁾ Ibid. t. V. pag. 110—112. Act. Patr. t. II. pag. 37. 249.

⁵⁾ Ibid. t. I. pag. 256—257. 328—329. 528. 537—538. t. II. pag. 96—97. 154—155.

безъ различія находившихся въ немъ церковныхъ установле- ній и лицъ ¹⁾). Патріархи облакали подобнымъ правомъ какъ- особо назначаемыя для сего лица ²⁾, такъ и предоставляли оное мѣстнымъ іерархамъ, въ особенности митрополитамъ ³⁾, притомъ на определенное время, или на всю жизнь ⁴⁾. Въ особенныхъ случаяхъ какъ то: для возстановленія въ какой- либо мѣстности церковной дисциплины, исправленія обнаружив- шихся тамъ безпорядковъ патріархъ отъ своего лица, или вмѣ- стѣ съ синодомъ назначалъ особенныхъ экзарховъ специально для исполненія предстоявшей миссіи, съ особенными полно- мочіями ⁵⁾.

Патріаршіе экзархи (ὁ πατριαρχικός ἐξάρχος ⁶⁾) вообще дѣйстви- вали въ исполненіи патріаршаго полномочія (τὰ πατριαρχικά ἐξαρ- χικά δίκαια ⁷⁾), по особо выдававшимся имъ инструкціямъ (ἐνταλμα, ἐνταλτήριον, γράμμα, προτροπή), въ которыхъ подробно опредѣ- лялись кругъ ихъ правъ и характеръ обязанностей ⁸⁾. По су- ществу предоставлявшихся этими инструкціями экзархамъ правъ и возлагавшихся на нихъ обязанностей, они наблюдали за ис- полненіемъ правилъ и уставовъ церкви, слѣдили за правиль- нымъ и законнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, узнавали нѣтъ ли неудо- вольствій у епископа съ клиромъ, или народомъ, у настоятеля монастыря съ братією, смотрѣли правильно ли заключаются христіанскіе браки и выдавали разрѣшеніе на повѣнчаніе ихъ; вообще наблюдали за церковнымъ порядкомъ и дисциплиною, доводя о результатахъ своего наблюденія и дѣятельности до- свѣденія хартофилакса ⁹⁾.

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 558. t. II. pag. 96. 154.

²⁾ Ibid. t. I. pag. 592—593. t. II. 47—48. 572—573.

³⁾ Ibid. t. I. pag. 256. t. II. 88. 152—153. 235.

⁴⁾ Act. Patr. t. I. pag. 589. t. II. pag. 96.

⁵⁾ Ibid. t. I. pag. 427—429. 434—436. 566—567. t. II. pag. 278—280.

⁶⁾ Act. Patr. t. I. pag. 113. 119. t. II. 96.

⁷⁾ Ibid. t. I. pag. 256. 473. 577. t. II. pag. 249.

⁸⁾ См. образцы подобныхъ инструкцій: Συνταγμα. t. V. pag. 579. 585. Act. Patr. t. I. 589—590. t. II. pag. 74—75. 171—172. 451—452.

⁹⁾ Zhishman, pag. 158—160. О должн. и учрежд. стр. 119—126, гдѣ подроб- но изложены обязанности экзарховъ. Прав. Соб. 1868 г. ч. III. стл. 78—79.

Должность экзарха была такою въ числѣ должностей константинопольской церкви, лицами которой патріархъ и его синодъ пользовались для наблюденія по всѣмъ мѣстностямъ обширнаго патріаршаго округа и посредствомъ которыхъ они могли получать нужныя свѣдѣнія со всего округа. Ранніе списки должностей поставляютъ эту должность на 3 мѣстѣ въ числѣ чиновъ лѣваго хора, послѣ втораго пресвитера ¹⁾, чѣмъ ясно указываютъ на ея важное значеніе; между тѣмъ какъ Кодинъ относитъ эту должность къ чинамъ осьмой пектады, коими были чтецы и пѣвцы. Последнее обстоятельство очевидно указываетъ уже на упадокъ разсматриваемой должности въ составѣ чиновъ константинопольской церкви.

Изъ сказаннаго въ настоящей главѣ видно, что управленіе константинопольскаго патріарха вполнѣ было принаровлено къ его высокому положенію и отличалось особенною опредѣленностію и оконченностію входившихъ въ его составъ органовъ. Къ этому же управленію нѣкоторое время относилась и наша отечественная, русская церковь, какъ особая часть обширнаго константинопольскаго патріархата, которою управлялъ константинопольскій патріархъ съ своимъ синодомъ. Желая узнать на какихъ основаніяхъ утверждалась власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію, какія были отдѣльныя обнаруженія этой власти, когда и какъ она прекратилась, мы и обратимся къ дальнѣйшему рѣшенію предположенной нами задачи. Само собою понятно, что первымъ подлежащимъ нашему изслѣдованію вопросомъ въ этомъ отношеніи, долженъ быть вопросъ о началѣ русской церкви и первичныхъ основаніяхъ ея зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

¹⁾ Goar, pag. 271. 277. ²⁾ Cod. Corop. pag. 6. 157. 158.

ГЛАВА VI.

Утвержденіе христіанской церкви въ русскомъ государствѣ и ея зависимость отъ константинопольскаго патріарха.

Первые начатки Христіанской вѣры въ русскомъ государствѣ были положены въ Кіевѣ, при кіевскихъ князьяхъ—Аскольдѣ и Дирѣ. Не желая, по сказанію лѣтописи ¹⁾, оставаться въ Новгородѣ, они испросились у Рюрика пойти съ родомъ своимъ въ Константинополь, но когда шли по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городъ Кіевъ, и, овладѣвъ имъ по праву завоеванія, остались въ немъ княжить. Собравъ вокругъ себя многихъ варяговъ, Аскольдъ и Диръ въ 864 г. ²⁾, въ царствованіе греческаго импер. Михаила III (842—867 г.), на двухъ стахъ лодкахъ отправились въ Константинополь въ качествѣ завоевателей. Не встрѣтивъ сопротивленія, Аскольдъ и Диръ приблизились къ берегамъ Босфора, опустошили прибрежныя селенія Пропонтиды, подступили къ самой столицѣ и своими жестокостями навели ужасъ на ея жителей. Императоръ Михаилъ въ это время находился въ походѣ противъ Агарянъ. Извѣщенный „о нашествіи безбожныхъ Россовъ“ Михаилъ, оставивъ войско, возвратился въ сто-

---

¹⁾ Лѣтопись по Лаврент. списку стр. 19—20. Кажется послѣдовательно будетъ предположить, что Аскольдъ и Диръ рѣшились отправиться въ Константинополь на службу къ Императору, оставшись именно недовольны тѣмъ, что не получили отъ Рюрика городовъ въ управленіе, подобно другимъ мужамъ. (Бестужевъ-Рюминъ русск. Истор. т. гл. 2. стр. 98).

²⁾ Нашъ лѣтописецъ походъ Аскольда и Дира на Константинополь помѣстилъ подъ 866 г. По хронологіи же Муральта нападеніе Россовъ на Константинополь относится къ 865, а крещеніе ихъ къ 866 г. (Muralt, *Essai chronolog. byzant.* t. I. pag. 439—400. 444). Мы держимся болѣе общепринятой нашими историками хронологіи (Макарій, истор. христ. въ Россіи до Влад. стр. 221—224 Порфирій Успенскій, четыре бесѣды Фотія стр. 62—63).

лицу, едва пробившись сквозь цѣпь русскихъ судовъ. Не думая о защитѣ столицы, въ виду грознаго непріятеля, императоръ обратился съ молитвою къ Богу. „Царь и патріархъ, пишеть продолжатель хроники Георгія Амармола, вмѣстѣ пришли въ храмъ Влахернскія Богоматери и тамъ умолились и просили Бога, потомъ съ пѣснопѣніемъ вынесли Св. Омофоръ Богоматери, погрузили его у края моря. Была тишина, но вдругъ поднялся вихрь и на спокойномъ до того морѣ забушевали сердитыя волны; суда безбожныхъ россовъ были опрокинуты и только не многіе избѣгли опасности“. Вразумленные этимъ чудомъ и признавъ въ немъ дѣйствіе силы Божіей, Аскольдъ и Диръ возвратились въ Кіевъ и отправили посольство въ Константинополь просить крещенія ¹⁾. Въ отвѣтъ на это посольство былъ присланъ изъ Константинополя отъ императора и патріарха епископъ, который, по совершеніи извѣстнаго чуда надъ евангеліемъ, брошеннымъ въ огонь, убѣдилъ россовъ принять христіанскую вѣру и креститься ²⁾.

¹⁾ Нашъ летописецъ говоритъ только о нашествіи Аскольда и Дира на Константинополь и отступленіи ихъ вслѣдствіе совершившагося чуда (Лѣт. по лавр. списк. стр. 20—21. по датскому стр. 12). Между тѣмъ византійскіе историки упоминаютъ обо всѣхъ обстоятельствахъ событія, впрочемъ такъ, что одни говорятъ только о нападеніи Россовъ и о совершившемся чудѣ, другіе сверхъ сего и о крещеніи Россовъ; причемъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Константинъ Порфирородный особенно распространяются объ этомъ крещеніи. Патріархъ Фотій, современникъ событія, говоритъ какъ о нападеніи Россовъ такъ и о крещеніи ихъ; при этомъ въ его разсказѣ встрѣчаются нѣкоторыя особенности, сравнительно съ повѣствованіемъ историковъ. Напр. Фотій не говоритъ о погруженіи въ море ризы Богоматери, а только объ обнесеніи оной по стѣнамъ Константинополя, также о присутствіи императора (см. первая и вторая бесѣды по случаю нашествія Россовъ въ изданіи архимандрита Порфирія Успенскаго, четыре бесѣды Фотія С. П. Б. 1864 г.).

²⁾ Константинъ Порфирородный, который подробнѣе другихъ историковъ говоритъ о крещеніи Россовъ, такъ разсказываетъ объ этомъ: „архіепископъ, прибывъ въ страну сказаннаго народа (т. е. Россовъ), для поминутаго дѣла (т. е. крещенія), былъ принятъ ими благосклонно. Князь собралъ вѣче, и, предсѣдательствуя среди окружавшихъ его старцевъ, которые, вслѣдствіе долгой привычки, болѣе другихъ были расположены къ суевѣрью, разсуждалъ о своей вѣрѣ и о вѣрѣ христіанъ, призвалъ архіепископа и спросилъ: что онъ возвѣститъ имъ и чему будетъ учить ихъ. Когда епископъ, раскрывъ

Это было въ 866 г. Объ этомъ событіи патріархъ Фотій счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ окружномъ посланіи объ отступленіяхъ римской церкви. Патріархъ Фотій писалъ: „не только этотъ народъ (Болгары) перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру Христову, но и тотъ... такъ называемые Россы (τὸ Ρῶς) и они въ настоящее время перемѣнили эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и правую, христіанскую вѣру; вмѣсто недавняго, враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія съ любовію поставили себя въ чинѣ поданныхъ и друзей (ἐν ὑπηρεσίᾳ αὐτοῦς καὶ προσένοιον τάξει). И столько воспламенили ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ, что они приняли епископа (καὶ ἐπίσκοπον) и пастыря (καὶ ποιμένα δεῦξασθαι) и привѣтствовали христіанское богослуженіе (τὰ τῶν χριστιανῶν θρησκείματα ἀπαλάσθαι) съ особеннымъ усердіемъ и стараніемъ“ ¹⁾.

книгу божественнаго Евангелія, рассказалъ имъ о нѣкоторыхъ чудесахъ Спасителя нашего и Бога и упомянулъ о многоразличныхъ знаменіяхъ совершенныхъ Богомъ въ ветхомъ Заветѣ, то Россы тотчасъ сказали: „если и мы не увидимъ чего нибудь подобнаго и въ особенности того, что ты говоришь о трехъ отрокахъ въ печи: то вовсе не повѣримъ тебѣ и не можемъ слушать твоихъ рѣчей“. Онъ же (архіепископъ), будучи убѣжденъ въ неложности сказаннаго: еще что просите во имя Мое пріемлете, и еще: вѣруй въ Мя, дѣла яже Азъ творю, сотворить и больша сихъ сотворить, когда совершаемое дѣлается не для тщесланія, а для спасенія душъ, сказалъ имъ: „хотя и не должно искушать Бога, однако если вы отъ всего сердца рѣшились приступить къ нему, просите, чего хотите, Богъ непремѣнно сдѣлаетъ по вѣрѣ вашей, хотя я есмь и смиренный и малѣйшій. Они же просили ту же самую книгу вѣры христіанской, т. е. священное и божественное Евангеліе бросить въ разженный огонь, обѣщаясь: если она останется невредимою, обратится къ Богу, котораго онъ проповѣдуетъ. Послѣ этихъ словъ священнослужитель, поднявъ глаза и руки къ Богу, возвалъ, „Господи Иисусе Христе Боже нашъ и нынѣ прославь святое имя твое предъ очами всего этого народа“, и бросилъ въ печь съ огнемъ книгу святаго евангелія. По прошествіи достаточнаго времени, когда печь погасла, найденъ былъ священный свитокъ цѣлымъ и невредимымъ, не получившимъ отъ огня никакой порчи, такъ что даже кисти на концахъ свяжавшихъ его лентъ не потерпѣли никакого поврежденія или измѣненія. Увидѣвъ это и бывъ поражены величіемъ чуда, варвары безъ колебаній начали креститься“ (Corpus. Hist. Byzantin. t. XXI. pag. 157. Venet).

¹⁾ Валатта, Φωτίου ἐπιστολαί, pag. 178. я. 35. Διδυμ. 1864 г. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, вопреки убѣжденію прочихъ, находятъ

Черты, которыми византийскіе историки и патриархъ Фотій описали обращеніе Россовъ къ христіанской вѣрѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это обращеніе было сколько искреннее, столько же и полное въ томъ отношеніи, что оно совершилось безъ принужденія и сопровождалось принятіемъ со стороны Россовъ всего церковнаго чина; но тѣже черты, если мы расскажемъ объ обращеніи Россовъ отнесемъ къ русскимъ временъ Аскольда и Дира, не разъясняютъ намъ того, на сколько совершившееся обращеніе было дѣйствительно и плодотворно по его послѣдствіямъ. Въ частности, на основаніи свидѣтельства Фотія, нельзя даже съ рѣшительностію заключать о томъ, остался ли въ средѣ русскихъ крестившій ихъ епископъ, или онъ, исполнивъ ближайшую миссію, возвратился въ свое отечество ¹⁾. При томъ, при несомнѣнной чудодѣйственности, совершившемуся обращенію русскихъ не мало со-

„весьма невѣроятнымъ, чтобы руссы, нападавшіе на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшіе христіанство и даже епископа, были наши кіевскіе Аскольдъ и Диръ“, и вмѣсто сего почти съ полною увѣренностію думаютъ, что подъ этими русскими должны быть разумѣемы руссы азово-таврическіе или азово-крымскіе, не имѣвшіе никакого отношенія къ нашимъ кіевскимъ (Е. Голубинскій, „Христіанство въ Россіи до Владиміра святаго“ Журн. Мин. Народ. Пров. за 1876 г. ч. 187. стр. 68—72). Подобныя заявленія и открытіе имѣли-бы для насъ полную силу, если-бы тѣ-же изслѣдователи, оспаривая настоящее событіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицали и прасутствіе всякихъ слѣдовъ христіанства въ нашемъ отечествѣ въ то время. Между тѣмъ, представляя „вопросъ о русскихъ, нападавшихъ на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшихъ крещеніе „нерѣшеннымъ и весьма сомнительнымъ“, не находятъ „ничего невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ, что христіанство въ первые явилось въ Кіевѣ еще при Аскольдѣ и Дирѣ, но только при посредствѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ варяговъ, которыхъ они совокупили около себя“. Вслѣдствіе сего, отклоняя отъ себя, какъ строго историческій вопросъ о томъ, какіе именно Руссы нападали на Константинополь и потомъ приняли крещеніе, удовольствуемся тѣмъ бесспорнымъ фактомъ, что первые начатки христіанской вѣры въ русскомъ государствѣ, именно въ Кіевѣ, были положены во времена Аскольда и Дира. Этого факта вполне достаточно для нашей цѣли, чтобы имѣть право разсуждать о первыхъ начаткахъ христіанской церкви въ русскомъ государствѣ.

¹⁾ Византийскіе писатели не называютъ имени этого епископа, или архіепископа; но въ нашихъ домашнихъ извѣстіяхъ онъ постоянно называется Михаиломъ (Макарій, Истор. Христ. въ Россіи до Владим. стр. 232).

дѣйствовало то участіе, съ которымъ отнеслись къ этому событію духовное и свѣтское правительство Византіи, не упустившія случая воспользоваться расположеніемъ русскихъ. Эти указанія вообще не даютъ ключа къ какому то ни было заключенію о состояніи и степени распространенія христіанства въ предѣлахъ нашего отечества. Принимая во вниманіе, что Аскольдъ и Дирь, послѣ описаннаго похода россовъ на Константинополь и принятія въ лицѣ ихъ русскими христіанской вѣры, около пятнадцати лѣтъ (866—882 г.) правили въ Киевѣ, съ вѣроятностію можно полагать, что въ ихъ княженіе христіанство успѣло окрѣпнуть и значительно утвердиться, хотя бы распространителями его въ Киевѣ были только тѣ варяги, которые изъ своей Норманніи еще до половины IX вѣка ходили на службу въ Константинополь и, принявъ христіанство, приходили къ Асколду и Диру ¹⁾). Допустить подобное предположеніе тѣмъ болѣе необходимо, что безъ него останется рѣшительно необъяснимымъ несомнѣнный фактъ широкаго распространенія христіанской вѣры въ Киевѣ въ правленіе Игоря послѣ языческаго въ полномъ смыслѣ княженія Олега ²⁾).

¹⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. 1876 г. кн. 187. стр. 184.

²⁾ Умертвивъ коварно Аскольда и Дира и хитростию овладѣвъ Киевомъ, Олегъ (882—912) не только утвердился въ немъ, но и сдѣлалъ его „матеріею городовъ русскихъ“ (Лѣт. по лавр. списк. стр. 22—23). Если нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что въ безпрепятственномъ овладѣніи со стороны Олега Киевомъ, а еще болѣе въ странномъ умершвеніи имъ Аскольда и Дира участвовала измѣна языческой партіи, то нѣтъ сомнѣнія, что съ воцареніемъ этого князя въ Киевѣ „язычество опять взяло верхъ въ странѣ“ (Костомаровъ, Русская Истор. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣят. т. I. вып. I. стр. 2), такъ что признаковъ существованія христіанства не замѣтно даже при такихъ обстоятельствахъ, какъ заключеніе въ 911 г. письменнаго договора русскихъ пословъ съ греками. Въ этомъ договорѣ, при опредѣленіи взаимныхъ отношеній русскихъ и грековъ, не только не упоминается о христіанахъ между русскими, напротивъ русинъ—какъ язычникъ прямо противопоставляется греку—какъ христіанину, и эта противоположность даетъ себя чувствовать во всемъ договорѣ, при изложеніи каждой статьи. Равнымъ образомъ и при первоначальномъ заключеніи этого договора самимъ Олегомъ съ греческими императорами Львомъ и Александромъ (907 г.), когда послѣдніе дѣловали крестъ въ соблюденіи договора, Олегъ и его мужи клялись только оружіемъ, Перуномъ, своимъ богомъ и Волосомъ, скотнымъ богомъ. Въ свою очередь и послы Олеговы, при заключеніи письменнаго договора, въ

Княженіе Игоря (912—945 г.) дѣйствительно признается вообще благопріятнымъ для христіанъ; нѣкоторые изслѣдователи даже находятъ возможнымъ заключать, что „въ Кіевѣ при Игорѣ христіанъ между варягами было не только много, но весьма много; если не численно, то нравственно они преобладали надъ ячичниками; составляли господствовавшую политическую партію, и въ ихъ рукахъ находилось веденіе дѣлъ государственныхъ“. вмѣстѣ съ симъ тѣже изслѣдователи предполагаютъ, что и самъ великій князь Игорь долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства, или къ числу христіанъ внутреннихъ. Сдѣлавшись христіаниномъ внутренно, Игорь не сдѣлался имъ открыто по политическимъ причинамъ, т. е. потому, что онъ былъ всего вторымъ государемъ на кіевскомъ престолѣ и, вслѣдствіе сего, не чувствовалъ себя на

знакъ его ненарушимости, когда греческій императоръ клялся св. крестомъ и животворящею Троицею, клялись „по закону своему“ (Лѣт. по лавр. списк. стр. 30—31. 32—37. Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. I. стр. 81—84. Соловьевъ, Истор. Россія, т. I. стр. 111—115). Эти явленія, составляя особенности настоящаго договора сравнительно, какъ увидимъ, съ заключеннымъ во времена Игоря (944 г.), преемника Олега, говорятъ не въ пользу успѣшлаго распространенія христіанства и доказываютъ мысль, что продолжавшіе существовать при Олегѣ въ Кіевѣ христіане должны были содержать свое вѣроисповѣданіе безъ всякой публичности, на правахъ людей совершенно игнорируемыхъ правительствомъ. Если и можно допустить размноженіе христіанъ въ Кіевѣ во времена Олега, то необходимо оговориться, что такими христіанами были русскіе, ходившіе въ Царьградъ и проживавшіе тамъ у монастыря св. Мамы. Замѣтный наплывъ послѣднихъ въ Константинополь и совмѣстное съ этимъ образованіе какъ-бы особой русской колоніи въ Константинополь у св. Мамы не наводятъ ли на мысль о сомнительномъ положеніи христіанъ въ Кіевѣ во времена Олега, когда, быть можетъ, многіе изъ русскихъ, искавшіе сдѣлаться христіанами, признавали за лучшее переселиться въ Константинополь. Едва ли нужно прибавлять, что переселенцами туда вообще могли быть по преимуществу христіане и лица сочувствовавшія христіанству. По крайней мѣрѣ Константинъ Порфирородный (913—920 г.) говоритъ о цѣлыхъ отрядахъ служившихъ въ Константинополь русскихъ, которые были сформированы изъ однихъ крещенныхъ (De ceremon. aulae Byzant. lib. II. cap. 15. pag. 575). И—вообще трудно допустить, что бы русскіе язычники находили для себя гостепріимный пріютъ въ Константинополь, и, живя тамъ по нѣскольку времени, оставались язычниками. Принимавшіе въ Константинополь христіанство и служившіе тамъ русскіе „дѣльными толпами“ возвращались въ Кіевъ и переходили на службу къ русскому князю въ княженіе Игоря. Они-то и услали собою партію христіанъ въ Кіевѣ.

столько трердымъ на немъ, чтобы рѣшиться на такое важное дѣло, какъ перемѣна вѣры ¹⁾).

Принимая общую мысль этого разсужденія ту, что княженіе Игоря дѣйствительно было благопріятнымъ для распространенія христіанъ въ Россіи, мы должны пояснить, что такими христіанами были Варяги, жившіе въ Царьградѣ на службѣ у Императора и возвращавшіеся оттуда на родину,

*) Голубинскій, „Христіанство въ Россіи до Владиміра Святаго“ въ Жур. Мин. Нар. Пров. за 1876 г. ч. 187. стр. 139—140. Главнымъ документомъ какъ вообще для сужденія о положеніи христіанъ въ княженіе Игоря, такъ и въ частности для принятія и провѣрки приведеннаго мнѣнія служатъ договоръ Игоря съ греками (945 г.). Игорь предпринималъ два похода въ Грецію—одинъ неудачный (941 г.), когда его суда были сожжены греческимъ огнемъ и другой (944 г.), когда греки предложили ему окупъ. Слѣдствіемъ послѣдняго похода и былъ заключенный сперва кратко и, можетъ быть, устно, а потомъ пространно и дѣсьменно договоръ съ Византією. Этотъ договоръ, заключающій условія вѣчнаго мира на всѣ лѣта, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ, представляетъ вмѣстѣ и данныя для сужденія объ слѣдуемомъ предметѣ. Вотъ эти данныя. Прежде всего, въ самомъ началѣ договора, гдѣ высказана цѣль его заключенія, чтобы „ненавидящаго добра и враждолюбца діавола раззорити“ и утвердить любовь между русскими и греками, слышится несомнѣнное вѣяніе христіанскаго начала. Далѣе, при изложеніи обязательства ненарушимаго соблюденія заключеннаго договора, русскіе прямо раздѣляются на два класса: крещенныхъ и некрещенныхъ; при чемъ отъ лица той и другой стороны раздѣльно говорится: „яже помыслитъ отъ страны русскія разрушити такую любовь и елико ихъ крещенье пріяли суть, да примутъ мечь отъ Бога Вседержителя, осужденье на погибель въ весь вѣкъ и будущій; и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не уцѣтятся щиты своими и да посѣчени будутъ меча своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, и да будутъ рабы въ весь вѣкъ въ будущій“... Наконецъ, въ заключеніи договора, гдѣ русскіе снова повторяютъ свои обязательства его ненарушимости, снова удержано сдѣланное въ началѣ раздѣленіе русскіхъ на крещенныхъ и некрещенныхъ; при чемъ каждая сторона раздѣльно обѣщается и клянется какъ за себя такъ и за другую въ соблюденіи договора. А именно отъ лица крещенныхъ за нихъ и за некрещенныхъ дано ручальство: „я же преступитъ се отъ страны нашей или князь, или инъ кто, или крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ и въ будущій и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ“. Отъ имени некрещенныхъ въ свою очередь также за нихъ и за крещенныхъ сказано: „аще ли же кто отъ князь, или отъ людей русскіхъ, или хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступитъ сіе, еже есть писано на хартии сей, будетъ достоянъ своимъ оружіемъ умрети и да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна, яко престапа свою клятву“. При этомъ относительно самаго обряда клятвы въ

на службу къ своему князю. Въ отношеніи къ этимъ христіанамъ будетъ совершенно понятна снисходительность правительства, особенно если прибавить, что Игорьъ въ сохранившихся о немъ сказаніяхъ представляется княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ, словомъ лицомъ безхарактернымъ. При такомъ князѣ, котораго окружала бѣдная и робкая дружина, если онъ и не принадлежалъ „къ сторонникамъ

договорѣ замѣчено: „мы же, елико насъ крестилися есмь, кляхомся церковью св. Ильи въ сборній церкви, и подлежащемъ честнымъ крестомъ, и хартьєю сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже...“ „а некрещеная русь полагають щиты своя и мечи своя наги, обручѣ свои и прочія оружья да кленутся о всемъ, аже суть написана на хартьи сей, хранити“. (Лѣт. по Лавр. списку стр. 46—47. 51—52). Необходимо замѣтить, что въ то время, какъ въ началѣ и въ концѣ договора, гдѣ идетъ рѣчь объ его твердости и ненарушимости, русскіе явственно раздѣлены на двѣ половины на крещенныхъ и не крещенныхъ, въ самомъ изложеніи договора, т. е. при раздѣльномъ перечисленіи его условій не только нѣтъ и слѣда подобнаго раздѣленія, напротивъ удержана таже противоположность грека русину, кака я имѣла мѣсто въ договорѣ Олеговомъ. Только въ одной изъ статей, гдѣ именно идетъ рѣчь о рабахъ, которые убѣгутъ или изъ Руси въ Грецію, или отъ русскихъ, живущихъ въ Константинополѣ у св. Мамы, и не будутъ найдены своими владѣльцами, появляется раздѣленіе русскихъ на христіанъ и не христіанъ и опять только по отношенію къ клятвѣ.

Указанное раздѣленіе русскихъ на два класса: на христіанъ и не христіанъ и, въ частности то, что христіане упоминаются прежде язычниковъ въ этомъ договорѣ, и служатъ основаніемъ для приведеннаго нами заключенія о нравственномъ и политическомъ преобладаніи христіанъ въ княженіи Игоря. Сображая это заключеніе и его основаніе, нельзя оправдать одно другимъ. И дѣйствительно мы видѣли и знаемъ: въ какомъ смыслѣ въ этомъ договорѣ говорится и упоминается о христіанахъ. А именно: въ началѣ и концѣ этого договора христіане наравнѣ съ язычниками даютъ обѣщаніе и обязываются клятвою соблюдать договоръ; между тѣмъ какъ въ раздѣльномъ изложеніи статей договора, христіане какъ совершенно сливаются съ массою язычниковъ подъ общимъ именемъ „Руси“ или „русина“, такъ и вовсе не говорится о специальныхъ отношеніяхъ христіанъ изъ русскихъ къ единовѣрцамъ—грекамъ. Фактъ замѣчательный и вполне достаточный для того, чтобы отклонить предположеніе о нравственномъ, или политическомъ превосходствѣ христіанъ предъ язычниками, а еще болѣе о томъ, что христіане изъ среды русскихъ были „господствующею партіею“ какъ при заключеніи договора, такъ и вообще въ веденіи государственныхъ дѣлъ въ княженіи Игоря. Если предположить, что христіане пользовались подобнымъ значеніемъ во времена Игоря, то остается рѣшительно непонятнымъ: почему слѣдовъ этого значенія вовсе не замѣтно въ самомъ изложеніи раздѣльныхъ условій дого-

христіанства, или къ числу внутреннихъ христіанъ“, христіане легко могли занять то положеніе, которымъ они въ дѣйствительности пользовались. Кромѣ названныхъ варяговъ, христіанами во времена Игоря могли быть вообще русскіе, какъ ходившіе въ Константинополь и возвращавшіеся оттуда, такъ и принимавшіе христіанство въ Кіевѣ.

вора: между тѣмъ упоминаніе о христіанахъ прежде, чѣмъ о язычникахъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ договора, гдѣ тѣ и другіе наравнѣ даютъ клятвенное обѣщаніе и обязательство въ соблюденіи договора, совершенно понятно и можетъ быть легко объяснено, безъ предположенія о нравственномъ и политическомъ превосходствѣ первыхъ предъ язычниками. Грекамъ, какъ сторонѣ составлявшей и писавшей договоръ (Лавровскій, „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“ стр. 4—5. 8. 13—14), совершенно естественно и необходимо было потребовать подобнаго обѣщанія и обязательства отъ христіанъ предпочтительно предъ язычниками какъ потому, что христіане были ихъ единовѣрцы, такъ и въ особенности потому, что христіане, составляя замѣтный въ дружинѣ Игоря элементъ, были по преимуществу пришлецы изъ Византіи, удалившіеся со службы императора и, слѣдовательно, представлялись болѣе опасными для Византіи, чѣмъ самыя язычники; вообще для грековъ важнѣе были обѣщанія и клятвы христіанъ, чѣмъ язычниковъ. По этому греки, заключавшіе договоръ съ русскими, прежде всего и позаботилась о томъ, чтобы взять клятву и обязательство со стороны христіанъ, не признававшихъ уже ни Перуна, ни Волоса скотскаго бога, которыми клялись язычники, и которые въ глазахъ грековъ тоже не имѣли значенія. Подобная заботливость видна также при утвержденіи дооовора дѣйствительною клятвою въ Кіевѣ, гдѣ греческіе послы, по словамъ лѣтописца „водиша къ ротѣ крестьянскую русь въ церковь св. Іліи“. И такъ вовсе не предполагаемое политическое, превосходство христіанъ, какъ господствовавшей партіи предъ язычниками, а особыя отношенія грековъ къ христіанамъ поставили христіанъ первенствующими при заключеніи договора. По крайней мѣрѣ, настоящую особенность проще и легче объяснить, чѣмъ ту, если бы въ договорѣ грековъ-христіанъ съ русскими, между которыми были и христіане, послѣднихъ предупреждали язычники. Впрочемъ, если допустить, что христіане дѣйствительно по своему вліянію преобладали предъ язычниками при заключеніи договора, то отсюда еще нельзя заключать вообще о превосходствѣ христіанъ предъ язычниками въ княженіе Игоря, а еще болѣе невозможно на этомъ основаніи дѣлать предположеніе о томъ, что христіане составляли господствующую, политическую партію, въ рукахъ которой находилось веденіе политическихъ дѣлъ. Бывшіе въ числѣ послонъ при заключеніи договора христіане изъ русскихъ, и не принадлежа къ господствующей политической партіи, не только легко могли, а необходимо должны были войти въ составъ посольства, какъ люди, бывавшіе въ Византіи и знакомые съ тамошними обычаями и языкомъ. Присутствіе этихъ лицъ, хотя бы въ значительномъ меньшинствѣ сравнительно съ язычниками, необходимо выдвигаетъ

Существованіе христіанъ и въ особенности храмовъ ¹⁾ выдвигаетъ вопросъ о томъ, была-ли и въ какомъ видѣ—іерархія у русскихъ? Вопросъ этотъ имѣетъ для насъ особенную важность, такъ какъ отъ того, или другаго рѣшенія его зависитъ заключеніе о существованіи въ Россіи въ разсматриваемое время церкви въ полномъ значеніи этого слова. Къ сожалѣ-

ю ихъ впередъ, на первый планъ при заключеніи и, въ особенности, при изложеніи договора. По крайней мѣрѣ признавать, что первоначальный договоръ русскихъ съ греками былъ написанъ на греческомъ языкѣ (см. тамъ стр. 135 прим. 2) слѣдовательно греками, и въ тоже время видѣть доказательство рѣшительнаго, нравственнаго и политическаго первенства христіанъ предъ язычниками въ томъ, что христіане названы первыми въ этомъ договорѣ и представлены договаривающею стороною, значитъ утверждать въ заключеніи то, чего не содержится въ послылкахъ. Договаривавшіеся и писавшіе договоръ греки, какъ христіане, не только могли, но даже нравственно обязаны были напередъ упомянуть о христіанахъ и прежде отъ нихъ потребовать обязательства въ ненарушимомъ соблюденіи заключаемыхъ условій. Такимъ образомъ разсмотрѣнныя особенности договора Игоря удостоверяютъ только фактъ дѣйствительнаго существованія христіанъ въ русскомъ государствѣ въ его княженіе и при томъ въ значительномъ ихъ числѣ; но не говорятъ о преобладающемъ, политическомъ ихъ значеніи. Дѣйствительно господствующая сторона ясно указана лѣтописцемъ при совершеніи русскими въ Кіевѣ въ присутствіи греческихъ пословъ клятвы, въ подтвержденіе заключеннаго договора. Лѣтописецъ говоритъ: „завтра призва Игорьъ послы и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ и покладоша оружье свое и щиты и золото, и ходи Игорьъ ротъ и люди его, елико поганихъ Руси“. Указывая господствующую партію въ лицѣ Игоря и его мужей, лѣтописецъ выражаетъ мысль и о значительномъ числѣ христіанъ: „а хрестеянскую Русь водиша ротъ въ церковь св. Ильи... мнози бо бѣша варязи хрестеяни“. (Лѣт. по Лавр. 53. Ипат. 33).

¹⁾ Лѣтописецъ называетъ церковь св. Ильи, въ которой присягала христіанская Русь, „сборною“ стоявшею надъ ручьемъ (Лѣт. стр. 53), и тѣмъ даетъ поводъ заключать, что эта церковь была не единственная въ то время въ Кіевѣ, а находились и другія въ другихъ мѣстахъ; но было бы поспѣшно подъ этою „сборною“ церковію разумѣть именно главную церковь, или соборный храмъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова (Филаретъ, истор. русс. церк. т. I. стр. 11—12. Макарій, ист. хр. до Влад. 241—242). Безошибочнѣе и согласнѣе съ истиннымъ положеніемъ вещей подъ выраженіемъ лѣтописца „сборная“ разумѣть церковь общественную, приходскую, словомъ ту, которая была построена на сборныя деньги и служила мѣстомъ молитвеннаго собранія для всякаго кіевлянина—христіанина. Словомъ: выраженіе „сборная“ въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ понимать въ первоначальномъ значеніи греческаго выраженія: *καθολικός*, которое, въ примѣненіи къ церкви въ смыслѣ храма, означало общую церковь, т. е. приходскій храмъ въ противоположность церквамъ частнымъ, т. е. храмамъ домовымъ

нію, літописи и другіе источники не сообщаютъ намъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній. Собственныя соображенія не позволяютъ предположить, чтобы при существованіи въ Россіи христіанъ и храмовъ не было священнослужителей, но тѣже соображенія, въ свою очередь, заставляютъ признать, что подобные священнослужители во первыхъ не могли быть мѣстнымъ, туземнымъ элементомъ; во вторыхъ они не могли представлять собою лица опредѣленнаго сословія, въ смыслѣ „іерархіи“. Съ одной стороны, имѣя въ виду фактъ несомнѣннаго знакомства и постоянныхъ сношеній русскихъ съ греками, съ другой — принимая во вниманіе, что русскіе разсматриваемаго періода во множествѣ путешествовали въ Константинополь какъ для временнаго пребыванія тамъ по торговымъ дѣламъ, такъ и для болѣе, или менѣе продолжительнаго жительства на службѣ у императора, и въ тоже время соглашаясь, что такими путешественниками могли быть и, дѣйствительно, были христіане, безъ труда можно понять, что и безъ собственной іерархіи русскіе христіане могли быть вполне довольствованы въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, принимавшіе христіанство въ Константинополь и возвращавшіеся въ отечество русскіе приводили съ собою и нужныхъ для себя пастырей, крестившіеся же въ Кіевѣ находили для себя этихъ пастырей въ отечествѣ. И—какъ, нужно допустить, принимавшими христіанство въ Константинополь по преимуществу были люди богатые, располагавшіе по тому времени достаточными

(εὐκτήριος ναός). Если придать вѣру свидѣтельству историка Дятмара, современника св. Владиміра, который въ то время насчитывалъ до четырехъ сотъ храмовъ въ Кіевѣ, то въ числѣ этихъ храмовъ необходимо предположить множество устроенныхъ въ предшествующія княженія и притомъ храмовъ частныхъ, домовыхъ (Несторъ, смч. Шлецеромъ, т. II. стр. 123. см. Макарія, истор. христ. въ Росс. до Влад. стр. 242). Существованіе и размноженіе домовыхъ церквей въ началѣ христіанства въ Россіи слѣдуетъ признать не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ въ виду той мысли, что при непризнаніи христіанства господствующимъ вѣроисповѣданіемъ возможно было только частное его исповѣданіе, которое, приобрѣтая значеніе какъ бы домашняго культа, не разнилось отъ поклоненія „богамъ домашняго очага“, которыхъ въ лицѣ своихъ предковъ чтяли славяне.

средствами, а крестившіеся въ Кіевѣ бѣдныя, словомъ смерды того времени, находившіеся въ отношеніяхъ подчиненности къ первымъ; то послѣдніе и довольствовались отъ первыхъ всѣмъ необходимымъ въ религіозномъ отношеніи. Другой порядокъ удовольствованія себя священнослужителями со стороны русскихъ трудно представить, особенно имѣя въ виду, что какъ принятіе и содержаніе христіанской вѣры въ то время было дѣломъ частной, или корпоративной инициативы, такъ и удовольствованіе себя всѣмъ необходимымъ въ религіозномъ отношеніи также относилось къ частной, или корпоративной заботливости ¹⁾. Удовольствоваться себя подобнымъ образомъ священнослужителями было не трудно, такъ какъ ихъ не могло требоваться много, если слѣдовать буквально выраженію лѣтописца: „мнози бо бѣша Варязи хрестяни“, т. е. много на столько, что ихъ необходимо было обязать особою присягою въ соблюденіи договора. Въ такихъ признакахъ слѣдуетъ понимать и должно представлять себѣ положеніе христіанъ и состояніе христіанства въ княженіе Игоря. Но эти признаки вообще таковы, что они не открываютъ собою дѣйствительнаго и полнаго существованія церкви въ нашемъ отечествѣ.

Наступившее за правленіемъ Игоря княженіе Ольги (945—957 г.) обыкновенно называется предверіемъ княженія св. и равноапостольнаго Владиміра относительно распространенія христіанства и насажденія церкви въ русскомъ государствѣ. Лѣтописецъ называетъ св. Ольгу „звѣздою утреннею, предвѣряющею солнце—зарею утра, предвѣщающаго свѣтъ дневной“. Исслѣдователи замѣчаютъ, что она была „первою русскою путешественницею, отправившеюся въ Византію съ чисто духовнымъ цѣлями“ ²⁾. Различно объясняютъ причину этого путешествія ³⁾; но не насилуя историческихъ фактовъ и не отвер-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. спис. стр. 66. Филаретъ, Истор. Русс. цер. т. I. стр. 17.

²⁾ Терновскій, Изученіе Визант. истор. и ея тенденціози. прилож. въ др. Руся, вып. 11. стр. 2.

³⁾ Степенная книга увѣряетъ, что это случилось потому, что „не бѣше тогда въ странѣ русской благочестію учителя“. (Степен. книга, стр. 15). Тати-

гая историческихъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ принять то мнѣніе, что Ольга путешествовала въ Царьградъ по непосредственному своему желанію видѣть величіе христіанской вѣры въ самомъ ея средоточіи и осязательнѣе понять истину ея обѣтованій. Неудовлетворенная при возвышенныхъ требованіяхъ своей природы культомъ язычества и будучи склонна къ принятію христіанства, Ольга обратила свои взоры на Константинополь, туда, куда обыкновенно обращались русскіе для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, и гдѣ обыкновенно они получали свое духовное возрожденіе. Въ этомъ

Щецъ полагаетъ, что Ольга не могла креститься въ своей столицѣ изъ опасенія народа и потому, по совѣту христіанъ, отправилась въ Константинополь. Татищевъ именно пишетъ: „Ольга... научена бывши отъ пресвитеръ, сущихъ въ Кіевѣ, вѣрѣ Христовѣ, но крещенія народа ради пріяти не можаше; сего ради иде съ вѣровавши вельможи къ Царюграду и пріавъ тамо крещеніе... возвратися въ Кіевъ. (Русс. истор. т. I. стр. 36 'т. II. стр. 41 гдѣ прибавлено, что „совѣтовали ей ѣхать въ Царьградъ, яко бы для другихъ нуждъ, и тамъ креститися“). Шлецеръ, а за нимъ и другіе думаютъ, что Ольга отправилась въ Царьградъ по полѣтческимъ видамъ, безъ мысли о перемѣнѣ вѣры, но, плѣнившись великолѣпіемъ христіанскихъ храмовъ и христіанскаго богослуженія, рѣшилась креститься. (Несторъ, изд. Шлецеромъ, т. II. ст. 364—365). Карамзинъ объясняетъ это естественнымъ желаніемъ престарѣлой Ольги устроить свою загробную жизнь. „Ольга, пишетъ онъ, достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея передъ собою и чувствуетъ суестьность земаго величія. Тогда истинная вѣра болѣе, нежели когда вибудъ, служить ему опорой, или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ (?) христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями, и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣрится въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ“. (Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. т. I. стр. 101). Съ мнѣніемъ Карамзина соглашается и преосвящ. Макарій, который главное значеніе въ подобномъ настроеніи Ольги приписываетъ ея руководителю, пресвитеру Григорію (Истор. христ. въ Росс. до Владим. стр. 250). Къ этому же мнѣнію склоняется и преосвящ. Филаретъ, который говоритъ: „одаренная свѣтлымъ пронацательнымъ умомъ Ольга видѣла непорочную жизнь христіанъ и понимала, что язычество не воспитывало такихъ людей; бесѣда съ христіанскими учителями открывала ей небесную чистоту и высоту ученія Христова и сердце ея плѣнялось евангельскою истинноу. По чувству уваженія къ столицѣ христіанства, равно и

случаѣ мудрѣйшая изъ женъ послѣдовала примѣру другихъ своихъ соотечественниковъ, чтобы принятіе христіанства внѣ предѣловъ отечества, вдали отъ народа, но съ подобающею для ея положенія торжественностію, было въ собственномъ смыслѣ личнымъ ея дѣломъ, подобно обращенію другихъ ея соотечественниковъ, являвшихся христіанами изъ Константинополя ¹⁾. Какъ бы то ни было, только появленіе на престолѣ княгини—христіанки, повидимому, должно было измѣнить положеніе христіанъ и христіанства въ Кіевѣ и во всемъ государствѣ, но это только повидимому, а не въ дѣйствительности. Возвратившись, послѣ крещенія (957 г.) изъ Царьграда, Ольга прожила еще около двѣнадцати лѣтъ (969 г.) и во все это время по отзыву лѣтописца „аки луна сіяла

для того, чтобы вѣрнѣе ознакомиться съ христіанствомъ она сама отправилась въ Константинополь съ многочисленною свитою“ (Истор. русск. церкв. т. I. стр. 14). Такимъ образомъ, по болѣе общему увѣренію приверженныхъ мнѣній, ближайшимъ побужденіемъ путешествія Ольги въ Царьградъ было именно желаніе принять тамъ христіанство, съ которымъ она была знакома еще въ Кіевѣ, и которому отдавала предпочтеніе прелѣ язычествомъ, благодаря своему возвышенному и проницательному уму. Но при этомъ болѣе общему увѣренію слышится и иное, по которому Ольга отправилась въ Царьградъ еще безъ твердаго намѣренія сдѣлаться христіанкою. „Очень легко могло быть, замѣчаетъ Соловьевъ, что Ольга отправилась въ Царьградъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, но бывъ поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой религіи, возвратилась домой христіанкою“ (Истор. Росс. т. 1. стр. 146). Есть мнѣніе, что „Ольга уже послѣ крещенія путешествовала въ Царьградъ, чтобы видѣть жизнь и бытъ тѣхъ царей, которые, именуясь повелителями вселенной, хотя тогда уже и не повелѣвали ею, но все еще сохраняли свое прежнее обаяніе“ (Журн. Мян. Народ. Просв. за 1876 г. г. 187. стр. 144. 146—147).

¹⁾ Съ Ольгою путешествовала въ Царьградъ цѣлая свита изъ разныхъ лицъ: знатнѣйшихъ женъ, почетныхъ служительницъ, купцовъ, чиновниковъ и между прочимъ ея племянника. Необходимо допустить, что изъ числа этихъ лицъ многія послѣдовали примѣру княгини, а нѣкоторые уже прежде были крещены и сопутствовали княгинѣ по сочувствію къ ея доброту намѣренію. (Макарій, Истор. христ. въ Росс. до Владим. стр. 260—261) Филаретъ, Истор. русск. церкв. т. 1. стр. 15—16). Въ сопровождавшей княгиню свитѣ упоминается и папа (пресвятеръ) Григорій. Мы далеки отъ мысли считать этого Григорія пресвитеромъ Ольги, но думаемъ, что онъ былъ духовникомъ кого либо изъ лицъ сопутствовавшихъ Ольгѣ и сопровождалъ ихъ въ Константинополь, въ качествѣ опытнаго руководителя въ предстоявшихъ сношеніяхъ съ патриархомъ и его дворомъ.

посреди язычников“. Въ чемъ въ частности обнаруживалась просвѣтительная дѣятельность св. Ольги лѣтописецъ не говоритъ; но черноризецъ Іаковъ свидѣтельствуеъ, что „она требища сокруши“¹⁾. Степенная книга въ свою очередь повѣствуетъ, что „блаженная Ольга, новая Елена обходила грады и веси во всей русской землѣ, всѣмъ людемъ благочестіе проповѣдая и учаше ихъ вѣрѣ Христовѣ, яко истинная ученица Христова, единоревнителяца апостоловъ, даже и оброки легки уставляющи, и кумиры сокрушающи, и на кумирскихъ мѣстахъ кресты Христовы поставляющи и отъ тѣхъ крестовъ многи знаменія и чудеса содѣвахуся и до сего дня“²⁾. Татищевъ на основаніи іоакимовской лѣтописи говоритъ, что „Ольга устроила въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софїи, который украсила иконами, полученными отъ патріарха“³⁾. Рядомъ съ этими свѣденіями, указывающими на просвѣтительную дѣятельность св. и равноапостольныя Ольги въ дѣлѣ утвержденія христіанства въ русскомъ государствѣ, встрѣчаются другія, которыя говорятъ, что св. Ольга содержала у себя пресвитера тайно⁴⁾, или имѣла у себя пресвитера, который и похоронилъ ее. Содержаніе пресвитера въ тайнѣ или у себя, т. е. для своихъ непосредственныхъ цѣлей, домашнихъ молитвословій и спасительныхъ бесѣдъ, очевидно предполагаетъ, что св. Ольга была чѣмъ-то стѣснена въ своемъ исповѣданіи христіанской вѣры и потому не могла ни предпринять, ни совершить особенныхъ просвѣтительныхъ подвиговъ. Если бы равноапостольная Ольга, въ дѣйствительности, совершила подобныя, миссіонерскія дѣянія, о которыхъ не безъ поэтическихъ прикрасъ говорится въ источникахъ позднѣйшаго времени; то и ранніе памятники сохранили бы намъ тѣже самыя свѣденія, и вообще исторія подлинно знала бы объ этихъ дѣяніяхъ. Между

¹⁾ Христ. Чтен. за 1849 г. кн. 2. стр. 321.

²⁾ Степен. книга. стр. 30.

³⁾ Русс. Истор. т. I. стр. 36. св. Степ. книг. стр. 24.

⁴⁾ По словамъ Шлецера подобное выраженіе находится въ пяти спискахъ Несторовой лѣтописи (Несторова лѣтопись, списанная Шлецеромъ. т. III. стр. 519—520).

тѣмъ лѣтописецъ рассказываетъ только объ усиленныхъ заботахъ матери—христіанки обратить ко Христу своего сына язычника—Святослава. Очевидно, Ольга устремляла на это все свое вниманіе сколько потому, что такимъ способомъ надѣялась открыть свободу для своей просвѣтительной дѣятельности, столько и въ тѣхъ видахъ, чтобы при содѣйствіи сына распространить познаніе христіанства въ народѣ. Старанія матери остались совершенно безуспѣшными. Святославъ и по нраву и по обстановкѣ предшествовавшего его воспитанія вовсе не былъ склоненъ и приготовленъ къ принятію христіанства, такъ что внушенія матери не только не умиротворяли его души, напротивъ возбуждали въ немъ гнѣвъ: „онъ же, замѣчаетъ лѣтописецъ, не послуша матери, творяще норovy поганскіе... се же къ тому гнѣвашеся на матеръ“. Не успѣвъ такимъ образомъ въ собственной своей семьѣ, т. е. по отношенію къ своему сыну въ своихъ просвѣтительныхъ цѣляхъ, равноапостольная Ольга предоставила все прочее волю Божіей: „воля Божія, говорила она, да будетъ, аще Богъ захочетъ помиловати родъ мой и землю русскую, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова“¹⁾. Въ виду такихъ фактовъ трудно допустить, чтобы равноапостольная Ольга пользовалась свободою для своихъ христіанскихъ, просвѣтительныхъ дѣйствій, и чтобы одушевлявшія ея добрыя намѣренія не парализовались державшимъ кормило правленія ея сыномъ и окружавшими послѣдняго лицами, искавшими войны и брани, а не мирнаго управленія странною. Вслѣдствіе сего исповѣданіе Христовой вѣры для самой равноапостольной Ольги было ея личнымъ, домашнимъ дѣломъ, не имѣвшимъ характера публичности. Такому исповѣданію нисколько не противорѣчатъ тѣ свѣденія, которыя говорятъ, что св. Ольга сокрушила идольскія требища, устроила деревянный храмъ св. Софіи, украшенный ею иконами полученными отъ патріарха и имѣла у себя пресвитера даннаго ей патріархомъ: все это

¹⁾ Лѣтопис. по Лавр. списк. стр. 62—63.

признаки, которые, согласуясь съ обстоятельствами времени, подтверждаютъ мысль о домашнемъ исповѣданіи ею христіанской вѣры. Св. Ольга вполне могла и должна была разрушить и уничтожить идольскія требища въ тѣхъ жилищахъ и помѣстьяхъ, которыя составляли ея собственность, могла имѣть свою особую церковь и слушать въ ней даже вмѣстѣ со своими приближенными богослуженіе, совершаемое ея пресвитеромъ. Мы не находимъ ничего невѣроятнаго и въ томъ свидѣтельствѣ Никоновой лѣтописи, которое говоритъ, что св. „Ольга, умираючи даде село свое—Будутино св. Богородицѣ¹⁾, т. е. завѣщала оное въ пользу и на содержаніе устроенной ею церкви“²⁾. Но всѣ эти свидѣтельства не даютъ основанія думать, что бы состояніе вообще христіанъ и христіанской вѣры въ Кіевѣ измѣнилось со времени равноапостольной Ольги. Замѣчательнень фактъ, что св. Ольга, приближаясь къ смерти, заповѣдуетъ: „не творить надъ нею тризны но погребсти ее по закону христіанскому“³⁾. Подобное завѣщаніе могло быть навѣяно св. Ольгѣ только опасеніемъ, что она послѣ смерти сдѣлается предметомъ языческихъ пиршествъ; но это опасеніе могло явиться вслѣдствіе того, что окружавшіе св. Ольгу и прежде всего собственный ея сынъ были полными приверженцами язычества.

Лѣтописецъ такъ опредѣляетъ дѣйствовавшій—въ княженіе Святослава (957—972 г.) т. е. во все время остальной послѣ крещенія жизни св. Ольги—принципъ отношеній и терпимости къ христіанамъ: „аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому“⁴⁾. Т. е. постоянныя внушенія св. Ольги Святославу могли расположить послѣдняго къ тому, что онъ при личной нерасположенности къ христіанству только враждебно не относился къ христіанамъ. Впрочемъ подобное отношеніе въ пе-

¹⁾ Ник. лѣт. т. I. стр. 54.

²⁾ Существованіе этой церкви, сгорѣвшей во время кіевскаго пожара 1017 г., подтверждается другими свидѣтельствами. см. Макарій, Ист. христ. до Владим. стр. 264—265.

³⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 66. Ник. лѣт. т. I. стр. 54.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 61.

реводѣ на нашъ языкъ означало то, что Святославъ не употреблялъ только насильственныхъ, карательныхъ мѣръ, которыя и вообще не практиковались въ нашей исторіи, противъ искавшихъ христіанства, чтобы удержать ихъ въ язычествѣ; но всѣ другія мѣры, какъ то: насмѣшки, оскорбленія, презрѣніе, безчестіе практиковались безпрепятственно. При такомъ настроеніи правительства, если и являлись случаи обращенія къ христіанству, то не могли быть многочисленны, и вообще христіанамъ всего менѣе можно было думать о своемъ благополучіи, а естественнѣе было ожидать крутыхъ распоряженій со стороны правительства при первомъ неблагопріятномъ для нихъ обстоятельстве. Дѣйствительно, Татищевъ на основаніи іоакимовской лѣтописи рассказываетъ, что, когда уже равноапостольная Ольга не была въ живыхъ, Святославъ, испытавъ неудачу въ войнѣ съ греками, потерялъ почти все свое войско, вельможи его язычники не упустили случая внушить князю мысль, что понесенныя неудачи суть слѣдствія гнѣва боговъ за то, что онъ терпитъ въ своемъ войскѣ и государствѣ христіанъ, поклоняющихся лжебогамъ. Подобное внушеніе могло быть сдѣлано Святославу и принято имъ только потому, что Святославъ лично былъ не расположенъ къ христіанству, и что его легко было подвигнуть къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ христіанъ. Послушавшись этого внушенія, Святославъ „только разсвирѣпѣлъ“, что не только рѣшился умертвить всѣхъ еще оставшихся въ его войскѣ христіанъ и въ числѣ ихъ даже своего двоюроднаго брата Глѣба ¹⁾, но, какъ бы недовольствуясь этимъ, послалъ приказаніе въ Кіевъ раззорить тамъ христіанскіе храмы, отправившись туда и самъ „хотя вся христіаны погубити“ ²⁾. Если дать вѣру настоящему сви-

¹⁾ Подъ именемъ этого Глѣба слѣдуетъ разумѣть того племянника, вел. кн. Ольги, который, по словамъ Константина Порфиророднаго вмѣстѣ съ другими спутниками, сопровождалъ ее въ Константинополь и крестился тамъ, послѣдовавъ ея примѣру. (Извѣс. Визант. Истор. т. III. стр. 53). Татищевъ имя Глѣбъ считаетъ испорченнымъ Улебъ (Истор. Росс. т. I. гл. 4 прим. 38-стр. 49).

²⁾ Татищевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 36—37.

дѣтельству, то легко обрисовать положеніе, въ которомъ находились христіане въ Кіевѣ въ княженіе Святослава: это положеніе было положеніемъ меньшинства, подавляемаго языческимъ большинствомъ и, въ частности, недоброжелательствомъ и не расположеніемъ послѣдняго. Подобное положеніе замѣтно и въ самомъ договорѣ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ; въ этомъ договорѣ нѣтъ ни слова о христіанахъ, которыхъ слѣдовательно не принимали въ соображеніе и не хотѣли давать имъ никакого политическаго значенія наравнѣ съ язычниками ¹⁾.

Неуспѣвъ повліять на своего сына—Святослава и приготовить въ его лицѣ покровителя христіанамъ, св. Ольга была счастлива въ отношеніи къ его дѣтямъ, своимъ внукамъ. Въ то время, какъ самъ Святославъ искалъ славы въ бранныхъ подвигахъ внѣ своего отечества, дѣти его оставались въ Кіевѣ, и безъ сомнѣнія не были устранены отъ вліяній своей бабки св. Ольги, которая не пропускала случая внушать имъ умиротворяющія душу понятія христіанства и правила кроткаго нрава. Правда, лѣтописецъ не говоритъ намъ ничего объ этомъ, но другіе источники не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что св. Ольга заботилась объ ихъ воспитаніи, хотя не посмѣла крестить ихъ изъ опасеній „да небезмѣстно что сотворитъ непокорный сынъ ея Святославъ“ ²⁾ Въ особенности этому вліянію могъ подпасть старшій сынъ Святослава, Ярополкъ, который, будучи старше своихъ братьевъ, внимательнѣе могъ слушать наставленія своей бабки и лучше запоминать ихъ. Іоакимовская лѣтопись, называя его „мужемъ кроткимъ и милостивымъ ко всѣмъ, любившимъ христіанъ“, прибавляетъ: „аще самъ не крестися народа ради, но никому-же претяше“ ³⁾. По свидѣтельству историковъ, Ярополкъ во все время своего княженія (972—980 г.) обнаруживалъ замѣтную расположенность къ христіанамъ, а нѣкоторые даже проговариваются, что если-бы Ярополкъ жилъ долѣе и не погибъ (18—21 г.) отъ руки Владиміра, то очень мо-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. список. стр. 71—72. ²⁾ Степен. книга, кн. I. стр. 32.

³⁾ Татищевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 37.

жетъ быть не Владиміръ, а онъ былъ-бы крестителемъ русской земли ¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что сверхъ вліяній бабки многое въ подобномъ настроеніи и поведеніи Ярополка слѣдуетъ приписать его женѣ, гречанкѣ по происхожденію, монахинѣ по званію, которую привелъ съ собою Святославъ изъ Греціи и выдалъ замужъ за Ярополка „красоты ради лица ея“ ²⁾). Замѣчательно, что возникшая совершенно по случайному обстоятельству ³⁾ ссора между братьями: Ярополкомъ и Олегомъ и приведшая впоследствіи перваго къ войнѣ съ его меньшимъ братомъ, Владиміромъ, объясняется въ смыслѣ борьбы двухъ окружавшихъ князей партій: христіанской и языческой. Историкъ Соловьевъ, основываясь на сказаніи іоакимовской лѣтописи, говоритъ: „тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя (т. е. Ярополка), приверженнаго къ враждебной (т. е. христіанской) религіи. Этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (т. е. Добрыня) и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата“ ⁴⁾). Если принять это предположеніе и сопоставить съ нимъ извѣстіе лѣтописца, что Ярополкъ погибъ вслѣдствіе измѣны своего воеводы—Блуда, предавшагося на сторону Владиміра ⁵⁾); то нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что Ярополкъ успѣлъ уже возбудить чѣмъ-то нерасположеніе къ себѣ въ средѣ своихъ приближенныхъ, и что, слѣдовательно, вожди недовольной имъ партіи не пренебрегали случаемъ освободиться отъ нелюбимаго князя. Причину подобнаго нерасположенія трудно указать въ другомъ

¹⁾ Жур. Мин. Народ. Просв. за 1876 г. ч. 187. стр. 160.

²⁾ Лѣт. по Лавр. списк. 73—74. Ник. Лѣт. т. I. стр. 61.

³⁾ По свидѣтельству лѣтописи, поводомъ къ этой ссорѣ послужило то, что княжившій въ древлянской землѣ братъ, Олегъ, убилъ на охотѣ сына воеводы Ярополкова, Свѣнелда, Люта; вслѣдствіе сего Свѣнелдъ и убѣдилъ Ярополка къ войнѣ съ братомъ (Лѣт. по Лавр. списк. стр. 72—73). Историкъ поясняютъ, что Олегъ убилъ Люта за то, что онъ охотился въ заповѣдномъ, княжескомъ лѣсу. (Бѣляевъ, о Нестор. Лѣтописи въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. годъ 2-й кв. IV. стр. 32—33).

⁴⁾ Истор. Россіи т. I. стр. 170.

⁵⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 75.

чемъ-либо, кромѣ приписываемой Ярополку благосклонности къ христіанамъ.

По крайней мѣрѣ, овладѣвшій послѣ смерти Ярополка Кіевомъ Владиміръ (980 г.) въ первыхъ своихъ распоряженіяхъ съ ясностію долженъ былъ обнаружить и, въ дѣйствительности, обнаружилъ тѣ принципы, во имя которыхъ, и тѣ побужденія, ряди которыхъ онъ рѣшился пожертвовать своимъ братомъ ¹⁾. Но что-же мы видимъ? Владиміръ началъ повсюду въ Кіевѣ и Новгородѣ воздвигать новые, болѣе богатые истуканы языческихъ боговъ, приносить имъ жертвы, устроить въ честь ихъ пиршества и дѣлалъ все это, очевидно, сколько по усердію, столько и для болѣе торжественности языческаго культа ²⁾. Сохранились свѣденія, что язычники принуждали христіанъ къ участію въ чествованіяхъ идоловъ, и чуждавшихся этого участія подвергали смерти ³⁾. Если мы въ свидѣтельствахъ нашихъ лѣтописей не имѣемъ основаній къ тому, чтобы приписывать Владиміру инициативу какихъ-либо жестокостей противъ христіанъ; то народная масса, съ жадностію бросаясь на обновленныя приманки язычества, въ своемъ увлеченіи не убереглась отъ причиненія обидъ и оскорбленія христіанамъ. Исторія сохранила намъ фактъ, что когда Владиміръ, одержавъ побѣду надъ ятвягами, „творилъ требу кумирамъ съ людьми своими“, то старцы и бояре предложили ему: „мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падеть, того зарѣжемъ богамъ“. Брошенный жребій палъ не на язычника какъ бы слѣдовало, а на христіанина, сына одного „варяга, пришедшаго, по словамъ лѣтописца, отъ грекъ и державшаго христіанскую вѣру въ тайнѣ“ ⁴⁾. Пресвященный Макарій справедливо замѣчаетъ, что „жребій могъ пасть на христіанскаго юношу случайно, но трудно удержаться отъ подозрѣнія, не злонамѣренный ли это подлогъ со стороны язычниковъ, метавшихъ

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. 1. стр. 170—171.

²⁾ Лѣтопис. по Лаврент. списк. стр. 77—78.

³⁾ Макарій, Истор. христ. въ Росс. до Влад. стр. 271—272.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 80.

жребій“¹⁾. Это предположеніе подтверждаетъ та необузданная жестокость, съ которою язычники рѣшили привести въ исполненіе свое намѣреніе, ворвавшись въ домъ христіанина съ оружіемъ и подъ его развалинами похоронивъ отца и сына. Смерть этихъ варяговъ, признанныхъ христіанскими мучениками²⁾, должна быть признана послѣднимъ предѣломъ, до котораго могла дойти народная ненависть въ отношеніи къ христіанамъ.

Приведенные факты заставляють заключить, что начало княженія Владиміра (980—988 г.) было періодомъ напряженной работы язычества, чтобы превозмочь христіанство, совершалась ли эта работа по инициативѣ и плану самаго Владиміра, или лицъ, имѣвшихъ на него вліяніе. Но если римскій императоръ Максиминъ Галерій, задавшійся мыслию окончательно истребить христіанъ въ имперіи, принужденъ былъ на смертномъ своемъ одрѣ издать эдиктъ, въ которомъ въ началѣ съ худо скрываемыми остатками злобы на ослѣпленіе христіанъ объявилъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, въ заключеніи же невольно просилъ у христіанъ себѣ молитвъ объ умилоствленіи христіанскаго Бога³⁾; если самъ Юліанъ, богоотступникъ, всемѣрно старавшійся уничтожить христіанство и возвысить язычество, умирая долженъ былъ въ безсильной злобѣ сказать: „ты побѣдилъ Гилилеянинъ“; то и подобное предпріятіе со стороны язычника—Владиміра не могло привести къ другому результату, какъ только къ торжеству христіанской вѣры и къ господству христіанской церкви въ нашемъ отечествѣ. Владиміръ сдѣлался христіаниномъ не вслѣдствіе будто бы съ дѣтства внушенной ему расположенности къ христіанству, а по причинѣ здраво сознанный имъ неудовлетворительности русскаго язычества для дальнѣйшаго развитія Руси на началахъ

¹⁾ Истор. Христ. въ Росс. до Влад. стр. 273.

²⁾ Церковь чтитъ ихъ память 12 іюля подъ именами св. мучч. Теодора Варяга и сына его Іоанна въ Кіевѣ убіенныхъ. (Вершавскій, Мѣсяцесл. Правосл. Каеол. Вост. Церк. стр. 108).

³⁾ Евсевій, Церк. Истор. т. VIII. гл. 17. Лектанцій, о смерти гонителей гл. 34.

благоустроеннаго государства. Если Византія была образованнѣйшею державою того времени, отъ которой можно было заимствовать лучшія, юридическія и государственныя понятія, если русскіе уже были знакомы съ этою державою и, принимая въ ней христіанство, приносили его въ отечество; то совершенно естественно было и Владиміру обратить свои взоры на Византію и отъ нея заимствовать вѣру для всего своего народа.

Прежде чѣмъ перейти къ этому событію, необходимо подвести итогъ сказанному съ тѣмъ, чтобы сознательно понять: въ какомъ же положеніи находилось христіанство въ Россіи до временъ Владиміра, представляли ли собою тогдашніе христіане религіозную общину съ необходимыми принадлежностями дѣйствительной церкви? Это намъ необходимо для того, чтобы рѣшить занимающій насъ вопросъ: когда утвердилась христіанская церковь въ русскомъ государствѣ.

Въ статьѣ „христіанство въ Россіи до Владиміра святаго“ высказано заключеніе: „къ княженію Владиміра христіанство не было въ Россіи какою нибудь вѣрой совсѣмъ невѣдомою, а напротивъ было вѣрой очень хорошо извѣстною; христіане находились въ Кіевѣ въ продолженіе болѣе полустолѣтія, имѣя церкви и священниковъ, и жили не какъ нибудь скрытно, а совершенно открыто въ видѣ особой, дозволяемой и терпимой правительствомъ иновѣрной общины“. О положеніи христіанъ въ Кіевѣ отъ Игоря до Владиміра, въ той же статьѣ говорится: „христіанъ было не нѣсколько отдѣльныхъ и скрывавшихся въ общей массѣ лицъ, а цѣлая особая, болѣе или менѣе значительная община, которая, существуя открыто и свободно рядомъ съ господствующимъ язычествомъ, имѣла всѣ принадлежности вполне организованнаго, религіознаго общества — церкви и священниковъ“ ¹⁾. Вообще по увѣренію названной статьи христіане до Владиміра какъ по отношенію къ язычникамъ были „особою дозволенною и терпимою

¹⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1876 г. 187 стр. 161—162. 152—153.

правительствомъ иновѣрною общиною“, такъ и сами по себѣ представляли общину „со всѣми принадлежностями вполне организованнаго, религіознаго общества“. Ни съ тѣмъ ни съ другимъ выводомъ нельзя согласиться.

То безспорно въ приведенныхъ разсужденіяхъ, что христіане, явившись въ Кіевѣ со времени первыхъ русскихъ князей, не прекращались здѣсь до времени княженія Владиміра; равнымъ образомъ нѣтъ оснований отвергать и то, что въ княженіе Игоря христіанъ было много, и, замѣтимъ, такими христіанами по преимуществу были переселенцы изъ Константинополя, состоявшіе тамъ на службѣ императора. Принявъ это изъ приведенныхъ разсужденій, необходимо отклонить все остальное. И—во первыхъ, ошибочно представлять положеніе христіанъ до Владиміра „въ видѣ особой, дозволенной и терпимой правительствомъ, иновѣрной общины“. Для подобнаго представленія нѣтъ оснований. Прежде всего бывшіе во множествѣ при концѣ княженія Игоря христіане какъ бы исчезаютъ въ послѣдующія и не только нѣтъ положительныхъ извѣстій о свободномъ существованіи ихъ, напротивъ имѣются указанія на то, что принимавшіе христіанство при Святославѣ подвергались насмѣшкамъ и ругательствамъ, а бывшіе въ началѣ княженія Владиміра христіане принуждались даже къ участию въ языческихъ пиршествахъ. Если на основаніи перваго факта было бы послѣдно заключать о совершенномъ уничтоженіи христіанъ послѣ княженія Игоря, то въ виду послѣднихъ столь же непосредственно доказывать мысль какъ о количественномъ размноженіи христіанъ, такъ и о свободномъ существованіи ихъ въ послѣдующія княженія. Вслѣдствіе сего, признавая вообще преувеличеннымъ сужденіе, что будто бы христіане до времени Владиміра представляли собою „особую дозволенную и терпимую правительствомъ, иновѣрную общину“, мы находимъ возможнымъ и правильнымъ только утверждать, что существовавшіе до Владиміра христіане, хотя и бывали многочисленны, такъ что обращали на себя вниманіе законодательства, но никогда не занимали положенія „особой дозволенной и терпимой

правительствомъ, иновѣрной общины“ въ томъ смыслѣ, чтобы составлять отдѣльную, религіозную фракцію, признанную законодательствомъ. Мы идемъ далѣе въ нашемъ несогласіи съ приведенными разсужденіями и утверждаемъ, что существовавшіе въ Кіевѣ до Владиміра христіане, если обособлялись и отдѣлялись отъ массы язычниковъ, то только несовпаденіемъ своихъ вѣрованій съ вѣрованіями язычества. Впрочемъ и это не совпаденіе не слѣдуетъ представлять особенно рѣзкимъ по той причинѣ, что русское язычество было религіею по преимуществу частнаго, домашняго и всего менѣе общественнаго, государственнаго культа. Отсутствие сословія жрецовъ и вмѣстѣ общественныхъ храмовъ у нашихъ предковъ-язычниковъ, составляя неподлежащій сомнѣнію фактъ, дѣлаетъ религію русскихъ славянъ по преимуществу религіею домашняго культа ¹⁾. При такомъ характерѣ русскаго язычества, правительство какъ не могло объявлять христіанъ преступниками народнаго культа, такъ не имѣло поводовъ и преслѣдовать ихъ за исповѣданіе своей, особенной вѣры. Вмѣстѣ съ этимъ тоже правительство не могло ни не позволять, ни не терпѣть христіанства, словомъ не могло мыслить христіанъ въ „видѣ иновѣрной общины“ и отличать ея членовъ со стороны правъ и преимуществъ. Извѣстно, что, кромѣ поклоненія стихійнымъ божествамъ, русскіе славяне въ особенности чтили божества семейныя въ лицѣ геніевъ и душъ умершихъ, какъ духовъ покровителей семьи и рода; въ честь послѣднихъ боговъ они устраивали пиршества, приносили жертвы и т. п. Если христіане, исповѣдуя свою вѣру, поклонялись своимъ патронамъ, то они не могли вооружать противъ себя правительство и съ этой стороны. Такимъ образомъ всякое предположеніе о какомъ либо отношеніи русскаго правительства къ христіанамъ, какъ къ „особой дозволенной и тер-

¹⁾ Въ пользу этого предположенія говоритъ самый главный праздникъ русскихъ славянъ, праздникъ русалокъ, въ лицѣ которыхъ были чтимы души умершихъ предковъ, выходящія въ воду наслаждаться природою, также домашнія божества: водяные хѣдушки, домовые, лѣшіе, клячморы и пр.

нимой имъ, иновѣрной общинѣ“. должно быть признано напраснымъ. Правительство видѣло предъ собою только фактъ появленія въ средѣ общества людей съ новыми вѣрованіями и относилось къ нимъ, какъ тоже къ факту новому, вовсе не анализируя его сущности. Поэтому правительство какъ не запрещало желавшимъ переимѣнить прежнюю вѣру на христіанскую, такъ не обуздывало и тѣхъ, которые склонны были наносить оскорбленія христіанамъ. Этотъ принципъ, руководившій правительствомъ во времена Святослава, и выражаетъ лѣтописецъ, когда говоритъ: „аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому“. Чтобы понять смыслъ этого принципа необходимо пояснить, что правительство, не имѣя религіи съ необходимыми признаками общенароднаго, государственнаго культа, не могло затруднять и отступленій отъ этого культа; наоборотъ, имѣя религію съ несомнѣнными признаками частнаго, домашняго культа, оно не находило нужнымъ предупреждать частныя обиды и оскорбленія, которымъ подвергались принимавшіе христіанство и дѣлавшіеся отступниками отъ боговъ домашняго очага. Все это такъ просто и естественно, что всякія предположенія о положеніи христіанъ, какъ „особой дозволенной и терпимой правительствомъ, иновѣрной общины“, должны быть признаны положительно неумѣстными; тѣмъ болѣе, что правительству того времени, утверждавшему свою власть на силѣ и рабствѣ, были совершенно непонятны идеи подобнаго отношенія. Поэтому въ договорахъ русскихъ князей съ греками или вовсе не говорится о христіанахъ, или говорится, но не въ смыслѣ предоставленія имъ какихъ либо преимуществъ, какъ отдѣльной, иновѣрной общинѣ, напротивъ христіане наравнѣ съ язычниками обязываются ненарушимо соблюдать тѣ условія, которыя языческое правительство русскихъ заключало съ христіанскимъ правительствомъ грековъ. И можно ли разсуждать о какомъ либо, юридическомъ положеніи христіанъ до Владиміра, когда самое исповѣданіе ими своей вѣры совершалось тайно, въ видѣ частнаго, игнорируемаго правительствомъ культа.

Въ статьѣ же „христіанство въ Россіи до Владиміра святаго“ вмѣстѣ съ представленіемъ положенія христіанъ до Владиміра въ видѣ особой дозволенной и терпимой правительствомъ иновѣрной общины утверждается, что христіане того времени и по внутренней своей жизни были „вполнѣ организованнымъ, религіознымъ обществомъ со всѣми принадлежностями этого общества“ и притомъ со времени княженія Игоря. И это заключеніе, какъ рассмотренный выводъ, слѣдуетъ почесть преувеличеннымъ. Главнымъ основаніемъ, на которомъ построено настоящее заключеніе, служить то, что христіане до Владиміра имѣли „церкви и священниковъ“. Но извѣстно, что существованіе церквей и священниковъ еще не обнимаетъ собою всѣхъ необходимыхъ признаковъ дѣйствительнаго и полнаго устройства христіанскаго общества. Какъ не неосновательно существовавшихъ въ предѣлахъ нашего отечества, до образованія русскаго государства, христіанъ называютъ „гостями въ числѣ нѣсколькихъ лицъ и семействъ, заходившими въ предѣлы нашего отечества, но потомъ войною, или гоненіемъ язычества безслѣдно пожираемыми¹⁾; такъ не несправедливо будетъ заключить, что и по образованіи русскаго государства до Владиміра существовавшіе и размножившіеся въ этотъ періодъ русской исторіи христіане еще не представляли собою вполнѣ организованнаго, христіанскаго общества на твердыхъ началахъ и съ необходимыми принадлежностями, дававшими этому обществу право на названіе „русской церкви“. Основаніе по которому слѣдуетъ предпочесть это заключеніе, скрывается въ томъ, что бывшіе въ то время христіане, не смотря на ихъ численность, не имѣли признаковъ того внѣшняго единства, которое служитъ основаніемъ внутренняго единенія, и вообще не пользовались тѣми условіями существованія, которыя и не въ множествѣ заставляють признать присутствіе дѣйствительной „церкви“. Словомъ бывшіе до Владиміра христіане, для того, чтобы быть и называться вполнѣ организо-

¹⁾ Филаретъ, Истор. русск. церк. т. I. стр. 5—6.

ванными христіанскимъ обществомъ, не имѣли ни объединяющей ихъ іерархической власти, ни церковной дисциплины, ни другихъ условій твердаго, церковнаго устройства. Вслѣдствіе сего, признавая невозможнымъ представлять себѣ положеніе христіанъ до Владиміра въ видѣ „вполнѣ организованнаго, религіознаго общества со всѣми признаками именно христіанскаго устройства“, мы находимъ правильнымъ только утверждать, что въ русскомъ государствѣ до временъ Владиміра святаго въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ существовали христіане; но эти христіане принадлежали скорѣе къ членамъ той церкви, отъ которой они получили крещеніе и пастырей для своего духовнаго руководства, сами же не составляли отдѣльнаго христіанскаго общества и не были „русскою церковію“. Русская церковь началась и утвердилась въ русскомъ государствѣ при святомъ и равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, когда просвѣтилась святымъ крещеніемъ „вся русская земля“.

Принятіе Владиміромъ (988 г.) христіанской вѣры, и крещеніе русскаго народа справедливо признаются и, въ дѣйствительности, служатъ начальными событіями утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ. По преданію, записанному у лѣтописца ¹⁾, принятіе Владиміромъ христіанской вѣры представляетъ собою три послѣдовательно совершившіеся момента. Первый моментъ составляютъ: пришествіе къ Владиміру разныхъ посольствъ отъ магометанскихъ болгаръ, нѣмцевъ, хазарскихъ евреевъ и наконецъ отъ грековъ съ предложеніемъ каждымъ своей вѣры ²⁾, и совѣщаніе Владиміра съ боярами и

¹⁾ Лѣт. по Лавр. спис. стр. 82—113. по Ипат. стр. 56—80.

²⁾ Одни изъ ученыхъ считаютъ разсказъ лѣтописца о приходѣ ко Владиміру пословъ съ предложеніемъ своей вѣры совершеннымъ вымысломъ, именно поэмю въ родѣ старинныхъ, духовныхъ мѣстерій (Полевой, Истор. русск. народ. т. I. стр. 214 прим. 157); другіе видятъ въ этомъ разсказѣ весьма много страннаго и невѣроятнаго (Погодинъ, Исслѣд. замѣч. и лекціи о русской ист. т. I. стр. 189—191); третьи усматриваютъ въ томъ же повѣствованіи баснословныя черты, свойственныя изустнымъ преданіямъ, записаннымъ спустя долгое время послѣ событія (Костомаровъ, Истор. въ жизнеопис. вып. I. стр. 5); четвертые, приравнивая разсказъ лѣтописца къ замѣчательнымъ и замысловатымъ повѣстямъ, не находятъ въ немъ никакой исторической осно-

старцами по этому поводу. Второй — отправленіе русскихъ пословъ для испытанія вѣры на мѣстѣ и возвращеніе ихъ съ похвалою обрядовъ греческой вѣры ¹⁾. Третій—походъ Владиміра на Корсунь, принятіе тамъ христіанской вѣры, бракъ съ греческою царевною Анною и возвращеніе въ Кіевъ со всѣми принадлежностями христіанской церкви. Само собою понятно, что насъ можетъ интересовать только послѣдній моментъ, какъ содержащій частныя обстоятельства самаго событія принятія Владиміромъ христіанской вѣры и вмѣстѣ утвержденія съ нею христіанской церкви въ нашемъ отечествѣ.

вы (Е. Голубинскій въ статьѣ: „обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ“ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1877 г. ч. 190 стр. 105 и т. д.) Большая часть ученыхъ не находятъ ничего страннаго и невѣроятнаго какъ во всемъ разказѣ такъ и въ его подробностяхъ, хотя признають возможнымъ дѣлать свои объясненія для болѣе правильнаго и согласнаго съ обстоятельствами пониманія этого разказа (Макарій, Истор. христ. до Влад. стр. 270 и слѣд. Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. I. стр. 129. Бестужевъ-Рюминъ, Русс. Истор. гл. II. стр. 126—128). Намъ кажется, что весь разказъ о посольствахъ къ Владиміру съ предложеніемъ перемѣнить вѣру представляетъ вообще прекрасно олицетворенное лѣтописцемъ совѣщаніе, или бесѣду князя съ боярами и старцами о перемѣнѣ вѣры. Подобный совѣтъ, или бесѣда необходимо и неоднократно должны были происходить у князя съ боярами и старцами, и, конечно на этихъ совѣтахъ и при подобныхъ бесѣдахъ обсуждалась достоинство и недостатки каждой изъ вѣръ, на которую предстояло перемѣнить язычество. Свѣденія объ этихъ вѣрахъ очевидно могли быть получены отъ представителей каждой по принадлежности и обсуждалась въ предѣлахъ тогдашняго, религіознаго пониманія. Впрочемъ, какъ бы ни объясняли происхожденіе разказа лѣтописца о прибытіи къ Владиміру разныхъ посольствъ съ предложеніемъ своей вѣры, только это прибытіе удостовѣряетъ тотъ фактъ, что Владиміръ, при богато одаренной природѣ и, въ особенности, при свѣтломъ умѣ, не могъ найти и дѣйствительно не нашелъ того, чего желалъ и искалъ въ язычествѣ, не смотря на усиліе возвысить его значеніе, и вслѣдствіе сего серьезно сталъ думать о перемѣнѣ прежней вѣры.

¹⁾ Митрополитъ Иларіонъ, писавшій 1037—1050 г. похвалу св. Владиміру (Прибав. къ Твор. Св. Отц. ч. II за 1844 г. Чтен. Общ. Истор. и Древн. за 1848 г. ч. 7), а равно и монахъ Іаковъ, написавшій также похвалу князю русскому Владиміру (Христ. Чтен. за 1849 г. ч. II) не говорятъ объ отправленіи Владиміромъ пословъ для испытанія вѣры; между тѣмъ Карамзинъ преданіе объ этомъ посольствѣ видѣлъ въ одной древней греческой рукописи, гдѣ оно изображено отчасти съ тѣми же подробностями, какъ и у нашего лѣтописца (Истор. Госуд. Росс. т. I. прим. 447). Вслѣдствіе сего, основываясь на молчаніи митрополита Иларіона и монаха Іакова объ этомъ посольствѣ, одни изъ историковъ предполагають, что Владиміру не было надобности посылать пословъ изслѣдовать вѣры разныхъ народовъ; такъ

Послѣдній актъ совѣщанія Владиміра съ боярами о перемѣнѣ вѣры составлялъ вопросъ князя боярамъ: „гдѣ примемъ крещеніе?“ На этотъ вопросъ бояре отвѣтили князю: „гдѣ тебѣ угодно?“ Какъ подобный вопросъ со стороны Владиміра былъ сдѣланъ боярамъ очевидно въ сознаниі, что Кіевъ не представлялъ всѣхъ необходимыхъ условій для принятія княземъ христіанской вѣры и для крещенія русскаго народа; такъ въ свою очередь и отвѣтъ бояръ Владиміру не направлялъ мыслей князя непременно въ Византію, гдѣ обыкновенно принимали кре-

какъ онъ постоянно слышалъ о греческой землѣ, сильной вѣрою, и о величіи тамошняго богослуженія (Соловьевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 178); другіе говорятъ, что Владиміръ рѣшился принять христіанство самъ собою безъ всякаго посторонняго посредства, участія и содѣйствія вслѣдствіе просвѣщенія свыше (Обращеніе всей Руси въ Христ. Владим. Журн. Мин. Народ. Просв. за 1877 г. ч. 190. стр. 110—113). Татищевъ сомнѣвается въ самой цели этого посольства. Указавъ посредствомъ какихъ способовъ Владиміръ самъ могъ ознакомиться съ христіанствомъ, Татищевъ продолжаетъ: „послы Владиміра если бы были не христіане лучше научиться и растолковать не могли (какъ объяснялъ философъ Киръ); если-жъ сказать, что посылалъ только чиновъ церковныхъ и убогствъ смотрѣть, то сіе весьма неприлично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убогствахъ, но въ сущемъ призваніи истаны недовѣдомыхъ состоитъ“ (Русс. Истор. т. II. прим. 180. стр. 406). Соглашаясь съ Татищевымъ, авторъ статьи „обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ“ идетъ гораздо далѣе въ своихъ сужденіяхъ. Огряная всякую разумную цѣль и всякій смыслъ въ отправленіи Владиміромъ посольства для ознакомленія съ непонятными для него и самими по себѣ не имѣющими существеннаго значенія внѣшними дѣйствіями, авторъ вообще не допускаетъ мысли о томъ, чтобы Владиміръ привалъ христіанскую вѣру послѣ выбора между предложенными ему вѣрами (Журн. Мин. Народ. Просв. за 1877 г. ч. 190. стр. 108—110). Намъ при этомъ думается, что выборъ, представляя естественное явленіе при переѣмѣ прежняго убѣжденія на одно изъ многихъ, оказывается необходимымъ въ примѣненіи къ тому положенію, въ какомъ находился Владиміръ, желавшій принять новую вѣру для всего своего народа и государства. „Ни одному другому, говоритъ Соловьевъ, европейскому народу не предстоило необходимости выбора между религіями; не такъ было на востоцѣ Европы, на границахъ ея съ Азією, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, и именно: магометанская, іудейская и христіанская; казарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азією, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; казарскимъ каганамъ по преданію также предстоило выборъ между тремя религіями (см. Іудейско-казарское преданіе въ отвѣтѣ казарскаго царя Іосифа испанскому еврею Рабби Хосдей въ Чген. Истор. Общ. 1847 г. № 6); она выбрала іудейскую: для азіатцевъ былъ доступнѣе девизъ послѣдней. Но ка-

щеніе русскіе люди. И вопросъ Владиміра боярамъ о мѣстѣ крещенія и отвѣтъ на него боярь одинаково означали, что русскіе не имѣли у себя подъ руками и въ готовности всѣхъ необходимыхъ для этого средствъ, а должны были изыскивать эти средства гдѣ либо, на сторонѣ.

Лѣтописецъ не говоритъ, какъ въ дѣйствительности былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, а только повѣствуетъ: „и минувшу лѣту... иде Владиміръ съ вои на Корсунь“. Походъ на Корсунь, хотя и слѣдуетъ въ разсказѣ лѣтописца непосредственно за приведеннымъ вопросомъ Владиміра и отвѣтомъ на него боярь о мѣстѣ крещенія, но безъ опредѣленной связи съ предполагаемымъ крещеніемъ. Вслѣдствіе сего нѣкоторые думаютъ, что этотъ походъ составляетъ у лѣтописца совершенно особое происшествіе, не имѣющее связи съ событіемъ перемѣны вѣры, и что, если Владиміръ принялъ крещеніе въ Корсунѣ, то

зарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ ближе къ Европѣ образовалось другое владѣніе русское съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская, европейскій смыслъ избралъ христіанство“ (Истор. Росс. т. I. стр. 177). По этому представленію политическій мотивъ могъ руководить русскимъ княземъ въ выборѣ вѣры. Такъ ли это, или нѣтъ, не нашъ вопросъ, только въ Кіевѣ невозможно было произвести то испытаніе и собрать тѣ свѣденія относительно каждаго изъ вѣроисповѣданій, которыя необходимы были для предстоящаго рѣшенія. И дѣйствительно невозможно было сдѣлать этого въ частности относительно греческой вѣры. Правда въ Кіевѣ многіе были знакомы съ христіанствомъ и не одинъ варягъ, бывавшій въ Константинополѣ, могъ указать преимущества греческой вѣры предъ всѣми другими: но если мы припомнимъ сказанное о положеніи христіанъ и состояніи христіанства въ Кіевѣ во время княженія Святослава и въ началѣ княженія Владиміра, то поймемъ, во-первыхъ, что христіане были не многочисленны въ Кіевѣ, во-вторыхъ, что исповѣданіе ими христіанской вѣры совершалось болѣе тайно, какъ и замѣчаетъ лѣтописецъ о Варягѣ, пострадавшемъ вмѣстѣ съ сыномъ отъ насилія языческой массы. При такихъ условіяхъ положенія христіанъ и состояніи христіанства исповѣданіе христіанской вѣры дѣйствительно не могло быть обставлено особенными признаками публичности, которые давали бы наглядное представленіе объ его культѣ. Вслѣдствіе сего, не естественнo было особому посольству отправиться для всесторонняго познанія христіанскаго чина, его религіозныхъ обрядовъ, словомъ всей его обстановки.

случайно, безъ намѣренія объ этомъ предъ началомъ похода ¹⁾). Подобная мысль оказывается произвольною въ виду свидѣтельства монаха Іакова, который, какъ бы пополняя лѣтописца, указываетъ ближайшую цѣль похода Владимира на Корсунь въ томъ, что вслѣдствіе успѣшнаго окончанія этого похода князь далъ обѣщаніе обратить свой народъ въ христіанскую вѣру. „Умысли же, пишеть Іаковъ, и на греческій градъ Корсунь и сице моляшеся князь Воладимиръ Богу: „Господи Боже Владыко всѣхъ! сего у тебе прошу даси ми градъ да приму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому“ ²⁾). По этому сказанію походъ на Корсунь былъ для Владимира средствомъ привести свой народъ къ христіанской вѣрѣ. Нѣкоторые приведенныя монахомъ Іаковомъ слова Владимира объясняютъ въ томъ смыслѣ, что Владимиръ въ этихъ словахъ давалъ обѣтъ только крестить свой народъ, самъ же онъ еще за два года (957 г.) былъ уже крещенъ въ Василевѣ бывшими у кіевскихъ варяговъ священниками, и, вслѣдствіе сего, самый походъ на Корсунь представляютъ предпринятымъ Владимиромъ съ тою цѣлію, чтобы привести на свою землю христіанъ и священниковъ, которые бы научили его людей закону христіанскому, и завязать сношенія съ Византіею ³⁾). Это объясненіе, заключаая особое предположеніе о мѣстѣ крещенія Владимира, все таки подтверждаетъ нашу мысль, что походъ на Корсунь былъ предпринятъ Владимиромъ въ видахъ просвѣщенія русскаго народа христіанскою вѣрою. Вслѣдствіе сего, походъ Владимира на Корсунь должно понять какъ прологъ къ акту окончательнаго утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ.

Можно указать много и различныхъ побужденій, которыя заставили Владимира вмѣсто того, чтобы обратиться съ просительнымъ посольствомъ, или, по примѣру вел. кн. Ольги, самому отправиться въ Византію для принятія христіанства,

¹⁾ Погодинъ, Исслѣдон. замѣч. и лекціи о русск. ист. т. I. стр. 191—193.

²⁾ Христ. Чтен. за 1849 г. ч. II. стр. 326.

³⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1877 г. ч. 190. стр. 118.

пойти войною на Корсунь, греческую колонію, находившуюся въ окрестностяхъ нынѣшняго, русскаго Севастополя. Прежде всего Владиміръ не могъ не знать, что Византія смотрѣла на русскихъ, какъ на своихъ враговъ и завоевателей; поэтому просительное посольство со стороны русскаго князя о принятіи христіанства могло быть встрѣчено въ Византіи съ недовѣріемъ и вообще не привести къ тому желательному окончанію, котораго искалъ Владиміръ. Тогдашніе греческіе императоры: Василій и Константинъ (976—1025), внуки чрезъ Романа II Константина Порфиророднаго, были преемниками Іоанна Цимисхія (969—976 г.), съ которымъ отецъ Владиміра, Святославъ, вель такую ожесточенную и кровопролитную войну, которая, однако, окончилась пораженіемъ Святослава. Владиміръ не могъ не предполагать, что бывшая война еще свѣжа въ памяти византійцевъ, которые по этому случаю отнесутся къ его посольству о принятіи греческой вѣры или съ требованіемъ нежелательныхъ для Владиміра условій, или съ совершеннымъ невниманіемъ. Еще менѣе расположенности могъ чувствовать Владиміръ, чтобы самому отправиться въ Константинополь получить тамъ крещеніе и все необходимое для просвѣщенія своего народа. Извѣстно, что пріемъ св. Ольги въ Византіи ¹⁾ произвелъ на нее неблагопріятное впечатлѣніе, котораго Ольга даже не могла скрыть, когда прибыли въ Кіевъ отъ греческаго императора послы съ требованіемъ даровъ

---

¹⁾ Авторъ статей: „христіанство въ Россіи до Владиміра святаго“ и „обращеніе всей Русы въ христіанство Владиміромъ“, вопреки общему убѣжденію высказываетъ мнѣніе, что съ Ольгою ничего оскорбительнаго не случилось въ Константинополѣ, что она была принимаема тамъ совершенно подобающимъ образомъ. Вслѣдствіе сего тотъ же авторъ отвергаетъ, чтобы Владиміръ изъ опасенія оскорбленій и униженій не рѣшился мирнымъ образомъ войти въ сношеніе съ Константинополемъ съ намѣреніемъ получить оттуда все необходимое для просвѣщенія своего народа. Высказывая это мнѣніе, авторъ однако не отрицаетъ ни того, что когда говорятъ о византійскомъ высокомеріи и самоувѣннн, то говорятъ совершенную правду, ни того, что Владиміръ предпринялъ походъ на Корсунь, потому что опасался со стороны грековъ нѣкоторыхъ притязаній и потому хотѣлъ ихъ заранѣе и рѣшительно отстранить (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1877 г. ч. 190 стр. 140).

и войска. Владиміръ могъ опасаться еще худшаго и болѣе высокоумнаго приѣма послѣ того впечатлѣнія, которое было произведено на Византію недавнею войною Святослава. Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида и то, что явившись въ Византію покорнымъ просителемъ христіанской вѣры для себя и своего народа, Владиміръ тѣмъ самымъ долженъ былъ не только въ церковномъ, но вмѣстѣ и въ государственномъ отношеніи подчинить свою страну и свой народъ византійскому вліянію и даже владычеству. Какъ Римъ съ мыслию о распространеніи христіанства отождествлялъ идею вселенской власти папы надъ принимавшими христіанскую вѣру народами; такъ въ свою очередь Византія не совсѣмъ была чужда мысли, чтобы принимавшіе отъ нея христіанскую вѣру иноплеменные народы, кромѣ церковной зависимости, признавали себя подчиненными Византіи и въ политическомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, при отличительныхъ особенностяхъ византизма, по которымъ верховный правитель государства признавался вмѣстѣ и верховнымъ стражемъ отношеній церкви, совершенно естественно было, чтобы иноплеменные народы, входившіе въ союзъ съ византійскою церковію, чрезъ то самое по необходимости становились подъ вліяніе политической власти Византіи ¹⁾. Патріархъ Фотій, извѣщая восточныхъ епи-

¹⁾ Въ разъясненіе и подтвержденіе этой мысли полезно привести характерное письмо констант. патріарха Ангонія къ вел. кн. Василию Дмитровичу (1393 г.), въ которомъ (письмѣ) патріархъ выражаетъ слѣдующій взглядъ на отношенія Руси и другихъ христіанскихъ земель къ Византіи и ея императору: „Ты, говорятъ, возбраняешь помянуть царя на эктеніяхъ, это дѣло небывалое. Слышу что ты говоришь: „мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ“. Не думаемъ, чтобы и это было хорошо. Царь святой имѣеть большое значеніе въ церкви. Изначала цари утверждали и поддерживали благочестіе во всей вселенной. Они созывали и вселенскіе соборы и сами утверждали и закономъ предписывали рѣшать все относящееся къ православію, догматамъ и образу жизни христіанъ, согласно съ божественными и священными канонами. Они же много потрудились противъ ересей и издавали указы о каведрахъ архіереевъ, о раздѣленіи епархій и о разграниченіи ихъ предѣловъ, а потому и имѣють великую честь въ церкви. И хотя, по попущенію Божію, языческіе народы окружили державу царя и предѣлы, во не смотря на это, царь до нынѣ имѣеть такое же посвященіе отъ церкви, какъ и прежде, удостоивается такого же миропомазанія и поставленія въ

скоповъ о принятіи россами христіанства, выражается о послѣднихъ: ἐν ὑπῆκοῶν ἑαυτοῦς καὶ προξένων τάξει ἀγαπητῶς ἐγκαταστήσαντες, т. е. что они съ любовію поставили себя въ чинѣ подданныхъ и друзей ¹⁾. Греки, сообщая иноплеменнымъ народамъ христіанскую вѣру и чинѣ церковный, смотрѣли на эти народы, какъ на обязанные разными матеріальными жертвами въ пользу одряхлѣвшей и падавшей греческой имперіи. Не безъ вліянія подобной мысли греческій императоръ обращался къ принявшей крещеніе въ Царьградѣ вел. кн. Ольгѣ чрезъ особое посольство съ просьбою: „прислать войско“. Греческіе императоры, имѣя рѣшительное вліяніе на дѣла и отношенія византійской церкви, при посредствѣ авторитета послѣдней, успѣвали распространять въ средѣ иноплеменныхъ народовъ, принявшихъ отъ нея христіанскую вѣру, и свое значеніе. Мало того, есть основаніе думать, что греческіе императоры, представляя себя главными стражами и охранителями христіанской церкви на востокѣ, не чуждались включать въ свой титулъ и имена народовъ, принимавшихъ христіанскую вѣру отъ Византіи ²⁾. Словомъ, необходимо допустить, что Владиміръ изъ опасенія излишнихъ притязаній со стороны грековъ рѣшился принять отъ Византіи христіанскую вѣру не иначе, какъ въ званіи побѣдителя, къ которому всего менѣе могли быть предъявлены какія либо, въ особенности, излишнія и обременительныя требованія. Такимъ образомъ предварительнымъ походомъ на Корсунъ

царя и самодержца Римлянъ т. е. всѣхъ христіанъ. И во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только есть христіане, имя царское поминается вселенскими патриархами, митрополитами и епископами. Царь имѣетъ такую власть надъ всѣми, что и сами латиняне, не имѣющіе общенія съ нашею церковію, воздаютъ ему ту самую честь, какую оказывали въ прежнія времена, когда были въ церковномъ единеніи. „И такъ не хорошо, сынъ мой, что ты говоришь: „церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ“. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть“. Act. Patr. t. II. pag. 190—191.

¹⁾ Валѣтта, Φοτίου ἐπιστολαί. σελ. 178. § 35.

²⁾ Въ половинѣ XIV ст. египетскій султанъ титуловалъ византійскаго императора въ своемъ письмѣ къ нему: rex Graecorum, rex Bulgarorum, Aseriorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum, т. е. именемъ тѣхъ народовъ, которые находились въ церковномъ подчиненіи Византіи (Stritter, Мемор. рор. II. 1027).

и завоеваніемъ этого города Владиміръ, намѣревавшійся принять христіанство, имѣлъ въ виду и хотѣлъ достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны возстановить при дворѣ гордой Византіи и въ глазахъ византійцевъ, съ которыми онъ намѣревался вступить въ духовный союзъ, помраченную честь русскаго оружія и имени руссовъ, съ другой—какъ характерно выразился историографъ, „завоевать христіанскую вѣру и принять ея святыню рукою побѣдителя“ ¹⁾, т. е. предупредить всякія притязанія со стороны Византіи и оградить себя отъ тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя любила принимать и политическихъ обязательствъ, которыя любила налагать одряхлѣвшая Византія. Впрочемъ, высказанные мотивы политическаго свойства; въ походѣ на Корсунь съ цѣлію принять такимъ образомъ христіанскую вѣру отъ Византіи могли руководить Владиміра и другія побужденія частію церковнаго, частію, если можно такъ выразиться, домашняго свойства.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣя намѣреніемъ утвердить христіанскую вѣру во всей странѣ и просвѣтить св. крещеніемъ всѣхъ своихъ подданныхъ, Владиміръ естественно долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы это дѣло съ перваго раза было поставлено прочно; но для сего потребны были разныя условія и, прежде всего, многіе и опытные дѣятели, которыхъ не могла представить вновь обратившаяся Русь. Между тѣмъ предшествовавшія обращенія русскихъ къ христіанской вѣрѣ не показывали того, чтобы Византія близко принимала къ сердцу духовные интересы христіанъ Россіи, и мы не знаемъ, чтобы Византія предпринимала миссіонерскія попытки къ утвержденію и насажденію христіанской вѣры въ нашемъ отечествѣ. Принимавшіе христіанство въ Византіи и возвращавшіеся въ отечество русскіе, относительно удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, обыкновенно были предоставляемы самимъ себѣ. Быть можетъ участливое въ подобномъ случаѣ отношеніе было не въ планахъ церковно-византійской политики, быть можетъ

¹⁾ Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. I. стр. 129.

подобному отношенію препятствовали сами русскіе своими враждебными нападеніями на Константинополь; во всякомъ случаѣ, достойнъ замѣчанія слѣдующій фактъ: въ то время, какъ русскіе ведутъ торговлю съ греками, находятся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, массами служатъ въ войскахъ греческихъ императоровъ, во множествѣ живутъ и принимаютъ христіанство въ Византіи, мы не видимъ, или по крайней мѣрѣ не знаемъ ни одной попытки со стороны Византіи къ тому, чтобы посредствомъ миссіонерскихъ предпріятій расположить и привлечь русскихъ къ христіанству. Между тѣмъ едвали возможно сомнѣваться въ томъ, что этотъ союзъ, будучи установленъ, тѣснѣе всякихъ международныхъ договоровъ сблизилъ бы Россію съ Греціею и предупредилъ бы бывавшія между ними кровопролитныя войны, и что, при дѣйствительныхъ начаткахъ существованія христіанской вѣры въ средѣ русскихъ, миссіонерскія предпріятія со стороны Византіи увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, и христіанство гораздо шире распространилось бы во всей русской странѣ. Говоря это, мы вовсе не думаемъ какъ забывать о томъ, что въ Византіи иногда пользовались случаемъ для расположенія русскихъ къ христіанской вѣрѣ¹⁾, такъ еще болѣе отвергать то, что первые славянскіе просвѣтителі: Кириллъ и Меѳодій были воспитанниками Византіи; но не забывая и не отвергая этихъ фактовъ, мы отмѣчаемъ другой, болѣе общій фактъ безучастнаго отношенія Византіи какъ къ тѣмъ русскимъ, которые, принявъ христіанство, возвращались въ отечество на собственное попеченіе, и какъ бы не существовали болѣе для духовныхъ заботъ Византіи, такъ и вообще къ славянамъ, принимавшимъ христіанскую вѣру²⁾. Владиміръ и окружавшіе его люди не могли не сознавать неудобствъ подобнаго положенія

¹⁾ Такъ извѣстно, что когда въ 911 г. прибылъ въ Царьградъ отъ Олега послы для заключенія міра, имъ, по приказанію императора Льва, показывали разныя святыни христіанской вѣры, какъ то: страсти Господни, вѣнецъ, гвоздь и хламиду багряную, и равно и мощи святыхъ, учаще ихъ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру (Лѣт. по Лавр. списк. стр. 37).

²⁾ Раскрывая причины, почему восточная церковь съ славянскимъ языкомъ и папціональною іерархіею не вдругъ, послѣ проповѣди св. Квирілла и

русскихъ христіанъ, а сознавая это, не могли не чувствовать, что желательное, участливое содѣйствіе со стороны Византіи можно или купить, или приобрести силою. Не имѣя средствъ для перваго, Владиміръ рѣшился на послѣднее.

Еще сильнѣе для Владиміра могли быть побужденія домашняго свойства, которыя расположили его въ званіи побѣдителя просить христіанской вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы Владиміръ только по взятіи Корсуня возымѣлъ намѣреніе просить руки царевны Анны, а еще болѣе странно подвергнуть сомнѣнію, что эта мысль и прежде одушевляла Владиміра, и въ осущетвленіи ея онъ полагалъ успѣхъ задуманнаго имъ предпріятія. Дѣйствительно, какъ родственная связь съ византійскимъ дворомъ должна была изгладить тѣнь прежнихъ, непріязненныхъ отношеній русскихъ къ грекамъ и поселить взаимное между ними довѣріе; такъ въ свою очередь

Мееодія, утвердилась и восторжествовала въ средѣ западныхъ славянъ изслѣдователи говорятъ: „Главнѣйшая вина этой неудачи падаетъ прежде всего на грековъ, которые, по гордости и не извинительному равнодушію, по смерти Константина и Мееодія, совершенно пренебрегли прямою своею обязанностию поддержать начатое такъ успѣшно дѣло св. братьевъ, апостоловъ въ Моравіи и Панноніи. Ни что такъ не говоритъ объ упадкѣ духовнаго просвѣщенія и христіанской жизни въ Византіи второй половины IX и слѣдующихъ столѣтій, какъ это полное отсутствіе въ ней людей, готовыхъ съ опасностію жизни и съ пренебреженіемъ всѣхъ трудностей и непріятностей идти въ западно-славянскія земли къ мораванамъ, чехамъ, полабцамъ, полякамъ и вступать тамъ въ прямую и открытую борьбу съ латинно-нѣмецкимъ духовенствомъ, съ соумышленниками и преемниками Викинга, отстаивать и охранять насажденіе Константина и Мееодія и распространять на славянскомъ языкѣ христіанство въ тѣхъ западныхъ захолустьяхъ славянскихъ, куда оно еще не проникло при этихъ первоучителяхъ. Тогдашніе многочисленные монастыри греческіе могли бы поставить цѣлыя полки такихъ миссіонеровъ. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ они легко могли бы утвердить въ христіанствѣ и навсегда привязать къ восточной церкви всѣ, самыя отдаленныя вѣтви западныхъ славянъ. Но греки предпочитали заниматься теоретическими тонкостями и политическими интригами. Гордые своею древнею письменностію и богатою цивилизаціею они пренебрегали, въ ущербъ самымъ насущнымъ своимъ интересамъ, духовными нуждами своихъ ближайшихъ союзниковъ западныхъ славянъ (Славян. Сборникъ, т. I. стр. 456. ст. В. Ламанскаго, „Видные дѣятели“). Тоже отношеніе грековъ было и къ славянамъ восточнымъ.

присутствіе на русскомъ княжескомъ престолѣ воспитанной въ православіи и знакомой съ идеями христіанства, греческой царицы ручалось за болѣе широкое распространеніе и успѣшное утвержденіе христіанства во всемъ русскомъ народѣ и государствѣ уже по той простой причинѣ, что упрощало и дѣлало болѣе надежными всѣ необходимыя въ семъ случаѣ сношенія съ Византією и ея дворомъ. Едва-ли нужно доказывать, что Владиміръ, какъ язычникъ, и вмѣстѣ князь варварскаго народа и варварской страны по понятіямъ грековъ, не могъ не только надѣяться на успѣхъ своего предпріятія, но вмѣстѣ и думать о бракѣ съ греческою царицею, еслибы просилъ ея руки не какъ побѣдитель. Если греки вообще чуждались браковъ съ язычниками, считая ихъ дѣломъ предосудительнымъ для народной гордости, то въ частности бракъ греческой царицы съ варварскимъ княземъ—язычникомъ былъ еще болѣе дѣломъ невозможнымъ ¹⁾. Вслѣдствіе сего подобный бракъ могъ состояться только по настоятельной и неотвратимой необходимости. Владиміръ и усиливался создать эту необходимость походомъ на Корсунъ и завоеваніемъ греческой колоніи.

Такимъ образомъ, походъ Владиміра на Корсунъ, съ цѣлю, завоевавъ этотъ городъ, принять въ немъ крещеніе, слѣдуетъ признать прекрасно и зрѣло обдуманномъ планомъ, обнаруживающимъ во Владимірѣ государственный умъ и политическій тактъ. Конечно, при принятіи подобнаго рѣшенія могли управлять Владиміромъ и другія соображенія, на которыя обыкновенно указываютъ въ семъ случаѣ, какъ то: желаніе принять крещеніе со всею торжественностію и великолѣпіемъ, свойственными высотѣ его положенія въ глазахъ народа и важности предпріятія, намѣреніе найти всѣ необходимыя средства для просвѣщенія своего народа и наконецъ расчетъ по-

¹⁾ Въ подтвержденіе нашей мысли припомнимъ тотъ случай, что когда вѣнецкій императоръ Оттонъ I въ 968 г. искалъ руки старшей сестры Анны для своего сына, то даже ему отвѣчали: *Iuandita res est, ut parphyrogeniti porphyrogenita hoc est in purpura nati filia in purpura nata gentibus miscetur.* св. Const. Porphyrog. De administr. imperio. cap. 13.

лучить все это безъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ, безъ особенныхъ, формальныхъ обязательствъ въ знакъ признательности и благодарности къ греческимъ императорамъ и патріарху ¹⁾.

Предпринятый по особеннымъ побужденіямъ и съ особеннымъ расчетомъ походъ Владиміра на Корсунь привелъ къ желательному результату. Во время этого похода и послѣдовавшаго за тѣмъ крещенія Владиміръ имѣлъ случай какъ торжественно засвидѣтельствовать свою рѣшимость просвѣтить Россію христіанскою вѣрою ²⁾, такъ лично убѣдиться въ чудодѣйственности и спасительности христіанской вѣры ³⁾. Крещеніе Владиміра было совершено въ Корсунѣ тамошнимъ митрополитомъ при участіи прибывшихъ изъ Царьграда вмѣстѣ съ царевною Анною пресвитеровъ. Послѣ крещенія совершено и бракосочетаніе Владиміра съ греческою царевною. Крестившій Владиміра митрополитъ преподаль ему подробный символъ вѣры съ наставленіемъ постоянно держаться и не отступать отъ него ⁴⁾. Вмѣстѣ съ симъ Владиміръ вывезъ изъ Корсуни мощи св. Климента, папы римскаго и ученика его Фивы, разные церковные сосуды, кресты, иконы, всякую утварь и на-

¹⁾ Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. I, стр. 129. Макарій, Истор. христ. въ Росс. до Влад. стр. 296—299.

²⁾ Извѣстно, что Владиміръ долгое время не могъ взять Корсунь; не смотря на его угрозы осажденнымъ держать ихъ въ осадѣ три года Корсунь не сдавался. Въ это время одинъ изъ корсунскихъ жителей по имени Анастасъ пустилъ изъ города въ станъ Владиміра стрѣлу съ надписью: „за вами къ востоку находятся колодези, откуда корсунцы получаютъ воду, перекопайте ихъ“. Получивъ это извѣстіе, Владиміръ далъ отвѣтъ: „если это сбудется я непремѣнно крещусь“ (Лѣт. по Лавр. спис. стр. 107).

³⁾ Извѣстно, что когда греческая царевна прибыла въ Корсунь, Владиміръ заболѣлъ глазами и не могъ ничего видѣть. По этому случаю Анна убѣждала Владиміра: „если хочешь исцѣлиться отъ своей болѣзни, крестись скорѣе, иначе и не получишь исцѣленія“. Владиміръ послѣдовалъ этому убѣжденію и во время крещенія получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни. Выходя изъ купели Владиміръ сознался: „вотъ теперь то впервые узрѣлъ я Бога истиннаго“ (Лѣт. стр. 108—109).

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 109—113. По изслѣдованію Сухомлинова, „О древней Русс. лѣтописи“ помѣщенный здѣсь символъ есть переводъ греческаго исповѣданія вѣры, написаннаго Михаиломъ Синкелломъ († 826), стр. 65—68.

конецъ пастырей. Явившись со всѣми этими внутренними и внѣшними принадлежностями христіанской церкви въ свою столицу—Кіевъ, Владиміръ прежде всего озаботился утвердить здѣсь христіанскую вѣру, крестивъ прежде всего свою семью, затѣмъ бояръ и потомъ народъ кіевскій, который безъ противодѣйствія принялъ крещеніе, говоря: „если бы не добръ былъ новый законъ, князь и бояре не приняли бы его“. После утвержденія въ Кіевѣ, христіанство стало распространяться и въ другихъ городахъ: „и нача Владиміръ, замѣчаетъ лѣтописецъ, ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селамъ ¹⁾); „и въ одно время, говоритъ митрополитъ Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Владиміру, вся земля наша стала славить Христа съ Отцемъ и Св. Духомъ... Онъ обратилъ отъ заблужденія идолопоклонства не одного человѣка, не десять городовъ, но всю область свою“ ²⁾. „И крести Владиміръ всю землю русскую отъ конца и до конца“ или „всю землю русскую приведе къ Богу святымъ крещеніемъ“, говоритъ третій писатель, монахъ Іаковъ ³⁾. Приведенныя свидѣтельства не должны казаться намъ не соотвѣтствующими дѣйствительности, если мы примемъ въ соображеніе съ одной стороны то, что Владиміръ принялъ крещеніе въ цвѣтущихъ годахъ (около 30 или съ небольшимъ въ 30 л.) т. е. въ періодъ наибольшей способности къ плодотворной дѣятельности, съ другой—то, что после крещенія онъ прожилъ слишкомъ 26 лѣтъ (988—1015 г.), и во все это время оставался и представляется дѣятельнымъ государемъ на поприщѣ утвержденія христіанской вѣры въ средѣ своего народа и насажденія христіанской церкви въ предѣлахъ своего государства. Притомъ для успѣха въ этомъ, важномъ и многотрудномъ, дѣлѣ Владиміръ имѣлъ не мало сподвижниковъ въ лицѣ своихъ сыновей, которые под-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. список. стр. 116.

²⁾ Прибавл. къ твор. св. отцовъ, 1844 г. ч. II. стр. 204—299. Чтен. Общ. Ист. и древн. Росс. годъ III. кн. VII. отд. II. стр. 21—41.

³⁾ Христ. чтен. за 1849 г. II. стр. 318—319.

ростая снимали съ отца бремя личныхъ заботъ, и были управляемы имъ въ особо назначенныя для нихъ удѣлы, подъ руководствомъ мудрыхъ пѣстуновъ. Каждому изъ нихъ Владимірѣ завѣщаль прежде всего заботиться объ искорененіи въ ихъ удѣлахъ язычества и утвержденіи христіанства ¹⁾. Преданія и историческія свидѣтельства удостовѣряють, что дѣти дѣйствительно старались исполнить заповѣдь родителя ²⁾. Мысли о повсемѣстности распространенія христіанства въ предѣлахъ русскаго государства при Владимірѣ не противится тогдашнее его состояніе, какъ страны не столь обширной и малонаселенной. Впрочемъ, нѣкоторые ислѣдователи, соглашаясь съ мыслию о крещеніи „всей Руси“ при Владимірѣ, поясняютъ, что подъ этою Русью слѣдуетъ разумѣть собственно „русскую Русь“, и говорятъ, что при Владимірѣ просвѣщено крещеніемъ русское государство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова и оставлена некрещенною Русь ииородческая, представлявшая въ общемъ смыслѣ данниковъ русскаго государства. При этомъ тѣже ислѣдователи дѣло крещенія всей Руси при Владимірѣ заставляютъ „понимать такъ, что было крещено большее, или меньшее количество жителей, что язычество было объявлено вѣрою запрещенною и преслѣдуемою, и что оно, хотя далеко еще не перестало существовать, однако стало вѣрою тайною, подобно расколу старообрядцевъ во времена его сильнѣйшихъ преслѣдованій“ ³⁾. Находя излишнимъ для нашей задачи объяснять, какъ именно была распространена и насаждена христіанская вѣра въ русскомъ государствѣ при Владимірѣ, какое противодѣйствіе она встрѣтила со стороны русскаго язычества и его приверженцевъ, какія были предпри-

¹⁾ Степ. книг. стр. 151. П. С.-Р. Л. т. 11. стр. 259. Макарій, Истор. русс. пер. т. I. стр. 20.

²⁾ Такъ св. Борись содѣйствовалъ распространенію христіанства въ Ростовѣ, Изяславъ въ Тмутараканѣ, Судиславъ въ Псковѣ, Изяславъ въ Полоцкѣ, св. Глѣбъ въ Ростовѣ; послѣдній правда несовсѣмъ успѣшно. Степ. книг. стр. 153. 171. 215. Ник. Лѣт. т. 1. стр. 111. Макарій, Истор. русс. пер. т. I. стр. 21.

³⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1877 г. ч. 190. стр. 153—156.

няты Владиміромъ мѣры для полнаго и окончательнаго ея утвержденія въ странѣ, замѣтимъ, что, съ принятіемъ Владиміромъ и распространіемъ при немъ въ средѣ русскаго народа христіанской вѣры, получила полное господство и утвердилось христіанская церковь въ русскомъ государствѣ.

Само собою понятно, что распространіе христіанства, какъ въ Кіевѣ такъ и въ другихъ городахъ и предѣлахъ Россіи, не могло совершиться безъ іерархіи, какъ лицъ, облеченныхъ благодатными правами божественнаго священноначалія, учительства и пастырства. Дѣйствительно, историческія свидѣтельства, говоря о распространіи христіанства въ разныхъ городахъ нашего отечества, упоминаютъ при этомъ и объ іерархическихъ лицахъ. Такъ лѣтописецъ, рассказывая о крещеніи кіевлянъ, представляетъ дѣйствующими при этомъ случаѣ „поповъ царицынскихъ и корсунскихъ“ ¹⁾. При распространіи христіанства въ другихъ городахъ представляются дѣйствующими: митрополитъ и епископы въ сопровожденіи самого князя, или приближенныхъ къ нему лицъ ²⁾. Нѣкоторые лѣтописи, говоря о распредѣленіи Владиміромъ своимъ сыновьямъ удѣловъ, прибавляютъ: „посла съ ними и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо по области своей повелѣваетъ учить и крестить лю-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. списокъ стр. 115. по Ипат. списокъ стр. 80.

²⁾ Напр. при распространіи христіанства въ Новгородѣ и его окрестностяхъ (990 г.) упоминаются митрополитъ и шесть епископовъ въ сопровожденіи дяди Владимірова, Добрыни, и корсунынина Анастѣса (П. С. Р. Л. т. III. стр. 207. Никон. Лѣт. т. I. стр. 103. Макарій, Истор. рус. церк. т. I. стр. 18); при крещеніи Ростовской области (991 г.)—тѣ же лица только при участіи четырехъ епископовъ. (Ник. Лѣт. т. I. стр. 103. Степ. Книг. стр. 146. гл. 44); при крещеніи Суздальской страны, входившей въ составъ Ростовской области, два епископа и самъ равноапостольный Владиміръ, зажившій въ память своего пребыванія и успѣшной дѣятельности здѣсь городъ Владиміръ на берегу р. Клязьмы (Ник. Лѣт. т. I. стр. 104. Степ. Книг. стр. 144. гл. 42. Макарій, Ист. рус. церк. т. I. стр. 19 и прим. 24. 25 26 прил. стр. 273—275). Несомнѣнно, что и въ другихъ городахъ, въ которыхъ во времена Владиміра была распространена христіанская вѣра, насажденіе послѣдней совершилось не безъ участія тѣхъ же епископовъ. Макарій, Истор. рус. церк. т. I. стр. 20—24.

дей, и церкви ставить; еже и бысть“ ¹⁾). Словомъ, съ распространеніемъ христіанства въ нашемъ отечествѣ, утвердилась въ немъ и іерархія христіанской церкви. Монахъ Іаковъ, описывая просвѣдительную дѣятельность Владиміра, прибавляетъ: „и праздноваше свѣтло праздники Господніе, три трапезы поставляше: первую митрополиту со епископы и съ черноризцы и съ попы“ ²⁾), подтверждая тѣмъ фактъ существованія при Владимірѣ полной, церковной іерархіи.

Существеннымъ для нашей задачи вопросомъ относительно іерархіи русской церкви является вопросъ: объ источномъ началѣ и каноническомъ достоинствѣ этой іерархіи. Необходимымъ признакомъ каноническаго достоинства іерархіи какъ всей вселенской церкви вообще, такъ и каждой ея части въ отдѣльности служить то, чтобы эта іерархія вела свое начало отъ Іисуса Христа, главы и основателя церкви, чрезъ посредство его апостоловъ. Вотъ какъ общую мысль объ этомъ предметѣ выражали древніе отцы и учителя церкви. Климентъ римскій, мужъ апостольскій, пишетъ: „Христось былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа проповѣдывать намъ евангеліе; то и другое было въ порядкѣ, по волѣ Божіей. Итакъ, принявшіе повелѣніе, продолжаетъ тотъ же отецъ, совершенно убѣжденные чрезъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа и утвержденные въ вѣрѣ словомъ Божіимъ, съ полнотою Духа Св. пошли благовѣствовать наступающее царствіе Божіе. Проповѣдуя по разнымъ городамъ, они первенцевъ изъ вѣрующихъ, по духовномъ испытаніи, поставляли во епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ... и потомъ присовокупили законъ, чтобы когда они почіють, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе“ ³⁾). Тертуліанъ въ свою очередь такъ выражаетъ ту же мысль. „Принявъ отъ обѣщаннаго имъ Духа Св. даръ глаголати ины-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. П. стр. 259. Степ. кннг. стр. 151. 153.

²⁾ Христ. Чтен. за 1849 г. гл. П. стр. 323.

³⁾ Clem. Rom. ad Corinth. I. cap. 42. 44. Пис. муж. апост. въ русс. пер. стр. 142. 144.

ми языки, апостолы проповѣдали вѣру въ Иисуса Христа и учредили церкви во многихъ городахъ. Отъ сихъ то церквей всѣ другія заимствовали сѣмя ученія и заимствуютъ до нынѣ по мѣрѣ своего учрежденія. По сей причинѣ послѣднія также считаются въ числѣ апостольскихъ церквей, коихъ какъ-бы дщери“¹⁾). Мы не имѣемъ достаточныхъ основаній и не можемъ назвать кого либо изъ апостоловъ непосредственнымъ насадителемъ христіанской церкви и вмѣстѣ основателемъ ея іерархіи въ предѣлахъ нашего отечества. Историческія свидѣтельства, которыя говорятъ о проповѣди св. апостола Андрея Первозваннаго въ странахъ Скиѣи и населявшимъ ее народамъ, между ними несомнѣнно и славянскимъ племенамъ²⁾,

¹⁾ Творенія Тертуліана въ рус. перев. т. I. стр. 166.

²⁾ Исторія застаётъ славянъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, на берегахъ Дуная, откуда они, будучи тѣсными Волохами, расселились отдѣльными племенами по разнымъ мѣстностямъ къ сѣверу (Дѣтопись по Лаврентьевскому списку. стр. 5—6. см. по Ипатскому списку стр. 3—4). Занятая первоначально славянами страна, имѣвшая своею границею на югѣ нижній Дунай и Черное море, на западѣ рѣку Прутъ и Карпатскія горы, на востокѣ Донъ и Азовское море, а на сѣверѣ простиравшаяся на неопредѣленное пространство, была извѣстна древнимъ до и послѣ Рождества Христова подъ именемъ Скиѣи. Такъ Геродотовская Скиѣи заключалась именно въ описанныхъ предѣлахъ (Herodotus, Histor. lib. 4. cap. 21. 116). Правда греки употребляли иногда слово Скиѣи въ очень обширномъ смыслѣ, прилагая это названіе ко всѣмъ полуночнымъ странамъ, и распространяли его на всю нынѣшнюю, европейскую и азіатскую Россію (Карамзинъ, Истор. Госуд. Россійск. т. I. стр. 9. изд. Эйнерлинга. см. Макарій, Истор. христ. въ Рос. до Влад. стр. 10. прим. 13. изд. 1866 г.). Въ предѣлахъ Геродота понимали Скиѣю и въ первомъ вѣкѣ по Рожд. Христовомъ латинскіе писатели (Plinius, Hist. natur. lib. 4. cap. 12. pag. 217. Paris. 1723 г.). Европейская Скиѣи раздѣлялась на малую и великую. Малая лежала вообще по правую сторону устьевъ Дуная до Балканскихъ горъ (Strabon, Geograph. lib. VII pag. 215) и, въ частности, обнимала пространство между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ, примѣрно отъ черты, проведенной между городами Силистріей и Варной; главнымъ городомъ здѣсь былъ Томи, мѣстность котораго достовѣрно неизвѣстна, но онъ находился на берегу Чернаго моря (Созоменъ, Истор. церк. кн. VI. гл. 21). Названіе великой Скиѣи употреблялось въ двухъ смыслахъ—въ собственномъ, или тѣснѣйшемъ и въ—несобственномъ, или обширнѣйшемъ. Въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ великую Скиѣю составляли южная часть нынѣшней Россіи и юговосточная часть нынѣшней Румыніи, приблизительно отъ низовьевъ Дона на востокѣ до низовьевъ Дуная на западѣ. Въ несобственномъ, или обширнѣйшемъ смыслѣ великою Скиѣею было все то простран-

не даютъ намъ права какъ связывать основаніе русской церкви съ этою проповѣдію, такъ и возводить начало ея іерархіи непосредственно къ первоизванному апостолу. Названныя свидѣтельства относятся къ тому періоду времени, когда славянскія племена еще терялись въ общей массѣ съ другими народами и не составляли ни политическаго, ни духовнаго цѣлаго. При томъ поствѣнныя названнымъ апостоломъ, первыя сѣмена

ство, которое лежало на сѣверъ отъ Чернаго моря, т. е. вся наша Россія. Народы, населявшіе малую Сквію, носили разныя наименованія и принадлежали къ разнымъ племенамъ. По перечисленію Плинія, на пространствѣ отъ береговъ Дуная до Дона обитали слѣдующія скіевскія племена, носившія разныя названія: Гетч, называемые у римлянъ Даками, Сарматы, а у грековъ Савроматы, Гемаксобн и Аорсы, Скіецъ или Троглодиты, Аланы и Роксоланы (Histog natur. t. I. lib. IV. cap. 12. pag. 216). Какъ значительная часть названной Сквіи впоследствии вошла въ составъ нашего отечества и составила территорію русскаго государства; такъ и нѣкоторые изъ населявшихъ ее, по перечисленію Плинія, народовъ признаются за славянъ, нашихъ древнихъ предковъ. Такими славянами считаютъ именно древнихъ Гетовъ (Надеждинъ, Опытъ истор. географ. рус. міра въ Библиотекѣ для чтенія за 1837 г. т. 22), которые во времена апостоловъ обитали по обѣимъ сторонамъ Дуная у самыхъ его устьевъ, потому простирались вверхъ по нижнимъ русскимъ областямъ до рѣки Днѣстра (Тираса), отъ котораго были названы Тирагетами, и далѣе до самаго Днѣпра (Strabon, Geograph. lib. VII. pag. 335. 344). Тождественнымъ съ наименованіемъ Гетчъ слѣдуетъ признать и названіе Генетчъ, Венеды, подъ которыми преимущественно знали славянъ древніе писатели (Бестужевъ-Рюминъ, Рус. истор. т. I. гл. I. стр. 2—3). Историческія свидѣтельства какъ о проповѣди христіанства въ Сквіи, такъ и о начаткахъ христіанской вѣры въ средѣ населявшихъ ее народовъ восходятъ къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства. Церковный Историкъ Евсевій, Памфилъ († 340), передавая со словъ Оригена († 254) свидѣнія о томъ, въ какихъ странахъ земля апостолы проповѣдывали Христа, между прочимъ, говоритъ: „Андрею выпалъ жребій идти въ Сквію (Евсевій, Церк. Истор. кн. III. гл. I. стр. 112. Migne, Curs. Complet. t. II. pag. 92). О проповѣди апостола Андрея Скіеамъ говорятъ другіе писатели, частію современные, частію близкіе по времени къ Оригену. Св. Ипполитъ, называемый Португенскимъ епископомъ († 222), въ сочиненіи о двѣнадцати апостолахъ о св. Андрѣи пишетъ: „Андрей послѣ того, какъ проповѣдывалъ Скіеамъ и Фракіяцамъ, претерпѣлъ крестную смерть, будучи распятъ на маслячвомъ деревѣ въ Патрасѣ ахейскомъ, гдѣ и погребенъ“. (Maxima Bibliotheca Veterum Patrum. t. III. pag. 265. Migne, Patr. Curs. Complet. t. X. pag. 952). Правда, свидѣтельство Ипполита и самое сочиненіе о двѣнадцати апостолахъ признается нѣкоторыми неподлиннымъ (Celier, Histoire générale des Auteurs sacres et ecclesiastiques. t. II. pag. 361); но мы основываемся въ семъ случаѣ на мнѣніи преосвященнаго Филарета (Истор. ученіе объ Отцахъ церкви т. I. стр. 118). Подробнѣе въ нѣкоторыхъ частно-

христіанскої вѣры были заглушені наплывомъ варварскихъ народовъ, и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ давая новыя ростки, снова умирали. Равнымъ образомъ, если бы мы признали достовѣрнымъ разсказъ лѣтописей о проповѣди св. Апостола Андрея въ странахъ кіевскихъ и новгородскихъ, составившихъ центры политической и духовной жизни русскаго народа и государства, и въ такомъ случаѣ мы не могли бы по-

стяхъ, но согласно съ общею мнѣнію говорить о проповѣди апостола Андрея и св. Дороея, епископъ тирскій († 322 г.), который пишетъ: „Андрей, братъ апостола Петра, прошелъ всю Влению, всю Фракію и Скаевъ, проповѣдая евангеліе Господа, потомъ достигъ великаго города Севаста (Севастополь), гдѣ находится крѣпость Аспаръ и рѣка Фазисъ (Ріонъ), у которой обитаютъ внутренніе еіопы, погребены въ Патрасѣ ахейскомъ, будучи распяты Егеотомъ“. (Guil. Cave, Script. Eceles. Hist. Litter. pag. 107. Gener. 1720. Chronicon Paschale. Paris. pag. 434). Свидѣтельство Дороея буквально повторили: и св. Епифаній Кипрскій († 403) (Corpus Script. Hist. Byz. t. V. pag. 351. Chronicon Paschale. Paris. pag. 437) и Софроній Палестинскій, другъ и сотрудникъ блж. Іеронима († 390 г.) (Fabricius, Biblioth. Graec. t. IX. pag. 158. Cave, Script. ecclesiast. Histor. Litter. t. I. pag. 236). Не приводя другихъ, принадлежащихъ послѣдующему времени, свидѣтельствъ о проповѣди св. апостола Андрея въ странахъ и народахъ Скаевіи (См. эти свидѣтельства у преосвщ. Макарія, Истор. христ. въ Россіи до Владиміра стр. 14 и слѣд. Журн. Минист. Народн. Просв. 1876 г., ч. 187. стр. 57—61), замѣтимъ, что нашъ отечественный лѣтописецъ, разсказавъ о томъ, что св. апостолъ Андрей изъ Херсонеса Таврическаго рѣкою Днѣпромъ доходилъ до горъ Кіевскихъ, говоритъ, что апостолъ, благословивъ эти горы, водрузилъ на нихъ крестъ и при этомъ предсказалъ своимъ ученикамъ: „видите ли горы сія—яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія; имать градъ великъ быти и церкви многа Богъ воздвигнути имать“ (Лѣтопис. по Лаврент. Списку. стр. 7).

Приведенныя свидѣтельства какъ древнихъ писателей и Отцовъ церкви, такъ и нашего отечественнаго лѣтописца понимаются различно и объясняются не одинаково нашими историками. Одни понимаютъ и объясняютъ свидѣтельства древнихъ въ томъ смыслѣ, что они, удостовѣривъ фактъ проповѣди св. апостола Андрея въ предѣлахъ той части Скаевіи, которая впоследствии вошла въ составъ территоріи русскаго государства, говорятъ, что обитавшія въ этой части Скаевіи вмѣстѣ съ другими народами и подъ другимъ именемъ славянскія племена также удостоились слышать апостольскую проповѣдь. Такъ именно думаетъ преосв. Макарій, который, разсмотрѣвъ вопросъ какъ о мѣстѣ проповѣди св. апостола Андрея, такъ и о томъ, какимъ народамъ онъ проповѣдывалъ, въ заключеніе своего изслѣдованія по послѣднему вопросу пишетъ: „проходя съ словомъ истины чрезъ древнюю Скаевію отъ Дона и до Дуная, св. апостолъ Андрей долженъ былъ встрѣчать на пути своемъ между прочимъ и славянскія племена, даже по преимуществу славянскія“ (Истор. христ. въ Россіи до Владиміра стр. 28). Другіе,

честь наименованнаго апостола непосредственнымъ основателемъ іерархіи русской церкви и возвести ея начало непосредственно къ нему. Послѣяныя апостоломъ сѣмена христіанской проповѣди не произрасли и не дали плода по недостатку почвы для нихъ. Вслѣдствіе сего, отказываясь отъ всякой мысли назвать св. апостола Андрея Первозваннаго непосредственнымъ основателемъ іерархіи русской церкви, мы имѣемъ всё

напротивъ, понимаютъ и объясняютъ тѣ же свидѣтельства въ отношеніи къ Скиѣи азіатской и къ населявшимъ ее народамъ, а вовсе не въ примѣненіи къ Скиѣи европейской и еще болѣе къ народу славянскому. Именно Е. Голубинскій въ статьѣ „христіанство въ Россіи до Владимира святаго“ (Журн. Минист. Народн. Просв. за 1876 г. ч. 187, гдѣ на стр. 55—56) пишетъ: „Мы съ величайшимъ трудомъ повѣрили бы сказаніямъ греческимъ, если бы они намъ говорили, что апостолъ былъ въ нашемъ отечествѣ, потому что они говорили бы нѣчто совершенно невѣроятное. Сколько нибудь достовѣрныя сказанія греческія ничего подобнаго не говорятъ. Древнѣйшія изъ нихъ назначаютъ мѣстомъ проповѣднической дѣятельности апостола Андрея Скиѣю, причемъ разумѣютъ вовсе не Скиѣю европейскую, соответствовавшую южной половинѣ нынѣшней Россіи, а Скиѣю азіатскую, простиравшуюся отъ юговосточнаго берега Чернаго моря до моря Каспійскаго и дальше, притомъ, разумѣя въ этой Скиѣи, не самихъ скиѣевъ, а греческія въ ней колоніи. Позднѣйшія сказанія, полагая главнымъ мѣстомъ дѣятельности апостола также Азію, переводятъ ее чрезъ Закавказье отчасти и въ Европу, но въ этой послѣдней ограничиваютъ исключительно берегами Чернаго моря.. Только два позднѣйшіе писателя: Никита Пафлагонскій (конца IX в. и Никифоръ Каллистъ (начала XIV в.) говорятъ о мѣстахъ дѣятельности апостола такъ, что даютъ право распространять ее и на часть нашей нынѣшней Россіи... но свидѣтельства обомъ этихъ писателей не имѣютъ ровно никакого историческаго авторитета“. Что касается свидѣтельства нашего отечественнаго лѣтописца, въ то время какъ одни изъ историковъ признаютъ возможнымъ, что свѣтій апостолъ Андрей прошелъ чрезъ Россію описаннымъ у лѣтописца путемъ до Рима и „проходя могъ огласить словомъ евангелія мѣстныхъ жителей“ (Макарій, Истор. христ. до Влад. стр. 20.); другіе напротивъ самую повѣсть объ апостолѣ Андрѣи считаютъ „позднѣйшею вставкою“ послѣ составленія первоначальной лѣтописи и видятъ въ этой повѣсти „не что иное, какъ вымыселъ нашихъ предковъ, составленный съ цѣлю насмѣшки одной области надъ другою—малороссійской надъ великороссійскою“ (Журн. мин. народн. просв. за 1876 г. ч. 187. стр. 50—54).

Въ виду такого, діаметрально противоположнаго пониманія и объясненія смысла и значенія приведенныхъ свидѣтельствъ о проповѣди св. апостола Андрея конечно невозможно признать ихъ за первоначальныя сказанія о распространеніи христіанства и о начаткахъ христіанской вѣры въ предѣлахъ нашего отечества: во всякомъ случаѣ слѣдуетъ запомнить эти свидѣ-

данныя для того, чтобы посредством возвести іерархію русской церкви къ истинному корню священноначалія всей православно-каѳолической, вселенской церкви.

Правда историческія свидѣтельства, удостоверяющія несомнѣнное существованіе христіанства и христіанъ въ русскомъ государствѣ до времени равноапостольнаго Владиміра, не разъясняютъ при этомъ обстоятельно вопроса не только о проис-

тества, какъ несомнѣнный историческій фактъ проповѣди св. апостола Андрея въ странахъ и народахъ Скиѳіи вообще.

Историческія свидѣтельства о началѣхъ христіанства несомнѣнно въ странахъ и среди народовъ территоріи, вошедшей отчасти въ составъ нашего отечества и русскаго государства, и слѣдовательно въ средѣ славянъ европейской и именно малой Скиѳіи также не малочисленны и вполне достоверны.

Блаженный Теодоритъ, епископъ кирскій (†458 г.) приписываетъ Св. Іоанну Златоусту, константинопольскому архіепископу, (391—404 г.) честь утвержденія христіанства между скиѳами, когда въ похвальномъ словѣ говоритъ: „У тебя есть и другое средство съ апостолами: ты первый воздвигъ алтари у скиѳовъ кочующихъ (ἀμαθροῖς), и тотъ, кто не сходилъ съ коня, научился преклонять колѣна, повертаться на землю, не трогавшіеся слезами плѣнниковъ стали оплакивать свои грѣхи“. (Photii, Bibliotheca. edit. Bekkeri. pag. 508. col. 2. Филаретъ, Истор. русс. церкви. т. I. стр. 4). Тотъ же блаж. Теодоритъ въ своей церковной исторіи съ большею обстоятельностью рассказываетъ о настоящей дѣятельности св. Златоуста слѣдующее: „Узнавъ, что нѣкоторые кочующіе скиѳы, отабарившіеся около Истра (παρὰ τὸν Ἰστρὸν) жаждутъ спасенія, но не имѣютъ никого, кто принесъ бы имъ воды, Іоаннъ отыскалъ мужей съ ревностью къ апостольскимъ трудамъ и отправилъ ихъ къ скиѳамъ. Я читалъ, прибавляетъ Теодоритъ, и написанное имъ къ анкирскому епископу Леонтію посланіе, въ которомъ Златоустъ извѣщалъ Леонтія объ обращеніи скиѳовъ и просилъ послать людей, способныхъ руководить ихъ“ (Теодоритъ, Церк. истор. кн. V. гл. 31. стр. 361. гл. 30. стр. 360). Георгій епископъ александрійскій, повторяя Теодорита, пишетъ: „пославъ проповѣдниковъ на Дунай (ἐπὶ τὸν Ἰστρὸν), Златоустъ привлекъ къ христіанству желавшихъ принять оное кочующихъ скиѳовъ“. (Photii, Bibliotheca. р. 80.) Подобная дѣятельность св. Златоуста и въ особенности его забота найти людей, способныхъ руководить обращенными къ вѣрѣ, показываютъ, что настоящее обращеніе скиѳовъ къ христіанской вѣрѣ было дѣйствительное и искреннее. Объ этомъ обращеніи скиѳовъ Златоустъ самъ не разъ свидѣтельствовалъ, когда называлъ скиѳовъ въ числѣ народовъ, исповѣдующихъ Христа (Contra Iudaeos et Gentiles ed. Paris 1818. t. I. pag. 566. 575. Expositio in Psalm. 44. ibem. t. II. pag. 469). Если блаженный Теодоритъ и самъ св. Златоустъ не употребляютъ въ настоящемъ случаѣ названіе „скиѳовъ“ въ смыслѣ нарицательнаго наименованія славянскихъ народовъ, жившихъ въ придунайскихъ мѣстностяхъ; то во всякомъ случаѣ, не смотря на неопредѣленность этого наименованія, нѣтъ осязательныхъ

хожденіи, но и о существованіи въ то время іерархіи и священнослужителей. Византійскіе историки, рассказывающіе о посольствѣ къ русскимъ епископа для крещенія, также не говорятъ: кто именно былъ этотъ епископъ, отъ кого и гдѣ онъ получилъ хиротонію. Замѣтка Константина Порфиророднаго, назвавшаго этого епископа архіепископомъ, посланнымъ отъ патріарха Игнатія, не прибавляетъ ничего къ сущ-

основаній не предположить, что въ числѣ скивоовъ, исповѣдавшихъ Христа были и славяне, обитавшіе на означенной мѣстности. Настоящее предположеніе получаетъ достовѣрность въ виду того, что христіанскіе писатели и отцы церкви дѣйствительно употребляли названіе „скивои“ въ смыслѣ нарицательнаго наименованія народовъ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ странъ. Такъ, между прочимъ, Тертуліанъ въ сочиненіи противъ іудеевъ, доказывая, что во исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ царство Христово стало царствомъ всего міра, перечисляетъ между исповѣдующими имя Христово народами скивоовъ (Migne, Patrol. curs. Comp. t. II. pag. 610—611). Св. Аванасій великій, въ свою очередь, дѣлая подобное изображеніе всемірности царства Христова, въ числѣ современныхъ ему христіанскихъ народовъ называетъ также скивоовъ. (Orega edit. Paris 1698. t. I. pag. 92). Также предположеніе еще болѣе крѣпнетъ при мысли, что названіе „скивои“ у древнихъ грековъ было преимущественнымъ наименованіемъ народовъ, жившихъ на территоріи нашего отечества. (Карамзинъ, Ист. госуд. рос. т. I. стр. 5—6. Соловьевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 25—27. Бестужевъ-Рюминъ, Русс. истор. т. I. гл. I. стр. 3—4). Византійскіе писатели именемъ скивоовъ и тавроскивоовъ называли русскихъ, не только во времена Аскольда, Святослава и Владиміра, а даже въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, при чемъ самый Кіевъ именовался скивоою столицей (Ивъѣст. Визант. ист. т. III. стр. 68—69. 71 и др.). При томъ современный св. Златоусту, скиескій епископъ Феотимъ, бывшій родомъ скиецъ и славившійся высокимъ греческимъ образованіемъ и благочестіемъ (Сократъ, церк. истор. кн. VI. гл. 12. стр. 479. Созоменъ, церк. истор. т. VII. гл. 26. стр. 585), признается гетомъ-славяниномъ. (Макарій, истор. христ. до Владиміра. стл. 39—41). Знакомство вообще славянъ, древнихъ гетовъ, съ христіанскою вѣрою въ то время подтверждается и свидѣтельствомъ блаженнаго Іеронима, который описывая послѣдовавшую въ гуннахъ и скивахъ благочестивую перемену о гетахъ замѣчаетъ: „рыжее и бѣлокурое войско гетовъ всюду носить съ собою шатры, служащіе церквями (Hieronym. Orega edit. Paris 1698. t. IV. pars. 2. pag. 591. epistola ad Laetam. sn. Творенія Іеронима въ русск. перев. т. II. стр. 485.) Употребленное здѣсь Іеронимомъ выраженіе: *Scytae frigora fervent calore fidei*“ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что писатель имѣетъ въ виду именно сѣверную Скию и обитавшихъ въ ней народовъ. Присутствіе же подобнаго обыкновенія въ средѣ гетовъ показываетъ, что они не только были знаками, но и глубоко проникнуты ученіемъ и началами христіанства.

Признавая на основаніи изложенныхъ свидѣтельствъ и соображеній не

ности дѣла, если мы будемъ считать его только епископомъ, посланнымъ отъ патріарха Фотія. И простой епископъ и архіепископъ совершенно равны между собою по существу пребывающей на нихъ благодати; и Игнатій и Фотій въ свою оче-

подлежащимъ сомнѣнію фактъ, что жившія въ предѣлахъ малой Скіеіи, отчасти нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, славянскія племена были знакомы съ христіанствомъ, необходимо для разъясненія степени этого знакомства присо-вокупать, что въ часъ шести пасхитываемыхъ и существовавшихъ въ предѣлахъ этой Скіеіи епархій: скиеской, херсонской, готеской, суражской, фульской и босфорской (См. объ этихъ епархіяхъ въ Истор. христ. въ Россіи до Владимира. стр. 38—78.) первая между ними, т. е. скиеская признается по преимуществу славянскою епархією. (тамъ же стр. 40—41). Начало этой епархіи относятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства; резиденцію ея кѡедры считаютъ знаменитый въ то время, торговый городъ Томн, находившійся на южной сторонѣ Дуная, недалеко отъ его устья; въ послѣдней четверти третьяго вѣка, именно во дни гоненій Діоклетіана (280—292) на Христову церковь, упоминается епископъ скиеской епархіи Евангеліакъ и цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за нимъ до половины шестаго вѣка. (Le Quien, Oriens. christ. t. I. pag. 1212—1217. Макарій, Истор. христ. въ Росс. до Влад. 40). Нѣтъ сомнѣнія, что константинопольскій II вселенскій соборъ (381 г.), устанавливая особый порядокъ управленія для церквей иноплеменныхъ народовъ на основаніи „соблюдавшагося у нихъ обыкновенія отцовъ“, вѣроятно полагалъ въ числѣ этихъ церквей и епархію скиескую. (Книга правилъ II всел. пр. 2). Церковный историкъ Созоменъ къ числу такихъ древнихъ обычаевъ въ средѣ скиескихъ христіанъ относятъ тотъ, по которому въ церквахъ этого народа былъ одинъ епископъ (Созоменъ, церк. вст. кн. VI гл. 21 стр. 418). Халкидонскій, IV вселенскій соборъ (451 г.), подчиняя „епископовъ иноплеменниковъ“ константинопольскому престолу, въ числѣ ихъ конечно полагалъ и епископа скиеовъ. Подобное подчиненіе, какъ показываетъ подлинный текстъ соборнаго опредѣленія, состояло въ томъ, что епископы иноплеменниковъ должны были только поставляться константинопольскимъ патріархомъ; во внутреннемъ же управленіи дѣлами своихъ церквей упомочивались руководствоваться „соблюдавшимся обыкновениемъ отцовъ“. (IV вселенск. 28). Такое подчиненіе скиескихъ епископовъ константинопольскому архіепископу могло утвердиться на практикѣ и прежде халкидонскаго собора, вслѣдствіе естественнаго уваженія ихъ къ кѡедрѣ и іерархамъ Константинополя. По крайней мѣрѣ Св. Златоустъ, принимавшій, какъ мы видѣли, живое участіе въ просвѣщеніи скиеовъ христіанскою вѣрою и въ устройствѣ среди нихъ церкви, дѣйствовалъ самъ и приглашалъ къ этому Леонтія акирскаго, вслѣдствіе сдѣланнаго къ св. Златоусту обращенія, какъ предполагаетъ преосвященный Макарій, можетъ быть, отъ самого Θεотыма, епископа скиескаго... (Макарій, Истор. христ. въ Россіи до Влад. стр. 89). Эти данныя, удостоверяющія фактъ существованія христіанской вѣры въ предѣлахъ нашего отечества еще до начала русскаго государства, не могутъ быть принимаемы въ соображеніе при разсужденіяхъ о началѣ утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ, и въ частности при вопросѣ объ истинномъ, каноническомъ началѣ ея іерархій.

редь одинаково были патріархами Константинополя, смѣнявшими другъ друга. Патріархъ Фотій, извѣщая восточныхъ епископовъ о принятіи русскими „епископа и пастыря“, также не объяснилъ ихъ происхожденія. Извѣстія русскихъ источниковъ, называя этого епископа Михайломъ, также молчатъ объ его происхожденіи¹⁾. Впрочемъ, если бы и была извѣстна генерация этого епископа, и въ такомъ случаѣ мы не могли бы отождествить съ нимъ начало іерархіи русской церкви; такъ какъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній объ его преемникахъ; быть можетъ, этотъ епископъ, какъ мы и замѣтили, по совершеніи своей миссіи въ средѣ русскихъ, снова возвратился въ свое отечество. Что касается прибывшаго съ этимъ епископомъ и принятаго русскими пастыря (πρωτεύων), подъ которымъ разумѣютъ священника, а равно и другихъ несомнѣнно существовавшихъ въ средѣ русскихъ христіанъ священнослужителей, то исторія и судьба ихъ еще темнѣе. Съ одной стороны, если вѣрна догадка, что прибывшій съ епископомъ къ русскимъ, означенный пастырь былъ Наврокъ, отправленный въ Россію съ миссіонерскою цѣлію св. славянскими просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ²⁾; съ другой—если принять во вниманіе, что св. Ольга получила отъ крестившаго ее патріарха пресвитера; то на основаніи этихъ данныхъ можно съ вѣроятностію бывшихъ у русскихъ христіанъ до времени равноапостольнаго Владиміра священнослужителей относить частью къ грекамъ, частью къ славянамъ, приходившимъ то изъ Греціи, то изъ Болгаріи³⁾. Такимъ образомъ, не имѣя возможности постановить опредѣленное заключеніе о происхожденіи бывшихъ у русскихъ христіанъ до времени равноапостольнаго Владиміра священнослужителей, постараемся сдѣлать это по отношенію ко времени княженія св. Владиміра и явившейся при немъ полной іерархіи русской церкви.

¹⁾ Татищевъ, Русск. ист. т. I. стр. 35. т. II. стр. 364. прим. 56.

²⁾ Макарій, Истор. христ. въ Россіи до Владиміра. стр. 234—235.

³⁾ Бывшаго въ святѣ вел. кн. Ольги и сопровождавшаго ее въ Царьградъ пресвитера, судя по его имени Григорій, Шледеръ считаетъ грекомъ, преосвященный же Макарій славяниномъ. (Тамъ стр. 250. прим. 504).

Принятіе равноапостольнымъ Владиміромъ христіанской вѣры въ Корсунѣ таврическомъ, который составлялъ въ то время греческую колонію, а еще болѣе крещеніе отъ руки корсунскаго митрополита, который несомнѣнно принадлежалъ къ составу іерарховъ греческой церкви, напередъ предрѣшаютъ изслѣдуемый нами вопросъ въ пользу происхожденія іерархіи русской церкви отъ—греческой. Самъ равноапостольный Владиміръ, какъ замѣчено, при возвращеніи изъ Корсуна послѣ своего крещенія привезъ съ собою множество церковныхъ принадлежностей и вмѣстѣ пастырей. Лѣтописецъ называетъ этихъ пастырей „корсунскими“, очевидно, въ отличіе отъ прибывшихъ изъ Византіи вмѣстѣ съ царевною Анною и наименованныхъ у него „царицынскими“, и этимъ одинаково въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ утверждаетъ мысль о греческомъ ихъ происхожденіи. Другія свѣденія иностранныхъ и русскихъ источниковъ вообще согласуются въ томъ, что первые русскіе іерархи, по своему происхожденію, принадлежали къ составу греческой іерархіи. Современный Владиміру лѣтописецъ, монахъ Адемаръ, приведенный Нарушевичемъ въ его исторіи польскаго народа, говоритъ: „спустя немного времени послѣ крещенія славяно-русовъ, пришелъ въ Россію греческій епископъ, обратилъ въ христіанство срединную часть области и принесъ греческіе обычаи“ ¹⁾ Арабскій писатель Георгій Елмакинъ въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что греческій императоръ Василій, на сестрѣ котораго женился Владиміръ, прислалъ къ нему епископовъ, которые наставили какъ его самаго, такъ и весь его народъ въ христіанской вѣрѣ ²⁾. Въ кормчей XVI в., списанной съ кормчей XIII в., которая въ свою очередь была переписана (1286 г.) съ прежней, св. Владиміръ представленъ говорящимъ въ своемъ уставѣ: „тѣмъ же и азъ примъ св. крещеніе... и прославихъ Бога, яко сподоби мя пріяти таковую

¹⁾ Евгений. Опис. Кіев. соф. собор. стр. 62 и прим. 11. Макарій, Истор. русск. церк. т. I. стр. 5 и прим. 8 и 19.

²⁾ Georgius Elmacinus, Historia Saracenica, Arabicè et Latinè. Lugd. Botav. 1625. pag. 251.

благодать преосвященнымъ митрополитомъ Михаиломъ, и взявъ его перваго митрополита отъ патріарха и отъ всего собора, почетеннаго лампадою и сакомъ, яко втораго патріарха, съ нимъ же крестихъ всю русскую землю“¹⁾. Эти и другія свидѣтельства, удостовѣряя фактъ греческаго происхожденія первыхъ іерарховъ русской церкви и вмѣстѣ принадлежность ихъ къ составу греческой іерархіи, заставляютъ присовокупить, что и прочее, первое духовенство русской церкви было частію корсунское, частію греческое, т. е. связано съ тѣмъ-же источнымъ началомъ византійскаго происхожденія. Подобнаго вывода нѣмало не колеблетъ сказаніе іоакимовской лѣтописи, которое, имѣя въ виду вопросъ о народности первыхъ іерарховъ и перваго духовенства русской церкви, сообщаетъ, что царь Симеонъ болгарскій прислалъ въ Россію послѣ крещенія Владиміра „іереи учены и книги довольныя“, и что присланные изъ Царьграда митрополитъ и прочее духовенство также были изъ славянъ²⁾. Если и принять это сказаніе, оно нисколько не измѣнитъ сущности занимающаго насъ вопроса — объ источномъ началѣ іерархіи русской церкви, по той причинѣ, что славянское происхожденіе первыхъ, русскихъ іерарховъ и перваго, русскаго духовенства, представляя ихъ единоплеменными и близкими русскимъ по народности и языку, нисколько не исключаетъ возможности греческаго ихъ происхожденія по преемству хиротоніи и благодати священства.

Такимъ образомъ ислѣдуемый вопросъ объ источномъ началѣ іерархіи русской церкви долженъ быть рѣшенъ такъ: первые іерархи и вообще первые священнослужители русской церкви, были ли они греки, или славяне по своей народности, несомнѣнно принадлежали къ составу греческой іерархіи, т. е. воспріяли начало отъ іерархіи константинопольской церкви и были преемниками той благодати священства, которая почивала на старѣйшемъ іерархѣ востока. Въ этомъ же происхож-

¹⁾ Опис. рукопис. румян. музеум. стр. 310. 313.

²⁾ Татищевъ, Истор. Росс. т. I. ч. 1. стр. 38.

деніи ієрархіи русскої церкви содержится и разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса о каноническомъ ея достоинствѣ. Извѣстно, что проповѣдникомъ христіанской вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго Константинополя, прежней Византіи, признается св. первозванный апостоль Андрей, который, основавъ здѣсь христіанскую церковь, былъ первымъ ея предстоятелемъ (primus antistitem). Св. Андрей поставилъ епископомъ Византіи того Стахія, о которомъ упоминаетъ апостоль Павелъ въ посланіи къ римлянамъ: *привѣтствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христвѣ, и Стахія, возлюбленнаго мнѣ.* (Рим. глав. 16 ст. 9). Отъ этого Стахія начался и непрерывно продолжался рядъ византійскихъ ієрарховъ ¹⁾. Если сказаніе о проповѣди св. апостола Андрея въ предѣлахъ древней Византіи и основаніи этимъ апостоломъ здѣсь христіанской церкви, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, считается произведеніемъ позднѣйшаго времени ²⁾; то и безъ этого сказанія мы имѣемъ всѣ основанія начало ієрархіи русскої церкви связать съ ієрархією константинопольскою и отнести происхожденіе первой къ общему корню священноначалія христіанской церкви. Извѣстно, что Византія, по законамъ императора Септимія Севера, въ смыслѣ уѣзднаго города, была присоединена къ ираклійскому градоначальству. Въмѣстѣ съ этимъ подчиненіемъ Византія и въ церковномъ отношеніи поступила подъ власть ієрарха ираклійскаго, который и рукополагалъ для нея епископовъ и впоследствии пользовался правомъ поставленія константинопольскаго патріарха. На этомъ основаніи происхожденіе византійскої ієрархіи должно быть отождествлено съ началомъ ієрархіи ираклійскої, которая имѣла своихъ предстоятелей въ самыя первыя времена христіанства ³⁾. Сверхъ сего, со времени Константина великаго, когда Византія стала новою столицею имперіи, катедру ея занимали весьма многіе, знаменитѣйшіе ієрархи, получавшіе свое поставленіе отъ старѣйшихъ ієрарховъ христіанской церк-

¹⁾ Le Quien, Oriens christianus. t. I. cap. 2. pag. 9—10. n. II. III.

²⁾ Pichler. t. II. pag. 646—647. ³⁾ Le Quien, t. II. pag. 1101—1102.

ви. Словомъ, если апостольское происхожденіе въ общемъ смыслѣ и каноническое достоинство іерархіи константинопольской церкви не могутъ подлежать сомнѣнію; то образовавшаяся, живая связь русской церкви съ константинопольскою и, въ частности, заимствованіе первою іерарховъ отъ послѣдней ручаются въ свою очередь за апостольское происхожденіе іерархіи нашей отечественной церкви и сообщаютъ ей полное каноническое достоинство.

Свѣденія о началѣ іерархіи русской церкви не согласуются между собою въ показаніяхъ относительно того, когда именно эта іерархія получила свое полное и окончательное устройство. Лѣтописецъ не только не говоритъ о томъ, чтобы съ Владиміромъ, при возвращеніи его изъ Корсуня, пришелъ къ намъ въ Россію какой либо епископъ; напротивъ только „поповъ корсунскихъ и царицынскихъ“ представляетъ дѣйствующими при крещеніи народа и при заведеніи школъ для образованія юношества въ Кіевѣ; между тѣмъ тотъ же лѣтописецъ подъ 996 г. не только упоминаетъ объ епископахъ, но и говоритъ, что они дали совѣтъ Владиміру казнить злодѣевъ, т. е. представляетъ ихъ участвующими въ обсужденіи дѣлъ общественныхъ ¹⁾). Если первое свидѣтельство лѣтописца не позволяетъ съ рѣшительностію полагать въ числѣ прибывшихъ изъ Греціи и Корсуня священнослужителей высшихъ іерарховъ; то послѣднее даетъ полное основаніе утверждать, что къ упомянутому времени, т. е. къ 996 г. въ Россіи сформировалась и существовала полная іерархія. Дѣйствительно, свѣденія о распространеніи христіанства въ предѣлахъ Кіева и въ другихъ мѣстностяхъ государства представляютъ дѣйствующими митрополита и епископовъ, высшихъ представителей іерархической власти. На этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что Владиміръ не привелъ съ собою изъ Корсуня митрополита и епископовъ, но они пришли нѣсколько послѣ — отдѣльно, и что

¹⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 124.

Владиміръ крестилъ кіевлянъ, не дождавшись ихъ прихода ¹⁾. При этомъ упоминаніе лѣтописей и другихъ источниковъ о существованіи митрополита въ Кіевѣ при крещеніи кіевлянъ думаютъ объяснить въ томъ смыслѣ, что этотъ митрополитъ былъ изъ болгаръ и прибылъ въ Россію за нѣсколько времени прежде. „Если, приводимъ подлинныя слова этого мнѣнія, согласится признать существованіе епископа Михаила, котораго лѣтописи называютъ митрополитомъ, то нужно было бы представлять дѣло такъ, что Владимиръ входилъ въ сношенія съ болгарами, вскорѣ послѣ своего крещенія и довольно задолго до начала сношеній съ греками, что этотъ епископъ Михаилъ съ приведенными имъ священниками довольно долгое время жившій въ Россіи до приступа Владимира къ крещенію всего народа, въ ожиданіи этого послѣдняго событія и подготавливая его, трудился надъ дѣломъ проповѣди частнымъ образомъ, что они, такъ сказать, расчищали путь общему крещенію обращеніемъ отдѣльныхъ людей, добровольно изъявлявшихъ желаніе принять христіанство“ ²⁾. Чтобы понять цѣну этого мнѣнія необходимо замѣтить, что оно служитъ дополненіемъ другаго предположенія о томъ, что Владимиръ съ самаго начала своего княженія былъ расположенъ къ христіанству, и принялъ крещеніе въ тайнѣ (987 г.) за два года до крещенія народа ³⁾. Представляя такимъ образомъ крещеніе Владимира, приведенному мнѣнію было совершенно естественно и другіе факты объяснять въ свою пользу, чтобы только не допустить мысли о сношеніяхъ Владимира съ Византією до его похода на Корсунь. Но если Владимиръ дѣйствительно не имѣлъ никакихъ сношеній съ Византією до похода на Корсунь, и если онъ предпринялъ самый этотъ походъ съ мыслию завязать подобныя сношенія съ Грецією и получить оттуда священниковъ для предполагаемаго имъ крещенія народа ⁴⁾; то остается неразъ-

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. за 1871. ч. 190. стр. 147.

²⁾ Там. стр. 145. ³⁾ Там. стр. 118—122.

⁴⁾ Авторъ разсматриваваго мнѣнія пишетъ: „спустя два года года послѣ собственнаго крещенія, Владимиръ рѣшился приступить къ крещенію всего

ясненнымъ: почему Владиміръ не продолжалъ уже начатыхъ имъ сношеній съ Болгаріею и почему онъ, въ особенности, не устремилъ своихъ взоровъ туда въ то время, когда занять былъ приведеніемъ въ исполненіе мысли о крещеніи всего народа? Владиміру тѣмъ естественнѣе было сдѣлать это, что, какъ предполагаетъ разсматриваемое мнѣніе, пришедшій изъ Болгаріи епископъ съ приведенными имъ священниками и подготовилъ дѣло крещенія всего русскаго народа. Но если Владиміръ не только не сдѣлалъ этого, напротивъ, чтобы завязать сношенія съ Византіею, предпринялъ походъ на Корсунь, то, слѣдовательно, и мысль о предшествовавшихъ крещенію русскаго народа сношеніяхъ съ Болгаріею, а еще болѣе о прибытіи отсюда въ Россію епископа съ нѣсколькими священниками должна быть признана предположеніемъ неудачнымъ.

Однѣ изъ нашихъ лѣтописей говорятъ, что Владиміръ при возвращеніи изъ Корсуни послѣ крещенія привелъ съ собою и митрополита Михаила, который былъ посланъ къ нему въ Корсунь изъ Царьграда ¹⁾. Другія, напротивъ, не содержа опредѣленныхъ указаній объ этомъ предметѣ, представляютъ крещеніе всей русской земли и сформированіе полной іерархіи русской церкви послѣдовательными одно за другимъ событіями: „крестися, говорится въ псковской лѣтописи, вся русская земля и поставиша митрополита въ Кіевѣ, а по инымъ градомъ епископы и попы“ ²⁾. Иоакимовская лѣтопись представляетъ дѣло такъ, что Владиміръ послѣ своего крещенія отправлялъ въ Царьградъ къ царю и патриарху особое посольство съ просьбою прислать

народа. Прежде чѣмъ дѣлать это онъ рѣшился войти въ сношеніе съ греками, такъ какъ для будущей, русской, церкви ему нужна была отъ послѣднихъ высшая іерархія, т. е. епископы съ митрополитомъ, или какимъ либо другимъ предстоятелемъ во главѣ. Для такой цѣли ему, по видимому, надлежало отправить къ грекамъ посольство съ изъясненіемъ своей нужды и съ просьбой объ ея удовлетвореніи. Но Владиміръ поступилъ иначе: онъ отправился войною на греческій городъ Херсонесъ Таврическій.“ (Журн. мин. нар. проsv. ч. 190. стр. 139. 143.)

¹⁾ Никон. лѣтоп. т. I. стр. 91—92. Татищевъ, Истор. Росс. т. II. стр. 731.

²⁾ П. С. Р. Л. т. IV. стр. 175.

митрополита; они же „вельми возрадовашеся, и прислаша митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго болгарина суца, съ нимъ четыре епископа и мнози іерей, діаконы и демественники (пѣвчихъ) изъ славянъ“ ¹⁾. Анализируя эти два мнѣнія, изъ коихъ одно устройство русской іерархіи относитъ къ началу насажденія христіанской вѣры въ русскомъ государствѣ, другое, напротивъ, представляетъ это событіе послѣдующимъ моментомъ крещенія всей русской земли, трудно съ перваго раза отдать предпочтеніе какому либо изъ нихъ. Конечно, не только не невѣроятно, напротивъ необходимо предположить, что Владиміръ, крестившись самъ и готовясь приступить также къ крещенію всего русскаго народа, долженъ былъ еще въ Корсунѣ запасгись всѣми необходимыми средствами для задуманнаго имъ предпріятія; во нѣтъ основаній думать, чтобы Владиміръ для этой цѣли входилъ въ какія либо сношенія съ Византією; гораздо естественнѣе предположить, что Владиміръ, какъ побѣдитель, обошелся безъ всякихъ сношеній съ Византією по этому предмету. Дѣйствительно, лѣтописецъ Несторъ, подробно рассказывая о переговорахъ и сношеніяхъ Владиміра съ Византійскими государями о своемъ намѣреніи жениться на ихъ сестрѣ, царевнѣ Аннѣ, вовсе не упоминаетъ при этомъ о переговорахъ и сношеніяхъ Владиміра съ Византією о предстоявшемъ насажденіи христіанской вѣры и утвержденіи христіанской церкви въ средѣ русскаго народа. Лѣтописецъ вообще представляетъ дѣло такъ, что Владиміръ собственною властію, какъ побѣдитель, взялъ въ Корсунѣ и привелъ съ собою въ Кіевъ какъ „поповъ корсунскихъ“ вмѣстѣ съ другими принадлежностями христіанской вѣры, такъ и нѣкоторые знаки своей военной побѣды, а именно: два мѣдныхъ истукана и четыре мѣдныхъ коня ²⁾. Вообще, строго держась разсказа лѣтописца, слѣдуетъ заключить, что Владиміръ, на правахъ того же побѣдителя, могъ взять и привести съ собою въ числѣ корсунскихъ поповъ и корсунскаго архіе-

¹⁾ Татищевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 38.

²⁾ Лѣт. по Лавр. спис. стр. 113—114.

епископа, т. е. взять и перенести на русскую землю всё тѣ знаменія и принадлежности христіанской вѣры, которая онъ нашель въ Корсунѣ и признавалъ необходимыми для просвѣщенія своего народа. Съ этимъ предположеніемъ болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, согласуется то, что Владиміръ въ дѣлѣ принятія христіанской вѣры и просвѣщенія своего народа дѣйствовалъ и желалъ дѣйствовать свободно, по собственному усмотрѣнію; обращеніе въ Византію, а еще болѣе просительное посольство о присылкѣ епископа представляются явленіями, не гармонирующими съ положеніемъ, въ которомъ находился, и съ обстоятельствами, при которыхъ дѣйствовалъ Владиміръ; подобныя обращеніе и посольство на половину умалили бы смыслъ и значеніе задуманнаго и успѣшно оконченнаго Владиміромъ похода на Корсунъ съ цѣлію принятія и заимствованія оттуда христіанской вѣры. Вообще представляется болѣе правильнымъ остановиться на томъ мнѣніи, что при самомъ началѣ крещенія русскаго народа у насъ явилась іерархія съ епископомъ во главѣ; но эта іерархія по своему составу была не иная, какъ клиръ корсунской церкви, переведенный Владиміромъ въ Кіевъ въ полномъ его составѣ и называемый лѣтописцемъ общимъ именемъ „поповъ корсунскихъ“. Подтверженіемъ этого вывода до нѣкоторой степени служить то, что и въ послѣдствіи времени Корсунъ была посредствующею стадіею при переходѣ церковно-византійскаго вліянія на Русь, къ плодамъ котораго слѣдуетъ отнести: корсунскія врата, иконы, колокола, металлическія утвари въ Новгородѣ ¹⁾), икону св. Николая корсунскаго въ Рязанѣ и пр. Есть положительное свидѣтельство только польскихъ историковъ: Длугоша, Меховита и Стрыйковскаго о томъ, что первый, прибывшій въ Россію епископъ, былъ тотъ самый, который крестилъ Владиміра и крестилъ, затѣмъ, народъ русскій ²⁾). Это свидѣтель-

¹⁾ Макарій, Археолог. описан. церковн. древн. въ Новгород. м. 1860 г.

²⁾ Dlugosi, Hist. Polonog. t. I. pag. 113, гдѣ называется этотъ епископъ: „episcopus Korschinensem“; Mathiae de Mechow. Chronic. Polon. pag. 26. „episcopus Korschinensem“; Strycowskiego „Kronika Polska. pag. 132. „od biskopa Korsunskiego“. Макарій, Ист. русс. церк. т. I. стр. 12. пр. 11.

ство особенно нравится намъ; такъ какъ оно совершенно просто и ясно рѣшаетъ вопросъ о заимствованіи русскими первой своей іерархіи. Дѣйствительно, не можетъ быть ничего проще и естественнѣе, и въ тоже время послѣдовательнѣе и правдоподобнѣе, какъ предположить, что Владиміръ, ознакомившись и сблизившись съ крестившимъ его архіепископомъ, упросилъ послѣдняго отправиться съ нимъ въ Россію для просвѣщенія русскаго народа. Равнымъ образомъ трудно допустить, чтобы Владиміръ, имѣя всю возможность взять съ собою въ составѣ прочихъ священнослужителей епископа, не воспользовался этимъ, особенно въ виду мысли тотчасъ, по возвращеніи въ отечество, приступить къ крещенію народа и къ повсемѣстному распространенію христіанской вѣры. Какъ побѣдитель, женившійся на греческой царевнѣ, Владиміръ совершенно могъ сдѣлать это безъ всякихъ сношеній съ Византією.

Представляя такимъ образомъ дѣло заимствованія Владиміромъ первой іерархіи изъ Корсуны, мы должны прибавить, что исключительнымъ назначеніемъ этой іерархіи должны были сдѣлаться только миссіонерскіе труды и апостольская дѣятельность въ Кіевѣ и прилегавшихъ къ нему мѣстностяхъ, жители коихъ, безъ сомнѣнія, первыми послѣ гражданъ Кіева были обращены къ христіанской вѣрѣ, и что Владиміръ, если бы и хотѣлъ, не могъ удовольствоваться этою іерархією, по причинѣ малочисленности ея состава, для дальнѣйшаго распространенія христіанской вѣры въ своей странѣ, а еще болѣе для заведенія надлежащаго порядка церковнаго управленія въ своемъ государствѣ. Поэтому перемѣщеніе корсунскаго клира въ Кіевъ, положительно разъясняя: кто первый трудился надъ первоначальнымъ крещеніемъ русскаго народа и насажденіемъ въ его средѣ христіанской вѣры, далеко не разрѣшаетъ вопроса о томъ, какимъ образомъ и въ какое время сформировалась полная іерархія русской церкви. Сказанія нашихъ лѣтописей на этотъ разъ совершенно согласуются между собою въ той общей мысли, что Владиміръ послѣ крещенія обращался въ Царьградъ съ особымъ посольствомъ и просилъ чрезъ него импера-

торовъ и патріарха прислать въ Россію митрополита, потребное число епископовъ и другихъ священнослужителей, и что, вслѣдствіе этого посольства, дѣйствительно были присланы изъ Царьграда и прибыли въ Россію одинъ митрополитъ, нѣскольکو епископовъ и множество священниковъ и діаконовъ¹⁾. Мы, какъ и всякій другой изслѣдователь, должны признать этотъ фактъ безспорнымъ, и въ тоже время понять и истолковать его значеніе. Въ этомъ фактѣ не только указано источникъ начало происхожденія русской іерархіи, но вмѣстѣ выражена сущность послѣдующихъ отношеній русской церкви къ церкви константинопольской. Нѣтъ надобности съ настойчивостію утверждать, что Владиміръ, предпринимая походъ на Корсунъ съ мыслию заимствовать оттуда все необходимое для просвѣщенія своего народа, имѣлъ въ своемъ намѣреніи между прочимъ и то, чтобы такимъ образомъ оградить свой народъ отъ стѣснительныхъ вліяній Византіи даже въ церковномъ отношеніи; но необходимо со всею рѣшительностію высказать, что принятіе Владиміромъ христіанской вѣры въ Корсунѣ и заимствованіе оттуда всѣхъ необходимыхъ принадлежностей христіанской церкви, на правахъ побѣдителя, какъ не налагало на русскую церковь подчиненія византійской, такъ не давало и константинопольскому патріарху повода вмѣшиваться въ отношенія русской. Словомъ, если бы русская церковь и русскій народъ могли быть вполне удовольствованы тѣми средствами духовной жизни, которыя были вывезены Владиміромъ изъ Корсуни, на все послѣдующее время своего существованія; то вполне можно быть увѣреннымъ, что не существовало бы и вопроса о зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Между тѣмъ, не смотря на многолѣтнее существованіе начатковъ христіанской вѣры въ средѣ русскаго народа, Россія не успѣла настолько заpastись духовными силами, чтобы продолжать свое духовное существованіе, не обращаясь къ постороннему содѣйствію. Вслѣдствіе сего равноапостольный вождь своего народа,

¹⁾ П. С. Р. Л. т. III, стр. 179. Никон. лѣт. т. I. стр. 91—92. Татищевъ, Ист. Росс. т. I. стр. 38.

св. Владиміръ, отстранивъ было на время вопросъ о чужеземномъ вліяніи на свою страну, принужденъ былъ снова встрѣтиться съ этимъ вопросомъ, когда началъ думать о просвѣщеніи христіанскою вѣрою всего своего народа и объ утвержденіи христіанской церкви во всемъ своемъ государствѣ. Издавна установившіяся сношенія русскихъ съ греками по вопросу о существованіи первыми отъ послѣднихъ христіанской вѣры, а еще болѣе родственныи союзъ самаго Владиміра съ византійскимъ дворомъ устремляли его взоры именно въ Византію, и, безъ опасенія какихъ либо замѣшательствъ и затрудненій, располагали просить живаго и дѣятельнаго участія въ дальнѣйшемъ, духовномъ просвѣщеніи всего русскаго народа и въ окончательномъ утвержденіи христіанской церкви во всѣхъ предѣлахъ русскаго государства. Выше было замѣчено, что бракъ Владиміра съ греческою царевною Анною служилъ однимъ изъ побужденій для его похода на Корсунь, и вмѣстѣ надежнѣйшимъ средствомъ для успѣшнаго распространенія христіанской вѣры въ средѣ русскаго народа; здѣсь слѣдуетъ прибавить, что тотъ же бракъ, политически связавъ Россію съ Византією, послужилъ готовымъ и главнымъ цементомъ для упроченія и духовнаго союза между ними. Для этой цѣли Владиміръ обратился съ особымъ посольствомъ въ Царьградъ и просилъ прислать въ Россію потребное число пастырей. Невзвѣстно съ какими именно инструкціями было отправлено это посольство, съ какими предложеніями и какимъ образомъ ходатайствовало оно въ Константинополѣ; во всякомъ случаѣ фактъ отправленія подобнаго посольства, подтверждая сознанныю правительствомъ невозможность обезпечить дальнѣйшее распространеніе христіанской вѣры въ средѣ народа и утвердить желательный порядокъ церковнаго управленія въ государствѣ другими средствами, показывалъ, что Владиміръ силою вещей принужденъ былъ судьбу русской, новоустроящейся церкви связать такимъ образомъ со исторією церкви византійской и ввѣрить первую заботливому руководительству и попеченію предстоятеля послѣдней. Въ Константинополѣ приняли это посольство и въ

удовлетвореніе его ходатайства были присланы въ Россію митрополитъ, нѣсколько епископовъ и съ ними много священниковъ и діаконовъ; съ прибытіемъ ихъ не только сформировалась полная іерархія русской церкви, получившей всѣ средства для дальнѣйшаго своего существованія и развитія, но и были положены первые начатки церковнаго управленія. На это и указываютъ лѣтописи, когда говорятъ: „крестився Владиміръ и взя у Фотія патріарха Цареградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новгороду архіепископа Якима Корсунянина, а по инѣмъ градомъ епископы и попы и дьяконы, иже крестиша всю землю русскую; и бысть радость всюду“¹⁾. Такимъ образомъ занимающій насъ вопросъ о появленіи полной, отдѣльной и самостоятельной іерархіи русской церкви долженъ быть разрѣшенъ такъ: полная іерархія въ русской церкви явилась лишь въ то время, когда христіанская вѣра, утвердившись въ Кіевѣ, начала проникать и въ другія области государства, и когда Владиміръ, убѣдившись на опытъ въ недостаточности вывезенныхъ имъ изъ Корсуны средствъ, для полнаго насажденія христіанской вѣры въ своей странѣ, по смерти перваго сподвижника своихъ просвѣтительныхъ трудовъ—корсунскаго архіепископа, принужденъ былъ обсудить и разрѣшить общій вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи и объ управленіи основывавшейся церкви на твердыхъ и законныхъ началахъ свойственнаго ей строя и порядка. Опредѣляя хронологически этотъ моментъ, мы должны положить его между 990—992 г., когда христіанство начало распространяться по всѣмъ областямъ русскаго государства, и когда распространителями его были прибывшіе изъ Византіи митрополитъ и епископы, полагавшіе при этомъ и первыя основы церковнаго управленія. Лѣтописныя сказанія не раздѣляютъ между собою двухъ, послѣдовательныхъ моментовъ и особыхъ событій: съ одной стороны крещенія самого Владиміра и начальнаго за тѣмъ крещенія русскаго народа, съ другой—посольства Владиміра въ Царьградъ съ

¹⁾ Соф. врем. т. I. стр. 87—88. Никон. лѣт. т. I. стр. 104—105. П. С. Р. Л. т. I. стр. 179—207. т. IV. стр. 175.

просьбою прислать митрополита и епископовъ, и, вслѣдствіе сего, тѣже сказанія представляють эти событія или одновременными, или непосредственно слѣдовавшими другъ за другомъ. Исслѣдователь, имѣя въ виду эти сказанія и соображая ихъ съ обстоятельствами описываемыхъ ими событій, долженъ положить между этими событіями слѣдующій, промежуточный моментъ: существованіе въ Россіи прибывшаго изъ Корсуна вмѣстѣ съ Владиміромъ архіепископа, трудами и дѣятельностію котораго, при содѣйствіи „царьпинскихъ и корсунскихъ поповъ“, были положены начатки крещенія всего русскаго народа и утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ. Этотъ промежуточный моментъ, удостовѣряя, что русскіе, хотя при самомъ началѣ обращенія ихъ къ христіанской вѣрѣ при Владимірѣ, имѣли іерархію въ полномъ составѣ ея степеней, но не могли быть удовольствованы ею, объясняетъ, почему Владиміръ не тотчасъ послѣ своего крещенія обратился въ Царьградъ съ просьбою объ іерархіи, и почему эта іерархія явилась въ Россію въ значительномъ составѣ членовъ всѣхъ ея степеней. Тотъ же моментъ свидѣтельствуетъ, что Владиміръ, на правахъ побѣдителя, взялъ съ собою въ Корсунѣ все необходимое для первоначальнаго просвѣщенія своего народа, но не могъ удовольствоваться этимъ при дальнѣйшемъ распространеніи и устройствѣ русской церкви; поэтому онъ принужденъ былъ снова и уже мирнымъ путемъ войти въ сношенія съ родственною ему Византіею, чтобы поставить дальнѣйшее существованіе русской церкви на твердыхъ началахъ церковнаго внутренняго строя и виѣшняго управленія.

По сказанію лѣтописей ¹⁾ и другихъ источниковъ ²⁾, которые говорятъ о посольствѣ Владиміра въ Царьградъ съ просьбою прислать митрополита и епископовъ, прибывшіе въ Россію, вслѣдствіе этого посольства, іерархи были присланы отъ константинопольскаго патріарха Фотія, который, какъ извѣстно, жилъ и умеръ на цѣлое столѣтіе раньше крещенія

¹⁾ П. С. Р. Л. т. III. стр. 174. 207. Ник. лѣт. т. 1. стр. 91. 104. Соф. Врем. т. I. стр. 87. Ст. книга. стр. 134. гл. 33.

²⁾ Дополн. къ Ак. Истор. т. I. № I. Опис. рук. рум. муз. стр. 294. 324.

вел. князя Владиміра. Чтобы примирить этотъ анохронизмъ, одни ученые думаютъ понимать въ семъ случаѣ имя Фотія не въ смыслѣ собственнаго, а нарицательнаго имени для всего русскаго духовенства, существовавшаго и до крещенія Владиміра: „Фотій, говорятъ они, былъ утвердителемъ восточнаго православія противъ западной церкви, а съ симъ православіемъ приняты русскими крещеніе и церковный номоканонъ; въ то же время Фотій былъ первымъ основателемъ русской и болгарской церквей. По этому въ Греціи въ IX, X и XI вв. имя Фотія сдѣлалось какъ бы нарицательнымъ для означенія того духовенства, которое строго послѣдовало ему въ сопротивленіи притязаніямъ римскаго папы на независимость греческой церкви; это духовенство называлось отъ имени Фотія, какъ своего родоначальника, своего перваго представителя. Такимъ образомъ Фотій сдѣлался лицомъ типическимъ. Въ смыслѣ такого лица имя Фотія употреблено и въ нашихъ источникахъ. Въ этомъ случаѣ мысль та, что Владиміръ принялъ митрополита отъ греческаго духовенства, которое во всемъ послѣдовало Фотию и потому въ самой Греціи называлось фотіевскимъ“¹⁾. Другіе называютъ это мнѣніе совершенно произвольнымъ по слѣдующимъображеніямъ. При самомъ поверхностномъ чтеніи разсказа нашихъ лѣтописей о прибытіи къ намъ первыхъ митрополитовъ отъ патріарха Фотія легко убѣдиться, что имя Фотія они принимаютъ не какъ имя нарицательное, а какъ имя собственное; еслибы точно лѣтописцы принимали это имя за нарицательное и, употребляя его, хотѣли только сказать, что первые митрополиты прибыли въ Россію отъ патріарха православнаго; въ такомъ случаѣ имъ надлежало бы не первыхъ только „а и всѣхъ слѣдующихъ митрополитовъ считать присланными отъ того же патріарха Фотія,—чему, однакожь, видимъ противное. При томъ мысль о прибытіи къ намъ при св. Владимірѣ перваго митрополита отъ патріарха Фотія встрѣчается по нашимъ памятникамъ не въ

¹⁾ Евгений. Опис. Киев. соф. собор. въ прибавл. стр. 7—8. Неволянъ, Полян. собр. соч. т. VI, стр. 271 прим. 69. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. 1. стр. 76. прим. 124.

XI и даже не въ XII вѣкѣ, когда по означенному предположенію имя названнаго патріарха считалось на востокѣ какъ-бы нарицательнымъ для православныхъ пастырей, а въ первый разъ къ концу XIII вѣка и потомъ уже въ XV и XVI столѣтіяхъ“. Вслѣдствіе сего эти ученые сознаются, что имя Фотія внесено въ настоящемъ случаѣ въ наши лѣтописи по одной ошибкѣ безъ всякаго намѣренія. И ошибка эта самымъ незамѣтнымъ образомъ могла произойти отъ того, что кто нибудь по неосмотрительности смѣшалъ два крещенія россиянь, первое, бывшее во дни Аскольда и Дира (866 г.), когда точно присланъ къ намъ былъ епископъ, а можетъ быть и архіепископъ отъ константинопольскаго патріарха Фотія, и другое крещеніе, послѣдовавшее при Владимірѣ (988 г.), когда также присланъ къ намъ митрополитъ отъ константинопольскаго патріарха, только не Фотія. А довольно было допустить эту ошибку одному писателю XIII или XII вѣка, что бы потомъ повторида ее всѣ составители нашихъ лѣтописей послѣдующаго времени, переписывавшіе обыкновенно дѣликомъ прежнія извѣстія и не принимавшіе на себя труда повѣрять ихъ по другимъ источникамъ.¹⁾ При первомъ, безпристрастномъ взглядѣ на то и другое мнѣніе можно признать ихъ одинаково заслуживающими вѣроятія и правильными. Могло быть такъ, что составители нашихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, производящихъ первыхъ нашихъ іерарховъ отъ патріарха Фотія, не заботясь въ семъ случаѣ объ исторической истинѣ, но желая главнымъ образомъ выразить мысль о православіи русской церкви и ея іерархіи, намѣренно связывали первыхъ нашихъ іерарховъ съ именемъ патріарха Фотія, такъ много потрудившаго для всей восточной и въ частности для церкви славянскихъ народовъ. Извѣстно, что Фотій удержалъ болгарскую церковь при греческомъ православіи, вытѣснивъ изъ Болгаріи епископовъ папы. Вслѣдствіе сего въ Болгаріи съ того времени говорили: „наша вѣра—вѣра Фотіева, наше благочестіе—

¹⁾ Макарій, Истор. русск. церк. т. I. стр. 35—37.

благочестіе Фотіево“¹⁾. Подобно сему и наши источники гордились поставить имя Фотія, какъ утвердителя православія на востокъ и возстановителя его въ странѣ болгарской, заглавнымъ въ дѣлѣ основаніи у насъ іерархіи. И—это тѣмъ болѣе, что нашей іерархіи, съ самыхъ первыхъ дней основанія русской церкви, приходилось усиленно бороться съ притязаніями папства и противодѣйствовать вліянію латинянъ²⁾; поэтому естественно было связать первыхъ представителей русской іерархіи духовнымъ родствомъ съ первымъ защитникомъ православія противъ латинства—патріархомъ Фотіемъ. Допускаемая возможность подобной тенденціи, едва-ли можно отнести къ одной, ненамѣренной ошибкѣ, то, что наши лѣтописи и другіе источники связываютъ первыхъ нашихъ іерарховъ съ именемъ Фотія; напротивъ они гордились показать этимъ дѣятельное участіе названнаго іерарха въ просвѣщеніи какъ вообще славянъ, такъ и въ частности славянъ русскихъ, о которыхъ самъ Фотій въ свое время писалъ и отзывался, что они приняли „епископа и пастыря“. Но если разсматривать тоже обстоятельство съ точки зрѣнія исторической современности событій, то нельзя не признать въ этомъ ошибки, только не ненамѣренной; такъ какъ трудно допустить, чтобы составители лѣтописей и памятниковъ, въ которыхъ встрѣчается имя Фотія, какъ основателя русской іерархіи, не знали, что Фотій жилъ и скончался задолго до Владиміра. И при сознательности эта ошибка не могла и не можетъ вредить существу дѣла, именно

¹⁾ Филаретъ, Истор. русс. церк. т. I. стр. 76. прим. 124.

²⁾ Извѣстно, что еще митрополитъ Леонтій припужденъ былъ написать посланіе „объ опрѣсновахъ“, направленное противъ латинянъ (П. С. Р. Л. т. I. стр. 89). Это посланіе, написанное на греческомъ языкѣ, переведено во Временникѣ Моск. Истор. Общ. (кн. V. отд. 2. стр. 1—18). Содержаніе его у Макарія, Истор. русс. церк. т. I. стр. 140—150. Равнымъ образомъ у западныхъ лѣтописцевъ содержится извѣстія о посольствѣ вел. княгини Ольги (959 г.) къ нѣмецкому королю Оттону I. будто бы съ просьбою прислать епископовъ и священниковъ (Шлецеръ, Нестора, русс. лѣт. т. III. стр. 445—460. Макарій Ист. христ. въ Росс. до Владиміра стр. 254—260. Журн. Мин. Нар. Пров. ч. 187. стр. 149—151. 168—169). Эти и подобные факты показываютъ, что вліяніе латинства на русскую церковь обваружилось почти съ первыхъ дней ея существованія.

тому, что іерархія русской церкви имѣеть вполнѣ законное происхожденіе, будемъ ли первыхъ ея іерарховъ производить отъ патріарха Фотія, современника византійскихъ императоровъ Михаила Ш и Василя Македонянина, или отъ патріарха Николая Хрисоверга, современника—русскаго князя Владиміра—правившаго константинопольскою церковію съ 984—996 г. ¹⁾). Поэтому, быть можетъ, древніе составители нашихъ лѣтописей и другихъ актовъ, не дорожа въ настоящемъ случаѣ историческою правдою относительно современности упоминаемыхъ событий, преслѣдовали свою мысль, чтобы поставить имя знаменитѣйшаго патріарха заглавнымъ въ исторіи іерархіи русской церкви. Словомъ: какъ бы не явилось въ нашихъ лѣтописныхъ и другихъ сказаніяхъ имя Фотія, въ смыслѣ основателя русской іерархіи, это нисколько не колеблетъ сдѣланнаго нами заключенія, что іерархія русской церкви получила свое начало отъ іерархіи церкви константинопольской, которая посредственно связываетъ первую съ общимъ корнемъ іерархіи всей православно-каволической, восточной церкви.

Принятіе русскою церковію первыхъ іерарховъ отъ церкви константинопольской очевидно поставило первую въ ближайшія и непосредственныя отношенія къ послѣдней. Эти отношенія съ первыхъ дней основанія русской церкви выразились подчиненіемъ ея церкви константинопольской и зависимостью ея іерархіи отъ первоіерарха церкви константинопольской. Подобныя отношенія съ точки зрѣнія исторіи представляются совершенно необходимымъ слѣдствіемъ того, что изъ Византіи была принесена къ намъ св. вѣра, изъ Византіи пришла къ намъ и іерархія, отъ византійскаго первоіерарха начался рядъ нашихъ первостоятелей ²⁾). При такихъ условіяхъ образованія русской церкви было совершенно естественно продолжать союзъ и ближайшее общеніе съ церковію константинопольскою. Это говоримъ съ точки зрѣнія исторіи. Греческіе канонисты Зонара и Вальсамонъ, желая утвердить под-

¹⁾ Le-Quien, t. I. pag. 256—257. Макарій. Ист. русс. церк. т. I. стр. 36—37.

²⁾ Макарій, Ист. русс. церк. т. I. стр. 221—222.

чиненныя отношенія русской церкви къ константинопольскому іерарху на каноническомъ началѣ, основывали ихъ на 28 пр. халкидонскаго собора, которымъ было предоставлено патріарху константинопольскому, какъ мы видѣли, право поставлять не только митрополитовъ для трехъ діоцезовъ: ефесскаго, еракійскаго и понтійскаго, но и рукополагать епископовъ иноплемennыхъ народовъ, жившихъ на территоріи и вообще въ предѣлахъ означенныхъ діоцезовъ. Полагая россовъ въ числѣ иноплемennыхъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Чернаго моря, и относя эту часть территоріи къ еракійскому діоцезу, Зонара и Вальсамонъ на этомъ основаніи и русскую церковь подчиняли константинопольской и ея патріарху. Едва ли нужно доказывать, что подобное толкованіе 28 пр. IV всел. собора греческими канонистами и примѣненіе его силы къ русской церкви, возникшей долго спустя послѣ законоположенія означеннаго канона, есть произвольная тенденція греческихъ законовѣдцовъ, которые, къ слову будетъ замѣтить, не рѣдко толкуютъ церковные каноны подъ угломъ возрѣвнѣи и съ точки зрѣннѣи положенія вещей своего времени, а не подлинныхъ мотивовъ, вызвавшихъ эти каноны и ихъ опредѣленія. Невозможность на основаніи 28 халкидонскаго канона распространять власть константинопольскаго патріарха на русскую церковь уже ясна изъ того, что территорія этой церкви, при самомъ началѣ ея основанія, не принадлежала ни къ одному изъ діоцезовъ константинопольскаго патріархата и была церковію особой страны, особаго народа, особаго государства, вовсе не входившихъ въ составъ греческой имперіи. Вслѣдствіе сего, мы, не ища въ церковныхъ канонахъ того, о чемъ они не говорили и не могли говорить, зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха признаемъ явленіемъ, сложившимся въ силу историческихъ условій, а не на основаніи 28 халкидонскаго канона, учредившаго константинопольскій патріархатъ. Новооснованной церкви, при отсутствіи въ ней, на первыхъ порахъ, твердыхъ началъ устройства и порядка, а равно и при неимѣннѣи у себя необходимыхъ

средствъ для безопаснаго, дальнѣйшаго существованія, естественно было не противиться тому, чтобы утвержденіе христіанской вѣры и насажденіе въ ней церковныхъ порядковъ совершались при непосредственномъ и дѣятельномъ участіи церкви, уже испытанной въ ея православіи и притомъ знаменитѣйшей на всемъ востокѣ христіанскаго міра. Такимъ образомъ обстоятельства основанія и утвержденія христіанской церкви въ средѣ русскаго народа создали зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха въ особенности тѣмъ, что равноапостольный Владиміръ, не имѣя другихъ способовъ ввести и насадить церковный порядокъ въ своей странѣ, обратился къ непосредственному содѣйствію въ этомъ случаѣ церкви константинопольской и открылъ тѣмъ путь къ дальнѣйшему, широкому и многообъемлющему ея вліянію на церковь русскую. Само собою понятно, что не наша обязанность говорить какъ о вліяніи, которое имѣла Византія на складъ и образованіе русскаго государства, такъ и о вліяніи, которое константинопольская церковь оказывала на образованіе порядковъ и отношеній русской; мы должны и будемъ говорить только о власти константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію, частіе: о тѣхъ обнаруженіяхъ, въ которыхъ выражалась эта власть по отношенію къ русской церкви и ея существованію.

ГЛАВА VII.

Русская церковь, какъ митрополія константинопольскаго патріархата, и ея кафедра.

Зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха подчиняла первую управленію послѣдняго и для сего превращала ее въ одну изъ митрополій константинопольскаго патріархата. Византійскіе памятники даютъ поводъ начало основанія русской митрополіи, какъ составной части константинопольскаго патріархата, относить къ IX вѣку. Въ постановленіи императора Льва философа (886—911 г.), современника русскаго князя Олега (874—912 г.), о порядкѣ церковныхъ престоловъ, подлежащихъ константинопольскому патріарху, упоминается уже русская митрополія, поставленная на 61 мѣстѣ ¹⁾. То обстоятельство, что эта митрополія упоминается не во всѣхъ спискахъ названнаго постановленія, а равно и то, что въ другихъ и при томъ древнихъ спискахъ митрополій константинопольскаго патріархата, числомъ отъ 33 до 65, не встрѣчается имени русской митрополіи ²⁾, даетъ основаніе къ несправедливому заключенію, что она внесена въ нѣкоторые списки постановленія Льва мудраго въ послѣдующее время ³⁾. Отечественныя свѣденія также не позволяютъ думать, чтобы въ княженіе Олега число и положеніе христіанъ были

¹⁾ Leuclavii, Jus Graeco-Rom. t. I. pag. 88—102. Σύστασις. t. V. pag. 474.

²⁾ De cerem. Aylae Byz. t. I. lib. 2. cap. 54. pag. 792—798. Beveregius, Σύνοδικον, sive Pandectae t. II. Annotat. pag. 135. Allatius. De eccles. occident. et orient. conses. lib. I. cap. 24. pag. 411—412. Codini, de offic. curiae et eccles. constant. pag. 326. 343. 346. edit. Venet.

³⁾ Прибав. къ твор. Св. отцевъ кн. IX. стр. 132—146. ст. „О митрополіи русс. въ концѣ IX в.“ Макарій, Истор. христ. до Влад. стр. 239—240.

таковы, что они могли образовать особую епархію въ составѣ митрополій константинопольскаго патріархата. Вслѣдствіе сего представляется безошибочнѣе начало основанія русской митрополіи отнести ко времени равноапостольнаго Владиміра, къ началу дѣйствительнаго основанія и утвержденія христіанской церкви въ русскомъ государствѣ. Впрочемъ, принимая и это заключеніе, мы должны пояснить, что и по основаніи русской церкви опредѣленное названіе русской митрополіи встрѣчается только въ позднѣйшихъ спискахъ митрополій константинопольскаго патріархата ¹⁾.

Обращаясь далѣе къ отечественнымъ сказаніямъ, находимъ, что Несторъ не говоритъ о русскихъ митрополитахъ до времени Ярослава и въ первый разъ упоминаетъ о митрополитѣ Теопемптѣ, когда подъ 1039 годомъ рассказываетъ объ освященіи Десятинной церкви, перестроенной Ярославомъ ²⁾. Изъ другихъ лѣтописей и памятниковъ исторіи, одни, упоминая о русскихъ митрополитахъ: Михаилѣ (988—992 г.), Леонтіи (992—1008 г.) и Іоаннѣ (1008—1035 г.), бывшихъ до Теопемпта (1035—1647 г.), въ тоже время свидѣтельствуетъ, что „Ярославъ митрополію устави“ ³⁾; другіе, подобно Нестору, начинаютъ рядъ русскихъ митрополитовъ съ Теопемпта ⁴⁾, а нѣкоторые утвердительно говорятъ, что въ 988 г. при Владимірѣ „крестися вся русская земля и поставиша митрополита въ Кіевѣ“ ⁵⁾. Въ ряду этихъ разнорѣчивыхъ по-

¹⁾ Migne, t. CXXXII. pag. 1105—1109. Здѣсь помѣщенъ списокъ митрополій, который Ниломъ Доксопатромъ былъ составленъ для Рожера, короля сицилійскаго (1143.) Въ этомъ списокѣ показано 65 митрополій, изъ коихъ первыя 42 вчислены совершенно согласно съ порядкомъ митрополій постановленія Льва Мудраго, остальные же разнятся, но между ними не поименовано русской митрополіи. Между тѣмъ въ изданномъ Гоаромъ съ именемъ Льва Мудраго списокѣ находятся не одна, а двѣ русскія митрополіи т. е. кіевская и галицкая въ малой Россіи съ особыми епископіями. (Σύστασις. t. V. pag. 486.

²⁾ Лѣт. по Лавр. списк. стр. 150. по Ипат. 108.

³⁾ Никон. лѣт. I. стр. 103. 105. 112. 134. Соф. врем. I. 88. 153.

⁴⁾ Новгород. лѣт. напеч. въ продолж. Древн. рос. вивліое. II. 316. Синод. Новгород. соф. собор. въ Опис. рук. рум. музеум. стр. 572.

⁵⁾ П. С. Р. Л. т. IV. стр. 175.

казаній не подлежащимъ сомнѣнію нашими историками принимается то, что митрополиты явились у насъ при равноапостольномъ Владимірѣ, съ самаго основанія отечественной церкви. Этотъ выводъ съ рѣшительностію подтверждается свидѣтельствами какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ писателей разнаго времени. Что касается выраженія нѣкоторыхъ лѣтописей „Ярославъ митрополію устави“, оно объясняется историками не въ томъ смыслѣ, что будто бы Ярославъ основалъ въ русской церкви митрополію, прежде не существовавшую, а въ томъ, что Ярославъ устроилъ только каедральную церковь Св. Софіи въ Кіевѣ и при ней митрополичій домъ ¹⁾. Такое пониманіе настоящаго предмета, не противорѣча историческимъ указаніямъ, преимуществуетъ предъ тѣмъ мнѣніемъ, которое допускаетъ, что умноженіе епископскихъ каедръ при Ярославі потребовало установленія главной между ними или митрополичей каедры, и что Ярославъ положилъ начало русской митрополіи вмѣстѣ съ основаніемъ св. Софіи, первымъ митрополитомъ которой является Теоцемптъ, освятившій въ 1039 г. Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославомъ ²⁾. Это мнѣніе, оказываясь невѣрнымъ исторически, представляется невозможнымъ и съ канонической точки зрѣнія. Въ первомъ случаѣ о несомнѣнномъ существованіи въ Россіи митрополитовъ до Теоцемпта свидѣлствуютъ историческіе памятники и, между прочимъ, самъ Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба ясно говоритъ о митрополитѣ Іоаннѣ. Въ послѣднемъ, т. е. съ канонической точки зрѣнія нельзя признать одно княжеское распоряженіе достаточнымъ для того, чтобы извѣстная епископская каедра не только была объявлена главной, но и въ дѣйствительности получила преимущества митрополіи надъ всѣми прочими. Особенно это невозможно допустить по отношенію къ новооснованной русской церкви, какъ въ виду той связи, въ которой она находилась съ церковію константинопольскою, такъ и—

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церкв. т. I. стр. 18—19. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. I. стр. 158. 161.

²⁾ Костомаровъ, Русс. исторія въ жвзнеоп. ея гл. дѣят. Вып. I, стр. 19.

того самостоятельнаго значенія, которымъ съ самаго начала существованія русской церкви стали пользоваться русскіе епископы относительно государственной власти. Гораздо послѣдовательнѣе дѣятельность Ярослава въ этомъ отношеніи объяснить такъ, что онъ уже существовавшую русскую митрополию обновилъ, устроивъ для митрополитовъ кафедральный храмъ и помещеніе въ Кіевѣ; такъ какъ они до того времени жили въ Переяславлѣ.

Одни изъ нашихъ историковъ утверждаютъ, что русская митрополія была учреждена на правахъ митрополіи-эксзархин; отдаленность же ея отъ Царьграда и независимое политическое бытіе Россіи заставили предоставить русскому митрополиту даже большія преимущества, чѣмъ тѣ, которыми пользовались эксзархи въ Греціи. вмѣстѣ съ этимъ тѣ же историки прибавляютъ, что митрополитъ русскій не только не былъ подчиненъ ни одному изъ эксзарховъ Греціи, т. е. митрополитамъ ираклійскому во Фракіи, каппадокійскому въ Понтѣ и ефесскому въ Азіи, но въ дѣйствительности былъ эксзархомъ, хотя неизвѣстно носилъ ли онъ это имя до нашествія монголовъ¹⁾. Другіе—напротивъ называютъ это мнѣніе совершенно произвольною мыслію на томъ основаніи, что три названные эксзарха, дѣйствительно имѣвшіе до халкидонскаго собора нѣкоторую власть въ своихъ областяхъ даже по отношенію къ митрополитамъ, во время основанія русской церкви сохраняли только преимущества чести, а не власти, такъ что какъ всѣ вообще греческіе митрополиты, такъ и въ частности сами эксзархи были подчинены непосредственно константинопольскому патриарху и его синоду... Русская митрополія не могла имѣть въ этомъ отношеніи никакого преимущества предъ прочими²⁾.

Чтобы принять то, или другое мнѣніе необходимо взвѣсить ихъ основанія. Само собою понятно, что какъ не подчиненность русскаго митрополита какому либо изъ трехъ названныхъ эксзарховъ не даетъ права на этомъ основаніи признать

¹⁾ Филаретъ, Истор. русск. церкв. т. I. стр. 175—176. и прим. 292.

²⁾ Макарій, Истор. русск. церк. т. II. стр. 253 и 366. прим. 572.

и его самого экзархомъ; такъ наоборотъ подчиненность названныхъ экзарховъ константинопольскому патриаршему престолу не исключала возможности, въ уваженіе политической независимости Россіи, предоставить митрополиту послѣдней автономныя права. Дѣйствительно, если и русскіе митрополиты до монгольскаго періода получали свое избраніе и поставленіе въ Константинополь, на ряду съ другими митрополитами константинопольскаго патриархата; то положеніе и зависимость первыхъ замѣтно были отличны отъ положенія и зависимости послѣднихъ въ томъ отношеніи, что русскіе митрополиты были предстоятелями церкви особаго народа, не входившаго въ предѣлы греческой имперіи, и находились подъ властію другаго правительства, независимаго отъ правительства Византіи, которому былъ подчиненъ патриархъ. Этимъ различіемъ и объясняются какъ то явленіе, что русскіе митрополиты, при зависимости отъ константинопольскаго патриарха, сознавали себя болѣе самостоятельными, чѣмъ всѣ другіе митрополиты константинопольскаго патриархата, въ управленіи своею митрополіею; такъ и то, что самое избраніе и поставленіе русскихъ митрополитовъ совершалось иногда соборомъ русскихъ святителей безъ участія константинопольскаго патриарха. Эти явленія, заставляя признать исключительное положеніе за русскими митрополитами сравнительно съ другими—константинопольскаго патриархата, не позволяютъ однако называть русскихъ митрополитовъ извѣстнаго періода митрополитами—экзархами русской церкви. Отличительнымъ признакомъ митрополитовъ — экзарховъ на востокѣ и выѣстѣ соотвѣтствовавшихъ имъ — приматовъ на западѣ христіанской церкви было то, что тѣ и другіе, не состоя въ подчиненіи какому либо другому митрополиту и даже патриарху, пользовались самостоятельнымъ управленіемъ подвѣдомственныхъ имъ предѣловъ, или церквей. На основаніи этой самостоятельности какъ сами они избирались и поставлялись соборомъ подчиненныхъ имъ епископовъ, такъ и подчиненные имъ епископы избирались и рукополагались ими самими при участіи другихъ епископовъ округа, или

области. Таковыми митрополитами — экзархами, коиъ права были утверждены еще никейскимъ (6 пр.) и константинопольскимъ (2 пр.) соборами, на востокъ были: митрополиты Александрии, Антиохіи, Ефеса, Кесаріи и Каппадокіи, изъ коиъ первые два, при дальнѣйшемъ развитіи системы церковнаго управленія, получили титулъ и права патріарховъ; послѣдніе наоборотъ, сохранивъ только свое званіе экзарховъ, были подчинены константинопольскому патріарху, къ которому перешли и принадлежавшія имъ право рукоположенія митрополитовъ въ подчиненныхъ областяхъ и право высшаго суда въ подчиненныхъ діоцезахъ ¹⁾. Таковыми же митрополитами—экзархами и вмѣстѣ автокефальными архіепископами на востокъ были: митрополитъ Констанціи на островѣ Кипрѣ, котораго усиливался подчинить своей власти іерархъ антиохійскій на томъ основаніи, что островъ Кипръ по гражданскому раздѣленію имперіи принадлежалъ къ восточному діоцезу, но котораго самостоятельность утвердилъ соборъ ефесскій (431 г.) и затѣмъ трульскій (692 г.) ²⁾, и митрополитъ первой Юстиніанеи, возведенный въ это достоинство императоромъ Юстиніаномъ, который изъ уваженія къ этому городу, какъ мѣсту своего рожденія, почтилъ его архіепископа особыми преимуществами ³⁾. Этими митрополитамъ—экзархамъ и автокефаламъ на востокъ соотвѣтствовали пользовавшіеся также самостоятельностью и независимостью въ управленіи подвѣдомыхъ имъ церквей на западѣ: епископъ Рима, какъ прimateъ запада, епископъ Карфагена, какъ прimateъ Африки, епископъ Θεσσαλονικіи, какъ экзархъ и прimateъ Македоніи ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что русскій митрополитъ не можетъ быть сравняемъ ни съ однимъ изъ перечисленныхъ экзарховъ, или приматовъ въ то время,

¹⁾ См. выше стр. 11—26.

²⁾ III всел. пр. 8. VI всел. 39. Σύνταγμα. t. II. pag. 203—206. 395—397. Опыт. курс. церк. законов. т. II. стр. 253—255. 407—408.

³⁾ Justin. novel. 11. 131. Photii, Nomoc. tit. I. с.р. 5. Σύνταγμα. t. I. pag. 42—45. Эти права призналъ за нимъ и трульскій соборъ пр. 39.

⁴⁾ Hinschius, System. d. Kirchenrechts. t. I. pag. 576. § 75. Phillips, Kirchenrecht. t. II. pag. 65. § 72.

когда онъ, хотя пользовался правомъ рукоположенія подчиненныхъ ему епископовъ, но самъ какъ получалъ хиротонію отъ патріарха константинопольскаго, безъ участія епископовъ русской церкви, такъ и находился въ зависимости отъ константинопольскаго престола. Положеніе и преимущества восточныхъ экзарховъ и западныхъ приматовъ русской митрополитъ получилъ лишь въ то время, когда константинопольскій и прочіе патріархи, принявъ во вниманіе бѣдственное положеніе своихъ церквей подъ властію турокъ и затруднительность для русскихъ посѣщать Константинополь по дѣламъ церковнымъ, предоставили русскимъ митрополитамъ особою грамотою право, не путешествуя въ Царьградъ, получать хиротонію въ Россіи отъ собора мѣстныхъ епископовъ. Чтò съ приобрѣтеніемъ этого права русской митрополитъ дѣйствительно возвысился надъ прочими митрополитами не только константинопольскаго, но и другихъ патріархатовъ, подтвержденіемъ и слѣдствіемъ этого возвышенія служить то, что восточные патріархи признали нужнымъ въ своей грамотѣ узаконить, чтобы русской митрополитъ считался выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занималъ въ іерархіи восточной церкви мѣсто послѣ іерусалимскаго патріарха ¹⁾.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, на какихъ правахъ была учреждена русская митрополія, правильно долженъ быть разрѣшенъ такъ: русская митрополія первоначально не имѣла никакихъ правъ митрополіи - экзархіи; но митрополитъ ея, какъ предстоятель церкви особаго народа и правительства, пользовался бѣльшею самостоятельностью въ управленіи дѣлами подвѣдомственной ему церкви, сравнительно съ прочими митрополитами константинопольскаго престола; дѣйствительныя права митрополіи — экзархіи русская митрополія получила вмѣстѣ съ самостоятельностью и независимостію русской церкви отъ константинопольскаго престола и съ возвышеніемъ русскаго митрополита надъ всѣми

¹⁾ Допол. къ А. И. т. I. № 76. стр. 189. Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи.

прочими митрополитами константинопольскаго и другихъ восточныхъ патріархатовъ.

Русская церковь, какъ епархія константинопольскаго патріархата, должна была оставаться единою и нераздѣльною на томъ общепринятомъ, каноническомъ основаніи, по которому не допускалось быть какъ въ одной епархіи двумъ епископамъ, такъ въ одной области двумъ митрополитамъ ¹⁾. Вслѣдствіе сего русскіе митрополиты были и назывались митрополитами всей Россіи, и власть ихъ одинаково простиралась на всѣ предѣлы и епархіи русской церкви. Подобная нераздѣльность русской церкви, соотвѣтствуя нераздѣльности русскаго государства и входившаго въ составъ его народа, имѣла свои выгодныя въ церковномъ и политическомъ отношеніи послѣдствія и была ограждаема со стороны константинопольскаго патріарха и его синода. Патріаршій константинопольскій синодъ 1389 г. такъ объяснилъ причины и цѣль этого. „Вся русская епархія, сказано тамъ, съ самаго начала опредѣлена пастись и управляться однимъ митрополитомъ, именно съ того времени, какъ русскіе удостоились носить имя Христово и подчинились великой Христовой, каѳолической и апостольской церкви. Не просто, какъ бы иной сказалъ, и случайно установили оные божественные отцы то, чтобы многолюдный оный народъ и тмочисленный, а можно сказать и безчисленный имѣлъ одного только предстоятеля и всеобщаго (καθολικόν) учителя, но въ виду того, что большая страна (ἐνὸρτα), занимаемая Россією, раздѣлена на многія и различныя мірскія области (ἀρχαί) и настолько же княжествъ (πολιτείας), которыя имѣютъ многихъ князей, а еще больше намѣстниковъ, и тѣхъ—раздѣленными не менѣе въ намѣреніяхъ, сколько въ дѣйствіяхъ и самыхъ мѣстностяхъ, такъ что многіе даже противодѣйствуютъ другъ другу, нападаютъ другъ на друга и покушаются на раздоры, мятежи и междуусобія. Божественные оные мужи, провидѣвъ это божественнымъ духомъ, и, будучи истинными уче-

¹⁾ I всел. пр. 8. IV всел. 10. 12. Photii, Nomoc. tit. 1. cap. 20.

никами миротворца Христа, вмѣнили себѣ въ обязанность учить всѣхъ любви, миру, взаимному единенію и согласію, не на словахъ только, а на дѣлѣ; соединивъ съ божественною мудростію и человѣческой опытъ (γῶσις), они убѣдились, что не на добро и не къ пользѣ послужить раздѣленіе духовнаго начальствованія на многія (части), но что одинъ митрополитъ будетъ какъ бы нѣкоторымъ союзомъ и связію однихъ съ другими, учредили одну духовную, такъ какъ не было возможности сдѣлать единою (εἰς ἓν ἀρχιεῖν) мірскую власть. Благое распоряженіе въ томъ отношеніи, что при подчиненіи одному предстоятелю и руководителю, при почтеніи къ одной главѣ, поставленной во образъ единой, великой главы Христа, которымъ, по словамъ апостола, всякое тѣло церковное слагается и составляется и держится на единствѣ вѣры, они станутъ искать мира и сами съ собою, и другъ съ другомъ¹⁾ Не имѣя надобности доискиваться другихъ причинъ и приводить собственные соображенія, по которымъ константинопольскіе патріархи могли желать и стремиться къ тому, чтобы вся русская церковь, разсѣянная на такомъ обширномъ пространствѣ, находилась подъ властію одного митрополита и составляла одну митрополию, замѣтимъ, что тѣ же патріархи позволяли себѣ и уклоненія отъ этой мысли, поставляя одновременно иногда двухъ и даже трехъ митрополитовъ, вслѣдствіе чего русская церковь раздѣлялась на нѣсколько митрополій съ неизбѣжнымъ измѣненіемъ ихъ предѣловъ.

Первая, неудавшаяся и отклоненная константинопольскимъ патріархомъ въ этомъ родѣ, попытка принадлежитъ суздальскому князю Андрею Боголюбскому. Оставшись недоволенъ рѣшеніемъ тогдашняго кievскаго митрополита Теодора по дѣлу обвиненнаго имъ, ростовскаго епископа Нестора, и желая освободить свой удѣлъ отъ его власти и вмѣстѣ возвысить свой новопрестольный городъ Владиміръ въ церковномъ отношеніи,

¹⁾ Act. Patr. Const. t. II. pag. 116—117. Помѣщенное здѣсь синодальное дѣяніе въ русскомъ переводѣ напечатано въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣденій, относящихся до Россіи“ изд. Н. Калач. кн. III. Отд. II. стр. 7—18.

Андрей Боголюбскій, по совѣту съ своими боярами, отправилъ въ Царьградъ посла, Якова Станиславича, къ константинопольскому патріарху, Лукѣ Хрисовергу, съ просьбою отдѣлить Владиміръ отъ ростовской епархіи и учредить въ немъ каѳедру особой митрополіи. Патріархъ не уважилъ ходатайства Боголюбскаго и отвѣчалъ ему отказомъ на томъ основаніи, что устроенный и украшенный имъ Владиміръ искони былъ въ ростовской области и принадлежалъ къ его княженію, а священныя правила запрещаютъ разрушать и измѣнять предѣлы и отношенія митрополій и епископій. При этомъ, внушалъ патріархъ, въ Россіи есть митрополитъ, который поставляется и посылается отъ св. и великія церкви.

Послѣдующую, также неудавшуюся, попытку къ раздѣленію русской митрополіи, а правильнѣе къ отдѣленію отъ кievской митрополіи юго-западной Руси предпринялъ волинскій князь Георгій Львовичъ, который, по сказанію Степенной книги, „совѣщаетъ совѣтъ неблагъ, восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити, извѣтомъ творяся Геронтіева высоко-

¹⁾ Патріархъ именно писалъ Боголюбскому: „не хочещи его, т. е. города Владиміра, быти по правдамъ епископіи ростовскія и суздальскія, но обновити его митрополію и поставити въ немъ митрополита, да еже.. отыяти таковый градъ отъ правды и истаны епископіи ростовскія и быти ему митрополію, не мощно есть. Да вѣдомо буди благородію твоему... яко ни иныя страны, ни области таковый градъ есть, не убо ново зашелъ есть и ныне приложенъ къ твоему княженію, но тоя же земля и области есть ростовскія и суздальскія, въ ней же правды твои и отецъ твой былъ, и ты самъ обладаеша ею нынѣ, въ ней же едина епископія была издавна и единъ епископъ во всей земли той ставимъ. Иже по временамъ преосвященнымъ митрополитомъ кievскимъ и всея Русіи, той же есть самъ митрополитъ отъ насъ святыя и великія церкви ставимъ, и посылаемъ туда на священныя и божественныя столы митрополскій въ Кіевъ и на всю Русь, и той тамо избираетъ и ставитъ подъ нимъ сущихъ епископовъ по священнымъ и божественнымъ правиламъ и уставамъ и судятъ и управляетъ всѣхъ, иже подъ нимъ сущихъ, а сиче отыяти и претворити того не можемъ, зане совопротитася и препиратася со священными правилами есть: повеже убо священныя и божественныя правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ коя же митрополіи и епископы цѣло и непоколебимо и нерушимо свои оправданія держати повелѣли, и никто же отъ святыхъ можетъ божественныхъ и священныхъ преступити правилъ, аще не страненъ и чуждъ отъ Бога хотеть быти“ (Ник. дѣт. т. II. стр. 181—182. Макарій, Истор. русс. церк. т. III. стр. 25. прим. 33. прил. стр. 298—290. Татащевъ, Истор. Росс. т. III. стр. 199).

умія не хотя“. Съ этою цѣлю „нападаетъ на Петра словесы, подниѣщая его ко Царюграду“ ¹⁾. Отсюда видно, что волыньскій князь Георгій возимѣлъ подобную мысль вслѣдствіе того, что не хотѣлъ видѣть свою область подъ властію высококомѣрнаго Геронтія, который, по смерти митрополита Максима (1305 г.), искалъ сдѣлаться митрополитомъ рускимъ и отправился въ Царьградъ просить рукоположенія. Тогдашній константинопольскій патріархъ Аванасій, отвергнувъ Геронтія, рукоположилъ Петра, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи. Такимъ образомъ мысль волыньскаго князя осуществилась, но только въ половину: избранный имъ кандидатъ сдѣлался митрополитомъ въ противность искательству Геронтія, но галицкая епископія не была „претворена“ въ митрополию.

Неудавшаяся попытка волыньскаго князя основать для своего княжества особую отъ кievской митрополию не осталась безъ подражанія, и выразившаяся въ расказанномъ фактѣ мысль не умерла въ средѣ галицкихъ князей. Къ сожалѣнію, ни южные, ни западные, ни вообще рускіе памятники не говорятъ о томъ, когда именно послѣдовало учрежденіе этой митрополи, кто изъ жившихъ тогда галицкихъ князей и епископовъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ событіи. Нѣкоторыя, отрывочныя свѣденія о возникновеніи этой митрополи, а равно и объ уничтоженіи ея заключаются въ греческихъ источникахъ, именно въ письмахъ греческаго императора Іоанна Кантакузена къ русскому вел. князю Симеону Гордому, къ русскому митрополиту Теогносту и къ галицкому князю Димигрію Любарту, а также въ синодальномъ дѣяніи, содержащемъ указъ названнаго императора, объ уничтоженіи галицкой митрополи и о подчиненіи всѣхъ епархій малой Россіи по прежнему кievскому митрополиту. Въ свѣденіяхъ этихъ источниковъ повторяется одна и та же мысль, что учрежденіе галицкой митрополи послѣдовало вопреки существовавшимъ обычаямъ и каноническимъ по-

¹⁾ Степ. книг. 1. стр. 414.

становленіямъ во время бывшихъ смуть и неуройствъ на константинопольскомъ престолѣ, которыми воспользовался галицкій архіерей для своей цѣли, чтобы сдѣлать галицкую епископію митрополіею. Въ письмѣ къ галицкому князю, Дмитрію Любарту, императоръ такъ описываетъ обстоятельства этого событія: „ты знаешь, писалъ императоръ, что съ того времени, какъ русскій народъ принялъ боговѣденіе и просвѣтился святымъ крещеніемъ, у насъ было принято обычаемъ и постановлено закономъ, чтобы во всей какъ въ великой, такъ и въ малой Россіи былъ одинъ митрополитъ кievскій и рукополагалъ епископовъ для всѣхъ святѣйшихъ епископій, такъ что если бы нѣкоторые когда либо покусились нарушить этотъ порядокъ, они были бы не въ состояніи привести къ окончанію свое намѣреніе; потому что какъ скоро обнаруживалось покушеніе, такъ скоро опять были возстаиваемы прежній порядокъ и существовавшій обычай. Между тѣмъ, нѣсколько времени назадъ, пришель сюда галицкій архіерей, который долженъ былъ отдать отвѣтъ святѣйшему митрополиту кievскому, предпочтенному экзарху всея Россіи, Θεогносту, во возведенныхъ на него обвиненіяхъ. Найдя бывшее время смуть благоприятнымъ для своихъ цѣлей, онъ явился къ корыстолюбивому, константинопольскому патріарху, учинившему по злонамѣренности много незаконнаго и противнаго божественнымъ и священнымъ канонамъ, и былъ возведенъ имъ изъ епископовъ въ митрополиты, получивъ въ свое управленіе находящіяся тамъ въ малой Россіи, другія святѣйшія епископіи“ ¹⁾. Открытіе при такихъ обстоятельствахъ галицкой митрополіи съ присоединеніемъ къ ней подвѣдомственныхъ прежде кievскому митрополиту епархій, очевидно, огорчило послѣдняго, тѣмъ болѣе, что новый, галицкій митрополитъ былъ однимъ изъ подчиненныхъ кievскому митрополиту епископовъ, виновный въ разныхъ преступленіяхъ и укрывшійся отъ законнаго суда своего митрополита. Вслѣдствіе сего, какъ русскій митрополитъ Θεогность, такъ и мос-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 265.

ковскій вел. князь Симеонъ Иоанновичъ обратились (1346 г.) въ Константинополь къ императору и патриарху съ жалобами. Императоръ благосклонно принялъ посольство московскаго князя и русскаго митрополита и въ свою очередь извѣстилъ того и другаго особыми письмами о томъ, что бывшій константинопольскій патриархъ низведенъ съ престола, и его мѣсто заступилъ достойный человекъ, доброй и безукоризненной жизни, что нарушенный было порядокъ снова возстановленъ и дѣла приняли законное теченіе, что вмѣстѣ съ этимъ не только уничтожено распоряженіе объ открытіи галицкой митрополіи, съ подчиненіемъ находящихся въ малой Россіи епархій по прежнему кievскому митрополиту, но и самому галицкому митрополиту приказано явиться на судъ къ отвѣту въ заявленныхъ противъ него обвиненіяхъ. Извѣщая объ этомъ князя и митрополита, императоръ приглашалъ послѣдняго, если онъ найдетъ возможнымъ и удобнымъ, придти въ Константинополь, чтобы „принять участіе въ изслѣдованіи и судѣ по обвиненіямъ на галицкаго митрополита; если же онъ признаетъ это затруднительнымъ для себя, то прислать бы своихъ уполномоченныхъ съ грамотою къ патриарху и его синоду и изложилъ бы въ ней свои обвиненія противъ галицкаго митрополита“²⁾. Одновременно съ письмами къ названнымъ лицамъ императоръ писалъ и галицкому кн. Дмитрію Любарту, котораго просилъ посодѣйствовать изгнанію галицкаго архіерея и позаботиться о томъ, чтобы тотъ явился въ Константинополь, а священнѣйшаго кievскаго митрополита по прежнему призналъ своимъ законнымъ митрополитомъ, съ подчиненіемъ ему мѣстныхъ епархій и ихъ епископовъ³⁾. Распоряженія, о которыхъ говорилъ императоръ въ своихъ письмахъ, содержались въ изданномъ

¹⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 186. Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 25—26. Le Quien, Oriens. Christ. t. I. pag. 297—301.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 261—265. При письмѣ къ князю императоръ прислалъ ему крестъ съ частями честнаго и животворящаго древа, в святыхъ мощей мучениковъ: св. Теодора стратилата, св. Проконія, св. Киріака и св. Іоанна мѣлостиваго.

³⁾ Ibid. pag. 265—266.

имъ указѣ, которымъ учрежденіе галицкой митрополіи было объявлено дѣломъ незаконнымъ и противнымъ канонамъ, и возстановленъ на все послѣдующее время прежній порядокъ подчиненія епархій малой Россіи кievскому митрополиту ¹⁾. Указъ

¹⁾ Приводимъ этотъ указъ, въ которомъ все дѣло объяснялось такимъ образомъ: „Какъ святѣйшія епископія, находящаяся въ мѣстности малой Россіи, называемой Волиныю: галицкая, владимірская, холмская, перемышльская, лудская и туровская, такъ и святѣйшія епископіи великой Россіи, со времени принятія русскимъ народомъ по благодати Христовой боговъѣденія, принадлежали къ святѣйшей митрополіи кievской, которою въ совершенствѣ управляетъ нынѣшній, священнѣйшій митрополитъ, преподчтенный и экзархъ всея Россіи, киръ Θεοσιότης. Въ недавно же бывшее время смутъ, коимъ воспользовавшись, какъ правителя дѣлъ государства, такъ и въ особенности недостойный (παρά εἰχος) предстоятель церкви, заботившіея только объ исполненіи своихъ корыстныхъ дѣлей и ради нихъ приведшіе положеніе общественныхъ и церковныхъ дѣлъ въ безпорядокъ и почти все разстроившіе и причинившіе христіанамъ всякій и многообразный, духовный и тѣлесный, вредъ и озлобленіе, учинили вмѣстѣ съ этимъ нововведеніе, отдѣливъ отъ дѣйствительно святѣйшей митрополіи кievской поименованныя епархіи малой Россіи и, подчинивъ ихъ подъ власть галицкаго архіерея, возвели его въ епископовъ въ митрополиты. Такой митрополитъ въ дѣйствительности былъ нарушителемъ издревле узаконенныхъ обычаевъ для всей русской страны и произвелъ тяжелое и тягостное впечатлѣніе на всѣхъ тамошнихъ христіанъ, которые не хотѣли быть паствою двухъ митрополитовъ, но желаютъ, чтобы оставался непоколебимымъ и неизмѣннымъ издревле имѣвшій силу, упомянутый обычай, и изыскиваютъ всѣ мѣры къ уничтоженію такого нововведенія, подобно тому, какъ и въ другія времена, когда подобное нововведеніе угрожало явиться, оно было разрушаемо и отвергаемо вмѣстѣ съ событіемъ тамошними христіанами, не терпѣвшими, какъ сказано, отъѣны прежняго ихъ обычая. Объ этомъ дѣлѣ подробно писалъ митъ благороднѣйшій, великій князь русскій и возжеланный братъ мой Симеонъ и убѣдительнѣйше какъ онъ, такъ и другіе, тамошніе князья просили о томъ, чтобы мовъ указомъ названныя епископіи снова были подчинены подъ власть святѣйшей митрополіи кievской, какъ было прежде. Призвавъ такую просьбу ихъ нравальною и закононою, мы съ одной стороны въ виду упомянутого и искои до сихъ поръ сохранявшаго силу обычая, съ другой—въ вниманіи къ добродѣтелямъ и богоугодному образу жизни священнѣйшаго митрополита кievскаго, преподчтеннаго и экзарха всей Россіи, соизволили дать настоящій нашъ указъ, коимъ повелѣваемъ и определяемъ снова подчинять упомянутой, святѣйшей, кievской митрополіи находящаяся въ поименованной, малой Россіи святѣйшія епископія: галицкую, владимірскую, холмскую, перемышльскую, лудскую и туровскую, которыя незаконно (παρά εἰχος) были отданы галицкому митрополиту, какъ объяснено въ упомянутое время смутъ, съ тѣмъ, чтобы священноначальствующій въ оной святѣйшей митрополіи совершалъ въ тѣхъ епископіяхъ все то, что священныя и божественныя каноны повелѣваютъ митрополитамъ совершать въ подвѣдомственныхъ имъ

этотъ былъ одобренъ патріаршимъ синодомъ, который и съ своей стороны постановилъ, чтобы епархіи малой Россіи снова и навсегда были подчинены кievскому митрополиту, и такой порядокъ, какъ древній, законный и вполне правильный, долженъ удерживать свою силу безъ измѣненія при послѣдующихъ святѣйшихъ патріархахъ; сверхъ сего синодъ разрѣшилъ и ту, какъ незаконно наложенную, клятву (*θεσμὸν*) на епископовъ и другія лица, которые отказались повиноваться галицкому митрополиту ¹⁾).

епархіяхъ, и что совершали бывшіе въ нихъ прежде митрополиты и самъ упомянутый, священнѣйшій митрополитъ кievскій: рукополагалъ и поставлялъ въ нихъ епископовъ и, если будетъ нужно, производилъ надъ нами судъ и изслѣдованіе по церковнымъ жалобамъ и дѣлалъ все прочее, что божественными и священными канонами опредѣлено; боголюбивѣйшіе же епископы тѣхъ святѣйшихъ епископій должны имѣть къ нему, священнѣйшему митрополиту кievскому, препочтенному и экзарху всея Россіи, киръ Θεογονου и имѣющимъ послѣ него со временемъ священноначальствовать въ этой митрополіи надлежащее повиновеніе какъ къ первому ихъ архіерею и слушаться его въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ станетъ говорить и внушать имъ полезное для преслѣванія тамошнихъ христіанъ и другаго церковнаго и политическаго порядка и благоустройства. И такъ, по силѣ и на основаніи настоящаго нашего царскаго указа, поименованныя святѣйшія епископіи малой Россіи должны на послѣдующее время поступить подъ власть упомянутой, святѣйшей митрополіи и священноначальствующаго въ ней въ настоящее время, священнѣйшаго митрополита, препочтеннаго и экзарха всея Россіи, киръ Θεογονου и у него, какъ выше объяснено, искать суда и изслѣдованія въ своихъ церковныхъ винахъ и ожидать подобающаго исправленія и исполнять въ нихъ все потребное и законное, а послѣ него они должны поступить подъ власть тѣхъ митрополитовъ, которые со временемъ будутъ священноначальствовать въ той же митрополіи, и такой порядокъ долженъ сохраняться навсегда, какъ и было издревле въ обычаѣ, чтобы святѣйшія ихъ епископіи имѣли одного митрополита. Съ этою цѣлію и данъ настоящій нашъ царскій указъ и предназначенъ для охраненія чести поименованной, святѣйшей, митрополіи кievской съ утвержденіемъ вышеписаннаго“ (*Zachariæ, Jus Graeco-Rom. t. III. pag. 700—703*).

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 268—270. Приведенныя данныя, объясняя для насъ при какихъ обстоятельствахъ совершилось отдѣленіе галицкой митрополіи отъ кievской, и какими послѣдствіями сопровождалось подобное отдѣленіе, только говорятъ, что это было при предшественникахъ греческаго императора Иоанна Кантакузена (1347 и вступившаго при немъ на патріаршій престолъ, константинопольскаго патріарха Исихора Бухарса (1347—1350 г.). Справляясь съ исторіею династіи греческихъ царей и преемства константинопольскихъ патріарховъ, находимъ, что послѣ смерти Андроника III († 25 іюня 1341 г.) императорскій престолъ завлаъ малолѣтній сынъ его (род.

Византійскія свѣдѣнія объ открытіи галицкой митрополіи не называютъ по имени того епископа, который подкупомъ склонилъ константинопольскаго патріарха сдѣлать его митрополи-

1332 г.) съ именемъ Іоанна V Палеолога, подъ опекой матери Дивы Палеологъ и вел. domestика Іоанна Кантакузена. Ученый и энергическій опекунъ Кантакузень, возбудивъ неудовольствіе придворныхъ, принужденъ былъ на время удалиться отъ дѣлъ правленія; но это удаленіе было непродолжительно; ночью на 8 февраля 1347 г. Кантакузень приступомъ взялъ Константинополь и сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ имперіи. Во время этихъ династическихъ перемѣнъ каедру константинопольской патріархіи занималъ Іоаннъ XIV по прозванію Калека (1333 - 1347 г.). Какъ въ государствѣ производилась борьба партій за и противъ Кантакузена, такъ и въ церкви были свои смуты по поводу споровъ о еаворскомъ свѣтѣ. Во время этихъ споровъ патріархъ, державшій сторону противниковъ Григорія Паламы, Варлаама и Авандина, былъ низведенъ съ престола (Zachar. t. III. pag. 698—700). По соображеніи этихъ данныхъ съ обстоятельствами открытія галицкой митрополіи, необходимо заключить, что это открытіе упадаетъ на время патріаршества Іоанна Калеки и именно на то время, когда съ удаленіемъ отъ кормила правленія Кантакузена открылись борьба партій въ государствѣ и смуты въ церкви. Но этому заключенію противорѣчатъ другія указанія. Въ парижскомъ собраніи новеделъ византійскихъ императоровъ то мѣсто изъ приведеннаго указа императора Іоанна Кантакузена, въ которомъ говорится объ открытіи галицкой митрополіи, читается такъ: „въ великой Россіи было 19 митрополій, а теперь осталось въ ней 12; такъ какъ въ послѣднее время Галичь въ малой Россіи былъ сдѣланъ митрополіею благочестивѣйшимъ царемъ киръ Андроникомъ Палеологомъ, при патріархѣ киръ Ананасіи посредствомъ какъ царскихъ указовъ, такъ и патріаршихъ грамотъ, и присоединены къ этой галицкой митрополіи слѣдующія епископіи: владимірская, перемишльская, лудская, туровская и холмская“ (Zachariae, Jus Graeco-Rom. t. III. pag. 701. not. 2.). Въ росписи императора Андроника Палеолога дѣйствительно упоминается отдѣльно отъ всероссійской митрополіи на 81 мѣстѣ особая, но только литовская митрополія, учрежденная какъ тамъ сказано въ царствованіе Андроника (1283—1328 г.), при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ (1316—1320 г.). (Σουταγρ. t. V. pag. 493—494). Между тѣмъ въ прибавочномъ спискѣ къ росписи о порядкѣ митрополичьихъ престоловъ подъ числомъ 30 упоминается и существовавшая митрополія въ Галичѣ, который былъ частію малой Россіи. (Cod. Curor. de officiis curiae et ecclesiae Constantinopolitanae. Venet. 1729. in fol. pag. 343. 346 и 351. Евгений, Опис. кіевсоф. соб. стр. 90—92). Чтобы примирить эти показанія, остается прибѣгнуть къ слѣдующему предположенію: быть можетъ при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ и была предназначена особая, отдѣльная отъ кіевской митрополіи въ Россіи, съ присоединеніемъ къ ней епископіи малой Россіи, но дѣйствительное открытіе этой митрополіи по какимъ либо причинамъ не состоялось; первая же составлявшаяся попытка къ открытію этой митрополіи была сдѣлана, такъ сказать, въ междоцарствіе отъ Палеолога до Кантакузена; но попытка, также не имѣвшая

томъ; наши историки ¹⁾ главнымъ дѣятелемъ при этомъ съ вѣроятностію называютъ галицкаго епископа (Феодора, который упоминается епископомъ еще въ 1331—1334 г., и который употребилъ все мѣры къ тому, чтобы достигнуть своей цѣли ²⁾). Темная по началу исторія разсматриваемой попытки открытія галицкой митрополіи является не совсѣмъ ясною и при ея окончаніи. Патриархъ Исидоръ въ одно время съ письмомъ императора къ галицкому князю Любарту т. е. въ сентябрѣ 1347 г. отправилъ и свое посланіе къ галицкому митрополиту, коимъ вызывалъ его безотлагательно явиться на патриаршіи синодъ для изслѣдованія въ личномъ его присутствіи представленныхъ противъ него обвиненій ³⁾. Являлся ли по этому вызову патриарха галицкій митрополитъ на синодальный судъ, и если являлся, то чѣмъ послѣдній кончился, объ этомъ нѣтъ свидѣній.

Двухъ неудачныхъ попытокъ къ открытію особой въ Галичѣ митрополіи было достаточно для того, чтобы приготовить путь къ третьей, удачной попыткѣ, особенно въ то время, когда юго-западная Русь, политически отдѣлившись отъ сѣверо-восточной, подпала подъ власть польскихъ королей. Если происходившіе отъ Рюрикова дома, галицкіе князья, бывшіе православными, заявляли желаніе и домогались имѣть у себя особаго митрополита; то тѣмъ болѣе подобное желаніе должно было явиться у подчинившихъ своей власти—галицкую и волын-

---

успѣха по той причинѣ, что ей не сочувствовали какъ въ Константинополѣ, такъ и въ особенности въ Россіи. Въ Константинополѣ дѣйствительно въ то время твердо держались мысли, что русская церковь должна быть одною и нераздѣльною митрополіею константинопольскаго патриархата; равнымъ образомъ и въ Россіи желали того, чтобы все епархіи находились подъ властію одного, кіевскаго митрополита, который хотя и жилъ уже въ то время на сѣверѣ, но посѣщавъ и западно-южныя епархіи. Такъ о митрополитѣ Феоногѣ известно, что онъ обозрѣвалъ южныя епархіи въ 1329—1331 г. (Няк. лѣт. т. III. стр. 155—157, 158), т. е. прежде фактическаго открытія митрополіи въ Галичѣ, и въ 1347 г. (тамъ стр. 192), т. е. послѣ дѣйствительнаго уничтоженія этой митрополіи указомъ императора Іоанна Кантакузена и синодальнымъ опредѣленіемъ патриарха Исидора Бухариса.

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 26.

²⁾ П. С. Р. Л. т. III. стр. 75. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. IV. прим. 276.

³⁾ Act. Patr. t. I. pag. 271.

скую области—польскихъ королей, властителей изъ другаго рода и послѣдователей другаго закона. Дѣйствительно, польскій король Казиміръ IV, владѣвшій галицкою землею, очевидно не желая, чтобы православные подданные его и православныя епархіи находились по прежнему въ зависимости отъ русскаго митрополита, обратился къ константинопольскому патріарху Филоею съ просьбою, въ которой отъ лица всѣхъ князей и бояръ малой Россіи просилъ его поставить Антонія одного изъ южно-русскихъ епископовъ митрополитомъ Галиціи. Казиміръ писалъ: „первопрестольному всесвященнѣйшему патріарху Константинополя вселенскаго собора поклонъ и многое челобитье отъ сына твоего краля Казиміра земли Ляхіи и малой Россіи, и отъ князей Россіи и отъ бояръ русскихъ многое челобитье, просимъ у тебя архіерея нашего: вся земля гибнетъ въ настоящее время безъ закона, потому что законъ исчезаетъ; отъ вѣка вѣковъ Галичъ назывался митрополіею во всѣхъ странахъ и былъ каедрою митрополіи отъ вѣка вѣковъ; первымъ митрополитомъ отъ вашего благословенія былъ Нифонтъ, вторымъ—Петръ, третьимъ—Гавріиль, четвертымъ—митрополитъ Ѳеодоръ: всѣ они были на этомъ престолѣ Галича¹⁾. Князья русскіе были наши сродники; но когда эти князья перешли въ

¹⁾ Подобную ссылку могъ сдѣлать Казиміръ или булучи введенъ въ заблужденіе, или завѣдомо пренебрегая историческою истиною, чтобы придать своему ходатайству болѣе силы; такъ какъ перечисленныя личности въ дѣйствительности не были митрополитами Галича, въ которомъ вовсе не существовало митрополитической каедры. Правда, извѣстна жалованная грамота печерскому монастырю, данная будто-бы въ 1204 г. галицкимъ княземъ Романомъ, умершимъ еще въ 1205 г.; въ числѣ свидѣтелей подъ этою грамотою упоминается и митрополитъ галицкій Галактіонъ; но эта грамота несомнѣнно подложна (Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 114). Извѣстны также грамоты, данныя будто бы галицкимъ княземъ Львомъ въ концѣ XIII и въ самомъ началѣ XIV в., въ которыхъ говорится о митрополитахъ и митрополіи галицкихъ (Зубрицкій, О червонной Руси, прил. Б. В. Г. Ж.). Но подложность и этихъ грамотъ не подлежитъ сомнѣнію (Востоковъ, Опис. рук. Рум. Муз. стр. 115. 116. Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. IV. прим. 203). Подлогъ и существованіе подобныхъ грамотъ подають лишь поводъ къ тому заключенію, что галицкіе князья издавна имѣли желаніе отдѣлиться отъ кievской митрополіи (Евгеній, Опис. Кіевософ. собор. стр. 87—88. Филаретъ. Истор. русс. церк. т. II. пр. 180).

Россію и земля осиротѣла, послѣ этого я, король Ляхи, приобрѣлъ эту землю русскую; теперь же святой отецъ, патріархъ вселенскихъ соборовъ (?), просимъ у тебя нашего архіерея милости Божіей и вашего благословенія. Съ нашими князьями и боярами мы избрали для вашего благословенія достойнаго человѣка, добраго безукоризненнаго образа жизни и кроткаго сердцемъ, священнѣйшаго епископа Антонія и ради Бога, ради насъ, ради святой церкви пусть будетъ ваше благословеніе на этомъ человѣкѣ, пусть не уничтожится кафедра нашей митрополіи: рукоположите Антонія митрополитомъ, чтобы не погибъ законъ руссовъ, чтобы онъ не разрушился. Если же не будетъ милости Божіей и вашего благословенія этому человѣку; то послѣ не сѣуйте на насъ: наступитъ нужда крестить руссовъ въ латинскую вѣру, если не будетъ митрополита въ Россіи; такъ какъ земля не можетъ быть безъ закона“ ¹⁾. Патріархъ безъ колебаній уважилъ ходатайство Казимира и, по синодальному дѣянію 1371 г., поставилъ названнаго Антонія изъ епископовъ митрополитомъ галицкой митрополіи съ тѣмъ, чтобы подъ его властію находились епископіи: холмская, туровская, перемышльская и владимірская, но не безусловно, а до тѣхъ поръ, пока не прекратятся существовавшія тамъ въ то время смуты и несогласія и не наступятъ миръ и спокойствіе. Синодальное дѣяніе не упоминаетъ о хадатайствѣ Казимира, не говоритъ и о причинахъ, заставившихъ патріаршій синодъ принять подобное рѣшеніе, а только въ самомъ началѣ заявляетъ, что галицкая митрополія съ давняго уже времени имѣетъ нужду въ собственномъ архіереѣ, который бы прилежалъ къ изученію божественныхъ, христовыхъ заповѣдей и къ умноженію и просвѣщенію христіанскаго народа. Предоставляя вновь назначенному митрополиту Галича пользоваться и располагать всѣми свойственными митрополиту правами въ ввѣренномъ ему предѣлѣ, синодальное дѣяніе въ виду того, что новый митрополитъ Галича

¹⁾ Act. Patr. Const. t. I. pag. 577—578. Помѣщенное здѣсь письмо короля Казимира переведено на русск. языкъ въ „протоколахъ конст. патріарха“ Ж. М. Нар. Просв. за 1847 г. Іюнь, стр. 145—147.

не имѣлъ епископовъ, съ которыми онъ могъ бы рукоположить новыхъ, рекомендуетъ ему, по возвращеніи въ свою церковь, снести съ унговлахійскимъ митрополитомъ и вмѣстѣ съ нимъ провозвести выборы и рукоположенія новыхъ епископовъ. Тоже дѣяніе въ заключеніе обязываетъ всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ вѣрренной галицкому митрополиту церкви: епископовъ, священниковъ, монаховъ, начальниковъ, рабовъ и весь христіанскій народъ оказывать ему честь, уваженіе, послушаніе и повиновеніе, какія свойственны ему, какъ мѣстному архіерею, наставнику и пастырю, избранному и поставленному по суду священнаго и божественнаго синода и по опредѣленію патріарха, слушать и принимать его душеполезныя и спасительныя совѣты и наставленія ¹⁾. Соображая тѣ признаки, въ которыхъ патріаршій синодъ изображаетъ власть и права новопоставленнаго, галицкаго митрополита, нельзя не замѣтить, что онъ представлялся самостоятельнымъ, духовнымъ начальникомъ надъ подчиненнымъ ему предѣломъ. Производя подобную, крупную перемѣну въ отношеніи къ управленію русской церкви, синодальное дѣяніе вовсе не упоминаетъ ни объ отношеніяхъ новопоставленнаго, галицкаго митрополита къ кievскому, подъ властію котораго до этого времени находились подчиненныя теперь первому епископіи, ни о законности, или незаконности этого нововведенія въ виду той мысли, что русская церковь, по господствовавшему до сихъ поръ въ Константинополѣ воззрѣнію, долженствовала быть и оставаться единою и нераздѣльною областію единственнаго, кievскаго митрополита. На эту мысль нѣтъ намека и въ томъ письмѣ, которое патріархъ Филофей счелъ нужнымъ написать митрополиту Алексѣю, чтобы извѣстить послѣдняго объ открытіи галицкой митрополіи. Это письмо замѣтно носитъ въ себѣ признаки нѣкотораго колебанія патріарха относительно законности его дѣйствій по отношенію къ митрополиту кievскому. Патріархъ то обвиняетъ митрополита Алексѣя въ томъ, что онъ, по винѣ послѣдняго, какъ

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 578-580.

бы противъ собственной воли, долженъ былъ поставить въ Галич особаго митрополита, то самъ извиняется предъ Алексѣемъ въ томъ, что онъ, если бы и желалъ, не могъ поступить иначе. Письмо это характерно по нѣкоторымъ частностямъ, такъ что мы приведемъ изъ него относящееся къ настоящему предмету. Сначала патріархъ въ особенно сильныхъ фразѣхъ выражаетъ свою любовь и расположенность къ митрополиту Алексѣю, затѣмъ переходитъ къ предмету письма и говоритъ: „слышу отъ приходящихъ отъ васъ (ἀποτίθεν) о нѣкоторыхъ поступкахъ твоего преосвященства и сокрушаюсь, такъ какъ слышалъ, что ты оставилъ всѣхъ христіанъ, находящихся тамъ на всѣхъ мѣстахъ Россіи, и, сидя на одномъ мѣстѣ, оставляешь другія безъ пастыря, безъ наставленія и духовнаго надзора. Вслѣдствіе сего мѣрность наша и священный синодъ огорчились на тебя за то, что ты не хорошо дѣлаешь, не по требованію церковныхъ каноновъ. Какъ мѣрность наша поставлена отъ Бога пастыремъ и учителемъ всей вселенской; такъ я рукоположилъ и твое преосвященство пастыремъ и учителемъ всякаго твоего народа, чтобы ты училъ и заботился о всѣхъ одинаково и ко всѣмъ имѣлъ отеческую любовь и дружбу; если бы вторглись въ среду ихъ враги, старался бы примирять ихъ между собою, какъ отецъ и наставникъ. Да будетъ же извѣстно тебѣ, что такъ какъ ты въ теченіе столькихъ лѣтъ оставлялъ малую Россію и не обзрѣвалъ ея, король Ляхинъ Казиміръ, владѣющій малою Россією, и прочіе князья прислали сюда къ нашему смиренію епископа и съ нимъ грамоты, въ которыхъ писали и доносили мнѣ и священному синоду о положеніи церковныхъ дѣлъ въ ихъ странѣ“. Изложивъ за симъ извлеченіе изъ приведенной выше казиміровой грамоты, что вся земля гибнетъ безъ закона... патріархъ обращается къ митрополиту Алексѣю и спрашиваетъ: „что намъ оставалось дѣлать? тебя призываемъ при этомъ въ судьи, что ты скажешь? Надлежало (скажешь) и намъ отослать его и оставить народъ Божій безъ надзора и духовнаго попеченія, какъ оставилъ его

и ты? Ни коимъ образомъ не слѣдовало дѣлать этого, ибо мы подверглись бы великому осужденію и отъ Бога, и такому же презрѣнію и обвиненію и отъ людей. Другое дѣло, если бы государь страны былъ православный и нашей вѣры, въ такомъ случаѣ, быть можетъ, мы постарались бы или замедлить, или отклонить это; хотя бы это было не хорошо, однако ради тебя, быть можетъ, сдѣлали бы это... Но—какъ онъ не нашъ, а латинянинъ, можно ли было отослать его ни съ тѣмъ (χαρόν)? Онъ имѣлъ намѣреніе, какъ заявлялъ, тотчасъ основать латинскую митрополію и крестить руссовъ въ латинскую вѣру. Разсуди самъ, хорошо ли было бы, если бы это случилось? Я много благодарю Бога, что онъ еще не поступилъ такъ, а написалъ къ намъ и просилъ у насъ митрополита. Итакъ мы по нуждѣ рукоположили того, кого онъ прислалъ, такъ какъ нельзя было поступить иначе“. Разъясняя затѣмъ на какихъ основаніяхъ рукоположенъ новый митрополитъ, патріархъ писалъ: „мы дали ему Галичь, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ митрополіею, и епископіи: владимірскую, перемышльскую и холмскую, которыя находятся подъ властію короля Ляхин; больше же этого мы не дали ему ничего: ни луцкой, ни другой какой либо епархіи ¹⁾. Знаю, что твое преосвященство можетъ оскорбиться тѣмъ, что мы сдѣлали это, но никакъ нельзя было поступить иначе. Какъ можно было оставлять дѣло въ такомъ положеніи, когда ты и безъ того учинилъ такой великій грѣхъ, оставивъ христіанъ столько времени безъ назиданія? Вотъ уступая какой необходимости, мы сдѣлали это, и тебѣ не слѣдуетъ оскорбляться, потому что ты самъ тому виною“ ²⁾. Изъ этого письма видно, что патріархъ, сознавая какъ бы незаконность своего распоряженія, старался оправдать его стеченіемъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Основанная, по настоянію польскаго короля, галицкая митрополія, очевидно, и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи

¹⁾ Синодальное дѣяніе упоминаетъ сверхъ сего о туровской епархіи, но письма не говоритъ.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 582—583.

нуждалась въ томъ же содѣйствіи. Поставленный митрополитъ Антоній управлялъ вѣренною ему митрополіею въ теченіе двадцати лѣтъ (1371—1391); послѣ его смерти мы не видимъ назначенія ему преемника, а встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ. Въ Августѣ 1391 г. константинопольскій патріархъ Антоній писалъ жившему въ то время въ малой Россіи какому то іеромонаху Симеону о томъ, чтобы онъ, послѣ смерти галицкаго митрополита Антонія, принялъ въ управленіе церковь, пока не будетъ поставленъ туда архіерей. При этомъ патріархъ пояснялъ, что если бы Симеона не оказалось въ живыхъ, въ такомъ случаѣ начальствующій тамъ воевода (Μπάλιτζας) и братъ его (Νδράγος) уполномочивались выбрать другаго для управленія церквію, чтобы онъ завѣдывалъ ею, какъ долженъ былъ управлять и іеромонахъ Симеонъ. Симеонъ оказался въ живыхъ и не только воспользовался предоставленнымъ ему отъ патріарха преимуществомъ, напротивъ, получивъ отъ нѣкоего Тагариса подложную патріаршую грамоту, которою указывалось рукоположить его во епископа, Симеонъ принялъ епископское рукоположеніе отъ Тагариса. Когда же вскорѣ обнаружилось, что Тагарисъ былъ обманщикъ, Симеонъ сложилъ съ себя архіерейскій санъ и предалъ проклятію своего рукополагателя ¹⁾. Одного этого факта достаточно, чтобы судить: въ какомъ состояніи находилось управленіе церковныхъ дѣлъ въ Галиціи послѣ смерти перваго, поставленнаго для нея митрополита. Патріархъ медлилъ поставленіемъ преемника Антонію, ожидая просьбы объ этомъ со стороны польскаго короля, владѣвшаго Галиціею; но тогдашній, польскій король, Ягелло ни мало не былъ расположенъ въ пользу интересовъ православной церкви. Вслѣдствіе сего Галицкая митрополичья кафедра легко могла сдѣлаться предметомъ искаательства. Луцкій епископъ Іоаннъ, желая получить эту кафедру, обратился къ названному польскому королю Ягеллѣ съ просьбою, чтобы тотъ далъ ему просительныя и рекоменда-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 157—158.

тельные грамоты къ патриарху о поставленіи его митрополи-
томъ. Ягелло согласился на это. Получивъ желательныя отъ
короля грамоты, луцкій епископъ отправился въ Константино-
поль и, конечно, усилъ бы въ своемъ намѣреніи, если бы
тамъ не было получено обвиненіе на Іоанна въ неизвѣстныхъ
намъ, но причиненныхъ имъ владимірскому епископу обидяхъ,
о которыхъ донесъ патриарху кievскій митрополитъ Кипри-
анъ. Поэтому лишь только луцкій епископъ явился въ Кон-
стантинополь, патриаршій синодъ вмѣсто того, чтобы рукопо-
ложить его, рѣшилъ прежде рассмотреть представленные про-
тивъ него обвиненія и сдѣлать это въ присутствіи обиженного
имъ, владимірскаго епископа, который также былъ на пути въ
Константинополь. Предполагая неблагопріятный для себя ис-
ходъ подобнаго разбирательства, Іоаннъ рѣшился бѣжать изъ
Константинополя, и, сѣвъ на готовый къ отплытію корабль,
остановился, по причинѣ неблагопріятнаго для плаванія вѣтра,
на островѣ Фаросѣ. Патриархъ многократно приглашалъ его
явиться къ отвѣту, но тотъ не соглашался; вслѣдствіе сего
патриархъ принужденъ былъ написать какъ къ польскому ко-
ролю, чтобы тотъ не принималъ Іоанна, такъ и къ митропо-
литу Киприану, чтобы тотъ низложилъ его ¹⁾). Письма патриарха
къ Киприану и къ польскому королю имѣли тотъ результатъ,
что Киприанъ, заочно лишивъ Іоанна луцкой епископіи, поста-

¹⁾ Киприану патриархъ именно писалъ: „извѣщаемъ преосвященство твое
о немъ, чтобы ты зналъ о происшедшемъ, смотрѣлъ на него такъ, какъ смот-
римъ на него и мы, и написалъ бы къ благороднѣйшему королю, пусть онъ
совсѣмъ не принимаетъ его, пока не состоится у васъ (αὐτόθι) судъ надъ
нимъ и низложеніе его. Поэтому, когда онъ явится гуда, призови его къ
себѣ на судъ и низложи какъ за прежнія его вины, если ты считаешь ихъ
справедливыми, такъ и, въ особенности, за эти послѣднія, за то, что онъ
ищетъ другой церкви, разумѣю галицкой митрополіи, которую зави-
маеетъ уже другой годъ, также за то, что когда мы приглашали его оставить
корабль и явиться на судъ, онъ отвѣчалъ: „мнѣ далъ Галицію король, ко-
торый есть самодержецъ страны и начальникъ; не доставало только мнѣ
благословенія отъ патриарха, но, явившись, я получилъ и его, а въ большемъ
не имѣю надобности, зачѣмъ мнѣ опять идти на соборъ? возвращусь въ Га-
лицію въ мою церковь“. Онъ называетъ прибытіе сюда и представленіе ко
мнѣ благословеніемъ, которое получалъ, явившись по прибытіи сюда съ

вилъ туда другаго, коимъ по крайней-мѣрѣ въ 1397 г. является Теодоръ ¹⁾, а король принялъ Иоанна въ Галицію, хотя и не въ качествѣ митрополита ²⁾.

Оставшаяся безъ митрополита, съ неустраннымъ окончательнo искателемъ ея кафедръ, и лишенная пастырскаго надзора, галицкая митрополія подверглась разнымъ неблагопріятнымъ влїянїямъ, угрожавшимъ истребить въ ней самое православіе. Вслѣдствіе сего патріархъ принужденъ былъ принять болѣе дѣятельное участіе въ ея судьбѣ и позаботиться о возстановленіи въ ней церковнаго порядка. Съ этою цѣлію въ 1397 г. былъ отправленъ изъ Константинополя, въ качествѣ патріаршаго экзарха, вилеємскій архіепископъ Михаилъ, которому было поручено принять въ непосредственное вѣденіе галицкую кафедру ³⁾. Отправляя своего экзарха, патріархъ снабдилъ его и письмомъ къ польскому королю, котораго просилъ принять мѣры къ замѣщенію галицкой кафедры. По этому предмету патріархъ писалъ королю, что если луцкій епископъ Іоаннъ хочетъ получить прощеніе и снова снискать любовь и расположеніе патріарха, пусть онъ, оставивъ Галицію, отправится прежде къ своему митрополиту Кипріану ⁴⁾, чтобы испросить у него прощеніе, и, затѣмъ, если тотъ разрѣшитъ его, пусть явится въ Константинооль, гдѣ патріархъ сдѣлаетъ въ отношеніи къ нему угодное королю. Если же луцкій епископъ не получитъ разрѣшенія у митрополита, въ та-

---

поклономъ, когда были благословлены и сопровождавшіе его, подчиненные ему. Посему, если онъ скажетъ что либо другое, кромѣ этого, то онъ лжецъ, такъ какъ никакого другаго общанія, или какой либо грамоты онъ не получалъ. И такъ пусть твое преосвященство, убѣдившись въ дѣйствительности всего этого, пошлетъ грамоты и къ королю, какъ и мы писали къ нему, чтобы онъ, изгнавъ Іоанна изъ епископіи, послалъ его къ твоему преосвященству, а ты, канонически низвергнувъ его, рукоположилъ бы другаго въ луцкую епископію“ (Act. Patr. t. II. pag. 180—181).

¹⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 71.

²⁾ Макарій, Ист. рус. цер. т. IV. 80. ³⁾ Act. Patr. t. II. pag. 278—280.

⁴⁾ По синодальному дѣянію 1889 г. Кипріанъ, бывшій до того времени только литовскимъ митрополитомъ, былъ признанъ митрополитомъ обѣихъ митрополій: восточной и западно-русской (Act. Patr. t. II. pag. 116—128. Арх. историкоюр. свѣд. т. III. стр. 7—18).

комъ случаѣ патріархъ предлагалъ королю найти другаго, хорошаго человека и прислать его вмѣстѣ съ вилеевскимъ архіепископомъ въ Константинополь для рукоположенія ¹⁾. Польскій король, получивъ письмо патріарха, не только не удовлетворилъ его просьбы о замѣщеніи катедры галицкой митрополіи, напротивъ, если принять во вниманіе сохранившуюся запись лудкаго епископа Іоанна, данную королю Ягеллѣ объ условіи на полученіе галицкой митрополіи ²⁾; то необходимо въ виду этого заключить, что король совершенно отвергъ предложеніе патріарха и рѣшился поддерживать лудкаго епископа въ его искательствахъ. Если и было повторено это искательство предъ патріаршимъ престоломъ, то оно не имѣло успѣха. При такомъ положеніи вещей и особенно вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, когда находившіяся подъ владычествомъ Польши южно-русскія области снова поступили подъ власть литовскихъ князей, галицкая митрополія пала сама собою, а лучше сказать, слилась съ литовскою митрополією, предстоятели которой, имѣя въ своемъ управленіи епархіи западной и юго-западной Россіи, именовались кievскими и галицкими ³⁾.

Изъ сказаннаго видно, что главною причиною открытія галицкой митрополіи отдѣльно отъ кievской было то, что галицкая область находилась подъ властію польскихъ королей; подобныя же обстоятельства были причиною и открытія литовской митрополіи отдѣльно отъ русской. Возникшее въ сосѣдствѣ съ западными областями русскаго государства, литовское княжество скоро распространило свои предѣлы на счетъ означенныхъ областей. Такъ уже ко времени вел. литовскаго князя Гедимина (1315—1339 г.), основателя народной династіи, владычество Литвы утвердилось въ бывшихъ русскихъ

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 280—282.

²⁾ По этой записи лудкій епископъ обязывался уплатить королю 200 русскіхъ гривень и 30 копей, въ томъ случаѣ, если онъ, при содѣйствіи короля, сдѣлается митрополитомъ (Евгеній, Опис. Кіевсоф. собор. стр. 92 и прилож. стр. 38—39 № 8. Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 84).

³⁾ Евгеній, Опис. Кіевсоф. соб. стр. 95—96. Codin. Sinop. de officiis curiae et eccles. pag. 343. Σύνηγμ. t. V. pag. 486.

княжествахъ: полоцкомъ, туровскомъ и отчасти волинскомъ; при Гедеминѣ подпали литовскому владычеству Воынь и кievская область ¹⁾). На основаніи этихъ и другихъ фактовъ Гедеминъ признается собирателемъ русской земли, главнымъ стремленіемъ котораго было подчиненіе литовскому владычеству областей юго-западной Руси. Сынъ и преемникъ Гедемина, Ольгердъ (1340—1377), спокойный, по словамъ Соловьева, съ этой стороны, обратилъ вниманіе на Русь сѣверо-восточную ²⁾). Послѣдствіемъ этого обращенія и были начавшіяся и продолжавшіяся несогласія у литовскаго князя съ московскимъ, ближайшею цѣлю которыхъ было стремленіе Ольгерда усилиться на счетъ Москвы. Для достиженія этой цѣли Ольгердъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствию духовной власти въ лицѣ митрополита. Въ 1353 г. скончался въ Москвѣ отъ моровой язвы русскій митрополитъ Феогностъ; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Ольгердъ избралъ своего кандидата на митрополию, нѣкоего Романа, и отправилъ его въ Царьградъ для посвященія. Намъ неизвѣстно, что именно писалъ Ольгердъ, ходатайствуя предъ патриархомъ о поставленіи Романа; но въ документахъ патриаршаго, константинопольскаго престола съ опредѣленностію указываются два главныхъ побужденія такого предпріятія Ольгерда. Это съ одной стороны нерасположенность Ольгерда къ избранному въ Москвѣ на митрополичій престолъ кандидату, епископу владимірскому Алексію ³⁾, съ другой—желаніе, при посредствѣ Романа, какъ вополнѣ преданнаго Ольгерду лица, проложить путь къ начальствованію надъ великою Россіей ⁴⁾). Патриархъ Филоеѣй уступилъ желанію литовскаго князя и рукоположилъ Романа. Одни говорятъ, что Романъ былъ поставленъ прежде Алексія, который еще не успѣлъ придти въ Царьградъ для посвященія ⁴⁾; другіе же болѣе справедливо утверждаютъ, что поставленіе

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. III. стр. 306—308.

²⁾ Соловьевъ, т. III. стр. 317. ³⁾ Act. Patr. Const. t. I. pag. 526.

⁴⁾ Act. Patr. t. II. pag. 12—13.

⁵⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 302.

Романа совершилось постѣ рукоположенія Алексѣя, но прежде отправленія послѣдняго на свою кафедру ¹⁾); такъ какъ въ дѣяніи константинопольскаго синода прямо сказано: „когда былъ воеведенъ и поставленъ совершеннымъ митрополитомъ Кіева и всея Россіи и благополучно отправленъ (кирь Алексѣй), пришелъ не много спустя (*καταλαμβάνει μετὰ μικρόν*) и священнѣйшей митрополитъ литовскій киръ Романъ, и былъ рукоположенъ митрополитомъ литовскимъ“ ²⁾). Преосвященный Филаретъ говоритъ, что Романъ былъ рукоположенъ патриархомъ Каллистомъ, которому Филоеей уступилъ кафедру ³⁾), но преосвященный Макарій болѣе справедливо утверждаетъ, что поставленіе Романа было совершено тѣмъ же патриархомъ Филоеемъ, который рукоположилъ и митрополита Алексѣя ⁴⁾). Съ мнѣніемъ преосвященнаго Макарія согласуются показанія данныхъ другихъ источниковъ. Въ Никоновской лѣтописи замѣчено, что еще въ Царьградѣ открылись несогласія между Алексѣемъ и Романомъ, которые оба послали оттуда своихъ пословъ въ Тверь къ епископу Θεодору ⁵⁾). Если при этомъ принять во вниманіе съ одной стороны дату синодальной грамоты о поставленіи Алексѣя отъ 30 іюня 1354 г. ⁶⁾, съ другой—сказаніе лѣтописи, что Алексѣй осенью того же года уѣхалъ изъ Царьграда ⁷⁾); то сдѣлается яснымъ, что Романъ былъ поставленъ митрополитомъ въ промежутокъ времени отъ іюня до осени того же года, а извѣстно, что до конца этого года на патриаршей, константинопольской кафедрѣ оставался патриархъ Филоеей ⁸⁾). Мы не имѣемъ той грамоты, которая была выдана Роману объ его поставленіи, въ дѣяніяхъ же константинопольскихъ синодовъ и грамотахъ константинопольскаго патриарха вообще говорится, что Романъ былъ поставленъ митрополитомъ литовской страны и отправленъ въ

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 48.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 426.

³⁾ Филаретъ, Истор. русс. церк. т. II. стр. 115.

⁴⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 43.

⁵⁾ Никон. лѣт. т. III. стр. 204. сп. Степ. кн. стр. 452.

⁶⁾ Act. Patr. t. I. pag. 340. ⁷⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. 8.

⁸⁾ Histor. Chronol. Patriarch. Const. in Acta Sanctor. August. t. I. pag. 179—180.

данную ему епархію ¹⁾. Если принять во вниманіе, что къ литовскому княжеству во времена Ольгерда относились бывшія прежде русскія княжества: полоцкое, туровское, волинское и Кіевъ, то можно было бы подумать, что епархія Романа, какъ митрополита литовскаго, обнимала и эти части вмѣстѣ съ Литвою. Романъ дѣйствительно такъ и понималъ, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ понимать предѣлы своего управленія, заявляя свою претензію на Кіевъ. По поводу этихъ претензій, константинопольскій патриархій синодъ (1361 г.), бывшій подъ председательствомъ самого императора, разъяснилъ, что такъ какъ митрополитъ Алексѣй первоначально былъ рукоположенъ для начальствованія надъ Кіевомъ и всею Россією, то онъ и долженъ оставаться митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи, по издревле установившемуся обычаю; напротивъ Романъ, какъ рукоположенный для Литвы, долженъ имѣть подъ своею властію находящіяся въ Литвѣ двѣ епископіи: Полоцкъ и Туровъ съ Новгородкомъ, какъ каедрою митрополита, также епископіи малой Россіи ²⁾, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть волинскія епархія: владимірскую, луцкую, холмскую, галицкую и перемышльскую. Необходимо прибавить, что послѣднія епархія не имѣлись въ виду при поставленіи Романа митрополитомъ Литвы и лишь теперь были подчинены его власти такъ какъ въ 1358—59 г. митрополитъ Алексѣй, бывши въ Кіевѣ, посѣщаль и волинскія епархія и, во время этого посѣщенія, нужно полагать, подвергся оскорбленіямъ отъ литовскаго князя Ольгерда, заключившаго митрополита подъ стражу, откуда послѣдній только тайно могъ убѣжать, воспользовавшись содѣйствіемъ расположенныхъ къ нему лицъ ³⁾. Такимъ образомъ предѣлы литовской митрополіи съ ясностію опредѣлились: она обнимала литовское княжество и входившія въ составъ его русскія епархія: полоцкую, туровскую и перечислен-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 427. 526. ²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 426.

³⁾ II. С. Р. Л. т. VIII. стр. 10—11. Ник. лѣт. т. II. стр. 211. 214. Евреній, Опис. Кіевсоф. собор. стр. 88. Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 302. Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 45—46.

ныя, волынскія епархіи. Подобное очертаніе предѣловъ литовской митрополіи было сдѣлано примѣнительно къ политической подчиненности перечисленныхъ епархій; исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано только въ примѣненіи къ Кіеву, во вниманіи къ изначальному его положенію, какъ древнѣйшей митрополіи всея Россіи. Въ Константинополѣ не хотѣли нарушить издревле установившійся порядокъ, обидѣть митрополита Алексѣя изъ снисхожденія къ Роману и стать въ противорѣчіе со своими прежними по сему предмету постановленіями. Романъ въ свою очередь также понималъ это и не хотѣлъ удовольствоваться назначеннымъ для него округомъ; вслѣдствіе сего онъ, оставивъ Константинополь и не взирая на состоявшееся синодальное опредѣленіе, ушелъ по прежнему въ Кіевъ, гдѣ продолжалъ самовольно распоряжаться митрополичьими правами, называя себя „митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи“. Подобное поведеніе Романа, огорчивъ патріарха и его синодъ, заставило ихъ послать въ Россію экзарховъ: кельчицкаго митрополита и діакона Гергія Пердику для изслѣдованія дѣйствій Романа ¹⁾. Смерть послѣдняго (1362 г.) прекратила эти изслѣдованія ²⁾; но не изгладила того впечатлѣнія, которое было произведено въ Константинополѣ самовольными поступками Романа. Вступившій во второй разъ на константинопольскій престолъ патріархъ Филоеей, тотъ самый, который и рукоположилъ Романа митрополитомъ Литвы, воспользовавшись его смертію, составилъ отъ своего имени грамоту, въ которой предполагалъ, чтобы литовская область по прежнему была подчинена митрополиту кіевскому и всея Россіи и снова поступила подъ духовное управленіе названнаго митрополита. Патріархъ Филоеей писалъ: „и такъ настоящая наша сцигаліодная грамота повелѣваетъ, чтобы литовская страна и все то, что есть въ ней самой и находится подъ ея властію, поступили подъ власть митрополіи кіевской, и, сдѣлавшись съ этого и на все послѣдующее время епископіею ея, должны признавать

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 427—429. 434—436.

²⁾ Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. V. стр. прим. 171. Ник. лѣт. т. IV. стр. 62.

своею митрополіею Кіевъ, въ которомъ долженъ рукополагаться епископъ для нея и должны по прежнему входить въ предѣлы кіевской митрополіи“... Оставаясь въ такомъ положеніи, литовская страна, ни по какимъ причинамъ во все послѣдующее время, не должна быть отдѣляема и отчуждаема отъ власти и древняго управленія кіевского митрополита; такъ какъ однажды сдѣланный опытъ произвелъ замѣшательство и много безпорядковъ, хотя онъ и былъ допущенъ изъ уваженія ко многимъ причинамъ (*δι' ἀνάγκας μεγάλας*). Итакъ упомянутый, святѣйшій митрополитъ, а равно и всѣ, имѣющіе быть послѣ него, русскіе митрополиты пусть управляютъ этою страной, какъ своею епископіею, и совершаютъ въ ней со всякимъ правомъ (*πάσης ἀδείας*) все то, что они обыкновенно совершаютъ въ другихъ, подчиненныхъ имъ епископіяхъ“ ¹⁾. Если и допустить, что эта грамота не была обнародована ²⁾, и въ такомъ случаѣ существованіе ея служить яснымъ доказательствомъ образа мыслей патріарха о нераздѣльности русской митрополіи, а равно и того, что онъ готовъ былъ положить предѣлъ существовавшему раздѣленію. Конечно и безъ формальнаго обнародованія, содержаніе этой грамоты не могло остаться неизвѣстнымъ въ Литвѣ и литовскому князю, который и не предпринималъ послѣ смерти Романа попытокъ къ тому, чтобы найти и поставить ему преемника, напротивъ вступилъ въ открытое несогласіе съ митрополитомъ Алексѣемъ, чтобы освободиться отъ его власти. Старавшійся примирить ихъ обоихъ и водворить единовластіе въ русской церкви, патріархъ Филоеѳей вотъ что писалъ митрополиту Алексѣю по поводу первыхъ на него жалобъ литовскаго князя Ольгерда и его единомышленника и шурина, тверскаго князя, Михаила Александровича: „Преосвященство твое въ точности знаетъ, что когда мы рукополагали тебя, то рукополагали митрополитомъ Кіева и всея

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 527.

²⁾ Въ припискѣ къ этой грамотѣ замѣчено, что она, прежде подписи ея патріархомъ, была перечеркнута. Проток. Конст. патр. въ Ж. М. Н. Пр. за 1847 г. Іюнь, стр. 144. № 25.

Россіи, не одной части, а всей Россіи; нынѣ же слышу, что ты не ходишь ни въ Кіевъ, ни въ Литву, но (посѣщаешь) одну часть, оставивъ другую безъ пастыря (ἀπομάκρυνον), безъ надзора и наставленія отеческаго; это несносно (ἐν βαρὸς) и противно (ἕξω) преданію священныхъ каноновъ; по закону же (δίκαιον δὲ ἐν) ты долженъ наблюдать за всею землею русскою и имѣть ко всѣмъ князьямъ любовь и отеческую расположенность; одинаково любить ихъ и показывать къ нимъ однѣ и тѣ же и одинаковыя расположенность, благосклонность и любовь; не нѣкоторыхъ изъ нихъ ты только долженъ любить и считать (ихъ) своими дѣтьми, а другихъ вовсе не любить; напротивъ ты долженъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ считать твоими дѣтьми и любить всѣхъ одинаково. Въ такомъ случаѣ и они станутъ оказывать тебѣ благорасположеніе, любовь и послушаніе многое и великое, а ты будешь имѣть помощь отъ Бога“. Убѣждая митрополита, патриархъ извѣщалъ его: „знай, что я писалъ и къ великому князю литовскому о томъ, чтобы онъ, подобно прочимъ русскимъ князьямъ, любилъ и чтилъ тебя по древнему обычаю, и, когда ты отправишься въ его страну, чтобы оказывалъ тебѣ почетъ, расположенность и полную любовь, дабы ты, по возможности, безъ затрудненій совершилъ твое путешествіе по его области. Постарайся питать къ нему любовь и расположенность и принимать его на равнѣ съ другими князьями; такъ какъ христіанскій народъ Господа, находящійся подъ его властію, нуждается въ твоёмъ надзорѣ и наставленіи, и (потому) необходимо, чтобы ты имѣлъ съ нимъ любовь, надзиралъ за нимъ и народомъ Божиимъ и училъ его; дѣлай это со всею твоею властію, не опасаясь какого-либо противодѣйствія“¹⁾).

Въ преведенныхъ изъ письма патриарха словахъ съ ясностію обрисовываются какъ тѣ отношенія, въ которыхъ находились другъ къ другу литовскій князь и русскій митрополитъ, такъ и то положеніе, какое старался занять патриархъ въ этихъ отношеніяхъ. Очевидно, литовскій князь жаловался на русскаго мит-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 321.

рополита и обвинялъ его предъ патріархомъ въ томъ, что митрополитъ не брезжетъ о литовской странѣ, и не обращаетъ на нее своего пастырскаго вниманія, изъ ненависти и нерасположенія къ князю; поэтому патріархъ и напоминалъ митрополиту объ его пастырскомъ долгѣ духовно надзирать и назидать всю русскую паству и имѣть одинаковую любовь и рвѣнность ко всемъ русскимъ князьямъ; поборовъ свои личные чувства сознаниемъ пастырскаго долга, онъ долженъ пешичь и заботиться о всѣхъ. Ясно, что и русскій митрополитъ заявлялъ патріарху о своемъ неудовольствіи на литовскаго князя и указывалъ на трудность своего путешествія въ его страну для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей; поэтому патріархъ писалъ литовскому князю проникнуться любовью и уваженіемъ къ митрополиту и, въ частности, оказать ему содѣйствіе въ томъ случаѣ, когда тотъ придетъ въ его страну. Въ томъ и другомъ случаѣ патріархъ дѣйствовалъ въ пользу мысли о нераздѣльности русской церкви и соединеніи всѣхъ ея предѣловъ подъ властію одного митрополита; подъ вліяніемъ этой же мысли патріархъ напоминалъ Алексію, что онъ рукоположенъ митрополитомъ въ Кіевъ не для одной какой-либо части, а для всей Россіи. Одно это напоминаніе митрополиту со стороны патріарха даетъ понять, что съ смертію литовскаго митрополита Романа потеряло силу установившееся было раздѣленіе русской митрополіи, и русскій митрополитъ, на основаніи самаго акта о своемъ поставленіи, долженъ принять въ свое завѣдываніе и управленіе отдѣлившаяся было отъ его митрополіи часть. Словомъ мы не ошибемся, если на основаніи приведеннаго отрывка изъ письма константинопольскаго патріарха Филовея къ русскому митрополиту Алексію заключимъ, что патріархъ рѣшительно склонялся къ мысли—не допускать новаго раздѣленія русской церкви и съ этою цѣлію усиливался и литовскаго князя и русскаго митрополита расположить къ взаимной любви и согласію. Дѣлая подобное усиліе, патріархъ какъ бы не зналъ и не понималъ, что причина несогласія между лицами, которыя онъ

старался сблизить, заключалась не въ личномъ только ихъ нерасположеніи другъ къ другу, а въ діаметральномъ несопадненіи тѣхъ интересовъ, которымъ тотъ и другой раздѣльно служили. Ольгердь имѣлъ въ виду интересы Литвы и съ этою цѣлію хотѣлъ не только совершенно отдѣлиться отъ Москвы въ церковномъ отношеніи, но и пріобрѣсти верхъ надъ нею, расширивъ свое могущество; русскій же митрополитъ всецѣло стоялъ за интересы Москвы и поэтому не могъ питать расположенія къ ея врагамъ, изъ коихъ главнымъ въ то время былъ литовскій князь. Вотъ почему всѣ совѣты и увѣщанія патріарха, какъ они ни были настойчивы, не встрѣтили должнаго къ нимъ вниманія. Если митрополитъ Алексѣй, какъ впоследствии обвинялъ его патріаршій синодъ, остался непослушнымъ наставленіямъ патріарха и даже не отвѣчалъ на его увѣщанія; то Ольгердь прямо высказалъ патріарху свои обиды на митрополита и вмѣстѣ на московскаго князя и, намекая на невозможность примиренія съ ними, настоятельно требовалъ отъ патріарха другого митрополита не только для литвы, но уже и для тѣхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ княжили его сторонники и родственники. Ольгердь, не скрывая своего неудовольствія на патріарха за то, что тотъ стоялъ на сторонѣ митрополита, писалъ патріарху: „Отъ царя литовскаго Ольгерда патріарху поклонъ. Прислалъ ты ко мнѣ письмо съ моимъ Феодоромъ о томъ, что митрополитъ жалуется тебѣ на меня и говоритъ такъ: обидѣлъ (*ἐκοῦρωσε*—заѣхалъ) меня царь Ольгердь, не я началъ обижать его; они прежде начали обижать меня и, не сложивъ крестнаго цѣлованія, которое дали мнѣ (*εἶχον πρὸς με*), не приславъ клятвенной грамоты, они обидѣли меня десять разъ и шурина моего Михаила, давшаго мнѣ клятву, переманили къ себѣ, а митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы приходитъ и уходить ему по своей волѣ, и поймали его, и зятя моего Бориса, князя Нижняго Новгорода и его поймали и княжество его взяли, зятя Ивана, князя новосильскаго и его княжество заѣхали и мать его поймали и дочь мою взяли и клятву данную ими не сложили; сверхъ того же крестнаго цѣлованія

взяли города Ржевъ, Жижну, Нудли... Всѣ ихъ отняли и крестнаго цѣлованія не сложили и клятвенныхъ грамотъ не отослали. И мы, будучи не въ состояніи снести все это, обидѣли ихъ; и если они не исправятъ ничего въ отношеніи ко мнѣ, то и я не стану терпѣть ихъ. По твоему благословенію, митрополитъ благославляетъ ихъ на пролитіе крови даже и въ настоящее время. При отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ, какъ этотъ митрополитъ: благословляетъ москвичей на пролитіе крови; и ни къ намъ не идетъ, ни въ Кіевъ не приходитъ, а кто изъ цѣловавшихъ мнѣ крестъ убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ такого крестное цѣлованіе. Бывало ли въ мірѣ то, чтобы снимать крестное цѣлованіе?... Дай намъ, энергически заканчивая Ольгердъ свою жалобу, другого митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ, на Тверь на малую Россію, на Новосильскъ, на Нижній Новгородъ“¹⁾. Энергическій тонъ настоящаго письма не оставлялъ сомнѣнія насчетъ намѣреній литовскаго князя. Не знаемъ, было ли бы удовлетворено ходатайство Ольгерда при другихъ обстоятельствахъ; въ настоящій же разъ, когда патріархъ почти одновременно съ письмомъ отъ Ольгерда получилъ письмо и отъ польскаго короля Казимира, съ требованіемъ поставить особаго митрополита для русскихъ областей, подпавшихъ подъ власть Польши, патріарху трудно было удовлетворить обоихъ просителей. Поэтому патріархъ, исполнивъ желаніе Казимира, оставилъ просьбу Ольгерда безъ отвѣта, написавъ между тѣмъ митрополиту Алексѣю письмо, въ которомъ, извѣщая его объ открытіи галицкой митрополіи, просилъ, чтобы Алексѣй самъ прибылъ въ Константинополь ради всѣхъ этихъ дѣлъ; если же ему неудобно, прислалъ бы надежнаго человѣка, отъ котораго патріархъ точнѣе могъ бы узнать о положеніи вещей, сообразить и видѣть, какъ поступить, дабы не сдѣлать чего либо неприятнаго для митрополита²⁾. Изъ синодальнаго дѣянія (1380 г.) по

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 580—581. Письмо это перев. въ проток. конст. патр. Ж. М. Нар. Пр. за 1847 г. Іюнь, стр. 148—152. № 29.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 584—585.

дѣлу о Кипріанѣ мы узнаемъ, что патріархъ, увидѣвъ безуспѣшность своихъ писемъ, для разрѣшенія затрудненій послалъ въ Россію одного изъ своихъ монаховъ... инока Кипріана, какъ человѣка добродѣтельнаго и благочестиваго, хорошо умѣвшаго пользоваться обстоятельствами и благоразумнаго (*κατὰ λόγον*), съ тѣмъ, чтобы онъ постарался примирить князей какъ между собою, такъ и съ митрополитомъ, и устроилъ дѣло такъ, чтобы митрополитъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ и обозрѣлъ собственную митрополию, которую не навѣщаль уже девятнадцать лѣтъ ¹⁾. Прибывъ въ Россію, Кипріанъ съ перваго раза понялъ истинное положеніе дѣлъ и натянутыя отношенія князей къ митрополиту и рѣшилъ воспользоваться всѣмъ этимъ въ свою пользу, чтобы достигнуть русской, митрополичьей кафедры. Съ этою цѣлію, какъ разсказывается въ томъ же синодальномъ дѣяніи, Кипріанъ прежде всего удалилъ отъ себя своего сотрудника, который былъ посланъ съ нимъ въ Россію, чтобы тотъ не былъ свидѣтелемъ его дѣйствій и не воспрепятствовалъ его намѣренію; далѣе Кипріанъ старался склонить короля Ольгерда и всѣхъ находившихся подъ его властію къ тому, чтобы они избрали его на мѣсто Романа и послали къ патріарху грамоты съ просьбою поставить его митрополитомъ и съ угрозою, что если патріархъ не поставитъ его, Кипріана, то они примутъ митрополита отъ латинской церкви. Грамоты эти были составлены самимъ Кипріаномъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ Литвѣ, Кипріанъ не преминулъ расположить въ свою пользу и митрополита Алексѣя. Последняго Кипріанъ убѣдилъ не ходить въ Константинополь, вызвавшись самъ устроить дѣла самымъ благопріятнымъ для него образомъ. Увѣривъ въ этомъ митрополита Алексѣя, Кипріанъ между тѣмъ составилъ отъ лица литовскихъ князей ложныя жалобы на Алексѣя съ многими противъ него обвиненіями, и со всѣми этими документами явился въ Константинополь искать митрополичьяго сана ²⁾. Патріархъ Филоеѣй уступилъ на этотъ разъ требованіямъ литовскихъ князей

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 118. ²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 13—14.

и, повѣривъ обвиненіямъ Кипріана противъ Алексѣя, поставилъ перваго митрополитомъ не одной Литвы, а вмѣстѣ и Кіева съ тѣмъ, какъ сказано въ синодальномъ дѣяніи 1389 г., чтобы Кипріанъ послѣ смерти митрополита Алексѣя получилъ въ управленіе всю Россію, и одинъ сдѣлался митрополитомъ всей русской церкви ¹⁾. При этомъ, вторичномъ, раздѣленіи русской церкви въ составъ литовской митрополіи вошли не только Литва съ подчиненными ей частями русскаго государства, но и Кіевъ. Предоставляя Кипріану сдѣлаться послѣ смерти Алексѣя митрополитомъ всей Россіи, патриархъ и его синодъ, очевидно, хотѣли предупредить и устранить тѣмъ дѣйствительное раздѣленіе русской митрополіи. Ни то, ни другое предположеніе не осуществилось: ни Кипріанъ не сдѣлался послѣ смерти Алексѣя митрополитомъ всея Россіи, ни русская митрополіа не осталась подъ властію одного митрополита. Преемникомъ св. Алексѣя былъ поставленъ Пимень, который достигъ митрополичьей кафедры въ Константинополь обманомъ вмѣсто Митяя. При этомъ поставленіи предназначенный въ митрополиты всея Россіи Кипріанъ едва совершенно не былъ лишенъ всякихъ правъ на русскую митрополію; такъ какъ открылось, что онъ обманомъ получилъ митрополичій санъ; синодъ только по снисхожденію оставилъ его митрополитомъ одной малой Россіи и Литвы ²⁾. Открывшіяся вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіемъ смуты въ русской митрополіи продолжались до тѣхъ поръ, пока въ 1389 г. Кипріанъ одинъ не былъ признанъ митрополитомъ обѣихъ митрополій: русской и литовской, и подъ его властію не соединилась вся русская церковь. Въ синодальномъ дѣяніи по этому предмету еще разъ съ рѣшительностію была высказана мысль, чтобы какъ Кипріанъ, такъ и всѣ послѣдующіе его преемники были и назывались митрополитами всей Россіи, и чтобы такой порядокъ вещей удерживалъ силу во все послѣдующее время безъ всякаго измѣненія; такъ какъ прибавлялось въ томъ же дѣяніи: „мы самымъ дѣломъ убѣди-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 120. ²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 15—17.

лись: какое зло причиняеть раздѣленіе этой церкви на многія части и какое благо приносит существованіе во всей этой области одного митрополита“ ¹⁾).

Кипріанъ принялъ въ управленіе всю русскую церковь при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Враждовавшей противъ Кипріана, вел. кн. Дмитрій Іоанновичъ Донской свончался и на московскій престоль вступилъ Василій Дмитріевичъ, который и встрѣтилъ Кипріана съ честію и продолжалъ питать къ нему свое расположеніе. Вслѣдствіе сего Кипріанъ, сбѣлавшись вполнѣ русскимъ митрополитомъ, безъ труда поддерживалъ свое вліяніе и на предѣлы Литвы и южной Россіи. Какъ прежній митрополитъ этихъ областей, Кипріанъ нашель новую опору для поддержанія своего вліянія здѣсь въ томъ дружественномъ союзѣ, который существовалъ между московскимъ и литовскимъ князьями, изъ коихъ первый былъ женатъ на дочери послѣдняго. Родственный союзъ князей, содѣйствуя взаимному ихъ согласію, много помогаль и церковной связи ихъ княжествъ, подобно тому, какъ въ свое время родственный союзъ Ольгерда съ тверскимъ, смоленскимъ и нежегородскимъ князьями, связывая ихъ интересы, дѣлаль ихъ общими врагами Москвы и ея митрополита. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ Кипріанъ не по имени только, а въ дѣйствительности былъ и назывался митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи, обнаруживая свое вліяніе на предѣлы Москвы, Литвы и даже Польши. Такъ въ 1390 г., по возвращеніи изъ Царьграда, Кипріанъ путешествовалъ въ Тверь, по приглашенію того самаго тверскаго князя Михаила Александровича, который такъ настойчиво враждоваль съ св. Алексѣемъ, для суда надъ тамошнимъ епископомъ Евфиміемъ, котораго низвелъ съ кафедръ и на его мѣсто поставилъ своего архидіакона Арсенія. Въ 1396 г. Кипріанъ вмѣстѣ съ вел. княземъ Васиіемъ Дмитріевичемъ, посѣтилъ Смоленскъ, гдѣ съ честію былъ принять литовскимъ вел. княземъ Витовтомъ, и поставилъ новаго епископа Смоленску Бас-

¹⁾ Act. Pat.. t. II. pag. 128.

сіана. Изъ Смоленска Кипріанъ отправился для обозрѣнія западно-южныхъ епархій и прибылъ въ Кіевъ, въ которомъ и прожилъ полтора года (до 7 октября 1397 г.). Изъ Кіева Кипріанъ простиралъ свое вліяніе на русскія епископіи Польши и имѣлъ извѣстныя намъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ о кафедрѣ галицкой митрополіи. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Москвѣ, Кипріанъ снова въ 1404 г. поѣхалъ въ Литву, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ смѣнилъ своего намѣстника, архимандрита Тимоѳея, и всѣхъ состоявшихъ при немъ митрополичьихъ слугъ и отправилъ ихъ въ Москву, поставивъ своимъ намѣстникомъ спаскаго архимандрита Θεодосія и новыхъ слугъ ¹⁾. Изъ Кіева Кипріанъ предпринималъ путешествіе въ волинскую землю, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ холмскимъ и луцкимъ поставилъ новаго епископа для Владиміра, и имѣлъ въ городѣ Миролубовѣ свиданіе съ польскимъ королемъ Ягеллою и литовскимъ княземъ Витовтомъ, принявшимъ митрополита съ честью ²⁾. Въ это же путешествіе Кипріанъ, по настоянію Витовта, лишилъ сана туровскаго епископа Антонія. Всѣ эти факты достаточны для сужденія о томъ, что русская церковь вполне объединилась подъ властію Кипріана, правившаго ея осьмнадцать лѣтъ на правахъ всероссійскаго митрополита. Но это объединеніе и окончилось со смертію Кипріана. Открывшіяся несогласія между московскимъ и литовскимъ князьями повлекли за собою и новыя попытки къ раздѣленію митрополій, которыя впрочемъ не имѣли успѣха. И московскій и литовскій князья каждый послали отъ себя просьбы въ Константинополь о поставленіи митрополита. Въ то время, какъ московскій князь прямо отнесся къ цареградскому патріарху и императору съ просьбою, чтобы они избрали и прислали въ Россію митрополита по прежнимъ примѣрамъ, литовскій князь, избравъ своего кандидата, полоцкаго епископа Θεодосія родомъ грека, просилъ поставить его митрополитомъ: „поставьте его намъ митрополитомъ, писалъ Витовтъ, чтобы онъ сидѣлъ

¹⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 311—312. ²⁾ Там. стр. 415.

на столѣ кievской митрополіи по старинѣ и строилъ церкви Божію по давнему, какъ нашъ, потому что по волѣ Божіей мы обладаемъ тѣмъ городомъ“. Какъ обращеніе московскаго, такъ и просьба литовскаго князя въ Царьградъ о митрополитѣ одинаково знаменательны. Первый предоставлялъ самому патриарху, по прежнимъ примѣрамъ, избрать и поставить для русской церкви митрополита, очевидно не по имѣнію у себя кандидата, а въ томъ предположеніи, что при господствовавшемъ въ Константинополѣ убѣжденіи не допускать новаго раздѣленія русской митрополіи, тамъ лучше сѣумѣютъ соблюсти его интересы, и онъ не подастъ со своей стороны повода къ духовному разобщенію. Равнымъ образомъ и Витовтъ, ходатайствуя о поставленіи своего кандидата, вовсе не выражалъ, подобно Ольгерду, рѣшительнаго желанія о томъ, чтобы Литва и подчиненныя ей русскія области были отдѣлены отъ прочей Россіи въ церковномъ отношеніи, и для нихъ былъ поставленъ свой, особый митрополитъ. Витовтъ только хотѣлъ, чтобы русскій митрополитъ на будущее время по старинѣ жилъ въ Кіевѣ, который принадлежалъ къ его областямъ, а не въ Москвѣ, и съ этою цѣлю предлагалъ своего кандидата, съ которымъ очевидно уговорился на счетъ будущаго его мѣсто-пребыванія ¹⁾. Въ Константинополѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не была принята просьба Витовта, но исполнено обращеніе московскаго князя, по той конечно причинѣ, что тамъ не могли предпочесть на сей разъ ходатайство иновѣрнаго государя, какимъ былъ Витовтъ—латинянинъ, и сдѣлать неприятность московскому, православному князю. Велѣдствіе сего въ Константинополѣ, какъ для Кіева, такъ и для всей Россіи, былъ поставленъ митрополитомъ Фотій, по происхожденію грекъ изъ Мореи ²⁾. Оскорбленный отказомъ Витовтъ не хотѣлъ бы-

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 310. Слово „намъ“, замѣчаетъ Соловьевъ, вовсе не должно означать здѣсь непременно „въ Литву, въ западную Русь“, а означаетъ просто мѣстность назначенія. прим. 495. стр. 462.

²⁾ Одни, слѣдуя хронологіи настольной грамоты митрополита Фотія (А. И. т. I. № 254), говорятъ, что онъ былъ поставленъ въ митрополиты „всей Россіи“ еще патриархомъ Автономъ 1393 г. (Филаретъ, Истор. русс. церк.

до принимать Фотія, но потомъ принялъ, взявъ съ него напередъ обѣщаніе, что Фотій будетъ часто посѣщать кievскую церковь и заботиться о ней; пробывъ по этому случаю около семи мѣсяцевъ въ Кіевѣ, Фотій отправился въ Москву, гдѣ въ 1410 г. безпрепятственно былъ встрѣченъ и принятъ съ особеннымъ почетомъ и радостію ¹⁾. Оставаясь митрополитомъ всея Россіи, Фотій и на самомъ дѣлѣ является такимъ: въ концѣ слѣдующаго же 1411 г. онъ отправился обозрѣвать литовскія епархіи и во время этого обзора въ Кіевѣ рукоположилъ Севастіана епископомъ въ Смоленскъ, въ Луцкѣ—Евфимія епископомъ въ Туровъ, посѣтилъ и Галичь, откуда въ августѣ 1412 г. возвратился въ Москву. Путешествіе въ Галичь показываетъ, что и эта далекая окраина при Фотіи относилась къ предѣламъ русской митрополіи. При такомъ началѣ правленія Фотія, казалось бы, объединеніе русской митрополіи должно было утвердиться еще болѣе; въ дѣйствительности же вышло совершенно другое. Недовольному уже на Фотія за предпочтеніе имъ Москвы Кіеву и въ тоже время продолжавшему еще находиться во враждѣ съ московскимъ княземъ Витовту нуженъ было только предлогъ, чтобы поставить вопросъ о раздѣленіи русской митрополіи и объ отдѣленіи Литвы отъ Москвы въ церковномъ отношеніи. Поводъ этотъ заключался въ томъ, что бѣжавшіе изъ Москвы въ Литву враги Фотія, которыхъ онъ успѣлъ нажить заботами объ устройствѣ хозяйственныхъ дѣлъ митрополіи, наговорили Витовту, что Фотій „все узорочіе церковное и сосуды переноситъ на Москву, и весь Кіевъ и всю землю пусто сотвори тяжкими пошлинами и данями великими и неудобъ носимыми“ ²⁾. Воспользовавшись этими обвиненіями, Витовтъ прежде всего созвалъ подручныхъ ему князей, съ которыми рѣшить отказать Фотію въ управленіи

г. III. стр. 6). Другіе, наоборотъ, признавая означенную грамоту подложною, или несороченною, въ согласіи съ показаніями другихъ историческихъ памятниковъ, утверждаютъ, что Фотій былъ поставленъ патр. Матеемъ 2 сентября 1408 г. (Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 335—337).

¹⁾ Нак. глѣт. т. V. стр. 82. ²⁾ Там. стр. 51.

литовскими епархіями и за тѣмъ послалъ въ Константинополь, къ патріарху и императору жалобу на Фотія съ просьбою поставить въ Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака, который былъ родомъ сербъ, вызванный въ Россію своимъ дядею, митрополитомъ Кипріаномъ¹⁾. Если въ Константинополь рѣшились твердо слѣдовать мысли о нераздѣльности русской митрополіи; то естественно не могли удовлетворить подобнаго ходатайства, особенно при установившейся къ тому времени, родственой связи между византійскимъ и московскимъ дворами²⁾. Встрѣтивъ отказъ своему посольству въ Константинополь, Витовтъ рѣшился на другую мѣру для достиженія своей цѣли. Онъ созвалъ епископовъ своей страны³⁾, которымъ, объяснивъ безуспѣшность своего посольства въ Царьградъ, предложилъ поставить митрополита. Причину безуспѣшности своего посольства Витовтъ полагалъ именно въ корыстолюбіи константинопольскаго императорскаго двора и патріарха. „И то есмо, говорилъ Витовтъ, на нихъ гораздо познали, што жъ они хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупить на митрополью, штобы таковой въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“. Объясняя такъ свою неудачу, Витовтъ въ тоже время, чтобы склонить епископовъ къ своему предложенію, привелъ слѣдующій доводъ: „хотя есмо не у вашей вѣрѣ, а иные люди со стороны рекугъ: „Осподарь не въ той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла“: ино бы того слова отъ людей на насъ не было, а митрополичья дѣла суть явна, штожь отъ него вестроенія, но грабленія, опущеніе церквеи“⁴⁾. Какъ ни рѣшительнѣ

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 98.

²⁾ Сынъ тогдашняго императора Мануила женился на дочери Василія Дмитровича Аннѣ (Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 310)

³⁾ Въ числѣ этихъ епископовъ по однимъ памятникамъ были: полоцкій Феодосій, черняговскій Исаакій, лудскій Діонисій, владимірскій Герасимъ, холмскій Харитонъ и туровскій Евфимій (А. Зак. Росс. т. I. № 35. П. С. Р. Л. т. II. стр. 353; III. 106; V, 259). По другимъ сверхъ этихъ были еще три: галицкій Іоаннъ, червелскій, или перемышльскій Павелъ и смоленскій, Севастіанъ (Нвк. лѣт. т. V. стр. 51).

⁴⁾ Ак. зап. Росс. т. I. № 25. стр. 36.

былъ этотъ доводъ въ устахъ князя, тѣмъ не менѣе епископы не согласились на его предложеніе, чтобы самимъ поставить себѣ митрополита, и поэтому рѣшились еще разъ послать въ Царьградъ къ императору и патриарху съ просьбою поставить для нихъ особаго митрополита и съ угрозою, что если императоръ и патриархъ не сдѣлаютъ для нихъ этаго, они сами поставятъ себѣ митрополита своимъ соборомъ, какъ уже были тому примѣры на Руси. Прожившее въ Константинополѣ довольно долгое время посольство не имѣло успѣха, и Витовтъ, снова созвавъ епископовъ своей области, предложилъ имъ поставить въ митрополиты того же Григорія Цамблака, или Самвлака. 15-го Ноября 1416 г. было совершено это рукоположеніе, и Григорій Самвлакъ сдѣлался „митрополитомъ кievскимъ и литовскимъ“. Подъ власть этого, новаго митрополита поступили епархїи: полоцкая, черниговская, луцкая, владимірская, перемышльская, смоленская, холмская и туровская, отъ имени предстоятелей коихъ была написана соборная грамота объ избранїи и поставленїи Цамблака ¹⁾.

Нѣкоторые извѣстія говорятъ, что западно-русскіе епископы только по принужденію, уступая настоянїямъ Витовта, рѣшились на поставленіе себѣ митрополита ²⁾; между тѣмъ ни изъ окружной грамоты Витовта, ни изъ соборной грамоты литовскихъ епископовъ этого не видно. Въ соборной грамотѣ епископы представляютъ свой поступокъ сколько законнымъ по существу, столько необходимымъ по положенію вещей. Въ первомъ случаѣ, епископы ссылались на апостольское правило: „*два или три епископа рукополагаютъ митрополита*“, на примѣръ, бывший при велик. князѣ Изяславѣ (1147 г.), когда соборомъ русскихъ іерарховъ былъ поставленъ митрополитомъ Климентъ Смолятичъ, на примѣръ болгаръ и сербовъ, которыхъ епископы сами поставляютъ себѣ первосвященителя. „И что глаголемъ, продолжали епископы о болгарѣхъ или о сербѣхъ? Отъ святыхъ апостоловъ тако установлено бысть. Равно на всѣхъ

¹⁾ А. З. Р. т. I. № 24. стр. 33. ²⁾ Ник. лѣт. т. V. стр. 54—55. 38—39,

епископѣхъ православныхъ благодать дѣйствуетъ святаго Духа: ибо апостоли отъ Господа поставлени быша, они же иныхъ поставиша и наки они другихъ, и тако благодать св. Духа даже и до насъ смиренныхъ дойде; и имамы власть, яко апостольскіи ученицы со многими испытаньи и въпрошаньи и сходитися и поставлати своему отечеству пастыря достойна, его же Богъ хочетъ“. Объясняя такимъ образомъ законность совершенной ими хиротоніи, епископы ссылались и на обстоятельства, побудившія ихъ къ этому, и указывали эти обстоятельства, съ одной стороны, въ небреженіи митрополита Фотія объ управленіи западною церковію, который только по имени былъ кievскимъ митрополитомъ и болѣе думалъ о собственныхъ выгодахъ, съ другой—въ насиліяхъ, причиняемыхъ императорскою властію церкви. „Св. вселенскій патріархъ, объясняли епископы, и божественный священный соборъ Константиныя-града по правиломъ поставити митрополита не могутъ, во кого царь повелить; и отсель купуется и продается даръ св. Духа, яко же и Отець его (т. е. царя Мануила—Іоаннъ), сѣтвори на кievскую церковь во днехъ нашихъ о Кипріянѣ митрополитѣ, и о Шимонѣ и о Діонисіи и о иныхъ многихъ, и не смотряше на честь церковную, но смотряше на злато и серебро много. Отсюду быша долги велики и протыри мнози, и молвы и смущенія, и мятежи, убійства, и, еже всѣхъ лютейше, безчестіе церкви кievской и всея Руси. Сего ради сморихомъ и разсудихомъ, яко неправедно есть примати намъ таковыя митрополиты, иже куплею поставлени бывають отъ царя, мірянина будуща чловѣка, а не по воли патріарховѣ и по преданію сущаго собора апостольскаго. Тѣмъ же сподохомся мы, и, по благодати даннѣй намъ отъ святаго Духа, поставихомъ достойна митрополита руской церкви“. Оправдывая такими причинами свой поступокъ, епископы въ то же время заявляли, что они вовсе не думаютъ тѣмъ отступать отъ вѣры и отдѣляться отъ союза съ патріархомъ. „Да не рекутъ нѣщцы, писали епископы, отрицаемъ отъ вѣры, понеже сами поставляемъ митрополита; то да не будетъ: не отлучаемся... и пат-

ріарха убо святѣйша константиноградскаго и мамы патріарха и отца, и прочіе патріархи александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, и тѣхъ митрополиты, и тѣхъ епископы, отцы и братію по Духу святому; и согласно съ ними держимъ исповѣданіе вѣры, и такоже яко же и они учимъ, и такоже мудрствуемъ: но отвращаемся, не могуще терпѣти, еже на церковь Божию насилуваніе царево“¹⁾). Изъ этихъ признаній видно, что литовскіе епископы, поставивъ для себя особаго митрополита, не имѣли другой при этомъ цѣли, кромѣ фактическаго отдѣленія и независимости отъ русскаго митрополита—Фотія. Свое нерасположеніе къ послѣднему и отчужденіе отъ него они выразили въ особомъ, коллективномъ посланіи къ нему. Называя Фотія „бывшимъ митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи“, епископы писали ему: „отнѣли же пришелъ еси, видѣхомъ, занеже многа чинишь не по правиломъ апостольскимъ и отеческимъ; и мы, по правиломъ, терпѣхомъ, яко своего митрополита, и ждахомъ твое исправленіе: егда же слышазомъ о тебѣ, истинно увѣрени быхомъ о нѣкоторой вещи, яже не токмо есть не по правиломъ, но и подъ изверженіемъ и подъ проклятіемъ, яже и самъ, свою совѣсть испытавъ, познаеши. Мы бо ту не пишемъ, не хотяще посрамити тя; глаголемъ же къ тебѣ, яко не имамы тя епископа по правиломъ. Се намъ къ тебѣ слово конечное“²⁾). Отсюда видно, что епископы на основаніи какихъ то особенныхъ, имъ извѣстныхъ, преступленій Фотія отдѣлялись отъ него и не хотѣли имѣть его своимъ митрополитомъ. Замѣчательно, что Фотій въ своемъ окружномъ посланіи, не только не оправдывается въ этомъ обвиненіи, но и вовсе не упоминаетъ о немъ. Называя въ своемъ посланіи литовскихъ епископовъ: „несмысленными, суетными, несвященными помраченниками, а не просвѣтителями, рабами чреву, людьми окаянными“ и подобными именами, Фотій упрекаетъ ихъ вообще въ нарушенія церковныхъ правилъ, и въ частности въ незаконности поставленія

¹⁾ А. З. Р. т. I. № 24. ²⁾ А. З. Р. т. I. № 23.

ими себѣ митрополита, безъ участія константинопольскаго патріарха, и вмѣстѣ въ несоблюденіи даннаго каждымъ изъ нихъ, клятвеннаго обѣщанія въ томъ, „еже не пріимати иного митрополита, но токмо иже отъ Константинограда посылаемаго, отъ соборныхъ и апостольскихъ церкви“ ¹⁾. Обвиненія Фотія имѣли всю фактическую правильность, но едвали они вполнѣ справедливы. Дѣло въ томъ, что литовскіе епископы рѣшились поставить себѣ митрополита послѣ того, когда они не получили отвѣта и удовлетворенія на свою просьбу изъ Константинополя отъ патріарха, и въ виду бывшихъ примѣровъ какъ дѣйствительнаго существованія литовскихъ митрополитовъ, которыхъ поставляли сами патріархи, такъ и самостоятельнаго рукоположенія русскихъ митрополитовъ иѣстными епископами. Трудно назвать „совершенно незаконнымъ и неизвинительнымъ“ и то дѣйствіе литовскихъ епископовъ, что они позволили себѣ отдѣлиться отъ русскаго митрополита безъ всякаго формальнаго изслѣдованія принесеннаго на него обвиненія и безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха ²⁾. Названные епископы рѣшились и на этотъ поступокъ послѣ того, когда ихъ обвиненія не только не были провѣрены, но и оставлены безъ вниманія со стороны того же константинопольскаго престола. Словомъ, если анализировать этотъ фактъ съ канонической точки зрѣнія, то слѣдуетъ одинаково обвинить и оправдать всѣхъ участниковъ: обвинить за недостатокъ взаимной любви, довѣрія и сочувствія; оправдать на томъ основаніи, что они дѣйствовали известнымъ образомъ не по своей волѣ, но по волѣ сильнаго литовскаго князя, который предубѣжденъ былъ противъ императорскаго и патріаршаго константинопольскаго двора, не чувствовалъ особенной расположенности къ русскому митрополиту, удалившемуся изъ Кіева въ Москву, и не хотѣлъ долѣе видѣть свой край подъ властію жившаго въ враждебной ему Москвѣ митрополита. Что дѣйствительно въ основѣ разсматриваемаго факта лежали

¹⁾ А., И. т. I. № 19. ²⁾ Макарія, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 96.

по преимуществу политическія, а не церковныя причины, въ этомъ удостовѣряютъ послѣдующія обстоятельства. Когда остыла въ литовскомъ князѣ, Витовтѣ, вражда къ Москвѣ, и все вниманіе его заняли отношенія къ Польшѣ; въ то время онъ и не подумалъ объ избраніи новаго литовскаго митрополита на мѣсто умершаго, или удалившагося изъ Россіи въ Молдавію, Григорія Цамблака; напротивъ прежде отвергнутый Витовтомъ Фотій снова принялъ въ управленіе западно-русскую церковь, соединивъ объ митрополіи подъ своею властію. Извѣщая объ этомъ православныхъ Литвы въ своемъ посланіи, Фотій именно Витовта представлялъ виновникомъ этого событія: „Христось строий вселенную всю, писалъ Фотій, паки древнимъ благолѣпіемъ и миромъ церковь свою украси, и смиреніе мое въ церковь свою введе, совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)“ ¹⁾. Со вступленіемъ по прежнему въ управленіе западно-русскую церковь Фотій дѣйствительно является въ ея предѣлахъ ²⁾.

Воссоединеніе русской церкви подъ властію одного митрополита Фотія, совершившееся „совѣтованіемъ“ литовскаго князя Витовта, по настояніямъ котораго послѣдовало и ея раздѣленіе, показываетъ, что Витовтъ, ища особаго митрополита для своихъ подданныхъ, дѣйствовалъ по случайнымъ побужденіямъ, и предметомъ его стремленій не было раздѣленіе русской митрополіи. Не имѣлъ въ виду этого раздѣленія и преемникъ Витовта, литовскій князь, Свидригайло, по волѣ котораго смоленскій епископъ Герасимъ, послѣ смерти Фотія

¹⁾ Д. къ А. И. т. I. № 183. стр. 386.

²⁾ Такъ мы видимъ здѣсь Фотія въ 1421 г., когда онъ посѣтилъ Львовъ, Владиміръ волинскій, Вильну и другіе города; въ 1423 г., когда онъ имѣлъ свиданіе съ Витовтомъ въ Смоленскѣ, и, наконецъ, въ 1430 г., когда онъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ былъ у Витовта въ Трокахъ, во время сѣзда королей и князей по случаю предполагавшагося коронованія Витовта королевскимъ вѣнцемъ, и затѣмъ въ Вильнѣ, гдѣ, пробывъ одиннадцать дней, отпущенъ Витовтомъ съ великою честью, каковой Фотій удостоился и отъ новаго, литовскаго князя, Свидригайла на пути изъ Вильны въ Новгородокъ (Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 102—104. Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 315).

(1431 г.), отправился в Царьградъ искать митрополитскаго сана. Въ виду бывшаго съ Григоріемъ Цамблакомъ примѣра въ Константинополѣ не могли отказать Герасиму въ его просьбѣ, но не желали также безъ причины отступить и отъ мысли о нераздѣльности русской церкви, тѣмъ болѣе, что московскій князь не обращался въ Царьградъ съ своимъ кандидатомъ на митрополию. Поэтому въ Константинополѣ поторопились поставить Герасима митрополитомъ, но только не для одной Литвы, а на всю „русскую землю“. Отсутствие особаго митрополита въ Москвѣ открывало Герасиму возможность дѣйствительно сдѣлаться всероссійскимъ митрополитомъ. Съ этою цѣлю замѣчаютъ историки, онъ, возвратившись изъ Константинополя, не захотѣлъ жить ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ, а отправился въ Смоленскъ, „дабы ближе быть къ Москвѣ и, при первомъ случаѣ угнѣненія московскихъ смятеній, занять московскую митрополию, а оттуда управлять и Кіевскою„ ¹⁾. Герасимъ, какъ извѣстно, не достигъ этого, но слѣды его вліянія на великорусскія епархіи можно усматривать въ томъ, что въ 1434 г. онъ рукоположилъ новгородскаго архіепископа Евѣмія ²⁾. Нѣкоторые памятники прямо называютъ Герасима какъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи ³⁾, такъ и митрополитомъ московскимъ и всея Россіи ⁴⁾. Какъ бы то ни было, только съ посвященія Герасима (1433 г.) и до самой его смерти (1435 г.) не было другаго митрополита въ русской церкви, и „нареченный на русскую митрополию“ въ Москвѣ, рязанскій епископъ Іона не управлялъ дѣлами московской митрополіи. Примѣръ Герасима, подкрѣпляемый примѣромъ Кипріана, представляетъ хотя нѣкоторое основаніе къ тому заключенію, что и въ Москвѣ въ свою очередь иногда вовсе не чуждались мысли признавать русскими митрополитовъ литовскаго происхожденія.

¹⁾ Евгеній, Опис. Кіевсоф. собор. стр. 105. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. III. стр. 8—9.

²⁾ Лѣт. вел. князей литов. стр. 56 (въ Записк. II Отд. Акад. Наукъ 1).

³⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 105. прим. 111.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. III стр. 238.

Всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ со стороны литовскихъ князей попытки имѣть для своихъ предѣловъ особаго митрополита были временнымъ явленіемъ, которое ближайшимъ образомъ создавалось политическими причинами и вовсе не имѣло того значенія, чтобы въ дѣйствительности разъединить русскую церковь на двѣ митрополіи. Можно полагать, что и послѣ ряда другихъ, подобныхъ попытокъ означеннаго разъединенія не послѣдовало бы, если бы къ прежнимъ, участвовавшимъ въ настоящемъ явленіи, причинамъ не присоединились новыя. Извѣстно, что преемникомъ Фотія на всероссійской митрополіи, послѣ названнаго Герасима, былъ Исидоръ, родомъ болгаринъ, избранный и рукоположенный въ Константинополь, и присланный въ Россію (1437 г.) съ мыслию подготовить усилъкъ предполагавшагося воссоединенія церковей. Извѣсна также вполне неудавшаяся попытка Исидора подчинить русскую церковь западной—на основаніяхъ флорентинской уніи; но эта попытка оставила и должна была оставить двойкій слѣдъ въ судьбѣ какъ восточной, такъ и западной русской церкви. Дѣло въ томъ, что восточная Русь, состоявшая подъ сильнымъ, православнымъ московскимъ правительствомъ, могла произнести рѣшительный судъ о западной церкви и уклониться отъ всякаго ея вoadѣйствія, тогда какъ Русь западная, находившаяся подъ переменнымъ, то польскимъ, то литовскимъ, католическимъ правительствомъ, не имѣла въ себѣ ни силъ, ни средствъ отстоять свою независимость отъ вліяній западной церкви, имѣвшей во множествѣ своихъ послѣдователей въ ея предѣлахъ. Вотъ почему Исидоръ, принужденный безвозвратно ѡбязать изъ Москвы (1443 г.), хотя не остался нигдѣ и въ западной Россіи, однако не переставалъ считать себя русскимъ митрополитомъ. Конечно Исидоръ самъ лично не успѣлъ бы ни въ чемъ, если бы не встрѣтилъ поддержки въ Римѣ, гдѣ вообще не любилъ отказываться отъ того, что хотя разъ какимъ бы то ни было образомъ попадало въ руки папы. Но папа, вполне понимая невозможность дѣйствовать на Русь восточную, гдѣ правилъ православный князь, рѣшительно отвергши флорентійскую унію,

устремилъ свое вниманіе на Русь западную, гдѣ правилъ послѣдователь римской вѣры. Для упроченія здѣсь своего вліянія папа Каллистъ III, съ согласія бѣжавшаго въ Римъ и находившагося тамъ Исидора и по совѣту съ своими кардиналами, рѣшился отдѣлить западную Русь, именно ту часть русской церкви, которая находилась въ предѣлахъ Литвы и Польши, и подчинить ее управленію особаго митрополита. Такимъ митрополитомъ и былъ поставленъ ученикъ и приверженецъ Исидора, бѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи и считавшійся на должности архимандрита монастыря св. Дмитрія въ Константинополѣ, Григорій. Поставленіе его въ митрополита „киевского, литовскаго и всей южной Россіи“ совершено въ Римѣ (1458 г.) бывшимъ константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ Маммою, который, лишившись своей кафедры за приверженность къ латинству, нѣсколько лѣтъ (съ 1452 г.) жилъ въ Римѣ подъ покровительствомъ папы. Останавливаясь на этомъ, знаменательномъ фактѣ мы должны сказать, что только участіе новаго элемента, т. е. вліяніе Рима произвело окончательное разъединеніе русской церкви и вмѣстѣ раздѣленіе ея на двѣ митрополіи. Что дѣйствительно за этимъ, вновь привошедшимъ элементомъ, мы должны признать рѣшающее значеніе въ настоящемъ случаѣ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ то положеніе вещей, которое утвердилось и продолжало господствовать въ русской церкви по удаленіи Исидора и при поставленіи ему преемника. Въ то время польскій король и вмѣстѣ литовскій князь Казиміръ находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ²⁾. Поэтому какъ Исидоръ, до его осужденія, былъ признанъ митрополитомъ въ Россіи и Литвѣ, такъ и назначенный въ преемники ему, рязанскій епископъ, Іона былъ поставленъ митрополитомъ, по предварительномъ сношеніи Василія Васильевича съ Казиміромъ, который изъявлялъ свое

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевсоф. собор. стр. 109—110. Макарій, Истор. русск. церк. т. VI. стр. 35—36. Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 123.

²⁾ А. З. Р. т. I. № 50.

согласіе на это ¹⁾). Изъявляя свое согласіе на поставленіе Іоны, Казиміръ естественно соглашался и на то, чтобы Іона былъ вмѣстѣ и митрополитомъ Литвы, имѣлъ въ своемъ управленіи и церкви литовско-русскія. Впрочемъ Казиміръ далъ объ этомъ особый листъ на имя Іоны, какъ объ этомъ говоритъ самъ Іона въ своемъ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу. Извѣщая этого князя о своемъ поставленіи въ митрополиты, Іона, между прочимъ, о Казимірѣ отзывался: „писаль до насъ, до своихъ богомольцевъ, свой листъ съ великимъ своимъ жалованьемъ, а хочеть Божіей церкви церковная оправданія вся учинити по старинѣ, а мене, своего богомольца, хочеть жаловать“ ²⁾). Мы ни мало не умалимъ значенія этого пожалованія, если прибавимъ, что польскій король и литовскій князь дѣйствовали такимъ образомъ въ надеждѣ приобрести расположеніе митрополита Іоны, съ цѣлю утвержденія болѣе прочнаго и твердаго мира съ московскимъ княземъ ³⁾); но въ то же время подобнымъ замѣчаніемъ мы еще болѣе утвердимъ мысль, что литовскимъ князьямъ иногда положительно было выгодно, и ихъ интересы требовали того, чтобы имѣть одного съ Москвою митрополита, какъ „общаго богомольца“. Поэтому установившееся раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи трудно объяснить стремленіемъ литовскихъ князей къ отчужденію отъ Москвы. Предъ тѣмъ временемъ, какъ установится этому раздѣленію, мы наблюдаемъ явленія совершенно противоположнаго свойства. Литовскіе князья особою грамотою признали Іону своимъ митрополитомъ и подчинили его власти духовенство и церкви своихъ предѣловъ. „Всяко дѣло благо, писалось въ этой грамотѣ, и всякъ даръ свершенъ свыше сходитъ отъ божественнаго изволенія, во имя пресвятыя и живоначальныя и нераздѣльныя Троицы. Желая утвер-

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. VI. стр. 24. прим. 26.

²⁾ А. И. т. I. № 47. стр. 96.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 321. Что дѣйствительно подобныя цѣли могъ имѣть въ виду Казиміръ, это подтверждаетъ его просьба къ Іонѣ о томъ, чтобы Іона позаботился объ укрѣпленіи братства и любви между великими князьями (А. И. т. I. № 47).

дять, по чести и справедливости, прежде бывшее какъ бывало при отцѣ нашемъ, королѣ Владиславѣ и дядѣ нашемъ, вел. кн. Витовтѣ и иныхъ предкахъ нашихъ, мы Казиміръ Божию милостию, король польскій и великій князь литовскій... гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ, вел. кн. (Васил. Васильевичемъ) и съ нашими князьями и панами и съ нашею радюю полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ (Иону, прежде бывшаго епископа муромскаго и рязанскаго) и дали ему престоль митрополіи кievской и всея Руси, какъ бывало прежде, по установленію и обычаю русскаго христіанства. А онъ имѣеть править свою честь и свой митрополитскій долгъ по старому, какъ правили прежде бывшіе митрополиты, по добрымъ обычаямъ предковъ нашихъ и своего христіанства. По сему князья наши и епископы и бояре, архимандриты и игумены, священники, діаконы и иноки и весь причтъ церковный и весь народъ христіанства русскаго вмѣйте его, отца нашего Иону, за митрополита, чтите его и будьте ему послушны въ дѣлахъ духовныхъ, какъ чтили и слушались прежде бывшихъ митрополитовъ“ ¹⁾. Этою грамотою польско-литовскіе князья безусловно признали Иону своимъ митрополитомъ на общихъ основаніяхъ митрополитскихъ правъ. На основаніи такого признанія Иона въ дѣйствительности распоряжался въ Литвѣ, какъ собственный ея митрополитъ. Такъ мы видимъ, что онъ имѣлъ своего намѣстника въ кievской митрополіи, которому было поручено завѣдывать дѣлами въ главныхъ центрахъ литовской Руси: въ Кіевѣ, Вильнѣ, Новгородкѣ, Гроднѣ а равно и во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, входившихъ въ составъ митрополитчьеи епархіи и зависѣвшихъ отъ митрополитчьеи кievской кафедрѣ, на общихъ основаніяхъ намѣстнической должности ²⁾. Получивъ въ свое управленіе церкви литовско-русскія, Иона просилъ Казиміра о подчиненіи ему и издавна отторгнутой отъ единства съ русскою митрополіею митрополіи галицкой; съ этою своею просьбою Иона

¹⁾ А. И. т. I. № 42. Макарій, Ист. русс. церк. т. VI. стр. 25—26.

²⁾ А. И. т. I. № 48. № 284. А. Э. т. I. № 92. 103.

обращался къ Казимиру вслѣдствіе того, что Казимиръ обѣщаль вмѣстѣ съ кievскою присоединить и галицкую митрополию къ русской: „хотѣлъ еси, писалъ Иона, всю извѣчную старину исполнити и церковь Божию, свою богомолію, совершенно въ единачествѣ учинити, хотѣлъ еси въ другомъ своемъ богомоліи и господарствѣ, галической митрополи Божія церкви и дома церковныя къ той святой Богомоліи кievской, къ церкви святой Софіи и къ кievскому столу отдати по старинѣ и велѣлъ еси намъ обослати туту въ томъ своемъ господарствѣ: и ты бы великій господарь пожаловаль церковь учинилъ въ священномъ единачествѣ и въ совокупленіи по старинѣ“ ¹⁾). Сверхъ сего мы видимъ, что Иона неоднократно посѣщаль Кіевъ и предѣлы Литвы и неоднократно чрезъ своихъ посланныхъ и особья грамоты обращался и къ Казимиру и къ православнымъ литовскимъ панамъ съ ходатайствами по дѣламъ западно-русской церкви ²⁾). Всѣ эти факты, не оставляя сомнѣнія въ томъ, что ко времени окончательнаго раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи единство ея представлялось болѣе, чѣмъ когда либо обеспеченнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что поворотъ въ этомъ отношеніи могъ произойти только вслѣдствіе особаго, сторонняго и сильнаго вліянія.

Такимъ вліяніемъ и было воздѣйствіе римскаго папы на польскаго короля и литовскаго князя Казимира, какъ послѣдователя римскаго закона. Въ Римѣ не могли не знать о происходившемъ въ западной Россіи и, въ особенности, объ усиливавшемся здѣсь значеніи русскаго митрополита. Поэтому тамъ обдумывали мѣры, при помощи которыхъ надѣялись вѣрнѣе и успѣшнѣе достигнуть цѣли: рѣшили послать своего митрополита для тѣхъ частей Россіи, которыя находились въ предѣлахъ Литвы и Польши. Рѣшеніе Рима не оставалось тайною для Москвы; поэтому здѣсь также, лишь только узнали о намѣреніяхъ Рима, успѣшили принять свои мѣры къ устраненію новаго митрополита. Предполагая и зная, что все это дѣлается

¹⁾ А. И. т. I. № 260. ²⁾ Там. II. III.

безъ воли и участія польскаго короля и литовскаго князя, Василій Васильевичъ обратился къ Казимиру съ просьбою не принимать митрополита изъ Рима и писалъ ему: „Григорія отъ Рима не принимай къ себѣ на мѣсто общаго нашего отца, митрополита Ионы; новизны не дѣлай, старины нашей не нарушай; старина же наша еже отъ прародителя нашего великаго князя Владиміра, крестившаго русскую землю, и по этой старинѣ взыскаііе и принятіе митрополитовъ всегда зависѣло отъ великихъ князей русскихъ, а не отъ князей литовскихъ. Кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ митрополитомъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не быть; мнѣ не надобенъ“ ¹⁾. Не оставался при этомъ случаѣ въ бездѣйствіи и Иона. Будучи не въ силахъ, по причинѣ болѣзней и старости, самъ отправиться въ Литву, Иона послалъ туда двухъ игуменовъ: троїцкаго Вассіана и кирилловскаго Кассіана съ грамотами къ епископамъ, князьямъ, боярамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, убѣждалъ ихъ постоять за православленную вѣру, помнитъ древнее законоположеніе, установленное на семи соборахъ ²⁾. Нѣтъ надобности прибавлять, что увѣщанія московскаго князя и русскаго митрополита не могли достигнуть цѣли. Казиміръ, если бы и желалъ, не могъ воспротивиться принятію Григорія, который былъ снабженъ грамотами отъ пославшаго его, папы Пія II, отъ рукоположившаго его, бывшаго константинопольскаго патріарха, Григорія Маммы и наконецъ отъ Исидора ³⁾. Безспорный авторитетъ всѣхъ этихъ лицъ въ глазахъ Казиміра, какъ католика, требовалъ съ его стороны безусловнаго повиновенія ихъ требованіямъ. Вслѣдствіе сего Казиміръ не только принялъ Григорія, но и послалъ

¹⁾ А. Э. т. I. № 80. стр. 68.

²⁾ Изъ этихъ грамотъ сохранилась только одна къ боярамъ и панамъ (А. И. т. I. № 45). Кромѣ этихъ грамотъ, Иона писалъ новыя тѣмъ же лицамъ, когда Григорій уже прибылъ въ Литву, и нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ вошли въ общеніе съ нимъ (А. И. т. I. № 63. 66).

³⁾ Объ этомъ говоритъ самъ Иона въ посланіяхъ къ смоленскому епископу Максиму и новгородскому архіепископу Юнѣ и черниговскому епископу Евемію (А. И. т. I. № 62. стр. 111. № 65. стр. 116—117. № 273. стр. 506).

гъ московскому князю посольство съ просьбою признать его русскимъ митрополитомъ на мѣсто престарѣлаго Іоны ¹⁾. Василій Васильевичъ не только не согласился на предложеніе Казимира, но и не хотѣлъ слышать о томъ, чтобы принять Григорія. Вслѣдствіе сего русская церковь раздѣлилась на двѣ митрополіи: восточно-русскую, или московскую и западно-русскую, или литовскую ²⁾. Послѣдняя при этомъ отдѣленіи заключила въ своихъ предѣлахъ всѣ тѣ епархіи, которыя находились подъ властію польскаго короля и вмѣстѣ литовскаго князя. Эти епархіи были слѣдующія: брянская (черниговская), смоленская, перемышльская, туровская, луцкая, владимірская, полоцкая, холмская и галицкая ³⁾.

Означенные предѣлы западно-русской митрополіи не оставались неизмѣнными, напротивъ подвергались измѣненіямъ вмѣстѣ съ политическими перемѣнами. Такъ, въ королевской грамотѣ отъ 1506 г. на имя князя Михаила Глинскаго о раздѣленіи имущества кіевскаго воеводы, князя Путятина, между православными монастырями и церквами поименованы, кромѣ виленской каедральной церкви митрополита, синадики епископій: смоленской, полоцкой, владимірской, луцкой, туровской, перемышльской и холмской ⁴⁾. Епископы перечисленныхъ епархій являются присутствующими и на виленскомъ соборѣ въ 1509 г. ⁵⁾ съ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ. Въ числѣ этихъ епископовъ, съ одной стороны, нѣтъ епископа брянскаго или черниговскаго, съ другой—галицкаго. Если имени послѣдняго не встрѣчается вслѣдствіе того, что каедра его была занята литовскимъ „архискупомъ“; то имени перваго нѣтъ потому, что епархія его перешла уже въ вѣденіе восточно-рус-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. VI. стр. 169. А. И. т. I. № 62. стр. 111. № 273. стр. 505.

²⁾ „И оттолѣ раздѣлися митрополіа: король сего прія Григорія, и князь великій не восхотѣ; и оттолѣ сотворишися два митрополита въ Русь, еднѣвъ на Москвѣ, а вторій въ Кіевѣ“ (П. С. Л. т. VI. стр. 169. т. VIII. стр. 149).

³⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. собор. стр. 110. Макс. Истор. русс. церк. т. VI. стр. 36.

⁴⁾ А. З. Р. т. I. № 224. стр. 370.

⁵⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. прилож. стр. 41.

скаго митрополита ¹⁾ послѣ завоеванія вел. княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1500 г. всѣхъ, кромѣ Смоленска, восточныхъ областей литовскаго княжества до Днѣпра ²⁾). При этомъ завоеваніи черниговскій и брянскій епископъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву. Равнымъ образомъ, когда при Василіи Іанновичѣ въ 1514 г. былъ завоеванъ Смоленскъ, смоленская епархія съ того времени поступила въ вѣденіе московскаго митрополита ³⁾). По завоеваніи при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1563 г. Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, полоцкая епархія также поступила въ вѣденіе восточно-русскаго митрополита. Впрочемъ, подобное присоединеніе полоцкой епархіи было лишь временное, по той причинѣ, что польскій король, Стефанъ Баторій въ 1578 г. снова отнялъ у Россіи Полоцкъ и подчинилъ полоцкую епархію подъ власть западно-русскаго митрополита ⁴⁾). Митрополитъ Евгеній, упоминая о завоеваніяхъ Россіи у Литвы, замѣчаетъ: „при всѣхъ сихъ случаяхъ наши государи и первосвященники очищали церкви и монастыри отъ католицизма; а жители, неволею и гоненіями увлеченные въ оныя, охотно возвращались къ православію“ ⁵⁾). Что касается восточно-русской, московской митрополіи, то въ ея предѣлахъ, по раздѣленіи русскаго царства, остались тѣ епархіи, которыя находились во владѣніяхъ московскаго, или русскаго государства. Въ числѣ этихъ епархій, кромѣ Москвы и Владиміра, принадлежавшихъ къ каедрѣ митрополита, находились слѣдующія: новгородская, ростовская, суздальская, рязанская, тверская, сарская, коломенская и пермская. По мѣрѣ того, какъ владѣнія русскаго государства болѣе и болѣе расширялись съ покореніемъ Россіею новыхъ царствъ, земель и областей, раздвигались и предѣлы восточно-русской митрополіи съ умноженіемъ числа подчиненныхъ ея

¹⁾ Филаретъ, Истор. русс. церк. т. III. стр. 17.

²⁾ Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 116.

³⁾ Там. стр. 119 Филаретъ, Истор. русс. церк. т. III. стр. 18.

⁴⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. VI. стр. 349—350.

⁵⁾ Опис. Кіевософ. соб. стр. 119.

митрополиту епископій. Какъ образованіе новыхъ епархій въ предѣлахъ восточно-русской митрополи, такъ и измѣненія въ епископіяхъ западно-русской, отходя въ область вопроса объ епархіальномъ управленіи въ русской церкви, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

Первые русскіе митрополиты имѣли свое мѣстопребываніе въ Переяславѣ. На это и указываетъ лѣтописецъ, когда говорить: „бѣ прежде въ Переяславѣ митрополя“ ¹⁾. Никонова лѣтопись еще опредѣленнѣе выражаетъ эту мысль: „бѣ прежде Переяславѣ митрополя, и живяху множае тамо митрополиты кіевскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо“ ²⁾. Причина этого явленія, какъ справедливо объясняютъ, заключалась въ томъ, что присылаемые изъ Царьграда въ Россію, первые митрополиты не находили для себя приличнаго помѣщенія въ Кіевѣ; между тѣмъ какъ въ Переяславѣ, въ 82 верстахъ отъ Кіева, имѣлся готовый, княжескій домъ, который и былъ отданъ митрополитамъ для жительства ³⁾. Переселеніе русскихъ митрополитовъ изъ Переяславля въ Кіевъ совершилось при вел. кн. Ярославѣ I въ то время, когда этотъ князь устроилъ въ Кіевѣ софійскій, каедральный храмъ и при немъ митрополичій домъ (1037 г.) ⁴⁾. Въ Кіевѣ и оставалась каедра русскаго митрополита до того времени, пока древняя столица русскаго государства не была опустошена и разрушена монголами. Первый въ періодъ монгольскаго ига, русскій митрополитъ Кириллъ II, возвратившись изъ Никеи, не могъ найти пристанища для себя въ прежней резиденціи митрополи: каедральный софійскій храмъ и митрополичій домъ были разрушены такъ, что отъ перваго сохранились однѣ только стѣны; десятичная церковь тоже находилась въ развалинахъ, отъ нея сохранился только южный предѣлъ; печерская обитель, покинутая ея иноками, вслѣдствіе разрушенія, также не могла доставить пріюта новому митрополиту; во всемъ прежнемъ Кіевѣ насчитывалось уцѣлѣвшими

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I. 89. ²⁾ Ник. лѣт. т. I. стр. 191.

³⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. I. стр. 24.

⁴⁾ Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 13. 15.

около двухъ сотъ домовъ, въ которыхъ оставалось немного жителей, подвергавшихся при томъ татарскимъ набѣгамъ ¹⁾). При такихъ обстоятельствахъ новому митрополиту естественно было подумать о новомъ мѣстопребываніи кафедры митрополіи. Принимая во вниманіе съ одной стороны то, что Кирилль II сдѣлался русскимъ митрополитомъ, по желанію и избранію галицкаго князя Данила, самаго сильнаго въ то время изъ южно-русскихъ князей, съ другой—то, что разоренный и опустошенный Кіевъ также находился во власти галицкихъ князей, можно предполагать, что новый митрополитъ постарается остаться въ предѣлахъ владѣній галицкаго князя, близкаго и расположеннаго къ нему лица. Въ дѣйствительности Кирилль не сдѣлалъ этого: возвратившись изъ Никеи, новый митрополитъ отправился изъ Кіева въ Черниговъ, потомъ въ Рязань, далѣе въ землю Суздальскую и наконецъ въ великій Новгородъ; главнымъ же мѣстомъ его пребыванія и дѣятельности во все продолжительное время его правленія является Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ водворились сѣверные князья ²⁾).

Дѣйствуя главнымъ образомъ и при важныхъ обстоятельствахъ, здѣсь, во Владимірѣ, митрополитъ Кирилль однако не оставлялъ совершенно и Кіева; сюда онъ ѣздилъ въ 1263 г., но возвратился въ 1274 г. во Владиміръ, гдѣ поставивъ Серапіона епископомъ владимірскимъ, переселился въ Кіевъ и тамъ въ 1276 г. рукоположилъ новгородскаго епископа Климента. За-

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 32—33. Макарій, Истор. русск. церк. т. IV. стр. 9.

²⁾ Во Владимірѣ мы видимъ Кирилла въ 1250 г., когда онъ вѣнчалъ Андрея, сына вел. кн. Ярослава, брата Александра Невскаго; въ 1252 г.—когда онъ торжественно у золотыхъ воротъ встрѣчалъ возвращавшагося изъ орды св. Александра Невскаго и посадилъ его на велико-княжескій столъ; въ 1255 г., когда онъ погребалъ брата св. Александра Невскаго, Константина; въ 1261—62 г., когда благословилъ набрать и рукоположить въ Ростовъ новаго епископа Игнатія; въ 1263 г., когда онъ встрѣтилъ и похоронилъ тѣло св. Александра Невскаго въ Рождественско-Богородицкомъ монастырѣ; въ 1274 г., когда онъ, по поводу поставленія для Владиміра особаго епископа Серапіона, собиравъ извѣстный владимірскій соборъ, оставившій знаменитѣйшій по тому времени памятникъ своихъ дѣлъ (Русск. Достоин. т. I. стр. 106—118).

мѣчательно, что спустя четыре года, мы снова въ 1280 г. видимъ Кирилла во Владимірѣ и суздальской области, гдѣ онъ и умеръ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ (9 декабря) ¹⁾, но погребенъ въ Кіевѣ въ каедральномъ софійскомъ соборѣ ²⁾. Эти факты, подтверждая свидѣтельство Никоновой лѣтописи, что митрополитъ Кириллъ обыкновенно путешествовалъ изъ Кіева по городамъ всея Россіи „учаще, наказующе и исправляше“ ³⁾, въ тоже время, согласуются съ тѣмъ заключеніемъ, что названный митрополитъ равную, если не большую часть времени провелъ во Владимірѣ, дѣйствуя на сѣверѣ столько же, сколько на югѣ. Подобное заключеніе, если не даетъ права утверждать, что Кириллъ уже перенесъ каедру митрополіи изъ Кіева во Владиміръ ⁴⁾, то заставляеть предположить, что онъ своимъ предпочтеніемъ Владиміра Кіеву подготовилъ это явленіе, необходимое по всѣмъ обстоятельствамъ того времени ⁵⁾. Главными въ ряду этихъ обстоятельствъ должно поставить во первыхъ то, что Кіевъ къ тому времени уже потерялъ свое первостепенное значеніе, и на мѣсто его возвысился Владиміръ, сдѣлавшійся теперь столицею великихъ русскихъ князей, во вторыхъ—то, что южная, при-дѣпровская Русь, гдѣ находился Кіевъ, не могла въ то время представить такое широкое поприще для дѣятельности митрополита, какъ Русь сѣверо-восточная, гдѣ находился Владиміръ и — имѣлись многолюдныя церкви и сосредоточивались русскія епархіи. При томъ пребыванію Кирилла во Владимірѣ благопріятствовало то обстоятельство, что на каедрѣ этого города съ 1239 г. не было своего епископа, погибшаго при нашествіи татаръ во владимірскомъ соборѣ вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ и множествомъ народа, а Кириллъ поставилъ сюда особаго

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 202—204. т. III. стр. 54. 63. т. IV. 38. т. V. 186. 189. 196. 199. т. VII. 159. Ник. лѣт. т. III. стр. 32—33. 34. Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс. т. IV. стр. 77 и прим. 153—154.

²⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 227; III. 64; V. 199; VII. 174.

³⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 96.

⁴⁾ Евгеній, Истор. слов. о писат. дух. чин. т. I. стр. 333.

⁵⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 296.

епископа не прежде, какъ въ 1274 г., когда онъ переселился въ Кіевъ. Такимъ образомъ Кіевъ вмѣстѣ съ гражданскимъ началъ мало по малу терять и свое церковное значеніе. Преемникъ Кирилла, митрополитъ Максимъ, родомъ грекъ, подобно своему предшественнику, обходилъ всю русскую землю, „учаще, наказующе и управляюще“¹⁾; но преимущественнымъ мѣстомъ его пребыванія и дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ первую и бѣльшую половину его правленія (1283—1298 г.), долженъ быть признанъ Кіевъ. Сюда прямо прибылъ Максимъ по возвращеніи изъ орды и сюда же (въ 1284 г.) созвалъ къ себѣ всѣхъ русскихъ епископовъ, какъ бы желая тѣмъ показать, что Кіевъ долженъ оставаться резиденціею митрополіи и ея каѳедры. Въ Кіевѣ же, въ софійскомъ соборѣ Максимъ рукоположилъ Іоанна епископомъ во Владиміръ и Суздаль (1288 г.), Тарасія въ Ростовъ и Андрея въ Тверь (1289 г.). Дѣйствуя въ Кіевѣ, Максимъ не забывалъ и суздальской земли, которую онъ навѣстити (въ 1285 г.) вмѣстѣ съ Новгородомъ и Псковомъ, во время перваго своего путешествія и еще особо (въ 1295 г.), когда рукоположилъ Симеона епископомъ во Владиміръ и Суздаль. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднее пребываніе Максима въ суздальской землѣ произвело на него благопріятное впечатленіе; этимъ и объясняется, почему митрополитъ Максимъ, не остановившись во Владиміръ послѣ перваго своего посѣщенія суздальской земли, не только возвратился туда (въ 1299 г.) послѣ втораго, но и совершенно съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ переселился во Владиміръ, гдѣ, подобно Кириллу, занялъ епископскую каѳедру, а поставленнаго имъ, владимірскаго епископа, Симеона перевелъ въ Ростовъ²⁾. Лѣтописецъ, передавая этотъ фактъ, объясняетъ его тѣмъ, что митрополитъ Максимъ переселился изъ Кіева во Владиміръ, не вынося болѣе насилія татаръ, вслѣдствіе котораго разбѣжался весь Кіевъ. Если насилія татаръ слѣдуетъ признать общею причиною затруднительнаго пребыванія митрополитовъ въ Кіевѣ со времени его опу-

¹⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 84. ²⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 96.

стошенія; то нельзя допустить, чтобы эти насилия, увеличившись ко времени правленія Максима, заставили этого митрополита только теперь оставить опустѣвшій Кіевъ и переселиться во Владиміръ. Послѣдовательнѣе будетъ предположить, что мысль о переселеніи во Владиміръ и прежде занимала митрополита, но его удерживали осуществить эту мысль происходившія на сѣверѣ смуты, во время ожесточенной вражды сыновей Невскаго—Дмитрія и Андрѣя. Какъ только начала утихать эта вражда, Максимъ и переселился изъ Кіева во Владиміръ, гдѣ и умеръ и погребенъ въ соборной церкви пресвятой Богородицы ¹⁾. Переселеніе Максима однако не утвердило здѣсь пребыванія митрополичьей кафедры. Преемникъ Максима, митрополитъ Петръ, возвратившись послѣ рукоположенія изъ Константинополя, уже только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ, древней резиденціи митрополита, и спѣшилъ на сѣверъ во Владиміръ, въ которомъ онъ хотя мало жилъ, но, подобно предшественнику, управлялъ владимірскою епархіею ²⁾. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто и ведя странническую жизнь, Петръ во время своихъ путешествій особенно полюбилъ красивое мѣстоположеніе Москвы и княжившаго въ ней Іоанна Даниловича Калиту, такъ что подъ конецъ своего правленія началъ большую часть времени проживать въ Москвѣ, пока въ 1325 г. совсѣмъ не переселился сюда. Въ Москвѣ уже съ Петромъ между прочимъ рукоположилъ новгородскаго архіепископа Моисея и вмѣстѣ съ другими свитателями похоронилъ тѣло убитаго въ ордѣ Юрія Даниловича. Живя въ Москвѣ и имѣя намѣреніе основать здѣсь пребываніе кафедры русской митрополита, Петръ убѣдилъ Калиту устроить каменную церковь пресвятой Богородицы, пророчески сказавъ ему: „если ты послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославившійся болѣе иныхъ князей съ родомъ твоимъ, и градъ твой будетъ славенъ между всѣми городами русскими, и святители поживутъ въ немъ и кости мои здѣсь положены будутъ“. Калита послушался святителя, и въ воздвигаемой цер-

¹⁾ Соловьевъ. Истор. Росс. т. IV. стр. 297.

²⁾ Макарій, Истор. русск. церк. т. IV. стр. 21.

кви близъ жертвенника митрополить Петръ собственными руками устроилъ для себя гробъ, въ которомъ и былъ погребенъ (1326 г.) ¹⁾. Если митрополить Кирилъ еще могъ колебаться между Кіевомъ и Владиміромъ, чувствуя всю свѣжесть воспоминаній о церковномъ значеніи древней митрополи; если преемникъ Кирилла, Максимъ, только подъ конецъ своего правленія, рѣшилъ вопросъ въ пользу Владиміра, куда и переселился со всѣмъ своимъ клиросомъ; то митрополиту Петру не предстояло особеннаго затрудненія оставить Владиміръ, который былъ каедрою епархіальнаго епископа, и не составлялъ уже резиденціи великихъ князей, остававшихся жить въ наслѣдственномъ удѣлѣ и посылавшихъ въ Владиміръ своихъ намѣстниковъ ²⁾. Преемнику св. Петра, коимъ былъ митрополить Θεогность, не приходилось колебаться въ выборѣ своего мѣстопробыванія. Дѣйствительно, лѣтописи говорятъ, что митрополить Θεогность, прибывъ въ Россію, сначала посѣтилъ Кіевъ, гдѣ была русская, первосвятительская каедра, затѣмъ отправился во Владиміръ, гдѣ предшественники его занимали каедру епархіальнаго епископа, и наконецъ пришелъ въ Москву, гдѣ основалъ свое мѣстопробываніе его предшественникъ, св. Петръ, и поселился въ усроенномъ послѣднимъ домѣ ³⁾. Кромѣ удобствъ пробыванія въ Москвѣ, гдѣ уже имѣлся каедральный храмъ, Θεогноста могло располагать къ этому и то обстоятельство, что московскій князь былъ признанъ въ то время вел. княземъ и первенствовалъ въ Россіи безъ соперника. Впрочемъ Θεогность, поселившись въ Москвѣ, принужденъ былъ, по причинѣ обнаружившихся на юго-западѣ Россіи смутныхъ обстоятельствъ, не только путешествовать въ Кіевъ, но и жить тамъ и во Владимірѣ на Волынѣ довольно долгое время, а равно бывать и во Владимірѣ на Клязьмѣ, куда онъ не задолго предъ своею смертію поставилъ епископомъ

¹⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 130. 135. 136.

²⁾ Карамзинъ, Истор. Росс. Гос. т. IV. стр. 193.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 230. V. стр. 218. VII. стр. 201. Ник. лѣт. т. III. стр. 139.

св. Алексѣя и потомъ назначилъ его своимъ преемникомъ на митрополіи ¹⁾).

Оставленіе русскими митрополитами Кіева и пребываніе ихъ то во Владимірѣ, то въ Москвѣ, удаляя ихъ отъ юга, не привязывали вполнѣ и къ сѣверу. Дѣло въ томъ, что собственно Кіевъ съ прилегавшими къ нему мѣстностями составлялъ собственную каеэдру русскаго митрополита, между тѣмъ Владиміръ былъ и считался каеэдрою мѣстнаго епархіальнаго епископа; проживавшіе здѣсь митрополиты только временно управляли этою епархією; Москва же, въ которой основались послѣдніе митрополиты, не составляла никакой епархіи и не имѣла никакой каеэдры. Вслѣдствіе сего русскіе митрополиты, удалившись изъ Кіева, по причинѣ его бѣдственнаго положенія, не приобрѣли въ замѣнъ его на сѣверѣ ничего, что считалось бы по праву принадлежащимъ ихъ каеэдрѣ и составляло ближайшій источникъ содержанія. Подобное положеніе вещей не могло продолжаться послѣ того, какъ сдѣлалось яснымъ, что мѣстопробываніемъ каеэдры русскаго митрополита на будущее время долженъ служить не Кіевъ, а Москва, несоставлявшая въ то время особой епархіи. Вотъ почему преемникъ Θεогноста, св. Алексѣй, при возвращеніи своемъ въ Россію, обратилъ вниманіе константинопольскаго, патріаршаго синода на то, что предшественникъ его Θεогностъ и бывшіе прежде него, два другіе митрополита, оставили Кіевъ, по причинѣ недостаточности средствъ для своего содержанія, и переселились во Владиміръ, чтобы имѣть въ немъ всѣ средства для своей каеэдры. Обративъ вниманіе патріаршаго синода на это обстоятельство, св. Алексѣй прибавилъ: „что предшественники его, живя во Владимірѣ, управляли церковными дѣлами этого города и считали его собственностію своей каеэдры“. Смыслъ и цѣль заявленія св. Алексѣя совершенно понятны: сдѣлавшись русскимъ митрополитомъ изъ епископовъ владимірскихъ, св. Алексѣй теперь хотѣлъ, на основаніи примѣра своихъ предшествен-

¹⁾ Ник. гѣт. т. III. стр. 201.

никовъ, по праву не только имѣть въ своемъ управленіи Кіевъ, но и удержать за собою епископскую кафедру во Владимірѣ. Патріаршій синодъ сдѣлалъ по сему предмету вполне согласное съ заявленіями и желаніями Алексѣя постановленіе. Чтобы лучше видѣть, о чемъ именно ходатайствовали въ Константинополѣ св. Алексѣй, какія онъ приводилъ основанія для своего ходатайства, и какъ отнесся къ его ходатайству патріаршій синодъ, приведемъ самую грамоту, которая была дана св. Алексѣю при возвращеніи его въ Россію, и въ которой заключалось постановленіе патріаршаго синода о переселеніи русскихъ митрополитовъ изъ Кіева во Владимірѣ. Первая половина этой грамоты содержитъ докладную часть, собственно то, что заявлялъ св. Алексѣй патріаршему синоду, послѣдняя—самое опредѣленіе патріаршаго синода по этому предмету.

„Святѣйшая митрополія Россіи вмѣстѣ съ другими городами и селеніями, входившими въ ея предѣлы, обнимала и находящійся въ малой Россіи городъ, называемый Кіевомъ, въ которомъ искони (ἀνωθεν) была соборная церковь митрополіи, жили и священнѣйшіе архіереи Россіи, имѣя пребываніе въ ней; но такъ какъ этотъ городъ, вслѣдствіе смутъ и нестроевой настоящаго времени, страшнаго нападенія находящихся въ сосѣдствѣ завоевателей (ἀλαράτων), опустошенъ и пришелъ въ бѣдность; то и предстоятельствовавшіе здѣсь архіереи Россіи, не имѣя приличнаго и необходимаго для себя содержанія, сдѣлавшагося скуднѣе прежняго до такой степени, что оно не давало средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, переселились въ святѣйшую, владимірскую епископію, которая въ состояніи была доставить имъ удобное пребываніе и удовлетвореніе всѣхъ нуждъ. Такимъ образомъ переселились въ эту епископію какъ священнѣйшій митрополитъ Россіи киръ Θεογονοςъ, такъ и прежде него другіе два, которые, надзирая, какъ надлежало, за Кіевомъ и оказывая ему предпочтеніе, по той причинѣ, что тамъ, какъ сказано, искони была кафедра митрополіи, обитали и жили во Владимірѣ, находя для себя всякое довольство и покой. Подтверженіемъ этого служатъ

то обстоятельство, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ здѣсь не было епископа, такъ какъ митрополиты присвоили себѣ и владѣли этою епископіею. Поставленный нынѣ по опредѣленію и избранію нашей мѣрности и священнаго и божественнаго нашего синода священнѣйшимъ митрополитомъ всея Россіи, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель нашей мѣрности, мужъ добродѣтельный и знающій законы подчиненности... рѣшился заявить нашей мѣрности на синодѣ какъ о томъ, что Кіевъ разоренъ, находится въ бѣдности и не представляетъ удобнаго мѣстопробыванія для архіерея кіевскаго, такъ и о томъ, что Теодоритъ, не законно отправившійся въ Тырновъ и получившій тамъ вопреки священнымъ канонамъ незаконное рукоположеніе, хотя низложенъ и отлученъ отъ св. Христовой, каеолической и апостольской церкви, однако разбойнически и вмѣстѣ насильственно присвоиваетъ Кіевъ и живетъ въ немъ. Мѣрность наша,—разсудивъ съ находящимися при насъ священными архіереями... совершенно убѣдилась въ томъ, что по сказаннымъ причинамъ нѣтъ другаго пріюта, покоя и мѣстопробыванія для святѣйшей россійской митрополіи, кромѣ Владиміра, въ которомъ жили и прежде бывшіе митрополиты русскіе,—признала необходимѣйшимъ и болѣе полезнымъ позволить архіерею жить здѣсь, наслаждаясь достаточнымъ содержаніемъ и управленіемъ. Итакъ настоящею синодальною грамотою въ св. Духѣ повѣлѣвается, чтобы какъ этотъ святѣйшій митрополитъ Россіи, такъ и всѣ (имѣющіе быть) послѣ него пребывали и жили во Владимірѣ и неотъемлемо и неизмѣнно навсегда признавали эту каеэдру своею собственною, вмѣстѣ съ Кіевомъ, какъ собственнымъ престоломъ и первою каеэдрою архіерея. Если послѣдняя сохранится, то послѣ нея и вмѣстѣ съ нею, пусть будетъ второю каеэдрою, мѣстопробываніемъ и пристанищемъ свѣтѣйшая епископія владимірская, въ которой митрополитъ русскій безпрекословно, когда представится надобность, будетъ совершать поставленія чтецовъ, иподіаконовъ и діаконовъ, возведеніе и рукоположеніе священниковъ, и все прочее, что по церковнымъ канонамъ

принадлежит мѣстному архіерею, безъ водруженія священнаго престола (θρόνου). Если же при помощи Божіей Кіевъ снова возвратится въ прежнее благополучіе и состояніе, и низложенный Теодоръ будетъ изгнанъ, такъ что представится возможность имѣть въ немъ какое либо пристанище, и въ такомъ случаѣ пусть Владиміръ принадлежитъ къ собственной каедрѣ русскихъ митрополитовъ, но Кіевъ, какъ сказано, пусть останется престоломъ и первою каедрою ихъ¹⁾.

Соображая смыслъ и цѣль этой грамоты и содержащееся въ ней опредѣленіе, нельзя не видѣть, что эта грамота утвердила за русскими митрополитами право на обладаніе сверхъ кіевской еще владимірскою каедрою, въ видахъ большаго обезпеченія митрополитовъ, но такъ, что Кіевъ долженъ былъ сохранить при этомъ значеніе первоначальной и дѣйствительной каедры русской митрополіи. Слѣдовательно опредѣленіе приведенной грамоты вовсе не означало того, что этимъ опредѣленіемъ переносится мѣстопробываніе каедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ, или учреждаются двѣ равнозначущія каедры для русскихъ митрополитовъ; напротивъ этимъ опредѣленіемъ только предоставлялось русскимъ митрополитамъ право жить вмѣсто Кіева во Владиміръ и управлять владимірскою епархіею, какъ долженствовавшею съ этого времени принадлежать имъ. Ходатайство о подобномъ опредѣленіи со стороны св. Алексѣя можетъ показаться страннымъ въ виду того обстоятельства, что св. Алексѣй, по возвращеніи изъ Константинополя, прямо прибылъ въ Москву и здѣсь навсегда основалъ свое мѣстопробываніе; но чтобы понять истинный смыслъ этого ходатайства, необходимо прибавить, что русскій митрополитъ, какъ глава русской церкви, хотѣлъ быть подражателемъ великихъ русскихъ князей того времени. Въ самомъ дѣлѣ, какъ великіе русскіе князья, вступая на великокняжескій престолъ, находившіяся въ то время во Владиміръ, не жили въ послѣднемъ, но считали его своимъ престоломъ; такъ подобно

¹⁾ Act. Patr. Const. t. I. pag. 351—353.

сему и русскій митрополитъ желалъ имѣть въ своемъ распоряженіи епископскую кафедру Владиміра, какъ великокняжеской столицы, хотя самъ, подобно великимъ князьямъ, и не жилъ болѣе во Владимірѣ. Что дѣйствительно здѣсь имѣлась въ виду—параллель положенія русскихъ митрополитовъ съ великими князьями, въ этомъ убѣждаетъ то обстоятельство, что какъ великіе князья, вступавшіе на великокняжескій престолъ Владиміра, назывались не владимірскими, а удерживали наименованіе своихъ удѣловъ, въ которыхъ они жили; такъ и русскіе митрополиты, считавшіе Владиміръ своею кафедрою, не назывались владимірскими, а удерживали свое прежнее наименованіе по имени прежней своей кафедры, именуясь митрополитами кievскими и всея Россіи.

Удаленіе русскихъ митрополитовъ на сѣверъ и основаніе ими своего новаго пребыванія во Владимірѣ и Москвѣ, если не обнаруживали въ нихъ рѣшительнаго намѣренія оставить свою древнюю кафедру и отказаться отъ Кіева, то не устраняли въ другихъ мысли, что Кіевъ потерялъ свое прежнее значеніе для русскихъ митрополитовъ и, вслѣдствіе сего, оставленъ ими въ забвеніи. Подобное положеніе не могло нравиться ни князьямъ, ни жителямъ южной Россіи и естественно пробуждало въ нихъ желаніе замѣстить древнюю кафедру Кіева своимъ кандидатомъ. Недостатка въ искателяхъ не было. Такимъ искателемъ прежде другихъ явился какой то инокъ, по имени Теодоритъ. Въ грамотѣ къ новгородскому архіепископу (Моисею) патріархъ Филовей, убѣждая архіепископа не принимать Теодорита, сообщалъ о немъ слѣдующія свѣденія. „Да будетъ извѣстно боголюбію твоему, что этотъ Теодоритъ два года назадъ, еще при жизни святѣйшаго архіерея киръ Теогноста, приходилъ сюда и просилъ поставить его митрополитомъ русскимъ; но мы, тщательно изслѣдовавъ и узнавъ, что митрополитъ Теогностъ еще живъ, не приняли его, такъ какъ онъ искалъ противнаго божественнымъ и священнымъ канонамъ, и сказали ему: пусть онъ подождетъ, пока мы пошлемъ и узнаемъ истину отъ названнаго митрополита, и тогда—сдѣлаемъ то, что окажется луч-

шимъ. Онъ же бѣжалъ въ Торновъ и учинилъ тѣмъ несмысленнѣйшій и незаконнѣйшій, противный канонамъ поступокъ, котораго еще никогда не бывало съ того времени, какъ крестилась Россія¹⁾. Въ Торновѣ Теодоритъ былъ возведенъ въ санъ русскаго митрополита и посланъ въ Кіевъ особымъ въ то время болгарскимъ патріархомъ²⁾. Подобный поступокъ произвелъ крайне неблагопріятное впечатленіе на константинопольскаго патріарха, у котораго патріархъ торновскій восхитилъ право рукоположенія русскихъ митрополитовъ. Поэтому константинопольскій патріархъ, какъ только узналъ объ этомъ обстоятельстве, немедленно съ своимъ синодомъ осудилъ Теодорита и разослалъ посланія въ разныя мѣста. Судъ константинопольскаго патріарха не произвелъ надлежащаго дѣйствія на Теодорита; ибо онъ и послѣ этого, какъ говорилъ новопоставленный преемникъ Теогноста, митрополитъ Алексѣй, „разбойнически и насильственно присвоивалъ себѣ Кіевъ и оставался въ немъ“. Это обстоятельство заставило патріарха, который, имѣя въ виду несогласіе новгородскаго архіепископа Моисея съ умершимъ митрополитомъ Теогностомъ, кромѣ посланія, убѣждавшаго Моисея подчиниться св. Алексѣю, написать другое, въ которомъ патріархъ предостерегалъ новгородскаго архіепископа отъ общенія съ Теодоритомъ. Патріархъ писалъ: „мы и прежде писали, чтобы вы не принимали Теодорита, какъ низверженнаго божественными канонами и божественнымъ и священнымъ синодомъ; впрочемъ, если онъ совершенно отречется отъ архіерейскихъ дѣйствій, въ такомъ случаѣ пусть останется только простымъ христіаниномъ; если же будетъ упорствовать и оста-

¹⁾ Act. Patr. t. pag. 350.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ въ своей исторіи русс. церкви говоритъ, что патріархъ Торновскій посвятилъ Теодорита „вѣроятно, по просьбѣ кого либо изъ южныхъ князей“ (т. II. стр. 114) а въ своемъ сочиненіи „русскіе святыя“ именно въ житіи св. Алексѣя митрополита кіевскаго выдаетъ за несомнѣнное, что патріархъ болгарскій поставилъ Теодорита митрополитомъ по просьбѣ южныхъ князей (стр. 91). Преосв. Макарій считаетъ подобное мнѣніе предположеніемъ, ничѣмъ не доказаннымъ (Ист. русс. церк. т. IV. стр. 319).

ваться въ своемъ званіи; въ такомъ случаѣ онъ, какъ уже низверженный, пусть будетъ отлученъ и чуждъ христіанскаго имени (*καταράστος*), а равно и тотъ, кто принялъ бы, или приметъ его въ общеніе“¹⁾. Подобное обращеніе патріарха къ новгородскому архіепископу показываетъ, что послѣдній, по своей неприязни къ законному митрополиту, не прочь былъ поддержать митрополита-самозванца въ его претензіяхъ. Чѣмъ кончилась послѣдующая судьба Феодорита—неизвѣстно; только примѣръ его нашель подражателей, которые, не смотря на ясное опредѣленіе константинопольскаго патріарха и его синода о принадлежности Кіева русскимъ митрополитамъ, въ смыслъ собственной и первой ихъ каеэдры, старались или завладѣть Кіевомъ, или утвердить въ немъ свое пребываніе. Таковы были поставленные для Литвы митрополиты: Романъ и Кипріанъ. Первый, не смотря на то, что онъ, будучи поставленъ митрополитомъ по просьбѣ литовскаго князя Ольгерда для Литвы, старался распространить свое вліяніе и на области Москвы, и, въ частности, подчинить себѣ Кіевъ, въ который Романъ, пользуясь отсутствіемъ московскаго митрополита, дѣлалъ свои наѣзды, совершалъ въ немъ священныя дѣйствія и рукоположенія и называлъ себя „митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи“. Послѣдній, т. е. Кипріанъ, будучи рукоположенъ также въ митрополиты Литвы, но съ тѣмъ, чтобы по смерти св. Алексѣя сдѣлаться митрополитомъ всей Россіи, по прибытіи своемъ въ Россію, поселился на жительство въ Кіевѣ. Если Кипріанъ для своего поведенія имѣлъ нѣкоторое основаніе въ томъ, что онъ и при рукоположеніи получилъ права на Кіевъ и со временемъ дѣйствительно предназначался въ митрополиты Кіева и всей Россіи; то Романъ, какъ рукоположенный митрополитомъ одной Литвы, не имѣлъ для своихъ претензій никакихъ основаній. Вслѣдствіе сего константинопольскій патріархъ и его синодъ, какъ мы видѣли, неодобрявшіе вообще дѣйствій Романа, только изъ снисхожденія къ нему и въ видахъ мира дозволили править сверхъ литов-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 350—351.

скихъ епархій, еще Полоцкомъ, Туровомъ и Новгородкомъ съ его кафедрю; но совершенно осудили притязанія его на Кіевъ на томъ основаніи, что кафедра этого города была кафедрю всей Россіи и по господствовавшему обычаю и по праву принадлежала русскому митрополиту ¹⁾. Еще характернѣе постановленіе другаго, патриаршаго синода въ отмѣну притязаній Кипріана на кievскую кафедру въ то время, когда преемникомъ св. Алексѣя былъ поставленъ Пимень. Рукоположивъ послѣдняго на русскую митрополию и устранивъ уже предназначеннаго на нее Кипріана, патриаршій синодъ относительно кафедры русской митрополиі постановилъ: „такъ какъ почтеннѣйшій іеромонахъ Пимень избранъ и рукоположенъ собственнымъ митрополитомъ Кіева и великой Россіи благодатію св. Духа чрезъ нашу мѣрность, по опредѣленію священнаго нашего синода священнѣйшихъ архіереевъ; то онъ долженъ быть и называться кievскимъ митрополитомъ по древнему обыкновенію и владѣтъ Владиміромъ и всею великою Россією, какъ и прежде него—митрополитъ Алексѣй, также всѣми находящимися въ разныхъ мѣстахъ имѣніями (прѣлата), и пользоваться всѣми правами и преимуществами святѣйшей митрополиі“ ²⁾. Смыслъ этого опредѣленія тотъ, что Кіевъ долженъ сохранять свое первенствующее значеніе и быть въ собственномъ смыслѣ кафедрю русскаго митрополита, такъ что занимавшій эту кафедру митрополитъ имѣлъ право на подчиненіе своей власти всѣхъ мѣстностей Россіи. Въ виду такого значенія Кіева литовскій князь Витовтъ требовалъ какъ пребыванія въ немъ митрополита Фотія, такъ и поставленія для него, какъ древней и собственной кафедры русской митрополиі, особаго митрополита. Тотъ фактъ, что Фотій, давшій Витовту обѣщаніе посѣщать, сколько возможно чаще, Кіевъ, не только не сдержалъ своего обѣщанія; напротивъ перенесъ богатства кievской кафедры въ Москву, показываетъ, что Кіевъ и его кафедра къ тому времени *de jure* уже начали терять свое значеніе для сѣверной

¹⁾ Act. Patr. t. pag. 425—426. ²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 17.

Россіи и ея митрополитовъ. Русскіе епископы, собравшись на соборъ по поводу того обстоятельства, что польскій король и литовскій князь Казиміръ старался распространить власть присланнаго въ Россію митрополита Григорія на всѣ русскія епархіи, съ рѣшительностію заявили какъ то, что престольнымъ городомъ русской митрополіи служить Москва, такъ и то, что митрополитомъ русскимъ долженъ быть тотъ, кто получитъ свое поставленіе въ московской, соборной церкви. Названные епископы, ссылаясь на то, что всѣ они получили рукоположеніе въ московской, соборной церкви св. Богородицы, у гроба св. Петра митрополита, писали: „нынѣ же видимъ самѣми вещьми явленнѣ, яко грѣхъ ради нашихъ, по попущенію и по гнѣву Божію и по дѣйству общаго супостата православію и губителя душамъ нашимъ діавола, еще же и еретичества ради отступника православныя христіанскія вѣры, Исидорова ученика Григорія, отверженнаго отъ святыхъ, соборныхъ церкви и проклятаго, иже именуеть себя митрополитомъ кievскимъ, и смущенія ихъ ради православію... раздѣленіе бысть святымъ божіимъ церквамъ, московской соборной церкви съ кievскою церковію, и въ томъ раздѣленіи православію великое пагубство бысть.“ Представляя Москву, подобно Кіеву, равноправною каедрою митрополита, епископы въ своей грамотѣ далѣе даютъ обѣщаніе въ томъ, что „намъ отъ святыхъ церкви соборныхъ московскія святыхъ Богородицы быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и повиноватись ему во всемъ. И кто по его отсутствіи къ Богу, иной митрополитъ поставленъ будетъ... въ той соборной церкви святыхъ Богородицы на Москвѣ, на той великій престоль, у гроба св. Петра митрополита, русскаго чудотворца: и намъ архіепископамъ и епископамъ русскія митрополіи также быти отъ святыхъ соборныхъ церкви московскія святыхъ Богородицы неотступнымъ, и отъ того митрополита также неотступнымъ быти, и спослѣдовати и повиноватись ему во всемъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ церковныхъ, и о

всякомъ благочестѣ быти съ ними за едино“ ¹⁾. Подобное признаніе было высказано епископами подъ вліяніемъ противо-дѣйствія „пришедшему отъ Рима Григорію, отлученному отъ святыхъ соборныхъ церкви, именовавшему себя митрополитомъ кіевскимъ“; но тоже признаніе съ рѣшительностію свидѣтельствуеть о сложившемся къ тому времени возрѣніи русскихъ на Москву, какъ на первопрестольный городъ, достойный и въ церковномъ отношеніи замѣнить древній Кіевъ, а равно и о томъ, что каедрa Москвы—равнозначуща съ каедрою Кіева. Въ той же грамотѣ епископы не называютъ Іоны митрополитомъ кіевскимъ, а только „митрополитомъ всея Руси“; подобное названіе даетъ понять, что Кіевъ и его каедрa окончательно потеряли свое значеніе для русскихъ митрополитовъ; но уже въ то время, когда вся западная и юго-западная Россія поступила подъ власть особаго митрополита.

Съ раздѣленіемъ русской церкви на двѣ митрополіи Кіевъ остался каедрою западныхъ митрополитовъ, но болѣе по имени, чѣмъ по существу дѣла. Первые изъ поставленныхъ для Литвы митрополитовъ: Романъ и Кипріанъ, какъ мы видѣли, всемѣрно усиливались занять Кіевъ и утвердить въ немъ свое мѣстопробываніе, хотя по опредѣленію патріаршаго синода каедрою перваго долженъ былъ служить Новгородокъ. Поставленный по настоянію Витовта соборомъ западныхъ епископовъ Григорій Цамблакъ не только не поселился ни въ Кіевѣ, ни въ Новгородкѣ; напротивъ перенесъ свою каедру въ Вильну, основавъ ее тамъ при Богородицкой церкви ²⁾. Бывшій послѣ Григорія литовскимъ митрополитомъ Герасимъ имѣлъ свое пребываніе въ городѣ прежняго своего служенія—въ Смоленскѣ, какъ говорятъ, съ тѣмъ, чтобы „ближе быть къ Москвѣ и, при первомъ случаѣ утишенія московскихъ смятеній, занять московскую митрополію, а оттуда управлять и кіевскою“ ³⁾. Присланный изъ Рима Григорій не остановился ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ, но по-

¹⁾ А. И. т. I. № 61. стр. 109. ²⁾ Евгевій, Опис. Кіевософ. соб. стр. 104.

³⁾ Там. стр. 105. Фларетъ, Ист. русс. церк. т. III. стр. 8—9.

селся въ Новгородѣ литовскомъ, гдѣ и умеръ ¹⁾. Правившіе литовско-русскою митрополіею митрополиты, по раздѣленіи русской церкви на двѣ, имѣли свое пребываніе по большей части въ Вильнѣ; нѣкоторые же жили и въ Новгородѣ; иные же какъ-то: Іосифъ II Солтанъ проживалъ большею частью въ Смоленскѣ, прежней своей епископіи, которая была предоставлена ему въ управленіе по избраніи въ митрополиты. Такимъ образомъ западно-русскіе митрополиты, считая *de jure* Кіевъ своею каедрою, *de facto* имѣли другія каедры своего мѣстопробыванія. Потерявшій было всякое значеніе въ глазахъ западно-русскихъ митрополитовъ Кіевъ снова получилъ оное въ то время, когда со введеніемъ уни въ западно-русскомъ краѣ православныя, отдѣлившись отъ униатовъ, избрали себѣ особаго митрополита, Іова Борецкаго (1621 г.), который, имѣя свое пребываніе въ Кіевѣ, не могъ однако отобрать находившійся въ рукахъ униатовъ Кіевософійскій каедральный монастырь и принужденъ былъ до конца своей жизни оставаться въ Михайловскомъ монастырѣ, коего онъ былъ игуменомъ; каедральнымъ же соборомъ была Успенская церковь на Подолѣ ²⁾. По примѣру Борецкаго, избранный ему преемникомъ Исаія Копинскій, живя въ Кіевѣ, имѣлъ свое пребываніе въ томъ же Михайловскомъ монастырѣ и управлялъ имъ на правахъ игумена ³⁾. Уже Петръ Могила вмѣстѣ съ другими преимуществами для православной церкви на сеймѣ въ Краковѣ и отъ короля Владислава исходатайствовалъ то, чтобы православному митрополиту снова былъ возвращенъ во владѣніе Кіевософійскій каедральный монастырь. По приведеніи въ исполненіе этого распоряженія, была возвращена православному кіевскому митрополиту древняя его каедра, а оставленное за Могилою званіе архимандрита Кіевопечерской лавры дало ему возможность поселиться при Кіевософійскомъ соборѣ ⁴⁾. Съ подчиненіемъ Малороссіи Москвѣ по договору Богдана Хмѣльницкаго (1654 г.)

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 110.

²⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 161.

³⁾ Там. стр. 166. ⁴⁾ Там. стр. 168—171.

при преемникѣ Могилы, Сильвестрѣ Коссовѣ, и Кіевъ поступилъ подѣ власть Москвы. Вслѣдствіе сего, когда преемникъ Коссова, Діонисій Болобанъ, обнаружилъ свое нерасположеніе къ Москвѣ, московское правительство, считая Кіевъ подлежащимъ своей власти, назначало отъ себя администраторовъ, или блюстителей кіевской митрополіи. Впрочемъ Кіевъ въ то время, по причинѣ войны у Россіи съ Польшею и непостоянства малороссійскихъ гетмановъ, переходилъ то подѣ руссійскую, то подѣ польскую державу. Когда по одному изъ условій Андрусовскаго мира Москвы съ Польшею (1667 г.) Кіевъ чрезъ два года со всѣми его святынями долженствовалъ перейти подѣ власть Польши, представители православныхъ, называя такое условіе „предательствомъ вѣры со стороны москвичей“¹⁾, предпринимали заботы о томъ, чтобы основать новую кафедрю для малороссійской митрополіи. Въ глуховскомъ договорѣ (1669 г.) съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ гетманъ руссійской украины, Демьянъ Многогрѣшный, седьмою статьею названнаго договора ходатайствовалъ предѣ царемъ, чтобы, если Кіевъ будетъ возвращенъ Польшѣ, митрополіа была учреждена въ Переяславлѣ, гдѣ и прежде она бывала; между тѣмъ тогдашній блюститель кіевской митрополіи, черниговскій архіепископъ, Лазарь Барановичъ, вопреки ходатайству гетмана, настаивалъ на томъ, чтобы открыть митрополію въ Черниговѣ; такъ какъ этотъ городъ древнѣе, и епископіа въ немъ устроена прежде²⁾. Какъ опасенія малороссовъ, такъ и вызванныя ими предположенія оказались напрасными: Кіевъ остался за крайною и не перешелъ во власть Польши. Исканіе кіевской кафедры и оспаривавшіе другъ у друга права на кіевскую митрополію послѣ Сильвестра Коссова: Іосифъ Тукальскій, Антоній Винницкій и Іосифъ Шумлякскій³⁾ не достигли своихъ цѣлей

¹⁾ Бавтышъ-Каменскій, Ист. мал. Росс. т. II. стр. 76. Соловьевъ, Истор. Росс. т. XII стр. 51.

²⁾ Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 194—195. Соловьевъ, Истор. Росс. т. XII. стр. 54. Терновскій, О подчян. кіев. митр. стр. 81.

³⁾ Чит. объ этихъ митр. у Евгенія, Опис. Кіевософ. соб. стр. 190—197. Тукальскій жывъ большею частію въ Чигиринѣ, Винницкій, вѣроятно, въ

и не занимали на самомъ дѣлѣ кievской кафедрѣ, которая продолжала оставаться подъ вѣденіемъ мѣстоблюстителя и администратора. Съ избраніемъ на кievскую митрополию (1685 г.) Гедеопа Святополка, князя Четвертинскаго, который получилъ свое рукоположеніе отъ московскаго патріарха Іоакима, и при которомъ Малороссія и въ церковномъ отношеніи окончательно подчинилась московскому патріарху, Кіевъ, оставшись кафедрою потерявшихъ уже самостоятельное значеніе кievскихъ митрополитовъ, также утратилъ положеніе административнаго центра для западно-русскаго края и былъ присоединенъ къ управленію московскаго патріарха на общемъ основаніи съ другими митрополичьими кафедрами великой Россіи, только съ сохраненіемъ преимущества почета и старшинства какъ „первоначальная“ между ними ¹⁾).

Сообразивъ изложенныя перемѣны, коимъ подвергалась русская церковь, какъ епархія константинопольскаго патріарха съ ея кафедрою, необходимо остановиться на томъ общемъ заключеніи, что въ этихъ перемѣнахъ главнымъ образомъ дѣйствовали политическія причины и обнаруживалось взаимное другъ къ другу тяготѣніе духовной и свѣтской властей. Какъ различные князья: галицкіе, литовскіе и русскіе, хорошо понимая значеніе митрополичьей власти, другъ передъ другомъ старались пріобрѣсти для своего края особаго, расположеннаго къ нимъ митрополита, чтобы посредствомъ его власти еще болѣе объединить своихъ подданныхъ и предохранить ихъ отъ тяготѣнія къ другому центру ²⁾); такъ въ свою очередь русскіе митрополиты, сознавая важность для себя княжеской власти, старались утвердить свое пребываніе въ томъ мѣстѣ, которое служило центромъ политической жизни края, чтобы не удаляться отъ средоточія гражданскаго управленія ³⁾). И князья

Вильнѣ, или Новгородкѣ литовскомъ, прежнемъ мѣстопребываніи западно-русскихъ митрополитовъ; Шумлянскій былъ львовскимъ епископомъ.

¹⁾ Евгений, стр. 91. прил.

²⁾ Макарій, Ист. русск. церк. т. V. стр. 288—289.

³⁾ Соловьѣвъ, Ист. Росс. т. IV. стр. 295—301.

и митрополиты, достигая своихъ цѣлей въ этомъ отношеніи, подготавливали церковное разобщеніе народонаселенія Россіи и содѣйствовали образованію новыхъ и различныхъ центровъ церковнаго управленія. Привошедшее, постороннее вліяніе Рима какъ окончательно раздѣлило русскую церковь на двѣ митрополіи; такъ обрисовало дальнѣйшую судьбу западно-русской. Основавшіеся за послѣдовавшимъ раздѣленіемъ—въ средоточіи русскаго государства—восточно-русскіе митрополиты, имѣя споспѣшниками своихъ стремленій неизмѣнно православныхъ русскихъ князей, въ дѣйствительности отождествлявшихъ интересы государства съ интересами церкви, болѣе и болѣе упрочивали свое положеніе и судьбу своей каѳедры, возрастая и усиливаясь въ своемъ могуществѣ. Имѣвшіе свое пребываніе въ предѣлахъ литовскаго княжества, вблизи инославныхъ правителей, сочувствовавшихъ болѣе выгодамъ своего, чѣмъ православнаго вѣроисповѣданія, западно-русскіе митрополиты болѣе и болѣе утрачивали свое вліяніе подъ давленіемъ чуждыхъ православію элементовъ, пока наконецъ и сами не сдѣлались уніатами. Возникшая послѣ сего, подъ вліяніемъ противодѣйствія православныхъ уніи, особая кіевская митрополія естественно должна была слиться съ московскимъ патріархатомъ, чтобы не сдѣлаться также достояніемъ уніатовъ. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ, совершившихся по требованію своихъ причинъ, константинопольскіе патріархи, настойчиво не противодѣйствуя стремленію князей и митрополитовъ, признававшихъ ихъ власть надъ русскою церковію, заботились о томъ, чтобы сохранить по возможности и продлить свое вліяніе въ предѣлахъ Россіи.

ГЛАВА VIII.

Русскіе митрополиты и ихъ зависимость отъ константинопольскаго патріарха.

Существеннымъ признакомъ подчиненности русской церкви константинопольскому патріарху и главнымъ обнаруженіемъ власти послѣдняго надъ первою были: поставленіе константинопольскимъ патріархомъ для русской церкви и принятіе русскою церковію отъ константинопольскаго патріарха—митрополита. Поставленіе предстоятелемъ одной церкви предстоятеля для другой было обыкновеннымъ признакомъ и обнаруженіемъ власти перваго надъ послѣднею. Этимъ преимуществомъ въ древней церкви пользовались митрополиты относительно подчиненныхъ имъ епископовъ; экзархи и патріархи—относительно подчиненныхъ имъ митрополитовъ. Причемъ въ этомъ отношеніи была существенная разность между патріархами. Въ то время, какъ іерархъ Антиохіи пользовался только правомъ утвержденія избранныхъ мѣстными соборами митрополитовъ подчиненныхъ областей, іерархъ Александріи одинаково пользовался правомъ и избранія и постановленія не только подчиненныхъ ему митрополитовъ, но и епископовъ. Патріарху Константинополя 28 прав. халкидонскаго собора было предоставлено только поставленіе митрополитовъ въ подчиненныхъ ему округахъ: Понта, Азіи и Фракіи, съ тѣмъ, чтобы патріархъ не вмѣшивался въ самыя избранія, производившіяся соборомъ епископовъ. Основаніемъ, по которому константинопольскій патріархъ пользовался правомъ рукополагать митрополитовъ для русской церкви, принимаютъ предоставленіе ему халкидонскимъ соборомъ права рукополагать

епископовъ для иноплеменныхъ народовъ, обитавшихъ въ предѣлахъ подчиненныхъ ему діоцезовъ.' Вальсамонъ въ толкованіи на 28 пр. халкидонскаго собора говоритъ: „а подѣ епископами у иноплеменниковъ разумѣй Аланію, Россію и другія; ибо аланы принадлежатъ къ понтійскому округу, а россы къ еракійскому“ ¹⁾. Чтобы правильнѣе понять смыслъ настоящей части опредѣленія 28 пр. халкидонскаго собора, полезно привести на мысль опредѣленіе предшествующаго, константинопольскаго, II вселенскаго собора. Этотъ соборъ, изложивъ во 2 своемъ правилѣ постановленіе объ управленіи тѣхъ же самыхъ округовъ: Понта, Азіи и Фракіи и опредѣливъ: „*дѣла каждая области благоучреждати собору той области*“, въ заключеніи своего постановленія говоритъ: „*церкви же Божіи у иноплеменныхъ народовъ должны быти правыми по соблюдаемому до нынѣ обыкновенію отцовъ*“. Толкователи церковныхъ правилъ съ обстоятельностью изясняютъ: въ чемъ состояло обыкновеніе отцовъ по отношенію къ управленію этихъ церквей. Зонара говоритъ: „дѣлами церковнаго управленія въ каждой епархіи, какъ то: избраніями, рукоположеніями и разрѣшеніемъ недоумѣній при отлученіяхъ, епитиміяхъ и прочемъ таковомъ правило постановляетъ завѣдывать собору каждой области; но такъ какъ и у варварскихъ народовъ существовали тогда церкви вѣрныхъ, гдѣ, можетъ быть, не много было епископовъ для того, чтобы ихъ было достаточно для составленія собора, или же необходимо было, если тамъ былъ кто либо, отличающійся краснорѣчіемъ, часто посѣщать и области другихъ епископовъ, дабы наставлялъ обращающихся къ вѣрѣ и утверждать въ ней; то святыи соборъ дозволилъ и на послѣдующее время дѣйствовать согласно съ утвердившимся у нихъ до того времени обычаемъ“. Вальсамонъ, повторяя ту же мысль и тѣми же сло-

¹⁾ Σύστασις. т. II. pag. 285. Подобное же говоритъ и Зонара: „на константинопольскаго же епископа правило возлагаетъ рукоположеніе епископовъ для иноплеменныхъ народовъ, живущихъ въ указанныхъ областяхъ, каковы суть: аланы и россы; ибо первые принадлежали къ понтійской, а россы къ еракійской области“ (ibid. pag. 283).

вами прибавляетъ, что „соборъ положилъ и впредь руководствоваться такимъ обычаемъ, т. е. вмѣшиваться постороннимъ епископамъ въ дѣла церквей иноплеменныхъ народовъ для рукоположенія и по другой благословной причинѣ, въ виду необходимости этого дѣла, хотя это и не по правиламъ (*παρὰ κανόνας*)“¹⁾. Изъ этихъ толкованій видно, что предоставленіе константинопольскому патріарху права рукополагать епископовъ для иноплеменныхъ народовъ было исключеніемъ изъ общаго порядка и общепринятыхъ обычаевъ церковнаго управленія, по которымъ церковными дѣлами каждой области должны были завѣдывать сами епископы этой области, подъ высшимъ наблюденіемъ областнаго собора; и это исключеніе было допущено въ виду уважительныхъ причинъ, именно: въ виду возможной малочисленности епископовъ въ средѣ иноплеменныхъ народовъ до такой степени, что они не могли составить собора. Слѣдовательно, въ томъ случаѣ, если бы число епископовъ у иноплеменныхъ народовъ было достаточно, присвоеніе константинопольскимъ епископомъ себѣ подобнаго права должно было потерять свое законное основаніе. Такимъ образомъ, еслибы мы, слѣдуя греческимъ канонистамъ: Зонарѣ и Вальсамону, захотѣли подъ выраженіемъ 28 халкидонскаго правила: „*иноплеменные народы*“ разумѣть между прочимъ и нашу Россію, или русскій народъ, и съ этой точки зрѣнія объяснять право константинопольскаго патріарха рукополагать митрополитовъ для русской церкви; то должны были бы заключить, что это право въ рукахъ константинопольскаго патріарха было случайнымъ, зависѣвшимъ отъ историческихъ причинъ и, слѣдовательно, могшимъ прекратиться при другомъ положеніи вещей. Равнымъ образомъ, если бы мы, приравнявъ русскую церковь какому либо изъ поименованныхъ въ томъ же 28 правилѣ халкидонскаго собора діоцезовъ: Понта, Азіи и Фракіи, стали разсуждать о томъ же правѣ константинопольскаго патріарха; то должны были бы принять слѣдующее

¹⁾ Σύνταξις. т. II. pag. 170—171.

заключеніе: означенное правило предоставляло константинопольскому патріарху право рукополагать только митрополитовъ названныхъ діоцезовъ, но такъ, чтобы онъ не вмѣшивался въ выборы кандидатовъ, которые должны были производиться соборомъ мѣстныхъ, или областныхъ епископовъ. Такимъ образомъ, по точному смыслу 28 халкидонскаго правила, выборъ кандидатовъ на митрополичій престолъ Россіи долженъ былъ принадлежать русскимъ архіереямъ и производиться соборомъ ихъ. Если затруднительно было установить подобную практику съ начала основанія русской церкви, при естественномъ недостаткѣ способныхъ кандидатовъ на митрополичью кафедру; то необходимо было ввести предписанный халкидонскимъ правиломъ порядокъ въ то время, когда Россія въ довольствѣ изобиловала вполне достойными кандидатами для митрополичьей кафедры. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія право рукоположенія константинопольскимъ патріархомъ митрополитовъ для русской церкви должно быть признано условнымъ и относительнымъ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что халкидонскій соборъ, разсуждая въ 28 правилѣ о правахъ константинопольскаго патріарха надъ подчиненными ему діоцезами и надъ церквами иноплеменныхъ народовъ, не могъ имѣть и не имѣлъ въ мысляхъ при изложеніи своего постановленія ни Россіи, ни русской церкви, которыхъ не существовало во время халкидонскаго собора. Въ виду этого обстоятельства самая мысль — право поставленія русскихъ митрополитовъ константинопольскимъ патріархомъ—оправдать 28 правиломъ халкидонскаго собора должна быть признана произвольною. Если же такъ, то слѣдуетъ заключить, что право константинопольскаго патріарха поставлять митрополита для Россіи не имѣло для себя никакого, даже косвеннаго, каноническаго основанія и утверждалось исключительно на историческихъ причинахъ, между которыми главною и существенною было принятіе святымъ и равноапостольнымъ Владиміромъ христіанской вѣры, а съ нею и церковной іерархіи изъ Греціи, отъ константинопольскаго патріарха. Такова теорія разсматриваемаго права; обращаемся къ его

практическому осуществленію. Практика осуществленія этого права со стороны константинопольскаго престола, по отношенію къ русской церкви, сложилась совершенно не въ духъ 28 правила халкидонскаго собора.

Въ то время, когда Россія принимала христіанскую вѣру и основывалась русская церковь, въ Византіи, вслѣдствіе развитія патріаршей власти и централизаціи церковнаго управленія, правъ областныхъ соборовъ относительно избранія митрополитовъ перешли къ патріаршему синоду, который при участіи патріаршаго хартофилакса избиралъ и представлялъ патріарху трехъ кандидатовъ на вакантныя, митрополичью и архіепископскую кафедры; изъ представленныхъ кандидатовъ патріархъ назначалъ одного и поставлялъ. На эту практику и указываетъ Зонара, когда при объясненіи 28 пр. халкидонскаго собора говоритъ: „дабы кто либо не подумалъ, что святыя отцы предоставляютъ въ полную власть константинопольскаго епископа все, что относится къ рукоположенію, такъ что въ дѣлѣ рукоположенія онъ имѣетъ власть поступать, какъ ему угодно, они прибавили, что митрополиты рукополагаются патріархомъ, по учиненіи согласнаго избранія и по представленіи ему этого избранія, сказавъ такимъ образомъ, почти слѣдующее: епископъ Константинополя долженъ поставятъ митрополитами не тѣхъ, кого самъ захочетъ; но подчиненный ему синодъ долженъ производить выборы, и на комъ избирающіе согласятся, изъ тѣхъ патріархъ и долженъ рукополагать, когда будутъ представлены ему самые выборы“¹⁾. Необходимо прибавить, что при томъ значеніи, которымъ византійскіе императоры пользовались въ дѣлахъ церкви, они имѣли рѣшительное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ²⁾. Установившуюся въ греческой церкви, по отношенію къ поставленію греческихъ митрополитовъ и архіепископовъ практику, константинопольскіе патріархи примѣнили и къ

¹⁾ Σύστασις. t. II. pag. 283. t. VI. pag. 497—498. Le Quien, Oriens. Christ. t. I. pag. 27. 114.

²⁾ Le Quien, t. I. pag. 137. 141. 143.

русской церкви и распространили ее на поставление русских митрополитовъ, которые избирались въ Константинополь и поставлялись константинопольскимъ патриархомъ при вліяніи греческихъ императоровъ, но безъ вѣдома русскихъ князей и безъ участія епископовъ русской церкви. Такъ были поставлены всѣ митрополиты русской церкви въ до-монгольскій періодъ (съ 988 по 1240 г.), и притомъ—почти исключительно изъ грековъ ¹⁾, изъ которыхъ нѣкоторые оставались греками до такой степени, что даже не выучивались по русски и писали на греческомъ языкѣ свои сочиненія, которыя и по содержанію имѣли весьма мало отношенія къ русской жизни ²⁾. Въ этотъ періодъ, простиравшійся около двухъ съ половиною вѣковъ, были два случая самостоятельнаго избранія митрополитовъ русской церкви: первый во дни вел. кн. Ярослава (1501 г.), когда по его волѣ соборомъ русскихъ іерарховъ былъ избранъ и поставленъ Иларіонъ, родомъ русскій ³⁾, второй—при вел. кн. Изяславѣ (1147 г.), когда точно такимъ же образомъ былъ избранъ и поставленъ русскимъ митрополитомъ Климентъ Смолятичъ, тоже россиянинъ ⁴⁾.

Если Ярославъ, при стремленіи къ независимости русской церкви отъ константинопольскаго престола, имѣлъ и политическія побужденія ⁵⁾ настаивать на избраніи митрополита со-

¹⁾ При ближайшемъ знакомствѣ съ происхожденіемъ этихъ митрополитовъ оказывается, что изъ числа 23 митрополитовъ до-монгольскаго періода 17 были несомнѣнно греки; изъ остальныхъ шести 3 были неизвѣстнаго происхожденія и 3 несомнѣнно русскіе: Иларіонъ (1061—1071), Ефремъ скопецъ (1092—1097) и Климентъ Смолятичъ (1147—1157). Всѣ митрополиты греки, также неизвѣстнаго происхожденія и Евфремъ скопецъ были избраны и поставлены въ Константинополь; послѣдній—изъ епископовъ переяславльскихъ, уже управлявшій нѣкоторое время предъ тѣмъ дѣлами кievской митрополіи, въ качествѣ ея викарія (Макарій, Ист. русс. церк. т. II. стр. 16—17).

²⁾ Терновскій, Изученіе визант. истор. и ея тенденціоз. прил. въ древ. Русь. Вып. II. стр. 32.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 67. ⁴⁾ Там. стр. 136. т. II. стр. 24.

⁵⁾ Въ числѣ этихъ побужденій главнымъ было свѣжее воспоминавіе о варварскомъ поступкѣ грековъ съ русскими плѣнными. Въ 1043 г., во время послѣдней войны русскихъ съ греками, любимый воевода Ярославовъ Вышата съ 6000 воиновъ, по случаю утраты лодокъ, долженъ былъ сухимъ путемъ возвращаться въ отечество и былъ разбитъ подъ Варновъ. Въ Константи-

боромъ русскихъ іерарховъ независимо отъ константинопольскаго престола; то Изяславъ дѣйствовалъ въ подобномъ случаѣ по однимъ церковнымъ мотивамъ: поставить русскую церковь внѣ зависимости отъ константинопольскаго престола. Поэтому какъ рукоположеніе Иларіона совершилось тихо въ русской церкви и прошло какъ бы незамѣченнымъ со стороны константинопольскаго патріарха, коимъ въ то время былъ Михаилъ Керуларій ¹⁾, такъ поставленіе Климента Смолятича надѣлало не мало шума въ Россіи и движенія въ Константинополѣ. Приглашенный кіевлянами на велико-княжескій престолъ Изяславъ Мстиславичъ (1146—1154 г.) торжественно былъ встрѣченъ въ столицѣ, въ которой между тѣмъ не было митрополита (Михаила II), удалившагося въ Константинополь и не хотѣвшаго оттуда возвращаться на свою кафедру будто бы вслѣдствіе междуусобій русскихъ князей ²⁾. Получивъ извѣстіе о смерти митрополита, Изяславъ въ 1147 г. собралъ русскихъ епископовъ ³⁾ на соборъ въ Кіевѣ съ тѣмъ, чтобы они, безъ

нополъ привели 800 плѣнныхъ и самаго Вышату. Тогдашній греческій императоръ Константинъ Мономахъ (1042—1055 г.) приказалъ ослѣпить ихъ на Византійской площади и, по заключеніи мира, отпустилъ ихъ въ Россію (П. С. Р. Л. т. I. стр. 66—67. Карамзинъ, Ист. рос. госуд. т. II. стр. 17). Понятно, что такое вѣроломство, будучи еще свѣжо въ памяти, не могло не возбудить неудовольствія въ Ярославѣ и не расположить его прервать зависимость русской церкви отъ Византіи, тѣмъ болѣе, что отъ учинившаго подобное вѣроломство, греческаго императора, по волѣ котораго совершалось пещавленіе митрополитовъ въ Константинополѣ (Le Quien, Orient. Christ. t. I. pag. 137. 141. 143), Ярославу приходилось просить митрополита. Что дѣйствительно и въ Константинополѣ не могли не сознавать неудобства навязываться своимъ митрополитомъ при подобныхъ обстоятельствахъ, подтвержденіемъ этому служатъ то, что русская церковь въ теченіе двухъ и болѣе лѣтъ оставалась безъ митрополита. Теолепмъ скончался по однимъ въ 1049 г., по другимъ въ 1047 г. (Ист. рос. іерарх. т. I. стр. 45).

¹⁾ Преосв. Филаретъ въ ряду побужденій, заставившихъ Ярослава поставить Иларіона соборомъ русскихъ іерарховъ, даетъ мѣсто и сомнѣніямъ, возбужденнымъ о православіи Михаила Керуларія (Истор. т. I. стр. 166). Преосв. Макарій рѣшительно не допускаетъ этой мысли на томъ основаніи, что состязаніе и борьба Керуларія съ латинянами происходила послѣ избранія Иларіона, т. е. въ 1054 г. (Истор. рус. церк. т. II. стр. 9).

²⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 136. т. II. стр. 24. Ник. лѣт. т. II. стр. 152.

³⁾ Въ числѣ этихъ епископовъ древняя кіевская лѣтопись полагаетъ: Онуфрія черниговскаго, Теодора бѣлгородскаго, Еввимиіа переяславскаго, Даміана

сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, избрали и поставили митрополита. Какъ на достойнаго занять каеэдру, Изяславъ указаль на Климента Смолятича, родомъ русина, черноризца и схимника, который подвизался въ затворѣ и былъ такой книжникъ и философъ, какого прежде не бывало въ Россіи. Когда зашла на соборѣ рѣчь о томъ: могутъ ли и какимъ образомъ могутъ русскіе епископы сами посвятить митрополита, между присутствовавшими обнаружилось разномысліе. Онуфрій черниговскій настаиваль: „я узналь, что епископамъ, собравшимся вмѣстѣ (т. е. собору епископовъ), принадлежитъ власть поставлять митрополита“; Нифонтъ новгородскій напротивъ утверждалъ: „нѣтъ того въ законѣ, чтобы митрополита ставить епископамъ безъ патріарха; но ставятъ патріархъ митрополита.“ Какъ Онуфрійъ былъ правъ съ точки зрѣнія каноновъ и практики древней церкви, предоставлявшихъ дѣйствительно соборамъ епископовъ поставлять митрополита; такъ и Нифонтъ въ свою очередь былъ непоколебимъ съ точки зрѣнія обычаевъ и практики своего времени, когда дѣйствительно только константинопольскій патріархъ съ своимъ синодомъ пользовался правомъ поставлять митрополитовъ. Первый напередъ уже увлекался идеею желательной свободы и независимости русской церкви и потому, игнорируя авторитетъ патріарха, признаваль за одними епископами законное право избрать и рукоположить себѣ начальника и главу; послѣдній строго держался принципа іерархической подчиненности, не утратившаго еще значенія для русской церкви въ отношеніи къ константинопольской, и потому категорически заявляль, что епископамъ нельзя ставить митрополита безъ патріарха и говорилъ присутствовавшему на соборѣ Клименту: „мы не станемъ кланяться тебѣ, не будемъ служить съ тобою, потому

юрьевского, Феодора владимірекаго, Нифонта новгородскаго и Мануила смолевскаго (П. С. Р. Л. т. II. стр. 30); Кіевскій патерикъ въ житіи Нифонта новгородскаго еще присовокупляеть къ нимъ: Іоакима туровскаго и Косьму полоцкаго. Послѣднее число признаеть болѣе вѣроятнымъ преосв. Макарій (Ист. русс. церк. т. III. стр. 12).

что ты не взялъ благословенія у св. Софіи и отъ патріарха; если же исправишься, примешь благословеніе отъ патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся.“ Въ то время, какъ Онуфрій черниговскій ратовалъ за свободу цѣлой церкви, Нифонтъ новгородскій стоялъ болѣе за личныя права константинопольскаго патріарха. Оба съ своихъ точекъ зрѣнія были правы; но нельзя не замѣтить, что Нифонтъ отстаивалъ болѣе принятую форму и существовавшее обыкновеніе, чѣмъ дѣйствительно недопускавшій исключеній, каноническій принципъ. Нифонтъ смѣшивалъ сущность епископской хиротоніи, заключающейся въ введеніи на главу рукополагаемаго божественной благодати, съ внѣшними отношеніями подчиненности, указывающими на зависимость митрополитовъ отъ патріарха. Чтобы отклонить подобное безпокойство о несоблюденіи формы и существовавшего обыкновенія, Онуфрій, по свидѣтельству лѣтописи, напелся заявить: „вотъ у насъ глава св. Климента, а у грековъ ставятъ рукою Іоанна крестителя“ и предложилъ въ подражаніе грекамъ поставить новаго митрополита главою св. Климента ¹⁾. Предложеніе Онуфрія было принято большинствомъ присутствовавшихъ, и 27 іюня 1147 г. Климентъ Смолятичъ былъ поставленъ митрополитомъ главою св. Климента, папы римскаго. Это поставленіе, а равно предшествовавшія и сопровождавшія

¹⁾ Преосвящ. Филаретъ, называя предложеніе Онуфрія „странностію“, по сему поводу замѣчаетъ слѣдующее: „у грековъ ставятъ рукою Іоанна Крестителя“. Такого посвященія въ санъ не бывало у грековъ. Былъ одинъ случай, но не посвященія въ санъ епископа, а только избранія. Въ 1025 г. патріархъ Василій, готовясь къ смерти, назначилъ Алексія въ патріархи, и такъ какъ къ нему была принесена тогда глава предтечи для облегченія его страданій, то Василій освятилъ сею главою Алексія, въ знакъ сего назначенія“ (Ист. русс. церк. т. I, стр. 172. прим.). Такимъ образомъ преосв. Филаретъ предполагаетъ, что Онуфрій сдѣлалъ ошибочную ссылку на примѣръ греческой исторіи. Преосвящ. Макарій, напротивъ, полагаетъ, что Онуфрій, вѣроятно, указывалъ на какіе либо, извѣстные случаи, бывшіе въ греческой церкви, хотя и не замѣченные лѣтописями; иначе Онуфрій не осмѣлился бы съ такою рѣшительностію сослаться на примѣръ Греція предъ цѣлымъ соборомъ епископовъ, между которыми находился и грекъ—Мануилъ смоленскій (Истор. русс. церк. т. III, стр. 12). Считаемо нужнымъ замѣтить, что событіе, которое, по мнѣнію преосв. Филарета, спуталъ Онуфрій, въ „Лѣтоп. церкви. событій“ (С. П. Б. 1870 г. Вып. II, стр. 164) изложено въ

его обстоятельства носили на себѣ всѣ признаки желанія освободиться въ этомъ отношеніи и стать независимыми отъ Византии и въ частности отъ ея патріарха. Какъ бы ни объясняли подлинныхъ побужденій, заставившихъ Изяслава ¹⁾ рѣшиться на подобное предпріятіе, наиболѣе вѣрнымъ изъ этихъ объясненій должно признать то, что Изяславу подобнымъ предпріятіемъ хотѣлось освободить русскую церковь отъ подчиненія константинопольскому престолу, и онъ встрѣтилъ дѣятель-

другомъ видѣ, нежели какъ рассказано оно у самого преосв. Филарета. „Императоръ Василій умеръ въ декабрь 1025 г.; архимандритъ студійскаго монастыря Антоній, въ самый день смерти пришедшій навѣстить его съ главою Іоанна Предтечи, былъ имъ назначенъ въ патріарха и рукоположенъ тотчасъ по смерти. Патр. Евстафій умеръ за нѣсколько дней предъ тѣмъ“. У Ле-Кьена тоже обстоятельство рассказано согласно съ Лѣтопис. церкви. событій, только новопосвященный патріархъ названъ Алексѣемъ (Le Quien, Orients. Christ. t. I. pag. 259).

¹⁾ Након. лѣт. (т. II. стр. 95. 153) и Татищевъ (Ист. Росс. т. II. стр. 301) полагаютъ, что Изяслава могли расположить къ такому постуку бывшія въ Россіи междоусобія и волненія, которыя воспренятствовали послать кого либо изъ Россіи въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Подобное объясненіе само и ослабляетъ себя не устранимымъ имъ опасеніемъ, что въ Царьградѣ могли не принять и не рукоположить посланнаго изъ Россіи. Преосв. Евгений (Опис. Кіевософ. соб. стр. 76) и Филаретъ (Ист. русс. церк. т. I. стр. 169) имѣютъ съ другими причину такого поведенія Изяслава видѣть въ происходившихъ въ то время на константинопольскомъ престолѣ безпорядкахъ: патріархъ Михаилъ Оксатъ въ 1146 г. отказался отъ престола, преемникъ его Косьма Аттикъ вскорѣ, именно 26 февраля 1147 г. былъ низвергнутъ; вновь поставленный патріархъ Николай Музалонъ былъ избранъ чрезъ десять мѣсяцевъ. И это не оправдываетъ Изяслава, который могъ подождать болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ и не торопиться избравіемъ новаго митрополита. Преосв. Макарій (Ист. русс. церк. т. III. стр. 13—15) на томъ основаніи, что „на соборѣ, который былъ созванъ Изяславомъ, была рѣчь не о томъ, какъ поступить по случаю смерти митрополита и временныхъ замѣшательствъ, происходившихъ тогда въ Россіи и на царьградской каедрѣ, а прямо о томъ, имѣютъ ли право русскіе епископы поставить себѣ новаго митрополита безъ сношенія съ патріархомъ“ заключаетъ, что Изяславъ не хотѣлъ просить себѣ митрополита отъ патріарха, а домогался независимости отъ него русской церкви. Преосв. Макарій поясняетъ: „здѣсь, въ этомъ событіи высказалось только то, что давно уже чувствовали и понимали, не могли не чувствовать и не понимать и князья русскіе и многіе ихъ подданные, выразилось сознаніе, что поставленіе русскихъ митрополитовъ въ Константинополь имѣетъ большія неудобства для русской церкви и государства, что митрополиты-греки, часто незнавшіе русскаго языка, не въ состояніи правнеть для Россіи столько пользы, сколько приносили бы митрополиты изъ русскихъ“ и т. д.

ную поддержку своего намѣренія въ средѣ епископовъ и, въ особенноти, отъ новопоставленнаго митрополита, который не только не обращался къ патріарху за благословеніемъ, какъ того требовалъ Нифонтъ, но и не сносился съ патріархомъ до конца своего служенія. Въ такомъ смыслѣ былъ понятъ настоящій фактъ и въ Константинополѣ. Патріархъ Николай Музалонъ поспѣшилъ прислать Нифонту одобрительную за его образъ дѣйствій грамоту, въ которой восхвалялъ его и уподоблялъ святымъ за усердіе къ патріаршему престолу. Неизвѣстно, къ какимъ бы послѣдствіямъ привела русскую церковь попытка Изяслава, если бы онъ не имѣлъ соперника въ лицѣ своего дяди, суздальскаго князя Юрія Долгорукаго, который (20-го марта 1155 года), утвердившись на великокняжескомъ престолѣ, изгналъ Климента вмѣстѣ съ дѣтьми покойнаго Изяслава во Владиміръ волынскій и принялъ съ честію присланнаго изъ Константинополя новаго митрополита, Константина. Послѣдній же, получивъ отъ патріарха полномочіе осудить Климента, началъ свою дѣятельность въ Россіи тѣмъ, что предалъ проклятію умершаго Изяслава, стремившагося къ самостоятельности русской церкви, объявилъ низложенными всѣхъ священно-служителей, принявшихъ рукоположеніе отъ Климента, и не прежде разрѣшилъ ихъ, какъ взявъ рукописаніе на Климента, т. е. письменное обязательство въ томъ, что они отрекаются отъ него ¹⁾). Константинъ былъ не долго митрополитомъ; такъ какъ онъ долженъ былъ оставить кафедру, когда по смерти Юрія (1158 г.) преемникъ его, Изяславъ Давыдовичъ, былъ изгнанъ изъ Кіева сыновьями Изяслава Мстиславича, и когда великокняжескій престолъ достался дядѣ послѣднихъ, Ростиславу смоленскому. Новый великій князь не согласился на предложеніе племянниковъ: призвать снова на митрополичью кафедру Климента, на томъ основаніи, что Климентъ не принялъ благословенія отъ патріарха ²⁾). Распря между

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 148. т. II. стр. 79—80. Макарій, Истор. русск. церк. т. III. стр. 17—18. Терновскій, Изуч. виз. ист. т. II. стр. 32—33.

²⁾ Не излишне замѣтить, что такъ поступилъ Ростиславъ подъ вліяніемъ

дядею и племянниками окончилась тѣмъ, что рѣшили устранить отъ кафедрѣ обоихъ митрополитовъ: Климента, жившаго во Владимірѣ волынскомъ, и Константина, удалившагося въ Черниговъ къ тамошнему епископу Антонію, родомъ греку, и просить изъ Константинополя новаго, за которымъ и послать къ патриарху Ростиславъ. По его просьбѣ былъ присланъ новый митрополитъ Теодоръ, который не долго правилъ русскою церковію (1161—1163 г.). По смерти этого митрополита Ростиславъ, отдавая справедливость достоинствамъ Климента, рѣшился возвратитъ ему кафедру и послать просить для Климента благословенія у патриарха; но въ Константинополѣ зорко слѣдили за поддержаніемъ своего поколебленнаго вліянія въ Россіи. Поэтому, едва только услышали о смерти Теодора, посѣяли не только рукоположить, но и отправить въ Россію новаго митрополита, котораго посоль Ростислава встрѣтилъ уже на пути, а потому и воротился, не исполнивъ порученія князя. Такой исходъ дѣла огорчилъ Ростислава, который, не скрывая своего неудовольствія, высказалъ прибывшему вмѣстѣ съ Іоанномъ и съ дарами послу греческаго императора: „въ настоящій разъ ради чести и любви царской приму; но если впредь безъ нашего вѣдома и сонзволенія патриархъ поставитъ на Русь митрополита: то не только не примемъ его, а поставимъ за неизмѣнное правило—избирать и ставить митрополита епископамъ русскимъ, съ повелѣнія великаго князя“¹⁾. Какъ самое намѣреніе Ростислава принятъ Климента, такъ и въ особенности настоящій его отвѣтъ показывали, что въ Россіи начинали тяготиться вліяніемъ грековъ, и, въ особенности, вел. князьямъ было непріятно находиться подъ этимъ вліяніемъ и соглашались на принятіе вовсе неизвѣстныхъ имъ лицъ на митрополичью кафедру. Хорошо понимали подобное настроеніе и въ Константинополѣ, гдѣ, съ одной стороны, не рѣшились прислать митрополита на мѣсто изгнаннаго Юріемъ Дол-

---

внушеній смоленскаго епископа Мануила грека—который вмѣстѣ съ Космоу исковскимъ встрѣчалъ Константина.

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. III. стр. 20—21 и прим. 25.

горукимъ, Климента, безъ особенной объ этомъ просьбы изъ Россіи, съ другой—отправляя Іоанна митрополитомъ въ Россію, безъ вѣдома Ростислава, нашли необходимымъ послать съ нимъ съ богатыми дарами и царскаго посла, который и упротсилъ Ростислава принять присланнаго митрополита. Словомъ: весь ходъ обнаружившихся при поставленіи Климента и продолжавшихся при его преемникахъ несогласій, по особому участию въ этихъ несогласіяхъ, съ одной стороны, русскихъ епископовъ: Нифонта новгородскаго, Мануила смоленскаго и Космы полоцкаго, отчасти грековъ по происхожденію, съ другой—русскихъ князей: Юрія Долгорукаго и Ростислава смоленскаго, изъ коихъ съ первымъ находился въ сношеніяхъ Нифонтъ новгородскій ¹⁾, съ послѣднимъ—Мануиль смоленскій, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ этихъ несогласіяхъ обнаружилась борьба представителей двухъ противоположныхъ направленій: русскаго, искавшаго самостоятельности, и греческаго, отстаивавшаго зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Эта борьба окончилась и должна была окончиться торжествомъ послѣдняго, греческаго вліянія потому, что греки въ сознаніи большинства русскихъ еще продолжали представляться носителями политической и религіозной идеи въ ея лучшемъ значеніи, что Византія въ то время вообще была еще довольно сильна въ политическомъ и достоподражаема въ церковномъ отношеніи; Россія же въ свою очередь была ослаблена между усобіями въ гражданскомъ и не обогатилась самостоятельнымъ опытомъ въ церковномъ отношеніи. Самъ Онуфрій черниговскій, такъ рѣшительно высказывавшійся о правѣ русскихъ епископовъ поставить себѣ митрополита независимо

¹⁾ Въ слѣдующій послѣ рукоположенія Климента 1148 г. Нифонтъ, по желанію новгородцевъ, ходилъ въ Суздаль для заключенія мира съ Юріемъ Долгорукимъ, который хотя и не далъ мира новгородцамъ, но принялъ Нифонта съ любовію, пригласилъ его освятить церковь св. Богородицы, отпустилъ съ нимъ новгородскихъ плѣнниковъ и проводилъ съ честью. Въ 1149 г., когда Юрій въ первый разъ овладѣлъ Кіевомъ, тамъ находился Нифонтъ, вызванный туда вел. кн. Изяславомъ и митрополитомъ Климентомъ и заключенный въ монастырь за неповиновеніе митрополиту; Юрій отпустилъ Нифонта на его паству (Макарій, Ист. русс. церк. т. III. стр. 17).

отъ патріарха, кончилъ тѣмъ, что сослался на примѣръ Греціи. Какой бы смыслъ ни заключало въ себѣ предложеніе Онуфрія—рукоположить Климента Смолятича главою св. Климента: имѣлъ ли онъ въ виду восполнить этимъ способомъ недостатокъ патріаршаго благословенія, или хотѣлъ придать тѣмъ рукоположенію Климента, совершенному одними епископами, большій авторитетъ; во всякомъ случаѣ въ этомъ предложеніи Онуфрія выразилось сознаніе обязательной достоподражаемости греческимъ примѣрамъ и важности ихъ для русскихъ. По окончаніи указанныхъ несогласій право поставлять русскихъ митрополитовъ осталось по прежнему за констант. патріархомъ. Лѣтописи не говорятъ, чтобы съ этого времени стало исполняться энергическое требованіе, какое предъявилъ Ростиславъ¹⁾.

Оцѣнивая обнаружившееся въ рассказанныхъ фактахъ по-

¹⁾ Правда Татищевъ утверждаетъ, что будто бы преемникъ Іоанна IV, митрополитъ Константинъ II, былъ избранъ изъ епископовъ русскихъ вел. кн. Ростиславомъ и имъ же посланъ въ Царьградъ для поставленія; по противорѣчію самаго же Татищева въ сказаніи о томъ же митрополитѣ и подрываетъ его мнѣніе: въ одномъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ, что митр. Константинъ возвратился изъ Царьграда въ 1167 г. при жизни Ростислава, въ другомъ уже послѣ его смерти въ 1168 г. (Русс. ист. т. III. стр. 151—157). Лѣтописи (П. С. Р. Л. т. I. стр. 150—152. т. II. стр. 102, т. III. стр. 14) не подтверждаютъ этого извѣстія. Авторъ исторіи российской іерархіи (т. I. стр. 47), а равно и митрополитъ Евгенийъ считаютъ митр. Константина II грекомъ, правившимъ русскою церковію 8 лѣтъ (1167—1174) (Опис. кievсоф. соб. стр. 80). Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Ростиславъ настоялъ на своемъ категорически заявленномъ требованіи, и патріархъ уважилъ его желаніе, поставивъ по его избранію митрополита изъ бывшихъ уже русскихъ епископовъ; между тѣмъ какъ другіе великіе князья могли не воспользоваться этимъ правомъ, и конст. патріархи не предложили имъ, какъ бы слѣдовало, воспользоваться тѣмъ же правомъ. Существуетъ разнорѣчивое сказаніе лѣтописей и относительно митрополита Кирилла I (1224—1229). Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о немъ: „поставленъ бысть митрополитомъ въ св. Софіѣ, Кіевѣ блаженный Кириллъ гречинъ мѣсяца Генваря 6 въ праздникъ Богоавленія“ (П. С. Р. Л. т. I. стр. 190). Первая же новгородская лѣтопись сообщаетъ: „преставися блаженный митрополитъ всея Руси кievской, именемъ Кириллъ; родомъ грѣцианъ бѣ, приведенъ бысть изъ Никіѣ“ (Там. т. III. стр. 49). Преосвященный Макарій, примирая это разнорѣчіе, пишетъ: „митрополать Кириллъ несомнѣнно грекъ, дѣйствительно приведенъ былъ въ Кіевъ изъ Никей, гдѣ тогда жили константинопольскіе патріархи, изгнанные изъ Царьграда латинянами, но тогдашній патріархъ Германъ II, по болѣзни ли, или другой причинѣ, можетъ быть,

ведение константинопольскаго патриаршаго престола относительно русской церкви съ точки зрѣнія вышеизложенныхъ основаній, по которымъ конст. патриархъ долженъ былъ пользоваться правомъ поставленія русскихъ митрополитовъ, нельзя назвать это поведеніе безукоризненнымъ и правильнымъ. Дѣло въ томъ, что по смыслу вышеизъясненныхъ основаній патриархъ могъ поставлять митрополита русской церкви, или принимать участіе въ этомъ поставленіи, какъ въ томъ случаѣ, если бы въ Россіи не было достаточнаго числа епископовъ для образованія собора, или не было достойныхъ кандидатовъ для занятія митрополичей кафедрой, такъ и въ томъ, еслибы желали этого, или просили его объ этомъ въ Россіи. Между тѣмъ историческіе факты удостовѣряютъ противное. Въ русской церкви, можно сказать, съ самаго начала ея основанія, имѣлось уже достаточное число епископовъ и епископскихъ кафедръ. О второмъ русскомъ, присланномъ изъ Греціи, митрополитѣ Леонтіи извѣстно, что онъ, примѣнивъ въ 992 г. въ русской церкви систему епархіальнаго управленія, раздѣлилъ ее на нѣсколько епархій и поставилъ не менѣе, чѣмъ шесть епископовъ, число вполне достаточное для соборнаго избранія митрополитовъ Россіи на будущее время ¹⁾. Далѣе, съ раннихъ же временъ существованія русской церкви, начали появляться въ ней кандидаты,

не рукоположилъ самъ Кирилл, а, отправляя его въ Россію, предоставилъ грамотою своею русскимъ епископамъ рукоположить его. Если же Кириллъ приведенъ въ Кіевъ въ санъ митрополита, въ такомъ случаѣ слова: „поставленъ бысть митрополитомъ въ св. Софіѣ кіевской 6 января“, не значатъ ли только, что онъ въ этотъ день возведенъ на митрополичій престолъ въ Кіевософійскомъ соборѣ, или въ первый разъ служилъ въ немъ, какъ митрополитъ“ (Макарій, Ист. русс. церк. т. III. стр. 22—23). Изъ двухъ примырающихъ разнорѣчіе лѣтописей предположеній преосв. Макарія представляется болѣе вѣроятнымъ послѣднее. Трудно допустить, чтобы патриархъ, избравъ на русскую митрополию грека, рѣшился отправить его не хиротонисаннымъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ поставленъ русскими епископами. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что Лаврентьевская лѣтопись говоритъ не о рукоположеніи въ собственномъ смыслѣ, а о вступленіи Кирилла на митрополию.

¹⁾ Истор. русс. іерар. т. I. стр. 5. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. I. стр. 191. Макарій, Истор. русс. церк. т. I. стр. 39. Соловьевъ, Истор. Росс. т. I. стр. 288.

внолиѣ достойныя и для епископскихъ и для митрополичьей кафедръ. При второмъ, русскомъ христіанскомъ, князѣ Ярославѣ I, мы видимъ русскихъ въ числѣ епископовъ, каковъ новгородскій епископъ Лука Жидята, и на митрополичьей кафедрѣ св. Иларіона, который, по отзыву однихъ, отличался необыкновеннымъ просвѣщеніемъ и благочестіемъ между современниками ¹⁾, по словамъ же другихъ былъ „человѣкъ замѣчательно ученый по своему времени ²⁾“. Основанные же въ то время кіево-печерская обитель и другіе монастыри напередъ представляли ручательство, что на будущее время не будетъ недостатка въ приготовленныхъ, опытныхъ и надежныхъ кандидатахъ для занятія митрополичьей кафедрой. Наконецъ примѣры Ярослава и Изяслава, рѣшившихся поставить митрополитовъ для Россіи, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, ясно говорили, что въ Россіи желаютъ самостоятельности своей церкви; отвѣтъ же вел. кн. Ростислава послу греческаго императора показывалъ, что установившійся обычай поставленія русскаго митрополита констант. патріархомъ не считается въ Россіи неизмѣннымъ и законнымъ. Ростиславъ заявлялъ, что онъ только ради чести и любви царской, изъ вниманія къ дарамъ и просьбѣ императора, а во все не по уваженію къ патріарху, или въ сознаніи обязательности его власти для русскаго митрополита принимаетъ присланнаго митрополита и притомъ только въ настоящій разъ, а на будущее время и честь и любовь царскія не расположатъ его сдѣлать это. Все это факты показывавшіе, что въ Россіи желали и могли обойтись безъ участія конст. патріарха въ дѣлѣ избранія русскаго митрополита; между тѣмъ конст. патріархи, какъ бы не замѣчая этого, продолжали не только избирать и поставять для Россіи митрополитовъ изъ грековъ, но и настаивать на своемъ правѣ и его дѣйствіи. Только съ теченіемъ времени, мало по малу началъ складываться и получать на практикѣ силу обычай, по которому кандидаты на русскую митрополию предварительно

¹⁾ Макарій, Истор. Русс. церк. т. II. стр. 11.

²⁾ Костомаровъ, Русс. истор. въ жизнеопис. т. I. стр. 19.

избирались въ Россіи и затѣмъ съ особыми грамотами посылались въ Константинополь къ патриарху для поставленія.

Первый изъ поставленныхъ такимъ образомъ русскихъ митрополитовъ былъ Кирилль II. Когда во время татарскаго нашествія и разгрома ими Кіева (1240 г.) погибъ безъ вѣсти кіевскій митрополитъ Іосифъ, въ то время епископъ гор. Угровеска, что въ Галиціи, Іосифъ, пользуясь наступившими замѣшательствами, осмѣлился самовольно принять на себя управление дѣлами митрополіи. Галицкій князь Данииль, имѣвшій тогда въ своей власти Кіевъ, не только не оставилъ Іосифа пользоваться митрополичьими правами, но и лишилъ его за подобное самоволіе собственной кафедрой ¹⁾. Данииль поручилъ управленіе митрополичьюю кафедрою Кириллу, котораго одни считаютъ холмскимъ епископомъ ²⁾, другіе, отвергая это извѣстіе, говорятъ, что ни о личности, ни о званіи Кирилла, свѣдѣній не сохранилось ³⁾. Съ своей стороны мы не можемъ не признать, что въ то время, когда Данииль поручилъ Кириллу въ завѣдываніе кіевскую митрополию, послѣдній необходимо былъ епископомъ. Иначе трудно допустить, чтобы Данииль избралъ не епископа на кафедру митрополита, и чтобы не сохранилось никакихъ свѣдѣній ни объ избраніи, ни тѣмъ болѣе о поставленіи Кирилла. Необходимо также согласиться, что Кирилль, не получивъ еще патриаршаго благословенія, но управляя дѣлами митрополіи, могъ называться митрополитомъ ⁴⁾. Равнымъ образомъ справедливо и то, что Кирилль былъ весьма близкій къ Даниилу человекъ и пользовался у по-

¹⁾ Филаретъ, Ист. русс. церк. т. II. стр. 105. Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 306.

²⁾ Прибавл. къ твор. св. отцевъ за 1843 г. кн. IV. Филаретъ, Ист. русс. церк. т. II. стр. 105.

³⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 9—10.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. II. стр. 179. гдѣ подъ 1143 г. говорится: „Данииль, затворивъ Холмъ, ѣха къ брату его Василькови, повиа съ собою Кирила митрополита“. Подобно сему и современный лѣтописецъ Ефрема скопца только еще въ качествѣ викарія, управлявшаго въ 1040 г. дѣлами митрополіи, назвалъ митрополитомъ переяславской церкви (Макарій, Истор. русс. церк. т. II. стр. 9).

слѣднята особымъ довѣріемъ; иначе какъ венгерскій король Бѣла не рѣшился бы просить Кирилла, такъ въ особенности Кириллъ не согласился бы принять на себя роль примирителя между Бѣлою и Даніиломъ и свата между дѣтьми ихъ. Управляя нѣсколько лѣтъ дѣлами митрополіи, Кириллъ отправился просить патриаршаго утвержденія въ этомъ званіи лишь послѣ того, какъ самъ Даніилъ былъ признанъ въ своемъ великокняжескомъ достоинствѣ отъ монгольскаго хана. Нужно думать, что тогдашній, константинопольскій патриархъ, Мануиль II утвердилъ Кирилла въ званіи митрополита безъ всякаго возраженія. Во первыхъ трудно было патриарху заявить какой либо протестъ противъ Кирилла; такъ какъ патриархи будучи изгнаны изъ Константинополя латинянами уже нѣсколько лѣтъ до того времени жили въ Никейѣ, и, слѣдовательно, не могли поддерживать прежнее свое вліяніе на Россію, и съ удобствомъ управлять ея дѣлами. Во вторыхъ опустошеніе, раззореніе и порабоженіе Руси монголами дѣлали ее теперь не на столько привлекательною епархією, чтобы патриархи рѣшились усиленно поддерживать въ ней свое прежнее вліяніе, а равно и митрополиты изъ грековъ не совсѣмъ охотно теперь могли идти въ Россію, чтобы управлять церковію опустошенной и порабоженной страны, требовавшею отъ нихъ въ такомъ состояніи только трудовъ и лишеній. Какъ бы то ни было, только съ политическимъ порабоженіемъ Руси монголами начинается заря церковнаго ея освобожденія отъ константинопольскаго престола. Тяжелыя испытанія, постигшія въ это время церковь съ государствомъ, сблизили ихъ въ своихъ взаимныхъ интересахъ и цѣляхъ и постепенно воспитывали въ сознаніи необходимой свободы отъ посторонняго вліянія. Митрополиты искали опоры въ князьяхъ, князья—въ митрополитахъ, и такимъ образомъ постепенно выяснялись и развивались, съ одной стороны, идея единодержавнаго русскаго государства, съ другой—образъ самостоятельной русской церкви. Константинопольскіе патриархи, переселившіеся снова въ Константинополь, и снова приблизившіеся къ Россіи, очевидно не вдругъ и не съ охо-

тою могли согласиться на подобное отчужденіе и отдѣленіе отъ нихъ русской церкви, особенно когда видѣли замѣтное возрастаніе Россіи послѣ татарскаго погрома и внутреннее ея благоустроеніе въ церковномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, когда замѣчали согласное стремленіе князей и митрополитовъ къ самостоятельному образу дѣйствій. Этимъ и объясняется то общее, характеризующее монгольскій періодъ русской исторіи, явленіе, что константинопольскіе патріархи, уступая русской церкви и ея князьямъ право избранія русскихъ митрополитовъ, въ тоже время по прежнему иногда сами не только поставляли, но и избирали для Россіи митрополитовъ, и уже не изъ однихъ грековъ, а иногда и изъ русскихъ. Такъ въ этотъ періодъ были избраны въ Россіи, но поставлены въ Константинополь, кромѣ Кирилла II (1250—1280 г.), митрополиты: св. Петръ (1308—1326 г.), св. Алексій (1254—1376 г.), Михайль, или Митяй и отчасти Пимень и Діонисій (1378—1385 г.); прочіе же: Максимъ (1283—1305 г.), Θεογνοσть (1328—1353 г.), Кипріанъ (1376—1407 г.), Фотій (1409—1431 г.) и Исидоръ (1437—1441 г.) были избраны и поставлены въ Константинополь: Максимъ, Θεογноσть и Фотій—изъ грековъ, Кипріанъ—изъ сербовъ, Исидоръ же—изъ южныхъ славянъ. Замѣчательно, что избранія перечисленныхъ митрополитовъ ¹⁾ идутъ почти въ послѣдовательномъ порядкѣ: митрополиты изъ русскихъ послѣ митрополитовъ изъ грековъ и на оборотъ.

¹⁾ Изъ перечисленныхъ митрополитовъ, избранные въ Россіи были избраны: Кириллъ II галицкимъ княземъ Данииломъ, св. Петръ—также галицкимъ княземъ Георгіемъ Львовичемъ, который „восхотѣ галицкую епископію въ митрополію претворити“ убѣдилъ Петра, бывшаго въ то время русскимъ игуменомъ, ѣхать къ цареградскому патріарху, конивъ въ то время былъ Азанасій, съ письмомъ отъ князя и его посломъ; патріархъ, испитавъ Петра, рукоположилъ его митрополитомъ только не для одной Галиціи, а для всей Россіи; вслѣдствіе сего передалъ ему святительскія ризы, пастырскій жезлъ и другіе предметы, которые были отобраны патріархомъ у Гервотія, одного изъ владимірскихъ игуменовъ, искавшаго въ то время русской митрополіи въ Константинополь. Св. Алексій былъ назначенъ самимъ митрополитомъ Θεογноσтомъ, который, взявъ Алексія изъ московскаго богоявленскаго монастыря на митрополитчій домъ, сначала сдѣлалъ его своимъ наместникомъ, поручалъ ему управленіе церковными дѣлами и судами митрополитчій.

Подобныя явленія нельзя назвать случайными и объяснить тѣмъ, что Россія въ извѣстное время не могла представить своего кандидата; такъ какъ дѣйствительные факты заставляютъ склониться къ другому предположенію, недопускающему случайности. Дѣло въ томъ, что послѣ русскаго митрополита всегда оказывался какой либо русскій претендентъ, котораго устранили въ Константинополь и поставляли грека. Такъ о св. Пе-

трополѣи, затѣмъ, спустя двѣнадцать лѣтъ, уступилъ ему собственную владимірскую епархію, куда и поставилъ Алексѣя епископомъ, приготовляя въ немъ себѣ преемника. Во все время своей дѣятельности св. Алексѣй былъ на глазахъ и у московскаго вел. князя Симеона, болѣе и болѣе пріобрѣталъ его расположенность, такъ что, когда Θεогностъ еще при жизни предложилъ поставить Алексѣя своимъ преемникомъ, вел. князь, святители и бояре согласились съ этимъ предложеніемъ и отправили въ Константинополь посольство съ просьбою, чтобы въ случаѣ смерти Θεогноста на кафедрѣ русской митрополіи былъ возведенъ не другой кто либо, а именно Алексѣй, епископъ владимірскій. По этой просьбѣ съ тѣмъ же носольствомъ греческій императоръ и патріархъ прислали Алексѣю грамоты, признавшія его въ Константинополь, гдѣ онъ въ уваженіе къ его личнымъ качествамъ и похвальнымъ о немъ свидѣтельствамъ другихъ былъ поставленъ митрополитомъ. Подобно Θεогносту и св. Алексѣй въ свою очередь желалъ передать митрополію преподобному Сергію, игумену радонежскому, котораго и убѣждалъ принять савъ епископа съ тѣмъ, чтобы впоследствии занять и престолъ митрополіи. Не зная, успѣлъ ли бы въ своемъ намѣреніи, подобно Θεогносту, Алексѣй, если бы преподобный Сергій согласился принять предлагаемую ему честь; по крайней мѣрѣ обстоятельство показали, что великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской подготавливалъ другаго преемника для митрополитской кафедры въ лицѣ Митяя, или Михаила, бывшаго прежде священникомъ въ селѣ Коломенскомъ, а теперь духовникомъ князя и архимандритомъ княжескаго спасскаго монастыря въ Москвѣ. Желая видѣть Митяя преемникомъ Алексѣя, великій князь неоднократно самъ лично и чрезъ своихъ бояръ упрашивалъ св. Алексѣя благословить Митяя на митрополію; но Алексѣй сначала не соглашался подъ тѣмъ предлогомъ, что Митяя еще молодъ въ вѣчествѣ, потомъ, вынужденный неотступными просьбами, уступилъ, сказавъ: „я не имѣю права благословлять его, но да будетъ онъ митрополитомъ, если нзволятъ на то Богъ и Пресвятая Богородица и патріархъ со своимъ соборомъ“. Извѣстно, что Митяя, управлявшій нѣсколько мѣсяцевъ (съ февраля 1378 по июнь 1379 г.) дѣлами русской митрополіи, не удостоился достигнуть вышсваго на его долю жребія; отправившись въ Константинополь всать рукоположенія, онъ умеръ внезапною смертію на пути и погребенъ въ Галать (П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 29—30. Стен. кн. т. I. стр. 468. Нак. лѣт. т. IV. стр. 70—74). Митрополитомъ въ Россію былъ поставленъ Пимень, архимандритъ черыславскій, который находился въ свѣтѣ Митяя, и котораго самовольно избрали бояре, бывшіе въ той же свѣтѣ и составившіе объ этомъ подложную грамоту отъ имени вел. князя

трѣ митрополитѣ его древнѣйшій жизнеописатель сообщаетъ, что онъ самъ при жизни своей избралъ себѣ преемникомъ какого то архимандрита Θεодора „его же воименова на митрополию¹⁾“. Но Θεодоръ почему то не сдѣлался митрополитомъ. Послѣ смерти Кипріяна, если московскій князь Василій Дмитриевичъ, не имѣя своего избранника, обратился въ Константинополь съ просьбою прислать оттуда митрополита на Русь, то литовскій князь Витовтъ, избравъ полоцкаго епископа Θεодосія, просилъ императора и патріарха: „поставьте намъ въ митрополиты Θεодосія, чтобы сидѣлъ на столѣ кievской митрополіи, строилъ бы церковь божію по прежнему, какъ нашъ, потому что по волѣ Божіей мы обладаемъ тѣмъ городомъ Кіевомъ“²⁾. Въ Константинополь не исполнили желанія Витовта и прислали на всероссійскую митрополию Фотія, родомъ грека изъ Морей (1408 г.). Если отказъ Константинополя въ настоящемъ случаѣ можно мотивировать тѣмъ, что Витовтъ искалъ митрополита для своихъ владѣній; то этого мотива нельзя поставить въ объясненіе слѣдующаго факта. Фотій умеръ (1431 г.), оставивъ своимъ преемникамъ церковь русскую „умиренною и воссоединенною подъ властію одного главнаго іерарха“. Московскій князь Василій Васильевичъ, съ согласія всѣхъ русскихъ князей, всего духовенства и народа, а равно и съ согласія литовскаго князя отправилъ ростовскаго епископа Іону въ Царьградъ для поставленія. Въ Константинополь, еще до прибытія Іоны, постѣшили назначить своего кандидата, болгарина, извѣстнаго Исидора, на услуги котораго императоръ и патріархъ рассчитывали по случаю начав-

къ греческому императору и патріарху (П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 31—32. Ник. лѣт. т. IV. стр. 75—76). Въмѣсто Пимена былъ избранъ вел. кн. Дмитріемъ Иоанновичемъ Донскимъ суздальскій епископъ Діонисій, который и былъ поставленъ въ Царьградъ, но не возвратился на свою катедру; такъ какъ на пути изъ Кіева въ Москву былъ схваченъ кievскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и содержался подъ стражею до конца своей жизни (1385 г.).

¹⁾ Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 21 и 311.

²⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 309—310. Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 85—86.

шихся сношеній съ западомъ по дѣлу объ униі. Эти факты не позволяютъ смотрѣть на преемственную и послѣдовательную смѣну однихъ митрополитовъ другими, русскихъ — греками, какъ на случайную и не имѣвшую никакой особенной причины; напротивъ они заставляютъ предположить въ этой смѣнѣ проявленіе церковной политики Византіи, по которой въ Константинополь, не желая совсѣмъ выпустить изъ своихъ рукъ власть надъ русскою церковію, не хотѣли открыто оскорблять и защищавшее эту церковь, сдѣлавшееся теперь сильнымъ, свѣтское правительство. Причемъ эта политика въ разсматриваемое время старалась, по возможности, угождать какъ московскому, такъ и литовскому князю, при случаѣ же и польскому королю, которые одинаково бывали сильны, и одинаково могли быть полезны и выгодны для Византіи. Дѣйствіе же подобной политики съ ясностію сказалось въ правленіе св. Алексѣя, митрополита московскаго и всея Россіи. Поставивъ по единодушному ходатайству вел. князя, всѣхъ святителей, бояръ и народа (1354 г.) св. Алексѣя „совершеннымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи“, патріархъ Филоеѣй не усомнился посвятить затѣмъ и Романа, о которомъ просилъ враждовавшій въ то время съ Москвою, литовскій князь Ольгердъ, на томъ основаніи, что Ольгердъ не желалъ признать Алексѣя, какъ избраннаго Москвою и неудобнаго ему, митрополитомъ надъ своими православными подданными, жившими въ предѣлахъ литовскаго княжества. Когда еще въ Царьградѣ между обоями, новопоставленными, русскими митрополитами обнаружилось несогласіе, приведшее ихъ обоихъ впоследствии на судъ патріарха; то въ Византіи не усумнились къ одной сдѣланной ошибкѣ прибавить другую: патріаршій синодъ постановилъ, чтобы св. Алексѣй былъ и считался, по утвердившемуся издревле обычаю, митрополитомъ Кіева и всея Россіи, а Романъ имѣлъ подъ своею властію, для умиротворенія и спокойствія литовскаго края, вмѣстѣ съ находящимися тамъ епископіями города: Полоцкъ, Туровъ и Новгородокъ, гдѣ должна находится каеэдра митрополита, также епископіи малой Россіи,

съ тѣмъ, чтобы оба митрополита отнюдь не вторгались въ предѣлы другъ друга подъ опасеніемъ тяжелой отвѣтственности по канонамъ церкви. Романъ не удовольствовался этимъ рѣшеніемъ и до самой своей смерти причинялъ открытыя оскорбленія митрополиту Алексѣю, самовольно вторгаясь въ предѣлы послѣдняго. Казалось бы, одного этого опыта было достаточно, чтобы убѣдить константинопольскій, патріаршій престолъ въ послѣдственности его дѣйствій; тѣмъ не менѣе тотъ же самый патріархъ Филоеей, который одновременно съ св. Алексѣемъ поставилъ Романа литовскимъ митрополитомъ (1373 г.), рѣшился поставить новаго митрополита Кипріана для Литвы и вмѣстѣ Кіева съ тѣмъ, чтобы по смерти св. Алексѣя Кипріанъ имѣлъ право на всю Россію. Угождая такимъ образомъ литовскимъ князьямъ, константинопольскіе патріархи находили возможнымъ не вооружать и польскихъ королей, по просьбѣ которыхъ они также поставляли отдѣльных митрополитовъ для Галиціи.

Если константинопольскіе патріархи находили необходимымъ поступать такъ въ дѣлѣ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ, чтобы спасти свое вліяніе на русскую церковь; то и русскіе князья не думали поступаться своимъ авторитетомъ въ томъ же дѣлѣ. Перебирая случаи поставленія русскихъ митрополитовъ въ разсматриваемый періодъ, нельзя не замѣтить той особенности, что какъ русскіе, такъ и литовскіе князья не только избирали митрополитовъ, но и устраняли поставленныхъ патріархомъ безъ ихъ согласія. Такъ, когда по смерти св. Алексѣя предназначенный ему въ преемники и рукоположенный (1376 г.) въ Константинополѣ Кипріанъ искалъ самымъ дѣломъ занять митрополичью кафедру, и для сего вошелъ въ сношеніе съ игуменами: Сергіемъ радонежскимъ и Теодоромъ симоновскимъ и рѣшился пріѣхать въ Москву (1373 г.): то вел. кн. Дмитрій Іоанновичъ Донской, узнавъ объ этомъ, разставилъ по дорогѣ въ Москву заставы изъ солдатъ съ воеводами, чтобы они не пропускали Кипріана въ Москву; но когда послѣдній окольными путями проникъ туда, то князь велѣлъ

боярину Никифорову схватить митрополита; Никифоровъ, ограбивъ Кипріана и нанеся ему оскорбленіе, заключилъ его подъ стражу въ сырую кѣтъ, гдѣ Кипріанъ, просидѣвъ сутки, тѣмъ-же лицами былъ выгнанъ изъ столицы ¹⁾. Въ другой разъ тотъ же вел. князь, оставшись недоволенъ тѣмъ, что Пименъ вмѣсто Митяя сдѣлался митрополитомъ, самъ поручилъ тому же, си-моновскому игумену Θεодору, бывшему духовнымъ отцомъ князя, звать Кипріана въ Москву на митрополию; Кипріанъ прибылъ и былъ встрѣченъ со всею торжественностію самимъ княземъ, духовенствомъ, боярами и множествомъ народа (1381 г.). Пребываніе Кипріана въ Москвѣ и управленіе имъ московскою митрополиею были непродолжительны; въ слѣдующемъ году Дмитрій Іоанновичъ снова отвергъ Кипріана за то, что онъ покинулъ Москву во время нашествія на нее Тохтамыша (авг. 1382 г.) и удалился въ Тверь къ давнему врагу московскаго князя—Михаилу Александровичу, родственнику литовскаго князя Ольгерда ²⁾. Какъ обращался Дмитрій Іоанновичъ съ Кипріаномъ; такъ поступалъ онъ и съ Пименомъ, сдѣлавшимся митрополитомъ противъ воли вел. князя. Когда стало извѣстнымъ въ Москвѣ, что Митяй умеръ, а Пименъ поставленъ митрополитомъ, вел. князь напередъ заявилъ: что „онъ не посылалъ Пимена ставиться въ митрополиты—поэтому не приметъ и видѣть его не хочетъ“. Свое заявленіе велик. князь вполнѣ сдержалъ: когда Пименъ, прибывъ изъ Царьграда достигъ Коломны, вел. князь приказалъ схватить его, снять съ него бѣлый клобукъ и послать въ заточеніе въ Чухлому, гдѣ Пименъ и прожилъ цѣлый годъ, бывъ переведенъ за тѣмъ въ Тверь ³⁾. Послѣ, когда Кипріанъ былъ удаленъ, вел. князь самъ чрезъ пословъ просилъ Пимена на русскую митрополию, и принялъ его съ честію. Это принятіе не было искренне со стороны вел. князя, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ избралъ на митрополию уже новаго кандидата, Діонисія Суздаль-

¹⁾ Прав. собес. 1860 г. т. II. стр. 75—106.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 64. 71—72.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 233. т. VIII. стр. 32 42. Ник. лѣт. т. IV. стр. 77.

скаго. Если къ этимъ фактамъ присоединимъ тотъ, что вел. князь Василій Васильевичъ только „не хотя рушити изначальныя старины“ принялъ избраннаго противъ его воли и прошенія митрополита Исидора, и затѣмъ, когда Исидоръ принялъ унію на Флорентійскомъ соборѣ, низвелъ его съ кафедръ и заключилъ въ Чудовъ монастырь; то мы получимъ полное представленіе о томъ значеніи, которымъ пользовались и хотѣли пользоваться московскіе князья въ дѣлѣ избранія и принятія русскихъ митрополитовъ въ періодъ монгольскаго владычества. Подобно московскимъ князьямъ поступали и литовскіе—съ негодными имъ митрополитами. Ольгердъ преслѣдовалъ и заключилъ подъ стражу св. Алексѣя, когда тотъ обозрѣвалъ епархіи его княжества. Сынъ Ольгерда, Владиміръ приказалъ схватить митрополита Діонисія, когда тотъ возвращался въ Россію изъ Константинополя послѣ своего рукоположенія, за то, что Діонисій „ходилъ въ Царьградъ ставиться въ митрополиты безъ его повелѣнія ¹⁾).

Какъ князья такимъ образомъ проявляли свою власть надъ негодными имъ митрополитами, чтобы сохранить свое значеніе; такъ константинопольскіе патріархи въ свою очередь старались всемірно сохранить свое вліяніе на Россію, и для сего отвергали негодныхъ имъ кандидатовъ на митрополию. Мы замѣтили, что патріархъ Мануилъ II долженъ былъ непрекословно утвердить избраніе Кирилла II митрополитомъ Россіи; равнымъ образомъ и патріархъ Аѳанасій, хотя съ любовью принялъ Петра, и, избравъ его съ своимъ синодомъ, рукоположилъ митрополитомъ; однако отвергъ искавшаго митрополіи, владимірскаго игумена, Геронтія, на томъ основаніи, что „недостойно мірянамъ избранія святительскія творити“. Этимъ отказомъ патріархъ уже выразилъ какъ свое неодобреніе тому, что русскія власти начали вмѣшиваться въ дѣло избранія митрополитовъ ²⁾), такъ и свое нерасположеніе къ начинавшему входить

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 74.

²⁾ Пресвящ. Макарій по сему поводу дѣлаетъ не несомнѣтельную догадку о томъ, что Геронтія не безъ согласія свѣтскихъ властей суздальской

въ практику обычаю избранія себѣ митрополита самими русскими. Подобныя неодобреніе и нерасположеніе со стороны патриаршаго престола и его синода еще рѣшительнѣе сказались при поставленіи преемника Θεогносту, св. Алексѣя. Св. Алексѣй былъ избранъ и постепенно приготовленъ къ занятію митрополичьей кафедрой самимъ Θεогностомъ, съ которымъ въ этомъ случаѣ согласились: вел. князь, святители, бояре и народъ; словомъ вся русская церковь подала свой, избирательный голосъ въ пользу Алексѣя и чрезъ особое посольство ходатайствовала въ Константинополь за своего кандидата. Греческимъ императору и патриарху нельзя было не уважить этого ходатайства, если они желали избѣгать замѣшательства; но въ тоже время имъ не могло и нравиться подобное коллективное ходатайство, которое, связывая имъ свободу дѣйствій, представляло на будущее время не желательный прецедентъ въ томъ отношеніи, что угрожало инициативу избранія митрополита совсѣмъ перенести изъ Греціи въ Россію, изъ Константинополя въ Москву. Поэтому тогдашній патриархъ Филоеей, пригласивъ св. Алексѣя явиться въ Константинополь для рукоположенія, подвергъ его особому испытанію синода. Въ грамотѣ, которая была выдана св. Алексѣю о поставленіи его митрополитомъ, было сказано, что патриархъ и его синодъ рѣшились поставить Алексѣя только послѣ тщательнаго испытанія, подтвердившаго всѣ похвальные отзывы о немъ какъ русскихъ, такъ и грековъ. Поставивъ въ уваженіи къ этимъ отзывамъ и во вниманіи къ просьбѣ вел. князя Алексѣя митрополитомъ, патриархъ и его синодъ сдѣлали это въ видѣ исключенія, и притомъ „въ отношеніи только къ нему одному—кирь Алексѣю“ на томъ основаніи, какъ объяснено въ синодадальной грамотѣ, что „вовсе не обычайно и не безопасно для церкви—„*συνηδὲς διόλου οὐδὲ ὀσφαλὲς τοῦτο*“ рукополагать митрополитовъ изъ русскихъ“; посему продолжала грамота „отнюдь не соизволяемъ и не допускаемъ, чтобы другой кто

страны отправился въ Царьградъ искать митрополіи (Истор. русс. церк. т. IV. стр. 15. 17).

либо, посланный изъ Россіи, былъ поставленъ туда архіере-
емъ на будущее время; но только изъ сего богопрославлен-
наго, Богомъ возвеличеннаго и счастливаго Константинополя,
прославившійся добродѣтелями и доброю нравственностію, из-
вѣстный даромъ слова (ἐν δυνάμει λόγου) и воспитанный въ позна-
ніи и опытности (πείρα) церковныхъ законовъ—съ тѣмъ, чтобы онъ
самъ собою былъ въ состояніи разрѣшать встрѣчающіеся во-
просы правильно и съ соблюденіемъ церковныхъ и канониче-
скихъ постановленій и не имѣлъ надобности ни въ комъ
другомъ (ἐτέρωθεν) для того, чтобы находящійся тамъ народъ
водить по спасительнымъ пажитямъ“. Предупреждая случаи
рукоположенія русскихъ въ митрополиты на будущее время,
патріархъ и синодъ даже усиливались наложить въ этомъ смы-
слѣ обязательство и на послѣдующихъ патріарховъ и синоды.
„Итакъ опредѣляемъ, продолжала грамота, чтобы и преемники
наши на патріаршемъ престолѣ (τοὺς μετ' ἡμᾶς πατριαρχεύουστας)
соблюдали этотъ прекрасный (ὡς καλῶς ἔχον) и въ высшей сте-
пени (μέγιστα) полезный (συμβαλλόμενον) для домостроительства церк-
ви Божіей обычай“. Патріархъ и его синодъ въ своей грамотѣ
представляютъ самого митрополита Алексѣя „избраннымъ и пос-
тавленнымъ въ Россію какъ бы изъ Константинополя“ ¹⁾. Смыслъ
и цѣль сего опредѣленія понятны. Представляя прежде всего
грековъ и затѣмъ всѣхъ жившихъ и воспитавшихся въ Кон-
стантинополѣ способными и достойными къ занятію кафедръ
русской митрополіи, грамота такимъ образомъ окончательно
заграждаетъ путь къ этой кафедрѣ русскимъ и въ особен-
ности тѣмъ, которые были бы избраны въ Россіи и присланы
оттуда въ Константинополь для рукоположенія. Подобное, ос-
корбительное для русскихъ и, въ частности, для ихъ природ-
ныхъ пастырей постановленіе могло бы имѣть нѣкоторое ос-
нованіе, если бы опыты совершившихся въ Россіи избраній
на митрополію были неудачны, а произведенные въ Констан-
тинополѣ—безукоризненны. Дѣйствительно, данная св. Алек-

¹⁾ Miklosisch, Act. Patr. Const. t. I. pag. 337—338.

сѣю о поставленіи его на митрополию грамота, изъ которой мы привели изложенное мѣсто, такъ и представляетъ дѣло относительно константинопольскихъ выборовъ. Въ началѣ эта грамота гласитъ: „святая, каеолическая и апостольская Божія церковь, по даннымъ ей свыше благодатію Христовою силѣ и власти на полезнѣйшее, всегда во всемъ домостроительствующая и о всѣхъ повсюдно обрѣтающихся святѣйшихъ церквахъ прилагаетъ свою заботу и попеченіе, чтобы они правильно (καλῶς) и по закону Божію жили и управлялись; особенно же она заботится и промышляетъ о такихъ святѣйшихъ церквахъ, которыя находятся въ дали гдѣ либо и преимуществуютъ массою многообразнаго народа и важностію правительственной власти, исполняя принадлежащее ей и должное, по преимуществу же ревнуя объ освященіи и пользѣ находящихся тамъ душъ. Вотъ почему и съ святѣйшею митрополию Кіева и всея Россіи, которая при прославленіи въ ней имени Божія пользуется многимъ и великимъ уваженіемъ и населена во множествѣ (κατὰ πορίῃδας) христоименитымъ народомъ, святая Божія церковь обращается съ великою честію и всячески желаетъ промышлять о ней, и сорадоваться, и помогать ей, такъ какъ она окружена многими, нечестивыми сосѣдями и огнепоклонниками. Вслѣдствіе сего и во вниманіи къ многообразнымъ, испытаннымъ способамъ управленія ею, (св. церковь) и въ прежнія времена на такое архіерейское предстоятельство пославляла съ должнымъ испытаніемъ благонадежныхъ во многихъ порученіяхъ, избранныхъ, священныхъ мужей“¹⁾. Отсюда видно, что основаніе, по которому патріархъ и его синодъ считали законнымъ удержатъ за собою право избранія и поставленія въ Россію митрополитовъ на будущее время, скрывалось въ томъ, что патріаршій, константинопольскій престолъ всегда имѣлъ особое попеченіе о русской церкви, какъ многочисленной, и прилагалъ особое стараніе къ замѣщенію въ ней митрополичьей каеодры—людьми испытанными и опытными въ этомъ дѣлѣ, сло-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 336.

вомъ такими, которыхъ не могла приготовить и представлять Россія. Чтобы провѣрить правильность этого основанія и вмѣстѣ показать на сколько Россія въ дѣйствительности была способна, или неспособна доставлять надежныхъ кандидатовъ для митрополичьей кафедръ, для сего мы должны были бы сдѣлать сравненіе между присылавшимися изъ Константинополя и избранными въ Россіи предстоятелями русской церкви; но подобное сравненіе уже сдѣлано преосв. Макаріемъ въ его исторіи, такъ что мы считаемъ себя обязанными воспользоваться этимъ полнымъ и обстоятельнымъ, словомъ прекраснымъ сравненіемъ. Разсматривая и обсуждая постановленіе патріарха Филоея и бывшаго при немъ синода по поводу поставленія св. Алексѣя митрополитомъ, преосв. Макарій находитъ это опредѣленіе и вообще содержащіяся въ грамотѣ патріарха мысли не совсѣмъ правильными и согласными съ дѣйствительностію. Соглашаясь, что многочисленность русской церкви и отдаленность ея отъ центра высшаго управленія обязывали патріарховъ давать ей самыхъ благонадежныхъ по образованію и нравственности митрополитовъ, преосв. Макарій не признаетъ однако послѣдовательнымъ съ этою мыслию обыкновеніемъ—избирать достойныхъ митрополитовъ только въ Греціи и Константинополѣ, а не въ Россіи; тѣмъ болѣе, что Греція была не такъ богата подобными кандидатами для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи, а Россія не такъ бѣдна. „Случалось, поясняетъ свою мысль преосвященный, что и на патріаршую кафедру въ Константинополѣ избирали людей и малоученыхъ и малоспособныхъ и невысокой нравственности ¹⁾. А изъ числа 25 митрополитовъ, присланныхъ къ намъ изъ Греціи въ первые четыре съ половиною вѣка, едва можемъ насчитать пять-шесть іерарховъ, которые отличались просвѣщеніемъ и благочестіемъ; всѣ же прочіе (кромѣ служенія церковнаго и управленія) ничѣмъ ни заявили себя и не оставили почти ника-

¹⁾ Таковы были патр. Евстратій Гаридъ (1081—1084), Нифонтъ I (1312—1315), Герасимъ I (1320—1323) и другіе (см. Истор. спис. конст. патр. въ Хр. Чтен. за 1843 г. ч. III. 281. ч. IV. 425. 426 и дал.).

кого слѣда въ нашей исторіи; одинъ даже (Іоаннъ III) былъ по выраженію современнаго лѣтописца „не книженъ и умомъ простъ и просторѣкъ“ ¹⁾). Между тѣмъ какъ изъ шести русскихъ по происхожденію митрополитовъ, бывшихъ у насъ въ тотъ же періодъ, всѣ, кромѣ Пимена, извѣстны и по достаточному образованію и по благочестію, или по крайней мѣрѣ по благочестію. И безъ всякаго труда можно указать еще теперь на природныхъ русскихъ іерарховъ того времени, которые могли бы съ честію занимать катедру русской митрополіи, каковы: Нифонтъ Новгородскій, Кириллъ Туровскій, Симонъ Владимірскій, Кириллъ Ростовскій, не упоминаемъ уже о нашихъ великаихъ инокахъ-подвижникахъ“. Опровергая этими фактами мысль патріаршей грамоты, что будто бы только Греція и Константинополь могли доставить достойныхъ кандидатовъ для русской митрополіи катедры, преосв. Макарій дѣлаетъ такой отзывъ о русскихъ митрополитахъ—грекахъ. „Если бы и дѣйствительно были присылаемы къ намъ митрополитами греки, отличные по силѣ слова и опытные въ священныя канонахъ: какую пользу могли приносить они русскимъ своимъ краснорѣчіемъ, когда сами не знали и по русски и по славянски? За исключеніемъ двухъ-трехъ изъ этихъ митрополитовъ, отъ которыхъ сохранились памятники ихъ благовѣстія, о всѣхъ прочихъ даже не замѣчено въ лѣтописи, говорили ли они когда либо поученія къ народу. А о природныхъ русскихъ митрополитахъ: Иларіонъ, Кириллъ, Петръ, Алексій, мы знаемъ достоверно, что они проповѣдывали народу, и ихъ проповѣдь, безъ сомнѣнія, была ему понятна. Допустимъ также, что митрополиты, приславшіеся къ намъ изъ Греціи, быть можетъ, и обладали основательными познаніями въ церковныхъ канонахъ; но они ни мало не содѣйствовали распространенію этихъ познаній между русскими, и, привозя съ собою и для себя греческіе списки Кормчей, не позаботились въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ ввести во всеобщее употребленіе въ Россіи

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I. стр. 89.

славянскую Кормчую. Уже митрополитъ Кирилль родомъ русскій досталъ списокъ этой послѣдней Кормчей отъ болгарскаго деспота и съ того времени списки ея начали умножаться въ напей церкви“. Изображая такимъ образомъ сравнительное достоинство русскихъ митрополитовъ изъ грековъ и русскихъ, преосв. Макарій вообще высказываетъ мысль, что митрополиты изъ русскихъ были бы несравненно полеанѣе для русской церкви и болѣе соотвѣтствовали бы своей цѣли, нежели митрополиты, присылавшіеся изъ Греціи. „Принадлежа и по рожденію и воспитанію иной странѣ, избранные и поставленные греческимъ патріархомъ съ согласія греческаго императора, митрополиты—греки хотя, конечно, могли, по сознанію своего пастырскаго долга и по христіанской любви, ревностно заботиться о русской церкви; но сердце ихъ естественно болѣе лежало къ ихъ родинѣ, нежели къ Россіи; и они скорѣе и охотнѣе могли преслѣдовать интересы своихъ соотечественниковъ, своего государя и патріарха, нежели интересы русскихъ князей и народа. Русскіе, съ своей стороны, неизбѣжно должны были видѣть въ этихъ митрополитахъ пришельцевъ, чуждыхъ имъ по языку и по всему другому, и хотя глубоко уважали ихъ санъ, но не могли питать къ нимъ искренняго, родственнаго вліянія и сочувствія. Совсѣмъ иное было бы при митрополитахъ русскихъ. И они сами имѣли бы болѣе побужденій трудиться съ полнымъ усердіемъ и любовію для родной церкви и своего народа, и народъ естественно болѣе понималъ бы ихъ, болѣе имъ сочувствовалъ, болѣе любилъ ихъ и повиновался имъ... Митрополиты въ Россіи получали очень богатое содержаніе. На что же употребляли его митрополиты-греки? Мы не знаемъ, чтобы они удѣляли хоть часть его на пользу Россіи, напр., для построенія церквей, монастырей, кромѣ того случая, что митрополитъ Фотій основалъ для себя на своей митрополитчѣй землѣ небольшой монастырекъ—Новинскій. Всего вѣроятнѣе они отсылали свои избытки въ Константинополь, въ казну патріаршую и даже царскую“. Къ такой яркой характеристикѣ малополезнаго и малоплоднаго управленія рус-

скою церковію избравшихся и поставлявшихся въ Константинополь митрополитовъ изъ грековъ нѣтъ надобности прибавлять что либо. Остается только размыслить, почему именно константинопольскіе патріархи, не могшіе конечно не видѣть и не сознавать всего этого, такъ долго и такъ настойчиво держались и не хотѣли выпустить изъ своихъ рукъ право избранія и назначенія митрополитовъ только изъ грековъ, безъ сомнѣнія изъ лицъ близкихъ и хорошо извѣстныхъ патріарху. И—эту сторону дѣла преосв. Макарій не оставляетъ безъ освѣщенія. Заключивъ на основаніи фактовъ, что русская митрополія считалась богатѣйшею изъ всѣхъ епархій вселенскаго патріарха, и что отъ русскихъ митрополитовъ въ Константинополь привыкли ожидать огромныхъ приношеній и пожертвованій, преосв. Макарій продолжаетъ: „не здѣсь ли скрывается самая тайная, но и самая главная причина, почему патріархи такъ долго и такъ упорно держались обычая назначать въ Россію митрополитовъ—грековъ изъ числа своихъ приближенныхъ“¹⁾? Настоящая догадка заслуживаетъ полного вниманія; по крайней мѣрѣ имѣются неопровержимыя данныя на то, чтобы утверждать, что константинопольскіе патріархи и ихъ синоды, провозглашая извѣстныя начала своихъ дѣйствій по отношенію къ русской церкви, сами первые и нарушали ихъ. У насъ рѣчь только объ избраніи и поставленіи русскихъ митрополитовъ; но мы выше видѣли, какъ патріархъ Филоеѳъ и его синодъ категорически высказались и заявили, что они только изъ уваженія къ особеннымъ, личнымъ качествамъ и во вниманіи къ ходатайству русс. велик. князя позволили себѣ поставить св. Алексѣя митрополитомъ, не въ примѣръ, какъ говорится, прочимъ и съ условіемъ, что никто изъ избранныхъ въ Россіи уже не удостоится болѣе подобнаго снисхожденія. Однако что же говоритъ дѣйствительность? Еще св. Алексѣй, получившій синодальную грамоту о своемъ поставленіи, въ которой изложены столь строгія закліятія, не усмѣлъ оставить Констан-

¹⁾ Истор. русс. церк. т. IV. стр. 276—290. 284—286.

тинополь, какъ тотъ же патріархъ Филоеѣй рукоположилъ, по требованію литовскаго князя Ольгерда, присланнаго имъ новаго митрополита Романа, который еще въ Константинополѣ вошежь въ столкновеніе съ св. Алексѣемъ и послѣ продолжалъ вторгаться въ предѣлы управленія послѣдняго ¹⁾. Тотъ же патріархъ Филоеѣй во второе свое патріаршество ²⁾, по настоянію польскаго короля Казимира, поставилъ митрополита въ Галичь. Еще знаменательнѣе фактъ съ Пименомъ. Извѣстно, что Пименъ, составивъ подложныя грамоты отъ лица русскаго вел. князя, явился въ Константинополь искать патріаршества вмѣсто Митяя. Не несправедливо заключаетъ преосв. Макарій, что въ Константинополѣ знали истину дѣла и учиненный подлогъ отъ находившихся тамъ подобныхъ искателей митрополичьей кафедръ ³⁾; и однакожь патріархъ Ниль съ своимъ синодомъ поставилъ Пимена митрополитомъ. Лѣтописи характерно объясняютъ причину подобной благосклонности патріарха къ кандидату-самовзянцу. Пименъ и избравшіе его на мѣсто Митяя бояре, воспользовавшись оставшимися у нихъ, неписанными листами грамотъ вел. князя, составили отъ его имени заемныя письма на огромныя суммы, которыми ссудили ихъ восточные и италіянскіе купцы, и „разсулиша посулы многіе и раздаваша сюду и сюду, а яже поминковъ и дары, никто же можетъ рещи или исчислити, и тако едва возмогоша утолити всѣхъ“ ⁴⁾. Одного этого, краснорѣчиваго факта достаточно, что бы судить о томъ, какъ патріаршій константинопольскій престолъ исполнялъ свои обязательства въ отношеніи къ русской церкви и насколько разборчиво онъ относился къ тѣмъ случайнымъ искателямъ митрополичьяго сана, которые успѣвали проникнуть въ Константинополь и находили средства снискать себѣ расположенность. Если время со смерти митрополита Алексѣя

¹⁾ Act. Patr. Const. t. I. pag. 525—526. Ник. лѣт. т. III. стр. 204. Степ. кн. стр. 452.

²⁾ Въ концѣ 1354 г. Филоеѣй уступилъ кафедру Калисту, а въ 1362 г. снова вступилъ по отреченіи Калиста.

³⁾ Истор. русс. церк. т. IV. стр. 69.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 31—32. Ник. лѣт. т. IV. стр. 75—76.

(1378 г.) до смерти Кипріяна (1406 г.) называется „смутнымъ временемъ“ въ исторіи русской митрополіи; то причину этихъ смуть слѣдуетъ положить сколько въ томъ, что разные искатели митрополичьяго сана, пользуясь обстоятельствами, устремились въ Константинополь, такъ и главнымъ образомъ въ томъ, что подобныхъ искателей не только принимали въ Константинополь, но и удовлетворяли ихъ желаніямъ. Бывали времена, когда въ Россіи заразъ насчитывалось трое митрополитовъ, послѣдовательно другъ за другомъ поставленныхъ въ Константинополь и притомъ съ тѣмъ, чтобы они управляли Киевомъ и всею русскою церковію ¹⁾. Понятно, что всѣ эти митрополиты, при жизни другъ друга, не могли пользоваться своими правами; отсюда возникала въ Константинополь новая процедура низложенія одного и возстановленія другаго митрополита ²⁾. Эти явленія и сопровождавшія ихъ слѣдствія не могли производить благоприятное впечатлѣніе на Россію и располагать ее къ поддержанію своихъ сношеній съ Константинополемъ по вопросу рукоположенія русскихъ митрополитовъ. Нуженъ былъ только благоприятный моментъ, чтобы разъ и навсегда покончить съ колебательнымъ положеніемъ дѣль. Моментъ этотъ представился въ двухъ знаменательныхъ фактахъ церковнаго и политическаго свойства, которые окончательно подорвали обаяніе Византіи и древняго Царьграда въ глазахъ Россіи. Это, съ одной стороны, флорентинская унія, къ кото-

¹⁾ Таковы, напр., были: Кипріянь, рукоположенный при жизни св. Алексія въ 1376 г. патріархомъ Филоеемъ, чтобы онъ, по смерти Алексія, занялъ его мѣсто, а до того времени оставался только митрополитомъ литовскимъ, Пимень, рукоположенный по смерти Алексія (1380 г.) патр. Ниломъ митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи, несмотря на то, что Кипріянь былъ живъ и по распоряженію патр. Филоея имѣлъ право на оставшійся праздный престолъ, и наконецъ Діонисій, поставленный 1384 г. тѣмъ же патр. Ниломъ митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи.

²⁾ Такъ, при рукоположеніи Пимена, Кипріянь былъ лишенъ дарованнаго ему при поставленіи права на митрополію кievскую и всея Россіи, и только изъ снисхожденія оставленъ митрополитомъ одной малої Россіи и Литвы, а при поставленіи Діонисія, чрезъ особо посланныхъ отъ патріарха лицъ, назначено произвести слѣдствіе надъ Пименомъ, и, въ случаѣ его виновности, поручено слѣдователямъ низложить.

рой изъ политическихъ видовъ примкнули греческіе императоръ и патріархъ и хотѣли втянуть въ нее и Россію при посредствѣ послѣдняго, присланнаго въ Россію изъ Константинополя, митрополита Исидора, съ другой—завоеваніе Константинополя турками, положившее предѣлъ политическому существованію Византіи. Эти два событія провели рѣшительную черту во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Греціи. Россія рѣшилась сбросить съ себя іерархическую опеку Греціи, которая къ тому времени и матеріально и морально оказалась до того униженою и обезсиленою, что не рѣшилась даже заявить какой либо протестъ противъ подобнаго намѣренія, чтобы поддержать свое дальнѣйшее вліяніе. Съ этого времени избраніе и поставленіе русскихъ митрополитовъ сдѣлались предметомъ совмѣстной заботливости русскихъ князей и соборовъ русской церкви, независимо отъ константинопольскаго патріарха.

Первымъ митрополитомъ, который былъ избранъ и поставленъ въ Россіи и съ котораго началъ утверждаться новый въ этомъ отношеніи порядокъ вещей, былъ Іона, до того времени епископъ рязанскій. Іона былъ избранъ митрополитомъ, еще послѣ смерти митрополита Фотія, въ 1431 г., а въ 1433 г. именно въ грамотѣ въ Печерскій нижегородскій монастырь самъ именуется себя „нареченнымъ на святѣйшую русскую митрополию“¹⁾. Политическія и церковныя²⁾ замѣшательства того времени въ Россіи долго не позволяли Іонѣ отправиться въ Константинополь для рукоположенія. Только въ 1437 г. Іона былъ отправленъ въ Константинополь искать поставленія въ митрополита; но безуспѣшно: греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ, давно уже начавшіе сношенія съ западомъ о воссоединеніи церквей, поспѣшили, еще до прибытія Іоны, назначить на кафедру русской митрополіи новаго митрополита Исидора, родомъ болгарина, на котораго имѣли свои

¹⁾ А. И. т. I. № 37.

²⁾ Герасимъ, бывшій смоленскимъ епископомъ, по собственной ли волѣ, или по волѣ литовскаго князя Свидригайло, получилъ (1433 г.) санъ митрополита во Константинополѣ „на русскую землю“ и удерживалъ его до своей смерти (1435 г.), пока тѣмъ же Свидригайло не былъ лишенъ жизни.

виды по случаю начатаго дѣла ¹⁾). Подобное поведеніе греческихъ императора и патріарха и вообще было не благовидно; но оно грозило имъ и новопоставленному митрополиту новыми непріятностями; такъ какъ Іона отправился искать митрополиі не только съ грамотою московскаго, но и съ согласія всѣхъ русскихъ, а равно и литовскаго князя, также всего народа и духовенства; поэтому, видимо желая ослабить впечатлѣніе неблаговидности своего поступка, греческіе императоръ и патріархъ постѣвшили выразить Іонѣ свое сожалѣніе о томъ, что онъ опоздалъ, и дали обѣщаніе сдѣлать его митрополитомъ послѣ Исидора. Оскорбленный этимъ ²⁾ Іона возвратился въ отечество вмѣстѣ съ Исидоромъ и оставался по прежнему епископомъ рязанскимъ до 1448 г., когда онъ, спустя семнадцать лѣтъ послѣ своего избранія и семь лѣтъ послѣ низложенія Исидора, былъ поставленъ митрополитомъ ³⁾ соборомъ русскихъ епископовъ, по распоряженію вел. князя Василія Васильевича.

Какъ ни было подготовлено современными обстоятельствами и, въ особенности, отношеніемъ къ Константинополю поставленіе Іоны соборомъ русскихъ іерарховъ; тѣмъ не менѣе поставленіе это было совершено съ соблюденіемъ какъ бы особыхъ предосторожностей и тщательно въ послѣдствіи было разъяснено. Рѣшившись поставить Іону въ Россіи, вел. князь Василій Васильевичъ созвалъ соборъ, на который одни изъ русскихъ епископовъ явились лично, другіе прислали грамоты съ выраженіемъ своего согласія на поставленіе Іоны митрополитомъ. Соборъ открылся въ церкви св. Архангела Михаила; на немъ, кромѣ прибывшихъ въ Москву епископовъ, присутствовало множество русскихъ архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства. Приступивъ къ обсужденію своего главнаго предмета,

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 106.

²⁾ А. И. т. I. № 262. стр. 493.

³⁾ Поставленіе это, по объясненію лѣтописей, состояло въ томъ, что при совершеніи Іоною божественной литургіи 5 декабря 1448 г. на него возложенъ былъ митрополичій омофоръ, а въ руки ему данъ былъ великій митрополичій посохъ—символъ митрополичьей власти (П. С. Р. .I. т. VI. стр. 167. т. VIII. стр. 122. Нвв. лѣт. т. V. стр. 215).

соборъ прежде всего обратился къ правиламъ св. апостоловъ и соборовъ и нашель, что разсмотренныя правила не только не возбраняють, напротивъ повелѣвають епископамъ каждой области поставлять себѣ бблшаго святителя и митрополита. То предписаніе правилъ, которое требовало для поставленія митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ согласія и утвержденія патріарха, согласились удовлетворить тѣмъ, что константинопольскій патріархъ со своимъ соборомъ уже давно благословилъ Іону быть митрополитомъ послѣ Исидора, еще въ то время, когда Іона ѣздилъ въ Константинополь искать рукоположенія. При этомъ въ подкрѣпленіе своего рѣшенія соборъ принялъ въ соображеніе и то, что въ Россіи и прежде по нуждѣ ставились митрополиты соборомъ своихъ архіереевъ: при Ярославѣ (1051 г.)—Иларіонъ, при Изяславѣ (1147 г.)—Климентъ Смоленскій. Основавшись на этихъ доводахъ и соображеніяхъ, соборъ поставилъ Іону митрополитомъ ¹⁾.

Если эти доводы и соображенія были ясны и вразумительны для членовъ собора; то оставались неизвѣстны для другихъ и для всего русскаго общества, которое привыкло и уже сроднилось съ мыслию, чтобы митрополитъ русскій поставлялся не иначе, какъ съ вѣдома и благословенія патріарха и его соборомъ. Необходимо было распространить руководившіе соборомъ доводы и соображенія въ обществѣ, и разъяснить для всѣхъ смыслъ и законность совершившагося событія. Этотъ трудъ всего естественнѣе было принять на себя самому новопоставленному, чтобы съ перваго раза снискать къ себѣ общее довѣріе и сыновнюю преданность. Вслѣдствіе сего Іона, по вступленія своемъ на кафедру, и обратился ко всѣмъ русскимъ христіанамъ съ окружною грамотою, въ которой относительно своего поставленія писалъ: „вамъ дѣти извѣстно, сколько лѣтъ вдовствовала церковь Божія безъ бблшаго святителя, безъ митрополита, и оттого много учинилось лиха и истомы христіанству нашей земли. И нынѣ волею Божіею, собрались на свя-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. VI. стр. 187. т. VIII. стр. 121—122. Нав. лѣт. т. V. стр. 215. Степ. кн. II. стр. 78. А. И. т. I. № 262.

щенный соборъ владыки и архимандриты и игумены со всѣмъ великимъ Божиимъ священствомъ нашей земли, и, припомнивъ прежде о насъ повелѣніе святаго царя и благословеніе св. вселенскаго патріарха и всего св. вселенскаго собора, поставили меня митрополитомъ по божественнымъ правиламъ и по думѣ господина, сына моего, вел. князя Василя Васильевича и младшей его братіи—князей, которые, пока было въ Царьградѣ православіе, оттуда принимали и благословеніе и митрополита“¹⁾. Подобныя же мысли Іона раскрывалъ и въ посланіи къ кіевскому кн. Александру Владиміровичу и къ князьямъ литовскимъ, къ которымъ нашель нужнымъ обратиться, чтобы расположить ихъ къ себѣ. Въ этихъ посланіяхъ, по вопросу о своемъ поставленіи, Іона особенно останавливался на мысли, почему онъ не обращался въ Царьградъ за полученіемъ патріаршаго благословенія и рукоположенія и объяснялъ это тѣмъ, что „въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы“, что императоръ и патріархъ „иномудрствуютъ и приближаются къ латинамъ“, также тѣмъ, что путешествіе въ Константинополь было затруднительно „нужа ради путемъ великія тѣсноты, насилуваніемъ множества отъ поганыхъ“²⁾. Подобныя объясненія, какъ они ни были обстоятельны и вѣрны, не устранили недоумѣній тѣхъ, которые соблазнялись поставленіемъ митрополита безъ вѣдома и участія патріарха, какъ въ свое время смущались нѣкоторые и поставленіемъ Климента Смолятича во времена Изяслава. Къ счастью, въ настоящее время такихъ соблазнявшихся не оказалось въ числѣ представителей іерархій; но за то нашлись вліятельные въ средѣ настоятелей монастырскихъ. Таковъ именно былъ Пафнутіѣй Боровскій, который простиралъ свою дерзость до того, что запрещалъ даже называть Іону митрополитомъ и исполнять его пастырскія распоряженія въ

¹⁾ А. И. т. I. № 43. стр. 86.

²⁾ А. И. т. I. № 47. стр. 94—95. Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 363. св. А. И. т. I. № 62. стр. 111. № 63. стр. 113.

своей обители ¹⁾. Поступокъ этотъ можно объяснить если не другимъ тѣмъ либо, то не пониманіемъ истиннаго смысла церковныхъ каноновъ. По основному каноническому правилу, прямо вытекающему изъ мысли о непреложности и обязательности вселенскихъ вѣроопредѣленій, каждый епископъ законно можетъ сохранять и употреблять свою власть лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если онъ самъ находится во внутреннемъ единеніи со всею церковію и не отступаетъ отъ вселенскихъ вѣроопредѣленій. На этомъ основаніи ефесскій III вселенскій соборъ не только объявилъ лишенными власти надъ подчиненными епископами тѣхъ митрополитовъ, которые отдѣлились бы отъ единства церкви и пристали бы къ какому либо заблужденію; но и подчинилъ ихъ суду собственныхъ епископовъ вмѣстѣ съ другими „*для совершеннаго изверженія ихъ изъ самой митрополіи*“. На томъ же основаніи тотъ же вселенскій соборъ разрѣшилъ отъ подчиненія еретичеству ющимъ епископамъ всѣхъ, которые остались въ единеніи съ православною церковію и продолжали держаться ея ученія ²⁾. Еще опредѣленіе выразился двукратный соборъ. Въ 15 своемъ правилѣ, разсуждая объ отношеніи епископовъ и митрополитовъ къ патріархамъ и осуждая тѣхъ, которые подъ предлогомъ нѣкоторыхъ обвиненій отступаютъ отъ своихъ предстоятелей, соборъ поясняетъ: „*отдѣляющемуся отъ общенія съ предстоятелемъ ради нѣкія ереси, осужденнаго святыми соборами или отцами, когда т. е. онъ проповѣдуетъ ересь всенародно, и учитъ оной открыто въ церкви, тѣловыя аще и оградятъ себя отъ общенія съ глаголемымъ епископомъ, прежде соборнаго разсмотрѣнія, не только не подлежатъ положенной правилами епитиміи, но и достойны чести, подобающей православнымъ. Ибо они осудимы не епископовъ, а лжеепископовъ и лжеучителей, и не расколомъ пресѣкли единство церкви, но потщились охранити церковь отъ расколовъ и раздѣленій*“. Оцѣнивая съ точки зрѣнія указанныхъ правилъ

¹⁾ Макарій, Истор. русск. церк. т. VI. стр. 17. и прим. 17.

²⁾ См. III всел. пр. 1—3 и толков. ихъ въ Опыт. курс. церк. зак. т. II. стр. 244—248.

и содержащихся въ нихъ постановленій поставленіе митрополита Іоны соборомъ русскихъ іерарховъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, нельзя усмотрѣть въ этомъ поставленіи что либо предосудительное, дававшее самому притязательному лицу, въ родѣ Пафнутія Боровскаго, поводъ усомниться къ законности и правильности этого поставленія. Патріархъ константинопольскій формально присоединился къ флорентинской уніи и подписалъ печальный актъ соединенія греческой церкви съ латинскою; присланный тѣмъ же патріархомъ въ Россію и присутствовавшій съ нимъ на соборѣ митрополитъ не только не воспротивился этому соединенію, напротивъ явился ревностнымъ поборникомъ уніи даже въ предѣлахъ вѣрренной ему церкви. При такихъ обстоятельствахъ, что оставалось дѣлать? Искать и ждать суда надъ митрополитомъ и единомысленнымъ съ нимъ патріархомъ? Но у кого и отъ кого? Патріархъ Константинополя согласился на унію въ единомысліи съ императоромъ, и оба они приняли ее по политическимъ разсчетамъ. Это было, такъ сказать, домашнее ихъ дѣло и потому они одни должны были понести и отвѣтственность за это предпріятіе въ томъ, что всѣ, имѣвшіе возможность, отшатнулись отъ нихъ и не выразили ни малѣйшаго сочувствія ихъ предпріятію. Это и выражаетъ Іона въ одномъ изъ своихъ посланій, когда говоритъ: „въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей во всемъ Царьградѣ и во всей св. горѣ, ни гдѣ не поминается имя папшино, и держать всѣ по милости Божіей добрую старину“ ¹⁾. Если нашли возможнымъ такъ поступить въ Константинополѣ, въ предѣлахъ собственнаго округа константинопольскаго патріарха; то тѣмъ болѣе имѣли право и должны были поступить такъ въ Россіи, которая, по общепринятому порядку церковной практики и освященному въ правлахъ церкви началу, никакъ не могла быть причислена къ константинопольскому патріархату на одинаковыхъ основаніяхъ

¹⁾ А. И. т. 1. № 47. стр. 94.

съ прочими его митрополіями. Невозможность этого заключалась въ томъ, что Россія, какъ совершенно отдѣльное государство, никогда не входила въ предѣлы греческой имперіи, и никогда не могла считаться въ собственномъ смыслѣ одною изъ митрополій константинопольскаго патріархата. Намъ извѣстенъ, освященный практикою древней церкви, принципъ распредѣленія предѣловъ церковнаго управленія и вмѣстѣ законной, словомъ канонической подчиненности извѣстнаго предѣла извѣстному, а не другому епископскому престолу. Этотъ принципъ состоялъ въ согласованіи распредѣленія предѣловъ церковнаго управленія съ гражданскимъ раздѣленіемъ того государства, въ территоріи котораго находилась извѣстная церковь. Если и допускала церковь исключенія изъ этого принципа, то, сколько извѣстно, не въ видахъ порабощенія извѣстнаго предѣла, а съ цѣлю огражденія его духовной самостоятельности. Такимъ образомъ, при разсужденіяхъ о зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, не можетъ быть рѣчи ни о какихъ каноническихъ основаніяхъ; эта зависимость, какъ мы замѣчали, установилась сама собою, въ силу историческихъ обстоятельствъ, въ частности тѣхъ, что русскій народъ принялъ христіанство при посредствѣ зависѣвшихъ отъ константинопольскаго патріарха пастырей, и продолжала держаться только благодаря тому, что константинопольскій престолъ долго не хотѣлъ отказаться отъ этой зависимости, а русскіе іерархи и, въ частности, свѣтское правительство русскаго народа не имѣли столько рѣшимости, чтобы насильственно сбросить съ себя эту зависимость. Мысль о томъ, что Византія послужила главною руководительницею въ полномъ, духовномъ обновленіи, также возникшія съ первыхъ дней нашего обновленія и постоянно съ того времени продолжавшіяся, взаимныя сношенія русскихъ съ греками и наоборотъ ослабляли и обезоруживали эту рѣшимость даже въ тѣ моменты, когда она готова была проявиться, или проявлялась самымъ дѣломъ. На основаніи неопровержимыхъ, историческихъ фактовъ слѣдуетъ утверждать, что русскіе питали и обна-

руживали болѣе довѣрія и преданности къ грекамъ, чѣмъ греки по справедливости оцѣнивали эти чувства къ нимъ русскихъ. Греки подавали своимъ поведеніемъ поводы къ тому, что въ Россіи приходили къ мысли о разрывѣ своего союза съ Византіею. При взглядѣ на своихъ подданныхъ, вѣроломно ослѣпленныхъ въ Византіи, по повелѣнію самаго императора, Ярославъ I естественно не могъ побѣдить въ себѣ чувства негодованія и долженъ былъ подумать о самостоятельномъ управленіи русской церкви. Не иначе могъ поступить и Изяславъ I подъ вліяніемъ мысли, что греческій митрополитъ самовольно оставилъ русскую церковь и, какъ бы по презрѣнію къ ней, не хотѣлъ и воротиться. Еще болѣе имѣлъ основаній Василій Васильевичъ рѣшиться на то, на что онъ рѣшился: созвать на соборъ всѣхъ епископовъ своего государства и предложить имъ поставить для Россіи митрополита. Поведеніе всѣхъ поименованныхъ, русскихъ князей было законное и вполне согласное съ обстоятельствами. Чтобы видѣть и, такъ сказать, осязать эту законность, нужно представлять и помнить, что подчиненность русской церкви константинопольскому престолу не была утверждена какимъ либо каноническимъ актомъ и утверждалась на одномъ нравственномъ, взаимномъ ихъ довѣрії и уваженіи. Какъ скоро эти чувства были оскорблены, необходимо должны были заговорить другія, именно чувства оскорбленнаго достоинства и самоуваженія. Это такъ и было въ дѣйствительности. „На вербной недѣлѣ 1441 г., пишетъ преосв. Макарій, Исидоръ прибылъ въ Москву и привезъ отъ папы вел. кн. Василію Васильевичу посланіе. Папа льстилъ нашему князю, относя и къ его „похвалѣ и славѣ“ флорентійское соединеніе, на которомъ русскій митрополитъ такъ много потрудился, и потомъ просилъ князя, за такія заслуги Исидора, принять его съ честію и оказывать ему всякую помощь въ дѣлахъ церковныхъ и особенно въ церковной пошлѣнѣ. Но въ Москвѣ знали уже подробно отъ бывшихъ въ свитѣ Исидоровой, что такое это пресловутое соединеніе и въ чемъ состояли заслуги Исидора; знали, какъ ратовалъ онъ за папство, какъ приневоливалъ своихъ

русскихъ къ принятію латинскаго ученія, какъ похвалялся въ Римѣ своею властію надъ всѣми русскими князьями и епископами, называя послѣднихъ „некнижными“. А потому можно судить, какое дѣйствіе должно было произвести на вел. князя папское посланіе. Князь, однакожь, молчалъ до времени. Но когда Исидоръ, отправляясь въ Успенскій соборъ для богослуженія, велѣлъ нести передъ собою латинскій крестъ и три серебрянныя палицы; когда во время литургіи началъ поминать папу вмѣсто восточныхъ патріарховъ, а по окончаніи приказалъ прочесть съ амвона велегласно флорентійское опредѣленіе, въ которомъ излагались латинскіе лжедогматы, столько противные православнымъ: тогда князь болѣе не выдержалъ. Онъ не принялъ отъ митрополита благословенія и всенародно назвалъ его латинскимъ предестникомъ и еретикомъ, велѣлъ низложить его съ престола и заключить въ Чудовомъ монастырѣ до соборнаго рѣшенія дѣла ¹⁾“. Подобное поведеніе вел. князя вполне безупречно. Онъ поступилъ совершенно правильно съ Исидоромъ, какъ государственнымъ преступникомъ, рѣшившимся въ присутствіи князя смущать народъ нововведеніями и съ церковной каеэды объявлять акты, не засвидѣтельствованные государственною властію. При подобныхъ обстоятельствахъ князь долженъ былъ поступить такъ, какъ онъ именно и поступилъ съ Исидоромъ, чтобы не дать возможности возникнуть и усилиться общественному волненію. Но заключивъ Исидора подъ стражу, князь предоставилъ собору рассмотреть его нововведенія. Правильно поступилъ и соборъ, который, признавъ флорентійское опредѣленіе противнымъ „божественнымъ правиламъ и преданію“, убѣждалъ Исидора покаяться и обратиться въ нѣдра православія. Все это мы говоримъ не съ тѣмъ, чтобы оправдывать поведеніе свѣтскаго и духовнаго правительства въ отношеніи къ Исидору, а чтобы показать, что поставленіе митрополита Іоны соборомъ русскихъ іерарховъ, безъ сношенія съ константинопольскимъ престоломъ, будучи вызвано

¹⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. V. стр. 365—366.

особыми обстоятельствами, совершилось совершенно правильно и законно.

Примѣръ поставленія Іоны соборомъ русскихъ іерарховъ представляетъ эпоху въ томъ отношеніи, что съ этого времени русскіе митрополиты не обращались болѣе въ Константинополь къ патріаршему престолу ни за рукоположеніемъ, ни за утвержденіемъ, ни даже за благословеніемъ; такъ что константинопольскій патріархъ совершенно утратилъ право избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ. Преемникомъ Іоны на каѳедрѣ русской митрополіи былъ ростовскій архіепископъ Θεодосій. Съ цѣлю предупредить могшія возникнуть по смерти Іоны колебанія между епископами относительно выбора ему преемника, а еще болѣе съ мыслию упрочить начавшуюся самостоятельность русской церкви и предохранить ее отъ новыхъ, возможныхъ испытаній при рѣшеніи вопроса о замѣщеніи митрополичьей каѳедры, вел. кн. Василій Васильевичъ рѣшился еще при жизни Іоны опредѣлить ему преемника. Къ этому естественно располагали московскаго князя и домогательства польскаго короля и литовскаго князя Казимира, усиливавшагося распространить власть западно-русскаго митрополита Григорія и на епархіи восточно-русской митрополіи. Вслѣдствіе такихъ побужденій московскій князь въ присутствіи нѣсколькихъ, собранныхъ имъ епископовъ просилъ приближавшагося къ смерти Іону назначить себѣ преемника. По взаимному совѣту и согласію всѣхъ былъ избранъ ростовскій архіепископъ Θεодосій. Чтобы облечь этотъ выборъ въ законную форму и дать ему твердость, Іона написалъ на имя избраннаго благословенную грамоту, и, скрѣпивъ ее своею подписью и печатю, положилъ въ Успенскомъ соборѣ на престолѣ ¹⁾. По смерти Іоны находившіеся въ Москвѣ епископы пригласили туда и другихъ для поставленія новоизбраннаго митрополита, пославъ имъ списки съ названной, благословенной грамоты. 3-го мая 1461 г. Θεодосій былъ поставленъ митрополитомъ безъ всякаго упоминанія о константино-

¹⁾ А. И. т. I. № 69.

польскомъ патріархѣ ¹⁾. Подобно Іонѣ и Θεодосію соборомъ русскихъ архіереевъ, при участіи великихъ князей, были избраны и поставлены послѣдующіе русскіе митрополиты, правившіе русскою церковію въ княженіе преемника Василя, Іоанна III ²⁾; такъ что съ этого времени окончательно установился порядокъ самостоятельнаго избранія русскихъ митрополитовъ и вмѣстѣ самостоятельнаго управленія русской церкви, освободившейся отъ зависимости константинопольскаго патріарха.

Все, что мы до сихъ поръ сказали объ избраніи и поставленіи русскихъ митрополитовъ, относится къ митрополитамъ всей русской церкви до ея раздѣленія и, въ частности, къ митрополитамъ восточно-русской митрополіи послѣ раздѣленія. Остается для полноты изслѣдованія сказать объ избраніи и поставленіи митрополитовъ западно-русской, или литовской митрополіи и объ участіи въ этомъ константинопольскаго патріарха. Мы уже видѣли и знаемъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ были избраны и поставлены западно-русскіе митрополиты: галицкій Антоній и литовскіе Романъ, Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, бывшіе до окончательнаго раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи. Присланный изъ Рима униатъ Григорій, при которомъ послѣдовало окончательное раздѣленіе русской церкви, скончался въ Новгородкѣ литовскомъ въ 1472 г. Смерть Григорія необходимо ставила западно-русскимъ православнымъ епископамъ на разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: возвратиться ли снова къ союзу

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IV. стр. 148. т. V. 273. VI. 184. Ник. лѣт. т. V. 288.

²⁾ Таковы именно были Филиппъ I (1464—1473 г.) изъ епископовъ судальскихъ (П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 151. Ник. лѣт. т. VI. стр. 2—3); Геронтія (1473—1489 г.) изъ епископовъ коломенскихъ (П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 178. Ник. лѣт. т. VI. стр. 54); Зосима (1491—1494) изъ симоновскихъ архимандритовъ (П. С. Р. Л. т. VI. стр. 157. 158. т. VIII. стр. 218—219). Преосвящ. Филаретъ, вопреки показанію лѣтописей, утверждаетъ, что будто бы „великій князь Василій Васильевичъ избралъ Зосиму безъ соборнаго избранія“, и что будто бы „это было исключеніе и самое несчастное“ (Истор. русс. церк. т. III. стр. 27). Преемникомъ удалившагося съ кафедры Зосимы былъ Симонъ (1495—1511) изъ игуменовъ Троицко-Сергіева монастыря (П. С. Р. Л. т. IV. 165; VI. 39. VIII. 230. Ник. лѣт. т. VI. 143).

съ восточно-русскою митрополіею и, слѣдовательно, подчиниться ея митрополиту, или обратиться съ просьбою о присылкѣ митрополита въ Римъ, откуда былъ присланъ Григорій, или наконецъ возстановить сношеніе съ константинопольскимъ патріархомъ и по прежнему подчиниться его высшей власти? Первый вопросъ не могъ встрѣтить положительнаго отвѣта уже потому, что восточно-русскіе митрополиты того времени поставлялись соборомъ русскихъ святителей и, слѣдовательно, не имѣли никакихъ вышнихъ преимуществъ, которыхъ бы не могли получить митрополиты западно-русскіе, будучи въ свою очередь поставляемы соборомъ мѣстныхъ епископовъ. Притомъ отчужденіе западно-русскихъ епископовъ, обнаружившееся въ рѣшительной формѣ при отреченіи ихъ отъ Фотія, еще болѣе укоренилось во время совершившагося отдѣленія западно-русской церкви отъ восточной, когда епископамъ цервой пришлось выслушать разныя внушенія и увѣщанія отъ митрополита и епископовъ послѣдней за ихъ общеніе съ уніатомъ. Словомъ добровольный поворотъ въ сторону восточно-русскаго митрополита представлялъ существенныя затрудненія для западно-русскихъ епископовъ. Равнымъ образомъ не могли западно-русскіе епископы, оставаясь и желая остаться православными, ринуться въ объятія Рима, тѣмъ болѣе, что самъ Григорій не былъ латиняномъ по рукоположенію. Оставался такимъ образомъ константинопольскій патріархъ, подчиненность которому представляла несомнѣнныя выгоды для западно-русскихъ епископовъ, въ томъ отношеніи, что они могли найти въ немъ для себя нужную опору на случай успѣшнаго противодѣйствія вліяніямъ Рима. Западно-русскіе епископы самымъ дѣломъ предпочли остаться въ подчиненіи константинопольскому патріарху; такъ что въ то время, какъ восточно-русскіе митрополиты избирались и поставлялись соборомъ собственныхъ, русскихъ епископовъ, западно-русскіе (митрополиты), по своемъ избраніи, обращались къ константинопольскому патріарху то за благословеніемъ, то за рукоположеніемъ. Захарія Копыстенскій въ своей „Палинодіи“ такъ изображаетъ дѣйствовавшую въ семъ случаѣ

практику, когда говорить, что „въ королевскихъ избирательныхъ листахъ прописывалось, дабы князья, шляхта и духовенство русское и литовское избирали митрополита и избраннаго ими посылали бы съ дворяниномъ королевскимъ къ патріарху въ Константинополь для посвященія, или, когда съ благословеніемъ на посвященіе приѣзжалъ отъ патріарха экзархъ, то король указами, по Литвѣ и Руси разосланными, созывалъ православныхъ на посвященіе новаго митрополита“¹⁾. Мы не въ состояніи фактически провѣрить приведенное свидѣтельство въ отношеніи къ избранію и поставленію cadaго изъ западно-русскихъ митрополитовъ, правившихъ западно-русскою митрополіею до введенія въ Литвѣ униі; такъ какъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ съ достовѣрностію неизвѣстно: кѣмъ и какъ они были поставлены, и, прежде всего, мы не знаемъ этого относительно Мисаила (1474—1477), перваго изъ западно-русскихъ митрополитовъ по раздѣленіи митрополіи, а равно и относительно преемниковъ Мисаила имѣются не рѣшительныя свѣденія. О первомъ изъ нихъ Симеонѣ (1477—1482) Палинодія, кievскій катологъ и другіе источники сообщаютъ, что онъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ Максимомъ Философомъ; о второмъ Іонѣ Глезнѣ (1482—1490) Палинодія говоритъ, что онъ имѣлъ благословеніе отъ патріарха, а кievскій катологъ замѣчаетъ, что онъ былъ поставленъ тѣмъ же константинопольскимъ патріархомъ Максимомъ²⁾. Съ несомнѣнностію извѣстенъ слѣдующій фактъ. Въ 1495 году соборъ западно-русскихъ епископовъ, собравшись, избралъ на митрополію Макарія, архимандрита виленскаго, троицкаго монастыря и митрополичьяго намѣстника и поставилъ его митрополитомъ; уже по поставленіи соборъ отправилъ въ Константинополь къ патріарху пословъ просить благословенія поставленному митрополиту. Патріархъ Нифонтъ, одобрилъ избраніе и преподавъ благословеніе поставленному чрезъ своего посла, далъ знать западно-русскимъ епископамъ и подтвердилъ имъ,

¹⁾ Евгеній, стр. 111. ²⁾ Тамъ же, стр. 111—112. П. С. Л. т. II 359.

чтобы они на будущее время, не получивъ напередъ благословенія патріарха, не поставляли митрополитовъ ¹⁾). Съ того времени, замѣчаетъ преосвящ. Филаретъ, каждый разъ посылали пословъ за благословеніемъ для избраннаго митрополита, но поставленіе совершалось въ Россіи ²⁾). Дѣйствительно, другіе источники о послѣдующихъ западно-русскихъ митрополитахъ говорятъ, что они были избраны и поставлены по благословенію константинопольскаго патріарха. Отъ 1577 г. мы имѣемъ самый листъ (письмо) короля Стефана Баторія къ константинопольскому патріарху съ просьбою благословить избраннаго Илію Кучу въ санъ кievскаго митрополита. Извѣщая объ этомъ избраніи, Баторій просилъ патріарха благословить избраннаго „къ службѣ церкви святой христіанской, и къ наученію и къ справованію всего, достоинству и врядови тому надежнаго“ ³⁾).

Послѣ смерти митрополита Иліи (1578 г.) православный народъ западной Россіи съ духовенствомъ избрали на митрополию и представили королю Баторію Онисифора, по прозванію Дѣвочій, который и былъ поставленъ митрополитомъ въ виленской Богородицкой, митрополичей церкви по благословенію константинопольскаго патріарха Іеремія II. Тотъ же патріархъ, прибывъ въ 1558 г. въ Россію для сбора милостыни, когда узналъ, что Онисифоръ поставленъ митрополитомъ изъ двоюженцевъ, съ согласія короля Сигизмунда III, низложилъ его ва основаніи 17 апост. прав. и, по избранію православныхъ въ Вильнѣ, поставилъ митрополитомъ Михаила Рагозу, который въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ открыто принялъ унію ⁴⁾). Рагоза скончался въ 1600 г. въ Новгородкѣ литовскомъ, гдѣ онъ жилъ; на мѣсто его былъ избранъ, королевскою привеллегіею 8 апр. того же года утвержденъ, и съ дозволенія папы посвященъ владимірскій и брестскій епископъ Игнатій Поцѣй, главный поборникъ уніи, издавна приготовленный къ преемству митрополіи титуломъ протоетронія и первопрестольника, озна-

¹⁾ Супральск. лѣт. подъ 1495 г. стр. 141—143. Ист. рос. іер. т. I. 100. П. С. Л. II. 360.

²⁾ Истор. русск. церк. т. III. стр. 16. ³⁾ А. З. Р. т. III. № 80.

⁴⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. собор. стр. 121. 123. 131—132.

чавшимъ старѣйшаго по митрополитѣ іерарха ¹⁾. Съ принятіемъ Рагозою уніи и съ утвержденіемъ ея Поцѣмъ, западно-русскіе православные въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставались безъ митрополита. Когда въ 1620 г. чрезъ Бѣлороссію прибылъ въ Кіевъ возвращавшійся изъ Москвы, іерусалимскій патріархъ Теофанъ и остановился въ Кіевѣ въ гостинницѣ братскаго монастыря на Подолѣ, западно-русскіе православные воспользовались пребываніемъ этого іерарха и просили его поставить имъ предстоятеля. „Когда, пишетъ митрополитъ Евгеній, къ кіево-печерскому, храмовому празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, по обыкновенію, съѣхалось множество православнаго изъ разныхъ мѣстъ духовенства, народа, бояръ и запорожскихъ казаковъ съ чиновниками и гетманомъ ихъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ; то всѣ неотступно, и особливо казаки начали просить патріарха поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ“. Патріархъ Теофанъ, съ одной стороны, опираясь на данную ему отъ тогдашняго, константинопольскаго патріарха, Тимофея грамоту, уполномочивавшую его совершать всѣ іерархическія дѣйствія въ Россіи, съ другой—воспользовавшись расположеніемъ польскаго короля Сигизмунда III, предписавшаго гражданамъ Кіева принять патріарха съ честью, согласился удовлетворить желанію православныхъ и въ самый день Успенія Богородицы посвятилъ въ Кіевопечерской лаврѣ игумена Кіево-михайловскаго монастыря Іова Борецкаго въ санъ православнаго митрополита кіевскаго, а потомъ еще двухъ: Мелетія Смотрицкаго, архимандрита виленскаго и ректора тамошней школы на архіепископію полоцкую, витебскую и мстиславскую, а Іосифа Курцевича на владимірскую епископію. Послѣ этого тотъ же патріархъ поставилъ и на прочія епархіи епископовъ: Исаакія Борисковича Черчицкаго въ Луцкъ, Исаію Копинскаго въ Перемышль, Пансія Ипполитовича въ Холмъ, Авраамія Стагонскаго, грека въ Пинскъ ²⁾. Митрополитъ Іовъ скончался

¹⁾ Там. стр. 132--134. Арх. югоз. Росс. ч. 1. т. I. № 60.

²⁾ Евгеній, стр. 156. См. грам. Теофана объ этомъ Арх. ч. 1. т. V. № 1. стр. 1—9.

2 марта 1631 г.; преемникомъ ему былъ избранъ смоленскій и черниговскій архіепископъ Исаія Копинскій. Сильвестръ Коссовъ и кievскій каталогъ не считаютъ его кievскимъ митрополитомъ, какъ объяснилъ митрополитъ Евгеній „вѣроятно для закрытія съ нимъ поступка преемника его“ ¹⁾. Составитель исторіи російской іерархіи также замѣтилъ о немъ, что онъ хотя и „былъ избранъ, но на митрополию не вступалъ“ ²⁾. Митрополитъ Евгеній считаетъ его въ числѣ митрополитовъ кievскихъ. Чтобы примирить эти противорѣчивыя заключенія, при невозможности предпочесть одно другому, необходимо допустить, что Исаія въ дѣйствительности завѣдывалъ дѣлами митрополіи, хотя и не получилъ на это особаго благословенія отъ константинопольскаго патріарха. Время его правленія было не продолжительно; но ознаменовалось важными перемѣнами въ положеніи кievской митрополіи. 30 апрѣля 1632 г. скончался польскій король Сигизмундъ III; для избранія новаго короля были приглашены на сеймъ въ Краковъ всѣ чины духовные и свѣтскіе; Исаія, будучи не въ состояніи по старости и болѣзнямъ отправиться самъ, избралъ съ своимъ духовенствомъ и послалъ довѣреннымъ отъ себя архимандрита киевопечерскаго монастыря Петра Могила. Прибывъ на сеймъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ духовныхъ, Могила вмѣстѣ съ другими преимуществами для западно-русской, православной церкви расположилъ собравшихся на сеймъ православныхъ избрать себя на кievскую митрополию вмѣсто Исаи Копинскаго. Исходатайствовалъ утверженіе этого избранія отъ короля, Могила отправилъ ректора кievскихъ школъ, Исаію Трофимовича, въ Константинополь просить у патріарха благословенія на свое посвященіе. Получивъ это благословеніе отъ патріарха, Кирилла Контарина, Петръ Могила пригласилъ въ Львовъ унговлахійскаго митрополита съ епископами, отъ которыхъ въ 1632 г. и принялъ посвященіе въ братской, ставропигіальной, патріаршей церкви Успенія пресв. Богородицы, а

¹⁾ Истор. рос. іерарх. т. I. стр. 61. ²⁾ Евгеній, стр. 166.

въ 1633 г., послѣ коронаціи Владислава въ Краковѣ, возвратился съ королевскимъ указомъ въ Кіевъ и объявилъ себя митрополитомъ. При этомъ предшественника своего Исаію Копинскаго Могила перемѣстилъ изъ Михайловскаго монастыря въ Кіевопечерскую лавру, гдѣ онъ и скончался въ 1634 г. Эту исторію полученія Петромъ Могилою митрополичьяго сана, при жизни Исаіи, и обращеніе перваго съ послѣднимъ всего легче объяснить высказаннымъ предположеніемъ, что занимавшій мѣсто митрополита Исаія не получилъ на это утвержденія отъ константинопольскаго патріарха. Во время своего пребыванія въ Краковѣ Петръ Могила успѣлъ исходатайствовать на Сеймѣ и послѣ отъ короля Владислава между другими преимуществами для православной церкви и то, чтобы русскому православному дворянству и духовенству и всему, литовскому и польскому, православному народу избирать себѣ православнаго митрополита, которому и получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха по привилегіи отъ прежнихъ королей ¹⁾. Дѣйствительно, преемникъ Могила, Сильвестръ Коссовъ былъ избранъ на митрополію духовенствомъ и запорожскими казаками безъ привилегіи польскаго короля; но былъ поставленъ въ митрополиты русскими епископами въ Кіевѣ въ 1647 г., по благословенію константинопольскаго патріарха Паренія II. Въ правленіе этого митрополита (1647—1657 г.) вся малая Россія, по почину и стараніями гетмана Зиновія - Богдана Хмѣльницкаго, была приведена въ подданство російскихъ государей на основаніи договора и присяги, учиненныхъ въ Переяславлѣ 8 генваря 1654 г. Въ условіяхъ этого подданства между прочимъ было выговорено и то, чтобы митрополиту и всему малороссійскому духовенству быть подъ вѣденіемъ московскаго патріарха, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній не вмѣшивался въ ихъ права и имѣнія, которыя должны остаться во всемъ ненарушимыми ²⁾. Подобное условіе, содержа мысль о

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 167—171.

²⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 181—184. Собр. госуд. грам. и дог. т. III. стр. 481—489.

подчиненіи кїевскаго митрополита московскому патріарху, вмѣстѣ съ тѣмъ исключало всякое вліяніе послѣдняго на перваго. Въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу мы видимъ, что и послѣ подданства малороссіи московскому правительству кїевскіе митрополиты стараются сохранить свою независимость отъ московскаго патріарха. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи фактъ избранія преемника Сильвестра Коссова, Діонисія Болобана, мѣстнымъ населеніемъ. Бывшій при этомъ избраніи бояринъ, окольничій царя Алексѣя Михайловича, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, предложилъ избранному, на основаніи договора Хмѣльницкаго о подданствѣ Малороссіи, отнестись къ царю и московскому патріарху о посвященіи; на это Болобанъ отвѣтилъ: „отъ начала крещенія кїевскіе митрополиты благословеніе принимали отъ константинопольскихъ патріарховъ; поэтому и онъ, безъ позволенія константинопольскаго патріарха, не смѣетъ посвятиться отъ Никона, чтобы константинопольскій не разгнѣвался на него и на все духовенство малой Россіи и не предалъ проклятію“. Какъ бы для смягченія своего отвѣта и для успокоенія царскаго посла Болобанъ прибавилъ, что онъ „намѣренъ, поговоря съ гетманомъ и съ духовенствомъ, послать къ государю съ просьбою объ утвержденіи его и объ испрошеніи отъ себя у константинопольскаго патріарха позволенія посвятиться отъ московскаго патріарха Никона“. Сносился ли по сему предмету Болобанъ съ константинопольскимъ патріархомъ, это остается неизвѣстнымъ; но признается несомнѣннымъ то, что онъ былъ благословленъ на митрополию константинопольскимъ патріархомъ и, вѣроятно, Пароеніемъ Кумкумомъ ¹⁾. Настоящій фактъ показываетъ, что кїевскіе митрополиты по убѣжденію чуждались подчиненности московскому патріарху, не желая въ этомъ отношеніи нарушать изначальнаго обычая ²⁾. Конечно въ этомъ убѣжденіи

¹⁾ Евгений, Опис. Кїевософ. соб. стр. 186.

²⁾ Сильверстръ Коссовъ въ свое время, какъ милости просилъ у московскаго правительства, чтобы онъ и паства его, отъ послушенства святѣйшаго патріарха, до котораго правомъ Божіимъ и крещенія и по правиламъ св. отецъ належать, не были отдалены“ (Прав. Обзор. 1871 г. сентябрь. стр. 315).

сказывалась и горделивая мысль та, что кievскимъ митрополитами, представлявшимъ въ своемъ званіи древнѣйшихъ перво-святителей всей русской церкви, представлялось унижительнымъ подчиниться московскимъ патріархамъ, получившимъ свои преимущества отъ первыхъ; тѣмъ болѣе, что съ подчиненіемъ московскому патріарху кievскіе митрополиты, по необходимости, должны были потерять отличавшія ихъ санъ преимущества и сравняться съ прочими великороссійскими митрополитами. Подъ вліяніемъ ли этихъ, или другихъ причинъ, только кievскіе митрополиты несочувственно относились къ подчиненію Малороссіи Москвѣ и старались противодѣйствовать этому, находя нѣкоторую поддержку и въ средѣ духовенства, особенно изъ шляхты ¹⁾. Когда по смерти Богдана Хмѣльницкаго обнаружилась смута въ Малороссіи, и правившіе ею гетманы одинъ передъ другимъ измѣняли Москвѣ и старались отдаться подъ покровительство то Польши, то Турціи, въ то время не убереглись отъ подобныхъ искушеній и кievскіе митрополиты ²⁾. Болѣе же общимъ желаніемъ духовенства и народа въ церковномъ отношеніи было то, чтобы остаться въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха; съ этою цѣлію въ своихъ просьбахъ къ московскому правительству они ходатайствовали, чтобы духовенство малороссійское по прежнему оставалось подъ властію этого патріарха, и избраніе духовныхъ властей оставалось на прежнему основаніи ³⁾. Отъ желаній духовенства и народа въ этомъ отношеніи не думали отступать и ихъ представители. По смерти Діонисія Болобана духовенствомъ и шляхтою въ Чигиринѣ 1664 г. былъ избранъ на митрополию епископъ могилевскій Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій; между тѣмъ какъ гетманъ правой, днѣпровской стороны Малороссіи Павелъ Тетеря желалъ видѣть на митрополичьей каедрѣ своего кан-

¹⁾ Терновскій, Изслѣд. о подч. кievск. митр. москов. патр. 35—42.

²⁾ Тамже, стр. 43—54. Такъ Діонисій Болобазъ усиленно содѣйствовалъ измѣнѣ гетмана Выговскаго въ пользу Польши, Іосифъ Тукальскій побуждалъ гетмана Дорошенко поддаться Турціи.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. X. стр. 292. т. XI. стр. 72.

дидата, перемышльскаго епископа Антонія. Оба кандидата, именуясь одинаково „назначенными“ на митрополию, оспаривали другъ у друга права митрополичьей власти, и производили церковныя смуты и раздѣленія, для прекращенія которыхъ и вмѣстѣ для упроченія своего положенія Тукальскій рѣшилъ обратиться (1670 г.) къ константинопольскому патріарху Меѳодію съ просьбою утвердить кого либо изъ претендеатовъ на кievской митрополиі. Посломъ отъ Тукальскаго былъ брацлавскій протопопъ Романъ Ракуша. „Патріархъ, пишеть митр. Евгеній, зная замѣшательство кievской іерархіи, сперва не хотѣлъ принимать сего посла, по крайней мѣрѣ безъ дозволенія своего государя, а потому протопопъ принужденъ былъ сперва просить о томъ султана, и когда получилъ отъ него и отъ визиря указъ о принятіи его, то патріархъ, по хадатайству бывшаго тогда при суланѣ и Дорошенкова резидента, утвердилъ одного Іосифа на митрополиі кievской, а другимъ запретилъ именоваться митрополитами“ ¹⁾). Авторитетъ патріарха не обезпечилъ Тукальскаго, у котораго явился новый и болѣе сильный соперникъ въ лицѣ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, исходатайствовавшаго себѣ у польскаго короля Яна Собѣскаго, подъ предлогомъ старости и дряхлости Тукальскаго, титуло „администратора кievской митрополиі“. Пользуясь распложеніемъ и поддержкою польскаго короля, Шумлянскій былъ опаснымъ претендентомъ на кievскую митрополию и въ глазахъ московскаго правительства; такъ какъ онъ изъ честолюбивыхъ видовъ готовъ былъ принять унію и предпринималъ мѣры къ тому, чтобы устроить возмущеніе въ Малороссіи противъ Москвы, но въ пользу Польши. Шумлянскій отправилъ отъ себя двухъ монаховъ въ Малороссію съ особою инструкцію, въ которой предписывалъ имъ располагать духовенство къ польскому правительству и внушать ему мысль о предпочтеніи Кіева Москвѣ, на томъ основаніи, что прежде кievскіе митрополиты ставили московскихъ, называющихся теперъ па-

¹⁾ Опис. Кіевософ. соб. стр. 195.

триархами, и кievская св. Софія многими столѣтіями старше московской соборной церкви ¹⁾). Поведеніе Шумлянскаго заставило Москву и въ частности ея патріарха принять болѣе энергическое участіе въ подчиненіи кievской митрополіи московскому патріархату.

На основаніи заключеннаго и скрѣпленнаго договора Богдана Хмѣльницкаго о подданствѣ Малороссіи московскому правительству, послѣднее считало кievскую митрополію состоявшею „подъ вѣденіемъ московскаго патріарха“. Вслѣдствіе сего, когда избранный на мѣсто Сильвестра Коссова, Діонисій Болобанъ отказался, по предложенію боярина Хитрова, отправиться въ Москву, къ патріарху Никону для посвященія, московское правительство, считая кievскую митрополію какою-то праздною, назначило въ 1661 г. „блюстителемъ кievской митрополіи“ посвященнаго въ то время въ Москвѣ, мстиславскаго и оршанскаго епископа Меѳодія Филипповича, который и завѣдывалъ кievскою каедрою ²⁾). Въ 1668 г. Филипповичъ попался въ руки гетмана Дорошенко; жившій при немъ Тукальскій лишилъ Меѳодія сана и заключилъ сначала въ Чигиринскій, а затѣмъ въ Уманскій монастырь; впрочемъ Филипповичъ кончилъ жизнь свою въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ въ заключеніи, куда онъ попалъ за свои несогласія съ преданнымъ Россіи гетманомъ Брюховецкимъ и за измѣну противъ довѣрія Москвы, въ дѣлахъ по присоединенію Малороссіи ³⁾). Мѣсто Филипповича въ Кіевѣ занялъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, съ тѣмъ же званіемъ „блюстителя кievской митрополіи“. Администраторство и Филипповича и Барановича ⁴⁾ имѣло тотъ смыслъ въ глазахъ Москвы, что должно было подготовить

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. XIV. стр. 7. О подч. кiev. митр. моск. патр. стр. 93—94.

²⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. XI. стр. 184. О подч. кiev. митр. моск. патр. стр. 71—73.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. XI. стр. 210. Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 194.

⁴⁾ О дѣятельности ихъ въ этомъ званіи можно читать въ „изслѣд. о подч. кievск. митроп. москов. патр.“ стр. 70—87. Арх. Ѳюгов. Росс. т. V.

окончательное подчинение Малороссіи московскому патриарху, которое совершилось только послѣ того, когда избранный на кievскую митрополичью кафедру Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, согласился принять это избраніе лишь подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ посвященъ въ санъ митрополита московскимъ, а не константинопольскимъ патриархомъ, какъ бывало прежде ¹⁾. Не смотря на противодѣйствіе этому желанію Гедеона со стороны православнаго юго-западнаго духовенства ²⁾, онъ былъ посвященъ въ Москвѣ патриархомъ Іоакимомъ 8 ноября 1686 г. Съ этого времени и кievскіе митрополиты совершенно освободились отъ зависимости константинопольскаго— и поступили подъ власть московскаго патриарха.

Вмѣстѣ съ правомъ поставленія русскіхъ митрополитовъ, константинопольскіе патриархи пользовались и правомъ суда надъ ними. По каноническимъ правиламъ древней вселенской— и по установившейся практикѣ восточной—церкви, патриаршіи константинопольскій престолъ представлялъ высшую инстанцію суда, гдѣ разсматривались и окончательно рѣшались дѣла по жалобамъ и обвиненіямъ на митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; при этомъ судъ надъ митрополитами и начинался и оканчивался предъ патриаршимъ престоломъ. Русскіе митрополиты, получая хиротонію отъ константинопольскаго патриарха и входя въ составъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, очевидно должны были подлежать его юрисдикціи. Эта юрисдикція обнимала всѣ дѣла по жалобамъ и обвиненіямъ на митрополитовъ, возникали ли они вслѣдствіе недовольства епископовъ судомъ своего митрополита, или несогласія князей съ митрополитами, или взаимныхъ споровъ самихъ митрополитовъ между собою, когда ихъ было нѣсколько въ Россіи, или вообще дѣла по неудовольствіямъ и обвиненіямъ на митрополита отъ членовъ собственной его паствы. Практика показываетъ, что во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ константинопольскій патриархъ или самъ

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 198. Аскоченскій, Кіевъ съ его училищемъ и академіею. т. II. стр. 236.

²⁾ Чтв. объ этомъ въ „вслѣд. о подч. кiev. митр. моск. патр. стр. 103—115.

лично, или вмѣстѣ съ своимъ синодомъ принималъ участіе судіи. Съ этою цѣлію онъ или вызывалъ обвиняемаго къ себѣ для оправданія, или посылалъ отъ своего имени особыхъ экзарховъ для производства изслѣдованія, или наконецъ самъ лично произносилъ судъ надъ виновнымъ.

Къ первымъ обнаруженіямъ судебной власти константинопольскаго патріарха надъ русскими митрополитами должно отнести тотъ, уже извѣстный намъ фактъ, когда патріархъ Николай Музалонъ, отправляя въ Россію новаго митрополита Константина на мѣсто поставленнаго соборомъ русскихъ архіереевъ Климента Смолятича, уполномочилъ Константина произнести осужденіе на Климента и подвергнуть запрещенію всѣхъ рукоположенныхъ послѣднимъ клириковъ. Если подобное распоряженіе патріарха можетъ быть истолковано въ смыслѣ административнаго дѣйствія начальствующаго надъ подчиненнымъ ему лицомъ; то послѣдующіе факты представляютъ несомнѣнные признаки судебного разслѣдованія по дѣламъ, касавшимся русскихъ митрополитовъ.

Извѣстно, что св. Петръ получилъ русскую митрополию каеэдру, по просьбѣ и ходатайству галицкаго князя, съ устраненіемъ отъ нея другихъ искателей, которые очевидно не могли остаться равнодушными и не предпринять мѣръ къ устраненію Петра съ занятой имъ каеэдры. Болѣе рѣшительнымъ изъ нихъ оказался тверской епископъ Андрей, который, будучи сыномъ литовскаго князя Герденя и вмѣстѣ человекомъ легкомысленнымъ и гордымъ ¹⁾, также епископомъ города и области, гдѣ былъ велик. князь Мизаилъ Ярославичъ, не стѣснился сдѣлать патріарху Аванасію ложный доносъ на митрополита Петра ²⁾ въ вымышленныхъ преступленіяхъ. Для изслѣдованія этихъ обвиненій патріархъ послалъ въ Россію одного изъ своихъ клириковъ, мужа мудраго, сановитаго и разсудительнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ русскими епископами разсмотрѣлъ дѣло на соборѣ. Соборъ составилъ въ Переяславлѣ За-

¹⁾ Карамзинъ, Истор. русс. госуд. т. IV. стр. 118.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 18.

лѣсскомъ (1311); на немъ, кромѣ обвиняемаго митрополита и его обвинителя, присутствовали: ростовскій епископъ Симеонъ, сыновья вел. князя, другіе князя, вельможи, воеводы, множество игуменовъ и священниковъ. Всѣ они пришли въ негодованіе, когда патріаршимъ посломъ былъ прочитанъ доносъ и обнаружилась его ложь. Петръ съ своей стороны не сталъ преслѣдовать униженнаго и осрамленнаго доносчика, но только сказалъ ему: „миръ ти о Христѣ чадо, отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь“ ¹⁾).

Предпринятая со стороны литовскихъ князей попытка къ раздѣленію русской митрополіи, и обнаружившіяся смуты въ сей послѣдней были причиною разныхъ несогласій, требовавшихъ судебныхъ дѣйствій со стороны константинопольскаго престола. Въ это время и митрополиты, недовольные дѣйствіями другъ друга, и князя литовскіе и русскіе, недовольные тѣмъ, или другимъ изъ митрополитовъ, обращались съ своими жалобами и просьбами въ Константинополь къ патріаршему престолу, какъ къ подлежащей инстанціи. Первыя несогласія въ этомъ родѣ открылись между первыми двумя митрополитами Россіи: Романомъ и Алексѣемъ. Будучи почти одновременно поставлены въ Константинополь: первый для Литвы, послѣдній для Кіева и всей Россіи, оба митрополита еще въ Константинополь, такъ сказать, на глазахъ патріарха, вступили во вражду между собою, которая и не прекращалась до самой смерти виновника ея, Романа. Недовольный назначеннымъ для него предѣломъ Литвы и Волини, Романъ въ особенности домогался Кіева, главной каѳедры русской митрополіи; вслѣдствіе сего онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ находились намѣстники кіевскаго митрополита и не принимали его. Оскорбленный этою неудачею, Романъ рѣшился прибѣгнуть къ посредству византійскаго императора, константинопольскаго патріарха и его синода, чтобы подчинить себѣ Кіевъ. Вслѣдствіе его жалобы былъ вызванъ въ Константинополь и кіевскій митрополитъ Алек-

¹⁾ Карамзинъ, т. IV. стр. 118. П. С. Р. Л. т. III. стр. 69. т. V. стр. 204. т. VII. стр. 185.

сѣй (1356 г.). Для разсмотрѣнія ихъ спора (σκανδάλιον) собрался подъ предсѣдательствомъ самаго императора, въ присутствіи патріарха и находившихся въ то время въ Константинополѣ архіереевъ, синодъ, который „по многому, бывшемъ изслѣдованіи“ постановилъ: „быть и оставаться киръ Алексію, какъ онъ и былъ рукоположенъ въ началѣ, митрополитомъ Кіева и всея Россіи, согласно установившемуся издревле обычаю (κατὰ τὴν ἄνωθεν ἐπικρατήσαν συνήθειαν); относительно Романа, такъ какъ онъ былъ поставленъ въ Литву, императоръ, въ видахъ соглашенія и вмѣстѣ для спокойствія и умиротворенія тамошняго края, опредѣлили ему имѣть находившіяся въ Литвѣ двѣ епископіи: полоцкую и туровскую съ Новгородкомъ, какъ каедрою митрополита, а равно и епархіи малой Россіи. Патріархъ и синодъ согласились съ этимъ опредѣленіемъ императора и, прилагая собственную заботливость о литовскомъ митрополитѣ, особымъ синодальнымъ дѣяніемъ постановили, чтобы митрополитъ кievскій киръ Алексій беспрепятственно и ненарушимо управлялъ своею областію, находящимися въ ней епископіями и не искалъ ничего отъ митрополита литовскаго для расширенія кievской митрополіи; равнымъ образомъ и митрополитъ литовскій довольствовался бы тѣмъ, что дано ему по синодальномъ разслѣдованіи. „Если кто либо изъ нихъ, пояснялось въ дѣяніи, оставшись недоволенъ своими правами, не сохранить взаимнаго мира, какъ того требуютъ божественный законъ и, въ особенности, долгъ духовнаго предстоительства, и послѣ настоящаго, синодальнаго постановленія покусится на нарушеніе въ немъ чего либо и осмѣлится ввѣ предѣловъ своей области совершать что либо архіерейское, священническое, или вообще церковное съ нарушеніемъ церковнаго порядка, (отъ чего снова возникнутъ споры и пререканія); то тотъ подвергнется заслуженному, церковному наказанію и преслѣдованію отъ патріарха и его божественнаго и священнаго синода, какъ нарушитель, мыслящій противное святой Христовой и апостольской церкви и желающій ввести въ нее смятеніе и безпорядокъ и погибель христіан.

скому русскому народу". Митрополитъ Алексѣй безпрекословно подчинился синодальному опредѣленію. Романъ же, уходя изъ Константинополя, не только не взялъ грамоты съ состоявшагося постановленія и не оказалъ патріарху должнаго повиновенія; напротивъ, возвратившись въ Кіевъ, началъ въ немъ священнодѣйствовать, совершать рукоположенія, называя себя „митрополитомъ Кіева и всей Россіи“. Дѣлая изъ Кіева вторженія и въ другіе предѣлы митрополита Алексѣя, Романъ пользовался въ этомъ случаѣ поддержкою тогдашняго, литовскаго князя, Ольгерда. Слыша объ этихъ поступкахъ Романа какъ отъ разныхъ лицъ, приходившихъ изъ Россіи и изъ Литвы, такъ и отъ митрополита Алексѣя, патріархъ неоднократно писалъ Роману, убѣждая его прекратить противозаконныя дѣйствія. Романъ остался невнимательнымъ къ увѣщаніямъ патріарха и непреклоннымъ въ своихъ стремленіяхъ. Вслѣдствіе сего патріархъ, чтобы положить конецъ такому положенію вещей, по совѣщаніи съ своимъ синодомъ и съ соизволенія императора, рѣшилъ отправить въ Россію, въ качествѣ апокрисіаріевъ патріаршаго престола: кельчицкаго митрополита и сакелларія великой церкви, діакона, Георгія Пердику съ тѣмъ, чтобы они произвели изслѣдованіе о поступкахъ Романа и вообще о положеніи дѣлъ на мѣстѣ. Означенныя лица, по мысли синодальнаго опредѣленія, должны были, придя въ Россію, пригласить собраться не только тамошнихъ епископовъ, которымъ не помѣшаетъ отдаленность разстоянія, но и великихъ князей, обязавъ митрополита Романа или лично явиться въ это собраніе, или прислать уполномоченныхъ. Въ присутствіи этого собранія названные апокрисіаріи должны были произвести безпристрастное и тщательное изслѣдованіе какъ по всѣмъ заявленнымъ, такъ и имѣющимъ быть поданными противъ Романа жалобамъ и обвиненіямъ; это производство за собственноручною своею подписью и подписью присутствовавшихъ епископовъ и князей апокрисіаріи должны были, по возвращеніи, представить императору и патріаршему синоду. На тотъ случай, если бы Романъ не захотѣлъ ни самъ явиться, ни прислать уполномоченныхъ, синодъ предписывалъ апо-

крисіаріямъ безостановочно произвести требуемое изслѣдованіе въ присутствіи однихъ епископовъ и князей, согласно съ существующими на этотъ предметъ постановленіями каноновъ и обычаями практики ¹⁾). Отправляя названныхъ лицъ въ Россію съ этимъ порученіемъ, патріархъ послалъ съ ними письмо къ литовскому митрополиту, въ которомъ, съ одной стороны, выставялъ ему на видъ его проступки, съ другой—извѣщалъ, что для изслѣдованія ихъ, по опредѣленію синода и съ соизволенія императора, отправлены два апокрисіарія ²⁾). Назначенное изслѣдованіе не было произведено; такъ какъ послѣдовавшая зимою 1361 г. смерть Романа прекратила и самое дѣло ³⁾).

Освободившись отъ непосредственнаго соперника, митрополитъ Алексѣй не могъ совершенно успокоиться; такъ какъ оставался еще столь же ненавистный къ нему и болѣе сильный противникъ, литовскій князь Ольгердъ. Константинопольскому патріарху и его синоду предстояло разрѣшить споръ не двухъ митрополитовъ, а изслѣдовать обвиненія со стороны литовскаго князя противъ митрополита Алексѣя. Хотя вступившій на константинопольскую кафедру, по отреченіи отъ нея Каллиста,

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 425—430.

²⁾ Относительно поступковъ Романа патріархъ укорялъ его въ томъ, что онъ не подчинился синодальному постановленію и не удовлетворился назначенными для него, по рѣшенію императора, епархіями; напротивъ вторгся въ Кіевъ и не только здѣсь, но и въ брянской епархіи дѣлалъ распоряженія, свойственныя только мѣстному архіерею; далѣе патріархъ выговаривалъ Роману, что онъ неоднократно уже писалъ и убѣждалъ его оставить подобныя дѣйствія, наносящія безчестіе и вредъ душевный; „нынѣ же, прибавляя къ этому патріархъ, онъ узналъ отъ пришедшихъ изъ Литвы (αὐτόθι) людей, что Романъ не только продолжаетъ совершать упомянутые, незаконные поступки; напротивъ подвигъ литовскаго князя къ тому, что тотъ провозвелъ опустошенія въ городѣ Алексѣиѣ и убійства въ средѣ тамошнихъ христіанъ“. Относительно предстоявшаго изслѣдованія патріархъ извѣщалъ Романа, что патріаршій синодъ, въ видахъ заботливости о соблюденіи священныхъ и божественныхъ каноновъ и восстановленія церковнаго мира, рѣшилъ, съ соизволенія императора, послать двухъ апокрисіаріевъ для производства подлежащаго изслѣдованія; при этомъ патріархъ убѣждалъ Романа или явиться къ изслѣдованію, или прислать повѣренныхъ, не скрывая отъ него, что названные апокрисіаріи уполномочены синодомъ произвести изслѣдованіе и безъ него, въ присутствіи епископовъ и князей (Act. Patr. t. I. pag. 434—436).

³⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 1.

патріархъ Филовей, подь вліяніемъ и въ предупреденіе на будущее время происходившихъ смуть и нестроений, и постановилъ, чтобы русская митрополія оставалась единою, а литовская страна въ духовномъ отношеніи принадлежала по прежнему къ области кіевскаго митрополита; однако литовскій князь Ольгердъ, враждуя съ московскимъ, никакъ не хотѣлъ отказаться отъ мысли имѣть своего, особаго митрополита. Стремясь къ достиженію своей цѣли, но встрѣчая противодѣйствіе со стороны патріарха, который поддерживалъ митрополита, Ольгердъ старался обвинить послѣдняго предъ патріархомъ, и для сего приносилъ на него равныя жалобы, требуя для себя и своей области отдѣльнаго митрополита ¹⁾. По поводу этихъ жалобъ патріархъ прежде всего старался примирить литовскаго князя съ митрополитомъ, и съ этою цѣлію писалъ къ тому и другому, располагая ихъ къ взаимному довѣрію и любви ²⁾. Оставшись недоволенъ подобнымъ поведеніемъ патріарха и, въ особенности, тѣмъ, что онъ не только не давалъ въ Литву особаго митрополита, напротивъ со словъ митрополита укорялъ Ольгерда въ несправедливости къ митрополиту, Ольгердъ снова (1371 г.) и настойчиво просилъ патріарха поставить для Литвы и другихъ городовъ особаго митрополита; при этомъ Ольгердъ въ частности обвинялъ митрополита уже не только въ томъ, что онъ не посѣщаетъ Литвы, а и въ томъ, что митрополитъ заодно съ московскимъ княземъ обижаетъ его, снимаетъ клятвы съ измѣнниковъ литовскому князю и благословляетъ его враговъ на кровопролитіе ³⁾. По поводу этихъ обвиненій патріархъ приглашалъ митрополита,

¹⁾ Ольгердъ, какъ мы замѣчали (стр. 397—398), жаловался, что митрополитъ Алексѣй, удалившись въ Москву, вовсе забылъ о Кіевѣ и не посѣщаетъ православныхъ мѣстностей Литвы; предавшись на сторону московскаго князя, онъ причиняетъ обиды всѣмъ прочимъ русскимъ князьямъ. Противъ этой жалобы митрополитъ Алексѣй оправдывался въ своемъ поведеніи тѣмъ, что онъ опасается насилій со стороны враждебнаго ему литовскаго князя и потому не посѣщаетъ ни Кіева, ни вообще владѣній литовскаго князя.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 321.

³⁾ Act. Patr. t. I. pag. 580—582. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1847 г. іюнь. стр. 148—152. № 29.

если онъ найдетъ удобнымъ и позволять ему обстоятельства, придти въ Константинополь, или прислать довѣренныхъ людей, съ тѣмъ, чтобы узнать отъ нихъ истинное положеніе вещей ¹⁾). Не дождавшись ни митрополита, ни его уполномоченныхъ, патріархъ наконецъ (1373 г.) рѣшился послать въ Россію, въ качествѣ своихъ апокрисиаріевъ: сербскаго инока Кипріяна и другаго съ нимъ сотоварища съ тѣмъ, чтобы они постарались примирить митрополита съ литовскимъ и другими князьями и расположить перваго посѣтить литовскія страны своей митрополіи на пути въ Константинополь ²⁾). Кипріянь не только не исполнилъ возложеннаго на него порученія, напротивъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Россіи для своихъ корыстныхъ цѣлей. Уговоривъ митрополита Алексѣя не ходить, по приглашенію патріарха, въ Константинополь, Кипріянь постарался войти въ довѣренность литовскихъ князей и составилъ отъ ихъ имени какъ просительныя къ патріарху грамоты о поставленіи его, Кипріяна, митрополитомъ, такъ и обвинительныя письма противъ митрополита Алексѣя, съ которыми и возвратился въ Константинополь. Патріархъ, повѣривъ Кипріяну и принесеннымъ имъ документамъ, поставилъ его митрополитомъ Кіева и всей Литвы съ тѣмъ, чтобы онъ по смерти Алексѣя сдѣлался митрополитомъ всей Россіи. Отправляя Кипріяна на митрополію, патріархъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ двухъ своихъ сановниковъ (ἐκκλησιαστικοὶ ἄρχοντες) съ тѣмъ, чтобы они изслѣдовали жизнь митрополита Алексѣя и тѣ жалобы, которыя были принесены на него, и чтобы они, изслѣдовавъ все это при свидѣтеляхъ, составили протоколъ и, по возвращеніи, представили патріаршему синоду. Посланные съ этимъ порученіемъ не нашли доказательствъ ни по одному обвиненію противъ св. Алексѣя и, возвратившись въ Константинополь, донесли, что всѣ обвиненія противъ митрополита оказались вымышленными и напрасными; такъ какъ не только не нашлось ни одного обвинителя, который бы зналъ что нибудь предсудя-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 587—588.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 15—17. Калачевъ, Арх. ист. юрид. св. вѣ. III. стр. 9.

тельное за митрополитомъ; напротивъ всѣ считаютъ его отцемъ и называютъ спасителемъ народа и всѣ одинаково ручаются за него; между тѣмъ какъ митрополита Кипріана, оклеветавшаго святаго мужа, страшно злословятъ и порицаютъ (*κατηράυτο τὰ φριχδέεατα* ¹⁾).

Видѣвъ съ Ольгердомъ, литовскимъ княземъ, преслѣдоваль митрополита Алексѣя, его шуринъ и единомышленникъ, тверской князь, Михаилъ Александровичъ. Враждуя съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, котораго поддерживалъ въ его стремленіяхъ митрополитъ Алексѣй, и негодуя за это на послѣдняго, Михаилъ Александровичъ жаловался патриарху на Алексѣя. Обвиняя послѣдняго въ разныхъ проступкахъ, тверской князь въ особенности просилъ патриарха вызвать митрополита на судъ съ тѣмъ, что и онъ, князь, пришлетъ своихъ сановниковъ, въ качествѣ повѣренныхъ. Патриархъ Каллистъ, находя невозможнымъ отказать князю въ его просьбѣ, сначала писалъ митрополиту, чтобы онъ или самъ явился, или прислалъ своихъ чиновниковъ на судъ, извѣщая объ этомъ князя и приглашая его также прислать своихъ людей; потомъ, когда изъ письма митрополита и отъ посланнаго его, Авванума, патриархъ обстоятельно узналъ о дѣлѣ, перемѣнилъ свое намѣреніе; онъ просилъ и убѣждалъ митрополита, чтобы тотъ, если имѣеть несогласія съ тверскимъ княземъ, примирился съ нимъ, или если князь оскорбилъ митрополита,—простилъ его, какъ отецъ, и принялъ, какъ сына; тверскому князю патриархъ внушалъ принести раскаяніе и попросить извиненіе у митрополита ²⁾). Подобный отвѣтъ патриарха митрополиту и князю отклонилъ въ настоящій разъ желаемое послѣднимъ, судебное разбирательство его неудовольствія на митрополита. Впослѣдствіи, тотъ же тверской князь снова повторилъ патриарху, но уже Филоею свою жалобу на митрополита, и, какъ можно судить по перепискѣ патриарха съ митрополитомъ и княземъ по сему случаю, князь жаловался на митрополита уже не отъ одного своего лица, но и отъ ли-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 14. ²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 320—321.

ца своего брата. Изъ писемъ патріарха къ митрополиту и князю видно, что князья были виновны въ нарушеніи клятвы и митрополитъ наложилъ на нихъ запрещеніе. Въ виду такой вины патріархъ и объяснилъ въ письмѣ къ тверскому князю тяжесть грѣха клятвопреступленія: „да будетъ извѣстно тебѣ, что нарушеніе крестнаго цѣлованія есть отреченіе отъ Бога; ибо такъ поучаютъ насъ объ этомъ святые отцы, изясняя, что клятвопреступленіе есть отреченіе отъ Бога; но отрекающійся отъ Бога къ какому другому Богу можетъ прибѣгнуть? такъ какъ нѣтъ другаго Бога, кромѣ нашего. Св. Апостолы и наши отцы и прежде нихъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ научаютъ насъ, что отрекающійся отъ Бога подвергаетъ себя наказанію, а не отрекающійся отъ Бога, но сохраняющій его заповѣди имѣетъ животь вѣчный; поѣтому пишу и убѣждаю тебя, какъ отецъ твой, чтобы ты внялъ и сохранилъ крестное цѣлованіе; ибо лучше, не преступая крестнаго цѣлованія, умереть тѣлесно, чѣмъ, преступивъ оное, умереть духовно. И такъ будь внимателенъ, сколько возможно, и не преступай крестнаго цѣлованія, хотя бы и смерть угрожала тебѣ; но постарайся и позаботься, сколько есть силы, сдѣлать такъ, какъ я тебя упрощиваю ¹⁾“. Въ письмѣ къ митрополиту патріархъ высказывался, что князья просили его о разрѣшеніи; но онъ призналъ за лучшее, чтобы они были разрѣшены митрополитомъ; такъ какъ онъ подвергъ ихъ запрещенію. Для прекращенія этого несогласія патріархъ Филофей также сначала приглашалъ митрополита или лично явиться въ Константинополь, или, въ случаѣ крайней необходимости, прислать своихъ надежныхъ чиновниковъ, также приглашалъ и князей прислать своихъ людей ²⁾; но потомъ, вѣроятно узнавъ обстоятельнѣе сущность дѣла, убѣждалъ тверскаго князя примириться съ митрополитомъ и испросить у него прощеніе: „неприлично, писалъ патріархъ, и бесполезно для души твоей и для чести твоего рода судиться, враждовать и сеориться съ митрополитомъ; такъ какъ несогласія и ссоры суть дѣла діавола. Кто изъ кня-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 691—592. ²⁾ Ibid. pag. 585—586.

зей когда либо судился съ митрополитомъ? Судился ли когда либо твой отецъ, или дѣдъ, или кто либо другой изъ твоего рода? Поэтому перестань и ты враждовать и искать суда; но иди и примиришь съ твоимъ отцемъ, съ митрополитомъ, и попроси у него прощенія, чтобы онъ простилъ тебя, и принеси раскаяніе, чтобы онъ принялъ, полюбилъ и назвалъ тебя сыномъ своимъ. Онъ твой отецъ, и пусть будетъ отцемъ. Если онъ сдѣлалъ что либо противъ тебя; то надлежало тебѣ снести это и лучше обратиться къ нему и у него просить благословенія и прощенія; но не искать суда и не имѣть вражды. Такъ надлежало поступить въ то время; если же ты не сдѣлалъ этого въ свое время, сдѣлай теперь и испроси у него благословеніе и прощеніе; если же ты согрѣшилъ въ чемъ либо—постарайся исправиться; это послужитъ къ чести и славѣ твоей и твоего рода и къ пользѣ твоей души. Я писалъ, прибавлялъ патріархъ, теперь и къ митрополиту твоему; и если ты раскаешься—онъ приметъ тебя и полюбитъ болѣе прежняго, какъ своего роднаго (γνήσιου) сына. И такъ, если вы во все не сдѣлаете того, о чемъ я пишу, если вы отнюдь не желаете этого—ищите суда; я нисколько не препятствую этому, только подумайте, какъ бы не было для васъ худо“¹⁾).

Въ то время, какъ литовскій князь и его единомышленники изъ русскихъ князей находили свои поводы обижаться и жаловаться на русскаго митрополита, московскій князь старался держать сторону послѣдняго и ходатайствовалъ за него предъ патріархомъ, оправдывая и его и себя въ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Во время смуть въ русской митрополіи открывались случаи, когда московскіе князья сами должны были вступать въ несогласіе съ митрополитами, особенно съ тѣми, которые успѣвали получить митрополичью кафедру противъ ихъ воли. Первые столкновенія произошли у московскаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго съ митрополитомъ Кипріаномъ, который, какъ мы видѣли, обманомъ достигъ кафедры литовскаго

¹⁾ Act. Patr. I. pag. 541.

митрополита съ правомъ на всю русскую митрополию, по смерти митрополита Алексѣя. Основываясь на этомъ правѣ, Кипріанъ, едва только прибылъ въ Литву, началъ заявлять свои претензіи и на кафедре русской митрополіи. Съ этою цѣлію онъ прежде всего устремилъ свое вниманіе на Новгородъ, гдѣ, предъявивъ патріаршія грамоты о поставленіи его митрополитомъ на всю русскую землю, требовалъ отъ новгородцевъ подчиненія; затѣмъ будто бы лично отправился въ Москву съ намѣреніемъ утвердить въ ней свою власть. Но какъ новгородцы на патріаршія грамоты отвѣчали: „пошли къ великому князю, если онъ приметъ тебя митрополитомъ всей русской земли, то и намъ будешь митрополитомъ“; такъ московскій князь сказалъ: „у насъ есть митрополить Алексѣй, а ты затѣмъ ставишься на живаго митрополита“ ¹⁾. Кипріанъ не только не получилъ кафедры русской митрополіи и послѣ смерти митрополита Алексѣя; напротивъ эта попытка стоила ему многихъ непріятностей, которымъ онъ подвергся, по распоряженію вел. князя, въ то время, когда по приглашенію своихъ благожелателей рѣшился пріѣхать въ Москву ²⁾. Кипріанъ могъ только по этому поводу излить свою скорбь на причинившихъ ему насилія; но не приносить жалобъ константинопольскому патріарху, который также враждебно былъ расположенъ къ Кипріану за то, что онъ обманомъ получилъ митрополичій санъ. Этимъ отчасти и объясняется успѣхъ самозванца—Пимена, который по подложнымъ грамотамъ и за большіе подарки достигъ кафедры русской митрополіи и званія митрополита кievскаго и всей Россіи ³⁾. Какъ бы то ни было, только ни Пимень, ни Кипріанъ, съ которыми временно примирался великій князь, не могли снискать полного и искренняго его расположенія ⁴⁾; такъ что князь рѣшился, низложивъ Пимена, какъ прежде отвергнувъ

¹⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 48. Стел. кн. т. I. стр. 465.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. VI. стр.

³⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 31—32. Ник. лѣт. т. IV. стр. 75—76. Act. Patr. t. II. pag. 12—18.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. V. стр. 238. Ник. лѣт. т. IV. стр. 139—140. Act. Patr. t. II. pag. 122. Арх. истор. юридич. свѣд. т. III. отд. II. стр. 12.

Кипріяна, предоставитъ каѳедру русской митрополіи новому избраннику Діонисію, епископу суздальскому.

Отправившись въ Константинополь, Діонисій раскрылъ тамъ всю исторію поставленія Пимена митрополитомъ и заставилъ патріарха сознаться, что поставленіе это было совершенно незаконно, и Пимень, какъ получившій санъ обманомъ, долженъ быть низложенъ. Возвратившись съ этою вѣстію въ Россію, Діонисій получилъ отъ великаго и другихъ русскихъ князей письменныя обвиненія на Пимена въ разныхъ преступленіяхъ, и съ этими документами снова отправился въ Константинополь искать митрополичьей каѳедры; съ Діонисіемъ отправился и архимандритъ симоновскаго монастыря Феодоръ, частію въ доказательство того, что послѣ низложенія Пимена дѣйствительно Діонисій долженъ получить епископскую каѳедру, частію для разъясненія обстоятельствъ дѣла Пименова. По полученіи письменныхъ обвиненій противъ Пимена, патріархъ и его синодъ, съ согласія императора, рѣшили послать въ Россію двухъ архіереевъ и двухъ—одного изъ церковныхъ, другаго изъ свѣтскихъ—сановниковъ, съ тѣмъ, чтобы они произвели изслѣдованіе по дѣлу Пимена, и, если окажется справедливымъ, что онъ достигъ сана вслѣдствіе обмана и подложныхъ грамотъ, низложили его, изгнали изъ церкви и посадили Діонисія на каѳедру. Посланные, въ числѣ коихъ, по свидѣтельству нашихъ памятниковъ, были: „два греческіе митрополита: Матеей и Никандръ, архидіаконы и сановницы“¹⁾, изслѣдовавъ дѣло, нашли всѣ обвиненія противъ Пимена справедливыми, и, объявивъ его низложеннымъ, лишили каѳедры. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Пимень, переодѣвшись въ мірское платье, въ сопровожденіи преданнаго ему ростовскаго игумена Авраамія, отправился въ Царьградъ. Прибывъ сюда, Пимень сильно жаловался (*καταβολὴν*) на причиненныя ему несправедливости и большія (*μέγιστα*) обиды и заявлялъ, что „если нужно было подвергать его суду за полученіе митро-

¹⁾ Карамзинъ, Истор. росс. госуд. т. V. прим. 124.

поличьяго сана (περί ἱεροσύνης); то слѣдовало, пригласивъ его, судить здѣсь на синодѣ (συνοδικῶς). Въ виду этого заявленія, отчасти и потому, что еще не возвратились изъ Россіи производившіе изслѣдованіе по дѣлу Пимена, патріархъ дозволилъ ему носить архіерейскій санъ и священнодѣйствовать. По возвращеніи посланныхъ, когда обстоятельства замедлили нѣсколько созваніе патріаршаго синода для разсмотрѣнія дѣла, въ это время Пименъ, сблизившись съ прибывшимъ изъ Россіи великокняжескимъ духовникомъ, извѣстнымъ уже симоновскимъ архимандритомъ Теодоромъ, бѣжалъ съ нимъ на востокъ. Напрасно царь и патріархъ старались призвать ихъ снова въ Константинополь, напрасно первый посылалъ для этого своихъ сановниковъ, послѣдній—свои грамоты съ угрозами изверженія; Пименъ и Теодоръ не только не послушались, напротивъ возвратились въ Россію и прибыли въ Москву: Пименъ „безъ исправы“, а Теодоръ въ санѣ ростовскаго епископа, рукоположенный Пименемъ. Патріаршіи синодъ рѣшился осудить ихъ заочно, въ отсутствіи. Подтвердившій это осужденіе синодъ 1389 г. мотивировалъ правильность этого осужденія такимъ образомъ: „осуждены они, замѣчаетъ синодъ, не въ отсутствіи (ἄκωτες), какъ, быть можетъ, скажутъ нѣкоторые; это возбраняють божественные каноны; дѣйствительно Пименъ и присутствовалъ и былъ обвиняемъ и призналъ обвинителя, съ которымъ, вполнѣдствіи сблизившись, рѣшился бѣжать; это—то въ особенности и осудило его, сблизившагося съ обвинителемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Теодоръ обвинялъ несправедливо, въ такомъ случаѣ онъ самъ осудилъ себя и отлучилъ отъ общенія; а сообщавшійся съ лишеннымъ общенія и самъ низвергается и отлучается; если же обвиненія Теодора были справедливы, въ такомъ случаѣ Пименъ былъ осужденъ, а Теодоръ, вступившій въ общеніе съ нимъ, самъ также низложилъ себя. Такимъ образомъ каждый самъ собою содѣйствовалъ осужденію другаго. Если кто еще внимательнѣе вникнетъ; то онъ найдетъ это низложеніе вполнѣ каноническимъ (λίαν κανονικῶς): потому что послѣ трехъ, сдѣланныхъ имъ, приглашеній возвратиться сюда съ востока, они никакъ не по-

желали сдѣлать этого, хотя и были приглашаемы подѣ угрозою отлученія. Поэтому синодъ законно (δικαίως) произнесъ противъ нихъ осужденіе, сдѣлавъ все казавшееся (τὸ δόξαν) ему каноническимъ¹⁾.

Возвратившись въ Москву, Пименъ по прежнему продолжалъ священнодѣйствовать и рукополагать епископовъ; но подобное поведеніе Пимена, при рѣшительномъ неудовольствіи на него князя, могло быть терпимо только до того времени, пока не пришла въ Москву вѣсть объ его низложеніи и пока низложеніе его не было подтверждено новымъ синодомъ. Этимъ всего лучше и можно объяснить то, почему Пименъ вдругъ, тайно отъ князя при приближеніи Пасхи, именно во вторникъ на страстной недѣлѣ, рѣшился уѣхать изъ Москвы въ Константинополь (1389 г.), и почему онъ, какъ бы желая отклонить всякое на сей разъ подозрѣніе, сдѣлалъ особенно торжественными какъ свой отъѣздъ, такъ и свое путешествіе: пять епископовъ и множество архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ провожали Пимена до р. Дона; а смоленскій епископъ Михаилъ, спасскій архимандритъ Сергій, протопопъ, протодіаконъ и множество другихъ священниковъ, діаконъ и слугъ составляли даже его спутниковъ²⁾. Недовольный поступкомъ митрополита, князь отправилъ вслѣдъ за нимъ бывшего своего духовника, названнаго ростовскаго епископа, Теодора. Пименъ, какъ извѣстно, не достигъ Константинополя; потому что на Черномъ морѣ онъ былъ пойманъ и скованъ азовскими займодавцами, которые снабжали его деньгами для достиженія рукоположенія; хотя Пименъ освободился отъ нихъ, уплативъ значительную сумму долга; но онъ умеръ на пути въ Царьградъ, въ Халкидонѣ. Смертію Пимена само собою прекратилось всякое разбирательство по его дѣлу, и кафедра русской митрополіи осталась праздною.

Вооружаясь противъ Пимена, обманомъ и за деньги получившаго митрополічій санъ, вел. князь Дмитрій Іоанновичъ не

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 125—126. ²⁾ Нил. глѣт. т. IV. стр. 158—160.

могъ въ то же время благосклонно относиться и къ Кипріану, также обманомъ и при поддержкѣ враждебнаго Москвѣ, литовскаго князя, сдѣлавшемуся митрополитомъ. Но московскому князю не было повода открыто вооружаться противъ Кипріана, пока Кипріанъ, съ одной стороны, фактически не занималъ кафедръ русской митрополіи, съ другой—пока эта кафедра имѣла своего особаго претендента. Выше было сказано, что константинопольской комиссіи, которая была отправлена въ Россію произвести изслѣдованіе по обвиненіямъ противъ Пимена, было поручено, въ случаѣ правильности этихъ обвиненій, удалить его съ кафедры и возвести на нее уже рукоположеннаго патриархомъ въ митрополиты Діонисія, архіепископа суздальскаго. Конечно Діонисій и занялъ бы эту кафедру, а Пименъ не имѣлъ бы возможности долѣе держаться на ней, если бы Діонисій на возвратномъ пути изъ Константинополя въ Кіевъ не былъ задержанъ, по повелѣнію литовскаго князя Владимира, сына извѣстнаго Ольгерда, и не былъ заключенъ подъ стражу, гдѣ и скончался (15 октября 1385 г.)¹⁾. Подобный поступокъ литовскаго князя не могъ не возбудить въ московскомъ—опасеній на счетъ случайности снова видѣть Кипріана на кафедрѣ русской митрополіи. Вслѣдствіе сего московскій князь, по возвращеніи изъ Россіи въ Константинополь патриаршихъ пословъ, изслѣдовавшихъ дѣло Пимена, поспѣшилъ снова послать туда ходившаго прежде съ Діонисіемъ, своего духовника, симоновскаго архимандрита, Θεодора, съ порученіемъ объ управленіи митрополіи русской²⁾. Необходимо предположить, что въ этомъ порученіи заключалось и то, чтобы Θεодоръ отъ имени князя представилъ патриарху обвиненія не только противъ объявлен-

¹⁾ Литовскій князь сдѣлалъ подобное распоряженіе въ интересахъ Кипріана, бывшаго въ то время въ Кіевѣ, т. е. въ тѣхъ видахъ, чтобы не допустить другаго митрополита на кафедру русской митрополіи и предоставить ее одному Кипріану. Поэтому Діонисію и было сказано отъ лица литовскаго князя: „зачѣмъ ты ходилъ въ Царьградъ ставиться въ митрополиты безъ нашего повелѣнія; въ Кіевѣ есть митрополитъ Кипріанъ, онъ же митрополитъ и всей Россіи; оставайся здѣсь“. (Ник. лѣт. т. IV. стр. 144).

²⁾ Там. стр. 150—151.

наго изложеннымъ Пимена, но и противъ Кипріяна, искавшаго катедры русской митрополіи. Безъ этого предположенія останется непонятнымъ, почему патриаршій синодъ счелъ нужнымъ отправлявшася въ Россію съ императорскимъ порученіемъ Кипріяна, съ одной стороны, обязать подпискою безотлагательно, въ теченіи одного года, снова возвратиться въ Константинополь для суда въ принесенныхъ на него обвиненіяхъ, съ другой — особенно наказать ему, чтобы онъ, во время своего путешествія, отнюдь не священнодѣйствовалъ въ великой Россіи, а только въ предѣлахъ своего мѣстопребыванія, въ Литвѣ и малой Россіи ¹⁾. Равнымъ образомъ, нельзя не предположить, что Теодоръ и Пимень, бывшіе въ то время въ Константинополь, напередъ видѣли, что обвиненія противъ Кипріяна не предотвратятъ предоставленія ему, вмѣсто Пимена, катедры русской митрополіи. Этимъ предположеніемъ и объясняется, съ одной стороны, странный и неожиданный повидимому фактъ сближенія Теодора съ Пименомъ и бѣгства ихъ изъ Царьграда въ Россію съ ругательствами на императора и патриарха, съ другой — прибытіе Пимена въ Москву и пользованіе имъ по прежнему архіерейскими правами. Если вникнемъ въ содержаніе и тонъ синодальнаго дѣянія 1389 г., коимъ Кипріянь признавъ митрополитомъ всей Россіи, и которое всю причину происшедшихъ смуть и нестроений въ русской церкви возлагаетъ на однихъ русскихъ; то сдѣлается яснымъ, что въ Константинополь въ это время были расположены болѣе въ пользу литовскаго, чѣмъ русскаго претендента на катедру всероссійской митрополіи; такъ что не удобный и не желательный московскому князю Кипріянь, подвергавшійся уже осужденію патриаршаго синода за его поведеніе, въ дѣйствительности, сдѣлался единственнымъ митрополитомъ всей Россіи.

Много константинопольскому патриарху, на правахъ высшаго судіи, приходилось принимать участія въ спорахъ новгородцевъ и ихъ владыкъ съ митрополитами. Стремленіе къ сво-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 98—99.

бодѣ составляло всегдашнюю, отличительную черту общественнаго склада и политическихъ установленій новгородцевъ. Отъ язычества сохранился у новгородцевъ духъ свободы, междуусобиць, удалства, предприимчивости, личнаго произвола¹⁾. Подъ вліяніемъ умѣряющаго и цивилизующаго вліянія церкви, эти свойства должны были преобразоваться, но не утратить своего характера. Вотъ почему какъ въ политическомъ отношеніи Новгородъ, не думая отдѣляться отъ общаго состава русскаго государства, старался удерживать свою самостоятельность; такъ въ церковномъ, продолжая принадлежать къ составу всей русскоѣ церкви, онъ желалъ того, чтобы высшая церковная власть предоставила возможно большую свободу его владыкамъ въ церковномъ управленіи. Этимъ желаніемъ и объясняются всѣ столкновенія новгородцевъ и ихъ владыкъ съ митрополитами. Замѣчательно, что эти столкновенія съ особенною силою проявлялись въ то время, когда новгородцы находились въ несо-всѣмъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ великимъ князьямъ и затихали тогда, когда великій Новгородъ дружилъ и находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ великими князьями. Подобное явленіе необходимо приводитъ къ двумъ вѣрнымъ предположеніямъ: во-первыхъ къ тому, что въ Новгородѣ политическая и церковная свобода была однозначуща, такъ что освобожденіе отъ посторонней власти въ гражданскомъ отношеніи необходимо рождало потребность той же самостоятельности въ церковномъ; во-вторыхъ къ тому, что между правами великаго князя и преимуществами русскаго митрополита находилось самое тѣсное взаимодѣйствіе, по которому князья поддерживали требованія митрополитовъ, митрополиты — стремленія князей, особенно въ спорахъ съ новгородцами.

Первые признаки колебательнаго отношенія новгородцевъ къ власти митрополита можно замѣчать гораздо раньше, чѣмъ обнаружались ихъ открытыя несогласія. Такъ, послѣ разрѣшеннаго митрополитомъ спора о томъ, кому изъ двухъ новгород-

¹⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправства. т. II. стр. 262.

скихъ архіепископовъ по праву принадлежить кафедре: изгнанному ли Митрофану, или вновь избранному Антонію, въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи, изъ коихъ одна, конечно недовольная рѣшеніемъ митрополита въ пользу изгнаннаго Митрофана, хотѣла того, чтобы церковное управление Новгорода сообразовалось съ мѣстной гражданской свободою; другая наоборотъ толковала о подчиненіи митрополиту ¹⁾. По поводу избранія новаго архіепископа въ 1229 г., люди послѣдней партіи, какъ бы отказываясь отъ правъ самостоятельнаго избранія и представляя всю власть въ этомъ дѣлѣ митрополиту, выражались: „кого дастъ намъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ“ ²⁾. Заявленіе это не имѣло успѣха: архіепископомъ былъ поставленъ тотъ, кто былъ избранъ на вѣчѣ по жребію. Предъ временемъ обнаруженія открытыхъ несогласій новгородцевъ съ митрополитами обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что прежде новгородскіе архіепископы ѣздили къ митрополиту по дѣламъ; теперь повторяются случаи, когда митрополиты сами пріѣзжаютъ въ Новгородъ для исправленія дѣлъ церковныхъ. Такъ въ 1251 г. митрополитъ Кириллъ II самъ пріѣзжалъ въ Новгородъ для посвященія Далмата на мѣсто умершаго Спиридона; въ 1300 г. Митрополитъ Максимъ также пріѣзжалъ въ Новгородъ для поставленія архіепископа Теоکتиста ³⁾; другіе митрополиты также посѣщали Новгородъ. Подобныя посѣщенія, будучи выгодны для митрополитовъ, оказывались тягостны для новгородцевъ въ томъ отношеніи, что сопровождались издержками на содержаніе многочисленной, митрополичьей свиты, а равно и на дары митрополиту. Новгородскій лѣтописецъ такъ отзываясь о посѣщеніи (1341 г.) Новгорода митрополитомъ Теогностомъ: „пріѣха митрополитъ Теогностъ, гречинъ въ Новгородъ, со многими людьми, тяжко же бысть владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары ⁴⁾“. Вслѣдствіе сего новгородцы какъ предпочитали отправлять новоизбраннаго владыку для поставленія туда, гдѣ находился митрополитъ, такъ

¹⁾ Сѣверно-русс. народоупр. т. II. стр. 267.

²⁾ П. С. Л. т. III. 45. ³⁾ Там. стр. 58. 67. ⁴⁾ Там. 81.

и не настаивали на чести митрополичьяго посѣщенія. Приведенный отзывъ лѣтописца о посѣщеніи митрополита, выражая мнѣніе народа объ этомъ предметѣ, даетъ понять, что народъ и въ частности партія, добивавшаяся самостоятельнаго управленія духовными дѣлами Новгорода, начинали критически относиться къ правамъ и поведенію митрополита. Впрочемъ не со стороны народа были заявлены патріарху первыя неудовольствія и жалобы на митрополитовъ, а отъ новгородскихъ владыкъ и по поводамъ личнаго неудовольствія. Извѣстно, что владыки Новгорода, какъ предстоятели важнѣйшаго и знатнѣйшаго, послѣ резиденціи великаго князя, города, пользовались особеннымъ почетомъ сравнительно съ прочими. Извѣстно также, что и митрополиты въ свою очередь старались отличать новгородскихъ владыкъ особыми преимуществами. Такъ еще въ 1165 г. митрополитъ Іоаннъ IV предоставилъ новгородскому епископу Іоанну право называться архіепископомъ, коимъ продолжали пользоваться и его преемники ¹⁾; въ 1346 г. митрополитъ Феогностъ предоставилъ новгородскому архіепископу Василию право носить кресчатыя ризы; но не пожаловалъ тѣмъ же правомъ преемника Василюва, архіепископа Моисея. Подобное лишеніе важнаго, по понятіямъ того времени, преимущества и было причиною неудовольствія новгородскаго архіепископа на митрополита.

Въ 1353 г. новгородскій архіепископъ Моисей послалъ отъ своего имени къ императору и патріарху въ Царьградъ пословъ и просилъ отъ нихъ „исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита“. Сообщая этотъ фактъ, лѣтописи не говорятъ какого рода были эти непотребныя вещи и какія насилія причинилъ митрополитъ; равнымъ образомъ намъ неизвѣстна и патріаршая грамота, которую патріархъ писалъ по сему поводу новгородскому архіепископу. Лѣтописи только замѣчаютъ, что эта грамота была за золотыми печатями и содержала постановленія „о проторехъ

¹⁾ Новг. лѣт. I. стр. 13. Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 80. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. I. стр. 181.

на поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ, святительскихъ“ и другія различныя указанія; при этой же грамотѣ посоль принесъ архіепископу и кресчатыя ризы и благословенія всему Новгороду ¹⁾). Впрочемъ, если мы не знаемъ первой по сему предмету грамоты патріарха, то имѣемъ другую, написанную тѣмъ же патріархомъ Филоеемъ въ отвѣтъ на ту же просьбу новгородскаго архіепископа, только послѣ того, когда патріархъ имѣлъ возможность ближе отъ самаго митрополита Алексѣя узнать намѣренія и желанія новгородскаго архіепископа. Эта послѣдняя грамота, принесенная новгородцамъ прибывшимъ въ Россію съ новопоставленнымъ митрополитомъ Алексѣемъ канстризіемъ великой церкви и скевофилаксомъ императорскаго клира, Георгіемъ Пердикою, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что къ числу непотребныхъ вещей, о которыхъ жаловался патріарху новгородскій архіепископъ на митрополита, относилось то, что митрополитъ не разрѣшалъ Моисею, по примѣру предшественника, носить кресчатыя ризы, и что архіепископъ, усматривая въ этомъ насиліе со стороны митрополита, домогался независимости отъ митрополита и подчиненности непосредственно патріарху. Патріархъ удовлетворилъ желанію Моисея относительно употребленія кресчатыхъ ризъ; но предписалъ ему остаться въ совершенномъ подчиненіи и покорности митрополиту ²⁾). Вслѣдствіе ли предписанія патріарха,

¹⁾ Ник. лѣт. т. III. стр. 206.

²⁾ Вотъ что патріархъ писалъ новгородскому архіепископу въ своей грамотѣ: „пишемъ боголюбію твоему, чтобы и ты возрадовался пришествію его (т. е. митрополита Алексѣя) и воздалъ ему, какъ пастырю и учителю, должную честь и послушаніе во всемъ, что онъ станетъ говорить душеполезно и спасительнаго и согласнаго съ божественными и священными догматами Божіей церкви; такъ какъ это и Богу пріятно и для нашей мѣрности и божественнаго и священнаго синода достолюбезно (ἐπαίνετον). Тоже предписываютъ божественные и священныя каноны, буквально говоря слѣдующее: *„епископамъ всякаго народа подобаетъ знать перваго изъ нихъ и оказывать ему всякое послушаніе и покорность“*. Конечно, патріарху не было бы надобности такъ настойчиво напоминать новгородскому архіепископу объ его послушаніи и покорности митрополиту, если бы патріархъ не зналъ о противоположныхъ въ этомъ отношеніи намѣреніяхъ новгородскаго владыки. Послѣдующими словами своей грамоты патріархъ прямо указываетъ ближай-

или убѣдившись въ несбыточности своихъ намѣреній, только архіепископъ Моисей до конца своей жизни продолжалъ питать расположенность къ митрополиту Алексѣю и находится въ отношеніяхъ должной подчиненности. При преемникѣ Моисея, новгородскомъ архіепископѣ Алексѣѣ, снова повторились несогласія между новгородскимъ владыкою и митрополитомъ; но на этотъ разъ уже митрополитъ доносилъ патріарху, что новгородскій архіепископъ продолжаетъ носить кресчатую фе-

шю причину неудовольствій архіепископа на митрополита, когда говорятъ: „по духовной любви и расположенности, которая священнѣйшій архіерей киръ Θεοσιγνησία питаетъ къ этому епископу, т. е. къ Алексѣю, онъ предложилъ ему носить на фелони четыре креста (σταυροὺς τέσσαρες); по собственной твоей просьбѣ и желанію сдѣлали и мы; но что сдѣлали для тебя, за то ты долженъ быть благодаренъ, и ни въ чемъ не отдѣляться (παρεξελθῆς) отъ него; но воздавать ему, какъ священнѣйшему твоему митрополиту, должную покорность“. Удовлетворяя желанію Моисея въ этомъ отношеніи, патріархъ далѣе внушалъ ему самое строгое повиновеніе митрополиту: „если, быть можетъ, возникнетъ разномысліе относительно того, что мы сдѣлали для тебя, какъ объяснено, ради крестовъ (διὰ τοὺς σταυροὺς); то ты только объ этомъ одномъ предметѣ и обращайся къ нашей мѣрности, дабы она сама распорядилась, какъ разсудить... во всякомъ другомъ предметѣ, продолжалъ патріархъ, если напр. митрополитъ позоветъ тебя къ себѣ по какому либо дѣлу, ты подлежаешь его власти и суду; если же произойдетъ между вами что либо требующее суда и изслѣдованія,—ты долженъ отъ него, какъ твоего священнѣйшаго митрополита киевскаго и всея Россіи, принимать судъ и изслѣдованіе, ни въ чемъ не противорѣча и не возражая по всконн установленному для такихъ случаевъ церковному порядку и по преданію тѣхъ же самыхъ божественныхъ канонѣвъ. Священные каноны предписываютъ также и то, чтобы, когда откроется для тебя необходимая надобность (ἀνάγκη χρεια) писать и обратиться къ нашей мѣрности, ты прежде доводишь объ этомъ до свѣденія твоего митрополита и съ его вѣдома и согласія писалъ и сносился. Послѣдовательно заботясь объ этомъ, мѣрность наша, согласно съ установленіемъ канонѣвъ, предписываетъ, чтобы ничего подобнаго не дѣлалось безъ его же вѣдома, но дѣлалось такъ; потому что, если не окажешь, согласно тѣмъ же божественнымъ канонамъ, подобающей по долгу покорности, то знай, что онъ уполномоченъ отъ нашей мѣрности дѣлать въ отношеніи къ тебѣ все, на что имѣетъ право по канонамъ, и сдѣланное имъ такимъ образомъ исполнѣ, съ признательностію, одобрить и наша мѣрность, и ты ни въ чемъ и никакъ не найдешь у насъ желательной помощи, если бы оказался непослушнымъ и непокорнымъ названному твоему митрополиту“ (Act. Patr. t. I. pag. 348—349). Строгія и, можно сказать, грозныя внушенія патріарха новгородскому архіепископу о повиновеніи его митрополиту не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что намѣренія перваго, высказанныя въ его жалобѣ на митрополита, заходили слишкомъ да-

лонь, пожалованную его предшественнику, и не оказывает должной чести, послушанія и покорности какъ митрополиту, такъ и великому князю. Патріархъ убѣждалъ архіепископа снять съ своей фелони кресты и покориться митрополиту Алексію и великому князю ¹⁾. Убѣжденія патріарха, а главное то, что новгородцы примирились съ Москвою, улучшили отношенія новгородскаго архіепископа къ кievскому митрополиту. По крайней мѣрѣ, прибывшій послѣ своего рукоположенія (1376 г.) въ Литву, митрополитъ Кипріанъ, какъ мы замѣчали, прислать оттуда патріаршія грамоты о своемъ поставленіи въ Новгородъ и требовалъ отъ новгородцевъ признать его своимъ митрополитомъ, какъ поставленнаго на всю русскую землю; но новгородцы по этому поводу отвѣтили Кипріану: „пошли къ великому

лего, до освобожденія себя отъ власти митрополита и непосредственнаго подчиненія патріарху. Чтò дѣйствительно таковъ былъ, или такъ показался патріарху образъ мыслей новгородскаго архіепископа, въ этомъ убѣждаетъ другая къ нему грамота патріарха, которую патріархъ нашель нужнымъ написать новгородскому архіепископу о явившемся въ Россіи и низложенномъ въ Константинополѣ самозванцѣ-митрополитѣ Теодоритѣ съ тѣмъ, чтобы не оставилъ архіепископа въ неизвѣстности относительно личности этого митрополита. Убѣждая въ этой грамотѣ новгородскаго владѣку также оказывать должное повиновеніе и покорность митрополиту Алексію, патріархъ предостерегалъ перваго отъ общенія съ Теодоритомъ. Разсказавъ какимъ образомъ этотъ Теодоритъ убѣжалъ изъ Константинополя, получилъ митрополитчій санъ въ Торновѣ и подвергся низложенію отъ патріаршаго синода, патріархъ продолжалъ: „и такъ остерегись имѣть въ чемъ либо и какъ либо общеніе съ этимъ Теодоритомъ, чтобы ты не подвергся тому же осужденію, какому подпалъ и онъ, ибо канонъ говоритъ: *„отступающій отъ общенія съ отлученнымъ и самъ будетъ отлученъ“*; лучше же, прибавлялъ патріархъ, пусть твое боголюбіе, по требованію долга, имѣетъ повиновеніе, послушаніе и покорность къ тому же священнѣйшему митрополиту кievскому и всея Россіи, какъ подробно извѣщала тебя мѣрность наша другою грамотою“ (Act. Patr. t. I. pag. 350—351).

¹⁾ Патріархъ писалъ новгородскому архіепископу слѣдующее: „Бывшій прежде тебя новгородскій епископъ получилъ отъ божественнаго и святѣйшаго синода отличіе (τιμῆν) носить на своей фелони четыре креста; это отличіе синодъ далъ ему одному съ тѣмъ, чтобы не имѣлъ на него право каждый епископъ новгородскій, а одинъ тотъ, кому оно дано. Между тѣмъ мѣрность наша узнала, что ты поступалъ не по чину и каноническому обычаю, присвоивъ себѣ то, на что ты не имѣлъ права, и носилъ на твоей фелони четыре креста; и не это только, но и не воздаешь подобающей чести, послушанія и покорности священнѣйшему митрополиту кievскому и всея Рос-

князю, если онъ приметъ тебя митрополитомъ, то и намъ будешь митрополитомъ“. Въ этомъ отвѣтѣ, по какимъ бы побужденіямъ онъ ни былъ данъ, слышатся довѣріе къ Москвѣ и преданность ея митрополиту. Подобное довѣріе и преданность не оставляли новгородцевъ и по смерти митрополита Алексѣя (1378 г.). Въ 1380 г. новгородскій архіепископъ Алексѣй, по просьбѣ новгородцевъ, при митрополитѣ Кипріанѣ, ѣздилъ въ Москву со многими боярами и житыми мужами; князь принималъ ихъ, цѣловалъ имъ крестъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ ¹⁾).

Открывшіяся смуты въ русской митрополіи представили новгородцамъ удобный случай къ тому, чтобы совсѣмъ отдѣлиться отъ власти русскаго митрополита. Обстоятельства, при которыхъ состоялось подобное рѣшеніе новгородцевъ, были слѣдующія. Будучи давно недоволенъ новгородцами за причиняемые ихъ выходцами разбои и грабежи, великій князь Дмитрій Іоанновичъ, покончивъ съ Рязанью и Тохтамышемъ, рѣшился раздѣлаться и съ новгородцами. Съ этою цѣлью, имѣя надобность въ деньгахъ, князь въ 1385 г. послалъ своихъ бояръ собрать черный боръ — народную подать по всѣмъ

сіа, препочтенному во св. Духѣ, возлюбленному брату нашей мѣрности и сослужателю, а равно и сыну моему, благороднѣйшему князю всея Россіи, киръ Дмитрію, противодѣйствуешь и противорѣчишь имъ. Узнавъ объ этомъ, мѣрность наша оскорбилась и вознегодовала и разсердилась на тебя за то, что ты учинилъ это вопреки предписанію божественныхъ и священннхъ каноповъ; вслѣдствіе сего пишу и приказываю тебѣ безъ отговорокъ и оправданія снять съ фелони твоей кресты. Ибо какъ ты осмѣлился позволить себѣ этотъ поступокъ? При этомъ пишу и внушаю тебѣ оказывать подобающую честь, повиновеніе и послушаніе святѣйшему митрополиту кievскому и всея Россіи и благороднѣйшему великому князю, и если поступишь такъ, получишь благоволеніе нашей мѣрности и божественнаго и священнаго великаго синода... если не сдѣлаешь такъ, какъ предписываетъ тебѣ мѣрность наша, то я напишу митрополиту твоему, чтобы онъ низложилъ тебя и снялъ съ тебя архіерейство. И такъ, что кажется тебѣ лучшимъ, то и сдѣлай“ (Act. Patr. t. I. pag. 522—524). Чтобы понять, въ чемъ именно заключалось неповиновеніе новгородскаго владкии князю, полезно замѣтить, что около этого времени московскій князь враждовалъ съ новгородцами по поводу разбоевъ, которые новгородскіе выходцы причиняли на Волгѣ и Камѣ, опустошая тамошніе города (Соловьевъ, Ист. Росс. т. III. стр. 371—373).

¹⁾ П. С. Л. III. 94.

тамошнимъ волостямъ; при этомъ новгородцы оказали сопротивление, и дѣло не обошлось безъ ссоры ¹⁾). Вслѣдъ за этимъ прибылъ въ Новгородъ тогдашній московскій митрополитъ Пимень и, собираясь идти въ Царьградъ, началъ требовать мѣсячнаго суда и соединенныхъ съ нимъ пошлия ²⁾). Новгородцы, уже поссорившіеся съ великимъ княземъ, не только не дали Пимену мѣсячнаго суда, напротивъ нашли въ этомъ благопріятный случай утвердить свою независимость ³⁾); тѣмъ болѣе, что Пимень въ это время находился въ несогласіи съ великимъ княземъ и долженъ былъ идти въ Царьградъ, чтобы оправдаться въ заявленныхъ противъ него обвиненіяхъ. Воспользовавшись этими обстоятельствами, новгородцы рѣшились на вѣчъ обязаться клятвеннымъ постановленіемъ, чтобы никогда не зваться имъ въ Москву на судъ митрополита, а судиться у своего архіепископа Алексѣя и будущихъ его преемниковъ по номоканону ⁴⁾). Сущность этого обѣщанія заключалась въ томъ, что новгородцы отказывались отъ подачи жалобы на судебные приговоры своего архіепископа, такъ что новгородскій владыка получалъ право окончательнаго, безапелляціоннаго суда по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его юрисдикціи. Противъ такого рѣшенія новгородцы не могли встрѣтить противодѣйствія изъ Москвы, въ которой не было настоящаго митрополита. Даже въ то время, когда въ 1388 г. новгородцы, по удаленіи Алексѣя, избрали на его мѣсто Іоанна и отправили его въ Москву для посвященія, Пимень, посвятивъ Іоанна, не заявилъ никакихъ претензій своей власти надъ Новгородомъ ⁵⁾). Посвятивъ Іоанна, Пимень удовольствовался однимъ формальнымъ признаніемъ его митрополичьяго сана нов-

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. III. стр. 374.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. V. стр. 84.

³⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправ. т. II. стр. 273.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. IV. стр. 92; V. 239. VIII. 49. Ник. глѣт. т. IV. стр. 146.

⁵⁾ Пимень не могъ и рассчитывать на успѣхъ своихъ претензій, если бы они были заявлены имъ, по той причинѣ, что собственная его власть въ Москвѣ была не прочна. Это было въ то время, когда Пимень, спасаясь бѣгствомъ отъ патриаршаго суда въ Константинополь, прибылъ въ Москву „безъ исправъ“.

городцами. При постоянных сношениях, которые в то время происходили между Москвою и Константинополем по вопросу о митрополии, удобно могли дойти до Константинополя и слухи о поступке новгородцев и их неповиновении митрополиту ¹⁾; но вѣроятнѣе будетъ предположить, что митрополитъ Кипріанъ въ то время, когда онъ былъ признанъ въ Константинополѣ, вмѣсто Пимена, митрополитомъ всея Россіи, самъ, зная къ себѣ нерасположенность новгородцевъ, позаботился заявить конст. синоду о несогласіяхъ новгородцевъ съ митрополитомъ, бывшихъ при Пименѣ, и попросилъ у синода особой грамоты. Византійскіе и русскіе источники подтверждаютъ это предположеніе. Во второй грамотѣ патріарха Антонія (1393 г.) по этому предмету сказано: „въ то время, какъ былъ еще здѣсь съ нами и священный митрополитъ кievскій и всея Россіи Кипріанъ... и засѣдалъ въ священномъ синодѣ, было доложено о состоявшемся между вами клятвенномъ обѣщаніи о томъ, чтобы не судиться отъ русскаго митрополита... мы не мало смутились и опечалились, узнавъ о душевной опасности, въ которую вы впали... вслѣдствіе сего я посылалъ къ вамъ грамоты... доказывая вамъ, убѣждая и увѣщевая... что преступленіе ваше не маловажно и не случайно“ ²⁾. Въ Никоновой лѣтописи пишется, что въ 1390 г., зимой, пришла въ Новгородъ грамота отъ патріарха, по слову Кипріана митрополита всея Россіи о судѣ, за подписью патріаршей руки Антонія и рукъ нѣкоторыхъ митрополитовъ ³⁾. Означенная грамота не произвела желательнаго для Кипріана дѣйствія; новгородцы отнесли къ ней съ презрѣніемъ и остались при своемъ клятвенномъ обѣщаніи. Кипріанъ самъ отправился въ Новгородъ въ сопровожденіи Іереміи рязанскаго и Данила звенигородскаго. Новгородскій архіепископъ Іоаннъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ Новгородомъ „отъ мала и до велика“ встрѣтилъ Кипріана у великаго Спаса, отвелъ для его помѣщенія

¹⁾ Мазарія, Истор. русс. церк. т. V. стр. 85.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 181—182.

³⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 195. см. II. С. Р. Л. т. V. стр. 244. VIII. 61.

дворь у Іоанна Предтечи и чествовалъ его „недѣлю честью и дары многими“. На осьмой день своего пребыванія въ Новгородѣ, въ воскресенье, Кипріанъ, совершивъ божественную литургію въ св. Софіи, рѣшился по окончаніи службы войти на амвонъ съ крестомъ и сказать народу поученіе о своихъ отношеніяхъ. „Они же, замѣчаетъ Никонова лѣтопись, не пріяша ученія его, затыкающе уши свои жестокосердіемъ и непокорствомъ, аки аспидъ глухій, и не восхотѣша благословенія“. При такомъ настроеніи новгородцевъ, Кипріану трудно было достигнуть уснѣха и возстановить права митрополичьяго суда въ Новгородѣ. На всѣ настоянія Кипріана новгородцы единодушно отвѣчали: „мы цѣловали крестъ и написали между собою крестную грамоту и запечатали, чтобы не зваться на судъ къ митрополиту“. Кипріанъ обѣщаль снять съ нихъ клятву, сорвать печати съ ихъ клятвенной грамоты, благословить и простить новгородцевъ, лишь бы они дали ему судъ, какъ было „при прежнихъ митрополитахъ“. Новгородцы остались непреклонными. Кипріанъ рѣшился прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ: онъ наложилъ на новгородцевъ интердиктъ, т. е. запретилъ въ Новгородѣ церковныя службы и, не преподавъ жителямъ благословенія, удалился. И—эта мѣра не привела къ желанному результату: новгородскій владыка и священники, по прежнему, продолжали совершать службы, и народъ также не думаль о повинненіи митрополиту. Въ такихъ обстоятельствахъ Кипріанъ снова прибѣгнулъ къ содѣйствию константинопольскаго патріарха, и для сего вмѣстѣ съ вел. княземъ отправилъ туда посломъ Димитрія Аѳинейскаго. Новгородцы также не оставались въ бездѣйствіи въ виду настойчивыхъ дѣйствій митрополита; они также отправили пословъ въ Константинополь: Кюра Созонова и Василія Щечкина ¹⁾. Посоль митрополита и князя предупредилъ пословъ новгородскихъ, такъ что патріаршій синодъ, выслушавъ заявленія перваго, написалъ новгородцамъ обширную, увѣщательную грамоту ²⁾, и для отправки ея назначилъ велеем-

¹⁾ П. С. Л. т. IV. 99—100.

²⁾ Act Patr. t. II. pag. 181—187. Въ русс. перев. эту грамоту можно читать у Макарія, Истор. русс. церк. т. V. прилож. стр. 374—380.

скаго архієпископа Михаила—уполномоченнымъ отъ патріарха, а кирь Алексѣя Аарона—отъ императора, съ тѣмъ, чтобы эти послы лично разъяснили новгородцамъ ихъ заблужденіе и указали средства къ примиренію съ митрополитомъ, и пригласили новгородцевъ прислать отъ себя повѣренныхъ въ Константинополь, если они находятъ необходимымъ объяснить что либо по этому дѣлу. Когда константинопольскіе послы готовы были отправиться въ Россію, прибыли послы новгородскіе и принесли грамоты къ патріарху, его синоду и къ императору. Для разсмотрѣнія этихъ грамотъ и изложенныхъ въ нихъ ходатайствъ неоднократно собирався патріаршій синодъ, въ каждомъ засѣданіи котораго были новгородскіе послы и представляли свои заявленія и объясненія. Сущность этихъ заявленій и объясненій сводилась къ тому, что говорилъ посоль митрополита и вел. князя, т. е. что новгородцы не желаютъ судиться отъ митрополита, не желаютъ, чтобы ихъ епископъ былъ въ подчиненіи митрополиту, и митрополитъ пріѣзжалъ въ Новгородъ для мѣсячнаго суда, или присылалъ своего чиновника для его производства; „просимъ на это, прибавляли послы, вашего благословенія; если же не благословите—желаемъ быть латинянами“ ¹⁾. Подобныя заявленія и объясненія побудили патріарха, въ дополненіе къ первой увѣщательной грамотѣ о повиненіи митрополиту, написать другую объ утвержденіи наложеннаго на новгородцевъ интердикта ²⁾. Ту и другую грамоту должны были отнести въ Россію назначенные послы. Въ инструкціи этимъ посламъ было сказано, чтобы они, когда придутъ въ Новгородъ, въ собраніи тамошнихъ епископа, начальниковъ и всего народа, прежде всего на словахъ разъяснили новгородцамъ, что они посланы къ нимъ ради душевной ихъ пользы, не смотря на такое трудное и опасное путешествіе, и сказали, что патріархъ скорбитъ о такомъ множествѣ христіанъ, удаляющихся отъ христовой церкви по пустому и худому по-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 178.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 177—180. см. русс. перевод. у Макарія, Истор. русс. церк. т. V. прил. стр. 380—383.

воду; потомъ тѣ же посланные должны были вручить новгородцамъ адресованныя къ нимъ грамоты патріарха и императора и — сначала ту грамоту, которая была написана до прибытія въ Константинополь новгородскихъ пословъ, за тѣмъ ту, которая составлена послѣ ихъ прибытія, чтобы та и другая грамоты были прочтены и выслушаны всѣмъ народомъ, и весь народъ обратился отъ своего заблужденія и принялъ митрополита и подчинился ему; тѣмъ же посламъ было поручено привести съ собою уполномоченныхъ, если бы новгородцы пожелали послать ихъ, за благословіемъ къ патріарху и принести грамоты, о которыхъ говорили ихъ послы, будучи въ Константинополѣ ¹⁾. Какъ ни подробны были наставленія, данныя посланнымъ, и какъ ни убѣдительно были отправленныя къ новгородцамъ грамоты, однако можно было предвидѣть, что всѣ духовныя усилія не приведутъ къ желанной цѣли и не заставятъ новгородцевъ отказаться отъ своего намѣренія. Не вѣрили въ эти усилія ни вел. князь, ни митрополитъ, посылавшіе въ Константинополь своего посла болѣе для приличія, чѣмъ съ дѣйствительною надеждою получить желаемую помощь отъ патріарха. Поэтому въ то время, когда великокняжескій и митрополичій посолъ ходилъ въ Константинополь, и когда по принесеннымъ имъ документамъ рассматривалось тамъ дѣло новгородцевъ, въ Россіи шла уже открытая вражда между Москвою и Новгородомъ за права митрополита. Послѣ того, какъ новгородцы отказали митрополиту въ судѣ и не выдали своей клятвенной грамоты, вел. князь рѣшился вступить за его права. Понимая, что зависимость отъ митрополита въ церковныхъ дѣлахъ много значить для упроченія княжеской власти въ дѣлахъ гражданскихъ, вел. князь не хотѣлъ позволить новгородцамъ отложиться отъ суда митрополичьяго и потому съ жаромъ вступился за пастыря церкви ²⁾. Великій князь отправилъ въ Новгородъ своего посла,

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 195—196.

²⁾ Карамзинъ, Истор. госуд. Росс. т. V. стр. 77. Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 11—12.

которому поручилъ сказать, что такъ какъ новгородцы съ 1386 г. платили народную дань Донскому, то должны платить ее и сыну его, и что вѣстѣ съ тѣмъ они обязаны отослать свою грамоту о судѣ къ митрополиту и признать его судьей, который и сниметъ съ нихъ грѣхъ клятвopреступленія. Новгородцы, не согласившись на первое требованіе, относительно послѣдняго отвѣтили, что повиновеніе суду митрополита противно ихъ совѣсти ¹⁾. Принявъ подобный отвѣтъ за поводъ къ войнѣ, вел. князь двинулъ свои полки противъ новгородцевъ. Новгородцы также начали завоевывать и опустошать великокняжескія волости. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ; но новгородцы, не желая видѣть большаго опустошенія, рѣшились уступить и послали пословъ къ вел. князю съ просьбою о мирѣ по старинѣ, а къ митрополиту отослали клятвенную грамоту. Митрополитъ, принявъ эту грамоту, разрѣшилъ и благословилъ новгородцевъ; князь также заключилъ съ ними миръ. Новгородцы заплатили князю чернѣй боръ, а митрополиту дали 600 р. за то, что онъ благословилъ владыку ихъ Іоанна и весь Новгородъ ²⁾. Въ то время, какъ споръ новгородцевъ съ митрополитомъ пришелъ къ такому окончанію, прибыли посланные изъ Константинополя и привезли извѣстныя грамоты. Въ слѣдующемъ (1395) году Кипріянь въ сопровожденіи патріаршаго посла отправился въ Новгородъ, жители котораго, по однимъ свазаніямъ, и теперь не дали митрополиту

¹⁾ Карамзинъ, т. V. стр. 77. прим. 148.

²⁾ П. С. Р. Л. т. III. 96; IV. 100; V. 246. Ник. лѣт. IV. 253—254. Степ. лѣт. I. стр. 521. Собр. госуд. грам. II. № 13. О шестистахъ рублѣхъ митрополиту говорить Никонова лѣтопись и Степ. книга; послѣдняя сверхъ сего прибавляетъ, что новгородцы дали еще 350 р. принесшему имъ прошеніе митрополичьему послу. Между тѣмъ въ новгород. четвертой лѣтописи говорится только о 350 р. митрополиту и затѣмъ о 350 р. митрополичьему боярину за долгъ новгородскихъ пословъ, ѣздившихъ въ Царьградъ. Въ Софійской же лѣтописи говорится только о 850 р. митрополичьему послу. Карамзинъ говоритъ только о дарованіи митрополичьему послу 350 р. „въ знакъ дружелюбія“ (Истор. госуд. Росс. т. V. стр. 78—79). Соловьевъ говоритъ, что новгородцы дали князю чернѣй боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 р. князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ владыку и Новгородъ (Истор. Росс. т. IV. стр. 12).

суда¹⁾, а по другимъ—дали ему судъ по старинѣ²⁾. Последнее слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ; такъ какъ Кипріанъ оставался долгое время въ Новгородѣ и, при отъѣздѣ, благословилъ владыку и весь Новгородъ; впрочемъ нельзя совершенно отрицать и того, что при открывшихся вскорѣ за симъ (1397 г.), непріязненныхъ отношеніяхъ вел. князя къ Новгороду, и при стремленіи новгородцевъ вооруженною силою отстоять свои области, не могло существовать въ то время полнаго согласія и въ отношеніяхъ ихъ архіепископа къ митрополиту. Въ 1401 г. новгородскій владыка былъ позванъ къ митрополиту Кипріану въ Москву для святительскихъ дѣлъ и былъ задержанъ тамъ, пробывъ „въ наказаніи и смиреніи“ слишкомъ три года³⁾. Подобный фактъ не говоритъ о миролюбіи новгородскаго архіепископа съ митрополитомъ.

Посланному въ Царьградъ по новгородскимъ дѣламъ, Дмитрію Аеинейскому было поручено отъ митрополита и вел. князя ходатайствовать предъ патриаршимъ престоломъ о присоединеніи къ предѣламъ митрополита двухъ городовъ: Нижняго Новгорода и Городца. Эти города первоначально принадлежали къ епархіи владимірской, которую занимали иногда сами русскіе митрополиты⁴⁾. Извѣстно, что въ 1346 г. митрополитъ Θεогностъ изъ занимаемой имъ, владимірской епархіи, выдѣлилъ особую суздальскую, поставивъ въ Суздаль епископомъ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. III. стр. 97. Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 12—13.

²⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 257. ³⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 15.

⁴⁾ Такъ первымъ изъ митрополитовъ, заявившимъ владимірскую епархію, бывшую въ то время праздною, былъ митрополитъ Кириллъ II (1262 г.), который поставилъ во Владимірѣ новаго епископа Серапіона только въ 1274 г. Последний былъ поставленъ „Владиміру и Суздаю и Новгороду-Нижнему“, которыми правилъ и преемники его: Теодоръ (1276—1287 г.), Іаковъ (1288—1295 г.) и Симеонъ (1295—1299); всѣ они представляются поставленными для Владиміра и Суздаля и Новгорода-Нижняго (Ник. лѣт. т. III. стр. 59. 86. 94). Преемникъ Кирилла на митрополичьей ксеедрѣ, митрополитъ Максимъ, переселившись во Владиміръ (1299 г.), перемѣстилъ тогдашняго владимірскаго епископа въ Ростовъ, а самъ занялъ епархію владимірскую и „сѣде, по выраженію лѣтописи, во Владимірѣ и въ Суздаль и въ Новгородѣ-Нижнемъ“, принявъ въ свое управленіе и „прочія тамо принадлежащія мѣста“ (Там. стр. 96).

Названаила, котораго потомъ смѣнилъ Даніиль (1349 г.). Оба названные епископа представляются поставленными только въ Суздаль¹⁾; между тѣмъ послѣдующій епископъ Алексѣй (1364 г.) именуется уже „суздальскимъ, новгородскимъ и городецкимъ²⁾“. Въ томъ же году, замѣчено въ Никоновой лѣтописи, митрополитъ Алексѣй „отня епископію новгородскую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексѣя³⁾“. Поступокъ митрополита Алексѣя, необъясненный въ лѣтописи, имѣлъ въ своемъ основаніи политическую подкладку. Этою мѣрою митрополитъ имѣлъ въ виду побудить нижегородскаго князя Бориса Константиновича помириться и подѣлиться вотчиною съ своимъ братомъ Дмитріемъ Константиновичемъ, котораго поддерживалъ руководимый митрополитомъ, четырнадцатилѣтній, московскій князь Дмитрій⁴⁾. Отнятые города и оставались подъ властію митрополитчей каедры до смерти митрополита Алексѣя. Во время бывшихъ, послѣ его смерти, въ русской митрополиі смуть означенные города снова были присоединены къ епископіи суздальской по слѣдующему обстоятельству. Суздальскій епископъ Діонисій,— котораго вел. князь посылалъ въ Царьградъ, по дѣлу о митрополитѣ Пименѣ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ,—представилъ патріарху Нилу, что города Нижній Новгородъ и Городецъ находятся въ предѣлахъ его церкви, состоятъ подъ властію суздальскаго князя и лежатъ близъ Суздаля, но митрополиты русскіе отняли у суздальской епархіи эти города, и просилъ патріарха дать ему грамоту на эти города. Патріархъ, у котораго Діонисій во время своего пребыванія въ Константинополѣ, снискалъ особую расположенность, уважилъ его просьбу и далъ Діонисію грамоту на означенные города съ тѣмъ, чтобы этими городами управляли и послѣдующіе архіереи Суздаля⁵⁾. Когда за тѣмъ на мѣсто Діонисія, поставленнаго митрополитомъ русскимъ, былъ рукоположенъ въ Константинополѣ суздальскимъ епископомъ Евфросинъ изъ архи-

¹⁾ Там. стр. 186. 193. ²⁾ Там. т. IV. стр. 9.

³⁾ Там. стр. 10. ⁴⁾ Соловьевъ, Истор. Росс. т. III. стр. 337—338.

⁵⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 131.

мандритовъ Нижняго Новгорода, проживавшій тамъ съ 1386 г. въ надеждѣ получить суздальскую епископію, и возвратившійся въ 1390 г. въ Россію вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ санѣ архіепископа ¹⁾; то и Евфросину патріархъ Антоній тоже далъ на названные города сѣгиллій (συγίλλιον), въ которомъ Евфросинъ былъ названъ „архіепископомъ суздальскимъ, новгородскимъ и городецкимъ ²⁾“. Сдѣлавшись митрополитомъ всея Россіи, Кипріанъ очевидно не могъ благосклонно смотрѣть на подобное отчужденіе названныхъ городовъ отъ кафедры митрополита; поэтому, отправляя вмѣстѣ съ вел. княземъ Василіемъ Димитріевичемъ въ Константинополь посла Димитрія Аѳинейскаго по дѣламъ новгородскимъ, Кипріанъ отъ своего имени и отъ имени князя послалъ патріарху просьбу и о названныхъ городахъ, чтобы они по прежнему были причислены къ митрополіи. По этому предмету Кипріанъ въ частности писалъ патріарху, что Діонисій несправедливо ходатайствовалъ о причисленіи этихъ городовъ къ суздальской епархіи, на томъ основаніи, что будто бы эти города принадлежали къ предѣламъ этой епархіи; напротивъ они искони и всегда (ἄρρωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς) находились подъ властію и управленіемъ русской митрополіи. Къ этому Кипріанъ прибавлялъ, что Діонисій просилъ у митрополита Алексѣя этихъ городовъ для управленія на правахъ экзарха (ἐξαρχωῦς) и управлялъ ими еще при его жизни; когда же по смерти митрополита Алексѣя, возникли замѣшательства въ русской митрополіи, и не было общаго (καθολικός) митрополита въ Россіи, въ то время Діонисій, воспользовавшись подобными обстоятельствами, присвоилъ означенные города на томъ основаніи, что будто бы они принадлежатъ къ его церкви. Объяснивъ это патріарху, Кипріанъ просилъ его и императора уничтожить подобную несправедливость (ἀδικίαν ταύτην) тѣмъ, чтобы митрополіа снова получила названные города. Разрѣшить просьбу Кипріана и отмѣнить свое прежнее постановленіе по этому предмету патріархъ не могъ, не имѣя подъ руками не-

¹⁾ Карамзинъ, Истор. госуд. Росс. т. V. стр. 147. 149.

²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 137—138.

обходимыхъ данныхъ, въ дѣйствительности подтверждавшихъ права митрополіи, или суздальской епископіи на спорные города. Поэтому, отправляя въ Россію по новгородскимъ дѣламъ вилеемскаго архіепископа Михаила и императорскаго уполномоченнаго Алексѣя Аарона, патріархъ поручилъ имъ произвести изслѣдованіе и по дѣлу о спорныхъ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ и Городцѣ. Посредствомъ этого изслѣдованія посланные должны были удостовѣриться: дѣйствительно ли эти города первоначально принадлежали къ предѣламъ митрополіи, и Діонисій управлялъ ими на правахъ митроличьяго екзарха (ὡς ἑξάρχος), и дѣйствительно ли тотъ же Діонисій говорилъ неправду, утверждая, что названные города принадлежали къ суздальской епархіи, но отняты митрополитомъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости и истинности всего этого, посланные должны были потребовать императорскія и патріаршія грамоты, рассмотреть ихъ въ присутствіи сторонъ: митрополита и суздальскаго архіепископа, также допросить и свидѣтелей, которые будутъ представлены сторонами въ подтвержденіе ихъ претензій. Еслибы по этому разслѣдованію оказалось, что дѣйствительно спорные города принадлежали къ суздальской епархіи, но отняты у нея митрополитомъ; то они и должны были остаться во власти суздальскаго архіепископа, и выданныя ему отъ императора и патріарха на эти города грамоты должны служить основаніемъ и утвержденіемъ его права на нихъ. Еслибы суздальскій епископъ ни документами, ни свидѣтельскими показаніями не могъ доказать принадлежность спорныхъ городовъ къ его епархіи; въ такомъ случаѣ они должны были быть отданы митрополиту съ тѣмъ, чтобы онъ по прежнему управлялъ этими городами, какъ своимъ предѣломъ (ὡς ἐνὸριαν αὐτοῦ); а выданныя суздальскому архіепископу грамоты на владѣніе этими городами должны быть отобраны и возвращены въ Царьградъ. Сверхъ сего посланнымъ въ данной имъ инструкціи было разъяснено, что если и не окажется грамотъ, но они найдутъ, что хотя города эти и принадлежали къ митрополіи, но, вслѣдствіе просьбы, по распоряженію блаженной памяти импе-

ратора, отдѣлены отъ нея и причислены къ епископіи суздальской; въ такомъ случаѣ суздальскій архіепископъ долженъ былъ сохранить свои права надъ этими городами; а митрополитъ, коль скоро онъ пожелаетъ, пусть ищетъ и обращается къ императору съ просьбою о хрисовулѣ, а къ патріарху о сигилліи ¹⁾). Давъ подобную инструкцію уполномоченнымъ, патріархъ писалъ и суздальскому архіепископу Евфросину, чтобы онъ показалъ посланнымъ полученныя имъ и его предшественникомъ Діонисіемъ отъ императора и патріарха грамоты на спорные города, и представилъ въ подтвержденіе своихъ правъ другія, документальныя доказательства, или свидѣтельства хорошихъ и благочестивыхъ старцевъ ²⁾). Неизвѣстно, было ли произведено подобное изслѣдованіе, по прибытіи въ Россію посланныхъ изъ Константинополя; вѣроятно же будетъ допустить, что въ этомъ изслѣдованіи не оказалось надобности послѣ того, какъ вел. князь Василій Димитріевичъ успѣлъ по ханскому ярлыку „промыслить“ себѣ нижегородское княжество ³⁾ и, слѣдовательно, распорядиться спорными городами по желанію митрополита. По крайней мѣрѣ съ 1394 г. суздальскіе владыки не называются уже „нижегородскими и городецкими ⁴⁾“. Разсказанный фактъ во всякомъ случаѣ представляетъ собою наглядный образчикъ дѣйствій константинопольскаго патріарха по спорнымъ дѣламъ русскихъ митрополитовъ съ ихъ епископами.

Какъ поступалъ констант. патріархъ въ судебныхъ дѣлахъ относительно русскихъ митрополитовъ, такъ дѣйствовалъ онъ и по отношенію къ литовскимъ и западно-русскимъ. Разсказанные случаи примѣненія судебной власти константинопольскаго патріарха, хотя относятся преимущественно къ все-
 • російскимъ митрополитамъ и принадлежать тому періоду времени, когда русская церковь еще не распалась окончательно на двѣ митрополіи; однако въ этихъ случаяхъ встрѣчались имена и литовскихъ митрополитовъ, въ качествѣ под-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 196—197. ²⁾ Act. Patr. t. II. pag. 193—194.

³⁾ Соловьевъ. Истор. Росс. т. IV. стр. 1—2.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. стр. 48. Макарія, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 111.

судимыхъ предъ патриаршимъ престоломъ. Вслѣдствіе сего, признавая вопросъ о судебной власти конст. патриарха и его синода по отношенію къ русскимъ митрополитамъ въ періодъ зависимости ихъ отъ конст. патриарха, фактически исчерпаннымъ, мы должны присвокупить случаи патриаршаго суда надъ западно-русскими митрополитами, продолжавшими находиться въ подчиненіи конст. патриарху. Мы выше упоминали, что поставленный въ 1578 г. западно-русскимъ митрополитомъ, Онисифоръ, по прозванію Дѣвочій, или Дѣвочка, оказался избраннымъ изъ двоеженцевъ; прибывшій въ 1588—89 г. въ Россію для сбора милостыни патриархъ Іеремія II, узнавъ объ этомъ обстоятельстве, рѣшилъ низложить Онисифора на основаніи 17 апост. правила, но сдѣлалъ это не иначе, какъ предварительно испросивъ согласія польскаго короля Сигизмунда III ¹⁾. Когда преемникъ Онисифора, Михаилъ Рагоза оказался нерадѣтельнымъ о благѣ западно русской церкви, въ то время патриархъ Іеремія прислалъ ему грамоту, въ которой подвергалъ его временному запрещенію. Когда же Рагоза началъ замышлять о принятіи Уніи, въ то время тотъ же патриархъ прислалъ ему окружную грамоту, въ которой угрожалъ митрополиту изверженіемъ изъ сана и отлученіемъ отъ церкви, если онъ самымъ дѣломъ измѣнитъ православію. Угроза патриарха не произвела желательнаго дѣйствія, и Рагоза открыто принялъ унію на брестскомъ соборѣ (1594 г.) ²⁾.

Право поставленія и суда, которымъ пользовался конст. патриархъ по отношенію къ русскимъ митрополитамъ какъ не обнимало всѣхъ сторонъ зависимости митрополитовъ отъ патриарха, такъ и не исчерпывало всѣхъ обнаруженій власти конст. патриарха надъ русскими митрополитами. Если вообще

¹⁾ Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 123. По другимъ свѣденіямъ Онисифоръ самъ оставилъ кафедру. (А. З. Р. т. IV. № 19. прим.) Сторонники Уніи, объявляя дѣйствительную причину низложенія Онисифора неизвѣстною, гадательно предполагаютъ, что онъ пострадалъ за то, что отказался дать Іереміи денегъ, которыхъ тотъ требовалъ въ излишнемъ количествѣ (Терновскій, Изуч. визан. ист. II. стр. 242).

²⁾ Кояловичъ, Лит. Унія. т. I. III. Евгений, стр. 130—131. Сторонники Уніи и поводъ къ этой угрозѣ со стороны патриарха полагаютъ въ томъ же отказѣ Рагозы дать патриарху денегъ (Терновскій, стр. 246).

митрополиты, самостоятельно управляя подчиненными имъ областями, находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчиненности къ патріарху; то и русскіе митрополиты, управляя русскою церковію, считавшеюся одною изъ епархій конст. патріархата, на общихъ основаніяхъ митрополичьихъ правъ, также должны были находиться въ извѣстныхъ отношеніяхъ зависимости отъ конст. патріарха. Въ грамотѣ патріарха Филоея и его синода о поставленіи св. Алексѣя митрополитомъ такъ изображено отношеніе русскаго митрополита къ патріарху и его синоду. Обязывая всѣхъ: князей, духовенство и мірянъ оказывать повиновеніе и послушаніе митрополиту, какъ своему духовному отцу, учителю и пастырю, и уполномочивая самого митрополита совершать всѣ священныя, архіерейскія дѣйствія, грамота прибавляетъ: „божественные и священныя каноны повелѣваютъ, чтобы онъ, по долгу подчиненности (κατὰ τὸ χρέος τῆς ὑποταγῆς αὐτοῦ) св. Божіей католической и апостольской церкви и по установленію ихъ (κατὰ τὴν τοῦτων διατάξιν), являлся для необходимыхъ дѣлъ (ἀναγκαιῶς ἔχει); между тѣмъ онъ находитъ неудобнымъ, по дальности разстоянія и затруднительности путешествія, ежегодно приходитъ сюда; вслѣдствіе сего опредѣляемъ, чтобы онъ приходилъ сюда чрезъ два года (κατὰ δύο χρόνους), когда представится надобность, для исполненія того же лежащаго на немъ долга и для исправленія открывающихся, церковныхъ необходимыхъ нуждъ, также и разрѣшенія возникающихъ по всей его области, необходимыхъ вопросовъ. Если же онъ, быть можетъ, или по причинѣ какой либо болѣзни, или другаго препятствія не въ состояніи будетъ самъ лично явиться въ нашъ священный и божественный синодъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ избрать и прислать сюда тѣхъ изъ своего клира, кого признаетъ способнымъ, и извѣстить посредствомъ письменныхъ и обстоятельныхъ донесеній о возникшихъ вопросахъ, чтобы они получили здѣсь, по благодати Божіей, надлежащее рѣшеніе и исправленіе для большей ихъ твердости и благонадежности“¹⁾. Изъ этого опредѣ-

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 339.

ленія синодальной грамоты видно, что русскій митрополитъ, относительно управленія имъ русскою церковію, долженъ былъ находиться въ самыхъ строгихъ отношеніяхъ подчиненности къ конст. патріарху и его синоду. Такъ, по мысли приведеннаго опредѣленія, русскій митрополитъ обязывался являться къ патріарху для присутствования въ патріаршемъ синодѣ. Акты константинопольскаго патріархата представляютъ дѣйствительные примѣры присутствія русскихъ митрополитовъ въ собраніяхъ патріаршаго синода ¹⁾; но изъ этихъ примѣровъ скорѣе должно заключить, что русскіе митрополиты являются присутствующими въ патріаршемъ синодѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они по какимъ либо обстоятельствамъ случались въ Константинополѣ, большею же частію въ то время, когда они, получивъ рукоположеніе, готовились отправиться въ Россію на свою кафедру. Далѣе, по мысли того же опредѣленія патріаршаго синода, русскій митрополитъ долженъ былъ или самъ путешествовать, или посылать довѣренныхъ съ письменными донесеніями о всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ, возбуждавшихъ недоумѣнія и требовавшихъ разрѣшенія патріарха и его синода. Послѣдній способъ сношеній русскихъ митрополитовъ съ константинопольскими патріархами по дѣламъ и вопросамъ церковнымъ слѣдуетъ признать самымъ обычнымъ. Патріархъ Филофей, изъ синодальной грамоты котораго мы привели разсматриваемое опредѣленіе, въ своемъ письмѣ къ митрополиту Алексію (1370 г.) писалъ: „изъ писемъ твоего преосвященства, которыя принесены нашей мѣрности, и отъ твоего челоувѣка Аввакума, который принесъ ихъ, я узналъ все, о чемъ ты пишешь и доносишь; ты поступилъ хорошо, приславъ сюда письменныя донесенія и твоего челоувѣка, какъ надлежитъ дѣлать и всѣмъ архіереямъ; ибо преосвященство твое тщательно помнитъ о существующемъ на сей предметъ, каноническомъ опредѣленіи и предписаніи, чтобы т. е. всѣ мѣстные архіереи или сами являлись къ патріарху и къ божественному и священному синоду, или, когда не найдутъ этого удобнымъ, присылали

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 130. 132. 133. 135. Σύνταξι. t. V. pag. 60. Migne, t. CXI. pag. 152.

грамоты и людей и доносили и спрашивали о чемъ нужно. Сначала священные и божественные каноны повелѣвали нашимъ архіереямъ приходить сюда два раза въ годъ (δὲς τοῦ χρῶ-
 νοῦ), потомъ нѣкоторые изъ св. архіереевъ, собравшись, въ виду
 отдаленности разстоянія и человѣческой немощи, постановили
 собираться однажды въ годъ. Посему я одобрилъ твое преосвя-
 щенство и похвалилъ тебя за то, что ты поступилъ такъ, какъ
 надлежало; лучше же приходи самъ, когда найдешь это удоб-
 нымъ; если же нѣтъ, пиши и доноси и спрашивай о чемъ
 нужно: о церковныхъ вопросахъ, о гражданскихъ дѣлахъ, о
 всемъ, о чемъ угодно и пожелаешь знать¹⁾. Пиша такъ, пат-
 ріархъ какъ выражалъ общую мысль о необходимости постоян-
 ныхъ сношеній русскихъ митрополитовъ съ константинополь-
 скимъ престоломъ, такъ и одобрялъ въ частности поведеніе мит-
 рополита Алексѣя, который на этотъ разъ обращался къ пат-
 ріарху съ посланнымъ и съ донесеніемъ о нужныхъ дѣлахъ²⁾.
 Находясь въ сношеніяхъ съ патріархомъ и получая отъ нихъ
 нужныя разрѣшенія своихъ недоумѣній³⁾, русскіе митрополиты
 состояли въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха
 и въ другихъ отношеніяхъ, подобно прочимъ митрополитамъ
 константинопольскаго патріархата. Чтобы безошибочнѣе по-
 нимать эту зависимость, необходимо разъяснить, что въ то
 время, какъ всероссійскіе и литовскіе митрополиты, бывшіе
 до окончательнаго раздѣленія русской церкви на двѣ митро-
 поліи, и получавшіе свое поставленіе въ Константинополѣ, дѣй-
 ствительно находились въ самыхъ живыхъ и постоянныхъ сно-
 шеніяхъ съ патріархомъ, западно-русскіе митрополиты, бывшіе

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 518—519.

²⁾ Захарія Копыстенскій въ своей „Паллиодіи“ о каждомъ изъ этихъ митрополитовъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ благословеніе отъ современнаго ему конст. патріарха и въ послушенствѣ патріаршемъ пребывалъ (Терновскій, Изуч. визан. ист. II. стр. 295—242).

³⁾ Act. Patr. t. I. pag. 191, гдѣ содержится отвѣтъ патріарха Іоанна XIV (1339 г.) русскому митрополиту (Θεογносту), спрашивавшему патріарха о мощахъ умершаго митрополита (св. Петра) (Макарій, Ист. русск. церк. т. V. стр. 252—253). П. С. Л. т. II. стр. 350, гдѣ упоминается о листѣ патр. Пахомія къ западно-русскому митрополиту Симеону.

по отдѣленіи западно-русской митрополіи, хотя получали отъ константинопольскихъ патріарховъ благословеніе на свое поставленіе и продолжали состоять въ ихъ зависимости¹⁾; но какъ патріаршее благословеніе на поставленіе, такъ и эта зависимость были скорѣе только напоминаніемъ отношеній всероссійскихъ митрополитовъ къ патріарху и не имѣли ихъ послѣдствій. О значеніи патріаршаго благословенія составитель „Иконы“ пишетъ: „и сіи митрополиты (рѣчь о Болобанѣ и Тукальскомъ) и иніи митрополитію власть пріимали обраніемъ людей духовныхъ и мірскихъ и по благословеніе на то посылали въ Царьградъ ко вселенскимъ патріархамъ, и патріархи избраннаго благословляютъ заочно, и посылаютъ избранному митрополиту кievскому саккосъ и жезлъ архіерейскій; и сами митрополиты сіи и иніи нѣдци въ Царьградъ не ѣздили къ патріархамъ“²⁾. Равнымъ образомъ и о сношеніяхъ съ константинопольскимъ патріархомъ іерусалимскій патріархъ Досифей (1578 г.) писалъ: „престоль константиноградскій не имать вѣсти о иже вамъ случающихся нынѣ отъ нѣкихъ, и подобаше, егда имате таковая стропотничества, да посылаете человѣка, да даетъ знаніе“³⁾. Политическія замѣшательства и религіозныя смуты, волновавшія западно-русскій край, мѣшали правильности сношеній православныхъ съ Константинополемъ. Равнымъ образомъ польскіе короли, повидимому содѣйствовавшіе восточнымъ патріархамъ въ благоустройствѣ дѣль юго-западной, православной церкви⁴⁾,

¹⁾ Митрополитъ доносилъ патріарху о наложенномъ имъ запрещеніи на русскихъ князей за то, что они измѣнили данной ими вел. князю клятвѣ—воевать противъ Литвы.

²⁾ Икона, или изображеніе... церкви всероссійскія патріарша престола... приключающихся дѣль, сборникъ официальныхъ документовъ, относящихся къ патріаршеству Іоакима и Адріана. изд. въ V т. 1 ч. Архива юго-запад. Россіи.

³⁾ Там. стр. 30.

⁴⁾ Въ этомъ отношеніи довольно указать на то, что короли безпрепятственно давали патріархамъ листы на проѣздъ въ юго-западную Россію, предписывая въ этихъ листахъ и въ особыхъ грамотахъ своимъ начальникамъ и подданнымъ оказывать патріархамъ содѣйствіе и послушаніе (А. З. Р. т. IV. А. З. и Ю. Р. т. I. № 191. т. II. № 157. Евгений, Опис. Кіевософ. соб. стр. 155).

въ дѣйствительности всегда были противъ ея преслѣванія ¹⁾. И сами западно-русскіе православные, если продолжали оставаться подъ властію константинопольскаго патріарха и не поддавались подъ власть московскаго, то прежде всего потому, что, отдавая предпочтеніе власти перваго, они сознавали, что зависимость отъ нея болѣе номинальна, чѣмъ дѣйствительна, и что вообще значеніе этой власти не можетъ быть такъ стѣснительно, какъ вліяніе сосѣдняго патріарха, поддерживаемаго сильнымъ московскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе сего, хотя западно-русскіе митрополиты гораздо долѣе оставались подъ зависимостію константинопольскаго патріарха, однако въ сношеніяхъ ихъ съ патріархомъ не усматривается той живости ²⁾, которая отличала отношенія вообще русскихъ митрополитовъ. Это доказываетъ отчасти самый фактъ существованія патріаршихъ экзарховъ въ западной Россіи, которыхъ патріархи то присылали изъ константинопольскаго клира, то назначали изъ лицъ западно-русскаго духовенства. Этихъ экзарховъ патріархи снабжали особыми полномочіями для возстановленія и поддержанія церковной дисциплины въ краѣ и для всего церковнаго управленія, и предоставляли имъ, какъ своимъ намѣстникамъ, дѣйствовать патріаршимъ именемъ ¹⁾. Подобныхъ экзарховъ вовсе

¹⁾ Сигизмундъ III по политическимъ подозрѣніямъ далъ универсалъ по всему государству о томъ, чтобы переловить и предать суду всѣхъ православныхъ іерарховъ, поставленныхъ патріархомъ Теофаномъ (Вѣст. юго-запад. Росс. 18⁹⁹/00, г. кн. 6. отд. I. стр. 27—29).

²⁾ Изъ всѣхъ западно-русскихъ митрополитовъ, получавшихъ отъ патріарха благословеніе на поставленіе и пребывавшихъ въ „послушенствѣ“ ему, Захарія Копыстенскій только объ одномъ Сяеонѣ (1477—1482 г.) замѣтилъ, что патріархъ Максимъ сносился съ нимъ письменно (Терновскій, т. II. стр. 236).

³⁾ Такъ, въ грамотѣ патр. Іеремія (1589 г) съ извѣстіемъ о посвященіи Кирилла Терлецкаго епископомъ лудскимъ и о пожалованіи ему званія патріаршаго экзарха, о возложенномъ на него полномочіи, сказано: „дали есьмо ему старшину надъ всѣми епископы, то есть экзаршество, врьдъ старшій въ духовныхъ справахъ, имъ же онъ имать всѣхъ епископовъ исправляти и порядку всякаго между ними досмотряти и напоминати, а негодныхъ и нергати, яко нашъ намѣстникъ“ (А. З. Р. т. IV. № 21). По другой редакціи того же полномочія Терлецкій назначался быть „экзархомъ, еже есть зовомо латинскимъ языкомъ кардиналъ съ тѣмъ, чтобы паства стада Хри-

не знала восточно-русская церковь¹⁾, въ которой сами митрополиты всегда признавались патріаршими намѣстниками. Патріархъ Филоеѳъ такъ выражалъ эту мысль въ письмѣ (1380 г.) къ вел. кн. Дмитрію Іоанновичу: „какъ я, будучи общимъ, свѣше отъ Бога поставленнымъ отцомъ христіанъ, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ земли, по долгу обязанъ и всегда пекусь и забочусь о спасеніи ихъ и предстательствую за нихъ предъ Богомъ... такъ и поставленный мною митрополитъ носить образъ Божій и вмѣсто меня находится среди васъ, такъ что всякій, повинувшійся и оказывающій ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности; такъ какъ оказываемая ему честь переходитъ на меня, а чрезъ меня непосредственно (восходитъ) къ самому Богу“²⁾. Взглядъ патріарха на русскаго митрополита, какъ на своего намѣстника, составлялъ руководственное начало отношеній перваго къ послѣднему.

Этотъ взглядъ патріархи выражали и въ ставленныхъ, или настольныхъ грамотахъ, которыми они снабжали русскихъ митрополитовъ при поставленіи, или утвержденіи ихъ въ своемъ санѣ. Предоставляя митрополитамъ совершать всѣ священныя архіерейскія дѣйствія въ порученномъ ихъ управленію предѣлѣ,

стова размножалася, а лѣнныя пастыри были къ славословію Божию побуждаемы и доброму строенію церковному навывкали... и чинъ церковный благолѣпно и всякими благими нравами украшали, а не брегущихъ и студныхъ и безчинныхъ и подкрѣплати и властію нашею запрещати и съ достоинства церковнаго, съ чиновъ ихъ низлагати“ (Арх. юго-запад. Росс. ч. I. т. I. № 60). Назначеніе подобныхъ экзарховъ, при существованіи на лицо митрополитовъ, естественно говорить о нѣкоторомъ разобщеніи патріарха съ митрополитами и даже о недоверіи перваго къ послѣднему.

¹⁾ Прибытіе въ Россію съ митрополитомъ Алексѣемъ канстрвизія великой церкви и скевофлакса императорскаго кляра, Георгія Пердика, въ качествѣ патріаршаго экзарха, не можетъ быть поставлено въ параллель съ существовавшими въ западной Россіи экзархами. Дѣло въ томъ, что Пердика, какъ патріаршій экзархъ, имѣлъ своимъ назначеніемъ то, чтобы посадить Алексѣя на каедрѣ Кіева и всей Россіи, также примирить съ нимъ новгородцевъ (Act. Patr. t. I. pag. 349); между тѣмъ патріаршіе экзархи въ западной Россіи пользовались самыми широкими полномочіями по всѣмъ частямъ церковнаго управленія, какъ намѣстники патріарха.

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 516—517. Подобныя же мысли, но съ большею опредѣленностію патріархъ раскрывалъ и въ письмѣ къ русскимъ князьямъ (Ibid. pag. 521).

патріархи обязывали въ этихъ грамотахъ всѣхъ оказывать митрополиту должное почтеніе и повиновеніе и признавать его духовнымъ отцомъ, учителемъ и пастыремъ ¹⁾. Внушая всѣмъ повиновеніе и послушаніе къ митрополитамъ, патріархи и самымъ дѣломъ старались ограждать ихъ права, когда требовали того обстоятельства. Такъ мы видѣли, какъ патріархи Каллисть и Филоеѣй поддерживали сторону митрополита Алексѣя въ его несогласіяхъ съ литовскимъ и тверскимъ князьями, патріархъ Филоеѣй—сторону Алексѣя и Кипріяна въ спорахъ съ новгородцами. Въ дополненіе къ сказанному прибавимъ слѣдующій, замѣчательный фактъ. Митрополитъ Алексѣй, поддерживая московскаго князя Дмитрія Іоанновича, предалъ церковному отлученію и анаемѣ другихъ русскихъ князей за то, что они, заключивъ съ названнымъ княземъ клятвенный договоръ воевать противъ литовцевъ, какъ огнепоклонниковъ и враговъ православной вѣры, не только не сдержали своей клятвы, но и измѣнили московскому князю, предавшись на сторону Ольгерда ¹⁾. Подобное обстоятельство естественно должно было раздражить наказанныхъ князей противъ митрополита и угрожать ему непріятностями. Поэтому митрополитъ и вел. князь, какъ бы предупреждая замыслы князей, поторопились донести обо всемъ этомъ патріарху, какъ высшему судіи дѣйствій митрополита. Патріархъ Филоеѣй одобрилъ распоряженія послѣдняго, и въ этомъ смыслѣ написалъ князьямъ особыя письма, въ которыхъ убѣждалъ ихъ покориться митрополиту и исполнить данное ими вел. князю обязательство—сразиться противъ Литвы; патріархъ также писалъ, что онъ разрѣшитъ ихъ и сниметъ съ нихъ наложенное отлученіе только въ томъ случаѣ, когда они пойдутъ и падутъ къ стопамъ митрополита, и послѣдній увѣдомитъ патріарха, что они искренно и чистосердечно раскаются въ своемъ поступкѣ ²⁾. Какъ поступилъ патріархъ

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 389. 427. 579. А. И. т. I. № 254. А. З. Р. т. V. № 71.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 50.

³⁾ Патріархъ писалъ три письма: одно къ смоленскому князю Святославу, которому раскрывалъ предосудительность его поступка и тяжесть наложен-

въ настоящемъ случаѣ, такъ дѣйствовалъ онъ и въ другихъ, ограждая преимущества власти митрополита. Въ подобномъ огражденіи сказывалось естественное поддержаніе высшею властію законности правъ и распоряженій низшей, а отнюдь не стремленіе придать особый авторитетъ власти русскаго митрополита и возвысить его значеніе въ ряду другихъ митрополитовъ патріархата. Въ этомъ отношеніи русскіе митрополиты не пользовались особыми, внѣшними отличіями со стороны константинопольскихъ патріарховъ. Правда, императоръ Іоаннъ Кантакузень въ своемъ письмѣ къ митрополиту Теогносту называлъ его „препочтеннымъ и экзархомъ всея Россіи“ (*ὀπέρτις τε καὶ ἑξάρχη πάσης Ρωσίας*)¹⁾—титломъ, принадлежавшимъ только нѣкоторымъ изъ митрополитовъ конст. патріархата²⁾; равнымъ образомъ послѣдніе изъ западно-русскихъ митрополитовъ именованаго на него митрополитомъ церковнаго наказанія; другое—къ прочимъ князьямъ съ утвержденіемъ наложеннаго на нихъ запрещенія, и третье—къ тѣмъ же лицамъ съ увѣщаніемъ питать полное уваженіе и почтеніе къ митрополиту (Act. Patr. t. I. pag. 320—322, 323—325). Въ послѣднемъ письмѣ патріархъ писалъ: „Итакъ вы, будучи искренними сынами церкви Божіей и питая въ душѣ правую вѣру въ Бога и благочестіе, должны оказывать послушаніе вашему отцу и пастырю и учителю, котораго Богъ даровалъ вамъ чрезъ насъ и чтить его, какъ меня, а слова его принимать за глаголы Божіи. Если такимъ образомъ будете поступать и такъ благоговѣть къ церкви Божіей и къ самому священнѣйшему митрополиту вашему, то примите воздаяніе прежде въ семь вѣкѣ, стяжавъ Бога спосѣбникомъ и помощникомъ во всѣхъ нуждахъ, который даруетъ вамъ преспѣваніе власти, и долготу жизни и успѣхъ въ дѣлахъ и наслажденіе всѣхъ благъ и жизнь безпечальную и вождельное тѣлесное здравіе, а въ будущемъ—царство небесное, наслѣдіе и наслажденіе благъ вѣчныхъ; отъ нашей же мѣрности получите многую и великую похвалу и благодарность и предстательство предъ Богомъ“ (Ibid. 321—322). Съ означенными письмами въ русскомъ переводѣ можно ознакомиться въ Истор. русс. церк. пресов. Мазарія (т. IV. прил. № XII. стр. 329—333).

¹⁾ Act. Patr. t. I. pag. 261.

²⁾ Георгій Кодиень въ своемъ каталогѣ митрополій конст. патріархата раздѣляетъ всѣхъ митрополитовъ на два класса: 1) *ἑξάρχου καὶ ὀπέρτις* и 2) *ὀπέρτις*. Къ первому классу отнесены Кодиенью только 33 митрополита, изъ коихъ кесарійскій митрополитъ названъ: *ὀπέρτις τῶν ὀπέρτις καὶ ἑξάρχος πάσης πόλεως*. Въ числѣ этихъ 33 митрополитовъ Кодиень не помѣстилъ имени русскаго митрополита, давая тѣмъ понять, что и катедра его не относилась къ числу почетнѣйшихъ. Митрополиты втораго класса, по словамъ Кодиеня, „*ὀπέρτις μόνον γράφονται*“ (Codin. pag. 349—350).

лись и подписывались: „митрополитами кievскими, галицкими и всея Россіи, экзархами константинопольскаго престола“ ¹⁾). Какъ первымъ титуломъ императоръ только почтилъ русскаго митрополита въ своемъ обращеніи къ нему; такъ употребленіе послѣдняго западно-русскими митрополитами указывало только на то, что они суть намѣстники патріарха въ своемъ округѣ. Сами конст. патріархи именовали русскихъ митрополитовъ только препеночтенными (ὀβέρτιστοι) ²⁾, общимъ титуломъ греческихъ митрополитовъ. Словомъ, какъ каеэдра русскихъ митрополитовъ не причислялась къ почетнѣйшимъ въ ряду митрополій конст. патріархата ³⁾; такъ соотвѣтственно этому и русскіе митрополиты, присутствуя на патріаршихъ синодахъ, занимали мѣста среди простыхъ митрополитовъ ⁴⁾.

Опредѣляя съ точки зрѣнія изложенныхъ фактовъ общій характеръ зависимости русскихъ митрополитовъ отъ константинопольскаго патріарха и отношенія послѣдняго къ первымъ, необходимо придти къ слѣдующему заключенію. Русскіе митрополиты, принимая поставленіе отъ константинопольскаго патріарха и подлежа его суду, находились въ зависимости отъ не-

¹⁾ Первымъ изъ западно-русскихъ митрополитовъ началъ именоваться этимъ титуломъ Петръ Могила, который еще въ званіи архимандрита Киево-печерской лавры былъ пожалованъ (1629 г.) званіемъ экзарха константинопольскаго патріаршаго престола отъ патр. Кирилла Лукариса. Могила удержалъ это титуло и по возведеніи его въ санъ западно-русскаго митрополита. По примѣру Могилы украшались этимъ титуломъ и послѣдующіе, православные, западно-русскіе митрополиты, до подчиненія ихъ московскому патріарху (Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 167. 179. 185. 201. Арх. югов. Росс. ч. I. т. V. № XXII).

²⁾ Act. Patr. t. I. pag. 271. 320. 434. 518.

³⁾ По однимъ редакціямъ списковъ постановленія Льва Философа русская митрополія почислена на 60, по другимъ на 61 мѣстѣ; въ спискѣ же митрополій Андроника Палеолога митрополія великой Россіи поставлена на 70 мѣстѣ, и при этомъ замѣчено, что она низведена на это мѣсто, а митрополія литовская на 81 (Σύνταξι. t. V. pag. 474. 493. Codini, de offic. curiae et eccles. Const. pag. 326. 346). Эти указанія говорятъ не въ пользу личнаго преимуществва русскихъ митрополитовъ и ихъ каеэдры.

⁴⁾ Такъ, напр., Киприанъ, уже признанный митрополитомъ всея Россіи (Act. Patr. t. II. pag. 116—129), присутствуя на патріаршихъ синодахъ (1389 г.), занималъ мѣста между серрскимъ и варнскимъ (Ibid. pag. 130. 133. 135) митрополитами, отнесенными у Кодица ко второму классу (pag. 350. 351).

го относительно вообще управленія ввѣреннымъ имъ предѣломъ. Но эта зависимость какъ не лишала русскихъ митрополитовъ самостоятельнаго образа дѣйствованія въ управленіи своимъ предѣломъ на общихъ основаніяхъ митрополичьихъ правъ; такъ не давала и константинопольскому патріарху права вмѣшиваться въ правильныя распоряженія русскихъ митрополитовъ и стѣснять ихъ дѣятельность. Таже зависимость, принимая характеръ подчиненія низшаго авторитета высшему, служила къ большому утверженію собственныхъ дѣйствій митрополитовъ и ограждала ихъ до нѣкоторой степени отъ произвола княжеской власти. При всемъ томъ, эта зависимость, какъ открывавшая возможность вмѣшательства посторонней власти въ дѣла и отношенія русской церкви, не могла нравиться ни князьямъ, ни самимъ митрополитамъ; тѣмъ болѣе, что константинопольскіе патріархи, преслѣдуя свои цѣли относительно русской церкви, могли расходиться съ желаніями князей, митрополитовъ и съ общими интересами русскаго народа. Отсюда естественно желаніе, чтобы или совсѣмъ освободиться отъ этой зависимости, или сдѣлать ее по возможности малодѣйствительною. Этимъ и объясняется то, почти однозначущее, стремленіе въ восточной и западной Россіи, которое привело первую къ дѣйствительному освобожденію отъ зависимости константинопольскаго патріарха, оставивъ послѣднюю въ болѣе номинальномъ, чѣмъ дѣйствительномъ подчиненіи ему. Продолжавшіе оставаться въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха западно-русскіе митрополиты не прерывали ея, съ одной стороны, потому, что находили въ ней нѣкоторую опору для противодѣйствія вліянію Рима и подготовляемой имъ уніи, съ другой—потому, что таже зависимость, связывая ихъ съ общимъ средоточіемъ православно-церковной власти, сообщала имъ болѣе широкій авторитетъ въ глазахъ православнаго западно-русскаго населенія и въ особенности была желательна для послѣдняго.

ГЛАВА IX.

Участіе константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви.

Пользуясь извѣстными правами административной и судебной власти надъ предстоятелями русской церкви, конст. патріархи и одни лично и съ своимъ синодомъ принимали дѣятельное участіе въ ея судьбѣ. Это участіе, служа дальнѣйшимъ обнаруженіемъ власти конст. патріарха надъ русскою церковью, какъ надъ одною изъ подчиненныхъ его престолу епархій, могло касаться уже всѣхъ сторонъ церковнаго управленія и клонилось къ общему благоустройству существованія русской церкви. Въ этомъ случаѣ конст. патріархи входили въ сношеніе уже не съ одними предстоятелями и дѣйствовали не въ исключительныхъ ихъ интересахъ, напротивъ, преслѣдуя благо всей церкви, они старались вліять на всѣхъ ея членовъ, поддерживать и насаждать общій порядокъ церковнаго строя. Подобное участіе конст. патріарха должно было обнаруживаться по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстные органы управленія и мѣстные средства русской церкви оказывались недѣйствительными и недостаточными для исправленія и прекращенія возникшихъ въ ней безпорядковъ и нестроеній. Многое для полного представленія этаго участія должно быть извлечено изъ сказаннаго въ предшествующихъ главахъ; поэтому мы ограничимся здѣсь изложеніемъ фактовъ, которые говорятъ объ участіи константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви, именно въ видахъ насажденія и утвержденія въ ней церковныхъ порядковъ и дисциплины.

Здѣсь могла бы быть рѣчь о томъ участіи, которое константинопольскіе патріархи принимали вообще въ дѣлѣ насажденія въ

Россіи христіанской церкви и заведенія всего церковнаго чина. Извѣстно, что изъ Византіи, нерѣдко при непосредственномъ участіи ея іерарха, русская церковь мало по малу получала все необходимое для своего дальнѣйшаго существованія и благоустройства, какъ то: пастырей, учителей и весь церковный чинъ. Но изображеніе этой стороны предмета, какъ и вообще вопросъ о церковномъ вліяніи Византіи на Русь, представляя глубокой и поучительный интересъ, принадлежать всецѣло исторіи и не касаются изслѣдуемаго нами предмета. Поэтому, обходя согласно нашей задачѣ эти вопросы, мы останавливаемся на моментахъ церковно-административнаго свойства.

Въ этомъ отношеніи, при изображеніи участія константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви, слѣдуетъ указать на то, что константинопольскій патріархъ, избирая и поставляя для Россіи митрополитовъ, нерѣдко избиралъ и поставлялъ и русскихъ епископовъ какъ изъ грековъ, приходившихъ изъ Константинополя, такъ и изъ русскихъ бывавшихъ въ Константинополѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархи сами иногда удостоивали русскихъ епископовъ особыхъ отличій и преимуществъ. Такъ мы видѣли, что патріархъ Филовей далъ новгородскому архіепископу Моисею право носить кресчатую фелонь; патріархъ Ниль въ свою очередь удостоилъ суздальскаго епископа Діонисія сана архіепископа съ тѣмъ, чтобы суздальская каеэдра считалась послѣ новгородской и была второю среди епископій русской митрополіи¹⁾. Подобнымъ же преимуществомъ былъ почтенъ отъ константинопольскаго патріарха и Феодоръ, епископъ ростовскій²⁾. Патріархъ Іеремія II почтилъ титуломъ патріаршаго екзарха Кирилла Терлецкаго, предоставивъ ему право особаго надзора и наблюденія за церковнымъ порядкомъ и дисциплиною³⁾. Патріархъ александрійскій и вмѣстѣ константинопольскій Мелентій далъ львовскому епископу Гедвону Болобану тотъ же титулъ съ правомъ, вмѣсто отступившихъ въ унию митрополита и епископовъ поставить новыхъ и устроить право-

¹⁾ П. С. Л. т. VШ. 48. А. И. т. I. № 251. ²⁾ Ник. лѣт. т. IV. 131.

³⁾ А. З. Р. т. IV. № 21. Арх. югов. Росс. т. V. № 60.

славный церковный чинъ въ юго-западной Россіи ¹⁾; Патріархъ Кирплль Лукарисъ пожаловалъ Петра Могилу, еще въ званіи кіевопечерскаго архимандрита, титуломъ „экзарха константинопольскаго патріаршаго престола“, которое Могилу удерживалъ и при санѣ митрополита, а по его примѣру украшались тѣмъ же титуломъ и его преемники, послѣдующіе, православные, западно-русскіе митрополиты ²⁾. Эти факты, прежде всего говоря о начальственномъ значеніи константинопольскаго патріарха для русской церкви, уже предполагаютъ близкое его участіе въ дѣлахъ послѣдней, особенно въ случаяхъ церковныхъ нестроений.

Первый по времени опытъ подобнаго участія имѣлъ мѣсто во второй половинѣ XII вѣка, по случаю споровъ о постѣ въ среду и пятокъ. Въ 1157 г. ростовцы изгнали отъ себя своего епископа Нестора за то, что онъ не позволялъ имъ разрѣшать постъ въ среду и пятокъ ради господскихъ праздниковъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія. Противникомъ Нестору въ его мнѣніи явился покровительствуемый тогдашнимъ, владимірскимъ княземъ, Андреемъ Боголюбскимъ, нѣкто Θεодоръ, или Θεодорець, бѣлый клобучекъ, племянникъ по сестрѣ тогдашняго, смоленскаго епископа, Мануила. Этотъ, наоборотъ, утверждалъ, что слѣдуетъ разрѣшать постъ въ среды и пятки не только ради всѣхъ господскихъ праздниковъ, но и ради праздниковъ „нарочитыхъ“ святыхъ и въ теченіе всей пятидесятницы ³⁾. Изгнанный Несторъ удалился въ Кіевъ, гдѣ и былъ оправданъ (1161 г.) только что прибывшимъ въ Россію, новымъ митрополитомъ, Θεодоромъ. Оправданный, однако, не могъ возвратиться на свою кафедру; такъ какъ владимірскій князь тоже былъ не расположенъ къ нему, и желалъ видѣть на этой кафедрѣ своего любимца, названнаго Θεодора. Поэтому какъ Боголюбскій отправилъ своего посла Якова Станиславича въ Константинополь; такъ и Несторъ предпочелъ пойти туда же вмѣстѣ съ посломъ митрополита. Боголюбскій, какъ мы уже

¹⁾ Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 144.

²⁾ Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 167.

³⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. III. стр. 105—109.

видѣли, главнымъ образомъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы отдѣлить свой престольный городъ, Владиміръ, отъ ростовской епархіи и учредить въ немъ особую каѳедру русской митрополіи; но ходатайствуя объ этомъ, Боголюбскій жаловался и на Нестора, чтобы устранить его отъ ростовской каѳедры, и обвинялъ его въ разныхъ преступленіяхъ. Патріархъ Лука Хрисовергъ, отклонивъ, какъ мы видѣли, ходатайство Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ, писалъ князю и о Несторѣ и о постѣ. По дѣлу Нестора патріархъ отвѣчалъ Боголюбскому, что онъ неоднократно уже съ подобными обвиненіями обращался къ великому князю и къ мѣстному собору епископовъ, чтобы только сдѣлать непріятность епископу; повтому патріаршій синодъ не считалъ даже нужнымъ входить вновь въ разсмотреніе его обвиненій; такъ какъ они уже изслѣдованы, рассмотрены и опровергнуты; только самъ обвиняемый Несторъ упросилъ синодъ вновь разсмотрѣть его дѣло: „яко бо, поясняя патріархъ, и священныя правила не велятъ намъ того творити, иже велятъ коемуждо епископу своимъ соборомъ судитися“. На этомъ основаніи патріархъ убѣждалъ Боголюбскаго покориться опредѣленію синода, принять Нестора съ любовію и оставить противъ него всякую злобу ¹⁾. О постѣ патріархъ внушалъ Боголюбскому: „покоряйся, возлюбленный о Господѣ, духовный сыне боголюбивому епископу твоему, яко аще прилучится господскій праздникъ Рождества Христова и Богоявленія въ среду и въ пятокъ, раз-

¹⁾ Рѣшеніе патріаршаго синода по обвиненіямъ на Нестора, собственно говоря, представляетъ образчикъ апелляціоннаго суда высшей инстанціи надъ судомъ собора русской церкви. Но въ этомъ образчикѣ, въ особенности, обращаетъ на себя вниманіе отвѣтъ патріарха русскому князю, содержащій мысль о томъ, что патріаршій синодъ, по силѣ священныя правила, не имѣетъ права вмѣшиваться въ законныя и правильныя дѣйствія правительственныхъ органовъ русской церкви, и что епископы русскіе вообще должны быть судимы судомъ мѣстнаго собора. Этотъ отвѣтъ, внушая русскому князю, что постановленіе русскихъ соборовъ по вопросамъ должно быть обязательно и для него, показываетъ, что константинопольскіе патріархи, въ дѣйствительности, не считали себя вправѣ вмѣшиваться въ тѣ распоряженія іерарховъ русской церкви, которыя были согласны съ закономъ, и что соборъ русскихъ іерарховъ былъ подлежащимъ, компетентнымъ органомъ разсмотренія и рѣшенія дѣлъ объ епископахъ.

рѣшаеть епископъ мѣскимъ ясти мясо и вся; иноки же (да ядятъ) млеко, масло кравіе и сыръ и яйца. На Рождество пречистыя Богородицы и на Срѣтеніе и на Успеніе и на Преображеніе Господне въ среду и въ пятокъ разрѣшаеть иноковъ же и мѣръ на масло деревяное и на овощи и на рыбу и на вино. На Благовѣщеніе жъ до недѣли вербныхъ, въ кой убо день аще случится, разрѣшаеть на масло, на овощи и на вино; на страстной же недѣлѣ до великаго пятка на масло и на вино; въ великій же пятокъ на вино точію. Два же праздника Предтечева и св. апостоль Петра и Павла и возлюбленнаго Ивана Богослова и къ симъ другимъ нарочитыхъ святыхъ, аще случатся въ среду или пятокъ, аще благословить и повелить епископъ ясти масло деревяное и овощи и рыбу и вино, сице твори. На Воздвиженіе же честнаго Креста масло деревяное и вино; дванадцатыхъ днехъ отъ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля о мытари и о фарисеѣ, да недѣля сыропустная, да недѣля свѣтлая, да недѣля по Троицыне дни, отъ свѣтлой же недѣли, даже и до пентикостія въ средахъ и въ пяткахъ постъ, иже до девятаго часа не соблюдаемъ... да аще праздникъ господскій въ среду и въ пятокъ, или коего нарочитато святаго и до самаго пентикостія вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего“ ¹⁾. Мнѣніе патріарха, подтверждавшее образъ мыслей Нестора, не успокоило вызванное разномысліемъ волненіе. Сдѣлавшись съ 1158 г., по изгнаніи Нестора, его преемникомъ на ростовской кафедрѣ, Леонтій, или Леонъ началъ проповѣдывать новое о томъ же предметѣ ученіе: онъ говорилъ, что не слѣдуетъ разрѣшать постъ вообще въ среду и пятокъ, какіе бы господскіе праздники ни упали на эти дни. За подобное мнѣніе Леонтій былъ изгнанъ изъ Ростова, осужденъ тогдашнимъ митрополитомъ Θεодоромъ въ Кіевѣ и обличенъ болгарскимъ епископомъ Адріаномъ на пути Леона въ Константинополь, куда онъ отправился искать себѣ защиты отъ суда митрополитскаго. И мнѣніе Θεодора нашло себѣ защитника въ лицѣ Кіево-

¹⁾ Ник. дѣт. т. II. стр. 187 - 188.

печерскаго архимандрита Поликарпа, который въ 1168 г. разрѣшилъ въ своей обители постъ въ среду и пятокъ для всѣхъ праздниковъ господскихъ, богородичныхъ, нарочитыхъ святыхъ и для всей четьредесятницы, ссылаясь на Студійскій уставъ, принятый въ Кіевской обители. За свое распоряженіе Поликарпъ былъ осужденъ на соборѣ въ Кіевѣ, при преемникѣ митрополита Θεодора Константины и сосланъ въ заточеніе¹⁾. Ожившіеся на этомъ соборѣ споры о постѣ изъ за различія мнѣній объ этомъ предметѣ самихъ пастырей русской церкви мало по малу утихли къ торжеству мнѣнія константинопольскаго патріарха; но не прекращались совсѣмъ и въ XIII в. и вызвали еще разъ сужденіе константинопольскаго престола. Находившійся на константинопольскомъ синодѣ (1301 г.), сарскій епископъ, Θεогностъ между другими, сдѣланными имъ синоду, вопросами предложилъ и тотъ: „можно ли ѣсть мясо въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случатся праздники апостольскіе?“ Этотъ частный вопросъ, показывавшій, что въ русской церкви еще и въ то время не установилось определенной и однообразной практики по предмету поста, вызвалъ общее разсужденіе, послѣ котораго патріаршіи синодъ далъ русскому епископу, въ присутствіи самаго русскаго митрополита Максима, слѣдующій отвѣтъ: „не должно нарушать (постъ) среды и пятка и для праздниковъ господскихъ, кромѣ великихъ дней св. недѣли (пасхи), — тогда да ядятъ мясо въ среду и пятокъ, — также недѣли по сошествіи св. Духа, и когда случится Рождество Христово или Богоявленіе, и когда бываетъ недѣля о мытарѣ и фарисеѣ. Кромѣ этихъ пяти праздниковъ, да не раззорятся среда и пятокъ: это возбранено божественными канонами... А въ среду на Преполовеніе мяса не ѣсть; если случится праздникъ св. апостоловъ въ среду и пятокъ, мяса не ѣсть, но рыбу; въ

¹⁾ См. объ этомъ спорѣ П. С. Р. Л. т. I. стр. 150—151. т. II. стр. 91—92 98. Нак. лѣт. т. II. стр. 201—202. Татищевъ, Русс. истор. т. III. стр. 138. 160—168. Карамзинъ, Истор. госуд. росс. т. II. прим. 224. т. III. стр. 21 и прим. 29. Соловьевъ, Истор. Росс. т. III. стр. 69. 71. Филаретъ, Ист. русс. церк. т. I. стр. 153—157. Макарій, Истор. русс. церк. т. III. стр. 105--111.

первый день августа мяса не ѣсть и до Успенія св. Богородицы; если случится Успеніе св. Богородицы въ среду или пятокъ, мяса не ѣсть; если случится праздникъ св. апостола Филиппа въ среду, или пятокъ, мяса не ѣсть, но рыбу; если случится Рождество св. Богородицы въ среду или пятокъ, не ѣсть ни мяса, ни масла, но одну рыбу“¹⁾). Такой опредѣленный отвѣтъ патріаршаго синода, не допускавшій никакихъ недоумѣній, и послужилъ основаніемъ для практики русской церкви по настоящему вопросу. Въ духѣ изложенныхъ отвѣтовъ константинопольскаго патріарха и его синода и разъясняли, въ нужныхъ случаяхъ, настоящій предметъ русскіе митрополиты²⁾).

Къ началу XIII в. въ практикѣ русской церкви успѣлъ утвердиться слѣдующій обычай. Нѣкоторые изъ русскихъ людей, купивъ предварительно раба, отдавали его обученію грамотѣ, чтобы приготовить въ немъ будущаго служителя церкви, и самымъ дѣломъ успѣвали достигать своихъ цѣлей. Подобный обычай, представляя рѣшительное противорѣчіе законодательству и практикѣ древней вселенской и греческой церкви³⁾, не могъ быть оправданъ и терпимъ. Патріархъ Германъ, лишь только узналъ о существованіи подобнаго обычая въ русской церкви, поспѣшилъ (1228 г.) отъ имени всего, собравшагося при немъ, синода написать посланіе къ русскому митрополиту (Кириллу I) и епископамъ. Называя подобный обычай „беззаконіемъ“, патріархъ старался раскрыть въ своемъ посланіи его неумѣстность и преподать правильную практику. Ссылаясь на примѣръ апостола Павла, который не иначе удостоилъ рукоположенія Онисима, какъ послѣдній былъ отпущенъ на свободу Филимономъ, патріархъ также внушалъ митрополиту и епископамъ не иначе удостоивать рукоположенія рабовъ, какъ если они предварительно будутъ отпущены своими господами: „да

¹⁾ Чтен. въ имп. моск. общ. ист. и др. 1860 г. кн. II. стр. 32—38. Карамзинъ, т. IV. прим. 181.

²⁾ Макарій, Истор. русс. церк. т. IV. стр. 263—266. прил. 365—367. А. И. т. I. № 22. 253. Д. къ А. И. т. I. № 181.

³⁾ Апост. 83. Σύνταξις. т. I. pag. 76—81. Zachariae, т. III. pag. 80—81.

ни одинаго же отъ господъ понудите на священіе привести рабогающихъ имъ. Аще ли хотятъ привести Богови жертву за свое спасеніе, да будетъ жертва во всеожженіе, душею и тѣломъ возложится Богови. Не убо могутъ Богови работати и мамонѣ“¹⁾. Осужденный патріархомъ обычай поставленія рабовъ, къ сожалѣнію, и послѣ долгое время не прекращался на Руси.

Во второй половинѣ XIV столѣтія, въ семидесятихъ его годахъ, въ правленіе митрополита св. Алексѣя, обнаружилась первоначально въ Псковѣ и проникла за тѣмъ въ Новгородъ ересь „стригольниковъ“²⁾. Сущность распространяемаго ими заблужденія состояла вообще въ отверженіи церковной іерархіи и совершаемыхъ ею священныхъ дѣйствій для очищенія и освященія человѣка, на томъ основаніи, что всѣ священники поставляются на мздѣ и, вслѣдствіе сего, являются хищниками своего сана³⁾. Возникшее заблужденіе нашло себѣ сочувствіе въ народѣ и, не смотря на насильственную смерть первыхъ вождей ереси, не только не ослабѣвало, напротивъ усиливалось, обративъ на себя полное вниманіе церковной власти.

¹⁾ Востоковъ, Опис. рум. муз. стр. 303—305. Макарій, Ист. русс. церк. т. III. прил. стр. 320—322. Въ заключеніи того же посланія патріархъ внушалъ русскимъ князьямъ и прочимъ властямъ не отнимать церковныхъ имѣній.

²⁾ Основателями этой ереси лѣтописи называютъ діакона Никиту и Карпа простаго человѣка „простпа“ (П. С. Р. Л. т. III. стр. 231. IV. 72. V. 235. VIII. 24. Ник. лѣт. т. IV. стр. 46); другіе же источники и Карпа называютъ діакономъ, только отлученнымъ отъ службы за свое лжеученіе (А. И. т. I. № 6. стр. 9. П. С. Л. т. IV. стр. 72. Супр. лѣт. стр. 94); иные же говорятъ о немъ, что онъ былъ „художествомъ стригольникъ“ (Иосифъ Волоцкій, Провсвѣтитель, гл. 16. стр. 596. Казань. 1855 г.) Примирить это разнорѣчіе совершенно удобно, тѣмъ предположеніемъ, что бывший діаконъ, по лишенія своего сана, могъ заниматься ремесломъ стригольника и называться простымъ человѣкомъ (Соловьевъ, Истор. Росс. т. IV. стр. 338. Макарій, Ист. русс. церк. т. IV. стр. 153).

³⁾ Какъ успѣшное распространеніе этой ереси во Псковѣ и Новгородѣ, такъ отчасти и самое возникновеніе ея легко объясняются обстоятельствами, сопровождавшими время обнаруженія и первое развитіе ереси. Дѣло въ томъ, что около того времени, какъ въ Псковѣ предпринималась попытка къ отдѣленію Пскова отъ новгородскаго архіерея и къ образованію особой самостоятельной епископії, такъ въ Новгородѣ обнаруживались стремленія къ отдѣленію отъ зависимости русскаго митрополита. Неудавшіяся попытки и

Новгородскій архієпископъ Алексѣй извѣстилъ константинопольскаго патріарха Нила о заблужденіяхъ и распространеніи ереси ¹⁾. Патріархъ тѣмъ внимательнѣе долженъ былъ отнестись къ вразумленію еретиковъ, что ихъ лжеученія направлялись главнымъ образомъ противъ іерархіи и служили отраженіемъ дѣйствительныхъ недостатковъ церковной жизни и порядковъ того времени. Онъ рѣшился воспользоваться для этой цѣли трудами присланнаго въ то время изъ Россіи и проживавшаго въ Константинополѣ, суздальскаго архієпископа Діонисія. Поручивъ ему убѣдить стригольниковъ возвратиться въ православную церковь и оградить православныхъ отъ ихъ заблужденія, патріархъ Ниль прислалъ съ Діонисіемъ и собственную грамоту для убѣжденія и вразумленія заблуждающихся. Обращаясь въ этой грамотѣ къ посаднику, тысяцкому и всему народу, патріархъ старался раскрыть и опровергнуть заблужденія стригольниковъ и ихъ нареканія на православную церковь и приглашалъ заблуждающихся обратиться къ единенію съ нею. Въ частности: показавъ, что сущность заблужденія стригольниковъ состоитъ исключительно въ томъ, что они, „считая однихъ себя православными (ὀρθόδοξοις), всѣхъ прочихъ, какъ то: архіереевъ, іереевъ, клириковъ и народъ называютъ еретиками,—первыхъ потому, что они и рукополагаютъ и рукополагаются за деньги (ἐπί χρήμασι),—послѣдній за то, что онъ

стремленія въ томъ и другомъ отношеніи легко могли возбудить въ нѣкоторыхъ мысль и желаніе отвергнуть вообще іерархію и освободиться отъ ея зависимости на основаніи вкраившейся въ ея среду самонія. И это тѣмъ естественнѣе, что основаніемъ для названныхъ попытокъ и стремленій служили именно тѣ поборы, которые Псковъ платилъ новгородскому архієпископу, какъ своему владыкѣ, а повгородцы—русскому митрополиту, какъ начальному архієрею всей русской церкви; къ этому присоединилась мысль о томъ, что въ самомъ Царѣградѣ, при поставленіи митрополитовъ, а равно и епископовъ въ Россію взиались разные сборы и поборы съ рукополагаемыхъ. Эти сборы подъ именемъ: „хавонихов“ въ точности были опредѣлены въ византійскомъ законодательствѣ (Zachariae. t. III. pag. 322—323. 365—367. Σβουτῶν. t. I. pag. 75—76. t. V. pag. 280—281. t. VI. pag. 514—515), подъ вліяніемъ котораго они утвердились въ русской церкви и составляли предметъ неоднократныхъ разсужденій и постановленій русскихъ соборовъ (Русс. Догм. т. I. стр. 106—112. А. Э. т. I. № 382. Стоглавъ, гл. 80. 87. 88. 89).

¹⁾ Карамзинъ, Истор. русс. госуд. т. V. стр. 63.

находится въ общеніи съ ними“, патріархъ поражалъ заблуждающихся слѣдующими доводами. „Каеолическая и апостольская церковь, по благодати и силѣ самаго Христа, пребывая неизмѣнною въ своихъ догматахъ и непоколебимою въ тщательномъ соблюденіи церковныхъ каноновъ, всѣхъ рукополагающихъ за деньги, на ряду съ Симономъ волхвомъ, Македоніемъ и прочими духоборцами осуждаетъ и отвергаетъ. Посему, если бы нѣкоторые изъ архіереевъ и оказались виновными въ подобномъ нечестіи; то поведеніе ихъ не относится къ каеолической церкви, которая, какъ скоро узнаетъ объ ихъ беззаконіи, осуждаетъ, наказываетъ и низвергаетъ ихъ“. Дѣлая изъ этой мысли практической выводъ для стригольниковъ, патріархъ продолжалъ: „если и находятся нѣкоторые между епископами, совершающіе рукоположенія за деньги, то вамъ не слѣдовало отдѣляться отъ церкви и считать всѣхъ еретиками; напротивъ, оставаясь въ общеніи съ церковію, надлежало только о худо поступающемъ епископѣ довести до свѣденія его митрополита, который, если онъ не исправитъ виновнаго, и самъ подлежитъ взысканію отъ нашей мѣрности“. Поражая этими доводами иномыслящихъ въ ихъ заблужденіи, патріархъ очевидно чувствовалъ недостаточность своего увѣщанія въ виду дѣйствительно существовавшихъ и употреблявшихся при поставленіи разныхъ „проторей“; поѣтому и разъясняетъ далѣе смыслъ и значеніе подобныхъ издержекъ. „Если же рукополагаемые, писалъ патріархъ, верѣдко сами по себѣ, будучи никѣмъ не принуждаемы, дѣлаютъ позволительные расходы (εὐλόγησ ἐξόδου) на свѣчи, трапезу и подобныя издержки; то это нисколько не предосудительно (οὐδὲν λομνίεται), по той причинѣ, что рукоположеніе совершается даромъ, какъ сказалъ Спаситель: *туне пріяте, туне дадите*“. Стараясь еще болѣе прояснить эту мысль, патріархъ продолжалъ: „иное дѣло брать за рукоположеніе, и другое расходовать на необходимые потребности; ибо мы видимъ, что и Господь нашъ Иисусъ Христосъ какъ входилъ во многіе, заслуживавшіе его посѣщенія, дома съ учениками, поучалъ слову истины и боговѣденія и творилъ многія чудеса, такъ и принималъ предлагаемое тамъ охотно

и съ благодарностію. Такъ, напр. когда Спаситель зашелъ въ домъ Матея, то Левій, сказано, сдѣлалъ большой приѣмъ для Іисуса; а когда онъ вошелъ въ домъ Марѳы и Маріи, то, сказано, Марѳа заботилась *о мнозѣ службъ*; можно найти много другихъ, подобныхъ примѣровъ. Божественный апостоль, указывая на законъ Моисея: *не заграждай рта у вола молящаго* и объясняя за тѣмъ мысль божественнаго писанія, говорить: *не о волахъ здѣсь печется Богъ, а о насъ*, именно говорить, что *священнодѣйствующіе питаются отъ святимихъ и служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника. Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благоутраченія, и если мы послали въ васъ духовное, велико ли же то, если пожнемъ отъ васъ тѣлесное?* Много подобныхъ мѣстъ можно найти въ св. Писаніи. Объяснивъ эту мысль, патріархъ обращается къ самому поступку стригольниковъ и раскрываетъ его важность. „Вы вполне знаете, что отдѣляющійся отъ церкви отдѣляется отъ самого Христа и нѣтъ тому ни чести, ни жребія въ средѣ освящаемыхъ имъ ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣкѣ“. Усиливая эту мысль, патріархъ спрашиваетъ стригольниковъ: „къ какой церкви вы думаете принадлежать?“ и отвѣчаетъ: „если вы отвергаете нашу церковь и удаляетесь отъ всѣхъ насъ, какъ еретиковъ; то Христосъ, по вашему убѣжденію, не имѣетъ нынѣ церкви на землѣ и ложны сказанныя Имъ слова: *Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка*. О нѣтъ, да не будетъ этого, но да будетъ, что вы познаете цуть спасенія, и, соединившись съ братіями, въ единомысліи прославите Господа“. Изложивъ эти мысли, патріархъ заключилъ, что онъ изъ многого сказалъ только не многое, поручивъ Діонисію архіепископу суздальскому подробнѣе и устно наставить заблуждающихся, потому и убѣждалъ стригольниковъ принять его наставленія какъ—патріаршія ¹⁾. Діонисій выполнилъ порученіе патріарха, доставилъ его грамоту въ Новгородъ и Псковъ и своими наставленіями и увѣщаніями въ самомъ дѣлѣ будто бы остановилъ „мятежи и со-

¹⁾ Act. Patr. t. II. pag. 31-34. A. II. т. I. № 4.

бланы о проторехъ, иже на поставленіяхъ“ ¹⁾). Если въ дѣйствительности Діонисій и достигъ этого, то только относительно вышнихъ обнаруженій ереси и открытыхъ несогласій между еретиками и православными; но не искоренилъ самыхъ ихъ заблужденій, которыя, разширяясь и развиваясь, побудили и преемника Нила, патріарха Антонія, прислать новое посланіе съ обличеніемъ стригольниковъ. Эта обширная и въ высшей степени поучительная грамота была принесена въ Россію въ 1394 г. вилеемскимъ архіепископомъ Михайломъ, тѣмъ самымъ, котораго патріархъ присылалъ съ разными порученіями и между прочимъ по дѣлу о несогласіяхъ новгородцевъ съ митрополитами. Нѣтъ сомнѣнія, что эта грамота была вызвана дошедшими до патріарха слухами о бѣльшемъ и бѣльшемъ расширеніи и укорененіи заблужденій ереси. Поэтому въ своей грамотѣ патріархъ обстоятельно разсматриваетъ уже частныя заблужденія стригольниковъ и опровергаетъ ихъ. Изъ патріаршей грамоты видно, что заблужденія стригольниковъ достигали крайней степени отрицанія церкви и ея установленій. Такъ они отвергали всю церковную іерархію, на томъ основаніи, что всѣ ея члены поставляются „на мздѣ“ и потому недостойны. Отвергая іерархію въ самомъ ея корнѣ, стригольники вооружались и противъ самаго духовенства, въ смыслѣ представительнаго сословія духовныхъ интересовъ общества, на томъ основаніи, что духовные принимаютъ плату и приношенія отъ христіанъ за исправленіе требъ, берутъ за живыхъ и мертвыхъ, собираютъ имѣнія, деньги и ведутъ жизнь негрязную. Вооружаясь лично противъ духовенства, стригольники естественно не могли одобрить и принимать совершаемыя ими дѣйствія по званію служителей церкви. Отсюда ихъ — заблужденія, что не должно ни слушать ученія архіереевъ и священниковъ, ни принимать отъ нихъ евхаристіи и другихъ таинствъ, ни получать прощенія грѣховъ, ни пользоваться ихъ молитвами за умершихъ и т. п. Чтобы пополнить пропасть подоб-

¹⁾ Ник. лѣт. т. IV. стр. 130. Карамзинъ, т. V. стр. 63.

ныхъ отрицаній, стригольники рѣшилися допустить нововведенія, совершенно противныя всякимъ началамъ церковнаго порядка, какъ напр. введеніе самозваннаго учительства, безпоповщинской исповѣди, безпоповщинскаго погребенія. Всѣ эти крайности стригольническаго ученія патріархъ и разсматриваетъ и опровергаетъ въ своемъ посланіи самымъ строгимъ и рѣшительнымъ образомъ ¹⁾; такъ что настоящимъ посланіемъ патріарха, по справедливости, пользуются какъ главнымъ источникомъ для знакомства и изложенія стригольническихъ заблужденій ²⁾.

Разсказанные примѣры, представляя опыты участія константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви по отношенію вообще къ русской, или восточно-русской митрополіи, разъясняютъ его образъ дѣйствій по частнымъ вопросамъ благоустройства и внутренней жизни церкви. Слѣдующіе примѣры представляютъ опыты участія того же патріарха въ случаяхъ болѣе общихъ, церковныхъ нестроеній и притомъ въ отношеніи къ галицкой и западно-русской митрополіямъ.

Мы выше говорили, что по смерти перваго, галицкаго митрополита, Антонія, галицкая митрополія, оставшись безъ начальнаго пастыря, подверглась разнымъ церковнымъ нестроеніямъ ³⁾. Въ числѣ этихъ нестроеній главными были: вторженіе въ Галицію самозванныхъ учителей и пастырей, распространеніе ложныхъ ученій и другіе церковные безпорядки ⁴⁾.

¹⁾ А. И. т. I. № 6. Существуютъ мнѣнія, что будто бы обѣ грамоты константинопольскихъ патріарховъ написаны русскими іерархами: грамота Нпладіюніемъ суздальскимъ, грамота же Антонія—перемышльскимъ Стефаномъ (Филаретъ, Истор. русс. церк. т. II. стр. 69. прим. 119. Макарій, Истор. русс. церк. т. V. прилож. стр. 420—442). Вопросъ этотъ, получая чисто историческій интересъ, не имѣетъ для насъ особаго значенія. Охотно соглашаясь съ мыслию, что въ написаніи этихъ грамотъ могла участвовать рука русскаго составителя, мы тѣмъ самымъ ни мало не колеблемъ въ авторитета этихъ грамотъ, какъ посланныхъ и отправленныхъ отъ имени патріарховъ и отъ лица ихъ синода. Въ грамотахъ прямо говорится: „смирненіе наше и божественный и священный соборъ“ и пр.

²⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправ. т. II. стр. 441—444. Филаретъ, Истор. русс. церк. т. II. стр. 69—72.

³⁾ См. выше стр. 388—392. ⁴⁾ Act. Patr. Const. t. II. pag. 278.

Въ виду этихъ нестроений, при отсутствіи собственнаго пастыря, патріархъ долженъ былъ принять на себя заботу устройства церковныхъ дѣлъ въ Галиціи и предпринять зависящія мѣры. Извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ константинопольскій патріархъ пользовался учрежденіемъ особыхъ экзарховъ¹⁾. И—въ настоящій разъ былъ отправленъ изъ Константинополя вилеємскій архіепископъ Михаилъ, въ качествѣ полномочнаго патріаршаго экзарха и судіи. По данной ему инструкціи онъ прежде всего обяывался наставлять и учить той вѣрѣ, которую содержатъ вселенскій и другіе патріархи: Антіохіи, Александріи и Іерусалима, которую приняли и въ которую первоначально крестились русскіе; далѣе онъ долженъ былъ произвести изслѣдованіе и розысканіе о тѣхъ, которые, не имѣя священнаго сана, вторглись въ Галицію и совершали тамъ священныя дѣйствія; послѣднихъ онъ долженъ былъ удалить и изгнать какъ волковъ, хищниковъ и губителей словеснаго Христова стада. При этомъ названный архіепископъ уполномочивался совершать всѣ священныя дѣйствія, преподавать благословеніе и освященіе всѣмъ тамошнимъ христіанамъ: начальникамъ и подчиненнымъ, женамъ и отрокамъ; также рукополагать, если окажется надобность, священниками, тѣхъ, которые явятся того достойными, поставлять чтецовъ, освящать храмы и совершать всякое другое церковное священнодѣйствіе, безъ возсѣданія только на священномъ сопрестоліи (*ἀνευ μόνης τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐκχαθιδρόσεως*). Таже инструкція обяывала всѣхъ, находившихся тамъ христіанъ: священниковъ, монаховъ, начальствующихъ и всю христіанскую паству, оказывать посланному не только какъ патріаршему экзарху, но и какъ лицу, подъявшему ради нихъ и ихъ душевнаго спасенія и пользы такіе труды, опасности и лишенія, подобающую честь и повиновеніе. Представляя его достойнымъ за все это особой похвалы, благодарности и расположенности отъ всѣхъ, патріархъ внушалъ всѣмъ принимать и запечатлѣвать все, что онъ будетъ

¹⁾ См. выше стр. 294.

говорить для ихъ пользы и спасенія, а равно и исполнять со всею готовностію и духовною радостію. Обязывая тамошнихъ христіанъ дѣлать все это въ отношеніи къ своему экзарху, пока онъ будетъ находиться среди нихъ, патріархъ также вмѣнялъ имъ въ обязанность и то, чтобы они, когда онъ станетъ возвращаться, проводили его съ великою честію и любовію, снабдили всѣмъ необходимымъ для безопаснаго возвращенія, дабы онъ, прибавляя патріархъ, услышавъ объ этомъ и узнавъ объ ихъ чувствахъ и расположеніи къ духовнымъ наставникамъ, принялъ и благословилъ ихъ всѣхъ, какъ собственныхъ и искреннихъ чадъ во Христѣ. Въ заключеніи своей инструкции патріархъ снова давалъ полномочіе и позволеніе своему экзарху, названному вилеємскому архіепископу, какъ на пути въ Россію, такъ и при возвращеніи отсюда, служить во вдовствующей церкви, когда представится надобность для прославленія Бога, рукоположенія священниковъ, освященія храма, погребенія и поминаенія умершихъ и совершать все безпрпятственно, по искони установившемуся церковному чину и порядку, воздерживаясь во всякомъ случаѣ отъ возсѣданія на священномъ сопредстоліи ¹⁾. Полезно и здѣсь припомнить ²⁾, что, посылая экзарха для подобныхъ цѣлей, патріархъ снабдилъ его особыми письмами къ митрополиту Кипріану и польскому королю. Первому о миссіи вилеємскаго архіепископа патріархъ писалъ, что онъ посланъ обозрѣть митрополи Мавровлахіи и

¹⁾ Act. Patr. Const. t. II. pag. 278—280. Въ протоколахъ конст. патріархата (Ж. М. Н. Пр. 1847. іюнь. стр. 159. № 52. 54.) помѣчены два подобныхъ документа: „инструкция“ (ὁποτόπωσις), данная вилеємскому архіепископу, отправленному въ Россію и „приказъ“ (ἐνταλάμα), данный отправлявшемуся въ Россію (1392 г.) митрополиту вилеємскому о митрополитѣ галицкомъ и мавровлахійскомъ“. Слѣдуетъ думать, что послѣдній документъ соотвѣтствуетъ тому, которымъ и мы пользовались; такъ какъ въ немъ виѣсть съ галицією митрополіею говорится и о церкви мавровлахійской, которая также нѣсколько времени назадъ лишилась своего архіерея; между тѣмъ какъ первый—соотвѣтствуетъ тому наказу, который былъ данъ тому же архіепископу, отправлявшемуся въ Россію виѣсть съ Алексѣемъ Аарономъ по дѣламъ новгородскимъ (1393 г.) (Act. Patr. Const. t. I. pag. 194—197. ср. pag. 171—172. 177—180).

²⁾ См. выше стр. 390—391.

Галидіи съ тѣмъ, чтобы исправить худое и утвердить хорошее; такъ какъ, „слышимъ, прибавлялъ патріархъ, что тамъ есть много, требующаго духовнаго исправленія, чего мы не имѣли возможности исправить иначе, какъ пославъ его туда“. Королю патріархъ рекомендовалъ вилеемскаго архіепископа, какъ человѣка благонамѣреннаго, умнаго и знакомаго съ тамошними мѣстностями, и увѣдомлялъ, что онъ отправляется туда не для своихъ выгодъ, но послужить святой церкви; при этомъ патріархъ просилъ короля оказать ему любовь, расположенность и содѣйствіе и снабдить его грамотами и чиновниками для вспомоствованія ему ¹⁾. Соображая какъ тѣ полномочія, которыми патріархъ облакалъ своего экзарха, такъ и тѣ условія, которыми онъ старался обставить исполненіе послѣднимъ своего порученія, нельзя не сказать, что вилеемскій архіепископъ, какъ посланный патріарха, получалъ права дѣйствовать именемъ патріарха, вмѣсто мѣстнаго архіерея, для исправленія нестроеній и насажденія должнаго церковнаго порядка въ галицкой митрополіи.

Въ дѣлахъ западно русскоѣ митрополіи конст. патріархи принимали участіе и сами лично и чрезъ своихъ экзарховъ и посредствомъ окружныхъ посланій. Отторгнутая, какъ мы говорили, вмѣшательствомъ папы отъ восточно-русскоѣ западно-русская православная митрополія въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи подверглась разнымъ нестроеніямъ, изъ коихъ главными были: вмѣшательство латинскоѣ, правительственной власти въ ея дѣла и происки іезуитовъ, дѣйствовавшихъ въ интересахъ латинскоѣ пропаганды и подчиненія западно-русскоѣ церкви римскому престолу. Для противодѣйствія послѣднему вліянію и вообще для сохраненія уставовъ и обычаевъ своей вѣры, лучшимъ сынамъ западно-русскоѣ православноѣ церкви представлялось единственно вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ — непрерывать своей зависимости отъ конст. патріарха и своихъ сношеній съ нимъ. При помощи этихъ связей за-

¹⁾ Act. Patr. Const. t. II pag. 281—282. 281.

падно-русскіе православные надѣялись сохранить свое православіе и оградить свою независимость отъ Рима. Надежды ихъ, если не осуществились вполне, то и не остались безъ всякихъ послѣдствій. Патріархи, дѣйствительно, принимали зависящія мѣры къ охраненію православія и православной церкви въ западной Россіи ¹⁾.

Прибывшій въ Россію за сборомъ милостыни патріархъ Іеремія II по просьбѣ западно-русскихъ ²⁾, посѣтилъ (1588—89 г.) ³⁾ и западно-русскую церковь, какъ свою подвѣдомственную митрополию, съ цѣлію исправить ея дѣла и возстановить церковный порядокъ. Православные видѣли въ этомъ посѣщеніи рѣшительную мѣру для того, чтобы посредствомъ нея навсегда уничтожить всѣ приготовленія къ уніи, сдѣланныя іезуитами ⁴⁾. Чтобы сдѣлать это посѣщеніе болѣе богатымъ по его послѣдствіямъ для западно-русской митрополіи, пригласившій патріарха князь Константинъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими поборниками интересовъ православія, исходатайствовали у короля Сигизмунда окружную грамоту, которою Сигизмундъ подчинялъ патріарху всѣ дѣла и лица западно-русской церкви и предоставлялъ ему полную свободу дѣйствовать своею патріаршею властію ⁵⁾.

Получивъ эту грамоту, патріархъ Іеремія началъ дѣйство-

¹⁾ Митрополитъ Іосифъ Солтанъ жаловался конст. патріарху на неотступныя требованія латвіянъ, чтобы въ Литвѣ была введена флорентійская унія и спрашивалъ патріарха, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ. Патріархъ далъ совѣтъ Іосифу отговариваться тѣмъ, что онъ не можетъ самъ безъ патріарха ввести въ литвѣ унію (Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 114). Когда папа Григорій XIII, переимѣнивъ лѣтосчисленіе, замышлялъ (1582 г.) ввести новый календарь и въ Польшѣ, православные, соблазняясь тѣмъ, спрашивали мнѣнія патріарха. Послѣдній убѣдилъ православныхъ не принимать григоріанскаго календаря, а праздновать Пасху и другіе праздники по древнему установленію. Согласно убѣжденію патріарха и польскій король Стефанъ Баторій, по просьбѣ митрополита Онисифора, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы послѣдователи римско-католическаго вѣроисповѣданія не принуждали православныхъ къ празднованію по римскому календарю (Там. стр. 121—122. А. З. Р. т. II. № 188. 166).

²⁾ А. З. т. IV. № 149. ³⁾ Там. прим. 17.

⁴⁾ Козловичъ, Литов. церков. унія. т. I. стр. 58.

⁵⁾ А. З. Р. т. IV. № 16. А. З. и Ю. Р. т. I. № 191. т. II. № 157.

вать въ западно-русской митрополіи, какъ „зверхнѣйшій пастырѣ“ въ своей „парафіи“ для искорененія въ ней нестроеній и насажденія лучшаго порядка. Главнымъ зломъ, на которое патріархъ прежде всего обратилъ свое вниманіе, было то, что не только въ клирѣ, но и на высшихъ степеняхъ іерархіи находились двоеженцы и троеженцы; даже самъ тогдашній митрополитъ Онисифоръ былъ двоеженецъ, вступившій въ духовный санъ послѣ втораго брака. Патріархъ и началъ свои распоряженія въ этомъ отношеніи тѣмъ, что, низложивъ Онисифора, онъ потребовалъ и отъ прочихъ епископовъ низверженія всѣхъ двоеженцевъ и троеженцевъ, находившихся въ клирѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ обратилъ свое вниманіе вообще на порочную жизнь лицъ іерархіи и клира и также потребовалъ отъ нихъ исправленія подѣ угрозою изверженія. Чтобы предупредить на будущее время подобныя явленія, патріархъ старался придать силу обычаю — возводить на высшія іерархическія степени монашествующихъ, и самъ примѣнилъ его, поставивъ архимандрита минскаго монастыря Рагозу преемникомъ Онисифора. Не маловажное зло клира западно-русской митрополіи составляло и то, что въ него вторгались лица, приходившія изъ восточныхъ патріархатовъ, между которыми по преимуществу были искатели приключеній, которымъ не жилось на своемъ мѣстѣ; поэтому патріархъ и на нихъ обратилъ свое вниманіе и запретилъ допускать такихъ пришлецовъ къ отправленію священнослуженія. Издавая подобныя распоряженія относительно іерархіи и клира, патріархъ не оставилъ безъ вниманія и всего церковнаго чина, въ отношеніи къ которому также старался уничтожить вкравшіеся въ него суевѣрные обычаи, какъ-то: обычай приношенія въ церковь мяса и пироговъ и чествованія вмѣсто воскреснаго—дня пятницы. Слѣдуетъ предположить, что свои распоряженія патріархъ обдумывалъ въ Брестѣ при ближайшемъ участіи прибывшихъ съ нимъ въ Россію: монемвасійскаго митрополита Дороея и эласонскаго архіепископа Арсенія, и дѣлалъ ихъ извѣстными митрополиту и прочимъ епископамъ чрезъ особья

окужыныя грамоты ¹⁾. Чтобы дать силу своимъ распоряженіямъ, патріархъ не удовольствовался тѣмъ, что обязалъ новопоставленнаго митрополита Рагозу присягою—созвать соборъ изъ епископовъ его митрополіи, для дальнѣйшаго исправленія и устройства дѣла и нуждъ церковныхъ, по его указанію ²⁾, но назначилъ патріаршаго экзарха изъ западно-русскихъ епископовъ — Кирилла Терлецкаго, которому предоставилъ право надзора надъ епископами съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ патріаршій намѣстникъ, былъ приглашаемъ митрополитомъ и епископами на ихъ соборы, наблюдалъ за ихъ управленіемъ, напоминалъ объ исправленіи допущенныхъ съ ихъ стороны упущеній и подвергалъ наказаніямъ и запрещеніямъ неисправныхъ ³⁾. Изложенными распоряженіями патріархъ старался утвердить собственно дисциплину и церковный порядокъ, наблюденіе за которыми ближайшимъ образомъ и исключительно относилось къ обязанностямъ пастырей. Оставалась область вѣроученія и духовной жизни, которая также болѣла своими недугами, но окончательное уврачеваніе которыхъ зависѣло уже не отъ однихъ пастырей, а вмѣстѣ и отъ пасомыхъ, которые обыкновенно хранятъ божественную истинну и соображаютъ съ нею свою жизнь. Для устройства этой области патріархъ воспользовался сформировавшимся уже въ западной Россіи и пустившимъ глубокіе корни учрежденіемъ народнаго представительства и участія въ дѣлахъ церковныхъ—церковными братствами. Съ этою цѣлію патріархъ не только благословилъ и утвердилъ дальнѣйшее развитіе этого института, но старѣйшія изъ братствъ и болѣе организованныя принялъ подъ свою непосредственную защиту, предоставивъ имъ ставропигіальныя права. Такого преимущества удостоились виленское Святодуховское и львовское Успенское братства. Послѣдствіемъ этаго преимущества было то, что на-

¹⁾ А. З. Р. т. IV. № 17. 20. 22.

²⁾ Изученіе визант. истор. и ея тендец. прилож. въ древ. Руси, стр. 249, гдѣ помѣщено извлеченіе изъ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго.

³⁾ А. З. Р. т. IV. № 21. Арх. югов. Росс. т. I. № 60.

званныя братства, будучи изъяты изъ подчиненія мѣстной духовной власти, получили возможность самостоятельно дѣйствовать въ интересахъ охраненія православной истины и распространенія духовнаго просвѣщенія въ западно-русскомъ краѣ. На сколько эти братства въ дѣйствительности осуществили свои задачи, въ какія отношенія они стали къ мѣстной духовной власти—разсмотрѣнiе этого предмета не входитъ въ нашу задачу. Существованiе подобныхъ братствъ и предоставленныя имъ преимущества важны для насъ въ томъ отношенiи, что они констатируютъ фактъ примѣненія въ русской церкви патріаршаго права ставропигiи, которое въ тоже время подтверждается и другими свѣденiями. Константинопольскій патріархъ Максимъ, по просьбѣ братiи кievопечерскаго монастыря, 14 iюня 1481 г., далъ имъ ставропигiальную грамоту, которою подтвердилъ ставропигiальныя права ихъ монастыря и принадлежащихъ къ нему мѣстностей, предоставленныя этому монастырю еще русскимъ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и утвержденныя грамотами прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ“¹⁾.

Труды и предназначенiя патріарха Iеремiи объ устройствѣ западно-русской митрополiи не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Зло, которое предстояло патріарху искоренить, требовало не однихъ письменныхъ и начальственныхъ распоряженiй, а новыхъ лицъ и другихъ условiй ихъ дѣятельности. Митрополитъ Рагоза, въ достоинствахъ котораго патріархъ усомнился при самомъ его постановленiи, въ дѣйствительности не оправдалъ его ожиданiй и оказался малодѣятельнымъ въ исправленiи порядковъ церковнаго управленiя; назначенный патріархомъ экзархъ, Терлецкiй, оказался человѣкомъ далеко небезукоризненнымъ; учрежденiе же ставропигiальныхъ братствъ вызвало оппозицію со стороны мѣстныхъ епископовъ. Вслѣдствiе сего патріархъ долженъ былъ приложить новыя попеченiя объ устройствѣ западно-русской митрополiи. Остановившись на возврат-

¹⁾ Арх. югоз. Росс. т. I. № 1. стр. 1—2. Евгений, Опис. Кievопеч. монастыря. Зерлянъ, Объ отнош. конст. патр. къ русс. iерар. стр. 49—52.

номъ пути изъ Россіи въ Замостьѣ, на рубежѣ Литвы и Молдавіи, патріархъ еще разъ подтвердилъ права львовскаго братства противъ претензій мѣстнаго епископа, Гедеона Болобана, и старался исправить оттуда другія, сдѣлавшіяся ему извѣстными, нестроенія. Для сего патріархъ посылалъ грамоты и экзарха къ митрополиту съ требованіемъ суда надъ Кирилломъ Терлецкимъ и другихъ исправленій; но грамоты патріарха не доходили по назначенію, а экзархъ не успѣлъ въ своемъ порученіи ¹⁾. Эти факты должны были произвести тяжелое впечатлѣніе на патріарха и убѣдить его въ ненадежности поведенія представителей іерархіи; одинъ православный народъ оставался преданнымъ патріарху и питалъ къ нему благоговѣйныя чувства; только братства, права которыхъ ограждалъ патріархъ, оставались на его сторонѣ. Послѣднія и въ то время, когда представители іерархіи интриговали предаться на сторону Уніи, видѣли въ патріархѣ надежнаго защитника православія, доносили ему о бѣдствіяхъ народа и просили прислать въ Литву своего экзарха ²⁾. Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ и доносовъ патріархъ окончательно убѣдился въ мысли, что митрополитъ дурно управляетъ ввѣренною ему паствою и посылалъ ему грамоту, въ которой за нерадѣніе о благѣ церкви и потворство злу подвергалъ его временному запрещенію ³⁾. Эта грамота вызвала митрополита на усиленную дѣятельность,

¹⁾ Одну изъ своихъ грамотъ, которою патріархъ приказывалъ митрополиту произвести судъ надъ Терлецкимъ, онъ посылалъ съ находившимся при немъ протонотаріемъ митрополита, Григоріемъ, который, проѣзжая черезъ епархію Терлецкаго, проговорился о содержаніи патріаршей грамоты, и, вслѣдствіе сего, былъ задержанъ слугами Терлецкаго по его распоряженію. Узнавъ объ этомъ обстоятельстве отъ брестскаго епископа Мелетія Хребтовича, патріархъ послалъ въ Литву архимандрита Діонисія, въ качествѣ своего экзарха, съ грамотою къ Мелетію, въ которой уполномочивалъ послѣдняго судить Кирилла на соборѣ, а равно и съ повелѣніемъ къ митрополиту о созваніи собора и съ требованіемъ вознагражденія патріаршихъ издержекъ. Экзархъ не успѣлъ предъ митрополитомъ ни въ томъ, ни въ другомъ порученіи патріарха, а у Мелетія самъ Кириллъ похитилъ патріаршю грамоту (Евгеній, Опис. Кіевософ. соб. стр. 125—126. Кояловичъ, Лит. церк. унія. т. I. стр. 77. 81. прим. 179. 207).

²⁾ А. З. Р. т. IV. № 33. 42.

³⁾ Кояловичъ, Лит. церк. унія. т. I. стр. 111. пр. 233.

результатомъ которой было то, что митрополитъ собственно-ручно написалъ условія Уніи и вручилъ ихъ Терлецкому для представленія королю ¹⁾).

Причастность къ Уніи митрополита, какъ главы западно-русской церкви, и старанія другихъ іерарховъ ввести ее во всемъ краѣ, очевидно, должны были еще болѣе оживить сношенія не хотѣвшихъ принять Унію православныхъ съ патріархомъ и усилить ихъ просьбы о присылкѣ патріаршаго экзарха, котораго православные съ нетерпѣніемъ ожидали ²⁾. Дальнѣйшіе успѣхи уніи и видимое содѣйствіе ей со стороны самихъ представителей побудили православныхъ снова повторить свою просьбу патріарху, чтобы онъ поскорѣе прислалъ своего экзарха.

Такимъ экзархомъ явился въ Литву великій протосинкель константинопольской церкви Никифоръ. Православные просили и ожидали этого экзарха съ тѣмъ, чтобы при его участіи созвать соборъ и осудить недостойныхъ пастырей, запятнавшихъ себя дѣломъ Уніи. Патріархъ отправилъ своего экзарха въ званіи „учителя восточной церкви и строителя константинопольскаго престола“, давая тѣмъ понять, что миссія его должна состоять какъ въ охраненіи и защищеніи правой истины, такъ и въ возстановленіи церковнаго порядка. Въ инструкціи патріарха Никифору обязанности его раскрывались такимъ образомъ: „объявляемъ и во имя св. Духа повелѣваемъ, чтобы мудрѣйшій и великій протосинкель, господинъ Никифоръ былъ считаемъ по старшинству выше всѣхъ нашихъ учителей, и какъ протосинкель нашей великой церкви, и законнымъ образомъ назначенный строитель въ епархіи престола константинопольскаго, имѣя полную патріаршескую власть, занималъ бы первое мѣсто и достоинство на всѣхъ собраніяхъ и соборахъ... А какъ начальникъ надъ всѣми учителями восточной церкви, пусть онъ имѣетъ всякую власть, которая дастся св. Духомъ Божиимъ, искушать и испытывать всякое ученіе, мнѣніе и положеніе относительно вѣры и истиннаго богослуженія, и гдѣ бы ни

¹⁾ Там. стр. 112—116.

²⁾ А. З. Р. т. IV. № 149.

пришлось быть помѣстнымъ соборамъ, пусть онъ заботится на нихъ о ученіи и дѣлахъ церковныхъ, и какъ полный представитель всей нашей церкви, пусть судить и повелѣваетъ по обычаямъ и ученію восточной и святой нашей церкви, чтобы въ цѣлости сохраняемы были всѣ святыя преданія. При этомъ наше смиреніе во имя св. Духа возвѣщаемъ и повелѣваемъ, что если бы кто нибудь изъ пресвитеровъ оказался достойнымъ наказанія по законамъ, или уничтожающимъ обычай и ученіе восточной церкви; то сей премудрый Никифоръ имѣетъ полную патріаршую власть лишать такого пресвитера достоинства, а на его мѣсто назначать держащихся преданій вѣры и нашихъ святыхъ ученій, и пусть никто, какого бы онъ званія ни былъ, духовный ли, или свѣтскій, не смѣетъ препятствовать ему въ этомъ подѣ опасеніемъ подвергнуться низверженію и вѣчному проклятію, которое не будетъ разрѣшено Богомъ Вседержителемъ“ ¹⁾).

Съ облеченнымъ такими полномочіями экзархомъ константинопольскаго патріарха Іеремія прибылъ и экзархъ александрійскаго патріарха Мелетія, Кириллъ Лукарьскій. Оба экзарха и составили для православныхъ ту опору, которой имъ не доставало, чтобы начать свои рѣшительныя дѣйствія противъ сторонниковъ уніи. Подѣ руководствомъ и подѣ предсѣдательствомъ этихъ лицъ православные составили въ Брестѣ (1596 г.) свой отдѣльный соборъ ²⁾, на которомъ осудили митрополита, епископовъ, и всѣхъ преданныхъ уніи, объявивъ ихъ низложенными съ своихъ кафедръ ³⁾. Въ противоположность низложенію уніатовъ, Никифоръ окружною грамотою разрѣшилъ всѣхъ, подвергшихся отъ нихъ запрещенію въ священнослуженіи, непринявшихъ Уніи ⁴⁾, и установилъ до избранія новаго

¹⁾ Филалетъ, Апокрисисъ, стр. 129—131. 485—487.

²⁾ О производствѣ засѣданій, дѣйствіяхъ этого собора и присутствовавшихъ на немъ членахъ. см. Кояловичъ, Лит. церк. уніа. т. I. стр. 159—163 прим. 408. 422—424.

³⁾ Вѣст. югов. Росс. 1870 г. к.п. I. стр. 6—7.

⁴⁾ А. З. Р. т. IV. № 107. 108. 109. 111. Вѣст. том. стр. 17—18.

митрополита возносить въ молитвахъ имя патріарха въ знакъ непосредственнаго подчиненія ему православныхъ.

О дѣйствіяхъ брестскаго собора и его опредѣленіяхъ патріаршіе экзархи довели до свѣдѣнія патріаршаго престола. Занимавшій въ то время константинопольскую кафедру, александрійскій патріархъ, Милетій Пигасъ утвердилъ означенныя опредѣленія и въ грамотахъ на имя князя Острожскаго предоставилъ львовскому епископу Гедеону Болобану, какъ „нареченному патріаршему экзарху“ въ православной кievской митрополіи, право поставить новыхъ епископовъ на мѣсто отсутствовавшихъ въ Унію и устроить православный церковный чинъ. Гедеонъ не только не исполнилъ порученія патріарха; напротивъ едва не потерялъ собственной кафедры, вслѣдствіе интригъ противъ него уніатовъ; Никифоръ же коварно былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и сосланъ въ Маріенбургскій замокъ въ заточеніе ¹⁾). Православные остались безъ высшаго іерарха, и патріархъ не могъ помочь имъ своимъ содѣйствіемъ, хотя они испытывали крайнія лишенія не только при отсутствіи высшей іерархіи, но и вообще при недостаткѣ священниковъ. Бывшій въ Россіи (1620 г.), іерусалимскій патріархъ Теофанъ, какъ извѣстно, удовлетворилъ просьбы и желанія православныхъ въ этомъ отношеніи.

Соображая эти факты, необходимо замѣтить, что константинопольскіе патріархи, при всемъ усиліи поддержать свое вліяніе въ западно-русской митрополіи и устроить судьбу ея церкви, не имѣли желательнаго успѣха и какъ бы доказывали тѣмъ, что участіе ихъ въ дѣлахъ этой церкви должно было замѣнено другимъ вліяніемъ, какимъ въ дѣйствительности и было подчиненіе кievской митрополіи московскому патріархату.

¹⁾ А. З. Р. т. IV. № 139. 117.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ послѣдовательномъ рядѣ разсужденій мы исчерпали нашъ предметъ въ обѣихъ его частяхъ и разрѣшили нашу задачу. Съ одной стороны, мы представили: какъ возникло констант. патріаршество и развилась власть констант. патріарха, какими преимуществами была обставлена власть этого іерарха какъ во всей христіанской церкви, такъ и въ собственномъ его патріархатѣ, и какими органами пользовался константинопольскій патріархъ въ управленіи дѣлами своего патріархата. Съ другой—мы разъяснили: какъ образовалась зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, какимъ перемѣнамъ подвергалась она, какъ епархія константинопольскаго патріархата, какими правами пользовался константинопольскій патріархъ надъ русскими митрополитами, какое участіе онъ принималъ въ управленіи русской церкви. Эти вопросы, разъясняя и пополняя одинъ другой, всѣ вмѣстѣ представляютъ послѣдовательное раскрытіе общей темы нашего сочиненія. Признавая съ разъясненіемъ перечисленныхъ вопросовъ нашу задачу исчерпанною, мы находимъ необходимымъ въ заключеніи къ нашему труду, какъ не лишнее дополненіе, присовокупить замѣчаніе о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ прекратилась власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію.

Русская церковь, какъ въ полномъ составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ, хотя и считалась одною изъ митрополій конст. патріарха, въ дѣйствительности никогда не входила въ составъ его патріархата, подобно прочимъ митрополіямъ послѣдняго. Причина этого въ этомъ, что русская церковь съ первыхъ дней и вовсе послѣдующее время своего существованія представляла церковь особаго народа, не входившаго въ предѣлы визан-

тійской імперіи и отдѣльнаго правительства, независимаго отъ правительства Константинополя. Вслѣдствіе сего, какъ власть конст. патріарха надъ русскою церковію, обнаруживаясь въ проявленіяхъ свойственныхъ высшей церковной власти, не могла дѣйствовать съ должною силою и внушительностію; такъ и русская церковь, подчиняясь конст. престолу, могла преслѣдовать собственныя цѣли, несовпадавшія съ интересами послѣдняго. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого было то, что начавшаяся съ основаніемъ русской церкви дарованіемъ ей первыхъ іерарховъ власть конст. патріарха надъ русскою церковію во все время зависимости отъ него послѣдней постепенно какъ бы слабѣла въ своемъ авторитетѣ, съ одной стороны, съ постепеннымъ усиленіемъ русскаго государства, а съ нимъ и—возрастаніемъ русской церкви, съ другой—съ постепеннымъ паденіемъ Византіи, а съ нимъ и—ослабленіемъ авторитета патріаршаго престола. Преобладающимъ направленіемъ въ Россіи, въ періодъ зависимости русской церкви отъ конст. престола, было стремленіе, не разрывая духовнаго общенія съ Византією, поставить отечественную церковь внѣ безусловныхъ вліяній конст. патріарха. Подобное стремленіе первоначально достигло того, что русскіе митрополиты стали избираться въ Россіи, за тѣмъ того, что они начали и поставляться соборомъ русскіхъ іерарховъ. Первое случилось въ то время, когда, по завоеваніи Константинополя латинянами (1204 г.), патріаршій престолъ на время былъ перенесенъ съ материка Европы на материкъ Азіи—въ Никею и, такимъ образомъ, отдалился отъ предѣловъ русской церкви, которую также постигло тяжелое испытаніе—монгольское иго. Послѣднее произошло тогда, когда константинопольскій престолъ, по завоеваніи Константинополя мусульманами (1453 г.), оказался на столько въ стѣснительномъ положеніи, что не могъ, еслибы и желалъ, съ успѣхомъ поддержать свое вліяніе надъ русскою церковію, прибрѣтшею всѣ средства для самостоятельнаго управленія. Послѣдствіемъ этого событія было совершенное освобожденіе русской церкви отъ зависимости констант. патріарха, правильнѣе одной ея по-

ловины—восточно-русской митрополиі. Что касается другой—западно-русской митрополиі, она, отдѣлившись отъ восточной, хотя продолжала оставаться въ зависимости отъ конст. патріарха, но эта зависимость не имѣла всѣхъ признаковъ полной подчиненности. Дѣло въ томъ, что митрополиты ея и избирались и поставлялись въ Литвѣ и не ѣздили въ Царьградъ за благословеніемъ къ патріарху. Исторія представляетъ единственный случай, когда конст. патріархъ, по настоянію султана, рѣшился поставить нѣкоего Спиридона кievскимъ митрополитомъ, котораго, однако, ни король, ни епископы не приняли.

Представляя освобожденіе русской церкви отъ зависимости конст. патріарха дѣйствіемъ политическихъ причинъ, слѣдуетъ прибавить, что оно началось не безъ участія церковныхъ отношеній. Главными изъ этихъ отношеній были: измѣна митрополита Исидора православію и принятіе греческими императоромъ и патріархомъ уни, которую они надѣялись посредствомъ Исидора распространить и въ Россіи. Эти обстоятельства, затруднивъ сношеніе русскихъ съ Константинополемъ, привели ихъ къ мысли поставить русскаго митрополита, на мѣсто бѣжавшаго изъ Россіи Исидора, соборомъ русскихъ іерарховъ. Самостоятельное поставленіе русскаго митрополита могло быть лишь началомъ освобожденія русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, а не его окончаніемъ. И—прежде повторялись подобные случаи, которые, однако, не повели къ освобожденію русской церкви. Слѣдуетъ думать, что и въ настоящій разъ не послѣдовало бы окончательнаго освобожденія русской церкви отъ конст. патріарха, а только установились бы другія отношенія подчиненности. По крайней мѣрѣ вел. князь Василій Васильевичъ, рѣшившійся писать греческому императору Константину Палеологу о поставленіи Іоны русскимъ митрополитомъ на мѣсто Исидора, не заявлялъ мысли объ окончательномъ освобожденіи русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Князь только оправдывалъ поставленіе Іоны соборомъ русскихъ іерарховъ и говорилъ, что „за великую нужду сіе сотворихомъ, а ни киченіемъ, ни дерзостью“. При этомъ князь увѣрялъ

императора, что русскіе до скончанія вѣка останутся въ преданномъ имъ православіи и русская церковь не перестанетъ искать благословенія отъ церкви царяградской и повиноваться ей по древнему благочестію, а равно и митролить русскій просить себѣ благословенія у этой церкви и ищеть союза съ нею „развѣ нынѣшнихъ новояльвшихся разгласій“. Въ заключеніе князь признавалъ за русскою церковію обязанность писать и сноситься о всемъ съ патріархомъ для полученія отъ него благословенія ¹⁾. Основываясь на выраженныхъ въ этой грамотѣ заявленіяхъ вел. князя, нельзя заключать, что въ Россіи дѣйствительно утвердились въ мысли о совершенномъ освобожденіи русской церкви отъ зависимости конст. патріарха; напротивъ слѣдуетъ утверждать, что окончательно сознали только необходимость того, чтобы, не устанавливая автокефальныхъ отношеній русской церкви къ конст. престолу, принять на будущее время практику избранія и поставленія русскаго митрополита соборомъ русскіихъ іерарховъ, безъ предварительнаго сношенія съ конст. патріархомъ, такъ, чтобы новопоставленный уже послѣ получалъ себѣ благословеніе отъ патріарха. Это желаніе и выражено въ грамотѣ вел. князя къ императору. Можно думать, что на этой практикѣ и остановились бы дальнѣйшія отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху и не послѣдовало бы окончательнаго освобожденія первой, если бы паденіе Константинополя не привнесло новыхъ затрудненій въ сношенія Россіи съ Константинополемъ. Такимъ образомъ флорентійская унія и паденіе Царяграда—вотъ тѣ событія, которыя сами собой привели русскую церковь къ свободѣ и независимос-

¹⁾ А. И. т. I. № 41. 262. Грамота эта сохранилась въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ, болѣе краткій, помѣчается 1448г., когда Иона былъ поставленъ митрополитомъ, другой относится къ 1452 г., когда уже прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія. Въ первомъ списокѣ вовсе не упоминается о путешествіи Исидора на флорентійскій соборъ и принятіи имъ уніи; въ послѣднемъ, напротивъ, это обстоятельство раскрывается со всею горечью произведеннаго имъ впечатлѣнія въ Россіи. Это различіе обоехъ списковъ, показывая, что они дѣйствительно были составлены въ разное время, приводитъ къ мысли, что въ Россіи колебались относительно приема: какъ возобновить сношеніе съ Константинополемъ и оправдать свое поведеніе.

ти отъ константинопольскаго патріарха. Стѣсненный въ своемъ положеніи константинопольскій патріархъ не могъ, еслибы и желалъ, заявить протестъ противъ этого освобожденія, а еще болѣе надѣяться на его успѣхъ. Поэтому, вмѣсто всякаго противодействиія, тогдашній патріархъ Геннадій самъ обратился въ Россію съ просьбою о милостынѣ, и просилъ прислать въ Царьградъ великокняжескаго посла. Въ отвѣтъ на это обращеніе патріарха великій князь Василій Васильевичъ дѣйствительно послалъ въ Царьградъ своего посла Ивана Владиміровича съ письмами и милостынею и послѣ два раза, по порученію князя и митрополита, путешествовалъ туда Кирилло-бѣлозерскій игумень Кассіанъ съ порученіемъ „о церковномъ исправленіи“. Результатомъ этихъ посольствъ и путешествій было то, что константинопольскій и прочіе съ нимъ патріархи, принявъ во вниманіе бѣдственное положеніе своей страны и затруднительность для русскихъ обращаться въ Царьградъ по церковнымъ дѣламъ, предоставили русскимъ митрополитамъ особою грамотою право получать рукоположеніе отъ собора русскихъ іерарховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ узаконили, чтобы русскій митрополитъ считался по чести выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занималъ мѣсто въ іерархіи христіанской церкви послѣ іерусалимскаго патріарха ¹⁾. Съ этимъ актомъ русская церковь получила независимость отъ константинопольскаго патріарха, и митрополиты ея, начавъ получать поставленіе отъ собора рус-

¹⁾ Мысль эта въ „извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи“ (Д. къ А. И. т. II. № 76. стр. 189) выражена такимъ образомъ. „Належащія ради нужа греческимъ властямъ отъ нечестивыхъ варваръ, не возмогша рускіи митрополиты въ Костянтинъ градъ поставленія ради святительскаго шествія творити, ниже посланія свободна имѣти; и тако одиюю посланіемъ съ четырьми патріархи согласившися, и по согласію пріама и сіи рускіи митрополити власть отъ греческихъ патріархъ, паче же отъ константинопольскаго, еже не ктому поставленія ради приходити рускіимъ митрополитомъ въ Костянтинъ градъ, по своимъ епископа избранія митрополія творити, и поставлятися, и власть имѣти и другехъ поставляти, яко же и прочимъ четырьемъ патріархомъ. Святительскою же честію судаша патріархи российскому митрополиту предпочитатися паче всѣхъ митрополитъ, и егда случится всея вселенныя соборъ и предсѣданіе имѣти превышшее по іерусалимскомъ патріархѣ“.

скихъ іерарховъ, сдѣлались самостоятельными (αὐτοκέφαλοι) въ управленіи своею церковію съ соборомъ русскихъ іерарховъ.

Освобожденіе западно-русской митрополіи отъ зависимости констант. патріарха, будучи подготовлено разными политическими и церковными обстоятельствами, совершилось спустя лишь слишкомъ два столѣтія ¹⁾. Главнымъ въ ряду этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ признать то, что юго-западная Русь, подчинившись московскому государству въ политическомъ отношеніи, не могла послѣ этого оставаться долгое время въ подчиненіи константинопольскому престолу въ церковномъ; тѣмъ болѣе, что константинопольскіе патріархи, стѣсняемые произволомъ турецкихъ султановъ, не могли оказывать православнымъ желательной поддержки въ борьбѣ ихъ съ уніатами и вслѣдствіе сего теряли въ ихъ глазахъ прежній свой авторитетъ. Рѣшительный поворотъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Гедеономъ Святополкомъ, княземъ Четвертинскимъ, который, будучи избранъ кievскимъ митрополитомъ, изъявилъ желаніе принять архипастырскій жезлъ не отъ кого другаго, какъ отъ московскаго патріарха. Въ этомъ смыслѣ гетманъ Малороссіи Самойловичъ и нареченный митрополитъ Четвертинскій обратились въ Москву съ своими письмами къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и къ патріарху Іоакиму. Гетманъ просилъ царей и патріарха принять новоизбраннаго митрополита въ свое милостивое вниманіе и исходатайствовать у константинопольскаго патріарха согласіе на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. Гедeonъ въ свою очередь изъявлялъ готовность быть въ подданствѣ царямъ и подчиненіи патріарху ²⁾. Въ Москвѣ съ радостію приняли это извѣстіе о подчиненіи кievской митрополіи. Цари и патріархъ написали гетману отвѣтныя письма. Первые извѣщали его, что они сохраняютъ привилегіи кievской митрополіи, но не выражали согласія на одну просьбу, на то, чтобы кievскій митрополитъ и по подчиненіи его московскому патріарху именовался экзархомъ константинопольскаго престола.

¹⁾ Терновскій, О подчин. кievс. митр. москов. патр. стр. 59—87.

²⁾ Арх. югов. Росс. ч. I. т. V. стр. 62—71. 80—83. Гетманъ просилъ по-

Патріархъ съ своей стороны извѣщаль гетмана, что онъ согласенъ возвести и благословить Гедеона на кievскую митрополию, и въ особомъ письмѣ къ Гедеону приглашалъ его прибыть въ Москву для посвященія¹⁾. Гедеонъ отправился туда, и 8 ноября 1685 г. былъ посвященъ митрополитомъ кievскимъ. При своемъ посвященіи Гедеонъ далъ обѣщаніе на полное и всегдашнее церковное повиновеніе московскому патріарху. „И послѣдовати мнѣ, исповѣдывалъ Гедеонъ, во всемъ и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и аще случится, и по немъ благословеніемъ Бо-

средства и заступленія царей на то, „дабы святѣйшій константинопольскій патріархъ поступился ими въ полъ своего начала, по искренней и единоврѣной въ душѣ любви, подъ начало святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи, чрезъ которое бы его благозволненіе, безъ всякаго сумнительства, они могли ему, святѣйшему московскому и всея Россіи архипастырю, отдавати послушаніе. И о томъ покорственнѣ весь причетъ церкви малороссійскія насъ великихъ государей докладываетъ“... Прося царей отправить въ Константинополь скорое посольство съ ходатайствомъ объ этомъ, гетманъ приводилъ слѣдующія на это причины: „для того прежде, чтобы святѣйшій константинопольскій патріархъ удаленіемъ отъ него кievской митрополіи не былъ оскорбленъ; другое, чтобы чрезъ то не издалъ своей клятвы на ту митрополию, то есть на насъ всѣхъ; третіе, чтобы въ польской державѣ обрѣтающіеся благочестія ревнители не пришли въ развращеніе своего благочестія; четвертое, чтобы уняты и папезники, тамо живущіе, не воздвигнули о всей церкви восточной поругательства, и являя свое мнѣніе, что будто нѣкое учинится церквамъ россійской съ греческою раздѣленіе, чрезъ чтобы, чего Боже не дай, своимъ хитрымъ наговоромъ другаго тамъ митрополита православнымъ устроить повелѣли и на то бы и сажкосъ отъ константинопольскаго патріарха возмогли взять, приводя дѣло свое къ тому, чтобы тотъ митрополитъ на развращеніе церкви православной, кievскимъ подписывался, чему всему предварити можно нарочною, чрезъ нѣкоего подлиннаго человѣка къ святѣйшему патріарху вашою великихъ государей посылкою (Там. стр. 67—68. 70). Выстъ съ этимъ гетманъ просилъ царей, чтобы и по подчиненія кievской митрополіи были сохранены преимущества, которыми пользовались ея митрополиты, какъ то: чтобы митрополитъ кievскій считался первымъ въ средѣ всѣхъ прочихъ и сохранилъ право ношенія митры съ крестомъ и преднесеніе креста, чтобы онъ по прежнему пользовался правомъ имѣть въ кievской митрополіи типографію для печатанія книгъ и содержать школы для образованія юношества, чтобы онъ по прежнему избирался вольными голосами, но посвященіе принималъ отъ московскаго патріарха, который бы не вступался въ суды митрополита.

¹⁾ Арх. югоз. Росс. ч. I. т. V. стр. 84—89. 93—101.

жѣимъ будущему святѣйшему патріарху московскому и всея Россіи, и всему преосвященному собору—россійскимъ преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, братіи моеѣ, во всемъ согласну быти и купно чинну по божественнымъ законамъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и любовь духовную вседушно къ нимъ имѣти, и яко братію почитать я... Аще же, еже обѣщано здѣ мною что преступлю, или въ чемъ божественнымъ правиломъ, и чину восточныя православныя церкви, и отцу моему, святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и по немъ будущимъ святѣйшимъ московскимъ и всея Россіи патріархамъ, и всему священному собору явлюся непослушенъ, или противенъ, или отъ него въ особность восхощу отступити и епархію мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ ему, отцу моему святѣйшему патріарху и всему святому собору въ чемъ непослушну сотворю, и тогда абіе лишень буду всего сана своего и власти безъ всякаго извѣта и олова ¹⁾“.

Поставленіемъ Гедеона въ Москвѣ отъ ея патріарха и клятвеннымъ обѣщаніемъ всегдашней покорности перваго послѣднему *de facto* совершилось подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху и—освобожденіе ея отъ власти константинопольскаго патріарха. Оставалось облечь этотъ фактъ въ законную форму и сообщить ему юридическое значеніе. Нужно было исходатайствовать отъ константинопольскаго патріарха формальное согласіе на отчужденіе отъ его власти и подчиненіе московскому патріарху кievской митрополіи. Для сего въ ноябрѣ 1685 г. былъ отправленъ въ Константинополь къ тамошнему патріарху Іакову дьякъ Алексѣевъ съ письмами къ нему отъ московскихъ царей и патріарха Іоакима. Цари и патріархъ, раскрывая бѣдственное положеніе кievской митрополіи, вслѣдствіе отдаленности отъ нея патріарха, и доказывая законность и пользу присоединенія ея къ московскому патріархату, просили патріарха дать на это свое согласіе ²⁾. Въ

¹⁾ Арх. югов. Росс. там. стр. 108—104.

²⁾ Арх. югов. Росс. ч. I. т. V. стр. 112—123.

частности патріархъ Іоакимъ, ходатайствуя объ этомъ, писалъ Іакову: „вѣмы убо, яко вашему блаженству отъ оныя кievскія епархiи прiобрѣтенiя вѣсть, разстоянiемъ же удалѣ, и по пути многихъ варваровъ спона къ вамъ шествiе возбраняеть, сего ради молю тя, не восхищенiя желая, но любовнаго во Христѣ братскаго союза прося, дабы христiаномъ, не токмо сущимъ въ державѣ царскаго величества, но и въ польскомъ владѣнiи вѣры благочестивыя исповѣдникамъ лучшая была польза: благоволи, ради евангельскаго согласiя и исполненiя закона, оной всей кievской епархiи быти подѣ московскимъ росiйскимъ патріаршимъ престоломъ, и въ духовномъ правленiи, по чину святыхъ восточныхъ церкве, отдавати послушанiе, и хиротонисатися митрополитомъ впредѣ на кievскiй престоль отъ насъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ: яко оная епархiя къ намъ въ близости и въ Россiи изначала прiятiя православныя вѣры, бяше оная всеросiйскаго нашего престола“. При этомъ Іоакимъ просилъ патріарха, въ случаѣ и въ знакъ его согласiя, прислать двѣ грамоты: одну ему, другую ко всѣмъ христiанамъ кievской митропополiи, дабы „нами возведенному нынѣ на кievскiй престоль митрополиту повиновенiе вси, яко сынове церковнiи, отдавали и впредѣ митрополиты бы со всѣми своея епархiи епископiями, монастырями, братствы, подсудствовали всеросiйскому патріаршу престолу, безъ всякаго прекословія неотстрочно“ ¹⁾). Посланный съ этими письмами Алексѣевъ, послѣ нѣкоторыхъ затрудненiй ²⁾),

¹⁾ Там. стр. 114—115.

²⁾ Главнымъ затрудненiемъ для Алексѣева былъ іерусалимскiй патріархъ Доснѣей, который первоначально находилъ, что отчужденiе кievской митропополiи отъ власти конст. патріарха и подчиненiе оной московскому противны канонамъ и не оправдываются обстоятельствами, потомъ, когда Алексѣевъ получилъ на это согласiе визиря, тотъ же Доснѣей переѣнилъ свое мнѣнiе и говорилъ Алексѣеву: „я прiискалъ въ правлахъ, что волю всякому архіерею отпустить изъ своей епархiи къ другому архіерею; я буду уговаривать патріарха Діонисiя, чтобы онъ исполнилъ волю царскую, а самъ буду писать великимъ государямъ и къ патріарху Іоакиму, и благословенiе отъ себя подамъ особо, а не вмѣстѣ съ Діонисiемъ“ (Соловьевъ, Истор. Росс. т. XIV. стр. 35. Терновскiй, О подч. кiev, митр. моск. патр. стр. 134—142. Арх. югоз. Росс. т. V. стр. 142—166).

успѣлъ, при посредствѣ визиря, исполнить данное ему порученіе. Прибывшій въ Адрианополь, чтобы получить отъ визиря утверженіе въ патріаршемъ достоинствѣ, новый, заступившій мѣсто Іакова, патріархъ Діонисій, встрѣтившись съ Алексѣевымъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія противъ его ходатайства и обѣщаль во всемъ исполнить желаніе русскихъ царей, какъ только оны, патріархъ, возвратится въ Константинополь и собереть соборъ митрополитовъ. Діонисій въ дѣйствительности исполнилъ обѣщаніе и прислалъ съ русскимъ посломъ и послѣ нѣсколько грамотъ, разрѣшавшихъ подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху, утверждавшихъ права послѣдняго надъ первою, а равно и Гедеоиа въ санѣ кievскаго митрополита, также повелѣвавшихъ признавать его митрополитомъ и повиноваться ему ¹⁾. Въ грамотѣ на имя московскаго патріарха Іоакима съ изъявленіемъ согласія на подчиненіе ему кievской митрополіи патріархъ писалъ: „прошеніе тишайшихъ великихъ царей и самодержцевъ православныхъ московскихъ, сыновъ о Господѣ возлюбленныхъ и превозлюбленныхъ нашей мѣрности, благословное и всякаго благолѣнія и украшенія имущее судила мѣрность наша и приговорили соборно—святый соборъ архіерейскій суцій съ нами—и съ пречесными во Святотъ Духѣ возлюбленными нашими братіями и сослужителями. И да отнынѣ тоя митрополія кievская да будетъ подлежащая къ святому патріаршескому московскому престолу, яко егда прилучится нужда поставленія хотящему быти въ епархіи той—да поставляется отъ патріаршествующаго по временамъ въ богохранимомъ великомъ градѣ Москвѣ, его же еще изберуть пованующіеся той епархіи кievской боголюбезные епископы, честнѣйшіе архимандриты, преподобные игумены честныхъ и святыхъ монастырей, благочестивые и святые и преподобные іеромонахи, преподобные монахи и прочіе начальники и начальствующіе, по содержанию обычая мѣста того, повелѣніемъ иже тамо свѣтлѣйшаго великаго гетмана“. Подчиняя во

¹⁾ См. эти грамоты Арх. югоз. Росс. т. V. стр. 166—191.

всемъ кievскаго митрополита московскому патріарху, Діонисій выговорилъ только одно исключеніе: „егда будетъ митрополитъ кievскій совершати божественную и святую службу въ своей епархіи, да поминаетъ во первыхъ честное имя по временамъ святѣйшаго вселенскаго патріарха, яко отъ него всё управляемы суть, и всякому благу виновну, и подателю сущу въ концахъ вселенныя преславно и чудно; потомъ же имя патріарха московскаго, яко старца своего“. Съ полученіемъ согласія и грамотъ Діонисія и его синода кievская митрополія и de jure подчинилась „московскому и всёхъ сѣверныхъ странъ патріарху“ съ совершеннымъ прекращеніемъ ея зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

ПОГРѢШНОСТИ:

Напечатано:

- Стр. 1 строка 2 πατέρες
 » » прим. 1 Acta... ecclesiae
           t. 1. pag 320.
 » 2 » 1 περὶ ἀρχῶν
           lib. IV. cap. 1.
 » 3 » 2 Hieronim. epist.
           42.
 » » » 3 Gregor. Nazianz
           orat. 19. 42.
 » 8 строк. 23 новыхъ областяхъ
 » » прим. 1 Гэмсъ (Gäms)...
           Gäms t. 1. pag.
           217.
 » » » 2 De primatu papæ
           pag. 101.
 » 13 » 3 (Hær. 69. pag.
           729 с. 3)
 » тамъ же (epist. 68)
 » 18 строк. 18 Гвиди
 » 21 прим. 4 carmen de episco-
           pis 797.

ИСПРАВЛЕНИЯ:

Нужно:

- πατέρων
 Acta... ecclesiae contra Lutheri hæ-
 resim. pag. 1. pag. 320, гдѣ сказано:
 πατριάρχης, ὡς ἀρχὴ ὑπ' αὐτὸν πατέρων.
 Romæ. 1739 г.
 περὶ ἀρχῶν lib. IV. cap. 1. pag. 544. lib.
 1. cap. 5. pag. 159. edit. Migne. t. XI.
 Hieronimi, Opera t. 1. par. 1. epist.
 41 ad Marcellam. pag. 189. n. 3. Ve-
 net. 1766 г.
 Gregorii Nazianzi, Opera-orationes
 XX. pag. 342. XXXII. pag. 525. XLI.
 pag. 675. edit. Billii. Paris. 1630 г.
 ср. Migne t. XXXV. orat. 1. pag. 410.
 t. XXXVI. orat. 42. pag. 485. orat.
 43. pag. 545.
 новыхъ областяхъ.
 Гамсъ (Gams)... Gams... В. II.
 Abth. I. pag. 117. Regensburg. 1864.
 217.
 De primatu papæ cum apparatu.—Ap-
 paratus ad libros de primatu. pag. 131
 —133. Lugd. Batavor. 1645. in 4°,
 (Eriphanii, Opera omnia—Adversus
 Hærases. lib. II. t. II. Hær. 69. pag.
 729. edit. Petavii. Coloniae. 1682).
 (Synesii episcopi cyrenes, Opera omnia
 epist. 67. pag. 210. edit. Petavii. Lu-
 tetiæ. 1612).
 Гвиди.
 carmen ad episcopos 799. apud Mig-
 nem. t. XXXVII. pag. 1224.

- » 35 » 3 Theodor. epist. 68. Theodoretī, Opera t. IV epist. 85. Opera t. IV. edit. edit. Migne post recensionem Sirmondi. Sirmond. t. LXXXIII. pag. 1280.
- » 39 » 2 epist. 130. 1842. epist. 130 ad Procopium constantinopoli præfectum... 1842. ср. Migne t. XXXVII. pag. 225.
- » 42 строк. 1—2 Флорентина. Флорентія.
- » 44 прим. 3 Theodoret Hæres. Theodoretī, Hæreticarum fabularum fab. IV. 12. compendium lib. IV. cap. 12. edit. Migne t. LXXXIII. pag. 433.
- » 47 » 2 Ziegler. Ziegler.
- » 49 » 1 Palladius, vita Palladii episcopi Helenopolitani, De Chrysost. cap. 8— vita S. Johannis Chrysostomi dialogus. 24. pag. 8—24. Lutetiæ. Paris. 1680. in 4°.
- » 50 » 3 Ulman, Gregorius Ullmann, Gregorius von Nazianz, der von Nazian. pag. Theologe. pag. 242. Darmstadt. 1825. 242.
- » 56 прим. Zigler... Zugler. Ziegler... Zieglér.
- » 66 » 1 Gfrörör, Kirchen- Gfrörer, Geschichte der Christl. Kirche geschichte t. II. t. II. Abth. I. pag. 533—535. I. pag. 533.
- » 84 прим. Cedr. 1. 607. Georgii Cedreni, Historiarum compendium t. I. pag. 607. edit. Bonnæ. 1838 г. (и въ другихъ мѣстахъ тоже).
- » 86 прим. Pheoph. Chronog. pag. 175. Theophanis, Chronographia. vol. I. pag. 175. Bonnæ. 1839 (и въ другихъ мѣстахъ тоже).
- » 88 прим. 1 pag. 146—143. pag. 193—196.
- » 90 » 1 (photius (Photius
- » 91 » 3 pag. 109—202. pag. 202—205.
- » 94 » 2 въ гостиницу, въ темницу,
- » 104 строк. 13 κεφαλή κεφαλή
- » 136 прим. 3 cap. 3. cap. 3. pag. 2—6. Lugduni. 1559.
- » 167 строк. 27 въ ряду всѣхъ про- въ государствѣ.
чнхъ.
- » » прим. 2 Anastasius, de vi- Anastasii Bibliothecarii, Historia de vitis Rom. Pontif. vitis Romanorum Pontificium t. I. cap. t. 1. cap. 67. pag. 67. pag. 44. Paris. 1649. ср. Migne, t. CXXVIII. pag. 671. Linea 2.

III

- » » прим. 3 quia ecclesia... cum prius ecclesia... scriberet... lib. scribebat... lib. IV. IV. cap. XI. fol. XX. cap. 37.
- » » » 4 Abth. 1. pag. 52. Abth. 2. pag. 1059. Stuttgart. 1844.
- » 170 прим. 1 (изд. Спб. 1859. изданный въ ученыхъ запискахъ pag. 502). 2 отд. Академіи Наукъ. кн. VI. Спб. 1861 г. pag. 562).
- » » » 3 Labbei, t. VII. pag. 617. Labbei, Sacrosancta concilia t. VI. pag. 600. ср. Дѣянія вселен. собор. въ русскомъ перев. т. 6. стр. 25. Казань. 1871.
- » 171 строк. 1—2 на соборѣ (699 на соборахъ (638—639), собран- г.), собранномъ ныхъ
- » » » 5 и 24 (681 г.) (692 г.)
- » » прим. 2 Labbei, t. VII. pag. 209. Labbei, t. VI. pag. 204. Mansi, t. X. pag. 1000—1001. Hefele, t. III. pag. 157—158.
- » » » 3 Labbei, t. XI. pag. 338. 343. 448. Mansi, t. XVII. pag. 373. 380. 381. 384 etc.
- » 173 » 2 Ibid. t. VIII. pag. 673 и прим. 3. Подробнѣе см. объ этомъ Vaira, De прærogativa œcumenicæ nomenclationis, et potestatis Romani Pontificis a C—politani Præsulibus usurpata. cap. IV—VI. pag. 137—380. Patavii. 1704 г.
- » 178 стр. 7—8 въ предисловіи въ діалогѣ
- » » » 12 послѣ до
- » 178 » 1 Theop. Simoc. præf. hist. Pheophylacti Simocatæ, Historiarum dialogus in præfatione pag. 24. Bonnæ. 1834.
- » 179 » 1 Labbei, t. VIII pag. 673. Labbei, t. VIII. pag. 972. Pichler, t. II. pag. 664.
- » 228 » 2 Palladius, vita Chrisost. cap. 5. Palladii, de vita Chrisostomi dialogus pag. 42—43.
- » 229 прим. народа. клира и священнаго синклита и хри- столюбиваго народа сего богохранимаго и царственнаго города... (Pheophanis, Chronographia. pag. 589—590. Bonnæ.
- » 230 прим. 2 Арсенія монаха Арсенія (Nicephori Gregoræ, Byzantina historia vol. 1. lib. III. cap. 1. pag. 55. Bonnæ 1829 г.

- » 289 » 1 Scholastic. Nomoc. Johannis Antiocheni, Nomocanon.
 » 298 » 2 Chronog. byzant. Chronographie Byzantine. Petersbourg
 t. I. 1845.
 » 359 » 1 т. I. стр. 179— т. III. стр. 179—207.
 207.
 » 360 » 1 стр. 174. стр. 175.
 » 361 » 1 т. VI стр. 271 т. VI. прим. 69 стр. 274—275.
 прим. 69.
 » 363 » 2 направленное про- направленное противъ латинянъ. II.
 тивъ латинянъ. II. С. Р. Л. т. стр. 89)
 » 373 » 1 т. I. т. II.
 » 394 » 3 стр. 115. стр. 116 изд. 1852 г.
 » 395 » 3 стр. 10—11. стр. 11.
 » 396 строк. 17 Гергія Гергія.
 » 397 » 26—27 Филоеѣй Каллисть въ свою очередь
 » 399 » 28—32 на основаніи при- на основаніи приведенныхъ отрыв
 веденнаго отрывка коръ изъ постановленія патриарха Фи-
 изъ письма кон- лоеся и изъ письма Каллиста... па-
 стантинпольска- триархи... склонялись... и съ этою цѣ
 го патриарха Фи- лию послѣдній
 лоеся... патрі-
 архъ... склонял-
 ся... и съ этою
 цѣлію
 » 425 » 3 (9 Денабря) (6 Декабря)
 » » прим. 1 т. III 63 т. V 196. т. V. 197. т. VII. 174.
 » 434 » 2 (т. II стр. 114) (т. II. стр. 115).
 » 448 » 4 стр. 136. 24. стр. 137. 29—30.
 » 449 » 2 стр. 136. 24. стр. 137. 29—30.
 » 450 прим. стр. 30. стр. 29—30.
 » 457 » стр. 22—23. стр. 23—24.
 » » » 1 стр. 101. стр. 179.
 » 459 » 1 и 2 стр. 105. стр. 107.
 » » » 4 стр. 179... т. II. стр. 180—181... т. II. стр. 9 изд.
 стр. 9. 1857 г. ср. т. II. стр. 16—19 изд.
 1868 г.
 » 462 » стр. 29—30. стр. 29—31.
 » 478 » 3 стр. 122. стр. 121—122.
 « 1 стр. 167. стр. 166—167.

> 487 >	2 т. VI. стр. 218—	т. IV. стр. 219—220.
	219.	
> 500 >	1 стр. 185.	стр. 165. 253.
> 504 стр. 13.21	патріархъ... па-	патріархъ Каллисть... патріарха
	тріарха.	Каллиста
> > >	25—26 патріарха	уже патріарха Филоея
> 516 прим.	3 стр. 58.	стр. 54.
> > >	4 там. 81.	тамъ же 80—81.
> 517 >	1 Новг. лѣт. 1.	П. С. Р. Л. т. III.
> 521 >	2. 94.	стр. 91. 94.
> 522 >	4 стр. 92.	стр. 91.
> > >	5 «безъ исправы»	«безъ исправы» (П. С. Р. Л. т. V.
		стр. 243. т. VIII. стр. 49).
> 523 >	3. 61.	стр. 60—61.
> 528 >	3 стр. 15.	стр. 15. П. С. Р. Л. т. III. стр. 97.
> 536 >	3 стр. 350... Пахо-	стр. 359... Максима
	мія.	
> 540 строк.	9 патріархъ Фоло-	патріархи Филоея и Антоній.
	ея	
> 545 >	31 Мелентій	Мелетій
> 556 прим.	2 стр. 69—72.	стр. 72—74.

Лѣтописи по Лаврентіевскому и по Ипатскому спискамъ цитованы по изданію Археографической комиссіи—первая 1872 послѣдняя 1871 гг. Исторія государства Россійскаго Карамзина—по изданію Эйнерлинга. 1842—1843 гг. Исторія Россіи Соловьева т. I по 3-му изданію 1857, т. II—IV по 2-му изданію 1856—1857 г. Исторія Русской церкви преосв. Филарета т. I (т. е. періодъ первый) по изданію 1849. т. II (т. е. періодъ второй) по изданію 1852 и т. III (т. е. періодъ третій) по изданію 1857 г. Исторія христіанства въ Россіи до Владимира и Исторія Русской церкви т. I. II и III. преосвящ. Макарія по изданію 1868 г.

ПОГРВШНОСТИ:

Напечатано:

- Стр. 1 строка 2 πατέρες
 » » прим. 1 Acta... ecclesiae
           t. 1. pag 320.
 » 2 » 1 περί ἀρχῶν
           lib. IV. cap. 1.
 » 3 » 2 Hieronim. epist.
           42.
 » » » 3 Gregor. Nazianz
           orat. 19. 42.
 » 8 строк. 23 новыхъ областяхъ
 » » прим. 1 Гѣмсъ (Gäms)...
           Gäms t. 1. pag.
           217.
 » » » 2 De primatu papæ
           pag. 101.
 » 13 » 3 (Нѣг. 69. pag.
           729 с. 3)
 » тамъ же (epist. 68)
 » 18 строк. 18 Гвиди
 » 21 прим. 4 carmen de episco-
           pis 797.

ИСПРАВЛЕНІЯ:

Нужно:

- πατέρων
 Acta... ecclesiae contra Lutheri hæ-
 resim. par. 1. pag. 320, гдѣ сказано:
 πατριάρχης, ὡς ἀρχὴ ὑπ' αὐτῶν πατέρων.
 Romæ. 1739 г.
 περί ἀρχῶν lib. IV. cap. 1. pag. 544. lib.
 1. cap. 5. pag. 159. edit. Migne. t. XI.
 Hieronimi, Opera t. 1. par. 1. epist.
 41 ad Marcellam. pag. 189. n. 3. Ve-
 net. 1766 г.
 Gregorii Nazianzi, Opera orationes
 XX. pag. 342. XXXII. pag. 525. XLI.
 pag. 675. edit. Billii. Paris. 1630 г.
 ep. Migne t. XXXV. orat. 1. pag. 410.
 t. XXXVI. orat. 42. pag. 485. orat.
 43. pag. 545.
 новыхъ областяхъ.
 Гемсъ (Gams)... Gams... В. II.
 Abth. I. pag. 117. Regensburg. 1864.
 De primatu papæ cum apparatu.—Ap-
 parutus ad libros de primatu. pag. 131
 —133. Lugd. Batavor. 1645. in 4°,
 (Eriphanii, Opera omnia—Adversus
 Hærases. lib. II. t. II. Нѣг. 69. pag.
 729. edit. Petavii. Coloniae. 1682).
 (Synesii episcopi cyrenes, Opera omnia
 epist. 67. pag. 210. edit. Petavii. Lu-
 tetiæ. 1612).
 Гвиди.
 carmen ad episcopos 799. apud Mig-
 nem. t. XXXVII. pag. 1224.

- » 35 » 3 Theodor. epist. 68. Theodreti, Opera t. IV epist. 85.
Opera t. IV. edit. edit. Migne post recensionem Sirmondi.
Sirmond. t. LXXXIII. pag. 1280.
- » 39 » 2 epist. 130. 1842. epist. 130 ad. Procopium constanti-
nopoli præfectum... 1842. cp. Migne
t. XXXVII. pag. 225.
- » 42 строк. 1—2 Флорентина. Флорентія:
- » 44 прим. 3 Theodoret Hæres. Theodreti, Hæreticarum fabularum
fab. IV. 12. compendium lib. IV. cap. 12. edit. Migne
t. LXXXIII. pag. 433.
- » 47 » 2 Ziegler. Ziegler.
- » 49 » 1 Palladius, vita Palladii episcopi Helenopolitani, De
Chrysost. cap. 8— vita S. Johannis Chrysostomi dialogus.
24. pag. 8—24. Lutetiæ Paris. 1680. in 4°.
- » 50 » 3 Ulman, Gregorius Ullmann, Gregorius von Nazianz, der
von Nazian. pag. Theologe. pag. 242. Darmstadt. 1825.
242.
- » 56 прим. Ziegler... Zugler. Ziegler... Zieglér.
- » 66 » 1 Gfrörör, Kirchen- Gfrörer, Geschichte der Christl. Kirche
geschichte t. II. t. II. Abth. I. pag. 533—535.
I. pag. 533.
- » 84 прим. Cedr. 1. 607. Georgii Cedreni, Historiarum com-
pendium t. I. pag. 607. edit. Bonnæ.
1838 г. (и въ другихъ мѣстахъ тоже).
- » 86 прим. Pheoph. Chronog. pag. Theophanis, Chronographia. vol. I.
175. pag. 175. Bonnæ. 1839 (и въ другихъ
мѣстахъ тоже).
- » 88 прим. 1 pag. 146—143. pag. 193—196.
- » 90 » 1 (photius) (Photius
- » 91 » 3 pag. 109—202. pag. 202—205.
- » 94 » 2 въ гостиницу, въ темницу,
- » 104 строк. 13 κεφαλή κεφαλή
- » 136. прим. 3 cap. 3. cap. 3. pag. 2—6. Lugduni. 1559.
- » 167 строк. 27 въ ряду всѣхъ про- въ государствѣ.
чидъ.
- » » прим. 2 Anastasius, de vi- Anastasii Bibliothecarii, Historia de
tis Rom. Pontif. vitis Romanorum Pontificum t. I. cap.
t. 1. cap. 67, pag. 67. pag. 44. Paris. 1649. cp. Migne,
237. t. CXXXVIII. pag. 671. Linea 2.

- » » прим. 3 quia ecclesia... cum prius ecclesia... scriberet... lib. scribebat... lib. IV. IV. cap. XI. fol. XX. cap. 37.
- » » » 4 Abth. 1. pag. 52. Abth. 2. pag. 1059. Stuttgart. 1844.
- » 170 прим. 1 (изд. Спб. 1859. изданный въ уч.ныхъ запискахъ pag. 502). 2 отд. Академии Наукъ. кн. VI. Спб. 1861 г. pag. 562).
- » » » 3 Labbei, t. VII. pag. 617.. Labbei, Sacrosancta concilia t. VI. pag. 600. ср. Дѣянiя вселен. собор. въ русскомъ перев. т. 6. стр. 25. Казань. 1871.
- » 171 строк. 1—2 на соборѣ (699 на соборахъ (638—639), собран- г.), собранномъ ныхъ
- » » » 5 и 24 (681 г.) (692 г.)
- » » прим. 2 Labbei, t. VII. pag. 209. Labbei, t. VI. pag. 204. Mansi, t. X. pag. 1000—1001. Hefele, t. III. pag. 157—158.
- » » » 3 Labbei, t. XI. pag. 338. 343. 448. Mansi, t. XVII. pag. 373. 380. 381. 384 etc.
- » 173 » 2 Ibid. t. VIII. pag. 673 и прим. 3. Подробнѣе см. объ этомъ Vaira, De praeogativa oecumenicae nomenclationis, Labbei, t. IX. pag. et potestatis Romani Pontificis a C—politianis Praesulibus usurpata. cap. IV—VI. pag. 137—380. Patavii. 1704 г.
- » 178 стр. 7—8 въ предисловіи въ діалогѣ.
- » » » 12 послѣ до
- » 178 » 1 Theop. Simoc. praef. hist. Pheophylacti Simocatae, Historiarum dialogus in praefatione pag. 24. Bonnæ. 1834.
- » 179 » 1 Labbei, t. VIII pag. 673. Labbei, t. VIII. pag. 972. Pichler, t. II. pag. 664.
- » 228 » 2 Palladius, vita Chrisost. cap. 5. Palladii, de vita Chrisostomi dialogus pag. 42—43.
- » 229 прим. народа. клира и священнаго синклита и хри- столубиваго народа сего богохранимаго и царственнаго города... (Pheophanis, Chronographia. pag. 589—590. Bonnæ.
- » 230 прим. 2 Арсенiя монаха Арсенiя (Nicephori Grego- rae, Byzantina historia vol. 1. lib. III. cap. 1. pag. 55. Bonnæ 1829 г.

COLUMBIA UNIVERSITY

0035546450

947.03

B 286

φ 872721φ

08727210

947.03
B286 C1

РУССКОЮ СЕРКОВИЮ

BRITTLE DO JT
PHOTOCOPY

